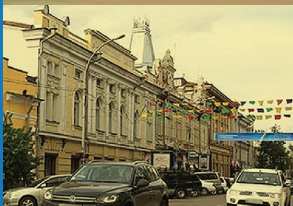
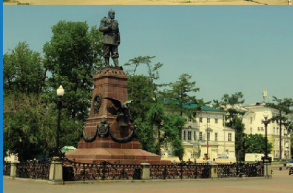

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ
СДВИГИ В РАЗВИТИИ
СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ ПО ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ
АДМИНИСТРАЦИЯ Г. ИРКУТСКА
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт социальных технологий
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра социологии
ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт социальных наук
Социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций
ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ПРИ ГУ МВД РОССИИ ПО ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Цивилизационные сдвиги в развитии современного города

Сборник научных трудов

УДК 316.334.56
ББК С55.661
Ц86

*Сборник научных трудов подготовлен в рамках мероприятий ИГУ,
посвященных 360-летию города Иркутска*

Научный редактор

доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных

Члены редакционной коллегии:

Антонова Н. Л., Грошева Н. Б., Данилов А. Н., Иванова И. В., Кривошеев В. В.,
Курганская В. Д., Лесниковская Е. В., Лещенко Я. А., Орлова В. В., Осьмук Л. А.,
Подсолонко В. А., Прохоренко Ю. И., Пугач В. Ф., Решетников В. А., Саблина Н. А.,
Скалабан И. А., Смирнова Н. Г., Толвайшис Л. Л., Хайруллина Н. Г., Цветкова И. В.,
Шинкевич В. Е., Шпрах В. В.

Ц86

Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сборник научных трудов / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред.: Т. И. Грабельных]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – 461 с. <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1933-6>.2021.1-461

ISBN 978-5-9624-1933-6

Материалы отражают проблемы и основные направления развития современного города как уникальной социальной системы, трансформацию городских пространств в аспекте цивилизационных достижений и сдвигов. Авторами анализируются особенности реализации стратегий развития современных российских городов и качество жизни горожан. Методологические и практико-ориентированные подходы в изучении цивилизационных достижений городов были апробированы на Второй международной научно-практической конференции «Цивилизационные сдвиги в пространстве города: традиции и проектирование будущего», посвященной 360-летию города Иркутска (г. Иркутск, 27–28 мая 2021 г.). Внимание авторов акцентируется на важной роли современных городов на новом этапе цивилизационно-цифрового развития, предпосылках и факторах трансформационных изменений городских пространств в условиях глобальных и локальных вызовов, усилении общесистемных и внесистемных взаимосвязей городов в региональном пространстве. Особое внимание фокусируется на культуре города Иркутска, его исторических и общественно-государственно-бизнес коммуникациях в Сибирском регионе, с другими российскими регионами, а также роли органов государственной и муниципальной власти в содействии социально-экономическому и социально-демографическому развитию регионов Сибири и Дальнего Востока. В издании представлен широкий спектр социологических, философских, экономических и других подходов и дискурсивных технологий, отражающих как позитивные сдвиги, так и социальные противоречия в конструировании социальных пространств современных городов.

Предназначено для научно-образовательного сообщества, ведущих субъектов городского и регионального развития, представителей органов власти, бизнеса и общественности, а также для всех, кто интересуется динамикой цивилизационного развития городов и регионов России и мира в период вхождения в цифровую эпоху.

УДК 316.334.56
ББК С55.661

ISBN 978-5-9624-1933-6

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2021

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
IRKUTSK REGION TERRITORIAL DEPARTMENT OF FEDERAL STATISTICS AGENCY
IRKUTSK CITY ADMINISTRATION
NOVOSIBIRSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY
Institute of social technologies
BELARUSSIAN STATE UNIVERSITY
Sociology Department
IRKUTSK STATE UNIVERSITY
Institute of Social Sciences
Sociological laboratory of regional problems and innovations
PUBLIC COUNCIL OF THE IRKUTSK REGION DEPARTMENT OF THE MINISTRY
OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA
CIVIC CHAMBER OF IRKUTSK REGION

Civilizational Shifts in a Modern City Development

Collection of papers

*This collection of papers has been prepared in the framework of events
dedicated to the 360th anniversary of Irkutsk*

Scientific editor

Doctor of Sociology, full professor T. I. Grabelnykh

Editorial board:

Antonova N.L., Grosheva N.B., Danilov A.N., Ivanova I.V., Krivosheev V.V.,
Kurganskaya V.D., Lesnikovskaya E. V., Leschshenko Ya.A, Orlova V.V., Osmuk L.A.,
Podsolonko V. A., Prokhorenko Yu.I., Pugach V.F., Reshetnikov V. A., Sablina N. A.,
Skalaban I.A., Smirnova N.G., Tolvayshis L.L., Khayrullina N.G., Tsvetkova I. V.,
Shinkevich V.E., Shprakh V.V.

Civilizational shifts in a modern city development: Collection of papers. Ed. by
T.I. Grabelnykh. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 2021, 461 p.
<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1933-6>

ISBN 978-5-9624-1933-6

The works presented cover the problems and the main directions of the development of a modern city as a unique social system, the transformation of urban spaces in the aspect of civilizational achievements and shifts. The authors of the works analyze the peculiarities of the employment of the strategies of the development of modern Russian cities and the quality of citizens' life. The methodological and practical approaches to studying civilizational achievements of cities have been approved at the Second international research-to-practice conference "Civilizational shifts in the city space: traditions and designing the future", dedicated to the 360th anniversary of Irkutsk (Irkutsk, 27–28 May 2021). The authors focus on the crucial role of modern cities at the modern stage of civilizational-digital development, the preconditions and factors of transformational changes of urban spaces under the conditions of global and local challenges, the strengthening of system and off-system interrelations of cities and towns in regional space. Special attention is paid to the culture of the city of Irkutsk, its historical and community-state-business communications in Siberian region, with other Russian regions, and to the role of federal and municipal authorities in the support of socio-economic and socio-demographic development of the regions of Siberia and the Far East. The collection of works presents a wide range of sociological, philosophical, economic and other approaches and discursive technologies, which reflect both positive shifts and social contradictions in the construction of social spaces of modern cities.

The collection of works is aimed at the academic community, the leading subjects of urban and regional development, representatives of government, business and civic society as well as anyone interested in the dynamics of civilizational development of cities and region of Russia and the world in the period of entering digital era.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ	14
ПРЕДИСЛОВИЕ	17

РАЗДЕЛ 1. ГОРОД КАК УНИКАЛЬНАЯ СИСТЕМА В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ РАЗВИТИИ

Данилов А. Н. Историческая память в культуре современного города	24
Грabelных Т. И. Динамика цивилизационных сдвигов и разломов в больших и малых социальных пространствах современных городов	29
Прохоренко Ю. И. Пространство города: онтологические основания классификации	32
Решетников В. А. Цивилизационный аспект Второй мировой войны	39
Толвайшис Л. Л. Современная монументальная живопись в городских публичных пространствах Сербии: социальное творчество, управление и ресурс культурного развития города	44
Курганская В. Д. Внутренняя миграция в контексте межэтнического взаимодействия в Республике Казахстан	49
Лебедкина Н. С., Орлова В. В. Межрегиональная миграция молодежи Российской Федерации на основе данных социальной сети «ВКонтакте»	55
Кривошеев В. В., Лебедева Е. А. Городская молодежь российского эксклава: критическое настроение, желание перемен (итоги одного социологического исследования)	61
Смирнов А. Е. Город: феномен сообщества	64
Пугач В. Ф. Аспиранты и социокультурное пространство города	68
Москвитина Н. В. Эволюция экосистемы города	75
Иванов Р. В. Направления цивилизационных сдвигов и цивилизационный разлом на территории моногородов Восточной Сибири	78
Попова М. В. Миграция из города в село	80
Орлова И. В. Положение молодежи на рынке труда: первые социально-ориентированные мероприятия советской власти по снижению молодежной безработицы в сибирских городах	84
Лебедева Е. В. Новейшая история постсоветских городов: предпосылки и факторы становления	88
Павлова С. А. Анализ факторов конкурентности рыночной среды в современном городском экономическом пространстве	92
Удалых С. К. Городское жилищное строительство: проблемы создания производственной базы	95
Попов М. Ю. Ганзейский союз городов как фактор средневековой глобализации и урбанизации	102
Кузьмина Е. С. К вопросу о методологии исследования городов и городских пространств	106

РАЗДЕЛ 2. РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Скалабан И. А. Оборонительные сообщества в городских конфликтах. Становление концепции	109
Осьмук Л. А. Групповая идентичность городских оборонительных сообществ	115

Кобяк О. В., Андрос И. А. Освоение новых технологий как предпосылка повышения уровня профессиональной конкурентоспособности и улучшения качества жизни горожан	120
Деренко Н. В. Новые информационно-коммуникационные инструменты в креативных проектах по развитию городской среды	126
Антонова Н. Л. Готовность молодежи к преобразованию городского пространства: мотивация и барьеры	131
Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Лесниковская Е. В. Социальный мир города и социальный мир университета: пространственная парадигма в изучении идентичностей	134
Цветкова И. В. Оценка социальных функций университета горожанами (на основе эмпирического исследования в Тольятти).....	138
Журавлева И. А. Университет в городской среде.....	145
Малых С. В. Имидж университета в городском сообществе.....	147
Лобанов Ю. С., Сергеева З. Н. Медийное пространство городского конфликта	149
Шинкевич В. Е. Проблема экстремизма в молодежной среде в условиях современного городского социума и основные направления противодействия и профилактики	156
Левченко И. Е. Суициды в городской среде (историко-социологический экскурс)	161
Хайруллина Н. Г. Межнациональная дистанция: оценки молодежи	167
Кузьмина О. М. Человеческие ресурсы как значимый фактор стратегии развития туристического города	171
Трошкина И. Н. Динамика удельного веса городского и сельского населения Хакасии	175
Полощкевич О. А. Трансформация публичного пространства в городской среде после пандемии	177
Скуденков В. А. Психогеография публичного пространства в условиях постпандемического общества	180
Мальшикина Д. А. Международный опыт участия населения в формировании комфортной городской среды	183
Пружинин А. Н. Воспроизводство человеческого капитала бизнес-структур в городской среде	185
Маслодудова Н. В. Потребность человека в одиночестве как феномен современного общества.....	188
Ардашев Р. Г. Городское сознание как показатель эфемерности	193
Кобызь Т. Н. Проблема подросткового вандализма на улицах большого города	197
Савицкая Ю. П. Религиозные ценности городской молодежи (результаты социологического исследования)	203
Маркова Е. А., Гуринович Л. А. Границы расширения процесса непрерывного образования в контексте исследования теории социального образования и воспитания молодежи	206
Ружников М. С. О возможностях ИКТ-насыщенной информационно-образовательной среды при подготовке студентов вуза к деловому общению	209
Чернышева Е. В. Системный подход при исследовании современных некоммерческих организаций региона	212

РАЗДЕЛ 3. ИРКУТСК, СИБИРЬ, РОССИЯ:
ТРАДИЦИИ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

Иванова И. В., Овсянникова И. И. Демография Иркутска: история и современность.....	215
Лещенко Я. А. Факторы, проблемы урбанизации России и Сибири	221
Сигачева Е. Г., Паршина В. Э. Влияние пандемии на экономику города Иркутска	227
Рудакова Н. В. Анализ обеспеченности населения муниципального образования «город Иркутск» Иркутской области учреждениями культуры	232
Сапранкова Т. А. Ценностные ожидания поколений Y и Z, выходящих на рынок труда Иркутска.....	237

Смирнова Н. Г., Усольцев Ю. К. Больнице Академгородка – 55 лет!	245
Башкуева Е. Ю. Пандемия COVID-19 в городе Улан-Удэ: анализ работы системы здравоохранения	247
Смирнова Н. Г., Капустенская Ж. И., Зайка А. А. Медицинская реабилитация пациентов в Больнице ИНЦ СО РАН	250
Крюкова Т. А., Сологуб К. В. Территориальное общественное самоуправление (ТОС) как форма развития общественной активности жителей города Иркутска	252
Грабельных П. И. Общественные инициативы как ценность и их значение в обществе	259
Мельникова Е. И. Икона «Божия Матерь Абалака “Знамение”»: к вопросу об описи собственного имущества 1818 г. священника Бачатского села Кузнецкого духовного правления Синкина Василия Львовича (по материалам фонда Гобольской Духовной Консистории)	261
Разумова К. М. Роль театра в социокультурном развитии современного города в условиях пандемии (на примере г. Иркутска)	267
Качан М. К. Театральная жизнь города Иркутска: вчера и сегодня	270
Перваго Г. К. Анализ кадрового обеспечения учреждений сферы культуры и искусства города Иркутска	272
Мернинова В. Н., Гладкова Т. В. Основные показатели качества жизни, характеризующие состояние цивилизованного общества	278
Решетникова Е. В., Сосоров С. С., Грицких Н. В. Роль национальных традиций в инкультурации и социализации сельской молодежи в городских условиях	284

РАЗДЕЛ 4. РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ
ВЛАСТИ В СОДЕЙСТВИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ
И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ РЕГИОНОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Какаулин С. П. Особенности развития креативной индустрии на старых промплощадках городов Иркутской области	286
Подолошко В. А. Императивы мультипликативного кластерного развития рекреационных территорий	291
Струглин Г. В. Специфика совместного решения актуальных проблем безопасности властью и населением в условиях информационного общества в аспекте формирования общественного мнения о деятельности ОВД	299
Богданович И. О., Болтенков И. А., Тверитинов А. А. Трансформация управления туристическим потоком в Иркутской области	301
Заварзина Ю. В. Социальные последствия и угрозы кластеризации туристической сферы Иркутской области	305
Супрунова Е. П. Развитие городов Дальнего Востока в условиях модернизации начала XX века	316
Фереферов Н. А., Фань Сюецяо, Грошева Н. Б. Управление компетенциями персонала в новой экономике	324
Андриянова Т. В., Цыбина В. В. Управленческие перспективы оценки инвестиционного потенциала городских территорий Курской области	326
Гольцова Е. В. Человекообразность городской среды: демографический аспект	329
Анчутина А. Е. Миграционные процессы и механизмы их регулирования в России (на примере Сибирского региона)	333
Ткачева Н. Г. Трансформация рынка региональных печатных СМИ: проблемы и перспективы	336
Малых М. М. Социальная реклама на телевидении как способ донесения информации от органов муниципальной власти населению города	342
Зайковская А. А., Либенсон И. Р. Кредит и банки: от потребительского формата к созидательному	344

РАЗДЕЛ 5. СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД, ГОРОДСКИЕ ПРОСТРАНСТВА,
ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ

Анохина А. А. Научный потенциал российской молодежи как стратегический ресурс города (на примере г. Иркутска).....	351
Ахмадышина Н. В. «Вынужденная самоизоляция» как вызов сибирской ментальности (на примере городов Сибирского региона).....	357
Балтабаев Р. К. Новые образы российских городов в эпоху глобализации и цифровизации.....	361
Беденко В. А. Потенциал культурного наследия в перспективах городского развития на примере г. Иркутска.....	363
Болдырева А. И. Специфика профилактики правонарушений подростков в Иркутской области.....	365
Бухарова Е. А., Ершов П. А., Решетникова Е. В. Профессиональное выгорание педагогов сферы дополнительного профессионального образования как социальная проблема современного общества.....	368
Волкова Р. С. Особенности формирования культуры «Умного города».....	370
Гончарова Д. А. Общественные пространства нового формата как место притяжения горожан.....	373
Грицких К. Е. Технологии идентификации населения как средство контроля и управления общественными потоками в крупном российском городе на примере г. Иркутска.....	377
Дашцыренова Ю. А. Психологическое здоровье как важный индикатор состояния современного общества.....	379
Задорин А. С. Развитие городов: исторический и теоретический аспект проблемы.....	383
Зацепин А. Л. Стратегия социального развития города Саянска.....	387
Каблукова В. Е. Ценности и одиночество в современном городе: некоторые аспекты взаимосвязи.....	390
Кирпиченко П. В. Образ жизни современной городской семьи.....	391
Киселева Е. Е. Элитное жилье в г. Иркутске как индикатор социально-экономического неравенства жителей города.....	393
Коган Е. А. Цифровизация как фактор трансформации городских пространств.....	395
Козинова А. С. Городской продовольственный переворот: новые отношения с едой и изменение моделей повседневного поведения.....	400
Кондрашова Н. С., Литвиненко К. С., Ружников М. С. К вопросу о возможностях применения AR/VR-технологий для развития родительских компетенций у будущих родителей (в первый год жизни ребенка).....	402
Коновалова Е. В. Перспективы развития региональной социальной инфраструктуры: социально-демографический аспект.....	405
Линейцева А. А. Культурная жизнь современного города: некоторые аспекты развития городской культуры в онлайн- и офлайн-форматах.....	408
Матафонова Е. М. История города – острога Иркутска: от основания до нашего времени.....	410
Михайлина А. В., Кобрина С. А. Развитие городов в разные эпохи: факторы и закономерности урбанизации.....	412
Павлюк М. А. Мониторинг, диагностика и управление интернет-рисками, провоцирующими социально опасные явления: инновационный аспект.....	413
Попова А. А. Психологические особенности подростков: применение медиативных технологий в работе с несовершеннолетними правонарушителями в Иркутской области.....	417
Рудева А. В. Городской образ жизни в социологической перспективе.....	420
Рыбак Н. С. Цифровизация городского пространства как показатель развития современного города и его культуры.....	422
Савилова К. А. Роль молодежи в развитии городского пространства.....	424

Сафонов С. А. Технология общественно-государственного партнерства как фактор модернизации региона: инновационный проект	427
Себекин В. П. Город и власть: старые и новые «режимы» в условиях пандемии	434
Силिवеев И. М. Представления горожан об антикризисном управлении	436
Труфанов А. В. Роль территориально общественных самоуправлений в жизни городов	440
Фирсова Н. В. Цифровизация бизнес-среды как фактор трансформации городских пространств	443
Чурсина Е. А. Гражданское общество в контексте развития современного города	445
Щепина Е. Д. Бренд как информационно-коммуникационная технология взаимодействия города с внешней средой (на примере города Иркутска)	447
Эрдыничева М. Д., Латышева Д. Г. Коррупция в городе: причины возникновения и распространения	449
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	453

TABLE OF CONTENTS

GREETING TO THE CONFERENCE PARTICIPANTS	14
PREFACE	17

CHAPTER 1. CITY AS A UNIQUE SYSTEM IN CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT

Danilov A. N. Historical memory in the culture of a modern city	24
Grabelnykh T. I. Dynamics of civilization shifts and failures in large and small social spaces of modern cities	29
Prokorenko Yu. I. City space: ontological grounds of classification	32
Reshetnikov V. A. Civilization aspect of the Second world war	39
Tolvaišis L. Contemporary street art in urban public spaces of Serbia: social creativity, governance and resource for the cultural development of the city	44
Kurganskaya V. D. Internal migration in the context of interethnic interaction in the Republic of Kazakhstan	49
Lebedkina N. S., Orlova V. V. Interregional migration of youth of the Russian Federation based on data of the VKontakte social network	55
Krivosheev V. V., Lebedeva E. A. Urban youth of the Russian exclave: critical mood, desire for change (the results of one sociological study)	61
Smirnov A. Ye. City: a community phenomenon	64
Pugach V. F. Graduates and sociocultural space of the city	68
Moskvitina N. V. Evolution of the city's ecosystem	75
Ivanov R. V. Directions of civilizational shifts and civilizational rift in the territory of single-industry towns of Eastern Siberia	78
Popova M. V. Migration from city to village	80
Orlova I. V. The position of youth in the labor market: the first socially-oriented measures of the soviet power to reduce youth unemployment in siberian cities	84
Lebedeva E. V. The newest history of post-soviet cities: preconditions and factors of formation	88
Pavlova S. A. Analysis of the factors of competitiveness of the market environment in the modern urban economic space	92
Udalykh S. K. Urban housing construction: problems of creating a production base	95
Popov M. Yu. Hanseatic league of cities as a factor of medieval globalization and urbanization	102
Kuzmina E. S. To a question about the research methodology of cities and urban spaces	106

CHAPTER 2. THE DEVELOPMENT OF A MODERN CITY AND THE TRANSFORMATION OF URBAN SPACES

Skalaban I. A. Defensive communities in urban conflicts. Formation of the concept	109
Osmuk L. A. Group identity of urban defensive communities	115
Kabiak A. V., Andras I. A. Learning to use new technologies as a prerequisite condition for increasing the level of professional competitiveness and improving the quality of life of citizens	120
Derenko N. V. New information and communication tools in creative projects for the development of the urban environment	126
Antonova N. L. Youth' readiness to transform urban space: motivation and barriers	131
Grabelnykh T. I., Sablina N. A., Lesnikovskaya E. V. Social world of the city and social world of the university: spatial paradigm in the study of identities	134

Tsvetkova I. V. Assessment of the social functions of the university by citizens (based on an empirical study in Tolyatti).....	138
Zhuravleva I. A. University in an urban environment.....	145
Malykh S. V. Image of the university in the urban community.....	147
Lobanov Yu. S., Sergeeva Z. N. The media space of urban conflict.....	149
Shinkevich V. Y. The problem of extremism among the youth in the context of modern urban environment and the main directions of counteraction and prevention.....	156
Levchenko I. E. Suicides in the urban environment (historical and sociological excursion).....	161
Khairullina N. G. International distance: youth assessments.....	167
Kuzmina O. M. Human resources as a significant factor in the development strategy of tourism cities.....	171
Troshkina I. N. Dynamics of the share of the urban and rural population of Khakassia.....	175
Polyushkevich O. A. Transformation of public space in the urban environment after the pandemic.....	177
Skudnov V. A. Psychogeography of public space in a post-pandemic society.....	180
Malyshkina D. A. International experience of population participation in the formation of a comfortable urban environment.....	183
Pruzhinin A. N. Reproduction of human capital of business structures in the urban environment.....	185
Maslodudova N. V. Human need for loneliness as a phenomenon of modern society.....	188
Ardashev R. G. Urban consciousness as an indicator of ephemerality.....	193
Kobiz T. N. The problems of teenage vandalism on the streets of a big city.....	197
Savitskaya Yu. P. Religious values of urban youth (results of a sociological study).....	203
Markova E. A., Gurinovich L. A. The limits of expanding the process of continuing education in the context of the study of the theory of social education and youth education.....	206
Ruzhnikov M. S. On the possibilities of an ICT-saturated information and educational environment in preparing university students for business communication.....	209
Chernysheva E. V. Systems approach in the study of modern non-profit organizations in the region.....	212

CHAPTER 3. IRKUTSK, SIBERIA, RUSSIA:
TRADITIONS AND DESIGNING THE FUTURE

Ivanova I. V., Ovsyannikova I. I. Demography of Irkutsk: history and modernity.....	215
Leshchenko Ya. A. Factors, problems of urbanization in Russia and Siberia.....	221
Sigacheva E. G., Parshina V. E. Influence of the pandemic on the economy of the city of Irkutsk.....	227
Rudakova N. V. Analysis of the provision of the population of the municipal formation “city of Irkutsk” of the Irkutsk Region with cultural institutions.....	232
Saprankova T. A. Value expectations of Y and Z generations in Irkutsk labor market.....	237
Smirnova N. G., Usoltsev Yu. K. Hospital Akademgorodok is 55 years old!.....	245
Bashkueva E. Yu. COVID-19 pandemic in Ulan-Ude: analysis of the health care system.....	247
Smirnova N. G., Kapustenskaya Zh. I., Zayka A. A. Medical rehabilitation of patients at the INC SB RAS Hospital.....	250
Kryukova T. A., Sologub K. V. Territorial public self-government (TOS) as a form of public activity development among Irkutsk city residents.....	252
Grabelnikh P. I. Public initiatives as a value and their value in society.....	259
Melnikova E. I. Icon of the “Mother of God Abalak “The Omen””: about the inventory of own property of the priest VASILIIY L. Sinkin from the village of Bachatsk, Kuznetsk spiritual administration (according to the fund Tobolsk Theological Consistory), 1818.....	261
Razumova K. M. The role of theater in the sociocultural development of a modern city in the conditions of the pandemic (on the example of Irkutsk).....	267
Kachan M. K. Theater life of Irkutsk: yesterday and today.....	270

Pervago G. K. Analysis of staffing of cultural and art institutions in Irkutsk.....	272
Merinova V. N., Gladkova T. V. The main indicators of the quality of life, characterizing the condition of a civilized society.....	278
Reshetnikova E. V., Sosorov S. S., Gritskikh N. V. The role of national traditions in the inculturation and socialization of rural youth in urban conditions.....	284

CHAPTER 4. THE ROLE OF FEDERAL AND MUNICIPAL AUTHORITIES
IN SUPPORTING SOCIO-ECONOMIC AND SOCIO-DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT
OF SIBERIA AND THE FAR EAST

Kakaulin S. P. Features of the development of the creative industry on the old industrial sites of the cities of the Irkutsk Region.....	286
Podsolonko V. A. Imperatives of multiplicative cluster development of recreational territories.....	291
Struglin G. V. Specificity of joint solution of current security problems by the authorities and population in the conditions of the information society in the aspect of forming public opinion on the activities of the Internal Affairs Department.....	299
Bogdanovich I. O., Boltenkov I. A., Tveritinov A. A. Transformation of tourist flow management in the Irkutsk Region.....	301
Zavarzina Yu. V. Social consequences and threats of clustering of the tourism sector of the Irkutsk Region.....	305
Suprunova E. P. Development of cities of the Far East in conditions of modernization of the beginning of the XX century.....	316
Fereferov N. A., Syuyetsyao Fan', Grosheva N. B. Personnel competence management in the new economy.....	324
Andrianova T. V., Tsybina V. V. Investment potential of the Kursk Region and possible ways of its development.....	326
Goltsova E. V. Human size of the urban environment: demographic aspect.....	329
Anchutina A. E. Migration processes and mechanisms of their regulation in Russia (on the example of the Siberian Region).....	333
Tkacheva N. G. Regional print media market transformation: challenges and prospects.....	336
Malykh M. M. Social advertising on television as a way to convey information from the municipal authorities to the population of the city.....	342
Zaikovskaya A. A., Libenson I. R. Credit and banks: from the consumer format to the creative one.....	344

CHAPTER 5. MODERN CITY, URBAN SPACES, PROBLEMS AND ACHIEVEMENTS
OF CITY DEVELOPMENT IN THE EYES OF THE YOUTH

Anokhina A. A. Scientific potential of russian youth as a strategic resource of the city (on the example of Irkutsk).....	351
Akhmadyshina N. V. “Forced self-isolation” as a challenge to the siberian mentality (on the example of the cities of the Siberian Region).....	357
Baltabaev R. K. New images of russian cities in the era of globalization and digitalization.....	361
Bedenko V. A. The potential of cultural heritage in the perspective of urban development (on the example of Irkutsk).....	363
Boldyreva A. I. Specific prevention of adolescents in the Irkutsk Region.....	365
Bukharova E. A., Ershov P. A., Reshetnikova E. V. Professional burnout of teachers in the field of additional professional education as a social problem of modern society.....	368
Volkova R. S. Features of the formation of the “Smart city” culture.....	370
Goncharova D. A. Public spaces of a new format as a place of attraction for citizens.....	373
Gritskikh K. E. Technologies of population identification as a means of control and management of public flows in a large russian city on the example of Irkutsk.....	377

Dashitsyrenova Y. A. Psychological health as an important indicator of the state of modern society	379
Zadorin A. S. Urban development: historical and theoretical aspects of the problem	383
Zatsepin A. L. Strategy of social development of the Sayansk city	387
Kablukova V. E. Values and loneliness in a modern city: some aspects of the relationship	390
Kirpichenko P. V. The lifestyle of a modern urban family	391
Kiseleva E. E. Elite housing in Irkutsk as an indicator socio-economic inequalities of city residents.....	393
Kogan E. A. Digitalization as a factor of transformation of urban spaces	395
Kozionova A. S. Urban food revolution: new relationships with food and changing patterns of everyday behavior	400
Kondrashova N. S., Litvinenko K. S., Ruzhnikov M. S. On the possibility of using AR/VR technologies for the development of parental competencies of future parents (in the first year of a child's life)	402
Konovalova E. V. Prospects for the development of regional social infrastructure: socio-demographic aspect	405
Lineitseva A. A. Cultural life of a modern city: some aspects of urban culture development in online and offline formats	408
Matafonova E. M. The history of the city – the prison of Irkutsk: from the foundation to our time	410
Mikhailina A. V., Kobrina S. A. Development of cities in different eras: factors and patterns of urbanization	412
Pavlyuk M. A. Monitoring, diagnostics and management of internet risks that provoke socially dangerous phenomena: an innovative aspect.....	413
Popova A. A. Psychological characteristics of adolescents: the use of mediation technologies in working with juvenile offenders in the Irkutsk Region.....	417
Rudeva A. V. Urban lifestyle in a sociological perspective	420
Rybak N. S. Digitalization of urban space as an indicator of the development of a modern city and its culture	422
Savilova K. A. The role of youth in the development of urban space	424
Safonov S. A. Public-state partnership technology as a factor of regional modernization: an innovative project	427
Sebekin V. P. City and government: old and new “regimes” in the conditions of the pandemic	434
Siliveev I. M. Citizens' views on crisis management.....	436
Trufanov A. V. The role of territorial and public self-governments in the life of the city.....	440
Firsova N. V. Digitalization of business environment as a factor of transformation of urban spaces	443
Chursina E. A. Civil society in the context of the development of a modern city	445
Shchepina E. D. Brand as an information and communication technology of interaction of the city with the external environment (on the example of the city of Irkutsk)	447
Erdynieva M. D., Latysheva D. G. Corruption in the city: The causes of emergence and spreading	449
INFORMATION ON THE AUTHORS	453

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ КОНФЕРЕНЦИИ!

Уважаемые участники и гости конференции!

Вторая международная научно-практическая конференция «Цивилизационные сдвиги в пространстве города: традиции и проектирование будущего», посвященная 360-летию города Иркутска, по актуальности и важности обозначенных вопросов отражает глубокую потребность в выработке нового видения современных векторов цивилизационных изменений, социальных и научно-технологических достижений в городском развитии, готовность к конструированию новых городских пространств.

Иркутск известен как крупный промышленный, научный, образовательный и культурно-исторический центр Восточной Сибири и всего Сибирского региона. В последние десятилетия произошли серьезные изменения цивилизационного порядка в развитии Города в аспекте национальных достижений, называемые «цивилизационными сдвигами». Обращает на себя внимание появление новых центров притяжения и роста интеллектуальной, творческой и социальной активности молодежи в сфере культуры и образования. Укрепление позиций университетов в городском и региональном пространстве – яркое подтверждение трансформации структуры социальных потребностей в сторону востребованности высокопрофессиональных интеллектуально-ориентированных кадров. Сегодня Университет в городе – это органическое звено всех структурных преобразований и стратегий развития городских пространств. Реализация научно-образовательного и экспертного потенциала Университета содействует активному выстраиванию позиций субъектов городского и регионального развития, что с необходимостью обеспечивает связующую научно-технологическую составляющую современных механизмов противодействия глобальным и локальным вызовам. В современных условиях, когда на повестке дня стоят важные задачи выхода из пандемического кризиса, освоения новых информационно-коммуникационных пространств, обращение к историческим достижениям и современным реалиям Города, понимание многомерности социальных процессов, междисциплинарный анализ проблем развития, своевременность разработки научных прогнозов, безусловно, будет способствовать принятию согласованных и ответственных решений на всех уровнях.

Полагаю, что активное взаимодействие и углубление сотрудничества учёных, практиков, представителей органов власти и общественности на новой концептуальной цивилизационной основе поможет комплексному и эффективному решению проблем современного Города.

Участникам конференции желаю интересной и продуктивной работы!

*А. Ф. Шмидт,
ректор ФГБОУ ВО «ИГУ», профессор*

Уважаемые участники и гости конференции!

Вторая международная научно-практическая конференция «Цивилизационные сдвиги в пространстве города: традиции и проектирование будущего», посвященная 360-летию города Иркутска, отражает значимое событие в жизни иркутян, важную веху в развитии столицы Восточной Сибири! В разные периоды истории Иркутск олицетворял место, находящееся на пересечении разных дорог, при этом объединяющее, консолидирующее прогрессивные подходы и решения, многие начинания в сфере социально-экономических и социокультурных преобразований. Благодаря геополитической составляющей развития города тема городских пространств во все времена была актуальной для Иркутска и Иркутского региона. Выделение цивилизационного аспекта развития современных городов, по сути, признание значительного вклада города в историю страны и региона.

Город сыграл огромную роль в развитии гражданского общества региона посредством внедрения культуры городских публичных пространств, распространения городской самобытности, сосуществования местных сообществ. Трансформационные изменения городских социальных пространств в современных условиях явились предпосылкой для формирования новой городской культуры как информационно и инновационно ориентированной. Отличительным признаком городской культуры всегда выступала ее гражданская составляющая.

Желаю участникам конференции новых идей и ярких выступлений!

*В. В. Шпрах,
председатель Общественной палаты Иркутской области,
директор Иркутской государственной медицинской
академии последипломного образования, профессор*

GREETINGS TO THE PARTICIPANTS AND THE GUESTS OF THE CONFERENCE!

Dear participants and guests of the conference!

The Second international research-to-practice conference “Civilizational shifts in the city space: traditions and designing the future”, dedicated to the 360th anniversary of Irkutsk, by its urgency and the importance of the issues reflects a deep need in a new vision of modern directions of civilizational changes, social and scientific-technological achievements in the urban development, the eagerness to construct new city spaces.

Irkutsk is known as a large industrial, scientific, educational and cultural-historic centre of Eastern Siberia and all Siberian region. In the last decades there have been significant civilizational changes in the City development that are related to national achievements and are called “civilizational shifts”. Attention is drawn to the emergence of new centers of attraction and the growth of intellectual, creative and social activity of the youth in the sphere of culture and education. The strengthening position of universities in the city and regional space is a bright illustration of the transformation of the structure of social needs towards a high demand for qualified intellectual staff. Today University in the city is an organic link of all the structural transformations and strategies of the development of urban spaces. The implementation of academic and expert potential assists in an active construction of positions of the subjects of urban and regional development, which provides a linking scientific-technological component of the modern mechanisms of counteraction to global and local challenges. In modern conditions, when the search for pandemic crisis solutions, mastering new information and communication spaces, addressing historical achievements and modern reality of the City are highly relevant, the understanding of the multi-dimensionality of social processes, interdisciplinary analysis of the problems of development, the timeliness of scientific forecasts will undoubtedly contribute to making negotiated and responsible decisions at all levels.

I believe that active interaction and intensive cooperation among the scholars, practitioners, representatives of authorities and the public on a new conceptual civilizational basis will assist in an all-sided and efficient resolution of the problems of a modern City.

I wish the conference participants interesting and fruitful work!

A. F. Schmidt

Rector of Irkutsk State University, Full Professor

Dear participants and guests of the conference!

The Second international research-to-practice conference “Civilizational shifts in the city space: traditions and designing the future”, dedicated to the 360th anniversary of Irkutsk, reflects an important event in the life of Irkutsk residents, a landmark in the development of the capital city of Eastern Siberia! At different points in history Irkutsk symbolized a place at the crossing of different roads, while connecting, consolidating progressive approaches and solutions, a variety of undertakings in the sphere of socio-economic and socio-cultural transformations. Due to the geopolitical component of the city development, the topic of urban spaces has always been relevant for Irkutsk and Irkutsk region. Focusing on the civilizational aspect of modern cities development is, essentially, recognition of the significant contribution of the city to the history of the country and the region.

The city has played a crucial role in the development of the civil society of the region by implementing the culture of city public spaces, city identity, co-existence of local communities. Transformational changes of urban social spaces in modern conditions have become a precondition for forming a new urban culture as information and innovation oriented. A distinguishing feature of urban culture has always been its civic component.

I wish new ideas and bright speeches to the participants of the conference!

V. V. Shprakh, Chairperson of the Civic Chamber of Irkutsk region,

Director of Irkutsk State Medical Academy of postgraduate education, Full Professor

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во времена завершения одной эпохи и становления новой эпохи особенно значимыми становятся те цивилизационные достижения, которые способствуют сохранению подлинности истории и культурного наследия. Величие народа определяет его стремление и готовность к самоорганизации и саморазвитию, проявляющиеся через деятельность высокоорганизованных сообществ, высокий уровень развития социальной, гуманитарной, научной, технологической и технической мысли. На примере разных эпох в периоды глубоких трансформационных изменений отчетливо проявляется интерес ученых и государственных, политических деятелей к «классическому наследию» через образование и культуру в системе пространственно-временных координат. Такой подход позволяет говорить о цивилизованности общества, периодах цивилизационных сдвигов на уровне культур современных обществ, городских и местных сообществ. Понятие «цивилизация» проникло в социальный мир города благодаря сосуществованию «старых» и «новых» культурных и политических стилей жизни, научно-техническому и информационно-технологическому прогрессу, учету и контролю возможностей окружающей среды.

История городов, как и история «империй», во многом символизирует большие цивилизационные прорывы: исторические переходы от одной «общественно-экономической формации» к другой, иными словами, смену экономических, промышленных и креативных индустрий; выход на новый уровень развития общественно-государственных технологий; модернизацию ментальных кодов и становление новых культурных типов социальных взаимодействий и взаимозависимостей. Такие процессы могут иметь как конструктивно-созидательный, так и разрушительный характер, о чем известно из истории эпох. Именно в объективном ходе истории, движении к новым возможностям прогресса, установлении миропорядка, устойчивого к современным вызовам и угрозам, – видится закономерность цивилизационного развития.

В XXI веке основными детерминантами, влияющими на поиск новых ценностей и идентификацию позиций в социальных пространствах, остаются социальные потребности, как в комфортности родной среды, так и в развитии коммуникаций нового информационно-цифрового типа. Становится труднее находить точки соприкосновения. *Пространство и время современного города изменились. Город как сложная система должен располагать современными передовыми технологиями для реагирования на новые внешние и внутренние вызовы. Пришло время новых цивилизационных сдвигов.* Этим и другим вопросам была посвящена Вторая международная научно-практическая конференция «Цивилизационные сдвиги в пространстве города: традиции и проектирование будущего», посвященная 360-летию города Иркутска (г. Иркутск, 27–28 мая 2021 г.), по материалам которой и подготовлено настоящее издание.

С учетом теоретического и социального опыта на страницах издания представлены модели конструктивного решения сложных проблем городского развития в более чем 3 странах, 16 регионах РФ. *Отдельное внимание посвящено Иркутску, который на протяжении своей 360-летней истории занимал особое положение на территории Сибири и Дальнего Востока, внес значительный вклад в развитие экономических и торговых связей, в том числе в сфере международной кооперации, культурных и межгосударственных отношений России.* Продолжая традиции проведения международных и национальных конференций, посвященных развитию теории и практики регионального и городского развития, общественного развития в целом, технологий взаимодействия гражданского общества и государства, культуры политического консенсуса и концепций социальной безопасности, на проведенной Международной конференции – 2021 на базе Иркутского государственного университета представлялось важным проанализировать историче-

ские и современные взаимосвязи в развитии Города как уникальной социальной системы, имеющие огромное стратегическое значение в государственном и муниципальном управлении, развитии гражданского общества, модернизации ключевых социальных институтов (образование, наука, культура, здравоохранение и др.). В постпандемический период обозначенные на конференции темы и проблемы приобретают событийное и символическое звучание. С момента проведения международной конференции в 2011 г., посвященной 350-летию Иркутска, отчетливо прослеживаются как цивилизационные сдвиги на уровне отдельного города, так и общецивилизационные сдвиги в общественном развитии.

В фокусе научных точек зрения специалистов разных отраслей наук, практиков и общественности выступает большой спектр вопросов, требующих осмысления и анализа: город как уникальная социальная система: достижения, сдвиги, разломы; «старые» и «новые», «большие» и «малые» города, концепции их развития; пространственное развитие городов: ресурсы, потенциал, стратегии; открытые города и закрытые города в концепциях социально-экономического развития России; провинциальные города в XX–XXI веках; новые образы городов в эпоху глобализации и цифровизации; промышленное развитие городов: анализ и оценка производительных сил; история городов как промышленных центров России в XX веке; инвестиционный потенциал современного города и пути его развития; специфика освоения территорий городского пространства; история городов как культурно-исторических центров в России и мире; культурно-историческое наследие российских городов: новая экономическая и культурная политика и общественные дискурсы; архитектура города как фактор формирования городской культуры: достижения и последствия эпох; город как образовательный и научный центр в России и мире; город, городское развитие, городская среда: социальные потрясения и сохранение преемственности; демографические и миграционные процессы в городах в XX–XXI веках; история развития гражданского общества в городах России; проблемы, факторы и закономерности урбанизации; традиционные и новые индустрии в городском развитии; модернизация города: глобальные перемены и технологии взаимодействия; международное сотрудничество и международная кооперация современных городов; трансформация городских пространств в современных условиях; пандемия и город: вызовы, угрозы, кризисы, катастрофы (социальные, экономические, политические, культурные, духовные, медицинские практики); социальное проектирование и прогнозирование как способы социально-экономического и культурно-цивилизационного развития российских городов; структура городских сообществ и динамика их социальных потребностей; модернизация городских инфраструктур: статистический и экспертный анализ и оценка; университет, город, регион: интеграция возможностей и конструирование позиций; современный университет и городское сообщество: новые статусы и роли; образовательная мобильность в пространстве современного города; миграционная мобильность в пространстве города: мигранты и беженцы в современном городе; трудовая мобильность в пространстве современного города; культура, самобытность, ментальность жителей современных городов; культура, искусство, творчество в городском пространстве: традиции и инновации; социальное творчество молодежи как инновационный ресурс социально-экономического и культурного развития современного города; цифровизация как фактор трансформации городских пространств; коррупция в городе: причины возникновения и распространения, влияние на трансформацию городских пространств; трансформация городских площадей: новые смыслы и новые события; символические пространства современного города: опыт развития и отчуждения; городские события в пространстве цивилизационных достижений; дисциплинарные пространства в современном городе; криминализация городских пространств: специфика государственного и общественного контроля; социология безопасности города и горожан; социальные потоки в современном городе (в аспекте трансформации социальных структур и новых векторов социальной мобильности).

«Иркутск, Сибирь, Россия: традиции и проектирование будущего» на конференции выступило одним из главных направлений обсуждения и исследований. Представленные работы из Иркутска, Красноярска, Новосибирска, Томска, Тюмени, Улан-Удэ и др. городов подтверждают уже сформировавшийся *«сибирский» научный дискурс* и позволяют говорить об активном развитии междисциплинарных научных школ Сибири.

Среди направлений, обозначенных на конференции, собственно посвященных истории Иркутска и его современным реалиям: Иркутск как крупный промышленный и культурно-исторический центр Восточной Сибири; великие имена и события Иркутска; традиции социальной помощи и благотворительности (добровольчества, меценатства) в Иркутской истории; новые общественные проекты в Иркутской истории; культура и архитектура Иркутска; роль музеев, театров, библиотек в социокультурном развитии города Иркутска; Иркутск как цифровой город: проектирование будущего; Иркутск – «умный город» с «умными технологиями» и с большим интеллектуальным потенциалом; инвестиционная привлекательность города Иркутска и факторы ее обеспечения; Академгородок в Иркутске: вчера и сегодня (проблемы, перспективы и судьбы ученых и их семей); общественные пространства города Иркутска: направления и механизмы трансформации; управление общественным мнением в городе; город и власть в условиях пандемии; выход города из пандемии: социологические интерпретации экономических, политических и культурных процессов и др.

Кроме того, были выделены направления и темы, характеризующие *повседневную жизнь современного города*: публичное пространство современного города; деятельная жизнь современного города и вызовы пандемии; реализация общественных проектов в городском пространстве; феномен «изоляции» и «самоизоляции» в современном городе; горожане как уникальная социальная общность и социальная группа; поля социальной напряженности в пространстве города: причины возникновения, факторы развития и управления; цифровизация городских пространств и городской жизни; проектирование новых городских пространств; социология городской семьи; культурные индустрии больших и малых городов; человек в городе: культура как фактор адаптации к городской среде; человек играющий в современном городе: Ренессанс «играющих» дворов и площадей; «расширение» города и ментальность горожан: строительство новых районов в «городском сознании»; ритмы и стили жизни, образы и «скорость» жизни в современном городе в допандемический, пандемический и постпандемический периоды; жизнь города без «маяка» (как символа надежды): человек в поиске новых ценностей и идеалов; «богатые» и «бедные» в пространстве города: уровень и качество жизни горожан; роль горожан в формировании и развитии капитала города (экономического, политического, социального, культурного); население города как главный ресурс городского развития; социологические теории субъектности, городских праздников и городских «разломов» и др.

Проведение конференции для иркутских социологов показывает и участие в *решении первоочередных задач, связанных с необходимостью обновления дисциплинарного поля социологии регионального и городского развития, методологии исследований и категориального аппарата*. В этой связи среди заявленных направлений были выделены: народонаселение крупного города: статистический анализ и оценка; акторы устойчивого развития и новые (научно-технологические, информационные, коммуникационные, социальные, экономические, политические и др.) прорывы в современном городе; стратегии социально-экономического и инновационно-технологического развития городов и регионов России и особенности их реализации в условиях перемен (Сибирь, Дальний Восток); глобальные и региональные вызовы и их последствия для развития городов в фокусе науки и общественного мнения; образование и наука в крупном российском городе: поля социальной напряженности и перспективы развития; культура и искусство в крупном российском городе: поля социальной напряженности и тренды развития; субъекты стратегических взаимодействий в крупном российском городе; реализация националь-

ных проектов в российских городах (XXI век); роль органов государственной и муниципальной власти в содействии социально-демографическому развитию регионов Сибири и Дальнего Востока в условиях глобальных и региональных вызовов; современный российский город: экономические, политические и социально-демографические вызовы в условиях цифровой экономики; экспертно-аналитическое и информационное обеспечение достижения целей регионального и муниципального развития Сибири и Дальнего Востока в условиях глобальных и региональных вызовов; опыт консенсусных взаимодействий органов государственной и муниципальной власти, бизнес сообщества, общественности и вузов: направления и перспективы развития.

Выводы и результаты проведенных исследований, представленные в издании, свидетельствуют о перспективности дальнейшего развития данной отрасли социологической науки, других отраслей научного знания, ориентированных на получение качественно новых научных знаний на этапе вхождения в новую эпоху. В изучении социального мира и социальных пространств современных городов через призму цивилизационных достижений, сдвигов и разломов видится вклад в развитие междисциплинарной методологии исследования сложных реалий современного общества.

Научное издание состоит из пяти разделов: 1) «Город как уникальная система в цивилизационном развитии»; 2) «Развитие современного города и трансформация городских пространств»; 3) «Иркутск, Сибирь, Россия: традиции и проектирование будущего»; 4) «Роль органов государственной и муниципальной власти в содействии социально-экономическому и социально-демографическому развитию регионов Сибири и Дальнего Востока»; 5) «Современный город, городские пространства, проблемы и достижения городского развития глазами молодежи».

Редакторы выражают большую признательность всем авторам, принявшим участие в создании сборника.

*Т. И. Грабельных,
доктор социологических наук, профессор*

PREFACE

In the times when one epoch ends and another starts especially significant are those civilizational achievements that contribute to retaining the authenticity of history and cultural heritage. The greatness of a nation is defined by its aspiration and eagerness for self-organization and self-development, which manifest through the activity of highly organized communities, a high level of the development of a social, humanitarian, scientific, technological and technical thought. The examples of different epochs in the periods of deep transformational changes show the interest of scholars and political leaders in the “classic heritage” through education and culture in the spatio-temporal coordinate system. This approach allows talking about the civility of a society, periods of civilizational shifts at the level of cultures of modern societies, urban and local communities. The concept “civilization” has entered the social world of a city due to the coexistence of “old” and “new” cultural and political styles of life, scientific-technical and information-technological progress, record and control of the possibilities of the environment.

The history of cities, just like the history of “empires” basically symbolizes great civilizational breakthroughs: historical transitions from one socio-economic formation to another one, in other words, a change of economic, industrial and creative industries; the modernization of mental codes and the emergence of new cultural types of social interactions and interrelations. Such processes can be both constructive and destructive, as we know from the history of epochs. In the objective process of history, in the movement towards new opportunities of progress, establishing a world order resilient to modern challenges and threats one can see the regularity of civilizational development.

In the XXI century the main determinants that influence the search for new values and the identification of positions in social spaces are social needs in both the comfort of the native milieu and in the development of communications of a new information-digital type. It's becoming more and more difficult to find the common points. *Space and time of a modern city have changed. The city as a complex system must have modern advanced technologies for reacting to new external and internal challenges. Time has come for new civilizational shifts.* These and other issues were in the focus of the Second international research-to-practice conference “Civilizational shifts in the city space: traditions and designing the future”, dedicated to the 360th anniversary of Irkutsk (Irkutsk, 27-28 May 2021), which has become the basis for this collection of papers.

With the account of theoretical and social experience the collection of papers presents models of constructive solutions of complicated problems of city development in more than three countries, sixteen Russian regions. *Special attention is paid to Irkutsk, which has retained a special place on the territory of Siberia and the Far East for 360 years, and has made a great contribution into the development of economic and trade relations, including international cooperation, cultural and international relations of Russia.* Continuing the traditions of holding international and national conferences, dedicated to the development of theory and practice of regional and city development, social development in general, the technologies of interaction between the civil society and the state, the culture of political consensus and concepts of social safety, within our International Conference-2021 based in Irkutsk State University *it seemed important to analyze historic and modern interrelations in the development of the City as a unique social system, which have a great strategic significance in the federal and municipal management, the development of the civil society, the modernization of key social institutions (education, science, culture, healthcare etc.).* In the post-pandemic period the issues and problems defined at the conference are gaining an eventful and symbolic meaning. From the time the international conference, dedicated to 350th anniversary of Irkutsk, was held in 2011, there

have been distinct civilizational shifts both at the level of a separate city and all-civilizational shifts in social development.

Specialists in different areas, practitioners and the public focus on a wide range of issues that require thinking over and analysis: city as a unique social system: achievements, shifts, faults; “old” and “new”, “big” and “small” cities, conceptions of their development; spatial development of cities: resources, potential, strategies; open cities and closed cities in the conceptions of socio-economic development of Russia; provincial cities in XX-XXI centuries; new images of cities in the epoch of globalization and digitalization; industrial development of cities: analysis and assessment of productive forces; the history of cities as industrial centers of Russia in XX century; the investment potential of a modern city and the ways of its development; the specificity of developing the territories of the city space; history of cities as cultural-historic centers in Russia and the world; cultural-historic heritage of Russian cities: a new economic and cultural policy and social discourses; the architecture of a city as a factor of forming urban culture: achievements and consequences of epochs; city as an educational and scientific centre in Russia and the world; city, city development, city environment: social crises and retaining of continuity; demographic and migration processes in cities in XX–XXI centuries; the history of development of the civil society in Russian cities; problems, factors and laws of urbanization; traditional and new industries in urban development; the modernization of the city: global changes and technologies of interaction; international cooperation of modern cities; transformation of city spaces in modern conditions; the pandemic and the city: challenges, threats, crises and catastrophes (social, economic, political, cultural, spiritual, medical practices); social projecting and forecasting as ways of socio-economic and cultural-civilizational development of Russian cities; the structure of urban communities and the dynamics of their social needs; the modernization of city infrastructures: statistical and expert analysis and assessment; university, city, region: the integration of opportunities and constructing positions; modern university and city community: new statuses and roles; academic mobility in the space of a modern city; migration mobility in the space of a city: migrants and refugees in a modern city; labor mobility in the space of a modern city; culture, identity, mentality of modern city residents: traditions and innovations; social creativity of the youth as an innovation resource of socio-economic and cultural development of a modern city; digitalization as a factor of transformation of a modern city; corruption in the city: causes of emergence and spread, the influence on the transformation of city spaces; transformation of tower squares: new meanings and new events; symbolic spaces of a modern city: experience of development and alienation; city events in the space of civilizational achievements; disciplinary spaces in a modern city; criminalization of city spaces: the specificity of state and public control; sociology of safety of the city and residents; social flows in a modern city (in the aspect of transformation of social structures and new vectors of social mobility).

«Irkutsk, Siberia, Russia: traditions and designing the future» was one of the main areas of discussion and research at the conference. The works coming from Irkutsk, Krasnoyarsk, Novosibirsk, Tomsk, Tyumen, Ulan-Ude and other cities confirm the existing “Siberian” scientific discourse and allow talking about an active development of interdisciplinary scientific schools of Siberia.

Among the directions defined at the conference that are dedicated to the history of Irkutsk and its reality are: Irkutsk as a large industrial and cultural-historic center of Eastern Siberia; great names and events of Irkutsk; traditions of social help and charity (volunteering, patronage) in Irkutsk history; new social projects in Irkutsk history; culture and architecture of Irkutsk; the role of museums, theatres, libraries in the sociocultural development of Irkutsk; Irkutsk is a smart city with smart technologies and with a big intellectual potential; investment attractiveness of Irkutsk and its factors; Akademgorodok in Irkutsk: yesterday and today (problems, perspectives and destinies of scholars and their families); public spaces of Irkutsk: directions and mechanisms of transformation; the management of public opinion in the city; city and

power in the conditions of the pandemic; exit of the city from the pandemic: sociological interpretations of economic, political and cultural processes etc.

Besides, we have defined directions and topics that characterize *everyday life of a modern city*: the public space of a modern city; active life of a modern city and the challenges of the pandemic; the implementation of social projects in the city space; the phenomenon of “isolation” and “self-isolation” in the modern city; city dwellers as a unique social entity and social group; areas of social tension in the city space: causes, factors of development and management; digitalization of city spaces and city life; the projecting of new urban spaces; sociology of an urban family; cultural industries of cities and towns; human in the city: culture as a factor of adaptation to the city environment; human playing in the modern city: Renaissance of “playing” yards and squares; the “expansion” of the city and the mentality of city dwellers: building new districts in the “city consciousness”; rhythms and styles of life, lifestyles and the “speed” of life in a modern city in the pre-pandemic, pandemic and postpandemic periods: the life of a city without a “lighthouse” (as a symbol of hope): human in search for new values and ideals; the “rich” and the “poor” in the city space: the level and quality of life of the residents; the role of city dwellers in forming and development of the city capital (economic, political, social, cultural); the population of the city as the main resource of city development; sociological theories of subjectness, urban holidays and city “faults” etc.

Holding the conference for Irkutsk sociologists *shows participation in solving primary tasks, related to the necessity of renovation of the disciplinary area of sociology of regional and city development, methodology of research and categories*. In this relation, the following areas have been defined: statistical analysis and assessment; the actors of sustainable development and new (scientific-technological, information, communication, social, economic, political etc.) breakthroughs in a modern city; strategies of socio-economic and innovation-technological development of cities and regions of Russia and the peculiarities of their implementation in the conditions of change (Siberia, the Far East); global and regional challenges and their consequences for city development in focus of science and public opinion; education and science in a large Russian city: areas of social tension and trends of development; culture and art in a large Russian city; subjects of strategic interrelations in a large Russian city; the implementation of national projects in Russian cities (XXI century); the role of federal and municipal authorities in supporting socio-demographic development of Siberia and the Far East under the conditions of global and regional challenges; a modern Russian city: economic, political and socio-demographic challenges in the conditions of digital economy; expert-analytical and information provision for the goals of regional and municipal development of Siberia and the Far East in the conditions of global and regional challenges; experience of consensual interactions of federal and municipal authorities, business communities, the public and universities; directions and perspectives of development.

The conclusion and results of the research conducted are presented in the collection of papers and prove the prospects of further development of this branch of sociology, and other branches of scientific knowledge aimed at gaining new knowledge at the stage of entering a new epoch. Studying social world and social spaces of modern cities through the prism of civilizational achievements, shifts and faults is regarded as a contribution to the interdisciplinary methodology of exploring the complicated reality of the modern society.

The collection of papers consists of 5 chapters: 1) «City as a unique system in civilizational development»; 2) «The development of a modern city and the transformation of city spaces»; 3) «Irkutsk, Siberia, Russia: traditions and designing the future»; 4) «The role of federal and municipal authorities in supporting socio-economic and socio-demographic development of Siberia and the Far East»; 5) «Modern city, urban spaces, problems and achievements of city development in the eyes of the youth».

The editors are grateful to all the authors that have contributed to this collection of papers.

*Doctor of Sociology, Full Professor,
T.I. Grabelnykh*

РАЗДЕЛ 1. ГОРОД КАК УНИКАЛЬНАЯ СИСТЕМА В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ РАЗВИТИИ

CHAPTER 1. CITY AS A UNIQUE SYSTEM IN CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT

УДК 316.346.32-053.6(476)

А. Н. Данилов

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

В статье рассматриваются вопросы формирования и сохранения исторической памяти в культуре современного города. Раскрывается механизм ее формирования и передачи из поколения в поколение. Показан феномен памяти, противостоящий уничтожающей силе времени, культура стала все больше ассоциироваться со средой сохранения и возможной передачи исторического наследия. Роль исторической памяти существенно возрастает в эпохи потрясений и катастроф, в переломные периоды жизни общества, когда, как правило, происходят интенсивные процессы переоценки существующих ориентаций и исторического прошлого. Консолидирующим началом в современной истории стала Победа советского народа в годы Великой Отечественной войны. Особое значение в современных условиях приобрели такие институты памяти, как система образования, учреждения культуры, средства массовой информации. И здесь есть проблемы: растет число старшеклассников, которые «не помнящих своего родства»; культурная среда, в которой формируются новые поколения, наполняется артефактами, которые зачастую искажают реальные смыслы человеческого сосуществования, фальсифицируют историческую правду. Вместе с тем результаты исследований показывают, что растет интерес различных социальных групп населения к своему прошлому, истории своего народа, к его духовному и культурно-историческому наследию.

Ключевые слова: историческая память, культура, культурная среда, механизм передачи исторического наследия, современный город.

A. N. Danilov

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

HISTORICAL MEMORY IN THE CULTURE OF A MODERN CITY

The article examines the formation and preservation of historical memory in the culture of a modern city, and reveals the mechanism of its formation and intergenerational transmission. The author describes the phenomenon of memory, opposing the destructive power of time. Nowadays culture has become increasingly associated with the environment for the preservation and possible transmission of historical heritage. The role of historical memory increases significantly during upheavals and catastrophes, in critical periods of society's life, when, as a rule, intensive processes of reassessment of existing orientations and the historical past take place. The victory of the Soviet people during the Great Patriotic War became a consolidating beginning in modern history. Such institutions of memory as the education system, cultural institutions, and the media have acquired particular importance in modern conditions. However, there are problems to consider: the number of high school students who “do not remember their kinship” is growing; the cultural environment in which new generations are formed is filled with artifacts which often distort the real meanings of human coexistence and falsify the historical truth. At the same time, the studies show an increasing interest of various social groups of the population to their past, the history of their people, as well as to their spiritual, cultural and historical heritage.

Keywords: historical memory, culture, cultural environment, mechanism of transmission of historical heritage, modern city.

Введение. Глобальная нестабильность [7], современные вызовы и риски по-новому поднимают целый пласт проблем исторической памяти: «Историческая память, по сути дела, является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания. Полное или частичное забвение исторического опыта, культуры своей страны и своего народа ведет к амнезии, что ставит под сомнение возможность существования данного народа в истории» [14, с. 178–179]. Здесь очень важно раскрыть и понять механизм формирования и передачи из поколения в поколение исторической памяти. Тем более, что как показывают исследования, этот феномен все чаще становится предметом междисциплинарного изучения, раскрывает устойчивые характеристики «образа жизни людей и во многом определяет их намерения и настроения, опосредованно оказывая весьма мощное влияние на характер и методы решения общественных проблем» [14, с. 176].

«Культура «застывает» как цивилизация» [12, с. 204]. В свою очередь любые крупные перемены в человеческой жизнедеятельности предполагают изменение культуры, которые, как правило, являются результатом переосмысливания глубинных жизненных смыслов человеческого бытия. Чаще всего на этом пути конкурируют стратегии, сохраняющие базовые ценности прежнего типа развития, с инновационными устремлениями, ориентированными на поиск новых жизненных смыслов и обновление содержания ценностей, отвечающих современным реалиям. Новые жизненные смыслы начинают формироваться в недрах старой культуры и человечество крайне заинтересовано чтобы на их базе выросли и новые идеалы прогресса. «Они должны вырастать внутри нее», – утверждал В.С. Стёпин [13, с. 739]. Историческая память не просто накапливается и «застывает», но и трансформируется в культуре, в том числе в культуре современного города. К чему вызывает культура современного города и как в ней отражается историческая память... Вопрос не праздный, ибо в культуре и происходит формирование образа будущего, характерного для данного периода исторического развития. «Культура человечества – это активная память человечества, активно же введенная в современность» [3, с. 92].

Основная часть. Историческая память избирательна во времени, зачастую противоречива, актуализируя то одни, то другие события из своего прошлого. К сожалению, время подтачивает и опорные, значимые истины. «Память о прошлом не должна мешать настоящему» [10, с. 18]. И каждому новому поколению надо заново доказывать значимость этого знания и исторического опыта для современности, для происходящих в настоящее время событий и процессов и возможного влияния на будущее. «Это важнейший творческий процесс: именно процесс и именно творческий. Запоминается то, что нужно; путем памяти накапливается добрый опыт, образуется традиция, создаются бытовые навыки, семейные навыки, трудовые навыки, общественные институты... Память противостоит уничтожающей силе времени» [3, с. 91].

В настоящее время культура стала все больше ассоциироваться со средой сохранения и возможной передачи исторического наследия. Носителями культуры считались, прежде всего, представители гуманитарной интеллигенции, что было связано как раз, с одной стороны, с «длительным характером отбора культурных ценностей, а с другой – с тем, что наука всегда носила более прагматический характер, изменения в ней происходили быстрее и большая часть ее ценностей не успевали закрепляться как общекультурные. <...> В культурном смысле этот консерватизм оправдан, так как позволяет сохранить общезначимый фундамент культуры, не позволяя изменить систему ценностей под влиянием возникновения новых представлений, не успевших пройти «культурную обработку». Ценности культуры имеют свойство приращения, тогда как новые научные открытия часто базируются на отрицании предшествующих» [5, с. 89–90]. Культура в свою очередь – динамичная система: «...сам принцип динамичности как характеристика резкого убыстрения процессов изменения внутри культуры обнаруживается лишь в наше

время» [5, с. 90]. Солидарны с мнением, что «...в рамках глобальной культуры существует опасность внешнего расширения диалога, но не на основе обогащения культур. ... Это будет общение ради общения – без насыщения смыслами» [5, с. 94].

Культура все же не застывшая система, хотя и достаточно консервативная. Если общество входит в стадию динамического хаоса, изменения традиционных ценностей просто неизбежны. Наступает очень ответственный момент «критики и отбрасывание некоторых «старых» ценностей». Здесь есть большая опасность – уйти от традиции и возвести в новый культурный статус ценности «псевдокультурные» или «внекультурные», тем самым открыть путь для разрушения основ культуры. И если учесть, что процесс замены зачастую происходит без должной адаптации к традиционной знаковой системе ценностей, то кризис неизбежен. Итак, разрушаются старые ценности, сжимаются временные рамки. «Сжатие временных рамок изменений не позволяет новым символам и знакам адаптироваться к традиционным ценностям. В результате нарушается синхронизация культуры, новообразования в ней появляются очень быстро, люди не успевают адаптироваться, им некогда впитывать новые ценности, соотнося их с предшествующими» [5, с. 97–98]. Но с другой стороны, «из-за постоянно растущих темпов перемен вы не сможете с уверенностью определить, что передают вам взрослые: мудрость, неподвластную времени, или устаревшие предрассудки» [15, с. 321].

Роль исторической памяти многократно возрастает в эпохи потрясений и катастроф, «...в переломные периоды жизни общества, когда, как правило, происходят интенсивные процессы переоценки существующих ориентаций и исторического прошлого» [14, с. 180]. В поисках ответов на столь кардинальные изменения в жизни общества происходят интенсивные процессы изменения содержания существующих ценностей, начинается самокопание в своем историческом прошлом. И это становится мощным фактором, влияющим на поведение людей, их гражданскую активность. «С другой стороны, – отмечает Ж. Т. Тощенко, – историческая память как бы защищается от всеобъемлющих нападков на прошлое» [14, с. 181]. Для современной истории таким событием является Великая Отечественная война. Особую актуальность она имеет в отношении современной молодежи, социализация которой осуществляется в условиях коммеморативного бума, противоречивых духовно-нравственных ориентиров.

В отношении постсоветского мира Великая Отечественная война представляет собой одно из базовых оснований исторической памяти. Образ войны и Победы являются значимыми символами государственного суверенитета, служат напоминанием об огромном духовном потенциале общества. За несколько последних десятилетий механизмы формирования и сохранения памяти о Великой Отечественной войне претерпели значительные изменения. Как отмечает Н. Л. Мысливец, – «практически исчезла межличностная коммуникация как первостепенный фактор сохранения «живой памяти», обострилась проблема разрыва поколений и, как следствие, снизилась роль семьи как фактора сохранения исторической памяти. Особое значение в современных условиях приобрели такие институты памяти, как система образования, учреждения культуры, средства массовой информации» [6, с. 83].

К примеру, в Республике Беларусь по состоянию на 01.04.2020 проживало 4806 ветеранов Великой Отечественной войны. К числу ее непосредственных участников, очевидцев, свидетелей можно отнести 418 членов семей военнослужащих, партизан и подпольщиков, погибших либо умерших в годы Великой Отечественной войны, 518 человек, имеющих статус инвалидов с детства вследствие ранения, контузии, увечья, связанного с боевыми действиями в период войны либо с последствиями боевых действий, а также 12 591 бывшего узника фашистских концлагерей, тюрем, гетто и иных мест принудительного содержания [6, с. 83]. От «живых» носителей памяти о минувшей воспоминания о ней перемещаются в область памяти культурной. Они продолжают сохраняться в памятниках, обелисках, книгах, кинофильмах, музеях, архивах и т. п.

Важнейшим институтом формирования исторической памяти является система образования. Исследования показывают, что в памяти молодежи Великая Отечественная война остается одним из самых важных событий в новейшей истории. Такая позиция формируется школой, семьей, культурной средой. Следует отметить, что в Беларуси память о войне складывается из воспоминаний ее непосредственных участников, памяти ныне живущих о родственниках, которые воевали, погибли, пропали без вести, оставшиеся документы, боевые награды, фотографии, письма, это братские захоронения, могилы ветеранов. Семейные фотографии, на наш взгляд, «это одно из важнейших «наглядных пособий» морального воспитания детей, да и взрослых» [3, с. 91]. Такая память сегодня бережно хранится практически в каждой белорусской семье. Здесь важно отметить, что этот механизм непрерывности передачи памяти из поколения в поколение не затухает, наполняется новыми возможностями передачи информации.

Интерес к прошлому продиктован желанием знать правду о нем, стремлением расширить кругозор, потребностью понять и узнать корни своей страны, своего народа, желанием знать уроки истории, опыт предшествующих поколений, стремлением найти ответы на злободневные вопросы. Здесь и естественное желание больше знать об истории семьи, истории родного города. Показательно различие между созерцательным отношением к исторической памяти и желанием внести свой вклад в сохранение ее ценностей. Молодежь все больше приобщается к поисковой работе, развивается волонтерское движение, проходят вахты Памяти.

Как мы видим, историческая память основывается на знании об этих событиях. Результаты исследований свидетельствуют о том, что основным источником информации о Великой Отечественной войне являются школьные уроки истории. Школьное историческое образование обеспечивает формирование у подрастающих поколений своеобразного каркаса исторической памяти. Формами и способами ее сохранения и актуализации являются творческие и научно-исследовательские конкурсы, акции патриотической направленности, реконструкции исторических событий, участие в митингах и парадах, организация работы школьных музеев, экскурсии и другие мероприятия.

Но нельзя закрывать глаза на имеющиеся проблемы в этой работе. Растет число старшеклассников, которых можно отнести к поколению «не помнящих своего родства». А, ведь «образование – это не просто некоторая отрасль, а часть национальной культуры, причем ее системообразующая часть» [4, с. 412]. Мы сейчас поменяли стратегию образования в угоду обстоятельствам и видим, что многое потеряли из того, что было в прежней системе образования хорошее. «Унификация, навязываемая нам, неизбежно снижает качественный уровень образования, так как предлагает ориентироваться на усредненный уровень. Поэтому, когда мы говорим об интеграции образовательного процесса, идея обогащения качеством, преимуществами должна быть поставлена во главе угла. К сожалению, именно в России изначально пытались реализовать наиболее примитивный путь интеграции, фактически разрушающий национальную систему образования и, прежде всего, университетского образования» [4, с. 414].

Тоже происходит и с культурой. Как писал великий русский писатель В. Г. Распутин: «...культура у нас на два лица. Одно родное, отвечающее нашим представлениям о добре и красоте, созывающее наши души на праздник любви и братства, целительное, очистительное. И второе – самозванное, крикливое, агрессивное, закладывающее семена пустоцвета» [9, с. 182]. Когда общество вступает в фазу перехода к новому состоянию, его активная часть становится той питательной средой, которая определяет направленность изменений и их содержание. Определяя потенциал культуры, мы по существу говорим и о масштабе возможных перемен, определяет направления и профиль нового идеала прогресса. Здесь нельзя не видеть реальных проблем, которые несут эти перемены. «Культурная среда, в которой формируются новые поколения, наполняется артефактами,

которые далеки от реальных смыслов человеческого сосуществования, они искажают, фальсифицируют и виртуализируют историческую правду. Все искажено до неузнаваемости: и традиции, и ценности, и смыслы... Человеческие отношения строятся на выгоде, семья – на расчете, герои подвергаются очернительству, высоко нравственные поступки высмеиваются... <...> И можно ли строить светлое будущее без реальных ориентиров, представлений о счастье, добре, нравственности в условиях хаоса? <...> Сегодня отклонения от принятых правил человеческой жизнедеятельности и поведения признаются нормой. В искусстве и культуре сплошь наблюдается отход от прекрасного и высоко нравственного. Семья, построенная на любви мужчины и женщины, трактуется как отживший анахронизм. Человеческая жертвенность, подвижничество, проявление героизма осмеиваются и подвергаются остракизму, во главу угла ставится свобода нравов... Такая ситуация ведет мир к хаосу, народы и люди утрачивают способность договариваться, не испытывают потребность в диалоге...» [1, с. 8–9].

На формирования исторической памяти большое влияние оказывает городская среда, как «пространство многомерных взаимодействий населения города как субъекта деятельности и носителя культуры с его архитектурно-территориальными условиями» [11, с. 91–97]. В этом отношении Иркутск со своей богатейшей историей сумел сохранить своё лицо. Как прекрасно писал житель Иркутска великий русский писатель В. Г. Распутин: «И стоит теперь Иркутск, умудренный историей и памятью, спокойно и мудро, зная силу себе и цену; в меру знаменитый, в меру скромный, в меру культурный, умудряющийся сохранять культуру и в наши дни; традиционно гостеприимный, немало опустившийся в пригляде за собой, но прекрасно сознающий, что верно, опустился и устал от реформаторских передрыг последнего времени, – стоит Иркутск, наделенной долгой и взыскательной памятью камня своего и дерева, с любовью и немалым удивлением взирающий на дела нынешних своих граждан, которые составляют более чем 600-тысячное население, по-родительски оберегающий их от зноя и холода, дающий им жизнь, приют, воспитание, работу, родину и вечность» [8, с. 164].

Но, не везде так происходит: «В силу многих причин большие города все реже выполняют гуманитарные функции, способствуют развитию личности, транслируют культуру. Человек постепенно становится ресурсом для города, средством поддержания его жизни, а ценность горожанина начинает измеряться его платежеспособностью. Иными словами, город перестает восприниматься как управляемый человеком комплекс, за который он несет ответственность» [2, с. 169]. В наступившем всеобщем хаосе приоритет чаще отдается на откуп исключительно выгоде – никакой идеологии, исторического и духовного родства, общности ценностей или традиций. Главенствует прагматизм, который основан на идее роста потребления как условия экономического роста, включая в этот процесс научно-технологические революции, формирующие новые типы технологического уклада. Хотя, в жизни все как раз наоборот, ответом на новые риски должно выступать адекватное развитие национальной культуры, которая естественным образом находится в диалоге с мировой культурой, формирование новых жизненных смыслов и ценностей.

Вместе с тем нельзя не видеть и то, что современные изменения в жизни постсоветского мира несут и определенный созидательный потенциал: растет интерес людей к своему прошлому, истории своего народа, к его духовному и культурно-историческому наследию, происходит трудный процесс утверждения своей национальной идентичности.

Заключение. Процесс формирования и сохранения исторической памяти чрезвычайно важен в условиях глобальной нестабильности и новых вызовов времени. По существу в культуре происходит выработка концепции будущего, здесь наполняется новым содержанием существующая система ценностей. Семья, государство, система образования, культура и искусство являются ключевыми институтами формирования историче-

ской памяти. Историческая память избирательна во времени, зачастую противоречива. Каждая эпоха актуализирует, «выдергивая» на всеобщее обозрение то одни, то другие события из своего прошлого. К сожалению, время подчас безжалостно подтачивает и опорные, значимые истины, и каждому новому поколению надо заново доказывать значимость общеизвестных истин. Но в них как раз – корень нравственности будущего. Для современной истории таким событием является Великая Отечественная война. При этом следует отметить, что в настоящее время растет интерес людей к своему прошлому, истории своего народа, к его духовному и культурно-историческому наследию, происходит трудный процесс утверждения своей национальной идентичности и в этом преемственность поколений и его большой созидательный потенциал.

Литература

1. Данилов А. Н. Новые геополитические реалии будущей цивилизации // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 4. С. 4–12.
2. Дружественность городской среды: возможности интерпретации и измерения, опыт создания / Е. В. Лебедева [и др.]; под общ. ред. Е. В. Лебедевой, А. Г. Филиповой. Минск : БГУ, 2020. 207 с.
3. Лихачев Д. С. Письма о добром. М. : АСТ, 2017. 448 с.
4. Миронов В. В. Метафизика не умирает: избранные статьи, выступления и интервью. М. : РГ-Пресс, 2020. 488 с.
5. Миронов В. В. Современные трансформации в культуре. СПб. : СПбГУП, 2011. 128 с.
6. Мысливец Н. Л. О некоторых особенностях формирования исторической памяти новых поколений // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. № 2. С. 82–87.
7. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М. : Алгоритм, 2003. 560 с.
8. Распутин В. Г. Земля у Байкала. 3-е изд. перераб. Иркутск : Издатель Сапронов, 2017. 308 с.
9. Распутин В. Г. Эти двадцать убийственных лет. М. : Алгоритм, 2016. 320 с.
10. Романовский Н. В. Новое в социологии – «бум памяти» // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 13–23.
11. Селеня Л. П. Социализация детей и подростков в условиях городской среды. // Социальная политика и социология. 2011. № 7 (73). С. 91–97.
12. Смирнов А. В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М. : Садра, Издат. дом ЯСК, 2019. 216 с.
13. Стёпин В. С. Человек. Деятельность. Культура. СПб. : СПбГУП, 2019. 800 с.
14. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М. : Гардарики, 2001. 398 с.
15. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века. М. : Синдбад, 2019. 416.

УДК 316.334.56

Т. И. Грабельных

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ДИНАМИКА ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ СДВИГОВ И РАЗЛОМОВ В БОЛЬШИХ И МАЛЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДОВ

Работа посвящена анализу факторов, влияющих на изменение представлений о социальном времени и социальном пространстве современного города. Автор связывает цивилизационные достижения с динамикой цивилизационных сдвигов и разломов в больших и малых социальных пространствах современных городов, детерминирующих новый вектор цивилизационного развития. Представлено концептуальное видение перехода к новому типу взаимоотношений и взаимосвязей в пространстве города. Доказано, что в условиях социальной напряженности внесистемные позиции города в социальном пространстве страны и региона, не менее значимы, чем усиление общесистемных оснований городского развития. В качестве интегрирующего фактора в развитии коммуникаций современного города рассмотрено внедрение пространственно-интеллектуальных технологий для реагирования на внешние и внутренние вызовы.

Ключевые слова: город, социальное пространство, социальное время, большие социальные пространства, малые социальные пространства, пространство города, цивилизация, цивилизационные сдвиги, цивилизационные разломы, цивилизационные достижения, эпоха, культура, ментальность.

DYNAMICS OF CIVILIZATION SHIFTS AND FAILURES IN LARGE AND SMALL SOCIAL SPACES OF MODERN CITIES

The work is devoted to the analysis of the factors influencing the change in ideas about social time and social space of a modern city. The author connects civilizational achievements with the dynamics of civilizational shifts and faults in large and small social spaces of modern cities, which determine a new vector of civilizational development. The article presents a conceptual vision of the transition to a new type of relationships and interconnections in the city space. It is proved that in conditions of social tension, the non-systemic positions of the city in the social space of the country and the region are no less significant than the strengthening of the system-wide foundations of urban development. The introduction of spatial and intelligent technologies to respond to external and internal challenges is considered as an integrating factor in the development of communications in a modern city.

Keywords: city, social space, social time, large social spaces, small social spaces, city space, civilization, civilizational shifts, civilizational faults, civilizational achievements, era, culture, mentality.

Классические концепции о социальном времени и социальном пространстве позволяют дифференцировать понятия своего – «родного» и «чужого» города. В «родном» городе развитие имеет свой ход истории, а значит, и времени: время может замедляться, или ускоряться, но оно служит городу, влияет на его сущностные силы, поддерживает механизмы его жизнеобеспечения. Социальное пространство «родных» – независимо, больших или малых городов, изначально «присвоено» / «освоено», оно, по субъективным представлениям, имеет неотчуждаемый характер, сохраняющийся во времени. Большие и малые социальные пространства «родных» городов отличает деятельностный тип населения, социальных групп, общественных объединений. Процесс переконструирования позиций субъектов городского пространства не может вызвать деструктивные изменения, каждый субъект сохраняет свою позицию, свое место, свое положение в общественно-городской иерархии. Соответственно, капитал города (социальный, культурный, интеллектуальный, образовательный, политический, экономический) принадлежит тем, кто здесь проживает.

В «чужом» городе субъект предпринимает попытки встраивания в исторически сложившуюся систему социальных отношений, иными словами, он ищет ориентиры для определения своего места в социальном пространстве города. Его представления о социальном времени и социальном пространстве существенно отличаются, поскольку он «вторгается» в «чужое» для него городское пространство со своими ментальными и культурными кодами, своим социальным опытом и социальными технологиями осуществления активной деятельности. Город как «живой организм» может принять этого субъекта с его возможностями и ресурсами к осуществлению социальной деятельности, при условии «узнавания» и взаимообогащения социальных и культурных кодов. Фактически, отсутствие своего места у субъекта в городском пространстве – это его отчуждение от города. Полагаем, что существует и реально проявляется в современном городском пространстве не только отчуждение от власти, собственности, общественных институтов, ресурсных возможностей, но и от города в целом.

Данные рассуждения построены на «переживаниях» и наблюдениях автора, как человека, который проживал в больших и малых городах России – г. Кяхта Кяхтинского района Республики Бурятия, г. Екатеринбург, г. Комсомольск-на-Амуре Хабаровского края, г. Москва. С 1995 г. – проживание в г. Иркутск. Образовательная и профессиональная деятельность сочеталась с общественной активностью в местах проживания в разные периоды жизни и «родными» благодаря этому остались и являются Кяхтинский район, Екатеринбург, Москва, Комсомольск-на-Амуре и Иркутск. Разные регионы, разный статус, масштаб городов и их уровень развития – казалось бы, что общего в организации городской жизни и стратегиях городского развития? Или это связано с особенностями восприятия тех событий, в которые мы оказались включены? При каких обстоятельствах происходит переход «чужого» в «родное»? Какие факторы влияют на изменение представлений о социальном времени и социальном пространстве современного города?

По результатам собственных наблюдений таких факторов по меньшей степени три:

1) *«присутствие» в городе* (в основе – реализация технологий социального освоения и социальной, общественной, творческой активности);

2) *возможность быть причастным к истории города* (Кяхта, Комсомольск-на-Амуре, Екатеринбург, Иркутск и Москва – известные культурно-исторические центры, сохраняющие и поддерживающие свой статус. Здесь основным принципом выступает открытость и знание истории, прикосновение к истории города, причем в разных форматах на разных «культурных площадках», например, для автора (по первым восприятиям) – это Кяхтинский краеведческий музей имени академика В. А. Обручева в г. Кяхта, Мемориальный дом-музей П. П. Бажова в г. Екатеринбург, Памятник Первостроителям в Комсомольске-на-Амуре, Музей Великой Отечественной войны на Поклонной Горе в Москве, Иркутский областной художественный музей имени В. П. Сукачева в г. Иркутск);

3) *возможность попадания в места цивилизационных сдвигов и разломов* (Кяхта – новые решения по развитию исторического города как приграничного города (конец 1970-х – начало 1980-х гг.), помощь в самоопределении молодежи как первый шаг профессионально-образовательного становления (1982-1983 гг.); Екатеринбург - перестроечные процессы перед распадом СССР; Москва – августовский путч 1991 г. и последующие события (путч) 1993 г.; Комсомольск-на-Амуре – перестроечные процессы, кульминационные события перед распадом Советского Союза 1988-1990 гг., политические и производственные кризисы 1993-1995 гг., Иркутск (современный период) – реализация крупных политических, общественных и культурных проектов, развитие технологий общественного участия, быстрая смена управленческих и политических стилей на уровне региона и города).

В качестве основных тезисов, раскрывающих динамику цивилизационных сдвигов и разломов в больших и малых социальных пространствах современных городов, выдвигаем семь:

1. Город открыт для каждого, отчуждения можно избежать, если личная история интегрирована в историю своего города. История Иркутска – яркий пример трудовых подвигов, но это и личные истории трудовых подвигов иркутян.

2. Цивилизационные достижения отражают динамику цивилизационных сдвигов и разломов в больших и малых социальных пространствах современных городов. Последние определяют новый вектор цивилизационного развития.

3. Любой исторически обусловленный качественный переход к новому типу взаимоотношений и взаимосвязей в пространстве города можно рассматривать как начало цивилизационного сдвига. Смена общественно-экономических формаций и индустрий, промышленные и культурные революции являются проявлением «цивилизационных разломов», показывают становление нового типа цивилизационных отношений.

4. Новые цивилизационные сдвиги требуют пересмотра исторических и современных взаимосвязей в развитии города.

5. В условиях социальной напряженности внесистемные позиции города в социальном пространстве страны и региона, не менее значимы, чем усиление общесистемных оснований городского развития.

6. Внедрение передовых пространственно-интеллектуальных технологий для реагирования на новые внешние и внутренние вызовы – один из основных интегрирующих факторов в цивилизационном развитии современного города.

7. Цифровизация – всего лишь ступень в поступательном развитии информационного общества, которая не всегда имеет своим следствием цивилизационные сдвиги, обуславливающие цивилизационный прогресс.

Таким образом, динамика цивилизационных сдвигов и разломов в больших и малых социальных пространствах современных городов отражает целый спектр направлений цивилизационного прогресса.

ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ

В статье проводится онтологическая классификация современных концептуальных подходов, интерпретирующих пространство города. Обосновывается позиция, что методологической основой анализа и последующих трансформаций пространства города должна выступать социальная онтология, позволяющая видеть это пространство как социальное априори, а совокупность его модусов – как органическую целостность.

Ключевые слова: социальная реальность, социальная онтология, пространство города, социальное пространство, социальное управление, градостроительство, пандемия коронавируса.

Yu. I. Prokorenko

Pacific National University, Khabarovsk

CITY SPACE: ONTOLOGICAL GROUNDS OF CLASSIFICATION

The article provides an ontological classification of modern conceptual approaches that interpret the space of the city. The author substantiates the position that the methodological basis of analysis and subsequent transformations of the city space should be social ontology, allowing to see this space as a social a priori, and the totality of its modus – as organic integrity.

Keywords: social reality, social ontology, city space, social space, social governance, town planning, coronavirus pandemic.

Пандемия коронавируса со всей очевидностью выявила целый ряд проблем, характерных для современного города, которые ставят под угрозу существование самого человечества. Ответной, импульсивной реакцией на эту угрозу явился массовый отток населения из мегаполисов, наблюдавшийся весной 2020 г. как в России, так и за рубежом. И эта тенденция, по оценке экспертов Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), в долгосрочной перспективе может продолжиться. Специалисты называют коронавирус болезнью крупных городов и отмечают как общемировую закономерность то, что очаг заболевания формируется именно там, а уже потом распространяется на периферийные территории [8].

Отток людей из городов заставляет переосмыслить взгляды на агломерационные процессы в государственной политике в целом и на градостроительство, в частности. Пандемия заставила власти по-новому взглянуть на использование, прежде всего – городского пространства [11]. Современные представления об основах пространственного развития городов меняются, поскольку то, что раньше виделось их преимуществом, а это – интенсивная социальная и культурная жизнь, скопление людей, общественные пространства, транспортная доступность – «превратилось в угрозу, создавая благоприятные условия для распространения коронавируса» [10].

Учёные-урбанисты, как и муниципальные власти, также целенаправленно работают над улучшением качества градостроительной среды, позволяющего преодолевать и минимизировать последствия глобальных и региональных изменений природы и общества. Они исходят из того факта, что современные города не справляются и, по всей вероятности, не будут справляться в будущем с надвигающимися вызовами, угрозами и рисками. Так, авторы новой Концепции территориального планирования и градостроительства, обосновывая необходимость разработки данной концепции, считают, что пандемия коронавируса «позволяет ускорять, а не откладывать многие рациональные идеи и решения по трансформации российского градостроительства» [5, с. 97].

Можно констатировать, что формирующийся социальный тренд и понимание необходимости переструктурирования пространства города ставят перед обществом новые сложные задачи. Их эффективное решение напрямую будет зависеть от того, насколько глубоко и точно будут описаны как социальные, прикладные, так и научные проблемы,

которые предстоит решать и управленцам, и учёным по трансформации пространства города. А такое описание (как и объяснение, и понимание) возможно лишь при использовании адекватного понятийного аппарата, описывающего город «как многослойный смысловой феномен» [3]. В этой связи большой интерес представляет ключевое понятие «пространство города», которое концептуализирует (должно это делать!) основной объект управленческих воздействий. Очевидно, что, если мы не понимаем природу и закономерности развития объекта управления – все наши попытки привести этот объект в желаемое состояние окажутся безуспешными: «хотели как лучше – получилось как всегда» (В. С. Черномырдин).

С конца минувшего века социально-гуманитарные науки начали активно использовать множество новых теорий и понятий, в том числе «социальное пространство», «социальное поле», «социальное время». Они стали необходимы для осмысления социальных процессов как локального, так и глобального масштаба. Как отмечала в то время Т. И. Грабельных, для парадигмы пространственных характеристик («пространство – поле»), находящейся на стадии становления, была характерна терминологическая неопределенность: «методология социального пространства требует развития, пересмотра многих существующих понятий, концепций, категориального аппарата» [2, с. 128–129]. К сожалению, ризомическая модель развития самого научного знания не позволяет надеяться на существенные подвижки в этом вопросе. Лишь обращение к социальной онтологии, на наш взгляд, оставляет шансы на то, что понятия приобретут должную научную строгость и методологическую соподчинённость.

«Пространство», «среда», «дистанция», «система», «поле» – все эти понятия имеют свои дисциплинарные коннотации, поэтому их онтологическая экспликация в ракурсе социальности может быть весьма плодотворна. Она нужна хотя бы для того, чтобы осознанно проводить различие между «пространством» и «социальным пространством», «социальным пространством» и «социальной средой», «пространством города» и «городским пространством» и т. д. Порой складывается ощущение, что само понятие «пространство» используется не более как метафора, что предопределяет, как отметил ещё в самом начале формирования пространственной парадигмы А. Ф. Филиппов, его путанное, неясное и противоречивое использование. Это, очевидно, и позволило ему, давая описание пространственных позиций и их восприятия, различать понятие «пространства в собственном смысле (пространство тел, имеющих форму и дистанцированных друг от друга)» и понятие «пространства в метафорическом смысле (наглядное отображение пространственно избираемого многообразия)» [7, с. 54–55].

Ощущение метафоричности использования понятия «пространство» при исследовании проблем урбанистики и их решении присутствует и сейчас. Если исходить из методологической позиции, что учёный в качестве ключевых слов своей работы определяет концептуальные понятия, структурирующие объект и предмет своего исследования, то в настоящее время национальная библиографическая база РИНЦ на платформе eLIBRARY.RU по запросу «городское пространство» находит 77 ключевых слов в 351 статье (по состоянию на 28.03.2021 г.). Даже предварительный логико-семантический анализ позволят путём агрегации сократить это количество до 40 ключевых слов (табл. 1 и 2), хотя эту процедуру можно продолжать и дальше, поскольку формулировка ключевого слова отражает творческий процесс, авторское видение социальной реальности.

Однако уже из представленных таблиц можно сделать предварительные общие выводы. Первый, очевидный – это терминологическое многообразие описание пространства города, за которым стоит как разнообразие методологических подходов, так и, увы, бессистемность этой «суммы методологий», что характерно для постмодернистского этапа развития социально-гуманитарного знания.

В то же время эта «бессистемность», как нам видится, отражает реальную многомерность пространства города, что и отражается в таком обилии ключевых слов: фактически каждый исследователь фиксирует ту или иную грань социальной реальности города, которая представляет собой смысловые (как материальные, так и идеальные) взаимодействия различных субъектов в условиях конкретного *места* и *времени*. Фактор низкой научной и методологической культуры в этой «бессистемности» очень незначительный.

Таблица 1

Ключевые слова в научных источниках по запросу «пространство города», встречающиеся более двух раз (база данных РИНЦ на платформе eLIBRARY.RU)

Ключевое слово	Количество опубликованных статей
Пространство города	79
Культурное пространство города	52
Социокультурное пространство города	42
Социальное пространство города	31
Языковое пространство города	26
Коммуникативное пространство города	23
Образовательное пространство города	15
Информационное пространство города	15
Общественное пространство города	8
Архитектурное пространство города	6
Историческое пространство города	5
Подземное пространство города	5
Художественное пространство города	5
Парковочное пространство города	4
Социально-экономическое пространство города	4
Геокультурное пространство города	3
Итого статей	323

Третий вывод вытекает из рейтинга «внимания» исследователей к тем или иным пространственным аспектам города (в таблице в качестве критерия рейтинга было взято количество опубликованных статей). Если мы опустим самое общее понятие «пространство города», которое фактически может включать в себя все последующие позиции и подходы, и будем иметь ввиду социальную природу культуры и интегративную роль социокультурного подхода, то последующие три позиции рейтинга в совокупности составят больше одной трети исследований (125 статей – 36 % от общего объёма исследований). Имея же ввиду относительную условность проведённого агрегирования и то, что ключевым элементом культуры является язык, то становится очевидным, что город – это, прежде всего, социокультурное пространство, и именно это пространство являет собой ту социальную реальность города, которая детерминирует все протекающие в нём процессы.

И четвёртый, на наш взгляд, самый важный вывод состоит в том, что исследователи в своих ключевых понятиях чётко фиксируют живую, органическую связь всех модусов пространства города. Это отражается в таких видовых определениях как «социокультурное», «социально-экономическое», «социально-географическое», «геокультурное», «архитектурно-ландшафтное», «культурно-историческое», «историко-культурное», «культурно-образовательное», «культурно-символическое», «лингвокультурное», «информационно-коммуникационное», «визуально-информационное», «рекламно-информационное», «мир-системное».

Следует иметь в виду то, что даже разовая фиксация той или иной пространственной характеристики, что отражено в табл. 2, ещё не говорит о том, что это речь идёт об акциденции пространства города. За этим может стоять, в первую очередь, концептуальная, методологическая непроработанность данной характеристики. Об этом говорит, на наш взгляд, незначительное число исследований пространства города, где понятие «про-

странство города» – это не метафора, а объектно-предметное поле исследователя, вооружённого соответствующим методологическим инструментарием.

Таблица 2

Ключевые слова в научных источниках по запросу «пространство города», встречающиеся один/два раза (база данных РИНЦ на платформе eLIBRARY.RU)

Ключевое слово	Количество опубликованных статей
Жизненное пространство города	2
Креативное пространство города	2
Сакральное пространство города	2
Физическое и социальное пространство города	2
«Переживаемое пространство» города	1
Аутичное пространство города	1
Гуманитарное пространство города	1
Дискурсивное пространство города	1
Медийное пространство города	1
Ментальное пространство города	1
Методическое пространство города	1
Мир-системное пространство города	1
Полихромное пространство города	1
Правовое пространство города	1
Праздничное пространство города	1
Психологическое пространство города	1
Реальное и виртуальное пространство города	1
Рекреационное пространство города	1
Событийное пространство города	1
Социально-географическое пространство города	1
Средовое пространство города	1
Туристское пространство города	1
Фантастическое пространство города	1
Эргонимическое пространство города	1
Итого статей	28

В то же время управленческий подход, к сожалению, намного уже. Так, если мы обратимся к федеральному проекту «Формирование комфортной городской среды» в рамках Национального проекта «Жильё и городская среда», то увидим, что для расчёта Индекса качества городской среды (уже) городское пространство структурируется на следующие 6 пространств: жильё и прилегающие пространства; улично-дорожная сеть; озеленённые пространства; общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства; социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства; общегородское пространство [9].

Следует иметь в виду, что индекс качества городской среды является инструментом для оценки качества лишь *материальной городской среды*, а также условий её формирования. В рамках уже этого управленческого подхода видно, что среда и пространство города отождествляются. Но онтология социального пространства говорит о том, что пространство – это структурированная среда. И структуриация эта детерминирована, прежде всего, смыслами, которые интегрируют в себе, поверим ещё раз, материальное и идеальное. Поэтому даже материальное (физическое) пространство города является социальным пространством, поскольку его границы и смыслы конструируются в процессе взаимодействия социальных субъектов. Исходя из этого чисто материальный (средовой) подход к развитию пространства города с точки зрения стратегического управления бесперспективен. В то время как онтологический анализ позволяет видеть, держать в фокусе внимания органическую целостность пространства города.

Социальная онтология как парадигма исследования социальной реальности в перспективе истории философского знания из-за своей очевидности предметом специальной научной рефлексии стала не так давно. Новая онтология социально-гуманитарного познания, описываемая концептом «онтологический поворот», в настоящее время рассматривается в рамках постпозитивистской методологии, продуцируемой западными теоретиками, которые, как драйверы социального познания, предлагают уже методологию метамодерна. Подходы же российских социальных теоретиков, их видение социальной онтологии и её металогической роли в социальных исследованиях остаются малоизвестными, поскольку рассредоточены по обширному российскому научному дискурсу.

Интерес к пространственно-временной проблематике как ядру социальной онтологии вызван тем, что выявление топологических и хронологических свойств социальной реальности имеет фундаментальное значение для социальной практики, поскольку пространственно-временной континуум образует то поле, на котором разворачиваются все социальные взаимодействия. Структура этого поля, которая является динамичной, влияет на характер этих взаимодействий. В методологическом плане выявление топологических и хронологических свойств социальной реальности способствует исследованию социального положения и направления мобильности конкретных социальных субъектов. При этом если топологическая психология и топология культуры в фокусе своих проблем видят индивида, то важной задачей социологии и политологии становится типология социальных форм пространства-времени различных обществ и групп в рамках общества, поскольку без этого невозможны современная социальная и политическая аналитика и прогнозистика, теория принятия решений [6, с. 193–210]. Это особенно важно при принятии решений в рамках градостроительной политики.

С сожалением приходится констатировать, что социально-гуманитарные науки уступили первенство математике в становлении топологии как науки; точнее – понятие «топология» утвердилось за научным направлением в математическом анализе, хотя в математике идеи топологии возникли лишь в конце XIX века, в то время как человек и его место в Мире – центральная тема философии, которая имманентна социально-философской рефлексии. Тем не менее, общие методологические аспекты, которые были сформулированы в математической топологии, могут быть интересны и социальной теории, поскольку обнаруживают себя и в структурах социальных взаимодействий. Это наводит на мысль, что пространственные и связанные с ними временные характеристики реальности имеют как общие онтологические, так и специфические свойства, присущие конкретным пространствам.

Основополагающие идеи топологии в математике состоят в том, чтобы рассматривать изучаемые объекты с точки зрения их наиболее общих геометрических свойств, в частности в отношении взаимного расположения и включения. В основе данного раздела математики, лежит ряд самых существенных, наиболее общих и фундаментальных свойств реального мира, и, прежде всего, свойство непрерывности, которое, в свою очередь, обуславливает свойства, не изменяющиеся при любых деформациях, производимых без разрывов и склеиваний. Поэтому иногда говорят, что топология – «резиновая» геометрия. А именно целостность городского пространства и проверяет на прочность пандемия коронавируса!

Основной объект изучения топологии – топологическое пространство – является довольно общим понятием. Топологическое пространство определяется как множество, где выделены некоторые подмножества, удовлетворяющие некоторым аксиомам. Однако в процессе развития топологии оказалось, что топологическое пространство представляет собой богатый и интересный объект исследования, что позволило выделить «общую топологию», т. е. раздел топологии, изучающий самые общие свойства топологических пространств. Социальное пространство так же неоднородно, следовательно, правомерно

выделять общую социальную топологию и топологию конкретных социальных подпространств (которых в пространстве города, судя по ключевым словам, довольно много).

Важным представляется то, что пространство всегда бытийствует в настоящем, отсюда его огромная роль в структурировании действительности. Реальность жизни как умирания, как постоянный процесс структурирования *местности* обуславливает то, что топологическая проблематика обнаруживает себя практически в каждой социологической и политологической концепции, в которых *со-бытие* социальности интерпретируется в своей конкретике. Но для понимания этой роли пространства важно выйти за рамки его физикалистского понимания, видеть его широко – как пространство социальное. Такой взгляд мы находим в социальной онтологии.

Только в начале третьего тысячелетия становится очевидным, что «для современной социальной философии оказывается актуальной задача установления онтологического статуса социальной топологии. Более того, насущной становится проблема реконструирования оснований социальной теории в рамках топологического способа оперирования её элементами» [4, с. 3]. И в этой связи интересны идеи С. А. Азаренко, который, раскрывая топологические основы культурного воспроизводства, рассматривает в связи с этим «*сов-местность*» человеческого способа существования, порождающий определённый тип телесности и соответствующие ему способ коммуникации. Он исходит из того, традиционные подходы, основанные на посылах классического способа объяснения мира, оказываются ограниченными или вообще неприемлемыми. Это связано с тем, что они отрывают историю и культуру от её телесного состава, противопоставляя тем самым культуру и природу, дух и тело. По его мнению, только топология открывает доступ к механизму *сов-местного* способа существования людей и позволяет определиться с его конкретной реализацией в условиях той или иной культуры [1]. Современное пространство города может сохраниться лишь в том случае, если оно не будет противопоставлять культуру и природу, дух и тело, а будет представлять собой панно (а не мозаику!) локальных подпространств, созданное талантливыми учёными и управленцами.

Наличное концептуальное разнообразие в трактовке социального пространства, встречающаяся порой путаница и противоречивость, на наш взгляд, проистекает из того, что такие свойства пространственности как протяженность и структурность, которые обуславливают характер сосуществования и взаимодействия элементов различных систем (субъектов – в социальных системах), в их физической модификации переносятся буквально на социальные объекты. Пространственная структура социума в этом случае рассматривается односторонне, а понятие «социальное пространство» в зависимости от парадигмальных установок приобретает тот или иной смысл.

Наш парадигмальный подход, который связывает социальность с «последними очевидностями» – со смысловой коммуникацией, интегративными качествами субъектов этой коммуникации и опосредованными этими качествами формами самой коммуникации, позволяет под социальным пространством понимать *когерентные*, не взаимоисключающие, а дополняющие – физические, статусно-коммуникативные и ментальные – характеристики *пространственности как фактора взаимодействия*. В этом ключе, подчеркнём ещё раз, все материальное (физическое) пространство города является социальным априори, поскольку его границы и смыслы конструируются в процессе взаимодействия социальных субъектов: физическое пространство становится социализированным по мере включения человека его в свою практическую деятельность.

В индивидуальном плане социальным пространством будет выступать то пространство, в котором индивид объективирует свое Я – размещает личностные смыслы, «означивает» пространство как своей телесности, так и ментальности. Тем самым он включается в коммуникативное пространство, где происходит его неизбежная встреча с Другим. Сплав неотчуждаемых от индивида физических, ментальных и коммуникативных аспектов социального пространства формирует его личное пространство. Оно объективируется в той

собственности, которой индивид владеет. Таким образом, собственность представляет собой квинтэссенцию социального пространства индивида, как, в прочем, и иных субъектов: собственность – это субъектное социальное пространство.

Если же говорить о социальном пространстве в надьиндивидуальном плане (поскольку социальная реальность представляет собой ансамбль разнотипных социальных субъектов), то его можно понимать как смысловую и нормативную протяженность и структурность реальности, обуславливающую коммуникацию субъектов, овладение которой требует времени. Такая онтологическая экспликация социального пространства позволяет провести ещё одну, опять же – относительную, классификацию (под)пространств города (табл. 3).

Таблица 3

Онтологическая классификация пространств города
(на основе ключевых слов в базе данных РИНЦ на платформе eLIBRARY.RU)

Социализированное физическое пространство города	Статусно-коммуникативное пространство города	Ментальное пространство города
«Пространство города», «социальное пространство», «жизненное пространство», «историческое пространство», «событийное пространство», «средовое пространство»		
	«Социокультурное пространство», «культурное пространство», «гуманитарное пространство», «правовое пространство», «виртуальное пространство», «информационное пространство»	
«Реальное пространство», «социально-экономическое пространство», «социально-географическое пространство», «туристское пространство», «геокультурное пространство», «рекреационное пространство», «эргономическое пространство», «полихромное пространство», «праздничное пространство»		«Ментальное пространство»
		«Креативное пространство»
«Физическое пространство»	«Коммуникативное пространство»	«Сакральное пространство»
«Архитектурное пространство»	«Образовательное пространство»	«Языковое пространство»
«Подземное пространство»	«Общественное пространство»	«Художественное пространство»
«Парковочное пространство»	«Медийное пространство»	«Переживаемое пространство»
	«Методическое пространство»	«Аутичное пространство»
	«Мир-системное пространство»	«Дискурсивное пространство»
		«Психологическое пространство»
		«Фантастическое пространство»

Относительность предложенной классификации вытекает из самой природы социальной реальности, которая интегрирует в себе материальное и идеальное: всё материальное несёт на себе отпечаток идеального и выступает статусным или коммуникативным ресурсом. В то же время идеальное обнаруживает свою реальность лишь оставив коммуникативный или материальный след.

Таким образом, проведённый онтологический анализ существующих концептуальных подходов, интерпретирующих пространство города, позволяют рассматривать социальную онтологию в качестве методологической основы анализа и последующих трансформаций пространства города, поскольку она видит это пространство как социальное априори, как органическую целостность. Сохранение и упрочение этой органической це-

лости, поиск её оптимальных размерностей и структур в условиях современных рисков и является важнейшей задачей как социальных теоретиков, так и социальных практиков, управляющих процессами конструирования социальной реальности.

Литература

1. Азаренко С. А. Топология культурного воспроизводства (на материале русской культуры). Екатеринбург : УрГУ, 2000. 224 с.
2. Грабельных Т. И. Концепция ментальности в закрытых социальных пространствах : монография. М., 2000. 285 с.
3. Ивлишкая Л. Г. Диагностическая модель города: хронотопический подход // Человек и культура. 2021. № 1. С. 36–46. URL: https://e-notabene.ru/ca/article_33303.html (дата обращения: 21.04.2021).
4. Касимов М. О. Топология социальной организации: онтологический аспект : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Ижевск, 2002. 19 с.
5. Кочуров Б. И., Ивашкина И. В., Фомина Н. В., Ермакова Ю. И. Особенности развития городов после пандемии коронавируса // Экология урбанизированных территорий. 2020. № 3. С. 90–97.
6. Прохоренко Ю. И. Социальная реальность: методологические аспекты исследования. Хабаровск : Изд-во ДВАГС, 2004. 315 с.
7. Филиппов А. Ф. Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 45–69.
8. Города будут пустеть: эксперты предупредили о последствиях пандемии. URL: <https://news.ru/society/eksperty-predupredili/> (дата обращения: 25.04.2021).
9. Индекс качества городской среды. URL: <https://индекс-городов.рф/#/> (дата обращения: 30.04.2021).
10. Стародубровская И. Какая судьба ждет города в эпоху пандемии и после // РБК : [сайт]. URL: <https://reality.rbc.ru/news/5eaa79209a7947a8814cd0fb> (дата обращения: 20.04.2021).
11. Тургиев М. Урбанисты рассказали, как пандемия повлияет на городскую среду // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20200430/1570779261.html> (дата обращения: 20.04.2021).

УДК 008:355.48(100)"1939/1945"

В. А. Решетников

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена рассмотрению проблемы итогов Второй мировой войны с позиции цивилизационного подхода. Подчеркивается традиционно интернациональный характер циклов нашествий на Россию. Аргументируется, что итоги войны показывают важность сохранения своеобразия российской цивилизации, необходимость сильной централизованной власти, отработки идеологии братства и сотрудничества.

Ключевые слова: цивилизация, война, братство, социальный гуманизм, русофобия, итоги войны.

V. A. Reshetnikov

Irkutsk State University, Irkutsk

CIVILIZATION ASPECT OF THE SECOND WORLD WAR

The article is devoted to the problem of results of the Second World War from the position of civilization approach. The traditional international character of the cycles of invasions against Russia is underlined. The results of war show the imperial character of the Russian culture, necessity of strong centralized authority, ideology of brotherhood and collaboration.

Keywords: civilization, war, brotherhood, social humanism, russiafobia, results of the war.

Как тяжело жить, когда с Россией никто не воюет.

Из выступления лорда Генри Палмерстона
1 марта 1848 г. в палате общин парламента Великобритании

Тема цивилизационных сдвигов – традиционная тема социально-гуманитарных исследований. Особое внимание привлекают взаимодействия в ходе крупных исторических событий. Так, тема итогов Второй мировой войны в последние десятилетия звучит все чаще, особенно в связи с необходимостью нового обобщения итогов. В зарубежной ис-

ториографии это иногда становится мотором новой идеологической войны. Целый ряд суждений о необходимости учесть уроки второй мировой войны обсуждаются в связи с новыми вызовами для России со стороны Запада.

В некоторой степени накал научного интереса к феномену второй мировой войны обусловлен необычным характером противостояния, которое поверхностно выглядит как сражение России с фашисткой Германией. Есть точки зрения, и их разделяет автор статьи, о более глубоком, а именно – цивилизационном характере противостояния. И этот аспект заставляет иначе взглянуть на уроки второй мировой войны, которые должны осмыслить и переосмыслить наши современники.

Отметим, что чаще всего термин «цивилизация», применяется для характеристики достижений материальной и экономической культуры, для качественной оценки определенного уровня техники, комфорта, образа жизни, степени развитости образования, воспитания и досуга, позитивных накоплений в духовно-интеллектуальной сфере и т. д. В соответствии с этими и другими критериями, исследователи классифицируют цивилизации в синхроническом и диахроническом аспектах, делают их на континентальные и морские и т. д.

Между цивилизациями всегда существовали сложные отношения. Так, выступая идеологическим ядром западноевропейской цивилизации, протестантско-католическая христианизация придавала ей активистский импульс, который, в острых превращенных формах, пульсировал столетиями и подталкивал людей к конфронтациям с народами и верами. Позднее, с подачи С. Хантингтона (1993 г.), продолжение этой тенденции будет названо «войной цивилизаций», но уже с новым противником – регионами ислама.

Рассмотрение цивилизационного аспекта генезиса и последствий второй мировой войны имеет ряд особенностей. Одним из них является принятие ряда допущений или возможности наличия множества различных точек зрения. Первое из них связано с противоречивым пониманием России как отдельной цивилизации. Ряд историков либеральной направленности настаивают на идентичности российской и европейской культур, поскольку имеется общее смысловое поле христианской цивилизации и есть возможность включения России в состав европейской цивилизации. Другие категорически настаивают на уникальности и самобытности российской цивилизации.

С нашей точки зрения, западно-европейская и российская цивилизации всегда находились в противоречивых контактах и совместно образуют некую более сложную фигуру, наподобие сообщающихся сосудов. Эти цивилизации близки и подобны друг другу и, одновременно, различны по своим ценностно-религиозным и даже ресурсным основаниям. Их взаимодействие толерантно и конфликтно одновременно. Давление в одной части порождает ответную реакцию в другой. Давно, кстати, психологами отмечено, что разрешение противоречий между родственниками отличается особым накалом страстей.

Отдельной проблемой является определение понятия советская цивилизация. Активной и преобладающей направлением является критика самого понятия советской цивилизации. Это понятие представляется в ряде публикаций как иллюзия. Есть и аргументы, в соответствии с которыми цивилизация советского периода являлась лишь экспериментом, в том числе одним из последних вариантов Возрождения, накопивший колоссальный социальный и экономический опыт, как позитивных решений, так и ошибок. Всякая революция, меланхолически замечал К. Мерло-Понти, подлинна как движение и фальшива в качестве институтов. Но это не основание для ее тотального отрицания.

В последнее время пафос тотального отрицания снизился, когда стало ясно, что ничего нового в социокультурном смысле тридцатилетняя перестройка в России не создала, хотя образец – библейский сорокалетний срок вожения богом евреев по пустыне в поисках обетованной земли еще не прошел.

Автор отстаивает наличие единой имперской российской цивилизации, которая формировалась в веках и ее путь далеко не завершен. Не случайно, формирующаяся но-

вая современность представляет собой комбинацию дореволюционных, послереволюционных и современных образцов в чем-то единых субкультур. Осознание единства русской и, позднее, российской цивилизации позволяет, в том числе, увидеть, что большинство противостояний и войн, которые велись Россией, имели цивилизационный характер. Можно вспомнить нашествие степной цивилизации Чингис хана, последствиями которого было не только острое противостояние, но и взаимовлияние родов, вхождение новых языковых терминов, метисизация народов и субкультур.

Аналогом действия сообщающихся сосудов Европы и России, к примеру, было нашествие в Россию европейских интернациональных варварских отрядов под руководством Б. Наполеона. В составе его армии, по самым приблизительным подсчётам, из 600 с лишним тысяч неприятельских военнослужащих, перешедших русскую границу, как минимум 50 % нефранцузами. Очевидно, армию Наполеона в 1812 г. точнее называть не французской, а армией Европы, или, как позднее её стали именовать в научной литературе, Великой армией. Сам Наполеон утверждал, что в его войсках в походе на Россию насчитывалось вообще едва ли 140 тыс. человек, говоривших по-французски [2, с. 70]. По воспоминаниям А. де Коленкура, Наполеон при вторжении в Россию 30 июня 1812 г. в захваченной Вильне заявил: «Я пришёл, чтобы раз навсегда покончить с колоссом северных варваров... Надо отбросить их в их льды, чтобы в течение 25 лет они не вмешивались в дела цивилизованной Европы... Цивилизация отвергает этих обитателей севера. Европа должна уstraиваться без них» [3]. Да, наполеоновское вторжение изменило Россию, но ее ответ, по принципу сообщающихся сосудов, изменил политическую карту Европы. Особенно наглядно принцип сообщающихся сосудов проявился после Великой Октябрьской Социалистической революции. Есть даже мнение, что своей устойчивостью капитализм обязан вынужденным введением социальных законов, в том числе и для противодействия СССР.

Интернационализация вторжения повторилась в сороковые годы прошлого века. В этом следующем цикле против СССР на стороне Германии воевали многие государства Европы. Такие страны как Италия, Норвегия, Венгрия, Румыния, Словакия, Финляндия, Хорватия официально объявили войну России. Испания и Дания направили войска против России без соответствующего дипломатического заявления. Помимо регулярных сил вермахта и его союзников на Восточный фронт воевать с Россией отправлялись тысячи европейских добровольцев. После нападения Германии на СССР формируются добровольческие легионы – «Фландрия», «Нидерланды», «Валлония», «Дания», преобразованные позже в дивизии СС «Нордланд» (скандинавская), «Лангемарк» (бельгийско-фламандская), «Шарлемань» (французская) и др.

Можно воспользоваться другими данными д-ра ист. наук В. Е. Багдасаряна, который отмечал, что хотя львиную долю военнопленных в СССР составляли немцы, 24,6 % – почти четверть – румыны, венгры, представители других, официально воевавших против СССР наций. Еще 9,3 % – цифра тоже не маленькая – составляли представители тех народов, которые официально не участвовали в войне против Советского Союза – бельгийцы, чехи, поляки, датчане. России, таким образом, противостояло в войне не только 70 млн немцев, а гораздо более широкая общность. Добавим, что в тылу у немцев работали квалифицированные рабочие Европы. Даже нейтральные европейские государства активно участвовали экономическом обеспечении Третьего Рейха. Швеция, например, поставляла руду, Швейцария – точные приборы.

На таких фактах советская пропаганда долгое время не акцентировала внимание. Чаще говорилось об единстве антифашистского фронта, о героях Сопrotивления в различных европейских странах, хотя, заметим, львиную долю их составляли эмигранты из России и бывшие военнопленные. В официальной пропаганде считалось, что победа над фашизмом это и победа патриотов Венгрии, Румынии, Болгарии, Чехословакии, Польши и других стран. В какой-то степени это представлялось победой европейской цивилиза-

ции над германским варварством. Если такая позиция в то время ситуативно была оправдана, то в перспективе она оказалась тупиковой. Истинное содержание традиционного умонастроения, подчеркнем, преимущественно, элиты этих стран видно сегодня на примере забвения исторической памяти, например, в форме уничтожения на своих территориях памятников советским воинам.

Двуличие в европейской цивилизации, впрочем, традиционно. Хорошо известно заявление сенатора и будущего президента США Г. Трумэна: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Германии ни при каких обстоятельствах»¹.

Цивилизационное противостояние не закончилось с победой над фашизмом. Основы идеологии «холодной войны» европейской элитой закладывались сразу же. Сами термины «железный занавес» (1945 г.), «холодная война» (Дж. Оруэлл) постоянно звучали в западной пропаганде. 22 мая 1945 г. был готов английский (утопический) план войны с СССР «Немыслимое», который зеркально повторил план «Барбаросса» и предусматривал такой же блицкриг. На роль, отводимую Гитлером немцам, У. Черчилль выводит интернациональную команду англосаксов. Сталинский ответ по «горячим следам» Фултонской речи в интервью газеты «Правда» имеет актуальность и в 2021 г.: «Следует отметить, что г. Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы как единственно полноценная нация должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит г. Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные, должны господствовать над остальными нациями мира. По сути дела, г. Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, – в противном случае неизбежна война» [1]. В августе 1945 г. был создан американский план нанесения ядерных ударов по городам СССР под названием «Тоталити». Его наличие, кстати, отрицалось в США вплоть до 1998 года.

Это фарисейски прикрываемое противостояние быстро приобрело не только межгосударственный, но и цивилизационный характер. Дж. Кеннан в своей знаменитой «длинной телеграмме» прямо утверждал, что борьба против России, это не борьба против идеологии коммунизма, а борьба против российской цивилизации.

Уже в наши дни фальшивая обертка борьбы против идеологии коммунизма вновь быстро слетела и заменилась на откровенную русофобию элиты западных стран, т. е. приобрела национальный и в сущности – цивилизационный характер. Это напоминает слова Катона – старшего в Сенате Рима: «Карфаген должен быть разрушен».

Однако в России существуют различные точки зрения на проблему современного противостояния между русской и западной цивилизациями. В 1990-е гг. прошлого века российские либералы внесли огромный вклад в формирование системы иллюзий в официальной политической культуре России по поводу возможности сотрудничества цивилизаций. Автор не отвергает идеи такого сотрудничества, но на равноправной основе. Экономические санкции, явное и тайное противодействие Запада уже подорвали такую возможность.

Реальностью же становится новое противостояние Российской и Западной цивилизаций, которое называется экономической, когнитивной, торговой войной. Автору импо-

¹ См. The New York Times. 1941. June 24.

нирует понятие А. Грамши – молекулярная война, сутью которой является использование не прямых методов воздействия, особенно ресурсов культуры, негосударственных организаций. Собственно, все «оранжевые революции» являются примерами таких молекулярных войн. Скрытой пружиной таких войн является стремление к единоличному доминированию англосаксонской цивилизации и, главным образом, тяготение к корыстному использованию Западом чужих природных богатств и использование для прикрытия этой жажды завесы псевдолиберальных иллюзий.

Россия, как известно, отстаивает концепцию многополярного мира или равноправного развития цивилизаций. Однако идеология сотрудничества цивилизаций разрабатывается в отечественной науке вяло и в основном носит оборонительный характер. Понятие идеологии отсутствует и в новой редакции Конституции. Современная напряженная работа призвана устранить ряд зависимостей, которые, как мина замедленного действия, были заложены российской либеральной интеллигенцией в период так называемой перестройки (например, принцип верховенства международных законов перед российскими, запрет на идеологию). Планируется устранить возможность занятия важных государственных постов лицами с иностранным гражданством. Нивелируются ряд либеральных идеологических принципов и утверждается, например, ценность традиционной семьи. Российская цивилизация начинает отстаивать свои интересы. Однако это движение робкое и противоречивое, главным образом из-за скрытого и явного противодействия так называемой либеральной общественности.

В связи с этим, представляется важным переосмыслить уроки второй мировой войны, в том числе и как факта столкновения цивилизаций в свете развивающегося нового/старого цивилизационного сдвига:

1. Важно осознать, что Россия всегда была отдельной оригинальной цивилизацией. Ее ядром являлась интеграция народов (идеал братства) и совместный труд. Часто отмечается значение ценностей православия. Культурно генетические коды, которые сложились в ходе исторического развития России и воздействия на нее природных факторов, отличаются от англосаксонских, что обуславливает их инстинктивно-бессознательное и сознательно-деятельностное отторжение Западом. Россия в любой из своих имперских ипостасей находилась в ситуации цивилизационного противостояния с Востоком и Западом. Точки зрения «за» и «против» не отменяют некоторого недоумения от стабильности русофобии. Да, ей можно подобрать рациональное обоснование, однако остается ощущение, что целостная истина постоянно ускользает. Видимо, имеются какие-то глубинные и пока малопонятные мотивы и источники, которые нуждаются в обстоятельном изучении.

2. Россия и в советские времена сохранялась не только как цивилизация, но и как империя. Скрытая матрица имперского сознания, понимание величия державы, несомненно, помогли в достижении Победы. Но в настоящее время единства мнений по проблеме сохранения российской империи нет. Есть немало сторонников, мечтающих о восстановлении старого Союза, есть мнение, что мы «легко отделились», пережив распад империи со сравнительно небольшими катаклизмами и потерями и получив шанс сбросить ношу империи. Идея империи как исторической судьбы, с нашей точки зрения, должна стать одной из основ формирующейся идеологии России.

3. Необходимо восстановление идеологии социальности и гуманизма, той духовности, на основе которой стала возможной Победа. Философ Константин Леонтьев ввел подходящее понятие «цветущая сложность», посредством которого обозначал многообразие в духовном единстве. Идеология Победы как «цветущая сложность» историософична, она глубже и значительнее, чем коммунистическая идеология. Ее содержание опирается на наработанные столетиями результаты интеграции духовного и иного потенциалов различных народов евразийского пространства. Ядром такой духовности была идея братства.

4. Надо учиться отвечать на цивилизационные вызовы. И не в догоняющей форме, как это происходит сейчас, а с упреждением. Для этого нужна идеологическая ясность,

осознание рубежей и перспектив, обработка направлений развития. Современная политическая элита пока с этой задачей не справляется. Цивилизационные союзы и интеграции возможны только на основе нового/старого идеологического синтеза и самоопределения России как оригинальной цивилизации.

Ясно одно, что современная Россия не должна забывать уроки прошлых цивилизационных противостояний и исповедовать главный принцип – укрепления собственного военного, экономического и духовного могущества как основы для диалога цивилизаций.

Литература

1. Интервью И. В. Сталина газете «Правда» о речи Черчилля в Фултоне (14 марта 1946 г.).
2. Панкратов П. А. Армия Европы против России // Военно-исторический журнал. 1997 (81). № 3. С. 70.
3. Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. М., 1991. URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/kolencur/part03.html> (дата обращения: 17.05.2019).

УДК 7204.01:75+7.067.3

Л. Л. Толвайшис

Факультет дипломатии и безопасности, Университет «Унион – Никола Тесла», г. Белград, Сербия

СОВРЕМЕННАЯ МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ В ГОРОДСКИХ ПУБЛИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ СЕРБИИ: СОЦИАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО, УПРАВЛЕНИЕ И РЕСУРС КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА

Раскрывается исторический, культурный и общественно-политический контекст становления монументальной живописи в Сербии. Рассматриваются проблемы развития сербского стрит-арта и его интеграции в городскую среду. Указывается, что механизмы интеграции объектов монументальной живописи в городскую среду включают в себя проведение фестивалей, создание открытых пространств для работы художников, технологии создания туристического продукта и брендинга города с помощью стрит-арта, картирование стрит-арта.

Ключевые слова: монументальная живопись, стрит-арт, муралы, граффити, городское искусство, искусство Сербии

L. Tolvaišis

Faculty of Diplomacy and Security, “Union – Nikola Tesla” University, Belgrade, Serbia

CONTEMPORARY STREET ART IN URBAN PUBLIC SPACES OF SERBIA: SOCIAL CREATIVITY, GOVERNANCE AND RESOURCE FOR THE CULTURAL DEVELOPMENT OF THE CITY

The article analyses the historical, cultural, social and political context of the development of street art in Serbia. The main development problems of the Serbian street art are analysed in the context of its integration in the urban space. Mechanisms of integration of wall paintings in the urban space include festivals, creating open spaces for artists, technologies of creating touristic products, branding the city through street art and mapping of street art.

Keywords: monumental painting, street art, murals, graffiti, urban arts, Serbian art.

1. Введение

Общемировой тренд облагораживания городской среды с помощью монументальной живописи оказал значительное влияние на облик городских пространств Сербии. История современной монументальной живописи в Сербии восходит к 70-м гг. XX в. [13]. В первоначальный период проявилась неготовность институтов культуры к неоавангардным формам художественного самовыражения [5].

Следующий исторический этап – 80-е гг. XX в. – ознаменовался официальным вниманием к монументальной живописи со стороны градостроительных институтов и в рамках международного сотрудничества. С принятием Оперативного плана по обустройству города по случаю IX Саммита Движения неприсоединения, состоявшегося в Белгра-

де в 1989 г., монументальная живопись получила законодательную основу. Проводилась работа по популяризации монументальной живописи [12].

Несмотря на сокращение числа новых муралов на фасадах Белграда в девяностые годы, своё место на карте мировой монументальной живописи Белград отвоевал в тот период [11]. Белград захлестнула волна живописания городских стен под влиянием веяний зарубежного искусства [8]. Распространились настенные надписи-слоганы, сильной стороной которых являлась не художественно-эстетическая ценность, а убедительность послыла [7].

Спустя десятилетие сложились более благоприятные условия как для работы художников, так и для облагораживания облика города. Для данного этапа характерна популяризация монументальной живописи и сотрудничество местных и зарубежных художников. Наиболее значимая попытка возродить традицию 1980-х гг. предпринята в 2008 г. в рамках Белградского летнего фестиваля (БЕЛЕФ), сравнявшимся с крупнейшими мировыми манифестациями стрит-арта. В целях поощрения возрождения культурной сцены Сербии, вовлечения широкой общественности в реализацию проектов в сфере социально ответственного искусства и децентрализации культурной продукции организацией «Платформа современного искусства – Киоск» в мае 2007 – декабре 2008 г. реализован проект «Приведи город в движение!», в ходе которого молодыми артистами выполнены муралы в многочисленных точках городов Вране, Шабац, Суботица, Ужице, Кралево, Зренянин, Лесковац, Панчево, Лозница, Заечар, Сомбор, Нови-Пазар, Пожаревац, Крушевац, Чачак, Валево, Ягодина, Смедерево и Сремска-Митровица.

Так, в начале XXI века монументальная живопись получила распространение во всех городах Сербии. Активизировался культурный обмен между сербскими художниками, облагораживающими фасады городов мира, и зарубежными мастерами, оставляющими след в облике сербских городов. Муралы и граффити появляются и исчезают на улицах сербских городов чрезвычайно динамично. Преобладают дизайнерские, художественные и архитектурные работы в анонимном формате стрит-арта. В борьбе за участки городского пространства в Белграде сформировались показательные островки стрит-арта: ипподром, старый сахарный завод, подножье Бранкова моста и блоки Нового Белграда. Формой протеста против лихорадочного разрушения традиционного размеренного ритма жизни столицы является изобилие малозаметных объектов стрит-арта, встречающихся в самых неожиданных точках городского пространства.

2. Акторы сербского стрит-арта

В настоящее время в Белграде работает не менее 40 мастеров граффити и мурала, а точное число художников стрит-арта в Сербии неизвестно. На улицах работает уже четвёртое поколение артистов, работы которых беззащитны перед сносом, побелкой или коммерческим употреблением стен. Продолжается традиция создания муралов преподавателями и студентами Факультета прикладных искусств и Факультета изобразительных искусств Белградского университета, отражающая также приоритеты продвижения стрит-арта городскими властями. [9]

Примером широкой институциональной платформы сотрудничества государственных институтов и частных компаний в области монументального искусства является акция, инициированная Союзом ватерполо Сербии при участии Министерства по делам молодёжи и спорта, Белградского Университета искусств, ежедневника «Вечерние новости» и Факультета изобразительных искусств Белградского университета в 2008 г. До 2011 г. расписан ряд факультетов, гимназий, начальных школ и дошкольных учебных заведений.

Традиция финансирования создания муралов частными компаниями в Сербии восходит к концу 1980-х гг. В последние годы инициаторами акций и конкурсов по созданию муралов выступали оператор мобильной связи «Теленор», компания «Нефтяная индустрия Сербии» (НИС). Мотивы работ – сильное местное сообщество, образ устойчивого города будущего, новых технологий и идей, оставляемого в наследство грядущим по-

колениям. Проекты призваны символизировать перемену в подходе к уличному искусству в контексте озеленения, благоустройства и преобразования «города для машин» в «город для людей».

Важную роль в развитии сербского стрит-арта играет международное сотрудничество. К числу активных акторов, продвигающих сербский стрит-арт в рамках культурного сотрудничества городов Сербии, принадлежат Французский институт в Белграде, Французско-сербская торговая палата, посольства Нидерландов, Израиля, США и проч.

3. Сюжеты сербской монументальной живописи

Сюжеты белградской монументальной живописи можно условно разделить на две группы. К первой относятся работы, несущие на себе личный отпечаток художника и имеющие целью придание городской среде новой идентичности, возвращение городским пространствам порядка, эстетики, художественной ценности и стиля. Неотъемлемые смыслы нарратива сербского стрит-арта – борьба с серостью фасадов, привнесение красок в жизнь людей, работа на улице как выражение свободы, труд на благо сообщества и преодоление отчуждения в среде граждан. Широко представлены краеведческие муралы, на которых мотивы местной культуры представлены в качестве источников вдохновения. Многочисленные муралы посвящены креативному знакомству с духом города и социальным проблемам. Налицо приверженность традиционным местным мотивам при создании узнаваемых достопримечательностей городов, отражение исторической преемственности города в сюжетах монументальной живописи. Организаторами фестивалей стрит-арта выступают городские власти. Замыкают данную тематическую группу экологические сюжеты, нередко предполагающие превращение заброшенных инфраструктурных объектов в произведения искусства.

Ко второй группе относятся работы, наделённые общественно значимой ролью. Неотъемлемой характеристикой белградских муралов является отображение духа города, его энергии и эстетики. Распространённым направлением сюжетов сербского стрит-арта являются портреты исторических деятелей и известных личностей современности, дополненные цитатами в стихах или прозе. Общая черта персонажей портретов – борьба за идеалы. Так фасады Белграда украсили актёры, военачальники и вожди восстаний, церковные деятели, спортсмены, музыканты, поэты, с точки зрения художников, являющиеся носителями ценностей свободы, защитниками культуры и искусства и артистами авангарда в прямом или переносном смысле слова. Место создания муралов, как правило, имеет символическую связь с героями их сюжетов [6]. Такого рода муралы несут в себе воспитательную функцию и имеют целью привлечение внимания молодых поколений к примерам личностей, достойных подражания. Часть муралов подвергается уничтожению в ходе «культурной войны» [2] между существующими в Сербии различными идеологическими течениями.

Муралы-портреты, таким образом, призваны выполнять образовательную функцию, а соседство с ними средних школ – повышению уровня исторических знаний и патриотическому воспитанию учащихся. Объединениями граждан реализуются инициативы создания муралов с портретами и биографическими данными на улицах, носящих имена выдающихся исторических личностей. География муралов-портретов охватывает всю территорию Сербии. К примеру, накануне 20-летней годовщины войны в Косово, в октябре 2018 г. в Нише с разрешения городских властей на стене здания Электрораспределительных сетей Сербии созданы муралы, посвящённые защитникам Косово и Метохии в войне 1998–1999 гг. Тщательно проработанные с точки зрения военно-исторической фактологии муралы задуманы в целях увековечивания памяти погибших, просвещения и патриотического воспитания молодых поколений. Коммунальными предприятиями установлено осветительное оборудование для тёмного времени суток и благоустроена близлежащая территория. Создание муралов в целях сохранения исторической памяти о югославских войнах и пробуждения интереса общественности к биографиям жертв войны

приурочивается к годовщинам гибели представленных исторических личностей и реализуется с согласия жильцов.

4. Механизмы интеграции объектов монументальной живописи в городскую среду

Уважение художника к среде проживания является обязательным. Налицо стремление большей части художников сербской монументальной живописи работать легально, не рискуя выйти за рамки правового поля, не скрывая имя под псевдонимом, и реализовать право на свободный доступ к общему городскому пространству, составляющее сущность жанра стрит-арта. Тем не менее, в Белграде отсутствует официально утверждённый список фасадов, на которых разрешено нанесение произведений монументальной живописи. За соответствующим разрешением артистам следует обращаться в городской Секретариат по делам культуры. В случае если здание защищено особым режимом, необходимо разрешение Института защиты памятников культуры и согласование с городской комиссией, а в случае жилых домов – разрешение совета жильцов. Разрешение на выполнение муралов на близких обветшалых фасадах получить относительно несложно: необходимо согласие 51 % жильцов, так как права собственности на квартиру распространяются и на фасад. Несмотря на внушительное количество пустующих постиндустриальных пространств и недостаток городского пространства для работы художников [1], необходимость учреждения отдельной канцелярии для оформления разрешений на создание объектов монументальной живописи остаётся предметом дискуссий, а её учреждение маловероятно.

Ключевой проблемой сербского стрит-арта является необходимость самообеспечения в сложных экономических условиях. Уличное искусство не является приоритетом государства, а в 2016 г. прекращена поддержка проектов облагораживания фасадов и подземных переходов. Целевых средств на эти цели не предусмотрено ввиду распространённого в среде работников городской администрации предположения о доступности спонсоров монументального искусства [3].

Ввиду сложных институциональных условий основным механизмом интеграции стрит-арта в городскую среду Сербии стали фестивали. Крупнейший ежегодный фестиваль стрит-арта в Сербии – «Runaway», впервые состоявшийся 21–25 сентября 2016 г. – задуман как движение в поддержку не только облагораживания обезображенного настенными надписями края, но также и традиционных ценностей искусства: за выход искусства на улицы города и борьбу за принадлежащее ему место в обществе. За три года проведения фестиваля расписано 1000 квадратных метров городского пространства, заручившись поддержкой местных жителей. В основу концепции другого фестиваля стрит-арта – «Реконструкция» – положен нарратив создания городского оазиса. Первый фестиваль состоялся в 2018 г. в бывшем здании «Беобанка» в столичном районе Зеленого венца.

В последние годы сербские города активно перенимают мировую практику брендо-строительства путём задействования уличных художников в облагораживании городских пространств. Муралы меняют облик городов, становятся их символами, снискивают признание архитекторов и урбанистов. Традиция туристов фотографироваться на фоне муралов побуждает муниципалитеты признавать монументальную живопись дополнительным элементом туристического продукта. Городскими туристическими организациями совокупность городских муралов рассматривается в качестве потенциального туристического продукта [4]. Следует отметить высокую степень принятия муралов горожанами и высокую степень сохранности всех муралов в центре города. Реализация проектов по созданию муралов объединяет местные сообщества, частные компании, Министерство культуры и информации, Министерство молодёжи и спорта, зарубежные национальные агентства по делам молодёжи. Ведётся работа по созданию туристических маршрутов и изданий, посвящённых истории местных муралов.

Отсутствие специализированного института защиты и сохранения произведений монументальной живописи стало побудительным мотивом к созданию печатных и он-

лайн-баз данных и карт муралов. Проект оцифровки культурного наследия предполагает картирование городских муралов на платформе Google-арт-проект, сбор сведений об их истории и авторах, а также поощрение непрерывного самостоятельного пополнения базы данных новыми объектами в режиме реального времени [10].

Жанр уличного искусства с неизбежностью таит в себе риск повреждения или уничтожения муралов. О постепенном принятии муралов горожанами свидетельствует растущая готовность к их защите и очистке в случае побелки. Один из способов борьбы с беспорядочным распространением граффити, нарушающим эстетику города Нови-Сада – создание пространств, предназначенных исключительно для самовыражения художников (стена футбольной площадки под мостом Свободы; стена футбольного стадиона и пр.). Борьба с «дикими» граффити посредством создания муралов внедрялась в качестве технологии подготовки кандидатуры Нови-Сада к статусу европейской столицы культуры.

Заключение

Современный этап развития монументальной живописи в Сербии характеризуется борьбой за признание статуса данного жанра искусства в публичном пространстве городской среды. С одной стороны, стрит-арт постепенно получает признание в качестве эстетического элемента городской среды. В городах страны множатся галереи стрит-арта под открытым небом. Качественно выполненные муралы становятся узнаваемыми символами кварталов и городов, получают положительные отзывы как профессионального архитектурного и градостроительного сообщества, так и широких масс горожан. Сербский стрит-арт состоялся как одна из технологий брендинга города, в особенности благодаря налаженным связям с художниками мирового уровня. Муралы способствуют повышению доступности современного искусства для широких слоёв населения и укреплению связей артистического сообщества с общественностью. Сотрудничество артистов с местным сообществом имеет большое значение для художественной практики и облагораживания городских пространств не только мегаполисов, но и малых населённых пунктов.

С другой стороны, следствием низкой степени вовлечённости граждан в процесс принятия решений в области градостроительства является отсутствие интереса широкой общественности к сохранению наследия монументальной живописи. Подавляющее большинство официальных инициатив в области культуры не предусматривает вовлечения местных сообществ. Как следствие, в условиях всеобъемлющего кризиса искусства в городских пространствах массовое сознание не готово к принятию монументальной живописи в качестве жанра публичного искусства. Бурное и насыщенное событиями развитие сербского стрит-арта происходит стараниями индивидуальных энтузиастов за пределами сферы функционирования официальных институтов.

Сербская монументальная живопись по качеству может сравниться с мировой, однако режим сохранения произведений и поддержания культуры стрит-арта уступает мировой практике. Не решены проблемы распределения участков городского пространства и защиты муралов. Путь монументальной живописи в городские пространства осложняется неблагоприятной законодательной базой, неготовностью массового сознания и материальными трудностями. Область современного уличного искусства законодательно не урегулирована, а произведения монументальной живописи не защищены авторским правом. В Европе стрит-арт пользуется поддержкой муниципальных властей, а выдача решений осуществляется специальными канцеляриями. В США, несмотря на неодобрительное отношение властей к росписи фасадов, действуют художественные районы и активисты, отстаивающие права художников. В отличие от Франции, где при строительстве или реконструкции здания часть средств отводится на художественное оформление и запрашивается мнение жильцов, граждане Сербии лишены возможности участия в инфраструктурных проектах. Изменить существующее положение вещей могут приглашения официальных учреждений культуры к созданию муралов на их зданиях, что явилось бы знаком академической поддержки стрит-арта. Тем не менее, официальное искусство

не в полной мере восприимчиво к мировым трендам и не готово к признанию и институционализации данного жанра, что существенно осложняет условия развития современной монументальной живописи в Сербии.

Литература

1. Толвайшич Л. Идеология и практика ревитализации постиндустриальных пространств. Случай Белграда (Сербия) // Проект «Уралмаш»: культурное будущее [пост]индустриальных городов : сб. материалов междунар. симп. / ред. Ильченко М. С., Петрова Л. Е., Пронин А. А. Екатеринбург : Екатеринбургская академия современного искусства, 2017. С. 252–264.
2. Антонић С. Културни рат у Србији. Београд: Завод за уџбенике. 2008. 266 с.
3. Браковчевић М. Графити и мурали – скрајнута уметност улице // Политика, 28.12.2016.
4. Глишић И., Ивковић Ж. Шабачки графити. Шабац: Дом културе «Вера Благојевић». 2002. 63 с.
5. Димитријевић М. Гето либералне идеје // Политика. 02.02.2012.
6. Ђорђевић Р. Град и графити: политички графити у северној Косовској Митровици. Косовска Митровица: Филозофски факултет. 2011. 140 с.
7. Ђорђевић Р. Д. Речник графита: социолошко-поткултурно значење. Ниш : Центар 018, 1995. 150 с.
8. Ђорђевић Р. Д. Face to Face: нишки улични графити. Ниш : Vona fides, 2001. 166 с.
9. Кнежевић В. Поетика и политика мурала у урбаном простору реализованих у сарадњи са студентима ФЛУ у Београду. Београд: Факултет ликовних уметности. 2017. 210 с.
10. Милошевић О. Пожаревачки мурали на «Гугл мапи» // Политика. 11.02.2019.
11. Михајлов Ј. Графити – уметност улице // Нова мисао: часопис за савремену културу Војводине. 2011. № 13. С. 34–37.
12. Стојановић Ј., Милетић М., Радовановић М. Историјат осликавања мурала у Београду. URL: <http://udruzenjekurs.org/aktivnosti/istorijat-oslikavanja-murala-u-beogradu/> (дата обращения: 01.07.2019).
13. Djordjevic A. Street Art Belgrade. Belgrade: Komshe. 2016. 220 p.

УДК 314.72

В. Д. Курганская

Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, г. Алматы

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН¹

Рассмотрены процессы перемещения населения внутри Казахстана. Показано, что неконтролируемая миграция из сел, рост которой обусловлен кризисными явлениями в аграрном секторе, приводит к росту социальной напряженности и усилению межэтнической неприязни.

Ключевые слова: миграция, социальная напряженность, межэтнические взаимодействия.

V. D. Kurganskaya

Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies KN MES RK, Almaty

INTERNAL MIGRATION IN THE CONTEXT OF INTERETHNIC INTERACTION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The article examines the processes of population movement within Kazakhstan. It is shown that uncontrolled migration from villages, the growth of which is due to the crisis in the agricultural sector, leads to an increase in social tension and an increase in interethnic hostility.

Keywords: migration, social tension, interethnic interactions.

Введение

Как свидетельствуют статистические данные, внутриреспубликанские перемещения граждан Казахстана ежегодно возрастали. Так, если в 1999 г. внутриреспубликанская миграция составляла 232,4 тыс. чел., в 2006 г. – 295, 1 тыс. чел., а в 2007 г. – 311,7 тыс. чел., то с 2015 г. темпы внутренней миграции резко возрастают: в 2015 г. поменяли место жительства 455 451 чел., в 2016 г. – 616 894 чел., в 2017 г. – 930 820 чел., в 2018 г. – 888 184 чел. [1].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке МОН РК, грант № AP09259790

Миграционные потоки направлены в основном на крупные города страны. Наибольшее число мигрантов прибывает в города Нур-Султан и Алматы. С 2000 по 2018 г. количество прибывших в г. Нур-Султан составило 919 254 чел. (выбывших 239 969 чел.), в Алматы – 1 120 735 чел. (выбывших 563 231 чел.) [1].

Численность населения г. Нур-Султан выросла с 380 990 чел. в 2000 г. до 814 419 чел. в 2018 г, а в г. Алматы – с 1 130 439 чел. в 2000 г. до 1 506 899 чел. Внутренняя миграция – одна из основных причин резкого роста населения казахстанских столиц [1].

Основные причины миграции общеизвестны: отсутствие работы в связи с кризисным состоянием сельского хозяйства, отдаленность сел от городов и как следствие – отсутствие соответствующей инфраструктуры в сельской местности, когда люди не могут получить квалифицированную медицинскую помощь, получить хорошее образование, не имеют доступа к высокоскоростному интернету и т. д.

Государственные программы по внутренней миграции

В Казахстане принят и реализован ряд государственных программ, направленных на решение проблем внутренней миграции. В 2013 г. правительство приняло Дорожную карту занятости – 2020. Основными целями программы были содействие повышению благосостояния населения, сокращение безработицы, повышение уровня занятости населения в Казахстане. Ее задачами было вовлечение в активные меры содействия занятости самостоятельно занятых, безработных и лиц, входящих в целевые группы населения; развитие кадрового потенциала; совершенствование системы оказания адресной социальной помощи. Программа реализовывалась по 3 направлениям: обеспечение занятости через развитие инфраструктуры и жилищно-коммунального хозяйства; создание рабочих мест через развитие предпринимательства и развитие опорных сел; содействие в трудоустройстве через обучение и переселение в рамках потребностей работодателя. Участвовать в программе могли безработные, частично занятые, малообеспеченные, самостоятельно занятые граждане РК. За время действия Дорожной карты трудоустроено 770 тыс. казахстанцев, 580 тыс. из них получили постоянное место работы. С учетом накопленного опыта работы ее продлили на 2021 г.

С 2014 г. на основе «Дорожной карты занятости – 2020» осуществлялась социальная программа «Серпін-2050», предполагающая обучение молодежи из трудоизбыточных регионов (Алматинская, Южно-Казахстанская, Жамбылская, Кызылординская и Мангистауская области) в трудодефицитных регионах (Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская и Восточно-Казахстанская области). Первые выпускники получили дипломы бакалавров в 2018 г. Однако трудоустроились по специальности около половины из них, а в регионе обучения остались 23,3 % [2].

В 2015 г. поправками в Законе Республики Казахстан «О миграции населения» была сформулирована целостная система регулирования переселения граждан. Как отмечают эксперты, в целях устранения диспропорций в расселении населения предусматривалось экономическое стимулирование добровольного переселения населения из трудоизбыточных регионов в регионы с высоким потенциалом развития рынка труда (Восточно-Казахстанская, Костанайская, Павлодарская и Северо-Казахстанская области). Устанавливались региональные квоты приема переселенцев, которые определяли предельное число семей переселенцев, обеспечиваемых мерами государственной поддержки и содействия занятости [3].

Усилившиеся темпы внутренней миграции населения стали предметом обсуждения депутатов Мажилиса Парламента на совместном заседании Комитета по социально-культурному развитию и Совета по экономической политике при фракции партии «Нур Отан» в марте 2017 г. Именно в этом году количество внутренних мигрантов приближалось к миллиону, и не заметить этот процесс было невозможно. На этом же заседании депутаты указали на недостаточную работу государственных органов по добровольному переселению жителей трудоизбыточных регионов в трудодефицитные. Так, при утвер-

жденной Правительством квоте на 463 семьи в 2016 г. были переселены в трудодефицитные регионы всего 196 семей, что составило 42 % от планируемого числа переселенцев [4].

В Программе развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017–2021 гг. «Еңбек» предусмотрены следующие механизмы, стимулирующие переезд мигрантов в трудодефицитные районы:

- выплата ежемесячной субсидии на переезд в размере 35 МРП или 88 тыс. тенге на каждого члена семьи;

- возмещение ежемесячных расходов на аренду жилья до 75 тыс. тенге (30 МРП) в городских районах и до 53 тыс. тенге (21 МРП) в сельской местности в зависимости от количества членов семьи в течение одного года;

- работодателям при содействии в трудоустройстве не менее 5 человек предоставляются субсидии в размере 450 МРП или 1 млн 136 тыс. тенге;

- для приобретения необходимых рабочих инструментов, технологического оборудования, домашнего скота и птицы, реализации новых бизнес-идей участникам Госпрограммы выделяются средства до 200 МРП.

- переселенцы имеют доступ к техническому и профессиональному образованию, краткосрочным курсам, также им оказывают содействие в трудоустройстве [5].

Однако в Астану и Алматы, остающихся центрами притяжения, продолжают прибывать переселенцы из всей страны, оказывающие давление на рынок труда и создающие дополнительную напряженность в обществе. Так, многодетные матери, снимающие жилье, не имеющее зачастую элементарных удобств, пытались добиться решения своих проблем – предоставление в аренду квартир на льготных условиях, выплата детских пособий и т. д. – через протестные действия, организуя многочисленные акции и митинги у стен исполнительных органов в столице республики г. Нур-Султан.

Для снижения градуса протестности властями было принято решение перенаправить миграционные потоки из столицы в город Экибастуз. Так, с мая по сентябрь 2019 г. из столицы Казахстана в Экибастуз переехали более 200 многодетных семей. Решивших переехать в шахтерский город Экибастуз жителей столицы обеспечивали жильем, работой, а в случае необходимости направляли на обучение [6]. С 2017 по 2019 г. по программе «Еңбек» в трудодефицитные регионы мигрировали 13 525 человек [7].

Понятно, что на фоне перемещения сотен тысяч человек обустройство с помощью государственных программ такого количества мигрантов не является решением копившихся десятилетиями проблем. Столица продолжает оставаться самым крупным центром притяжения для мигрантов. «Астана является единственным северным городом, который принимает значительные потоки мигрантов с юга, – пишет Серик Джаксылыков. – Но пример Астаны не должен приводить к ложным выводам: сотни тысяч внутренних мигрантов прибывали в столицу без всяких государственных стимулов и поощрений, это было естественное движение в самый быстро развивающийся город страны в поисках лучшей жизни и символического подъема по социальной лестнице. Ни один из северных городов не может конкурировать с Астаной в экономической и символической привлекательности» [2].

Прибывающие в поисках работы и жилья сталкиваются с массой проблем. Вследствие материальных затруднений они селятся на окраинах крупных городов, в дачных массивах, создавая резервации, где нет условий для нормальной жизнедеятельности. Аким г. Нур-Султан Алтай Кулгинов на своей странице в Instagram рассказал о том, как развиваются жилые массивы столицы, чтобы устранить неравенство между благоустроенными районами столицы и окраинами. «Для того чтобы их уравнять, – пишет он, – необходимо выполнить большой объем работ: начиная с элементарных благ цивилизации (электричество, водоснабжение, канализации), проведения газификации в частный сектор, заканчивая строительством социальных объектов, дорог, благоустройством и открытием скверов» [цит. по: 8]. И на это, по его мнению, понадобится не один год.

Внутренняя миграция и межэтнические отношения

Процессы переселения сопровождаются ростом «мигрантофобии» со стороны местного общества, риском возникновения конфликтов и их негативного влияния на стабильность в обществе. У определенной части городского населения сформировался стереотип по отношению к молодым людям, приезжающим из сельской глубинки, как склонным к правонарушениям. Убийство молодыми людьми из аула, промышлявших в городах Астана и Алматы воровством, известного спортсмена, фигуриста, олимпийского чемпиона Дениса Тена 19 июля 2018 г. за то, что тот пытался отнять у них украденные с его машины зеркала, еще больше укрепило такого рода стереотипы.

Отсутствие должного внимания к внутренней миграции привело к тому, что вокруг крупных городов образовались самострой, неблагоустроенные поселки, лишённые элементарных благ цивилизации. При попытке сноса незаконно построенных домов в поселке Шанырак в 2006 г. люди оказали ожесточенное сопротивление, защищая свои единственные жилища. Произошли массовые беспорядки, в ходе которых был заживо сожжен полицейский Асет Бейсенов. По следам этой трагедии Центральным-Азиатским Институтом развития в г. Алматы было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие мигранты. Как показал социологический опрос, проживающие в дачных массивах, неблагоустроенных поселках люди были настроены активно отстаивать свои права и не исключали свое участие в акциях протеста.

В ком или в чем они были склонны видеть причину своего тяжелого положения? Ответы на этот вопрос дает рис. 1.

Рис. 1. Если Вы не смогли реализовать свои планы, которые Вы имели при переезде, то кто в этом виноват? (в %)

Почти половина респондентов считает виновниками своего нелегкого положения сложившиеся личные обстоятельства. В то же время часть неустроенных людей – почти каждый шестой – склонен искать причины своих неудач в представителях других этнических групп, которые заняли в городах рабочие места и жильё.

Как показывает исследование, в наибольшей степени обвинительные настроения присутствуют у тех лиц, которые находятся в городе около года. К этому времени, как показывают исследования психологов, люди, прожив в городе достаточно длительный срок и не добившись осуществления намеченного, впадают в отчаяние. Они начинают задумываться над тем, что или кто мешает осуществиться их планам, и не исключено, что могут найти виновников своего бедственного положения в представителях других национальностей. В основном считают, что заняли их рабочие места и жильё, безработ-

ные респонденты-казахи, причем основная масса среди них те, кто имеет среднее специальное, среднее и незаконченное среднее образование. Как известно, именно эти категории лиц в большей степени, чем лица с высшим образованием, оказываются неконкурентоспособными на рынке труда. Наименьшее число таких респондентов в высокодоходных группах.

Как видно из рис. 1, 14,1 % респондентов считают, что они не смогли реализовать свои планы из-за того, что рабочие места и жилье заняты представителями других национальных групп.

Поставленный последующий контрольный вопрос выявил большее количество респондентов-мигрантов, считающих, что занявшие рабочие места и жилье люди должны покинуть страну или самостоятельно, или с помощью государства (рис. 2).

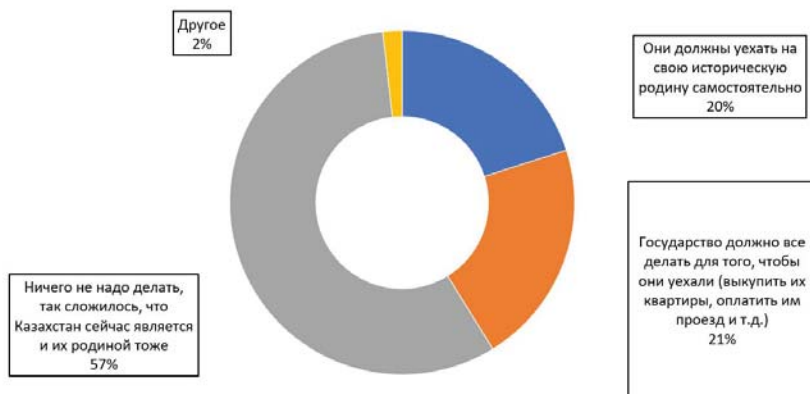

Рис. 2. Если Вы считаете, что представители других этнических групп заняли в городах рабочие места и жилье, то что нужно сделать, чтобы разрешить эту ситуацию? (в долях)

Из диаграммы видно, что более третьей части респондентов-мигрантов хотели бы, чтобы занятые рабочие места были освобождены разными способами. Среди них оказались большинство казахов, которые на своей родной земле в годы независимости оказываются по разным причинам в наиболее сложном материальном положении.

Русские респонденты не думают, что их рабочие места и жилье заняли представители других этносов. Однако в ответе на вопрос, как нужно поступить с теми, кто занял эти ниши, почти четверть русских респондентов (23,3 %) ответила, что эти люди должны уехать либо самостоятельно, либо с помощью государства. Таким образом, эта часть русских не считает себя чужими или мигрантами на казахстанской земле; под чужаками они понимают, скорее всего, других представителей некоренных этносов или гастарбайтеров из других стран (рис. 3).

Как видно из рис. 3, более половины мигрантов-казахов считает, что Казахстан сейчас является родиной и других этносов, и потому никаких мер по их отъезду предпринимать не надо. Корреляционный анализ показывает, что желают отъезда некоренного населения в основном те люди, которые прожили в городе небольшой срок, среди них наибольшее число тех, кто работы не имеет. Последующие исследования 2015 г. подтверждают эти выводы.

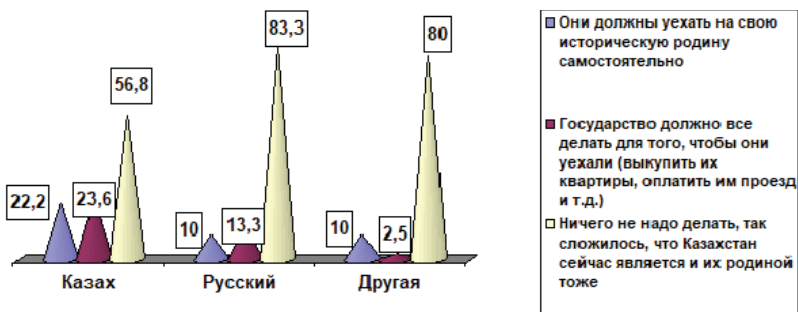

Рис. 3. Если Вы считаете, что представители других этнических групп заняли в городах рабочие места и жилье, то что нужно сделать, чтобы решить эти проблемы? (в %) – национальный срез

Мигранты в силу своей неустроенности вполне могут быть использованы и уже использовались в межэтническом противостоянии. Например, в конфликте между казахами и дунганями, который произошел в феврале 2020 г. в Кордайском районе Жамбылской области. В ходе конфликта было повреждено более 30 частных домов, 15 объектов торговли, 23 автомобиля. Погибло 11 человек, свыше 150 человек получили ранения [9]. Согласно другим источникам, погибли 11 человек, пострадали 192 человека, повреждено 36 жилых домов, 11 торговых объектов и 44 автомобиля [10]. Третьи источники называют ещё более высокие цифры порчи имущества. В зону конфликта были введены дополнительные правоохранительные силы.

По сообщениям в СМИ, в погромах принимали участие в основном приезжие [11], многие из которых оказались мигрантами, работавшими в разных городах страны. Однако следуя призывам в социальных сетях, они приехали в села Кордайского района и приняли непосредственное участие в погромах. Спустя некоторое время их задержали в Алматы, Шымкенте и других городах [12].

Заключение

Положение внутренних мигрантов свидетельствует о том, что в регулирование объективных процессов внутренней миграции государство еще в полной мере не включилось, поэтому так называемые «пояса шахидов» вокруг крупных городов будут расти и дальше по мере урбанизации страны. Сложное психологическое состояние тех мигрантов, кто прожил в городе длительное время и так и не нашёл пути решения своих проблем, приводит к тому, что неустроенные в жизни люди начинают искать причины своего бедственного положения в людях из других этнических групп. Собственно говоря, такие примеры, как мы писали выше, уже есть.

Здесь важно понимание того, что без улучшения жизни коренного этноса, составляющего основную массу сельской бедноты, мигрирующей в города, невозможно сохранить стабильность в обществе. Видимо, пути решения этой проблемы лежат в коррекции аграрной политики властей, ибо кризисное состояние аграрного сектора и разрушение сельского уклада жизни будут продолжать выталкивать сельское население в города, создавая новые очаги напряженности.

Литература

1. Комитет по статистике МНЭ РК. URL: <https://stat.gov.kz> (дата обращения: 29.04.2021).
2. Где в Казахстане жить хорошо: почему растет внутренняя миграция? // Kokshetau Asia. URL: <https://kokshetau.asia/socialnews-mobile/65500-gde-v-kazakhstan-e-zhit-khorosho-pochemu-rastet-vnutrennyaya-migratsiya> (дата обращения: 28.04.2021).

3. Аслялиев Т. Ж., Молчановская А. С., Шумекоев Д. Н. Миграционные тенденции населения в мире и Казахстане. Астана, 2018. URL: https://www.enbek.kz/docs/sites/default/files/migracionnyye_tendencii_naseleniya_v_mire_i_kazahstane.pdf (дата обращения: 28.04. 2021).

4. Внутренняя миграция в Казахстане увеличилась на 25 % // STRATEGY2050. URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/43637/> (дата обращения: 29.04.2021).

5. Об утверждении Государственной программы развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017–2021 годы «Еңбек» // Адилет. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000746> (дата обращения: 20.04.2021).

6. «Нұрлы Ертiс»: из столицы в Экибастуз переехали 203 семьи. URL: <https://ru.egemen.kz/article/208704-nurly-ertis-iz-stolitsy-v-ekibastuz-pereekhali-203-semi> (дата обращения: 20.04.2021).

7. Серик Джаксылыков. Северные области и население юга: миграционная политика и потоки миграции в Казахстане // CAAN. Central Asian Analytical Network. URL: <https://www.caa-network.org/archives/9329> (дата обращения: 27.04. 2021).

8. Кульгинов рассказал о развитии жилых массивов столицы. URL: <https://www.zakon.kz/5067290-kulginov-rasskazal-o-razviti-i-zhilyh.html> (дата обращения: 30.04.2021).

9. Рабига Дюсенгулова. Казахстанцев призвали не поддаваться на провокации. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazhantsev-prizvali-ne-poddavatsya-na-provokatsii-390913/ (дата обращения: 08.02.2020).

10. Трои́м братьям, напавшим на полицейских в Кордайском районе, вынесли приговор // Информбюро. URL: <https://informburo.kz/novosti/tryom-bratyam-napavshih-na-policeyskih-v-kordayskom-rayone-vynесли-prigovor-104196.html> (дата обращения: 27.02.2020).

11. Пётр Троценко. Возвращение в Кордай. Как живут люди год спустя после погромов // Радио Азаттык. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-masanchi-one-year-later-reportage/31090581.html> (дата обращения: 02.05. 2021).

12. Шоқан Алхабаев. Осуждены еще 50 участников массовых беспорядков в Кордае. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/osujdenyi-50-uchastnikov-massovyih-besporjadkov-kordae-435824/ (дата обращения: 27.04.2021).

УДК 377.1

Н. С. Лебедкина, В. В. Орлова

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,
г. Томск

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКонтакте»¹

Представлен анализ миграционных потоков молодых в людей в возрасте до 35 лет на территории Московской, Нижегородской областей и Томской областей. Обозначено, что характеристики, размещаемые пользователями в своих профилях «ВКонтакте», формируют массив значимой социологической информации. Методом открытого API «ВКонтакте» получены данные о родном городе и текущем месте проживания пользователей. Используются открытые обезличенные данные профилей пользователей, а также осуществлена дополнительная фильтрация аккаунтов на наличие ботов и фейковых профилей в целях валидации данных.

Ключевые слова: молодежь, анализ данных, социальные сети, региональные сообщества.

N. S. Lebedkina, V. V. Orlova

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk

INTERREGIONAL MIGRATION OF YOUTH OF THE RUSSIAN FEDERATION BASED ON DATA OF THE VKONTAKTE SOCIAL NETWORK

The article presents an analysis of the migration flows of young people to people under the age of 35 on the territory of the following constituent entities of the Russian Federation: Moscow region, Nizhny Novgorod region, Tomsk region. Characteristics posted by users in their Vkontakte profiles form an array of significant sociological information. The purpose of the article is to present the intermediate results of the analysis of the migration flows of young people in the Moscow, Nizhny Novgorod and Tomsk regions. Methods: using the open API "VKontakte", data about the hometown and current place of residence of users were obtained. Open anonymized data of user profiles was used, and additional filtering of accounts for the presence of bots and fake profiles was carried out in order to validate the data.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ 20-011-31154 отн.

Keywords: youth, data analysis, social networks, regional communities.

Изучение миграционных процессов молодых людей представляет особый интерес не только для исследователей в области демографии и социологии, но для экономистов и органов власти. Создание условий для повышения образовательной и трудовой миграции молодежи является одним из приоритетных направлений Стратегии развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года. Молодые люди являются самой мобильной группой населения и именно изучение миграционных потоков данной возрастной категории, является существенным фактором, который необходимо учитывать при перспективном планировании развития регионов. Высокий уровень социально-экономического развития региона, способствует перераспределению человеческих ресурсов, наращиванию человеческого капитала и его качественному росту. Миграция в целом является одним из важнейших показателей в процессе социально-экономического развития регионов, так как оказывает непосредственное влияние на:

1. Возможность удовлетворения потребности предприятий в необходимом количестве у требуемом уровне квалификации кадров.
2. Уровень безработицы – с одной стороны могут улучшить состояние рынка труда, снизив напряженность состояние рынка труда, либо усугубить, если в регионе отсутствует потребность предприятий в персонале.
3. Образовательный процесс, поскольку сильные образовательные организации привлекают молодежь и как следствие улучшают качество трудового потенциала региона.
4. Уровень культурного развития – от количества и качества пребывающего населения зависит уровень потребности в культурных благах, определяют “культурный фон” региона.

Согласно исследованиям Левада-центра, наибольший процент миграции был выявлен среди молодых людей, только что окончивших школу, большинство принимает решение о смене места жительства при выборе образовательного учреждения [16]. Большое влияние на процессы миграции молодежи оказала политика Министерства науки и высшего образования по повышению качества образования, с 2010 г. ведется активная работа по оптимизации вузов – на 50 % сократилось количество филиалов государственных вузов, на 20 % – собственно высших учебных заведений, имеющих государственную аккредитацию, на 40 % – негосударственных вузов и на 70 % – их филиалов. Данные меры привели к снижению концентрации вузов на определённых территориях. На сегодняшний день есть те регионы вообще отсутствуют университеты – Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Чукотский автономные округа, либо имеется только один университет – Республика Алтай, Калмыкия, Тыва, Хакасия, Магаданская и Новгородская области, Еврейская автономная область. В то же время в Москве, Санкт-Петербурге, Республике Татарстан, Новосибирской и Свердловской областях, Краснодарском крае количество университетов превышает более 10 университетов. Закрытие филиалов большей части филиалов, негосударственных образовательных учреждений, укрупнение университетов, создание научно-образовательных центров заставляет выпускников переезжать в большие города, где как правило, более высокий уровень жизни, привлекательные условия труда и возможности карьерного роста. Данный процесс обеспечивает принимающему региону приток высококвалифицированных кадров, что в свою очередь негативно сказывается на уровне социально-экономического развития отдающего региона. По мнению исследователя О. В. Лешукова, данный процесс усиливает эффект «вымывания», который негативно сказывается и на половозрастной структуре населения в ряде регионов. Больше остальных страдают регионы, не имеющие возможности предоставить молодым специалистам конкурентоспособные рабочие места. Нельзя не согласиться с тем фактом, что данный процесс сильно сказывается на экономике региона, но если региональный рынок труда окажется привлекательным и выпускники смогут вернуться в свой город, то данный процесс не повлечет явных рисков [15]. Выявление миграционных установок моло-

дых людей является одним из важных аспектов в вопросах управления миграционными потоками в регионе.

В большинстве западных стран изучению миграционных потоков молодых людей уделяется очень большое внимание. Проведение переписи населения и данные административных регистров позволяют получить не только обширную статистику, но и детально проследить направление миграции. В России, большинство исследований связано с образовательной миграцией, но в связи с особенностью сбора данных, до 2011 г., студенты имеющие временную регистрацию на территории субъекта, в статистику региона не попадали, что конечно же искажало реальную картину.

Методология исследования

Сбор данных в социальной сети «ВКонтакте» осуществлялся с помощью API (application programming interface). API упрощает создание кода, поскольку предоставляет набор готовых классов, функций или структур для работы с имеющимися данными. API ВКонтакте – это интерфейс, который позволяет получать информацию из базы данных vk.com с помощью http-запросов к специальному серверу. Большим преимуществом данного метода является то, что для получения данных не нужно знать в подробностях, как устроена база, из каких таблиц и полей каких типов она состоит – достаточно того, что API-запрос об этом «знает». Синтаксис запросов и тип возвращаемых ими данных строго определены на стороне самого сервиса. `Users.get` – название метода API ВКонтакте. Методы представляют собой условные команды, которые соответствуют той или иной операции с базой данных – получение информации, запись или удаление. Например, `users.get` – метод для получения информации о пользователе (имя, фамилию, пол, город, статус, место учебы/работы и т. д.).

С помощью метода `getSubscriptions` можно получить список идентификаторов сообществ, на которые подписан пользователь, и по этим идентификаторам уже можно запросить информацию о самом сообществе (название, описание, количество участников и т. д.). Помимо этого, API ВКонтакте включает в себя методы для получения данных со стены сообщества или со стены пользователя, фотографий, время, когда пользователь находится онлайн и многое другое.

В рамках исследования фокус интереса авторов направлен на изучение миграционных потоков молодых в людей в возрасте до 35 лет на территории следующих субъектов Российской Федерации: Московская область, Нижегородская область, Воронежская Томская, Новосибирская области, Красноярский край, Хабаровский край, Забайкальский и Приморский края. В статье представлен анализ по трем регионам (Московская область, Нижегородская область, Томская область.).

С развитием информационных технологий, изучение, анализ, прогнозирование различных социальных процессов стало возможно на основе данных цифровых следов пользователей, без применения традиционных методов. При изучении миграционных потоков молодых людей в возрасте до 35 лет, была осуществлена выгрузки данных 2000 профилей пользователей социальной сети «ВКонтакте». Социальная сеть «ВКонтакте» является наиболее популярной в России, по данным По данным Mediascope, соцсеть «ВКонтакте» входит в топ-10 самых популярных ресурсов в России, количество ее пользователей в России составляет более 73 млн (<https://webindex.mediascope.net/top-resources>). На основе идентификационных маркеров пользователей, такие как возраст и миграция (переезд из одного населенного пункта в другой), была сформирована электронная база данных с результатами эмпирического исследования. В ходе проведения исследования был проведен качественный и количественный анализ результатов с применением методов математической статистики, включающий в себя следующие критерии:

Критерии по миграции пользователей:

- миграционный поток 1 – живет в родном городе;

- миграционный поток 2 – переехал из родного города в город анализируемого региона;
- миграционный поток 3 – переехал из родного города в другой город, но имеет подписки в рег. сообществах анализируемого региона.

Помимо этого получены количественные значения пользователей по критериям: миграция; по половому признаку; по возрасту.

В исследовании были использованы только открытые обезличенные данные профилей пользователей, а также осуществлена дополнительная фильтрация аккаунтов на наличие ботов и фейковых профилей в целях валидации данных.

Оценивая территориальное перемещение молодых людей в возрасте до 35 лет на территории Московской области Миграционный поток № 1 по всем возрастным категориям превышает 50 %, что означает, что более половины респондентов проживают в родном городе, наибольший процент был получен среди девушек в возрасте 18–35 лет. Миграционный поток № 2 имеет средний показатель около 34 %, наибольший показатель (36,3 %) у возрастной группы парней младше 17 лет, чуть ниже (35,6 %) – у девушек той же возрастной группы, наименьшее значение (31,6 %) было получено у возрастной группы девушек в возрасте 18–22 лет. Миграционный поток № 3 получил наименьшее распространение среди всех возрастных групп, самый низкий показатель у девушек в возрасте до 17 лет, чуть выше показатель у возрастной группы 18–35, показавших наивысшее значение в миграционном потоке № 1, самый высокий результат в данном потоке был выявлен у парней в возрасте 18–35 лет (рис. 1). Полученные результаты позволяют сделать вывод, что уровень оттока населения на территории Московской области досочто низкий, что может косвенно свидетельствовать о том, что уровень социально-экономического развития региона достаточно высок и большая часть населения не стремится его покидать.

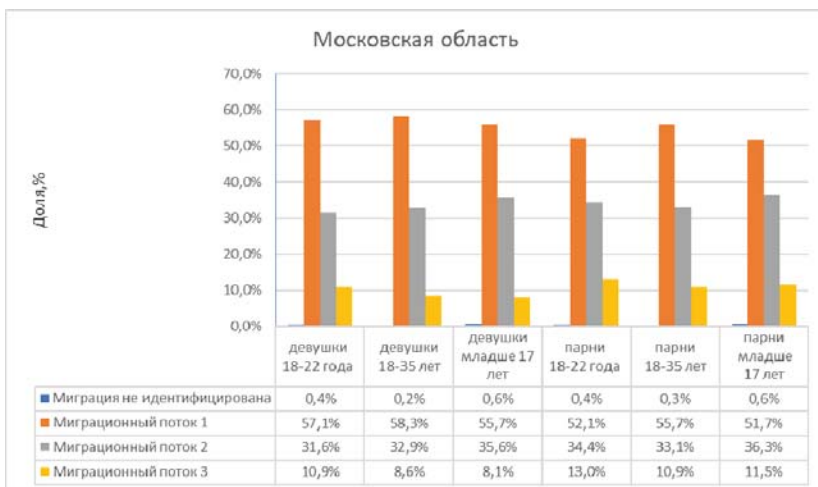

Рис. 1. Миграция молодежи на территории Московской области

При проведении анализа миграции на территории Нижегородской области, наиболее высокий показатель у миграционного потока 1, среди выявлен среди следующих возрастных категорий: девушки 18–22 года (60,7 %), девушки 18–35 лет (59,7 %) и парни 18–35 лет (59,8 %), наименьшие показатели у данного миграционного потока зафиксиро-

ваны среди парней младше 17 лет с среди миграционного потока и составили 52,6 %, чуть выше показатель у девушек в возрасте младше 17 лет, он составил 53,9 %. В миграционном потоке 2, наивысший показатель зафиксирован у девушек (40,6 %) и юношей (40,4 %) в возрастной группе младше 17 лет, остальные возрастные группы показали примерно одинаковый результат, территориальное перемещение среди девушек в возрасте 18–35 лет составляет 32,6 %, среди парней в возрасте 18–35 лет 29 % и девушек в возрасте от 18–22 лет составляет 29,5 %. Миграционный поток 3 имеет самые низкие результаты среди других миграционных потоков, наивысший результат среди юношей возрастной категории 18–22 лет (11,9), чуть ниже результат выявлен среди парней в возрасте 18–35 лет (10,4 %). Самый низкий показатель в данном миграционном потоке выявлен среди девушек в возрасте младше 17 лет, парни данной возрастной категории имеют более высокий показатель (6,8), но он так же ниже чем у других возрастных групп. Среди девушек в возрасте 18–22 лет он составил 9,6 % и 7,7 % среди девушек в возрасте от 18–35 лет (рис. 2).

Данные результаты позволяют сделать вывод, что на территории Нижегородской области достаточно низкий уровень миграции и практически 60 % населения проживают в родном городе, молодежь не имеет особых стремлений покинуть родной город. В целом данный регион имеет стабильные показатели.

Рис. 2. Миграция молодежи на территории Нижегородской области

На территории Томской области, в отличие от всех других исследуемых регионов, в миграционном потоке 1, по всем возрастным группам, показатель в среднем составил 33,5 %, в отличие от миграционного потока 2, где средний показатель составил 48,4 %, наивысший среди возрастной группы девушек младше 17 лет (52,3 %), наименьший среди парней в возрасте 18–22 лет (45,6 %), остальные возрастные группы имеют результаты около 47 %. Миграционный поток 3 имеет так же отличные результаты, по сравнению с другими исследуемыми регионами, наименьший показатель у возрастной группы девушек младше 17 лет составил 13,2 %, являясь притом самым высоким по сравнению с другими регионами. Наивысший показатель выявлен у парней в возрасте 18–22 года (рис. 3). По результатам исследования можно сделать вывод, что в Томской области высокий уровень миграции, уровень населения приехавшего из других городов составляет более 45 %, так же следует отметить высокий процент оттока постоянного населения в

другие регионы, такую миграционную активность населения необходимо связать в первую очередь с тем, что Томская область является одним из крупнейших образовательных центров России, что и обеспечивает постоянный приток и отток населения. Основываясь на самых высоких, по сравнению с другими регионами, показателях миграционного потока 3, можно сделать вывод, что Томская область является неким «перевалочным» пунктом, где молодые люди проживают пока получают образование, но дальнейшую жизнь с данным регионом не связывают и не остаются здесь в качестве трудового ресурса.

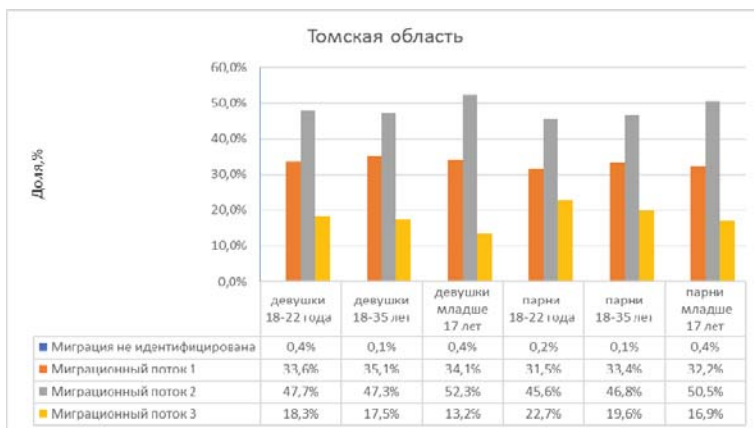

Рис. 2. Миграция молодежи на территории Томской области

В целом исследование показало относительную устойчивость постоянного населения, в среднем среди всех возрастных групп показатель составил более 57 %, наименьший показатель выявлен среди парней младше 17 лет (53,9 %), наивысший показатель – 60 % выявлен у девушек 18–35 лет. Миграционный поток 2, в среднем по всем регионам имеет показатели свыше 30 %. Наивысший результат зафиксирован среди девушек и юношей младше 17 лет, 36,3 % и 36 % соответственно, наименьший результат был выявлен у девушек 18–22 лет (30,1 %) и парней 18–35 лет (30,5 %). Результаты по миграционному потоку 3 могут показывать относительно невысокий % оттока постоянного населения, в среднем по всем возрастным группам он не превышает 10 %, наименьший показатель выявлен среди девушек младше 17 лет (6,9 %), наивысший парней 18–22 лет (12,6 %).

Выводы. В заключении необходимо отметить, что использование цифровых методов, современных инструментов и больших данных из открытых источников в сочетании с традиционными методами (например, опросными) позволит обогатить возможности изучения формирования сообществ, интересов молодежи, миграционных потоков, преимуществ и рисков процессов, происходящих в социальных сетях.

В процессе исследования детально рассмотрены направления изучения активности пользователей в социальных сетях. Отдельное внимание уделено значимости и потенциалу использования больших данных, благодаря которым можно дифференцировать группы пользователей по их активности в рамках технических возможностей той или иной социальной сети.

Литература

1. Abbott W. F., Schmid C. F. University Prestige and First-Time Undergraduate Migration in the United States // *Sociology of Education*. 1975. Vol. 48, N 2. P. 168–185.
2. Agasisti T., Dal Bianco A. Determinants of College Student Migration in Italy: Empirical Evidence from a Gravity Approach. SSRN Scholarly Paper ID1063481. Rochester, NY : Social Science Research Network, 2007.
3. Cooke T. J., Boyle P. () The Migration of High School Graduates to College // *Educational Evaluation and Policy Analysis*. 2011. Vol. 33, N 2. pp. 202–213.
4. Faggian A., McCann P. Universities, Agglomerations and Graduate Human Capital Mobility // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2009. Vol. 100, N 2. P. 210–223.
5. Findlay A. M. An Assessment of Supply and Demand-Side Theorizations of International Student Mobility // *International Migration*. 2011. Vol. 49, N 2. P. 162–190.
6. Knapp T. A., White N. E., Wolaver A. M. The Returns to Migration: The Influence of Education and Migration Type. *Growth and Change*. 2013. Vol. 44, N 4. P. 589–607.
7. Mulder C. H., Clark W. A. V. Leaving Home for College and Gaining Independence // *Environ Plan A*. 2002. Vol. 34, N 6. P. 981–999.
8. Raghuram P. Theorising the Spaces of Student Migration // *Population, Space and Place*. 2013. Vol. 19, N 2. P. 138–154.
9. Smith D. P., Rerat P., Sage J. Youth Migration and Spaces of Education // *Children's Geographies*. 2014. Vol. 12, N 1. P. 1–8.
10. Smith D. P., Sage J. The Regional Migration of Young Adults in England and Wales (2002–2008): A “Conveyor-Belt” of Population Redistribution? // *Children's Geographies*. 2014. Vol. 12, N 1. P. 102–117.
11. Беккер Г. С. Человеческое Поведение: экономический подход. М. : ГУВШЭ, 2003. 672 с.
12. Варшавская Е. Я., Чудиновских О. С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России // *Вестник Московского университета*. Сер. 6, Экономика. 2014. № 3. С. 36–58.
13. Витковская Г., Зайончковская Ж. «Китайское вторжение» в Сибирь и на Дальний Восток: миф о «желтой угрозе» и реальность // *Россия и её регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна*. М. : ОГИ, 2005. С. 552–572.
14. Габдрахманов Н. К. Молодежная миграция как индикатор региональной аттрактивности // *Географический вестник*. 2020. Т. 1. № 52. С. 96–107.
15. Габдрахманов Н. К., Никифорова Н. Ю., Лешуков О. В. «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в РФ. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019.
16. Галанина А. Выпускникам рекомендовали столицы // *Известия*. URL: <https://iz.ru/744525/angelina-galanina/vpusknikam-rekomendovali-stolitsy> (дата обращения: 19.03.2019).
17. Зайончковская Ж. А. Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 1. Приволжский федеральный округ : сборник / под ред. С. Артоболевского и Ж. Зайончковской ; Центр миграционных исследований, Институт географии РАН, ИНИ РАН. М., 2004. 212 с.
18. Замятина Н. Метод изучения миграций молодежи по данным социальных интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной интернет-сети «ВКонтакте») // *Региональные исследования*. 2012. № 2. С. 15–28.
19. Кашницкий И. С., Мкртчян Н. В., Лешуков О. В. Миграция молодежи в России // *Демоскоп Weekly*. 2016. № 703–704. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0703/demoscope703.pdf>.
20. Флоринская Ю. Г., Рошина Т. Г. Миграционные намерения выпускников школ малых городов // *Мониторинг общественного мнения*. 2005. Т. 74, № 2. С. 77–87.

УДК 316.64

В. В. Кривошеев, Е. А. Лебедева

Балтийский федеральный университет имени И. Канта, г. Калининград

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ РОССИЙСКОГО ЭКСКЛАВА: КРИТИЧЕСКОЕ НАСТРОЕНИЕ, ЖЕЛАНИЕ ПЕРЕМЕН (ИТОГИ ОДНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

На основе проведенного эмпирического исследования раскрываются особенности ценностных предпочтений, установок молодежи Калининграда, центра эксклавного региона России. Отмечается, что молодое поколение города критично настроено по отношению к власти, желает перемен как в своей жизни, так и в жизни страны, хорошо знает свои права и обязанности. Делается вывод об ориентации молодых людей на различные формы социального участия.

Ключевые слова: молодежь; эксклав, ценностные установки; социальные проблемы областного центра.

**URBAN YOUTH OF THE RUSSIAN EXCLAVE: CRITICAL MOOD, DESIRE
FOR CHANGE (THE RESULTS OF ONE SOCIOLOGICAL STUDY)**

Based on an empirical study, the article reveals the features of value preferences, attitudes of the youth of Kaliningrad, the center of the exclave region of Russia. It is noted that the young generation of the city is critical of the authorities, wants changes both in its life and in the life of the country, knows its rights and obligations well. Young people are oriented towards different forms of social participation.

Keywords: youth; exclave, value installations; social problems of the regional center.

Отношение молодежи к политической и экономической системе общества, ценностные предпочтения молодого поколения, его настроение, установки на активное участие в жизни социума или напротив, социальная апатия, всегда привлекали исследователей различных отраслей социально-гуманитарного знания. Отечественные социологи, политологи, психологи, специалисты в сфере права, криминологии выявляют специфику позиции современной молодежи по отношению к прошлому страны, её взгляды на возможный вектор дальнейшего развития России. Об этом, в частности, свидетельствуют недавние исследования Л. В. Баевой [1], С. О. Елишева [2], Е. Г. Романовой [3], В. В. Титова и Н. А. Самохвалова [4], многих других ученых. С одной стороны такой интерес вполне закономерно объясняется тем, что любые изменения в обществе, его продвижение ко все более развитому состоянию настоятельно востребуют сознательную включенность молодежи в дела социума, вполне определенную её гражданскую позицию. С другой стороны отчетливо фиксируется, что в сознании молодежи в любом, по сути, обществе немало скептицизма, недоверия к институтам власти и управления, определенной мировоззренческой растерянности, что отчасти объясняется отсутствием жизненного опыта, желания решить сложные проблемы едва ли не мгновенно и с помощью простых решений.

Что касается Калининградской области, всегда необходимо учитывать ее особое положение. Ввиду исторического прошлого – регион, как известно, вошел в состав Советского Союза по итогам Второй мировой войны – и относительной оторванности от остальной части России, а также существенного пополнения с начала 1990-х гг., включая и последнее время, населения области приезжими из других регионов, жители российского эксклава имеют сложную многоуровневую идентичность, которая оказывает влияние на гражданское самосознание и в первую очередь у молодежи. В связи с этим изучение проблем формирования и развития гражданского самосознания, оценка уровня его зрелости представляются весьма актуальными.

В апреле 2021 г. нами было проведено эмпирическое исследование, призванное показать насущные проблемы самосознания молодежи Калининграда, её ценности и предпочтения. Раскрывая сущностные черты самосознания, авторы исходили из того, что оно складывается из знаний, установок, убеждений, что по необходимости должно реализовываться в определенных действиях, в активности молодых людей. Это и предполагало выбор инструментария исследования, который заключался в массовом опросе молодых людей. Выборка была определена квотным методом по половозрастному принципу на основе данных органа статистики. По состоянию на 1 января 2021 г. в Калининграде проживало 117 020 мужчин и женщин в возрасте от 18 до 35 лет. Таким образом, выборочная совокупность при допустимой ошибке 5 % (доверительная вероятность – 0,95) составила 383 чел.

Результаты массового опроса показали достаточно высокий уровень знаний того, где прописаны права и обязанности граждан России. Так, абсолютное большинство молодых калининградцев (88,5 %) правильно определили, что основные права наших граждан прописаны в Конституции. Тем не менее, 11,5 % ответивших выбрали неверный ва-

риант, либо затруднились ответить. Чаще всего в качестве неправильного ответа респонденты выбирали вариант «В Гражданском Кодексе» (7,8 %).

Отвечая на открытый вопрос, респонденты сами называли основные, по их мнению, права, которыми они обладают. Чаще всего респонденты называли право на жизнь (108 упоминаний), на втором месте находится право на свободу мысли и слова (84 упоминания), и на третьем – (57 упоминаний) – право на образование.

Среди своих обязанностей молодые люди считают соблюдение законов (134 упоминания), уплату налогов (109 упоминаний). Кроме этого назывались такие как уважение прав и свобод других лиц, воинская обязанность и защита Отечества (по 54 упоминания). Вариант «другое» предполагал самостоятельный выбор ответа. Здесь были такие как «знать гимн РФ», «не разглашать государственные тайны», «заботиться о своем здоровье», «уважать старшее поколение», «носить маску», «уважать церковь», «создать семью». Как видим, специфика пандемии выразилась даже в таком упоминании среди прочих обязанностей, как необходимость соблюдения масочного режима.

Что касается ценностных установок, то здесь картина выглядит следующим образом. Наиболее важными стали следующие характеристики: свободно владеть языком своей страны (72,1 %) и хорошо знать свои обязанности, права и уметь их отстаивать (73,3 %). Также молодежь высоко оценивает значимость такого ценностного наполнения своих принципов как: всегда подчиняться правилам и законам (61,9 %), всегда платить налоги (57,2 %), хорошо знать и разбираться в истории своей страны (55,4 %), помогать согражданам, которые оказались в тяжелом положении (53,8 %), всегда голосовать на выборах (51,1 %), быть готовым защищать свою страну в боевых действиях (48,8 %) и следить за новостями и событиями, которые происходят в своей стране (48 %). Меньше всего молодежь считает значимым активно участвовать в деятельности общественных организаций и инициатив, развивать гражданское общество (38,9 %). Это говорит о том, что молодежь пока не готова брать инициативу в свои руки и активно действовать на благо своей страны. Низкую оценку значимости также получила характеристика «исполнять воинскую обязанность» (35 %), более того, 42,3 % оценили данную характеристику как незначимую для гражданина, что говорит о том, что молодые не считают важным срочную военную службу.

Можно утверждать, что современная молодежь в целом изжила известный патернализм. Так, молодые люди считают, что их благосостояние (68,4 % от числа ответивших), здоровье (76 %), образование (59,6 %) и трудовая занятость (61,1 %) в решающей мере зависят от их собственных усилий, а не от государства. Это говорит о том, что молодежи свойственно рассчитывать в большей степени на свои собственные силы.

В то же время молодые люди весьма критично оценили усилия государства, власти в их деятельности по выполнению обязательств перед обществом. Так, по мнению молодежи, это происходит из-за распространенности коррупции (85,3 %). Кроме этого, по мнению респондентов, политики и чиновники думают только о своей выгоде (84,9 %) и не вникают в нужды простых людей (63,1 %). Как видим, критичный настрой по отношению к политикам, государственным структурам достаточно высок.

Относительно активной деятельности на благо людей, своего региона, города молодые люди высказали следующие соображения. Молодежь в первую очередь готова участвовать в благоустройстве, уборке и озеленении города (53,1 %), на втором месте находится помощь престарелым, инвалидам и ветеранам войны, труда, тем, кто начинал осваивать новую российскую землю в конце 1940-х гг. (43,5 %). Кроме этого молодые люди готовы оказать помощь в приютах для бездомных животных (42,7 %). Только 8,9 % респондентов выбрали вариант «ничего не готов делать», что говорит о высокой установке молодых на активное участие в жизни города.

Об участии калининградской молодежи в политической жизни свидетельствуют следующие данные. Более половины респондентов (58,4 %) указали, что голосуют на

выборах и референдумах, 16 % – участвуют в уличных политических акциях. Но более трети молодых людей (36,6 %) заявило, что никак не участвует в политической жизни. В варианте ответа «другое» молодые люди отмечали, что «наше участие или его отсутствие ничего не решают», «заниматься можно чем угодно, но смысла нет», «тяжело добиться желаемого результата». Представляется, что здесь скрывается существенный резерв для политических сил, партий и движений в своей деятельности, особенно учитывая выборы в Государственную думу осенью нынешнего года. В протестах большинство опрошенных (35,9 %) не готовы участвовать, а те, кто готов чаще выбирают следующие, можно сказать, «мягкие», формы активности: написание коллективных жалоб, обращений, сбор подписей (33,5 %), санкционированный митинг (32,2 %).

Таким образом, по нашему мнению, есть все основания сделать заключение о том, что современное молодое поколение калининградцев верно понимает свои права и обязанности и настроено позитивно относительно своего активного вмешательства в жизнь города.

Литература

1. Баева Л. В. Гражданское самосознание молодежи в современной России и проблема культурной безопасности // Человек. Общество. Управление. 2013. № 3. С.109–118.
2. Елишев С. О. Молодёжная политика в процессе формирования ценностных ориентаций современной российской молодёжи // Пространство и Время. 2012. № 2. С. 123–130.
3. Романова Е. Г. Корреляция общественных стереотипов и духовных потребностей в процессе формирования ценностных ориентаций современной молодёжи // European Social Science Journal. 2014. № 7–2 (46). С. 306–315.
4. Титов В. В., Самохвалов Н. А. Анализ социально-политических ценностей молодежи на современном этапе развития российского общества // Азимут научных исследований: экономика и управление, 2019. № 1. С. 51–54.

УДК 316.591.55

А. Е. Смирнов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ГОРОД: ФЕНОМЕН СООБЩЕСТВА

В статье раскрывается суть феномена сообщества. Показывается, что понятие сообщества схватывает тип социальных связей, свойственных городу, и, шире, современности как таковой. Содержание связей такого рода не поддаются классическому социологическому анализу. Сообщество оторвано от «земли» и «крови»; оно невозможно в традиционном обществе. Питательная среда сообщества – город. Оно организуется вокруг некоторых практик как мест аффективно нового.

Ключевые слова: общность, сообщество, социальные связи, аффективная общность.

A. Ye. Smirnov

Irkutsk State University, Irkutsk

CITY: A COMMUNITY PHENOMENON

The article reveals the essence of the phenomenon of community. The concept of community grasps the type of social ties characteristic of the city, and, more broadly, of modernity as such. The content of such connections does not lend themselves to classical sociological analysis. The community is disconnected from the "earth" and "blood"; it is impossible in a traditional society. The nutritional environment of the community is a city. It is organized around some practices as places affectively new.

Keywords: community, community, social communications, affective community.

Уже давно общим местом стала констатация того обстоятельства, что мир изменился. Мы живем в новой социальности. Она вполне повседневна, осязаема, комфортна. Но при этом не очень понятна. К этому факту все относится по-разному: кто-то не замечает, кто-то множит количество теоретических ярлыков. Нижеследующие заметки представляют собой попытку ответа на вопрос: как можно охарактеризовать доминирующий тип

социальных связей в современном городе? Насколько хорошо он описывается понятиями «общество», «субъект», «субъективность»? Существует ли в нем нечто вроде «общего чувства» (common sense)?

С нашей точки зрения, существует определенная проблема осмысления человеческих общностей, которые появляются все в больших и больших масштабах. Они отрицают фактом своего существования границы национальных государств. Прежние ориентиры социальности ставятся под вопрос. А заодно способы представления их в теории. Что такое социальная связь сегодня? Это отнюдь не институциональные ее формы. И эту связь трудно идентифицировать с помощью привычных социологическими средствами. Класс, коллектив, масса, группа, прослойка – эти понятия становятся все более проблематичными при описании современной городской среды. И в то же время интерес представляют социальные образования, идентичность которых не зафиксирована и находится в становлении (а возможно, никогда и не установится). Речь идет о социальном феномене, который в современной социальной философии получил название сообщества.

Питательная среда сообщества – город. Сообщество всегда оторвано от земли. Сообщество невозможно в деревне, в традиционном обществе.

Город создает новые ценности. Это деньги, товары, потребление. Труд горожанина не может быть самодостаточным. Он гн может обеспечить себя сам всем, подобно крестьянину. Горожанин зависит от рынка, купли-продажи. Но при этом в городе есть те, кто отказывается от традиционных городских ценностей. Это люмпены, бродяги, воры. Это богемы, художники и поэты. И эта, казалось бы, необязательная, случайная, маргинальная прослойка и порождает феномен сообщества, характеризующийся весьма специфическими социальными связями, которые впоследствии станут правилами формирования функционирования современного социального мира. Цель работы заключается в беглой попытке анализа способа функционирования сообщества. Что является той энергией, которая связывает воедино еще вчера не знакомых друг другу индивидуумов? Как и за счет чего возникает контакт не на уровне слов и даже не на уровне знаков общности, как, одним словом, возникает то «сообщничество», в котором выражено «чистое» общение? [2, с. 34]

С конца прошлого века, вслед за новаторскими работами Ж. Батая, начинает складываться определенная традиция осмысления сообщества. В классическом варианте она представлена именами М. Бланшо, Ж.-Л. Нанси, Дж. Агамбена. Среди отечественных исследователей, разрабатывающих тему сообщества, следует назвать О. Арансона, С. Азаренко, Е. Петровскую, С. Азаренко, Т. Керимова.

Как определяется сообщество? Прежде всего, следует сказать, что сообщество уклоняется от определения. Вне всякого сомнения, это социальная группа, но... странная. Практически невозможно формализовать конкретные признаки, которые бы эту группу. Возможно, это не группа, а ниша. Общество, в пику сообществам, традиционно определяется через работу. Однородное общество (термин Ж. Батая) – общество труда и экономики. Полезного труда. И в то же время художник, например, не работает в общепринятом смысле. Как не «работает» и любящий.

Сообщество, в отличие от общества, является с необходимостью праздным, непроектируемым. В то же время сообщество предполагает принципиально неустранимую, неэлиминируемую совместность. Но оно не может стать общественной единицей, так как не производит ничего такого, в соответствии с чем оно могло бы быть как-то социально зафиксировано, идентифицировано, классифицировано. Сообщество – это тот тип коммуникации, который господствует в современном мире. Это мир массового потребления, рекламы, телевидения, кино. Должны ли мы гордо вывести все это за рамки философской мысли? Или все эти приземленные вещи обладают чем-то важным (Е. Петровская)? Они говорят нам, как нужно чувствовать, переживать, на что обращать внимание, как думать. Члены сообщества – всегда другие. Другие друг другу и другие обществу. Со-

общество – это общность других в обоих смыслах этого слова. Сообщество никогда не цельно. Оно гетерогенно, изменчиво. Его границы не определены. Что, однако, не мешает сохраняться именно в качестве сообщества.

Любое научное описание сообщества (историческое, социологическое) закрывает в сообществе самое главное – коммуникацию, общение, направленность к другому. И вот это общение и коммуникация становятся важнее индивидуальности, труда и социальной определенности. В интервью «Русские в Германии» Х-Г. Гадамер говорит: «В Марбурге у нас... было нечто вроде русской богемы. Русские, считалось, это те, кто целыми днями пьют чай и разговаривают, а под утро расходятся спать. Но диалог, предметное обсуждение – я бы не сказал, что нечто подобное имело место» [2, с. 231]. Мы приводим эту цитату ради демонстрации ситуации сообщества. Русские все время разговаривают – для них важен определенный опыт, опыт того, что происходит здесь и сейчас и выражается в разговоре. Сообщество, тем самым, всегда отсылает к моменту настоящего. Не к истории, но (в данном случае) к моменту «русского говорения». В то время как рационально немцу нужна работа, эффективность и результат.

Вопрос о сообществе – это еще и вопрос о наших стереотипах восприятия и понимания сообщества. Слово «сообщество» понятно каждому. Но, строго говоря, оно не имеет определенного референта. Почему? Потому что оно нерасторжимо связано с настоящим. История сообщества для самого этого сообщества не имеет никакого значения. Сообщества – недоколлективы. Они не выражают себя на социально значимом и воспроизводимом языке. И не позиционируют себя в истории, не мыслят себя в языке больших повествований.

Сегодня сообщество часто именуется множеством (П. Вирно, М. Хардт, А. Негри). Именно сообщество-множественность бросает вызов устоявшимся политическим идентичностям (народ, государство, суверенитет). Множественность подрывает классическую логику репрезентации. Бросает вызов самой модели политического представительства. Именно множество зачастую являет собой пример прямой, непредставительной демократии. Прямое коллективное действие сопротивляется любым попыткам манипуляции. Множество как бы аполитично по отношению к «серьезной» политике, политике политиков. Так, коммунизму в его реализованном, онтическом виде противопоставляется коммунизм иного рода – как неосуществившаяся мечта, как желание найти собственно *сообщество*, по ту сторону всех возможных барьеров и разделений.

Но сообщество не рассматривается как противостоящее обществу. «*Общество* не возникло из руин *сообщества*» (Ж.-Л. Нанси). Сообщество есть то, что случается с нами, начиная с общества. Что же может случиться? Радость, ожидание, императив, мотивация – теоретически, все, что угодно.

Что же объединяет сообщество? Вернее, сказать, что порождает сообщество? Сообщество порождает опыт. Опыт – важнейшее понятие Ж. Батая. Опыт, точнее, «внутренний опыт» становится условием и выражением сообщества. Следует отметить, что *внутренний* опыт никак не подразумевает обособления. Речь отнюдь не идет о некоторой глубине «бесконечно внутреннего». Опыт является «внутренним» лишь по причине того, что он переживается субъектом. В остальном опыт принципиально неиндивидуален, так как превышает размерность субъекта и сознания. Однако не в смысле его «сверхсубъектности», но как предел выносимости, опыт-предел (М. Бланшо), стирающий границы субъективности.

И у Батая, и у Бланшо понятие опыта, конституирующее сообщество, приравнивается к знанию того, что не может быть познано и что имеет место только внутри и посредством сообщества. Сообщество, которое случается, или полагается в размерности события, можно понимать как опыт. Но это опыт, не принадлежащий никому в отдельности и обнаруживающий общность (в дружбе, любви, смерти другого, жертвоприноше-

нии). Примеры утраченных и / или грядущих сообществ: упадок коммунитарной близости у Руссо, традиционная семья, древнегреческий полис, Римская республика, средневековые корпорации, коммуны, коммунизм. Оплакиваемая или чаемая общность, будь то у Маркса, Бакуниена, Руссо, Вагнера, Гегеля или Малларме, воспринимается прежде всего как общность религиозная в своей основе. Ибо общность, о которой идет речь, есть нечто предельно важное. Важное настолько, что именно эта потерянная общность во всех перечисленных вариантах задает одну из рамочных возможностей осмысления современности. Сообщество есть то, что никогда не имело места. Греза о сообществе начинается с общества. Е. Петровская: «Если сообщества *не было* и если это то, что случается *начиная* с общества, то связь общества и сообщества не является ни генетической, ни исторической. Мы имеем дело с идеей, отрицающей собственный источник. В этом смысле и утрата (имманентности и близости единства) значима лишь потому, что конституирует само "сообщество"... Можно утверждать, что сообщество есть *письмо* общества, другими словами – его *differance*» [3, с. 20].

Что радикального в типе мышления, восстребовавшим тему сообщества?

Прежде всего – отказ от абсолютных оснований, от очевидностей типа субъекта и индивида в качестве принципов или несущих конструкций. Речь не идет об априорном отказе от классических понятий. Тем не менее в определенных ситуациях нужно настаивать на освобождении от навыков философствования, связанных с практическим использованием понятий, пронизанных мотивами монизма, универсализма, фундаментализма, редукционизма. Дискурс сообщества остается разомкнутым. Мысль о сообществе противится любому теоретическому замыканию. Следовательно, для возможности говорить о сообществе нужен новый язык. Новая практика высказывания. Которая, в свою очередь, должна включаться в ткань размышлений других. Так, Нанси говорит о том, что хотел бы вступить в контакт с опытом Батая, а не просто почерпнуть нечто из его знаний и положений. Сообщество, поэтому, есть разновидность *дружбы*. Объединяющее незнакомцев. Дружба, в этой связи, есть не просто пример сообщества, но и способ мышления о нем.

Итак, понятие сообщества, взятое в качестве объекта исследования, не имеет четко определенного содержания. Оно отсылает к некоторым граничным пространствам дискурса. Сообщество – неустойчивая общность. С не формализуемыми связями. Сообщество предполагает «отношение без отношений». Т.е. связь возможна в ситуации разъединенности. Или, как выражается Ж.-Л. Нанси, в выставленности друг другу. Это близость, но не социальная. Все социальные связи не имеют здесь никакого значения. О. Арансон так характеризует неформализуемые связи сообщества на примере богемы: «Богема всегда "между", при любом разделении общества на группы, поскольку в ней сконцентрировано сопротивление двум полюсам, которые могут быть выражены в метафорах Империи (стабильность смысла, истории, границ...) и Революции (логическое отрицание, переворот, трансгрессия...). Это два необходимых условия, при которых мы можем зафиксировать богему как функцию неосуществимого желания революций в ситуации Империи. Это – индикатор распада, момент задержки, когда все имперские знаки теряют значения, но революции не происходят, это – момент ожидания, когда привычные связи рушатся и сохраняются только "лишние" и "случайные"... Именно здесь рождается мысль, всегда неактуальная и несвоевременная, рождается в той своей неполноте, которая никогда никем не будет присвоена окончательно» [1, с. 72].

Понятие сообщества призвано фиксировать особые типы общностей с новыми ценностями, новой проблематикой, иной перегруппировкой социальных сил, иным, новым типом опыта. Поэтому сообщество всегда предполагает некоторую аффективную общность. Это общность влюбленных, общность в творчестве, наслаждении, боли. Такая общность возникает в слабых связях. Они не могут быть схвачены социологией, не могут быть атрибутированы к экономике и / или политике. Они ускользают от возможности их

институциональной формализации и закрепления. В этом – те возможности и тенденции, которые создают эффект коммуникации или то, что мы называем сообществом. Общность организуется не только вокруг практик, но также вокруг мест аффективного нового. И это новое возникает как событие не потому, что оно привнесено кем-то, но потому что люди вовлечены в стратегии «чистой общительности». Новое обнаруживается не там, где оно закреплено и институционально прописано, но в ином месте, в месте нового, где Другой обладает полнотой присутствия. Когда подобное происходит, формируется сообщество.

Литература

1. Арансон О. Богема: Опыт сообщества (Наброски к философии асоциальности). М. : Прагматика культуры, 2002. 96 с.
2. Гадамер Х.-Г. Русские в Германии (беседа с В. Малаховым) // Логос. Философско-литературный журнал. 1992. № 3. С. 228–232.
3. Петровская Е. Безымянные сообщества. М. : Фаланстер, 2012. 384 с.

УДК 378.2

В. Ф. Пугач

Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», г. Москва

АСПИРАНТЫ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА

На основе данных образовательной статистики рассматриваются подготовка аспирантов, динамика численности их контингента, привлекательность аспирантуры для молодежи. Особое внимание уделяется гендерному аспекту состава аспирантов, успешности обучения.

Ключевые слова: аспиранты, привлекательность и доступность аспирантуры, доля окончивших аспирантуру с защитой диссертации, гендерный состав аспирантов.

V. F. Pugach

National Research Technological University "MISIS", Moscow

GRADUATES AND SOCIOCULTURAL SPACE OF THE CITY

The article, on the basis of educational statistics, examines the training of graduate students, the dynamics of the number of their contingent, the attractiveness of graduate school for young people. Particular attention is paid to the gender aspect of the composition of graduate students, the success of training.

Keywords: postgraduate students, attractiveness and availability of postgraduate studies, the proportion of graduates with a thesis defense, gender composition of graduate students.

Социокультурное пространство города в значительной степени зависит от системы образования, ее масштабов, структуры. Особая роль принадлежит подготовке кадров высшей квалификации, в том числе в аспирантуре. В данной статье дается анализ развития аспирантуры в России на рубеже XX–XXI вв. Динамика численности аспирантов в России, их распределение между НИИ и вузовским сектором показана на рис. 1.

Как видно, кривые, отображающие численность аспирантов в целом и вузах имеют волнообразный характер: минимальные значения в начале 1990-х, затем быстрый рост, достижение максимальных значений в 2010 г., и далее – быстрое сокращение.

На фоне развития аспирантуры в течение нескольких предыдущих десятилетий численность аспирантов в 1993 г. (50,3 тыс. чел.) была минимальной. Пройдя точку минимального уровня, численность аспирантов начала быстро расти и всего за пять лет практически удвоилась, а в 2010 г. достигла максимума и составила 157 тыс. аспирантов. При этом увеличившись втрое. После 2010 г. начался стремительный процесс сокращения, и в 2018 г. в России было 90 823 аспиранта, что соответствует уровню конца 1990-х гг.

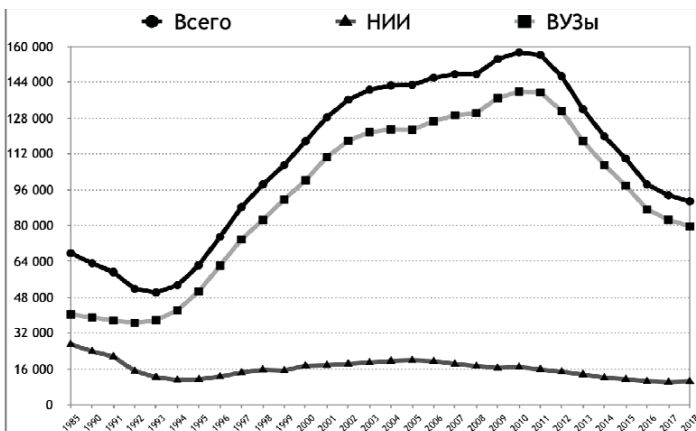

Рис. 1. Численность аспирантов в России
Примечание: Здесь и далее рассчитано по [1–7]

Остановимся на особенностях изменения масштабов аспирантуры в НИИ и вузах. Так, в НИИ с 1990 по 1994 г. численность аспирантов уменьшилась более чем вдвое, до 11,2 тыс. чел. Затем, после достижения минимального значения, наблюдался относительно медленный рост. В 2005 г. отмечено максимальное значение – почти 20 тыс. аспирантов. Далее последовало почти монотонное сокращение численности, и в 2018 г. в аспирантуре НИИ было 10,5 тыс. чел.

Более динамично изменялся контингент аспирантов в вузах: после незначительного снижения численности аспирантов в начале 1990-х гг. и достижения минимального уровня в 1992 г. этот показатель быстро рос. К 2010 г. он увеличился более чем в три раза, составив почти 123 тыс. чел. Далее произошло быстрое сокращение численности аспирантов и в 2018 г. она составила 79,6 чел.

Результатом такой динамики явился быстрый и монотонный рост доли вузовского сектора в аспирантском контингенте. С 2007 г. доля вузовского сектора среди всех аспирантов держится стабильно на уровне 88–89 %. Следовательно, можно говорить о стабилизации процесса распределения количественного состава аспирантов между НИИ и вузами.

Для характеристики привлекательности аспирантуры рассмотрим несколько показателей. Одним из аспектов развития аспирантуры является ее потенциальная доступность для выпускников вузов. Она определяется выпуском из вузов и приемом в аспирантуру. Динамика обоих показателей показана на рис. 2.

Как видно на рис. 2, выпуск из вузов в первой половине 1990-х гг. был относительно стабильным и составлял чуть более 400 тыс. человек. В середине 1990-х гг. произошел перелом в характере динамики – начался быстрый рост, в результате которого в 2010 г. выпуск составил почти 1,5 млн человек, таким образом, увеличившись за период с 1990 по 2010 г. в 3,7 раза и достигнув максимального значения. В результате дальнейшего снижения численности к 2018 г. она вернулась к ситуации начала нулевых и составила 933 тыс.

Что касается приема в аспирантуру, то в рассматриваемый период здесь тоже происходили очень значительные, принципиальные изменения. После точки минимального значения 1992 г., когда прием составил менее 14 тыс. чел., темпы роста были высоки, в результате чего к 2009 г. прием вырос до максимального значения – 55,4 тыс., или в 4 раза. После этого прием в аспирантуру быстро сократился и в течение десятилетия численность приема сократилась более чем вдвое и составила в 2018 г. 27 тыс.

Рис. 2. Динамика выпуска из вузов и приема в аспирантуру

Отношение приема в аспирантуру к выпуску из вузов в данной работе используется как показатель потенциальной доступности аспирантуры. Данный показатель, рассчитанный в динамике и выраженный в промилле, показан на рис. 3.

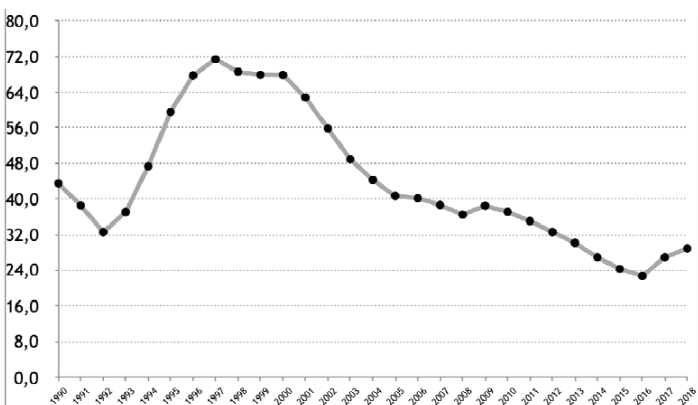

Рис. 3. Доступность аспирантуры, промилле

Ситуация с доступностью оказалась очень изменчивой. Логично, что 1992-й – год минимального приема в аспирантуру, стал и годом минимальной ее доступности: на 1000 выпускников вузов приходилось только 33 места в аспирантуре. Но уже через пять лет, в 1997 г., уровень доступности достиг максимума: 71 место в аспирантуре на 1000 выпускников вузов, увеличившись по сравнению с минимальным уровнем в 2,2 раза. После этого, несмотря на продолжающийся рост приема в аспирантуру, доступность монотонно снижается и к 2017 г. снизившись до 27 мест.

Теперь рассмотрим реальное поведение выпускников вузов, отражающее привлекательность аспирантуры. Для ее характеристики используем два показателя: удельный вес лиц, окончивших вузы в отчетном году, в приеме аспирантов, %.; доля выпускников, поступающих в аспирантуру в год получения высшего образования, % (табл. 1).

Таблица 1

Привлекательность аспирантуры

Год	Выпуск из вузов, тыс. чел.	Прием в аспирантуру, чел.	Прием в аспирантуру выпускников текущего года	Доля выпускников текущего года в приеме, %	Привлекательность аспирантуры, %
1994	409,9	19 416	10055	51,8	2,45
1995	403,2	24 025	13673	56,9	3,39
1996	428,1	29 012	16959	58,5	3,96
1997	457,7	32 670	20230	61,9	4,42
1998	500,8	34 351	20853	60,7	4,16
1999	554,8	37 666	23340	62	4,21
2000	635,1	43 100	26926	62,5	4,24
2001	720,2	45 241	28049	62	3,89
2002	840,4	46 935	30178	64,3	3,59
2003	976,9	47 803	31168	65,2	3,19
2004	1076,6	47 687	31371	65,8	2,91
2005	1151,7	46 896	31211	66,6	2,71
2006	1255	50 462	32232	63,9	2,57
2007	1335,5	51 633	33341	64,6	2,50
2008	1358,5	49 638	31756	64,0	2,34
2009	1442,3	55 540	35855	64,6	2,49
2010	1467,9	54 558	37528	68,8	2,56
2011	1442,9	50 582	34326	67,9	2,38
2012	1397,2	45 556	28411	62,4	2,03
2013	1291	38 971	23736	60,9	1,84
2014	1226,2	32 981	21720	65,9	1,77
2015	1300,5	31 647	20582	65,0	1,58
2016	1161,1	26 421	14928	56,5	1,29
2017	969,5	26 081	17605	67,5	1,82

Обращает внимание синхронность по времени максимальных значений выпуска из вузов, приема в аспирантуру в целом, в том числе выпускников вузов, и доли выпускников текущего года в приеме.

Обратимся к доле выпускников текущего года в приеме в аспирантуру. Как видно из данных таблицы 1, в течение 1994 по 2017 г. наблюдаются значительные колебания: их диапазон – минимальное значение 52 % в 1994 г., максимальное – 69 %, с некоторой тенденцией к росту. Доля поступивших в аспирантуру сразу после окончания вуза составила в 1994 г. 52 % от числа принятых, в 2001 г. – 62 %, в 2017 г. – 67 %. Из этого видно, что и среди выпускников прошлых лет наблюдается постепенное снижение привлекательности аспирантуры.

Теперь обратимся к показателю привлекательности аспирантуры у выпускников вузов текущего года. За период с 1994 по 2017 г. в его динамике наблюдались значительные изменения. В середине 1990-х данный показатель быстро рос и с 2,45 в 1994 г. вырос до 4,42 в 1997 г. (это максимальное значение), т. е. в 1,8 раза. Уровень больше 4 % держался до 2000 г. включительно, после чего наблюдалось стремительное сокращение. С 2013 г. доля выпускников, поступающих сразу после окончания в аспирантуру, находится на уровне менее 2 %. Это свидетельствует о быстром снижении привлекательности аспирантуры среди выпускников вузов.

Важной характеристикой аспирантуры является гендерный состав аспирантов. Данные о численности женщин среди всех аспирантов, в том числе в вузах, НИИ и ДПО.

На рубеже веков в России десятки тыс. женщин обучались в аспирантуре. С середины 1990-х гг. численность женщин, обучавшихся в аспирантуре России, быстро росла, увеличившись за период с 1995 по 2010 г. с 29 тыс. почти до 73, или в 2,5 раза. После до-

стижения максимального значения в 2010 г., численность аспиранток стремительно сокращалась и в 2018 г. оказалась равной значению 1998 г. – 41 тыс. Обращает внимание тот факт, что период роста был явно длиннее, чем период спада.

Рассмотрим, какую долю составляют женщины среди аспирантов, в (рис. 4).

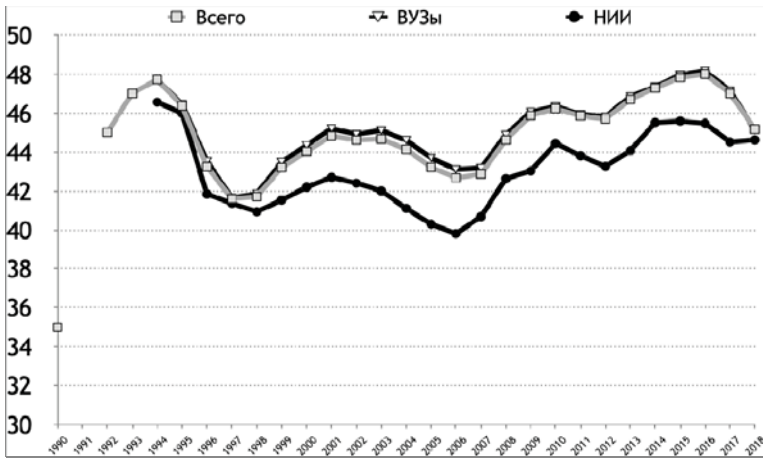

Рис. 4. Доля женщин среди аспирантов, в т. ч. в НИИ, вузах, %

Доля женщин среди аспирантов, как видно из рис.4, не превышает 50 %, причем более или менее четкая тенденция в динамике изменения удельного веса женщин отсутствует. Если в 1994–1997 гг. доля женщин сокращалась, то после достижения минимального уровня в 1997 г. она начала расти, тем не менее к 2005 г. уровень 1994 г. так и не был достигнут. Если рассматривать гендерный состав аспирантов отдельно в вузах и НИИ, то картина получается следующая. Характер динамики гендерного состава и в вузах, и в НИИ аналогичен: сначала быстрое снижение доли женщин до минимального уровня (в вузах – в 1997 г., в НИИ – в 2006 г.), затем медленный ее рост. При этом доля женщин в аспирантуре НИИ несколько ниже, чем в аспирантуре вузов.

В 1970 и 1975 гг. среди аспирантов женщины составляли чуть более 28 %. Позднее их доля росла и в 1994 г. достигла максимума, почти 48 %. С 2010 г., кроме вузов и НИИ, добавились и организации ДПО. Доля женщин там наблюдается максимальной. Это связано, скорее всего, с отраслевой принадлежностью. Для количественного сравнения гендерного состава аспирантов в НИИ, вузах и ДПО рассчитаны индексы гендерного паритета (табл. 2).

Таблица 2
Индексы гендерного паритета для аспирантов в целом, НИИ, вузов и ДПО

Год	В целом	Вузы	НИИ	ДПО
1994	0,91	0,92	0,87	
1995	0,86	0,87	0,85	
1996	0,76	0,77	0,72	
1997	0,71	0,71	0,71	
1998	0,72	0,72	0,69	
1999	0,76	0,77	0,71	
2000	0,79	0,80	0,73	
2001	0,81	0,82	0,75	

Год	В целом	Вузы	НИИ	ДПО
2002	0,81	0,92	0,69	
2003	0,81	0,82	0,72	
2004	0,79	0,81	0,70	
2005	0,76	0,78	0,67	
2006	0,74	0,76	0,66	
2007	0,75	0,76	0,69	
2008	0,81	0,81	0,74	
2009	0,85	0,85	0,76	2,48
2010	0,86	0,86	0,80	2,45
2011	0,85	0,85	0,78	2,41
2012	0,84	0,85	0,76	2,85
2013	0,88	0,88	0,79	3,07
2014	0,90	0,90	0,83	2,59
2015	0,92	0,92	0,84	2,38
2016	0,92	0,93	0,83	2,28
2017	0,89	0,89	0,80	2,11
2018	0,82	0,82	0,81	1,85

Значения индексов гендерного паритета всех аспирантов, как видно из таблицы 2, постоянно меньше единицы, но часто близки к этому, особенно в середине 2010-х гг. Минимальные значения на уровне чуть выше 0,70, отмечены в середине 1990-х.

Индексы гендерного паритета, как видно из табл. 2, в НИИ и вузах близки, но в вузах они ближе к единице, т. е. к состоянию гендерного паритета. Если рассматривать гендерный состав во временном разрезе, то ситуация наиболее близкая к паритету наблюдалась в середине 2010-х гг.

Особое место занимают организации ДПО – там, как видно, наблюдается значительная гендерная асимметрия в пользу женщин. Можно предположить, что влияние здесь оказывает отраслевая принадлежность программ подготовки аспирантов.

Следовательно, гендерный состав аспирантов показывает, что он близок к паритету, но имеется незначительная асимметрия в пользу мужчин.

На рубеже XX–XXI вв. в численности выпуска из аспирантуры происходили значительные изменения. В начале 1990-х гг. происходило быстрое сокращение численности выпускников аспирантуры, и в 1995 г. наблюдалось его минимальное значение – 11,4 тыс. В результате последовавшего роста численность выпускников в 2007 г. достигла максимального уровня – 35,7 тыс., причем в течение периода с 2003 по 2013 г. выпускников было более 30 тыс. ежегодно. После десятилетнего периода относительной стабильности последовал период очень быстрого сокращения, до 17,7 тыс. в 2018 г. Это уровень 1985 и 1998 гг.

Рассмотрим один из показателей эффективности аспирантуры – долю выпуска с защитой диссертации, в том числе в гендерном аспекте (табл. 3).

Таблица 3

Доли выпуска из аспирантуры с защитой диссертации

Год	Выпуск, всего	В том числе		Индекс гендерного паритета
		мужчины	женщины	
1994	22,1	21,0	23,4	1,11
1995	22,9	22,0	24,0	1,09
1996	24,2	23,2	25,2	1,08
1997	25,1	23,8	26,7	1,12
1998	26,1	24,1	28,9	1,20
1999	27,1	24,1	31,9	1,33

Год	Выпуск, всего	В том числе		Индекс гендерного паритета
2000	30,2	27,1	34,8	1,29
2001	24,0	21,6	27,7	1,28
2002	26,4	24,0	29,5	1,23
2003	27,2	24,9	30,4	1,22
2004	31,5	28,9	34,7	1,20
2005	31,7	29,0	35,4	1,22
2006	33,5	30,1	38,1	1,27
2007	30,7	27,2	35,5	1,30
2008	26,2	22,8	31,2	1,37
2009	31,5	27,8	36,7	1,32
2010	28,5	25,8	32,3	1,25
2011	32,0	26,4	32,7	1,24
2012	26,2	23,7	29,2	1,23
2013	25,9	23,9	28,4	1,19
2014	18,4	16,2	21,3	1,31
2015	18,0	16,9	19,3	1,14
2016	14,4	14,3	14,4	1,01
2017	12,8	13,3	12,4	0,93
2018	12,4	13,3	11,4	0,86

Доля окончивших аспирантуру с защитой диссертации с 1990 по 2006 г. росла: если в начале 1990-х гг. с защитой диссертации оканчивал аспирантуру каждый пятый выпускник, то в 2006 г. – треть. После этого снижение было очень значительным: в 2018 г. таких выпускников оказалось лишь 12,4 %.

Остановимся на анализе успешности обучения в аспирантуре в гендерном аспекте. Для сравнения эффективности подготовки аспирантов и аспиранток и рассмотрения в динамике рассчитаны процентные доли окончивших аспирантуру с защитой диссертации отдельно для мужчин и женщин, а также индекс гендерной асимметрии.

Как видно из данных табл. 4, ситуация с успешностью обучения в аспирантуре, рассматриваемая в гендерном аспекте, чрезвычайно нестабильная. Максимальные значения, причем весьма высокие, доли окончивших аспирантуру с защитой диссертации, причем как у мужчин, так и у женщин, отмечены в 2006 г. До этого наблюдались колебания показателя с тенденцией к росту. С 2009 г. доли окончивших аспирантуру с защитой диссертации начали стремительно снижаться: к 2018 г. показатель у мужчин уменьшился в 2,7 раза, у женщин – в 3,3 раза.

Рассчитанный индекс гендерной асимметрии отражает во взаимосвязи изменения показателей мужчин и женщин: за весь рассматриваемый период, кроме 2017 и 2018 гг., индекс больше единицы, т. е. доля оканчивающих аспирантуру с защитой диссертации у женщин выше, чем у мужчин. Но кратность разная: в периоды с 1994 по 1997 г., и в 2015–2018 гг. ситуация близка к паритету. Между конечными точками степень асимметрии выше, максимальная в 2008 г., после чего быстро снижалась.

Тот факт, что среди выпуска из аспирантуры среди женщин доля оканчивающих с защитой диссертации выше, чем среди мужчин, известен. Здесь он подтверждается. Но динамика, начиная с 2014 г., показывает на изменения ситуации в аспирантуре, снижение ценности аспирантуры, защиты диссертации. Особенно это проявляется в понижении мотивации женщин.

Следовательно, с 2014 г. в России наблюдается резкое снижение масштабов аспирантуры, ее привлекательности для молодежи, эффективности деятельности. Аспирантура как форма подготовки кадров высшей квалификации, существующая в России много десятилетий, оказывается под угрозой. Тревожность добавляется и фактом снижения активности женщин, традиционно высокой в течение несколько десятилетий.

Литература

1. Высшее и послевузовское образование в России: 2004 : стат. сб. М. : ЦИСН, 2004.
2. Образование в Российской Федерации: 2007 : стат. ежегод. М. : ГУ – ВШЭ, 2007.
3. Образование в Российской Федерации: 2010 : стат. сб. М. : ГУ – ВШЭ, 2010.
4. Образование в Российской Федерации: 2014 : стат. сб. М. : ВШЭ, 2014.
5. Портал Министерства науки и высшего образования. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/ru/about/opendata>.
6. Индикаторы образования: 2020 : стат. сб. М. : НИУ ВШЭ, 2020.
7. Женщины и мужчины России : стат. сб. М. : Росстат, 2018.

УДК 504.06

Н. В. Москвитина

Иркутский государственный университет, Иркутск

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОСИСТЕМЫ ГОРОДА

Рассматриваются особенности эволюции городской экосистемы. Выявляются особенности формирования экосистемы современных городов, факторы на нее воздействующие и механизмы изменения. На основе проведенного исследования анализируются особенности психогеографии городов в городских экосистемах сравниваются условия и факторы трансформации городской экосистемы.

Ключевые слова: городская экосистема, психогеография, экология города, экология территории, психология ландшафта города.

N. V. Moskvitina

Irkutsk State University, Irkutsk

EVOLUTION OF THE CITY'S ECOSYSTEM

The article discusses the features of the evolution of the urban ecosystem. The features of the formation of the ecosystem of modern cities, factors affecting it and mechanisms of change are revealed. On the basis of the study, the features of the psychogeography of cities in urban ecosystems are analyzed, the conditions and factors of transformation of the urban ecosystem are compared.

Keywords: urban ecosystem, psychogeography, city ecology, territory ecology, city landscape psychology.

Городская экосистема обусловлена бетоном, стеклом и пластиком, асфальтом и проводами соответствует потребностям и удобству жизни людей, но лишает города уюта и тепла. Многоэтажные дома вместо деревьев и широкополосные трассы вместо езе заметных тропинок; водопроводная хлорированная вода вместо родниковой воды; свет фонарей и неонов рекламы вместо звезд на ночном небе. Город создан для людей, и он же их угнетает.

Физически создано множество удобств для того, чтобы облегчить жизнедеятельность людей, но это не делает их счастливыми. Это делает их поработанными городом в его тисках и рамках, не позволяя дышать полной грудью, ограничивая взгляд домами, а не горизонтом. При этом создает множество условий для социально-экономического развития [1–3] и социального недовольства [4], что формирует достаточно противоречивую общую картину экосистемы городского развития.

Городская экосистема строится на исторически сложившихся условиях, задачах администрации городов и новых архитектурных решений. Без соединения эколого-психологической составляющей – городское пространство будет безликим и бесчувственным, вызывающим депрессию и тревожность, агрессию и уныние.

В современных условиях и экономические кризисы, и экологические катастрофы, и пандемия оказывают воздействие на экосистему городов. Кто, где, когда и как находится, что делает, с кем взаимодействует влияет на социальное самочувствие и экологические условия развития микросистем городского пространства.

Для изучения условий развития экосистемы города, мы провели исследование на платформе опросов www.google.com. В исследовании приняло участие 1200 человек в

возрасте от 18 до 75 лет, проживающих в городах разных регионов РФ, 62 % женщины и 38 % мужчины.

Городская экосистема не статична, более того, у населения имеются собственные представления из чего она состоит, как формируется, что на нее влияет и как это отражается на их жизни. В формальном подходе на городскую экосистему влияют личные стратегии поведения, социальные условия (городская политика и администрирование в рамках локальных и глобальных конфигураций) и экологические условия социального развития. На рис. 1 представлено сравнение условий формирования экосистемы города.

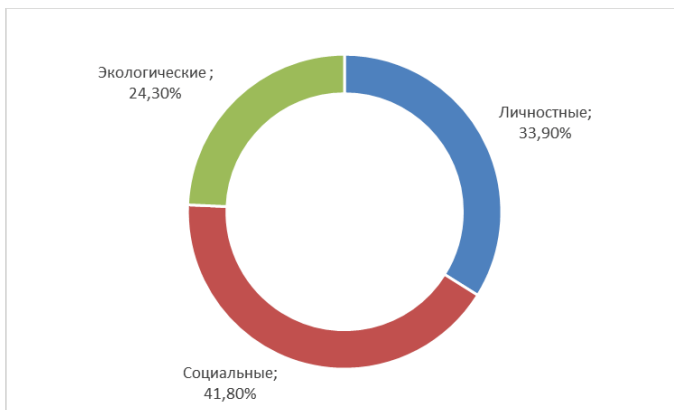

Рис. 1. Сравнение условий формирования экосистемы города

Нами выявляется несколько групп факторов, определяющих формы и векторы развития сознания: социокультурный, ментально-психологический и социально-образовательный. На рис. 2 представлена объяснительная дисперсия факторов, определяющих экосистему города, при описании 69,9 % общей дисперсии.

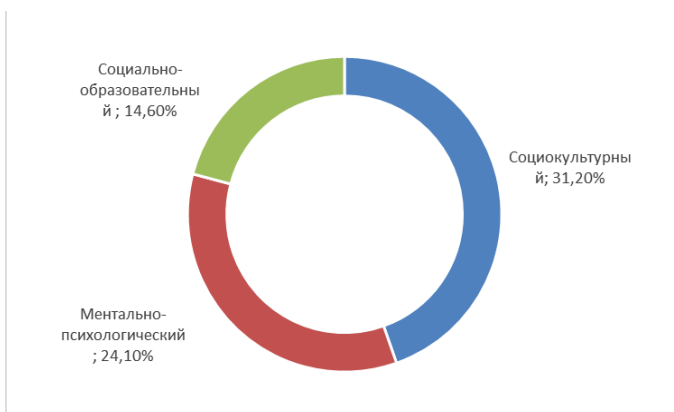

Рис. 2. Объяснительная дисперсия факторов, определяющих экосистему города

Социокультурный фактор указывает на сочетание личностных, социальных и экологических условий формирования городской экосистемы как стратегии развития, основанной на истории и культуре, обусловленной противостоянием с Природой и в этой борьбе стал цивилизованным. Развитие общества стало возможно только потому, что шло это противостояние.

Ментально-психологический фактор конструирует городскую экосистему как результат взаимодействия личностных, социальных и экологических условий в рамках неосознаваемых ментальных программ, определяющих установки (осознаваемые и нет) и стратегии поведения человека в разных пространствах города. Ментально-психологический фактор – это механизм преломления личного опыта восприятия города в социальные рамки общественного воспроизводства.

Социально-образовательный фактор развития городской экосистемы выступает продуктом сочетания личностных, социальных и экологических механизмов через образовательную политику государства, личную ответственность граждан, воспринятую через индивидуальное повышение квалификации, личную осознанность и вовлеченность в личные и социальные взаимодействия.

В таблице представлены результаты факторного анализа рассматриваемых условий.

Факторный анализ экосистемы города

Таблица

Фактор	Переменные	Коэффициент
Социокультурный Вес фактора – 22,3. Объяснительная дисперсия – 31,2 %	В наших традициях использовать и подчинять природу	0,766
	Противостояние культурного и природного заложено в эволюции нашего вида	0,756
	Экологическая культура является элементом государственной политики или ее отсутствия	0,632
	Социокультурные предпосылки городской экосистемы определяют качество среды	0,612
	Урбанистика строится на социокультурном подходе к развитию города	0,578
	Противостояние города и природы – является показателем эволюции человека	0,533
Ментально-психологический Вес фактора – 18,4 Объяснительная дисперсия – 24,1 %	На глубинном уровне человек боится природы, поэтому защищает себя городом	0,756
	Город угнетает психику человека	0,733
	Психологическое самочувствие в городе изменяет личность человека	0,721
	Психогеография пространства определяет наше самочувствие	0,692
	Экологическая обстановка развивает личностные и социальные страхи	0,631
Социально-образовательный Вес фактора – 15,6. Объяснительная дисперсия – 14,6 %	Экология городской среды определяет психологическую атмосферу в городе	0,543
	Экологические ценности воспитываются в процессе социализации	0,686
	Образовательные институты регулируют экоструктуру пространства	0,652
	Личная ответственность за место, где живешь определяет экологическую культуру	0,578
	Жизнь в городе – личная ответственность за здоровье общества	0,531
	Экология является следствием культуры и образования общества в целом	0,467
Городская экосистема – это продукт социального образовательного развития	0,432	

Данные таблицы показывают, что значимость каждого условия весьма ощутима и заметна при анализе каждого из выделенных нами факторов. Это является основанием полагать, что городские экосистемы конструируются на основе комплексных взаимосвязей, требующих более детального анализа и регулярного мониторинга.

Городская экосистема – это продукт жизни человека в городе, с его однообразными формами и уникальными архитектурными и дизайнерскими решениями. Будущее городского развития лежит в применении результатов планирования городского экосистемного развития.

Литература

1. Заварзина Ю. В. Правовые, социальные и естественные предпосылки формирования территориального развития // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2019. С. 221–226.

2. Заварзина Ю. В., Батьянова Л. Н., Москвитина Н. В. Социально-ресурсное обеспечение конкурентоспособности территории в пространстве сетевого взаимодействия // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2019. С. 315–318.

3. Москвитина Н. В., Иванов Р. В., Заварзина Ю. В. Снижение трансфертной зависимости от федерального центра как экономико-психологический фактор стабилизации обстановки в регионе // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред.: А. Д. Карнышев, В. А. Решетников. Иркутск, 2019. С. 158–161.

4. Полошкевич О. А. Общественное недовольство в городском пространстве // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований : материалы XVII Всерос. науч. конф. молодых ученых в области гуманитарно и соцо наук / [редкол.: В. В. Петров, А. Н. Артемова, О. А. Персидская, А. А. Санженкова]. 2019. С. 171–174.

УДК 316.423

Р. В. Иванов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

НАПРАВЛЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ СДВИГОВ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РАЗЛОМ НА ТЕРРИТОРИИ МОНОГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Рассматривается влияние цивилизационных сдвигов и распадов государственной системы в России в XX в. на формирование, развитие и на поиск путей решения проблем моногородов Восточной Сибири на примере Иркутской области. Приводятся характеристика основных признаков, связанных с образом моногорода в Восточной Сибири. Определяются современные точки зрения исследователей по проблемам поиска путей и направлений для решения проблем моногородов Восточной Сибири, критической оценке подвергаются универсальные подходы к решению проблем моногородов.

Ключевые слова: моногород, регион, цивилизация, разлом, территория, цивилизационные сдвиги.

R. V. Ivanov

Irkutsk State University, Irkutsk

DIRECTIONS OF CIVILIZATIONAL SHIFTS AND CIVILIZATIONAL RIFT IN THE TERRITORY OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS OF EASTERN SIBERIA

The article examines the influence of civilizational shifts and disintegrations of the state system in Russia in the XX century on the formation, development and search for solutions to the problems of single-industry towns in Eastern Siberia on the example of the Irkutsk region. The article describes the main features associated with the image of a single-industry town in Eastern Siberia. The author presents the modern points of view of researchers on the problems of finding ways and directions to solve the problems of single-industry towns in Eastern Siberia, and critically evaluates universal approaches to solving the problems of single-industry towns.

Keywords: single-industry city, region, civilization, fault, territory, civilizational shifts.

Основной цивилизационный разлом для России, несомненно, связан с тремя русскими революциями начала XX века. Произошедший вслед за этим распад государственности привел к поиску новых форм и методов управления страной. Советский период развития России в рамках поиска путей развития цивилизации вполне правомерно рассматривать как альтернативный, однако, временный вариант цивилизационного сдвига.

Исчерпав ресурсы и возможности управления и влияния на население Советского Союза, государственная система второй раз за период XX века распалась, что привело в итоге к новому цивилизационному сдвигу, который в свою очередь стал основой для поиска новых путей цивилизационного развития.

С другой стороны, можно рассматривать приведенные выше события, как свидетельство глубокого цивилизационного разлома в России за последние 100 лет. Поэтапный цивилизационный распад в России связан с кризисом не только государственности, а также культуры, искусства, образования и социальной сферы в целом.

За советский период цивилизационного развития в Восточной Сибири к началу 70-х гг. XX века происходит постепенный уход от основ сельской и деревенской культуры и переориентирование на городской уклад жизни, сознательный отказ от деревенского образа жизни, как результат экономической политики Советского правительства.

В 1940–1950 гг. в Восточной Сибири возникают и активно застраиваются десятки городов, а поселки получают статус городского типа. Постепенно размываются и исчезают фундаментальные для русской цивилизации основы отношения к земле как источнику развития и подменяются отношением к земле как к территории, наполненной полезными ресурсами. «За десятилетия реализации проектов выработалась определенная парадигма, связанная с процессом освоения и развития Восточно-Сибирских территорий на основе реализации общенационального и государственного развития. Пространственное развитие инфраструктуры Восточной Сибири и Дальнего Востока в рамках необходимости общегосударственного развития продолжалось до 90-х годов XX века» [2]. Новые города возникали вокруг промышленных и сельскохозяйственных производств. Массовое переселение из запаливаемых деревень на новые территории в поселки городского типа новые города осуществлялось на территории Красноярского края, Иркутской и Новосибирской областей.

В период перестройки в 80–90-е гг. XX в. новые советские города в Восточной Сибири столкнулись с разрушением всей инфраструктуры, распадом основных градообразующих предприятий. «В моноресурсных городах Иркутской области и Красноярского края социальные проблемы приобрели особую остроту. Значительно увеличилось масштабы организованной преступности. Стремительно, подобно эпидемии, распространились: наркомания, беспризорность детей, забытые в советский период инфекционные заболевания (туберкулез, вирусный гепатит) и другие социальные аномалии» [4]. Данные процессы продолжается в течение 30 лет до настоящего времени.

Так называемые моногорода, постепенно распадаются и являются источником комплекса проблем на территории Восточной Сибири: «Под моногородом понимается территориальное социально-экономическое образование, существенная часть населения которого работает на одном градообразующем предприятии. В соответствии с действующими в Российской Федерации критериями к таким типам муниципальных образований относятся поселения с численностью населения более 3 тыс. человек, в которых не менее 20 % трудоспособного населения в течение последних пяти лет осуществляло трудовую деятельность на градообразующем промышленном предприятии» [3].

Из 319 моногородов России 89 находятся на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. Моногорода на территории Иркутской области такие как: Байкальск, Саянск, Тулун, Усолье-Сибирское, Черемхово и т. д. являются ярким свидетельством проявления кризисных процессов в инфраструктуре городской среды в связи с химическим загрязнением воздуха и техногенным отравлением водных акваторий.

С 90-х гг. XX в. и первое десятилетие 2000-х гг. «...отсутствие средств в бюджетах городов на развитие муниципальной инфраструктуры, на выплату заработной платы работникам бюджетной сферы и коммунального обслуживания, на топливо – все эти факторы усугубляли сложное социально-экономическое положение моногородов региона» [4].

За последние три десятилетия в России выработаны общие подходы и универсальные пути решения проблем моногородов на федеральном уровне: «Главными путями решения проблем моногородов в России в настоящее время официально признаются следующие: реинжиниринг сложившихся бизнес процессов, бюджетное софинансирование инвестиционных проектов развития инфраструктуры, диверсификация городской экономики, стимулирование миграции населения, в качестве крайнего варианта допускается и закрытие моногорода» [1].

Поиск альтернативных источников цивилизационного развития для каждого такого города связан с участием в различных программах создания комфортной городской среды, ТОСЭР и других национальных федеральных проектах. Моногорода, лишённые градообразующего производства, такие как Саянск, Байкальск, Зима, Тулун находятся на пути к распаду городской инфраструктуры и становятся источником наркомании, алкоголизма и проституции. Указанные явления весьма сложно считать признаками развития современной цивилизации.

Таким образом, для каждого моногорода нужен исключительно индивидуальный подход с выработкой уникальных механизмов развития городской инфраструктуры, выстраивания концепции программного развития и основных направлений в решении ключевых проблем.

Литература

1. Ефимова О. Н. Моногорода Сибири и изменения их уклада в условиях экономической трансформации // Инновации и инвестиции. 2020. № 5. С. 339–343.
2. Иванов Р. В. Социально-демографические результаты реализации проектов по пространственно-му освоению и развитию Восточной Сибири // Социальный опыт комсомола и его значение для модернизации России : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред.: Т. И. Грабельных, В. А. Решетников]. Иркутск : Отгиск, 2018. 156–158 с.
3. Пыжева Ю. И., Зандер Е. В. Социально-экономическое разнообразие моногородов Сибири и Дальнего Востока: статистический анализ // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 49–61.
4. Урожаева Т. П. Социальные проблемы моногородов Восточной Сибири в 1990-е гг. (на материалах периодической печати) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2, № 1. С. 189–200.

УДК 338.431.2

М. В. Попова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

МИГРАЦИЯ ИЗ ГОРОДА В СЕЛО

Проводится анализ процессов внутренней миграции населения России из города в село. Рассматриваются внутренние и внешние мотивы переселения, анализируются типы переселенцев и делаются выводы о необходимости повышения бренда и имиджа сельских территорий.

Ключевые слова: миграция, город, село, мотивация, переезд.

M. V. Popova

Irkutsk State University, Irkutsk

MIGRATION FROM CITY TO VILLAGE

The article analyzes the processes of internal migration of the population of Russia from city to village. Internal and external motives of resettlement are considered, the types of settlers are analyzed and conclusions are drawn about the need to improve the brand and image of rural areas.

Keywords: migration, city, village, motivation, relocation.

Миграция из города в село или города спутники при крупных городах стала явлением достаточно новым для России, но активно развивающимся во всем мире. Тяга жителей городов к тихой размеренной жизни в сельских районах вызвана как экологическими условиями, более спокойной криминальной ситуацией, более спокойным ритмом жизни и многими другими факторами.

Говорить о том, что это повсеместное явление нельзя, но то, что зарождаются новые формы внутренней миграции можно утверждать уверенно. Более того, пандемия COVID-19 показала меньший уровень заболеваний в сельских районах, нежели чем в крупных городских комплексах, где большее количество людей и соответственно выше риски. То же характерно и для любой другой болезни.

Поэтому, полагаем, что миграция из города в село будет усиливаться. Внешний прессинг не для всех может быть комфортным пространством для жизни. Спокойная, размеренная среда – дает больше шансов на здоровье и ощущение счастья. Особенно, если финансовые возможности в селе выровняются с городом, а это более чем реально в условиях дистанционной, виртуальной занятости. Данные идеи лежат в работах ученых, кто занимался данным вопросом.

Рассматривая работы отечественных ученых, можно выделить несколько типов публикаций, которые затрагивают особенности сравнения жизненных условий различных типов поселений. Это работы, связанные с развитием территории, маркетинга территории, направленные на изменение административной и управленческой политики на местах (Ю. В. Борисова, М. В. Попова [1; 9–13], Т. Я. Вавилова [2], О. С. Гоманова [4; 5], О. А. Полюшкевич [8], М. Ю. Щукина [17]). Работы, связанные с философско-мировоззренческими изменениями в жизни людей и социальных групп (А. Г. Селезнев и И. А. Селезнева [16], А. А. Проинин и Р. В. Иванов [14], И. В. Задорин [6] и др.). Работы, связанные с экологическим или религиозным изменениями в общественной структуре (Л. Я. Герцберг [3], И. А. Немцев [7], М. В. Рыбакова и М. Ю. Щукина [15]).

В 2016 и 2021 гг. нами было проведено два исследования по одной методике, которые выявляли динамику мотивации, особенностей и структуры внутренней миграции россиян. Некоторые результаты этих исследований легли в основу этой статьи. В 2016 г. было опрошено 860 человек, проживающих в разных регионах РФ, переехавших или имеющих цель переехать в село. 58 % женщин и 42 % мужчин в возрасте от 18 до 65 лет. В 2021 году провели повторное исследование, в нем приняли участие 910 человек, проживающих во разных субъектах РФ, переехавших или планирующих переехать из города в село. 62 % женщины и 38 % мужчин в возрасте от 18 до 65 лет.

Также в обоих исследованиях участвовали эксперты, с которыми мы провели индивидуальное интервью (длительность каждого 1,5–2 часа). Экспертами выступили чиновники разных уровней, руководители предприятий, находящихся на сельских территориях, кто мог бы дать оценку происходящим миграционным процессам находясь со стороны.

В ходе исследования мы выяснили разные мотивы переезда в сельскую местность. И если в 2016 году люди переезжали в село из-за финансовых проблем (65,4 %), то в 2021 г. их на треть меньше (43,2 %), а ценностные и мировоззренческие ориентиры наоборот возросли в 2016 г. они были важным критерием переезда только для 24,6 % россиян, то в 2021 их уже 57,3 %. И если в 2000-е жителей городов выталкивали экономические трудности в села. То сегодня больше притягивают новые возможности в сельских территориях. А это означает мировоззренческий сдвиг.

Надо сказать, по данным зарубежных исследователей в миграциях из города в село в зарубежных странах – ценностные факторы являются ключевыми, так как позволяют им реализоваться на новом месте, в новом качестве. А финансовый вопрос не является ключевым. То, что в России происходит смена условий и формата мотивации – говорит не только о внешних изменениях, но и о внутренней перестройке структуры личности. И

если в 2000-е этот феномен в России только начал проявляться, то спустя 20 лет, особенно после пандемии – он стал реальностью, которая позволит выжить очень многим.

При этом, треть респондентов (32,3 %) отмечала не всегда доброжелательное отношение коренных сельских жителей к тем, кто недавно переехал. Это вызвано тем, что они воспринимают их как «колонизаторов», кто захватывает территорию, землю, повышает цены на жилье, а деревенских и сельских жителей превращает в обслуживающий персонал.

Но остальные 67,7 % указывали на позитивное воздействие обратной миграции населения из города в село. Важными выступают экономические воздействия, привносятся новые виды и формы деятельности, разнообразится трудовой потенциал в сельских территориях. Более того, социальный и человеческий потенциал у переселенцев значительно выше, чем у местных жителей, что повышает символическую значимость этих людей при развитии территории в целом. Внутренние мигранты являются связующим звеном между городом и селом. Не являясь уже городскими жителями, они еще не влились в полноправные ряды сельских жителей. Поэтому, именно им принадлежит право выстраивания взаимодействия между первыми и вторыми и конструирования новых пространств диалога. Благодаря их деятельности нормализуется инфраструктура сел и деревень, городской опыт в новых условиях дает свои эффекты – изменяющие жизнь к лучшему. Более того, благодаря внутренним обратным мигрантам выравнивается разница между демографическим портретом жителей сел и городов.

Если посмотреть на портрет тех, кто сегодня переезжает из города в село, это достаточно разные группы населения: пенсионеры (18,6 %), «программные переселенцы» (26,4 %), «беглецы» (28,1 %), «искатели нового качества жизни» (26,9 %).

Пенсионеры переезжают в село из-за уменьшения доходов и потери качественных показателей жизни, а также желания быть ближе к природе и экологически чистым продуктам питания. В отличие от стран запада, они не могут быть ориентирами развития территории. Они не вовлечены в фермерскую программу, не станут волонтерами, они опираются на сами на себя и свои пока еще имеющиеся силы.

«Программные» переселенцы – это те, кто решил воспользоваться государственными программами разного уровня для переселения в сельские районы страны. Это и «дальневосточный гектар», и «земский доктор» (переезд в село врачей), и «сельский учитель» (переезд в село учителей), которым выделяются деньги для строительства своего дома или надел земли, с целью чтобы они остались в данной территории.

«Беглецы» – это те, кто устал от городской жизни, суеты и зашоренность городской жизни вызывает физическое и психологическое истощение. И переезд в село вызван потребностью восстановиться, начать жизнь заново, по-новому. В городе они чувствуют себя лишними, пустыми, занимающимися бессмысленной деятельностью, направленной на сверхпотребление. Переезд в сельскую местность для них – это возвращение к себе, выбор своей жизни, своих ценностей, целей и ориентиров. Они готовы пожертвовать экономическими благами ради гармонии с собой, ради радости от того, что ты делаешь.

В эту же группу относятся не только те, кто устал от городской суеты в светском понимании, но и те, кто ищет духовную или религиозную опору в Природе, экологии и религии. Например, движение анастасийцев и другие экопоселения прорелигиозного толка [14; 15].

Искатели нового качества жизни – которые надеются обрести новые смыслы и ощущения переехав из города в село. Эти улучшения касаются: чистого воздуха, экологически чистой пищи, экономии времени на перемещения, более тесное общение с семьей, трансформация социальных контактов. Для этой группы сочетаются и социальные параметры качества (экология, пространства, перемещения) и личные мотивы (близость людей, мировоззрение).

Для всех групп переселенцев характерны потребительские мотивы от сельской территории (хотя некоторые и бегут из города как места потребления), но сами не готовы поменять эту установку. Они хотят получить чистую воду, воздух, продукты, новые связи с семьей и друзьями, меньше тратить времени на дорогу и ненужные разговоры. Но при этом не сильно хотят что-то делать для сельских территорий. Не хотят отдавать что-то своему новому дому. Это связано с тем, что все-таки связь с городом остается и многое закупается именно там, нет понимания того, что на местах может хватить возможностей удовлетворить все потребности (продукты, стройматериалы, рассада, корм для скота чаще приобретается в городе, чем на местах).

В условиях постпандемического общества – это способ бегства для сохранения здоровья в поисках защиты от вируса. Полагаем, что данная тенденция будет лишь усиливаться. Переезд из города в село – это одна из характеристик нашего времени. Администрации сельских поселений стоит более предметно относиться к возможностям переселения горожан в село, повышая имидж и бренд территории, что изменит социально-инфраструктурное развитие общества в целом и создаст условия для новых моделей развития «успешной территории» и «успешной жизни» ее жителей.

Литература

1. Борисова Ю. В., Попова М. В. Введение в маркетинг территории : учеб. пособ. Иркутск, 2017. 125 с.
2. Вавилова Т. Я. Экопоселения и энергоэффективные посёлки как примеры устойчивого развития // Архитектон: известия вузов. 2014. № 47. С. 71–79
3. Герцберг Л. Я. Нужны ли обществу экопоселения? // Academia. Архитектура и строительство. 2015. № 1. С. 79–87.
4. Гоманова С. О. Экопоселения России как субъекты территориального общественного самоуправления // Теория и практика общественного развития. 2017. № 11. С. 34–37.
5. Гоманова С. О. Экопоселения России: институциональный аспект // Власть. 2017. Т. 25. № 1. С. 67–71.
6. Альтернативные сельские поселения в России: стихийная внутренняя эмиграция или осознанный трансфер в будущее / И. В. Задорин, Д. В. Мальцева, А. П. Хомякова, Л. В. Шубина // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 2. С. 64–77.
7. Немцев И. А. Зеленое строительство: экопоселения в концепции устойчивого развития // Урбанистика. 2014. № 3. С. 8–25.
8. Полошкевич О. А. Введение в социологию управления: учеб. пособ. Иркутск, 2013. 180 с.
9. Попова М. В. Бренд сельских территорий // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований : материалы XV Межрегион. науч. конф. молодых ученых. Новосибирск, 2017. С. 159–161.
10. Попова М. В. Виртуальное позиционирование современных сел // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 165–168.
11. Попова М. В. Механизмы развития привлекательности сельских территорий в Иркутской области // Социология. 2020. № 1. С. 317–327.
12. Попова М. В. Сельская занятость после пандемии // Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2020. С. 398–402.
13. Попова М. В. Социальные связи сельской молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 274–280.
14. Пронин А. А., Иванов Р. В. Принципы формирования мировоззрения жителей экопоселений Сибири // Вестник Иркутского университета. 2019. № 22. С. 87–89.
15. Рыбакова М. В., Шукина М. Ю. Экопоселения как социальная экологическая практика общества // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 4. С. 316–324.
16. Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Из города в лес: новые экопоселения как образ идеальных отношений с природой // Культурологический журнал. 2016. № 4 (26). С. 7–13.
17. Шукина М. Ю. Инициативы территориального общественного самоуправления в российских экопоселениях // Власть. 2014. № 8. С. 62–65.

**ПОЛОЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ НА РЫНКЕ ТРУДА:
ПЕРВЫЕ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО СНИЖЕНИЮ МОЛОДЕЖНОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ
В СИБИРСКИХ ГОРОДАХ**

Рассматривается положение молодежи на рынке труда, приводятся примеры проведения первых социально-ориентированных мероприятий советской власти по снижению молодежной безработицы в сибирских губерниях. Освещается статистика по показателям обучения безработной молодежи в фабрично-заводских училищах.

Ключевые слова: безработица, рынок труда, биржа труда, трудовые ресурсы, ФЗУ.

I. V. Orlova

Irkutsk State Medical University, Irkutsk

**THE POSITION OF YOUTH IN THE LABOR MARKET: THE FIRST
SOCIAALLY-ORIENTED MEASURES OF THE SOVIET POWER
TO REDUCE YOUTH UNEMPLOYMENT IN SIBERIAN CITIES**

The article examines the position of youth in the labor market, provides examples of the first socially-oriented measures of the Soviet government to reduce youth unemployment in the Siberian provinces. The article covers statistics on the indicators of education of unemployed youth in factory schools.

Keywords: unemployment, labor market, labor exchange, labor resources, FZU.

Переход России к рыночной экономике в 1920-е гг. обусловил формирование рынка труда, института регулирования спроса и предложения на такой товар как рабочая сила. Безработица осложнила социальный и морально-психологический климат городов. Сильнее всего она ударила по молодежи. После разрухи начала 1920-х гг. на предприятия принимались опытные и высококвалифицированные рабочие. Молодежь, не имевшая трудового опыта, не была привлекательным объектом для руководителей как государственных, так и частных предприятий. Именно нетрудоустроенность молодежи порождала социальные аномалии 1920-х гг., выливаясь в серьезные проблемы криминального характера.

В целях обеспечения работой юношей и девушек, оканчивающих школы, был установлен обязательный процент численности молодежи 15–17 лет от общего числа персонала предприятий промышленности (так называемая «броня подростков», составлявшая 5–8 % в зависимости от отрасли). Эта норма была определена как для государственных, так и для частных предприятий. Чтобы облегчить трудоустройство молодежи, было расширено производственное и профессиональное обучение с использованием различных форм подготовки молодых рабочих. В наиболее крупных городах были созданы бюро по использованию труда подростков, которые совместно с комсомольскими организациями осуществляли содействие молодежи в ее трудоустройстве. Вместе с тем получали дальнейшее развитие формы социальной защиты конкретных групп работников на рынке труда.

Сложившаяся ситуация обсуждалась еще в 1921 г. на X партийном съезде. Проблемы занятости молодежи напрямую увязывались с задачами выхода из экономического кризиса и укрепления власти. В специальной резолюции были определены основные направления по улучшению социального положения подростков и молодежи [1]. Внимание обращалось на охрану труда и быта, сокращение рабочего дня и сохранение при этом заработной платы, как за полный рабочий день, бронирование на производстве рабочих мест для рабочих подростков. Важнейшим направлением в социальной защите молодежи от массовой безработицы стало развитие разных форм профессионального обучения и расширение школ фабрично-заводского ученичества (ФЗУ или фабзавуч), а также создание различных курсов профподготовки для подростков. Таким образом, центральная

власть определила задачи в этой области, а успех их во многом зависел от активности местных органов власти, отделов народного образования, профессиональных союзов и союза молодежи – комсомола.

В Иркутской и Енисейской губерниях, как и в целом по стране, основная тяжесть в решении повседневных молодежных проблем ложилась на комсомольские организации. Эта деятельность комсомола получила название «экономическо-правовой» и постоянно находилась в центре внимания. Для ее организации и проведения был создан общественный институт комсомольских ассистентов (инструкторов).

Различные аспекты экономическо-правовой деятельности освещались на страницах молодежных газет Сибири: «Путь молодежи» (Новониколаевск), «Комсомолия» (Иркутск), «Молодые ленинцы» (Красноярск) и др. В них создавались специальные рубрики, такие как: «Наша экономработа», «Быт молодежи», «По фабрикам, по шахтам, заводам», где печатались материалы юных корреспондентов Сибири о состоянии экономическо-правовой работы на местах, об ошибках и недочетах, о задачах и перспективах. Но главным направлением в экономическо-правовой работе была организация профессионального обучения. К середине 1921 г. в Енисейской губернии уже существовало 33 профессионально-технических учебных заведения с 2082 учащимися, а в Иркутской – 35, где основы профессиональной подготовки получали 1219 подростков [10]. Союз молодежи Сибири выступил инициатором создания школ фабрично-заводского ученичества. Так, первые школы ФЗУ в Красноярске создавались на железнодорожном транспорте [2]. В 1921 г. первая Сибирская конференция по профессиональному образованию молодежи признала работу по созданию школ фабрично-заводского ученичества удовлетворительной, и призвала все местные партийные, профсоюзные организации, а также органы народного образования содействовать комсомольским организациям в создании и укреплении школ ФЗУ [4]. В губернских городах создавались различные комиссии из чиновников, представителей общественных организаций, промышленных предприятий, которые курировали вопросы общественно политического и физического воспитания, качества профессиональной подготовки подростка в школе ФЗУ.

Активно включился в работу по строительству новой школы для рабочих подростков Наркомпрос. Уже 2 февраля 1921 г. Главпрофобр утвердил «Положение о фабрично-заводском ученичестве» [10], которое определило цели и задачи школ ФЗУ и явилось организационной основой для создания школ на местах. В Иркутской губернии был создан Совет по образованию рабочих подростков из представителей партийных, советских, комсомольских и профсоюзных организаций. Для популяризации ФЗУ проводились праздники «школ рабочих подростков», выставки работ учащихся школ ФЗУ.

В апреле 1923 г. Сиббюро ЦК РКСМ, Сибон и Сибпрофобр провели Сибирский съезд по образованию рабочих подростков. Планировалось открыть 7 школ ФЗУ в Иркутской и 9 школ в Енисейской губернии. Но в ходе реализации этого плана появлялись обстоятельства, вносились коррективы, обусловленные, главным образом, недостатком средств и педагогических кадров. В итоге к концу 1925 г. сеть школ ФЗУ так и не достигла плановых показателей [10]. По Иркутской губернии в середине 1920-х существовало только четыре ФЗУ вместо запланированных семи: Черемховское углепромышленное ФЗУ, Хайтинское при фабрике Сибфарфор, Иркутское кожпроизводственное и Иркутское полиграфическое [3].

Прием в школы ФЗУ производился в соответствии со ст. 137 КЗоТа 1922 г. [8]. В первую очередь в школу рабочей молодежи зачислялись подростки, работающие в данном предприятии, во вторую – уволенные по сокращению штатов с данного предприятия и дети рабочих данного предприятия, а затем все остальные безработные подростки. За исключением работающих подростков все остальные принимались через биржу труда. Возраст учеников был определен от 14 до 16 лет, но в исключительных случаях комиссия по приему повышала его до 17. Нормальный минимум общеобразовательной подготовки

поступающих находился в объеме знаний школы I ступени, т. е. четырехлетки. От поступающих требовалось предоставление документов о социальном положении, возрасте и отношении к производству.

Так, в 1924/25 учебном году в школу печатников г. Иркутска поступило 14 человек, 10 юношей и 4 девушки; такое же количество поступивших при том же соотношении было при ФЗУ Сибфарфора; школой Черембасса было зачислено 30 человек, из которых 26 юношей и 4 девушки; а в профтехшколе г. Иркутска – 233 учащихся, 142 и 91 соответственно. Таким образом, общее количество молодежи I и II года обучения в школе печатников составило 27 человек, на Сибфарфоре – 30, на Черембассе – 62, а в профтехшколе – 390 [4]. Школы ФЗУ материально обеспечивались отчислением 1 % с зарплаты рабочих, что в 1923/24 учебном году, например, для Черембасса составило 7500 золотых рублей, т. е. в месяц 625 руб. Эта сумма расходовалась на оплату учителей и технического персонала [5].

Обследование работающих подростков Иркутской губернии, проводившееся в 1925 г., показало, что из 1 134 обследуемых только 330 человек (29 %) имели профессиональную квалификацию, остальные, преодолев возрастной порог подростковой брони, попадали в группу риска по безработице. Посещающих курсы и ФЗУ в г. Иркутске было 114 человек, что составляло 23,8 % от всех обследуемых иркутян. В Черемховском районе 62 % обследуемых получали квалификацию в учебных заведениях, схожая картина была и в Усольском районе, где процент учащейся молодежи составил 65,7, а в Зиминском районе этот показатель был чуть выше 1 % [6].

В 1929 г. для подготовки квалифицированных кадров в Иркутском округе были организованы курсы строителей (стройуча) на 2500 человек, проведен набор в школы ФЗУ в количестве 550 человек, организованы курсы шоферов на 140 человек, курсы строительных десятников на 90 человек, в рабочих районах организованы курсы по подготовке в ФЗУ на 300 человек [7].

Но безработица в годы нэпа носила прогрессирующий характер и школы ФЗУ, профкурсы не могли охватить огромное количество безработной молодежи, это существенно осложняло криминогенную ситуацию в стране. На XV конференции ВКП (б), проходившей 26 октября – 3 ноября 1926 г., была остро поставлен вопрос о криминализации молодежи, как правило, не имевшей постоянных заработков и обреченных на вынужденное безделье и заявлено что, «оставаясь вне воздействия пролетарских общественных организаций, ведущих работу главным образом и почти исключительно на предприятиях и их культурно-просветительской работы, она морально разлагается и совместно с подрастающими слоями беспризорных образует главные кадры воинствующей «улицы», вырождаясь в антиобщественный элемент, заражающий своей психологией в силу бытовой близости значительную часть рабочей молодежи и даже наименее устойчивые слои комсомола».

Так, например, в Иркутской губернии в 1924 г. одно преступление приходилось на 85 человек [14]. В основном на счет нетрудоустроенной молодежи было хулиганство. Под хулиганством в Уголовном кодексе 1922 г. (ст. 176) понимались «озорные, бесцельные, сопряженные с явным неуважением к отдельным гражданам или обществу в целом действия», в Уголовном кодексе 1926 г. (ст. 74) хулиганство квалифицировалось уже как «озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу действия, в частности, буйство и бесчинство...» [13].

Волна хулиганства буквально захлестнула страну. При этом примечателен тот факт, что хулиганство фактически стало нормой повседневной жизни советских городов и деревень. В секретном письме в ЦК секретарь Иркутского губкома ВКП (б) тов. Гриневич представляя обзор политико-экономического развития губернии за 1924/25 гг., сообщал: «В деревне и городских поселках наблюдается громадное увеличение хулиганства, доходящего до драк, убийств, поножовщины» [14]. Молодежные хулиганские группы совершали набеги на клубы, срывали киносеансы, если им не нравился фильм.

4 июня 1926 г. информационный отдел ОГПУ представил докладную записку о росте хулиганства в Сибири В. М. Молотову. В ней сообщалось, что только за последние месяцы 1926 г. количество преступлений, квалифицируемых как хулиганство, выросло в сибирской деревне по сравнению с последним кварталом 1925 г. более чем на треть. По статистическим данным отдела НКВД, на 10 тыс. человек в РСФСР приходилось зафиксированных хулиганских действий, рассматривавшихся как преступные: в 1925 г. – 3,2; в 1926 г. – 16,7; а в 1927 г. – 25,2 случаев [15]. Но эта статистика была далеко не полной, да и не фиксировала административные правонарушения.

Если хулиганство было «уделом» в основном безработной молодежи, то более зрелое население, занималось спекуляцией и контрабандой. В Сибири контрабанда выражалась в виде нелегального оборота похищенного золота с приисков. В г. Иркутске спекулянтами и контрабандистами был создан нелегальный «черный» банк, который проводил все положенные банку операции: кредит, векселя, вклады [14]. Безработица в годы нэпа способствовала увеличению «социального дна», для многих представителей которого единственным источником существования являлись противоправные действия.

Все же, несмотря на немалые трудности, в период нэпа была создана передовая для того времени система занятости. Для борьбы с безработицей выделялись масштабные ассигнования, которые год от года возрастали. Так, в 1924/25 учеб. году затраты по стране составили 49 045 000 руб., в 1925/26 – 65 293 000 руб., в 1926/27 – 86 319 000 руб., в 1927/28 – 148 000 000 руб. [1]. Но огромные средства, выделяемые на «оздоровление» сферы труда не спасали положения. Постановление ЦК ВКП (б) «О росте кадров рабочего класса, состоянии безработицы и мероприятиях по ее ослаблению» от 5 декабря 1929 г. стало первым документом, посвященным безработице не фрагментарно, как это было раньше, что свидетельствовало о серьезности данной проблемы. В документе появляются попытки проанализировать причины безработицы, впервые резко и негативно была оценена работа бирж труда, которые, по мнению партийного руководства, превратились в «центры притяжения для всех лиц, ищущих не работы, а льгот и пособий» [9]. Считая безработицу явлением искусственным, советское руководство не желало видеть ее базисных причин, которые проистекали из экономического развития страны.

Литература

1. Гиндин Я. И. Регулирование рынка труда и борьба с безработицей. М. : Вопросы труда, 1928. С. 107.
2. Головач В. В. К вопросу о профессиональном обучении и проблемах занятости молодежи Сибири в условиях перехода к новой экономической политике // Власть и общество: Региональные аспекты проблемы. Красноярск : ГУНБ КК, 2002. С. 155.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 123. Л. 15.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 158. Л. 4, 5.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 158. Л. 35.
6. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 14. Л. 31.
7. Иркутская парторганизация накануне XVI съезда ВКП (б) С.29.
8. Итоги работы и очередные задачи профсоюзов // КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 395–396.
9. О росте кадров рабочего класса, состоянии безработицы и мероприятиях к ее ослаблению // КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 370–371.
10. Очерки истории профессионально-технического образования в Сибири 1917–1980 гг. / П. П. Костенков [и др.]. М. : Высшая школа, 1985. С. 33.
11. Пашин В. П., Богданов С. В. Советская Россия в 1920-е гг. Курск: КГТУ, 2006. С. 138.
12. По вопросам партийного строительства // КПСС в резолюциях... М. : Политиздат, 1970. Т. 2. С. 209–210.
13. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1922. № 70. Ст. 903.
14. Советская Сибирь. 1924. № 101. 11 мая.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОРОДОВ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Исследуется качественно новый этап истории постсоветских городов, характеризующийся ростом активного участия горожан в преобразовании жизненного пространства. Перечисляются факторы и предпосылки, оказавшие наиболее заметное влияние на данный процесс, обозначаются траектории дальнейшего развития городской среды и возникающие в связи с этими траекториями исследовательские вопросы.

Ключевые слова: город, городская среда, пандемия, цифровые технологии, городское участие.

E. V. Lebedeva

Belorussian State University, Minsk

THE NEWEST HISTORY OF POST-SOVIET CITIES: PRECONDITIONS AND FACTORS OF FORMATION

The article deals with a qualitatively new stage in the history of post-Soviet cities, which is characterized by an increase in the active participation of citizens in the transformation of living space. The factors and prerequisites that have had the most noticeable influence on this process are listed, the trajectories of the further development of the urban environment and the research questions arising in connection with these trajectories are indicated.

Keywords: city, urban environment, pandemic, digital technologies, urban participation.

Городскую среду можно обозначить как своего рода культурный срез, единство культурных форм, представленных как в физическом, так и в социальном выражении. Безусловно, каждый регион и каждый город обладает своим уникальным культурным срезом (поскольку представляет собой неповторимую «смесь» различных исторических событий, архитектурных форм, культурных и политических артефактов и т. п.). Однако, отбросив влияние случайностей, можно выделить общие черты городской среды, сформированной под воздействием общих внешних факторов. Постсоветский город «в разрезе» представлен тремя совершенно самостоятельными культурными сферами: советская сфера (архитектурный модернизм, соединённый с исторической спецификой урбанизации – переселение рабочей силы из деревень, акцент на промышленную роль города и т. п.); переходная сфера (результат трансформации, сначала политической и экономической, а затем и культурной); сфера культурного взаимодействия (получивший синтез культур прародительниц – советской и западноевропейской – имеющий свои уникальные черты, не свойственные первым двум сферам).

Сегодня городские исследователи отмечают качественно новый период в развитии постсоветских городов – период переосмысления горожанами своей роли в качестве активных субъектов преобразования городской среды. В связи с этим возникает большое количество исследовательских вопросов – что выступает катализатором роста гражданской активности горожан (политические трансформации, цифровизация городской среды, социо-культурные преобразования или что-то другое), способны ли разобщённые, стихийные проявления активности горожан эволюционировать в более институционализованные формы (участие в принятии общественно важных решений для развития городской инфраструктуры; в обсуждении социальных и градостроительных проектов), как повлияет полученный опыт городского участия на коллективную идентичность, социальный капитал, национальное самосознание. Для того чтобы иметь возможность понять и объяснить новые феномены городской активности, стоит обратиться к предпосылкам, оказавшим наиболее значимое влияние на становление и развитие современной городской среды.

Во-первых, это преобразование экономической основы развития города. В последние годы исследователи всё чаще отмечают перемены в конфигурации социально-экономического пространства современных городов [1]. Если судьба советский города

напрямую зависела от состояния промышленного производства, локализованного в нём, то «в постсоветских городах доля промышленных функций и доля промышленных территорий в пространственной структуре города сократились значительно» [1, с. 356]. И наоборот, культура, искусство, сфера услуг, образование, которые в советский период рассматривались как «второстепенные» виды деятельности, сегодня зачастую выходят на передний план. Формирование креативного сектора экономики признаётся городскими властями задачами, не менее важной, чем развитие промышленных объектов. По мере увеличения в городской экономике доли креативного кластера, меняется её размерная структура, активнее развивается малый и средний бизнес, который становится все более заметным игроком в экономической сфере городов. Внешне это проявляется в создании многочисленных креативных городских пространств, которые, развиваясь и объединяясь друг с другом, превращаются в креативные кластеры, креативные кварталы и т. п. В свою очередь креативное пространство становится объектом притяжения так называемого «креативного класса» – людей «свободных» творческих профессий (художники, дизайнеры, музыканты), обеспечивает их сетевое взаимодействие, транслирует определённый набор ценностей и поведенческих установок. Американский социолог Ричард Флорида ещё в 2002 г. в своей известной книге «Креативный класс. Люди, которые создают будущее» [5] обозначил становление креативности как определяющий момент экономической жизни города. Источником креативности в данном случае выступает сама городская среда, её уникальная способность сочетать в себе разнообразие, уникальность и взаимодействие.

Во-вторых, глобализация, усиление международных экономических связей и повышение мобильности населения. Глобализация мировой экономики привела к формированию единого рыночного и информационного пространства и либерализации мировой торговли товаров и услуг. Транснациональные корпорации (McDonalds, Ikea, Starbucks и т. д.) сегодня влияют на социокультурную сферу города не менее сильно чем традиционные архитектурные элементы (места с исторической застройкой, официальные культурные объекты и пр.). Усиление глобальных связей между городами способствует формированию глобальных деловых и финансовых центров, развитию крупнейшей транспортных хабов, ориентированных на международные потоки. Глобализация воздействует не только на экономическую структуру города, но и затрагивает культурные, социальные, политические аспекты. Значительно возрастает мобильность горожан, которые получают возможность активно путешествовать, сравнивать условия жизни в различных городах, распространять по всему миру собственные ценности и модели поведения и «укоренять» в родном городе привозные.

В-третьих, активное внедрение в городскую среду инновационных технологий (развитие «умных» городов). Одним из важнейших факторов, влияющих на функционирование современных городов, является активное внедрение в городскую жизнь цифровых технологий. Благодаря развитию технологий значительно меняется формат занятости горожан (популярность удаленной работы, рост количества самозанятых), трансформируются коммуникативные и досуговые практики (исчезают грани между личным пространством и пространством для работы), меняется качество жизни. Многофункциональность постепенно становится неотъемлемым качеством не только городской среды, но и самого человека.

В-четвёртых, демографические изменения в составе городского населения. В данном случае подразумевается, во-первых, постепенное старение городского населения и, во-вторых, процесс смены поколений. Старение городского населения приводит к продолжению активной трудовой и общественной деятельности после достижения пенсионного возраста для обеспечения возможности достойной жизни после выхода на пенсию. Поскольку люди старшего поколения, как правило, медленнее усваивают и принимают технологические инновации, в городской среде возникают новые измерения социального неравенства в городе – цифровая эксклюзия и техноэйджизм. Несмотря на то, что теория

смены поколений сталкивается с довольно большим количеством критики (часто обоснованной), тем не менее полностью исключать данное обстоятельство при анализе трансформационных процессов в современной городской среде нельзя. Ряд идей, которые она предлагает, могут быть полезными. Кратко обозначим её суть. Теория поколений – это направление на стыке экономики, истории, технологий, культурологии и политологии, датой появления которой считается 1991 (выход книги Уильяма Штрауса и Нейла Хоува «Четвертый поворот» [6]). Согласно данной теории, на смену поколению беби-бумеров (1944–1963 годы рождения), составлявших основу советского города, пришло поколение X (1964–1984 годы рождения), а затем поколение Y (1985–2003 годы рождения). В структуре ценностей горожан произошли существенные сдвиги – на смену коллективизму, скромности и доверию к авторитетам пришли индивидуальность, независимость, стремление к разнообразию, желание развиваться, иметь возможность выбора, наступила эра брендов и глобальных идей. Преобладавший ранее стандартизированно-технократический подход к строительству должен смениться «персонализацией» создаваемых жилых и общественных пространств.

Своеобразным катализатором вышеперечисленных предпосылок выступила пандемия коронавируса нового типа, охватившая весь мир в 2020 г. Обобщив существующий на данный момент исследовательский опыт, можно выделить три группы факторов, оказавших влияние на функционирование и развитие городской среды.

Прежде всего, это социальные последствия массовой вынужденной самоизоляции и дистанцирования. Ставший популярным в 2020 г. термин «социальная дистанция» имеет также и немедицинское значение – «практика поддержания определенной удаленности или эмоциональной отдаленности от другого человека, или социальной группы» [8]. Стоит отметить, что проблемы эмоциональной отдаленности, коммуникативных барьеров и ксенофобии проявлялись в жизни больших городов и до этого момента [2], однако Covid-19 вывел их на совершенно новый уровень. Публичные пространства (городские парки, улицы, дворы), как «сцены для социального действия», конституирующие общество, опустели. Неформальное, неструктурированное и «необязательное» взаимодействие горожан, которое «делает возможной коммуникацию между разнородными индивидами и группами и создает такой положительный феномен, как космополитизм» [7, с. 214], оказалось под запретом. Разнообразные «третьи места» (городские кафе и кофейни, культурные хабы и арт-площадки), способные выступать в роли «нейтральной территории» или «организационного пункта», обеспечивать город «публичными персонажами», организовывать совместное проведение досуга взрослых и молодежи [3], были закрыты (многие из них навсегда). Выполнение наиболее важной – коммуникативной (связующей) функции городской среды оказалось под угрозой.

Кроме того, стоит отметить влияние «инфодемии». Режим самоизоляции поспособствовал значительному росту объёмов потребления цифрового контента. По данным ВЦИОМ в России в апреле 2020 г. в цифровую среду были вовлечены 82 % жителей, 71 % из них пользовались интернетом каждый день (преимущественно для общения с близкими и получения новостей о стране и мире) [4]. При этом медийное воздействие на потребителей часто осуществлялось в режиме перенасыщения противоречивой и непроверенной информацией. На фоне напряжённой эпидемической ситуации, а также невысокого уровня доверия общественности к информации о коронавирусе, предоставляемой из официальных источников, это привело к появлению феномена инфодемии – активному распространению через социальные сети и мессенджеры недостоверной, ложной информации («фейков»), слухов, страхов, панических настроений, некомпетентных советов и пр. Негативными последствиями инфодемии с точки зрения городской среды, стали «виртуальный уход» горожан в свой собственный безопасный мир. Удалённая работа («офис дома»), неограниченные возможности интернет-покупок и курьерской доставки избавили горожан от необходимости покидать пределы собственной квартиры даже по-

сле снятия карантинных ограничений. Жизнь в собственном «уютном коконе» постепенно превратилось в новую реальность современного города.

И, наконец, тотальный контроль за горожанами, вызванный желанием властей остановить распространение вируса. В период пандемии COVID-19 существующие технические возможности контроля фактически сделали возможным прямое директивное управление жизнью горожан. К примеру, в Москве функционировала специальная система слежения за пациентами с коронавирусом, находившимися на карантине в домашних условиях (специальное мобильное приложение отслеживало геолокацию и контролировало все перемещения заболевшего). Помимо некоторых положительных эффектов «цифровой слежки», она вызывает серьёзные опасения – насколько надёжны системы хранения собранной информации, рискуют ли горожане, оказавшиеся в «ковидных» базах данных, стать жертвой киберпреступников, как долго накопленная информация будет храниться и с какими целями будет использована после того, как вирус пройдёт, будут ли цифровые технологии контроля, отработанные во время пандемии, применятся впоследствии, уже с другими целями. К негативным эффектам цифрового контроля для городской среды эксперты относят возможное стремление горожан сбежать из-под «прозрачного колпака», где за ними постоянно наблюдают, контролируют и наказывают за ошибки.

Качественная трансформация городской среды влечёт за собой пересмотра предметных границ исследовательского интереса. Развиваются синтетические концепции (на стыке социологии и кибернетки, культурологии и географии и пр.), особое внимание уделяется вопросам устойчивости, долгосрочного планирования и инклюзивности, повышению эффективности городских процессов, оптимизации использования ресурсов и защиты окружающей среды, улучшения качества жизни граждан. Можно предположить, что будущими линиями развития городской среды станут интеграция физического пространства и киберпространства; антропоцентризм и забота о благополучии каждого индивида; опора на «большие данные» как ресурс дальнейшего развития; акцент на развитии локальных сообществ и местного самоуправления.

Литература

1. Власова Н. Ю. Факторы и тенденции развития социально-экономического пространства крупнейших российских городов // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. № 1. С. 353–364.
2. Лебедева Е. В. Город как социальное пространство: проблемы появления коммуникативных разрывов // Социология. 2015. № 3. С. 114–121.
3. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.
4. Сеть как спасение // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10221> (дата обращения: 20.01.2021).
5. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М. : Иванов, Манн и Фербер, 2016. 384 с.
6. Howe N., Strauss W. The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. New York : Broadway Books, 1997. 400 p.
7. Lofland L. H. The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Social Territory. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1989. 305 p.
8. Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/view/Entry/88377097> (дата обращения: 20.01.2021).

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ КОНКУРЕНТНОСТИ РЫНОЧНОЙ СРЕДЫ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Изучается современное городское экономическое пространство, характеризующееся сложными многоаспектными процессами, такими как конкуренция в рыночной среде. Обосновывается, что развитие данной формы экономических взаимоотношений как следствие рыночной открытой экономики способствует быстрому процессу формирования нового городского общекультурного пространства.

Ключевые слова: конкуренция, рыночная среда, ассимиляция в городскую среду, затраты-выгоды личные и общественные.

S. A. Pavlova

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk

ANALYSIS OF THE FACTORS OF COMPETITIVENESS OF THE MARKET ENVIRONMENT IN THE MODERN URBAN ECONOMIC SPACE

The modern urban economic space is characterized by complex multidimensional processes, among which such as competition in the market environment plays a significant role. The development of this form of economic relations, as a consequence of the open market economy, contributes to the rapid process of the formation of a new urban common cultural space.

Keywords: competition, market environment, assimilation into the urban environment, personal and social costs-benefits.

Современная экономическая городская среда представляет собой определенное поле экономических возможностей для его игроков. Под «игроками» мы понимаем всех субъектов хозяйственной деятельности, которые действуют одновременно на определенной территории, предоставляя потребителям (покупателям) товары и услуги. Пересечение интересов хозяйствующих субъектов, порождает состязание между ними, которое носит не только психологический характер, но и затрагивает товарно-денежную природу взаимоотношений экономических субъектов. Психологическое состояние «победителя» отражается в конкретной материальной форме – «получение выгоды», т. е. сумме денег, полученной в результате товарно-денежных отношений, превышающей размер издержек. Экономический интерес выражается фразой – «максимизация прибыли», согласно которой, следует предположить, что производители (продавцы) стремятся или будут стремиться любой ценой к искомому результату. «Ценой» результата будет также и устойчивое финансовое состояние фирмы, а при наилучшем раскладе и расширение ее деятельности, а, следовательно, и получение дополнительного сегмента рынка, что приведет к увеличению доли отдельно взятой фирмы в общем объеме продаж определенного товара (услуги) на рынке отрасли городского пространства. Такое смещение состояния равновесия (хоть и всегда кратковременного) на рынке товара (услуги) вызовет и нарушение равновесия в менее устойчивых организационных системах, что может привести к их разрушению и экономической ликвидации (банкротству). Неустойчивость организационных систем на одном рынке (готовой продукции) приводит к неустойчивости установленного равновесия и на других рынках, в частности, рынке труда (рабочей силы), рынке капитала (средств производства), рынке земли. А, следовательно, приведет к нарушению денежного потока в виде сокращения доходов от труда (вызванное увольнением работников и потерей заработной платы), процентов от капитала (средств производства), арендной платы. Данная ситуация, в свою очередь, приводит к увеличению дифференциации доходов населения и напряжению социальной ситуации в общественном пространстве.

Таким образом, цель «максимизация прибыли», возможно, верная с экономической точки зрения, как результат эффективного поведения фирмы на рынке сказывается негативным образом на состоянии рынков факторов производства и социальной стабильно-

сти территории (региона, города) в целом. Следовательно, только нормами права возможно сдержать противовес экономического интереса.

Проводимый Федеральной службой государственной статистики анализ факторов, ограничивающих деловую активность организаций розничной торговли, свидетельствует, что практически на протяжении первого десятилетия нового века на территориях проживания преобладающее влияние оказывали одни и те же факторы [3]. Это: высокий уровень налогов, недостаточный платежеспособный спрос, недостаток собственных финансовых средств. Оценка факторов, ограничивающих деловую активность организаций розничной торговли (в процентах от числа обследованных организаций розничной торговли) приведены в следующих источниках [4; 5].

К окончанию второго десятилетия нового века в качестве основных факторов, ограничивающих деловую активность розничных организаций в городском пространстве, проявились те же тенденции (недостаточный платежеспособный спрос, высокая арендная плата, недостаток финансовых средств, высокий уровень налогообложения), но при этом добавился и фактор «высокая конкуренция».

Часть из вышеназванных преобладающих факторов имеют экономическую природу – недостаточный платежеспособный спрос, недостаток финансовых средств, высокая конкуренция, и, часть – правовую природу – регулирование коммерческой деятельности. В то же время среда свободного экономического пространства улучшилась, но незначительно. На протяжении всего исследуемого периода высоким оставался процент опрошенных руководителей предприятий, считающих платежеспособный спрос недостаточным.

В 2017 г. основными факторами, ограничивающими конкуренцию в сфере услуг, предоставляемых в городской среде (в среднем по Российской Федерации) были названы такие как: большая отчетная нагрузка – 70 % для предприятий в сфере деятельности по предоставлению ломбардами краткосрочных займов под залог движимого имущества. Практически в два раза меньше (35–38 %) доля данного фактора установлена в таких сферах как техническое обслуживание и ремонт автотранспортных средств, рекламная деятельность, стоматологическая практика и деятельность туристических агентств и прочих организаций, предоставляющих услуги в сфере туризма. Минимальное значение данного показателя, ограничивающего конкуренцию на рынке в результате большой отчетной нагрузки (около 25 %) установлено в сферах деятельности гостиниц и прочих мест временного проживания, а также в творческой деятельности в сфере искусства и организации развлечений. В 2019 г. тенденция последних лет, связанная с бюрократическим документооборотом (большая отчетная нагрузка) сохранялась в указанных сферах, но минимизировалась в деятельности, связанной с предоставлением посреднических услуг при купле-продаже недвижимого имущества за вознаграждение или договорной основе (в среднем по Российской Федерации) и составила в среднем за год 23 % [6].

Нами проведен анализ состояния конкурентной среды в строительстве, на основе данных, представленных в информационной системе ЕМИСС (в % от числа опрошенных) [5].

Ситуация в строительной отрасли городского пространства отвечает за внутренний спрос, активизируя или сдерживая его. Так, положительной тенденцией на рынке данной отрасли является то, что только за последний год антиконкурентных действий органов государственной власти и местного самоуправления стало меньше. В настоящее время, по оценке представителя ФАС РФ О. Кузнецовой нарушения связаны с созданием дискриминационных условий для одних, и привилегированного положения для других компаний и организаций на рынках. Новым видом нарушения является передача властных полномочий хозяйствующему субъекту от органов власти, а, следовательно, и снятие с себя ответственности, что не приводит к развитию конкуренции, а, следовательно, и эффективности функционирования городской среды [7].

Состояние конкурентной среды в течение последних 13 лет на строительном рынке оставалось практически без изменений. Ежегодно лишь четверть опрошиваемых на протяжении более 10 лет соглашались с тем, что конкурентная среда в отрасли улучшилась. Также достаточно низким в течение долгосрочного периода (13 лет) остается процент опрошенных, уверенных в том, что уровень недобросовестной конкуренции (в среднем 16,52 %), снизился. А, уверенных в том, что уменьшился уровень ненадлежащей рекламы на рынке отрасли было максимальное число от общего числа опрошенных только в 2015 г. (29,45 %). К концу 2019 г. с этим были согласны уже лишь 17,16 %. Эта информация наводит на размышление, что на рынках различных сфер деятельности в рамках городской среды преобладающими являются отношения, представляющие собой элементы недобросовестных действий по отношению друг к другу. Но, при этом необходимо помнить, что в рамках современного законодательства предусмотрены меры за нарушение свободы и добросовестности конкуренции (ст. 178–180, 183–184 УК РФ) [2].

Правительство предпринимает меры, направленные на развитие конкуренции, а также повышения ключевых показателей в наиболее актуальных отраслях экономики (видах экономической деятельности), стремясь объединить деятельность и усилия в этом направлении всех ветвей и уровней власти, институтов гражданского общества [1].

Только решая такие цели как: повышение удовлетворенности потребителей за счет расширения ассортимента товаров, работ, услуг, повышения их качества и снижения цен; повышение экономической эффективности и конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, в том числе за счет обеспечения равного доступа к товарам и услугам субъектов естественных монополий и государственным услугам, необходимым для ведения предпринимательской деятельности, стимулирования инновационной активности хозяйствующих субъектов, повышения доли наукоемких товаров и услуг в структуре производства, развития рынков высокотехнологичной продукции – можно будет добиться стабильного роста и дальнейшего развития многоукладной экономики любой территории, снижения себестоимости производства как в городских, так и в национальных масштабах, и, как следствие, стабильности в социальной жизни общества и повышения уровня обеспечения безопасности личности, городской среды и общества в целом.

Литература

1. Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции : указ Президента РФ от 21.12.2017 № 618 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Авдеев В. А., Анисимов В. Ф., Розенко С. В. Актуальные вопросы правового регулирования экономической деятельности в контексте обеспечения экономической безопасности: федеральный и региональные аспекты. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJ1&n=121513#05628641339687648> (дата обращения: 15.03.2021).
3. Павлова С. А. О специфике современных тенденций общественного развития: социально-экономические аспекты // Ростовский научный журнал. 2018. № 9. С. 6–14.
4. Россия в цифрах. 2017 : крат. стат. сб. / Росстат. М., 2017. – С. 128–129.
5. Факторы, ограничивающие развитие деятельности организаций розничной торговли // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/40615> (дата обращения: 20.03.2021).
6. Факторы, ограничивающие развитие деятельности организации в сфере услуг (процент, большая отчетная нагрузка) // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59152> (дата обращения: 25.04.2021).
7. ФАС разработает разъяснения по распространенным нарушениям органов власти. URL: <https://plan.fas.gov.ru/external/publications/18564/> (дата обращения: 25.04.2021).

ГОРОДСКОЕ ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО: ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ БАЗЫ

Рассматривается краткая история жилищного строительства в г. Иркутске, исследуются некоторые основные направления формирования Иркутской агломерации, совершенствования жилищного строительства и создания производственной базы стройиндустрии в виде домостроительных комбинатов.

Ключевые слова: город, агломерация, жилье, национальный проект, жилищное строительство, производственная база, строительные материалы, домостроительный комбинат.

S. K. Udalykh

Russian Academy of Natural Sciences, Irkutsk regional office, Irkutsk

URBAN HOUSING CONSTRUCTION: PROBLEMS OF CREATING A PRODUCTION BASE

The article deals with a brief history of housing in the city of Irkutsk, explores some of the main directions of the Irkutsk agglomeration, improving housing and creating a production base of construction industry in the form of house-building factories.

Keywords: city, agglomeration, housing, national project, housing construction, production base, building materials, house-building plant.

Город Иркутск является исторической столицей огромного региона, который также называется Приангарьем. Город, созданный на пересечении транспортных путей, в течение многих лет осуществлял существенный вклад в развитие промышленности, социальной сферы, культуры, образования, науки, здравоохранения страны. В настоящее время стоят задачи дальнейшего успешного развития города, улучшения среды проживания, роста численности населения, увеличения продолжительности жизни граждан. Город имеет большие резервы улучшения жилищно-коммунального и транспортного хозяйств, роста жилищного строительства, повышения благосостояния населения и формирования условий для устойчивого социально-экономического развития. Одним из вариантов прорывного развития территории является формирование крупного постиндустриального центра на базе агломерации городов Иркутск-Ангарск-Шелехов. Такой вариант потребует роста объемов жилищного и других видов гражданского строительства, которое может быть успешно осуществлено с опережающим созданием местной производственной базы по выпуску строительных материалов, конструкций и деталей.

Цель исследования: на основе изучения особенностей развития города исследовать некоторые основные направления формирования Иркутской агломерации, совершенствования жилищного строительства и создания производственной базы стройиндустрии.

Краткая история проблемы. Город Иркутск и Иркутская область, имеющие многолетнюю, как правило, культурную и торговую историю, получили ускоренное индустриальное развитие в послевоенный период (после 1945 г.). Перспективные направления социально-экономического развития Приангарья были определены и начали быстрыми темпами реализовываться в результате проведения в г.Иркутске в 1947 г. Всесоюзной конференции по развитию производительных сил Иркутской области. Решения этой необычной по тем временам конференции создали основу для создания на территории области крупнейших предприятий разных отраслей национальной экономики. Особой исторической вехой необходимо считать огромное жилищное строительство в г. Иркутске и других городах области, развернувшееся в Приангарье с 1957 г. после принятия Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о развитии жилищного строительства [4]. Строительство многоквартирных жилых домов велось индустриальными методами с применением сборных строительных конструкций и элементов. Для этого в городе были

сооружены два домостроительных комбината, которые в своих цехах в заводских условиях изготавливали стеновые панели, панели внутренних стен, перекрытий и перегородок, а также прочие сборные элементы; для производства других видов строительно-монтажных работ в массовом порядке использовались местные строительные материалы (кирпич, стеновые блоки, теплоизоляционные, кровельные и отделочные материалы, пиломатериалы, бетон, раствор и т. д.). Применение сборных конструкций и местных материалов позволяли внедрять передовые скоростные методы строительства, сокращать сроки ввода в действие жилых домов и снижать стоимость строительства жилья. Особенностью получения квартир населением СССР в новых домах являлось то, что жилье предоставлялось совершенно безвозмездно. В последние 20 лет в городе Иркутске постоянно растут объемы жилищного строительства.

Результаты исследования.

1. Развитие городов и формирование в них достойной среды проживания является одним из главных направлений деятельности российского государства. Перспективы городского жилищного строительства и создания городской среды определены в национальном проекте «Жилье и городская среда» [3]. В ходе реализации этого проекта планируется за 6 лет (2019–2024 гг.) на территории России освоить свыше 1 трлн. руб., ежегодно к 2024 г. вводить в действие 120 млн кв. м жилья; построить многочисленные современные объекты здравоохранения, образования, науки, культуры, связи, торговли, жилищно-коммунального хозяйства. Проектируется создание новых объектов туризма, отдыха и развлечений, автодорог, линий электропередач, газоснабжения. Большинство населения городов и поселений окажутся в новых благоприятных условиях проживания и смогут реально воспользоваться современными комфортными бытовыми и хозяйственными услугами.

2. Для достижения такой новой комфортной среды проживания необходимо много сделать. Оценки специалистов и населения о проживании в г. Иркутске, информация СМИ и представителей городской и областной администраций позволяют составить следующий некоторый набор недостатков и упущений в жизни города:

- относительно низкие темпы и объемы жилищного и гражданского строительства;
- отсутствие местных крупных предприятий строительных материалов, конструкций и деталей (исключая новый Иркутский домостроительный комбинат и компанию «Сибавиастрой»);
- массовое использование в жилищном и гражданском строительстве дальнепривозных, т. е. дорогих строительных материалов, конструкций и деталей (завоз из других регионов России и зарубежных стран);
- растущие рыночные цены на жилье и повышающаяся недоступность жилья (в г. Иркутске средняя цена 1 кв. метра жилой площади в 2020 г. выросла на 25 % и превысила 72 тыс. руб.);
- невыполнение планов расселения населения из аварийного и ветхого жилья, а также обязательств государства по обеспечению жильем детей-сирот;
- медленное разрешение проблемы реновации и сноса устаревшего крупнопанельного жилья (в том числе домов серии 1–335);
- низкие темпы и хроническое невыполнение планов капитального ремонта многоквартирных домов;
- хроническое недоинвестирование бытовой, торговой и другой городской инфраструктуры;
- недостаточная деятельность властей и делового сообщества по «удержанию» молодого населения для проживания в городе, т. е. серьезные недоработки по повышению привлекательности города как места проживания, работы, обучения, отдыха и развлечений;
- отсутствие крупных проектов неиндустриального характера (кроме общих наметок проекта Парка развлечений на острове Конный с американскими горками, башней

свободного падения и катком с искусственным льдом и проекта Концертного зала мирового уровня на 1200 и более мест);

– недостаточные меры по улучшения имиджа города и др.

3. Город Иркутск располагает значительным и пока неиспользованным полностью всесторонним «человеческим», т. е. интеллектуальным потенциалом; в частности, элементы такого потенциала следующие:

– национальный проект «Жилье и городская среда» в целом по стране подробно разработан и его выполнение отслеживается федеральными органами по принятой всероссийской технологии «сверху донизу». К сожалению, применительно к Иркутской области нет официальной информации о составе, содержании и динамике выполнения этого национального проекта в границах территории Приангарья. Предположительно, в кабинетах областной и городской администраций такие документы имеются, но они не доводятся до граждан современными информационными возможностями и поэтому являются непубличными, т. е. не национальными. В настоящее неизвестно, какие цели, задачи и какие объекты национального проекта «Жилье и городская среда» приписаны для Иркутской области и города Иркутска;

– по разным причинам, в том числе из-за неактивности федерального и регионального менеджмента затягивается создание Межрегионального научно-образовательного центра «Байкал»; этот центр может стать инновационным объединением ведущих научных и образовательных организаций с сектором экономики для обеспечения исследований и разработок мирового уровня, получения новых конкурентоспособных технологий и продуктов и их коммерциализации, подготовки кадров для решения крупных научно-технологических задач в интересах развития отраслей науки и экономики.

4. Серьезным испытанием для самого города и его населения явилась эпидемия 2020 г. Почти в течение всего опасного периода г.Иркутск лидировал по числу новых случаев коронавируса. В городе были введены существенные ограничения как в работе промышленных производств и хозяйств, так в деятельности организаций и учреждений всех отраслей социальной сферы (образования, науки, культуры, торговли, общественного питания и др.). В итоге промышленное производство за год сократилось примерно на 4 %, доходы населения уменьшились на 8 %, уровень безработицы составил 6 %; поднялись цены на некоторые виды продовольствия и цены на жилье. Ухудшились три важных демографических фактора: увеличилась смертность, снизилась рождаемость и вырос миграционный отток. Как известно, большую финансовую и прочую поддержку хозяйству города, малому бизнесу и населению оказали Правительство РФ, администрации Иркутской области и г.Иркутска; в итоге сам город, его экономика и социальная сфера, а также граждане смогли выстоять и пережить тяжелые времена пандемии. Особо необходимо отметить как положительную городскую ситуацию это отсутствие протестных событий населения, связанных с введением вынужденных ограничений.

Некоторые главные выводы и предложения следующие.

1. В Иркутской области до сих пор нет утвержденной и обнародованной научно-обоснованной стратегии или концепции развития столичного города и его среды. Как известно, имеются генеральный план города Иркутска, проекты планировки его округов, отдельные предложения и разработки перспективного развития города, в том числе некоторые весьма интересные проекты Международного Байкальского зимнего градостроительного университета, проводимого ежегодно Иркутским национальным исследовательским техническим университетом, городской администрацией и другими организациями [2]; эти проекты пока не достаточно реализуются в черте города.

2. В архивах администраций города и области хранится особый проект под названием «Иркутская агломерация» (этот проект общественностью назван также как «Большой Иркутск»), концепция которого разработана в 2006–2007 гг. по заказу администрации Иркутской области и которая уже является забытой предшествующими и ныне дей-

ствующими администрациями региона и города Иркутска. «Иркутская агломерация» – это для сибирских регионов необычный прорывной проект, предусматривающий территориальное и административное объединение трех соседних городов: Иркутска, Ангарска и Шелехова. Общее число жителей этой агломерации составит почти 1 млн человек; проект в конце 2006 г. был одобрен в Министерстве регионального развития РФ.

По замыслу администрации Иркутской области и разработчиков проекта Иркутская агломерация должна была стать точкой роста Сибирского макрорегиона. Особенность Иркутска заключается в том, что на его базе может быть создана современная динамичная городская агломерация. По первоначальным расчетам, реализация этого проекта даст около 40 млрд руб. инвестиций в основной капитал и позволит создать более 55 тыс. рабочих мест. Для реализации проекта агломерации ранее уже были разработаны стратегия и схема территориального планирования Приангарья с учетом агломерации – территорий городов Иркутска, Ангарска и Шелехова, проведены демографические и социально-экономические исследования, начала создаваться некоторая нормативно-правовая база. По мнению специалистов, меры по развития Иркутской агломерации в состоянии привести к ощущаемому росту качества жизни за счет прямых и косвенных эффектов агломерирования [9].

Иркутская область и сам город Иркутск могут стать модельными территориями, на которых в партнерстве с федеральными структурами и другими заинтересованными регионами могут быть отработаны управленческие процедуры и нормативные документы муниципального и регионального уровня, поправки в федеральное законодательство, необходимые для успешной деятельности агломерации территорий. В последствие этот опыт может быть распространен на другие регионы, идущие по пути создания городских агломераций.

Для реализации проекта «Иркутская агломерация» в сегодняшних условиях необходимо, как минимум, следующее:

- провести профессиональное обсуждение (с участием ученых, представителей администраций местных властей, бизнеса, общественности и средств массовой информации) общей идеи объединения и концепции агломерации трех городов;
- изучение комплекса ранее разработанных документов по агломерации на предмет использования в новых документах агломерации;
- разработка механизмов обеспечения процессов агломерирования; при этом очень важна государственная финансовая, организационная и информационная поддержка;
- проведение общественных обсуждений и социальных опросов (с участием населения) в трех городах о возможности формирования агломерации;
- разработка и принятие на региональном и федеральном уровне соответствующих нормативно-правовых документов (например, в виде постановлений правительств Иркутской области и Российской Федерации);
- принятие на федеральном уровне решения (в виде Постановления Правительства РФ или Указа Президента РФ) о выделении земель, расположенных между тремя городами агломерации, для массового жилищного и гражданского строительства и объектов инфраструктуры;
- разработка программы («дорожной карты») по осуществлению мероприятий по созданию и развитию агломерации и пр.

3. Формирование «Иркутской агломерации» обязательно должно сопровождаться расширением жилищного строительства (ростом количества и качества вводимого жилья), а также возведением других объектов гражданского назначения и модернизацией жилищно-коммунального хозяйства. Одной из проблемных ситуаций в столице Приангарья, как указывалось выше, является жилищное строительство. В Стратегии развития промышленности строительных материалов Иркутской области на 2020 год и на период до 2030 года был запланирован ежегодный ввод в действие жилой площади в г. Иркутске

в объеме 1500 тыс. кв. м, фактически в 2020 г. введено лишь 1050 тыс. кв. м (т. е. в 1,5 раза меньше) [6].

4. Для городского жилищного строительства и формирования достойной городской среды на территории агломерации необходима так называемая производственная, или, по другому можно назвать, строительная база. Под такой базой понимается совокупность местных предприятий и производств по выпуску различных строительных материалов, конструкций и деталей для всех видов строительства.

Ранее (35–40 лет тому назад) в черте самого г. Иркутска и вблизи его действовали заводы сборного железобетона, кирпичные заводы, карьеры по добыче песка и гравия (для производства раствора и бетона), предприятия по выпуску пиломатериалов, бруса и других строительных материалов из дерева, производства теплоизоляционных, отделочных и кровельных материалов; скоростное возведение многоквартирных крупнопанельных домов вели два домостроительных комбината (ДСК). По ряду известных причин указанные предприятия и производства прекратили свое существование, и как таковая полноценная и комплексная строительная база в городе в настоящее время отсутствует. Для строительства сейчас используются в основном дальнепривозные дорогие строительные ресурсы, что существенно повышает стоимость строительства и конечные рыночные цены на жилье.

5. Для коренной модернизации и ускоренного роста возведения городского жилья и других гражданских объектов на территории агломерации необходимо практически заново создавать в г. Иркутске и в двух других городах агломерации современную строительную базу. Основой такой базы должны стать ДСК (по нашим предварительным расчетам, для г. Иркутска необходимо иметь два комбината; для г. Ангарска и г. Шелехова – по одному комбинату); годовая мощность каждого ДСК будет варьироваться от 150 до 250 тыс. кв. м жилой площади.

ДСК является прогрессивной формой организации массового жилищного строительства. Как правило, такой комбинат имеет четыре «дивизиона»: производственный (выпуск основных строительных конструкций, деталей и изделий), транспортный (перевозка указанных материальных ресурсов на строительную площадку), строительный (сборка, отделка и ввод в действие жилого дома) и вспомогательный (производство прочих материальных ресурсов для возведения жилого дома). Главным преимуществом подобной организации является заводское производство основных строительных конструкций (в том числе сборных железобетонных), что позволяет более качественно контролировать изделия на всех этапах (армирование, бетонирование) а также отслеживать качество бетонных поверхностей и геометрические параметры конструкций. Перенос большинства строительных процессов со стройплощадки на стационарный завод значительно повышает общую строительную культуру и качество возведения всего здания, позволяет вести сборку дома круглый год (в отличие от монолитных домов), ускоряет сроки и уменьшает суммарную стоимость строительства.

ДСК – весьма сложный и затратный проект для современного строительного бизнеса. Например, в городе Иркутске идея возрождения ДСК (после разрушения в городе двух подобных действовавших ранее предприятий) обсуждалась местным строительным менеджментом, однако долгое время никто из предпринимателей, а также из администрации города и области не решался реально подступить к этой проблеме. В этой связи оказалась весьма нужной и полезной предпринимательская инициатива учредителей и руководства финансово-строительной компании «Новый город» (г. Иркутск), которые рискнули спроектировать, построить и ввести в действие новый Иркутский ДСК с годовой мощностью 150 тыс. кубометров сборных конструкций [1; 8].

Разработчики проекта ДСК из г. Санкт-Петербург заложили современные технологии производства сборного железобетона с возможностью быстро и гибко перестраивать производственные процессы для выпуска элементов железобетона любых размеров и се-

чений. За основу была взята конструктивная система «Иркутский каркас» для районов с различным уровнем сейсмической активности. Для размещения ДСК был выбран участок рядом с федеральной трассой М53 в трёх километрах от г. Шелехов; фактические сроки строительства: с 2014 по 2017 г. Удачное расположение комбината позволяет выпускать относительно недорогую продукцию с высоким качеством.

Финансово-строительная компания «Новый город», используя возможности ДСК, ведёт комплексную застройку жилых домов и на сегодняшний период занимает в Иркутске лидирующие позиции по объемам жилищного строительства и качеству возводимого жилья. Тысячи семей проживают в новостройках: «Новый город-1», «Новый город-2», «Светлый», «Кузьминки», «Новый город-7», «Новый город-3», «Прибайкальский», «Новый город-8», «Союз», «Новый», «Рекорд», «Атмосфера», «Символ» и др. Кроме компании «Новый город» почти по организационной схеме домостроительного комбината работает также крупная строительная компания «Сибавиастрой», которая производит широкий спектр железобетонных изделий, товарный бетон, пескобетон, раствор и арматурные изделия; компания возводила и возводит жилые комплексы «Сигма». «Стрижи», «Новый», «Академия», «Олимп», «Старт», а также торговые, спортивные и другие гражданские объекты в городе Иркутске [7].

6. При создании в г. Иркутске строительной базы необходимо учитывать то, что в скором времени понадобятся дополнительные мощности ее предприятий и производств с учетом перспективных потребностей в строительных материальных ресурсах для сооружения новых жилых (обменных) домов, в которые будут расселены жильцы после сноса (реновации) давно устаревших многоквартирных крупнопанельных домов (КПД) серии 1-335. Эта серия была одной из первых типовых проектов крупнопанельных домов в СССР, которая была разработана для условий сейсмичности 7–8 баллов и при застройке г. Иркутска применялась с 1960 по 1976 г. В городе эксплуатируется более 400 домов этой серии общей жилой площадью около 1,5 млн кв. метров. Значимую часть жилого фонда аналогичные дома составляют также в городах области: Ангарск, Зима, Усолье-Сибирское, Шелехов и др. Конструктивная схема домов этой серии – панельные здания с неполным и полным сборным железобетонным каркасом.

Необходимо отметить высокий уровень морального и физического износа жилых домов первых массовых серий, что требует срочных мер по обеспечению безопасности их дальнейшей эксплуатации. Многие эксперты эти дома называют опасными и заявляют о необходимости их срочного капитального ремонта или лучше всего расселения. Некоторые ученые не исключают даже массового обрушения иркутских домов 335 серии в ближайшие годы. Основные причины существующей ситуации: завершение безопасного периода их эксплуатации и невысокое качество материалов и конструкций, использовавшихся при строительстве, высокая сейсмичность Иркутского региона. Поэтому современная ситуация с эксплуатацией в г. Иркутске жилых домов КПД первых массовых серий приводит к пониманию необходимости сноса и расселения этого жилого фонда. Представляется необходимым провести системные мероприятия по установке остаточной прочности конструкций, сделать прогноз сейсмостойчивости и окончательные выводы в отношении всех других жилых домов этой серии. В настоящее время по инициативе администраций Иркутской области и г. Иркутска часть домов обследуются специалистами на предмет выявления их физического состояния; обследование всех «проблемных» домов КПД завершится в 2022–2023 гг.

7. В соответствии с Воздушным кодексом РФ (статья 47) и Федеральным законом от 01.07.2017 № 135-ФЗ все российские аэропорты должны были установить (зарегистрировать в государственном реестре) до 01.01.2018 границы своих приаэродромных территорий – ПАТ. Эта территория устанавливается в целях обеспечения безопасности полетов воздушных судов, перспективного развития аэропорта и исключения негативного воздействия оборудования аэродрома и полетов воздушных судов на здоровье челове-

ка и окружающую среду. Всего у ПАТ существует семь зон. Все зоны различаются по жесткости мер ограничения городского строительства; в седьмой зоне нельзя строить жилые дома и другие социальные объекты (поликлиники, больницы, детские сады, школы), так как в ней уровень шума и выбросы вредных веществ от пролетающих самолетов выше нормы. К сожалению, в указанные сроки уложилась лишь малая часть аэропортов: на настоящий момент из 200 российских аэропортов не более 20 установили границы ПАТ.

Иркутский аэропорт зарегистрировал свои границы и объявил об этом лишь в начале 2021 г., что для представителей городской власти, строительного и прочего бизнеса, а также для населения оказалось полной неожиданностью; городская и региональная власти ищут пути выхода из сложившейся непонятной ситуации, так как в седьмую подзону иркутской ПАТ попали весь Правобережный округ, почти полностью Октябрьский округ, часть Ленинского и Свердловского округов. Кроме того, в эту же зону входят посёлки Плишкино, Парфёновка, Малая Топка, Дзержинск, часть Ново-Разводной Иркутского района. По мнению специалистов, при не снятии указанных ограничений в г. Иркутске не будет выполнен ни один из национальных проектов, будет сорвана программа по строительству жилья (в эту «запретную» зону попадает 15 проектов жилищного строительства общей площадью 195 тыс. кв. м), большая часть муниципалитета в этой ситуации развиваться не сможет. При невыполнении показателей по национальным проектам город может лишиться федерального и областного финансирования на строительство социальных объектов. Предлагается привлечение к разрешению этой ситуации Правительства РФ и депутатов Государственной Думы. Одним из путей урегулирования проблемы может стать снятие с кадастрового учета иркутской седьмой зоны и начало строительства нового аэропорта.

8. В связи с ростом недоступности жилья и непрерывно повышающимися ценами на городское жилье предлагается провести глубокий и всесторонний профессиональный технико-экономический анализ стоимости жилищного строительства в г. Иркутске. Для этого предлагается создать соответствующую комиссию из числа специалистов, представителей строительных организаций, региональной и городской власти. Одной из задач указанной комиссии должно стать объективное выявление причин роста стоимости строительства многоквартирных домов, а также разработка путей снижения затрат на возведение жилья и, соответственно, снижения цен на приобретение гражданами собственного жилья. В составе стоимости строительства затраты на строительные материалы составляют свыше 30 %, поэтому Президент РФ поручил Правительству страны представить предложения по ограничению роста цен на строительные материалы [5]. Проблема государственного ограничения цен на строительные материалы и готовой строительной продукции является крайне важной и актуальной, так как почти во всех регионах страны наблюдается непрерывный рост рыночных цен на жилье. Методика государственного регулирования (т. е. ограничения) цен на некоторые товары в интересах населения в последние месяцы в нашей стране в принципе наработана и успешно реализована.

В качестве заключения необходимо отметить то, что в современных условиях усиления федеральных рычагов управления и контроля с одновременным расширением полномочий и ответственности региональных и муниципальных органов власти предлагаемые меры по расширению жилищного строительства и созданию комплексной строительной базы в рамках Иркутской агломерации наиболее успешно можно реализовать при принятии Правительством РФ соответствующего организационно-распорядительного документа (постановления или распоряжения). В этом государственном документе, кроме различных конкретных заданий и поручений, должны быть определены суммы финансирования (государственных и частных инвестиций) для выполнения принятых решений по социально-экономическому развитию городской агломерации, в том числе города Иркутска.

Литература

1. Иркутский домостроительный комбинат – ИДСК. URL: <http://www.dskarkas.ru> (дата обращения: 03.04.2021).

2. Научно-образовательный центр «Международный Байкальский зимний градостроительный университет». URL: <https://winteruni.com> (дата обращения: 03.04.2021).
3. Национальный проект «Жилье и городская среда». URL: <http://government.ru/info/35560> (дата обращения: 03.04.2021).
4. О развитии жилищного строительства в СССР : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31.07.1957 № 931. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4707> (дата обращения: 03.04.2021).
5. Перечень Поручений Президента РФ по итогам совместного заседания Госсовета и Совета по стратегическому развитию и нацпроектам от 23.12.2020 № Пр-45 ГС. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/64900> (дата обращения: 03.04.2021).
6. Стратегия развития промышленности строительных материалов Иркутской области на период до 2020 года и на перспективу до 2030 года. URL: http://irkobl.ru/sites/saio/gradsovet/presidium/Стратегия_развития_промышленности_строительных_материалов_Иркутской_области_v.4.pdf (дата обращения: 03.04.2021).
7. Строительная компания «Сибвиастрой». URL: <http://www.sibviastroj.ru> (дата обращения: 03.04.2021).
8. Строительная компания «Новый город». URL: <http://new-gorod.ru> (дата обращения: 03.04.2021).
9. Фонд регионального развития Иркутской области. URL: <http://www.ftrio.ru> (дата обращения: 03.04.2021).

УДК 93.94

М. Ю. Попов
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ГАНЗЕЙСКИЙ СОЮЗ ГОРОДОВ КАК ФАКТОР СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И УРБАНИЗАЦИИ

С точки зрения современных процессов глобализации рассматривается история развития и влияния Ганзейского торгового союза на развитие городской среды севера Европы и взаимную торговую и культурную интеграцию городов союза и их торговых партнеров. Приводится анализ подхода членов Ганзейского союза к взаимодействию как внутри союза, так и за его пределами. Прослеживается влияние Ганзы на средневековый и современный европейский мир, то как входившие в союз города, так и города с большими торговыми связями с Ганзой, развивались.

Ключевые слова: город, урбанизация, интегрирование, глобализация, торговые связи, культурное взаимодействие.

M. Yu. Popov
Irkutsk State University, Irkutsk

HANSEATIC LEAGUE OF CITIES AS A FACTOR OF MEDIEVAL GLOBALIZATION AND URBANIZATION

From the point of view of modern globalization processes, the article examines the history of the development and influence of the Hanseatic Trade Union, on the development of the urban environment in northern Europe and the mutual trade and cultural integration of the cities of the Union and their trading partners. The article analyzes the approach of the members of the Hanseatic League to interaction, both within the union and outside it. The author of the article examines the development and influence of the Hansa on the medieval and modern European world, how the cities and cities that were part of the union with large trade ties with the Hansa developed.

Keywords: city, urbanization, integration, globalization, trade relations, cultural interaction.

Важным аспектом развития любого города всегда будут его связи с внешним миром, интеграция как в регионе, так и в более глобальных масштабах. Что средневековый город, что город современный всегда выступает как центр объединения и интеграции, где концентрируются и перераспределяются как произведенные в городе и окрестностях продукты ручного, творческого и интеллектуального труда, так и поступившие в город посредством торговли. Выстраивание производственных и самое главное торговых связей между городами северной Европы Ганзейским союзом, выступает в нашем исследовании интересным прообразом современных процессов интеграции и глобализации. Образование и развитие Ганзейского союза оказало огромное влияние на построение торго-

вых и культурных взаимосвязей, множества городов севера Европы, в том числе и на развитие городов России, ускорило процесс урбанизации в этих городах.

Постепенное развитие сословного строя Европы (VIII–XI вв.) привело к появлению бюргеров, свободных граждан. К IX в. образуются феодальные города, классические формы которых развивались в Италии (Венеция, Генуя, Пиза, Флоренция, Неаполь, Бри, Амальфи) и на юге Франции (Марсель, Арль, Монпелье, Тулуза): хоть феодалы и владели ими, но в городах сохранялась часть привилегии со времен Римской империи [3]. Развитие и сохранение торговых связей городов Юга Европы с Востоком и Византией, постепенно привело к развитию и отделению от феодалов городов-республик – Венеции, Генуи, Флоренции. В XI–XII вв. сначала в Италии, а потом постепенно и по всей Европе начинает развиваться наемный труд. Также, в Италии, появились в XI–XII вв. первые европейские частные коммерческие банки, появляется цеховая строй. Появляются городско-коммуны с выборными должностями, собственным законодательством, вооруженными силами, относительной независимостью во внешнеэкономической деятельности. Появляется более 200 городов в небольшой промежуток на рубеже XIII и XIV вв. В Германии так называемые императорские города, которые изначально были подчинены императору, превратились в городские республики (Любек, Гамбург, Бремен, Нюрнберг, Франкфурт-на-Майне, Магдебург, Аугсбург) [5].

Распространяется Магдебургское право, юридическое закрепление прав и свобод горожан, и их самоуправления. Также традиционно год пребывания в городе беглого крестьянина делал его свободным членом коммуны, что всегда обеспечивало приток рабочей силы. Расширение прав внутри городов Германии, особенно для купеческого сословия, не обходилось без соприкосновения со стороны феодалов и императоров, в этом конфликте становится вполне естественным появление более крупного объединения северо-европейских, прежде всего северогерманских, городов – Ганзы [1].

Рассмотрим более подробно историю образования Ганзейского союза, в 1226 г. купцы Гамбурга, открывают свое представительство, «контору» в Лондоне, в 1241 г. Гамбург и Любек заключают договор о торговом сотрудничестве, затем к союзу присоединяется Кёльн, в 1299 Росток, Висмар, Люнебург и Штральзунд. Уже к середине четырнадцатого века союз охватывает все значимые города севера Германии на морском берегу, и на крупных реках [7]. Главными городами Ганзы выступали: Любек, Гамбург, Бремен, особую роль занимал город Висбю на острове Готланд, будучи центром торговли с Русью и Скандинавией. Центром союза слат Любек, в силу своего выгодного географического положения, именно сюда стекались многочисленные торговые пути с востока (Балтика), запада (Северное море) и юга (внутренние регионы Германии) [9].

В Любеке, как месте постоянных съездов ганзейских городов, находились суд, который решал спорные вопросы и конфликты, возникавшие внутри союза, и подобие современного секретариата, где велось делопроизводство. Также у Любека был особый статус *primus inter pares* (лат. первый среди равных).

С одной стороны, развитие Ганзейского союза оказало большое влияние на процессы урбанизации средневековых городов. Но и само появление Ганзы неразрывно связано с их развитием.

Рассмотрим основные причины такого быстрого взлета и развития Ганзейского союза, и его отличия от развития национального и феодального, а также причины прочности союза в сравнении с подобными союзами в Италии, что хоть и появлялись даже раньше Ганзейского, но быстро приходили к развалу и упадку [8]. Очень важной причиной является, то откуда шла инициатива по созданию союза немецких городов, если в Италии, различные торговые соглашения и союзы, появлялись по инициативе городских властей, либо представителей выборных органов в городах-республиках, либо феодалов в герцогствах и королевствах. На севере Германии союз вырос по инициативе купцов, само слово «Hanse» переводится со старонемецкого как «группа», «дружина», «отряд».

Вторая причина, это отличие ключевой цели Ганзейского союза. Любек хоть и выступал как постоянный и бесменный лидер всего содружества городов, но в отличие от Итальянских центров торговли, таких как Генуя, Венеция и т. д. Главной задачей немецкие купцы видели не установление торговой монополии какого – то отдельного города, а создание такой системы, в которой каждый член союза, будет находиться в равных условиях. И перед купцами, что Любека, что любого другого города союза, не было цели вытеснить с рынка всех остальных купцов.

Здесь важно понимать, то что, ни морально, ни интеллектуально типичный купец Севера Германии ничем не превосходил генуэзца или венецианца. Дело в том, что структурно, торговля на севере, сильно отличалась от торговли на юге. В Средиземное море, через Великий шелковый путь, шли такие товары, как пряности и шелк, Африка поставляла слоновую кость, ремесленники Италии создавали лучшие доспехи, оружие и драгоценности. Торговля этими товарами, приносила большие прибыли. На севере же торговали в основном пшеницей, лесом, железной и медной рудой, рыбой, смолой, дегтем и медом, продажа которых не приносила серьезных доходов, при этом требовалось поставлять и продавать значительные объемы, подобной продукции. В среднем, по современным оценкам, торговля в Средиземном море могла принести от десяти до сорока процентов прибыли. В то время, как северная торговля приносила весьма скудные прибыли, которые сопровождалась большими рисками.

Такие низкие прибыли и высокие риски, объективно ограничивали конкуренцию, для купцов оказывалось выгоднее сотрудничество и формирование стратегических торговых союзов.

Хоть Ганза и была купеческим союзом, ее возможности позволяли решать сложные политические и экономические проблемы военным путем. В 1361 г. Король Дании Вальдемар IV Аттердаг захватил входивший в Ганзейский союз город Висбю на острове Готланд. Ганзой был нанят военный флот, а Копенгаген взят в блокаду. Уже в 1369 г. Был подписан мирный договор, согласно которому: статус Висбю был восстановлен, Дания подтвердила права ганзейских городов на свободную торговлю в Балтике и, сверх того, Ганза получила право вето при выборах будущих наследников датского престола. Постоянным военным союзником Ганзы выступали рыцарские ордена, в первую очередь Тевтонский орден. Совместными усилиями флотов Ганзы, ордена и Дании, постепенно удалось практически полностью искоренить пиратство в регионе [2].

В целом Ганза, прибегала к военной силе в исключительных случаях, гораздо чаще применялись экономические рычаги – торговые преференции и санкции, концессии на определенные типы деятельности (например, вылов рыбы), взаимные снижения тарифов, взаимные гарантии сохранности материальных ценностей и безопасности торговых представителей и т. п. Главным документом, был Большой Ганзейский статут. Его наличие по современным меркам, создавало единое экономическое пространство, по аналогии с современными экономическими союзами и зонами [3].

Основой статута послужило Любекское городское право, его положения охотно использовали как члены союза, так и союзные Ганзе города. В 1392 г. города союза начали чеканить общую монету. Ганза активно применяла экономические санкции, прекратить поставки зерна, в город где, каким-либо образом обидели членов союза, было обычной практикой. Для города союза же, самым серьезным наказанием было исключение из Ганзы, так как торговля членов союза с изгоем прекращалась [2].

Постепенно изменения, как в регионе, так и во всем мире привели Ганзу к ее упадку. Можно выделить несколько групп факторов что привели к постепенному упадку союза.

Первый важный фактор – это экономические изменения. Во второй половине XIV века, эпидемия чумы приводит к экономическому и демографическому упадку. Падают цены на многие товары ганзейской торговли, включая зерно и пушнину. Проблемой бы-

ло и то что Ганзейские купцы предпочитали расчет в серебре, в то время как в Италии распространялась практика векселей, кредитов и банков [2].

Отметим как второй фактор – внутривитальные проблемы Ганзейских городов. Что простое городское население, что политическая элита Ганзейских городов получали лишь небольшую часть с доходов купечества Ганзы. Сопровождал этот процесс постоянно растущий конфликт между городом и окрестностями. Возможность миграции из деревни в город постоянно ограничивалась, зачастую города Ганзы возводили укрепления, чтобы ограничить урбанизацию за счет крестьян [3].

Самым важным фактором можно назвать изменения в самой Европе и мире. К пятнадцатому веку, бурно расцветает процесс централизации государств, появляется Московское государство, укрепляется абсолютизм в Швеции, Англии и Франции. Правители этих государств, следуя идеям протекционизма, а также укрепляя собственные позиции, постоянно вступают в конфронтацию с Ганзой. Иван III после присоединения Новгорода, отказывает купцам Ганзы в особых правах, справедливо полагая что они поддерживают антимосковскую партию в Новгороде. В 1497 г. Елизавета I создает Восточно-Балтийскую компанию, очевидно направленную на конкуренцию за рынки сбыта Ганзы [7].

На фоне развития протекционизма соседей, раздробленность Германии только усиливалась, и зависимый от курфюрстов император, не мог поддержать свое купечество, оно и не было для него своим. Тридцатилетняя война (1618 – 1648 гг.) и ее катастрофические для Германии последствия окончательно подорвали могущество Ганзы. После войны Ганза просуществовала больше двух столетий, в 1669 г., на последнем съезде были представлены только 9 городов. В 1862 г. когда союз был распущен, в него входило всего три города: Любек, Гамбург и Бремен [4].

Все еще велико влияние Ганзы, ее истории и идей на современное Европейское городское общество. В 1980 г. была основан Ганзейский союз Нового времени (или «Новая Ганза») – международная неправительственная организация («культурное содружество городов»). Союз был основан в 1980 г. в голландском городе Зволле с целью поддержки торговли и туризма.

Сейчас в союз входит 176 экономически и политически активных городов из 15 европейских государств. Штаб-квартира традиционно находится в Любеке. Первым со стороны Российской Федерации в союз городов в 1993 г. вступил Великий Новгород. Всего в «Новую Ганзу» были приняты 13 российских городов: Белозерск, Великий Новгород, Великий Устюг, Ивангород, Калининград, Кингисепп, Псков, Смоленск, Тверь, Тихвин, Торжок, Тотьма, Вологда. Ежегодно в одном из городов Новой Ганзы проходит международный фестиваль «Ганзейские дни Нового времени». Многие города Германии, такие как Бремен, Гамбург, Любек, Грайфсвальд, Росток, Штральзунд и т. д. сохраняют в своих официальных наименованиях титул «ганзейский ...» [9].

И хотя у Ганзы не было многих современных политических и институтов, ассоциируемых сегодня с ЕС, многие считают ее прообразом современного Евросоюза, и других политических и экономических союзов. На открытии Музея Ганзы канцлер Германии Ангела Меркель в своей речи назвала Ганзу «первым успешным экономическим объединением Европы».

Литература

1. Игнатенко А. В. Правовой статус и историческая роль Ганзейского союза (один из ранних опытов протокофедерации в Европе) (рус.) = Legal Status and historical role of the Gantzei Union (one of the earliest protocofederations in Europe) // Российский юридический журнал: Ежеквартальный научно-теоретический и информационно-практический журнал. 2005. № 3 (47). С. 134.
2. Перхавко В. Ганзейское пространство (рус.) // Исторический журнал / гл. ред. В. Даниленко. 2008. № 9 (45). С. 60–81.
3. Подальк Н. Г. Ганза: Союзы городов // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : сб. в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. М. : Наука, 2000. Т. 4 : Extra muros: город, общество, государство, вып. 61: Средние века. С. 125–160.

4. Поддяк Н. Г. Становление органов самоуправления в городах вендской Ганзы : [рус.] // Средневековый город : межвуз. науч. сб. / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Научная книга, Кафедра истории средних веков Саратовского университета, 1997. Вып. 11 : Вопросы экономической, социальной, политической, идейной и культурной истории европейского города X–XVI вв. С. 10–19.

5. Ягунов Н. В., Ягунова Т. Е. Ганза спустя века. Нидерланды. Германия. Россия. Латвия = Hanse centuries later. Netherlands, Germany, Russia, Latvia: the album of photos / пер. О. Соловьева. Калининград ; Вильнюс : Standartu Spauslute, 2016. Т. 3. 216 с.

6. Брюк Т., Мисанс И. Я. XXXIII сессия Объединения исследователей ганзейской истории Общества историков ГДР (Росток (ГДР), сент. 1988) (рус.) = The 33rd session on the Hanza history investigation union of the GDR historians' society // Известия Академии наук Латвийской ССР: журнал. АН ЛатвССР, 1989. № 4 (501). С. 135.

7. Доллингер Ф. Г. Ганзейский союз. Торговая империя Средневековья от Лондона и Брюгге до Пскова и Новгорода. М. : Центрполиграф, 2020. 511 с.

8. Holborn Hajo. A History of Modern Germany: The Reformation. Princeton University Press, 1982. P. 32, 74, 80–82.

9. Schäfer D. Die deutsche Hanse (неоп.). Reprint-Verlag-Leipzig, 2010. С. 37.

УДК 316.334.56

Е. С. Кузьмина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДОВ И ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Раскрыты теоретико-методологические особенности исследования городов и городских пространств с позиции социологии города. Рассмотрены классические социологические теории исследования городских проблем Э. Дюркгейма, К. Маркса, М. Вебера, Ф. Тенниса. С учетом достижений представителей Чикагской школы в статье обобщены основные принципы и подходы к изучению города. На примере распространения китайской культуры в пространстве российских городов определены количественные и качественные методы исследования, позволяющие проверить выдвинутую гипотезу.

Ключевые слова: методология исследования, социология города, Чикагская школа, принципы, подходы, методы.

E. S. Kuzmina

Irkutsk State University, Irkutsk

TO A QUESTION ABOUT THE RESEARCH METHODOLOGY OF CITIES AND URBAN SPACES

The article reveals the theoretical and methodological basis for the study of cities and urban spaces from the perspective of the sociology of the city. The author examines the classical sociological theories of the study of urban problems by E. Durkheim, K. Marx, M. Weber, F. Tannis. Based on the scientific works by sociologists of the Chicago School, the author summarizes the basic principles and approaches to the study of the city. On the example of the promotion of Chinese culture in the space of Russian cities the author defines quantitative and qualitative research methods to verify scientific hypotheses.

Keywords: research methodology, sociology of the city, Chicago School principles, approaches, methods.

С древнейших времен город является объектом изучения для множества научных областей, включая общественные науки, которые направлены на исследование проблем различных сфер жизнедеятельности человека и общества, его истории и культуры. Социологи с XIX в. акцентируют внимание на разных аспектах городских проблем, «социальных болезнях», вызванных негативным влиянием социально-экономических условий на население (нищета, преступность, одиночество, алкоголизм, социальные конфликты и др.). Основатель французской социологической школы Э. Дюркгейм рассматривал разделение труда как социальную основу города. К. Маркс понимал под социальной основой города способ производства. Один из основоположников немецкой классической социологии Ф. Теннис в сочинении «Общность и общество. Основные понятия чистой социологии» писал: «Всюду, где процветает и приносит плоды городская культура, возни-

кает и общество как ее неотъемлемый орган» [1]. Первые исследования города как социокультурного феномена, т. е. обладающего специфическими особенностями исключительно городского образа жизни, проводил немецкий социолог М. Вебер. С середины 1910 до середины 1930-х гг. произошел рост исследований городской тематики благодаря усилиям ученых Чикагской школы (Э. У. Бёрджесс, Л. Вирт, Х. У. Зорбо, Р. Маккензи, Р. Э. Парк, У. А. Томас, А. Хоули). В своих научных трудах с позиции основных методологических принципов изучения города они опирались на принцип историзма (город как развивающийся в конкретной социокультурной среде исторический феномен), принцип синергетики (город как самоорганизующаяся система при переходе от хаоса к порядку), принцип антропологизма (город как пространство жизнедеятельности самого человека и его взаимодействий). Среди распространенных подходов к осмыслению городских проблем социолого выделяли системный и структурно-функциональный подходы, позволяющие целостно исследовать каждый элемент структуры, его функцию и взаимосвязь с другими элементами городской жизни общества.

В качестве основных научных проблем, решаемых социологами в рамках современной городской тематики, выделяются различные аспекты городского пространства: от социально-экологических (антропогенных) до символических (семантических). Например, проблема зонирования городской территории, социально-экономическая ситуация и тенденции развития города, структура городского пространства (информационного, коммуникативного, ментального, социокультурного), городские субкультуры, динамика и качество жизни городского населения и др. Предположим, что социолог планирует ответить на вопрос: как меняется пространство российских городов под влиянием современной китайской культуры. Например, распространение китайских иероглифов в уличных вывесках, в зонах отдыха, в особенности в туристических и иных местах городов Байкальского региона и Дальнего Востока. Разработав программу социологического исследования, социолог с помощью количественных и качественных методов социологического исследования проверяет научную гипотезу о существенном расширении зоны Чайна-таун в российских городах, популяризации использования китайских традиционных рисунков в архитектуре, систематическом проведении культурно-массовых городских мероприятий с китайским вектором. Так, изучив данные официальной статистики, можно подтвердить резкое увеличение с 2010 г. потока китайских граждан в города России с целью туризма, получения образования, изучения русского языка, ведения бизнеса в совместных российско-китайских компаниях. Социологическая проблема, которую необходимо решить, видится в главном противоречии, возникающем между стремлением расширять российско-китайское сотрудничество, в том числе между городами-побратимами, и необходимостью очерчивать границы российской и китайской культуры в городском пространстве.

В рассматриваемом примере исследуемое поле находится в междисциплинарном контексте социологии города, культурологии, урбанистики, лингвистики. С одной стороны, следует опираться на теории М. Вебера, Г. Зиммеля, ученых Чикагской школы, с другой стороны, данную тему необходимо рассматривать в рамках современных социологических теорий символического интеракционизма (Ч. Х. Кули, Г. Блумера), лингвистического поворота в социальных науках Ф. Соссюра, семиотики Р. Барта, урбанистики П. Вирильо, также отечественных социологов китаистов д-ра социол. наук Э. О. Леонтьевой, канд. социол. наук Е. В. Кремнева и китайских социологов Jisun Jung, Rui Yang и др. Методы, которые может использовать социолог: а) включенное наблюдение в различных городских локациях; б) социальное картирование по результатам анализа статистических данных; в) проведение серии качественных интервью с экспертами в России и Китае; г) фокус-группа с российскими и китайскими гражданами (или разных социальных групп, например, студенческой молодежи); д) анкетирование населения российских городов и др. Таким образом, ожидаемым результатом может стать сравнительный ана-

лиз в разрезе различных российских городов по итогам включенного наблюдения и проведенных опросов, разработка социальной карты распространения китайской культуры в российских городах, выявление причин, внешних и внутренних факторов, а также положительных и негативных последствий трансформации российских городских пространств под влиянием китайской культуры. Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем, что основные методы и процедуры сбора данных, которые использовали социологи Чикагской школы, «от статистики и анкетного опроса до городской этнографии» [2, с. 13] по сей день составляют ценность «золотого века» Чикагской школы и широко применяются в исследованиях XXI в.

Литература

1. Теннис Ф. *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии* / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб., 2002. С. 9–15.
2. *Чикагская социология* : сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. Психологии ; сост. и пер. Николаев В. Г. ; отв. ред. Ефременко Д. В. М., 2015. 430 с.

РАЗДЕЛ 2. РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ

CHAPTER 2. THE DEVELOPMENT OF A MODERN CITY AND THE TRANSFORMATION OF URBAN SPACES

УДК 316.48

И. А. Скалабан

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА В ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТАХ. СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ¹

Рассматриваются современное состояние и перспективы исследования городских конфликтов. Опираясь на постмодернистские теоретико-методологические подходы (пространственный, мобилизационный, прагматический) к осмыслению городских изменений доказывается, что они вызывают специфические типы локальных городских конфликтов, и источником является стремление части горожан к защите от вмешательства и изменений. В качестве перспективного концепта для анализа предлагается использовать концепт «оборонительное сообщество».

Ключевые слова: городской конфликт, субъект конфликта, местное сообщество, конфликтное сообщество, оборонительное сообщество.

I. A. Skalaban

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk

DEFENSIVE COMMUNITIES IN URBAN CONFLICTS. FORMATION OF THE CONCEPT

The article explores the current state and prospects of research of urban conflicts. Based on postmodern theoretical and methodological approaches (spatial, mobilization, pragmatic) to the understanding of urban changes, the article proves that they also cause specific types of local urban conflicts. Their source is the desire of some of the townspeople to protect themselves from interference and change. It is proposed to use the concept of “defensive community” as a promising concept for their analysis.

Keywords: urban conflict, subject of the conflict, local community, conflict community, defensive community.

Интенсификация социальных изменений, трансформация текущих социальных практик влечет за собой и трансформацию исследовательских программ их анализа, что в социальных и гуманитарных науках начиная с середины прошлого столетия принято обозначать через метафору «поворот». Риторика поворотов сегодня активно используется в ходе научных дискуссий по многочисленным аспектам социально-гуманитарного

¹ *Статья подготовлена в рамках проекта «Оборонительные сообщества жителей в городских конфликтах» (РГНФ № 20-411-540003).*

знания¹ и фокусирует внимание на методологических изменениях в подходах к осмыслению социального мира, отдельных его аспектов, создает новые дискурсивные пространства. В последние два десятилетия новые и популярные концептуальные конструкции описания и анализа текущих процессов и явлений определяются, как визуальный (visual turn – Р. Барт, Ж. Делёз, В. Берджин), пространственный (spatial turn – А. Лефевр, М. Фуко, Д. Харви, Э. Соля (Зойя), прагматический (practice turn – Л. Болтански, Л. Тевено), мобильный (mobility turn – Дж. Урри) повороты.

Не смотря на различия в исследовательских фокусах, именно город был и остается тем объектом, на эмпирическом материале которого научные концепции, рожденные в рамках выше указанных «поворотов», чаще всего и верифицируют свои теоретические конструкции. Предметом анализа становятся городские изменения: от демографических сдвигов, маргинализации и упадка городов до процессов реноваций, джентрификации, трансформации городской локальности и идентичности под влиянием миграционной и демографической мобильности, изменений характера сетевых отношений, пространств жизни, в частности, соседства и т. д. Широта трансформаций выводит на передний план необходимость анализа специфики вовлечения, участия и проявлений различных видов сопротивления изменениям самих горожан, в том числе через ограничение доступности в «свои» освоенные пространства, закрытие социальных и территориальных пространств или, наоборот, через публичное манифестирование локальных или городских конфликтов.

Городские конфликты многообразны, могут носить одиночный или массовый характер, но наиболее резонансные из них, сохраняя городскую повестку, становятся инструментом влияния на общественные настроения далеко за пределами города. Могут вызывать и вызывают правовые и структурные изменения федерального уровня. К числу наиболее резонансных городских конфликтов последнего десятилетия можно отнести конфликты вокруг строительства храма в сквере у театра драмы (Екатеринбург), закрытия оперы «Тангейзер» (Новосибирск), реновации жилых пространств (Москва), антимусорные протесты (Подмосковье, Шиес). Примечательно, что их участниками и инициаторами все чаще выступают не организованные политические и общественные структуры, а спонтанные группы или сообщества жителей, которые отстаивают свои интересы в противодействии с капиталом или органами власти за право сохранять привычный уклад жизни, за право доступа к городским и природным ресурсам.

Не случайно именно в последнее десятилетие обозначился рост интереса к исследованию городских конфликтов в российском исследовательском поле, где до этого подобные исследования носили скорее единичный характер². Характерная особенность современной исследовательской практики: многообразие дисциплинарных подходов к анализу городского конфликта. Он исследуется социологами [1; 2], политологами [3; 4], юристами [5] и пр.

Оттолкнемся от определения городского конфликта, которое принадлежит И. Р. Медведеву. Он определяет его как «...столкновение интересов «пользователей города» по поводу городского пространства, получившего внешнее выражение» [5, с. 7]. То есть городские конфликты всегда происходят в социальном, территориальном пространстве города, по поводу городской повестки и их основные субъекты являются горожанами или связаны с городом.

¹ К примеру, Дж. Сторм в своей последней работе «Метамодернизм. Будущее теории» (2021) критически комментируя постмодернистский скептицизм перечислил порядка тридцати различных видов «поворотов», которые были декларированы со времен первого из них – лингвистического поворота 1950-60 гг.

² Тем не менее нельзя не отметить роль в становлении традиции анализа городских конфликтов через призму анализа городских сообществ исследовательской группы Т. М. Дридзе. Она обратилась к исследованию проблемы еще в конце 90-х гг.. И в последующие десятилетия ее школа сохраняла активность. К примеру, одна из первых работ: Акимкин Е М, Дридзе Т М, Цой Л. Н. Опыт согласования интересов конфликтующих сторон // Россия трансформирующееся общество / Под редакцией В.А. Ядова. – М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С. 576-589.

Заметим, что далеко не все конфликты, разворачивающиеся в городах, могут претендовать на статус городского конфликта. Город – это еще и пространство многообразных внутрigrупповых и междугрупповых конфликтов, реализуемых в пространстве частных хозяйственных отношений или на границе между частным и публичным: соседские конфликты, конфликты ТСЖ и жильцов с управляющими компаниями, конфликты молодежных группировок, организованных, к примеру, по территориальному или субкультурному признаку, внутридиаспоральных и междиаспоральных конфликтов и т. д. Они могут оставаться за пределами публичного пространства в случае, если в их протекание не вовлечены публичные институты и они не реализуются в публичной сфере социальной жизни, которая по мнению Ю. Хабермаса соответствует ряду признаков: имеет институциональную природу, обсуждаемые вопросы и принимаемые решения формулируются как общезначимые и по поводу них формируется общественное мнение.

Как объект исследования городские конфликты в отличие о микро или макроуровневой обладают определенной уникальностью, так как являются своеобразным перекрестком разных социальных пространств городской повседневности: приватной (личной), публичной (общественной), со свойственной им социально-территориальной локализацией проблем, ориентации на достижение практического результата, определенной персонафикацией взаимодействий, устойчивыми статусами, режимами оправдания и публичности. Выше этого уровня – конфликты социальных групп и институций, ниже частные конфликты, разворачивающиеся преимущественно вне публичного пространства и, как следствие, существенно меньше влияющие на текущие городские процессы. Хотя в определенных ситуациях, из предмет может быть переформулирован из частной, к примеру, соседской повестки, в публичную.

Важно учитывать, что городские конфликты, за редким исключением, не представляют собой общегородские конфликты. Чаще всего это конфликты городских локальностей, объединенных по разным основаниям.

В общем приближении субъектами формирования городских локальностей в условиях конфликта могут выступать сообщества разного типа. Воспользовавшись типологией сообществ П. Уиллмотта [6] их можно отнести к трем типам. К территориальным – пространствами и субъектами в этом случае выступают те или иные конфигурации сообществ места. Например, жители одного жилого комплекса или микрорайона, территории расположенной по близости от объекта, ставшего источником конфликта. *Интересов* – локальности, состоящие из участников – носителей общих интересов (сообщества интересов) объединенных общим вниманием к какой-то значимой для них городской проблеме. Например, представители профессиональных групп (архитекторы, краеведы или экологи) и разделяющие интерес иные неравнодушные граждане, выступающие в защиту культурного памятника, парка или бора. Наконец субъекты, объединенные по признакам общей идентификации (привязанности) – религиозной, этнокультурной, субкультурной и т. д. (сообщества союза). В конфликтах это может проявляться в противостоянии между «местными» и представителями цыганской общины, религиозной группы и т. д. Однако следует согласиться с мнением Е. В. Тыкановой и А. М. Хохловой, справедливо отметившими, что признак общности интересов и форм поведения перестает быть релевантным, когда объектом исследования становятся крупные, внутренне гетерогенные сообщества и особенно воображаемые сообщества, члены которых не обязательно включены во взаимодействия лицом к лицу [1]. В таком случае мы имеем дело со смешанным типом сообществ. Участие в них носит избирательный характер, они формируются вокруг проблемы, значимость и необходимость участия в разрешении или хотя бы привлечения внимания к которой разделяют участники.

Многообразие и сложность формирования конфликтных сообществ актуализирует поиск новых подходов к осмыслению конфликтов в перманентно изменяющемся городе. И в этом отношении применение потенциала концепций, составивших основу указан-

ных выше теоретико-методологических «поворотов», сформировавшихся в логике постмодернистской традиции к анализу городских процессов, выглядит перспективным.

Широкие теоретические рамки анализа здесь может задавать постмодернистская традиция Лос-Анжелеской школы анализа городских изменений, пришедшая на смену модернистскому экологическому подходу Чикагской школы Парка-Берджесса. Её сторонники задались вопросом, правильно ли рассматривать город как единое целое, организованное определенной логикой роста, предлагая гораздо менее последовательную картину – такую, которая рассматривает город как пространство неоднородности, разобщенности, глобальной реструктуризации и конкурирующих жизней и воображений [7–11]. Это само по себе делает конфликт естественной частью городских изменений конкретных локальностей. В этих условиях источниками конфликтов становятся изменения, происходящие в социальном и физическом пространстве города. К примеру, нарастание мобильности, осуществляемой в том числе через инструменты принуждения ведет к пересмотру границ, разрушению устойчивых связей и идентификаций, актуализируя и процессы пространственной контрмобильности, иммобильности, блокирования, закрытия границ [12].

Исходя из вышесказанного, существует потребность в эмпирическом описании особого типа городских конфликтов – конфликтов, инициированных с целью защиты и противодействия изменениям. Их удельный вес в городской повестке, разворачивающейся с участием групп общественности, сформированным по территориальному признаку или объединенных общим интересом и манифестированных в публичном пространстве города сегодня превалирует над иными видами городских конфликтов. Это конфликты сопротивления точечной застройки, расположения мусорных полигонов или опасных предприятий, появления на территории новой транспортной инфраструктуры (трасс, мостов и др.), защиты парков, лесов, памятников культуры либо объектов, которые участники сопротивления рассматривают как таковые. В случае, когда субъекты и инициаторы конфликтов – это представители местных сообществ, которые сопротивляются инициируемым изменениям, выход в публичное пространство становится ресурсом для его участников. Дополнительным фактором формирования таких конфликтных сообществ стало развитие цифровых технологий и виртуальных социальных сетей, что создало эффективные инструменты мобилизации, изменило механизмы, скорость формирования включенных в конфликты сообществ, масштаб их репрезентации в публичном пространстве.

Традиция исследований, в которых локальная городская субъектность формируется вокруг сопротивления и защиты изменениям в зарубежной социологии насчитывает много десятилетий. Впервые проблема стала предметом изучения в США в 60-гг. в процессе анализа проблем расовых отношений, в том числе, на уровне отдельных сообществ. В начале 1970-х эта концепция окончательно оформилась в концепцию оборонительных (защищенных) районов и оборонительных сообществ. Под влиянием коммунитаристского подхода А. Этциони, впервые указавшего на высокий потенциал локальных сообществ к мобилизации [13; 14], в США в начале 70-х гг. Геральд Саттлс предложил концепцию оборонительного соседства (*defended neighborhood*) и ввел категорию «оборонительное сообщество» (*defended community*) [15; 16]. Суть ее заключалась в том, что при угрозе вторжения или изменений извне жители некоторых районов будут реагировать территориально и работать, чтобы защитить границы своих сообществ от наследования или нежелательного влияния. Он акцентировал внимание в большей степени на межкультурных, межрасовых аспектах предложенной концепции.

В ходе эмпирических исследований он отметил следующую закономерность: усиление оборонительных функций местного сообщества происходит в случае, если его члены осознают возможность угрозы идентичности (к примеру, «расового вторжения») со стороны соседнего сообщества. При этом исследователь отмечал, что реализация оборонительной функции скорее свойственна сообществу, осознающему себя социально и

экономически стабильным и готовым защищать возможность поддержания желаемых условий. Её сторонники отмечали, что оборонительный характер может проявлять себя не только через открытое противостояние (вступающее в конфликт оборонительное общество), но и через усиление границ; социальную, расовую, этническую изоляцию от социальных аутсайдеров; поддержание общественной безопасности преимущественно через нормы неформального общественного контроля, в крайних своих проявлениях, доходящих до создания климата, оправдывающего преступления на почве ненависти [17, с. 825]. Так возник феномен защищенного района – это «жилой социальной системы, которая отгораживается от других территорий и нерезидентов с помощью социальных или физических механизмов» [18, с. 87] в качестве защиты от миграции этнических «других» по соседству в попытке сохранить общую идентичность и образ жизни в своем сообществе.

Начиная с 80-х гг. прошлого столетия анализ функции защиты (обороны) интересов локального сообщества или отдельных групп его составляющих, осуществляется социологами и урбанистами в двух теоретических традициях, каждая из которых обладает эвристическим потенциалом для анализа напряжений и конфликтов, вызванных угрозой изменений в сообществах. При этом, если одна из них вышла из академических социологических работ, то вторая из практик городского планирования.

Первая концепция, уже отмеченная выше, – это концепция оборонительного соседства. Вторая концепция, хотя и оформилась в американской социологии в 80-е гг., вышла из осмысления практик сопротивления угрозам вторжения в сообщество потенциально опасных объектов (к примеру, атомных электростанций) специалистами в сфере планирования 70-х. Речь идет о концепции NIMBY [19]. И хотя ее авторы не используют «оборонительные» категории, однако рассматривают позицию «not in my backyard» как сопротивление отдельных индивидов, групп и спонтанно формируемых сообществ местному гражданскому проекту, воспринимаемому как угрозу или источник понижения цены своей недвижимости, при общей приемлемости и одобряемости ими подобных проектов в других местах. Последнее обстоятельство и делает эти концепты различными.

Ориентированные на противодействие изменениям среды, осуществляемым не в интересах местных жителей, обе концепции стали значимым инструментом для осмысления противоречивости защиты конфликтными сообществами значимых для них ценностей, норм и объектов и могут применяться не только в сфере межрасовых отношений.

По мнению современных американских исследователей, изучение расовых и этнических отношений в американских кварталах 1960–1970 гг., возможно, чрезмерно полагалось на предположение о том, как расовые и этнические сдвиги служат предвестником жилой и экономической нестабильности в микрорайонах – предположение, которое противоречит современной реальности увеличения числа стабильно расово разнообразных кварталов в разных районах США. Первоначально декларированная как типология дискретных кварталов Г. Саттлса, сегодня «защищенность» более уместно концептуализировать как характеристику районов и сообществ, которая меняется в ответ на изменения демографических и структурных условий. Сегодня оборонительные сообщества интерпретируются как набор процессов, с помощью которых жители ищут и создают стабильность посредством поддержания желаемых условий и предотвращения нежелательных изменений [20].

Западные исследователи сосредоточились на изучении скорее оборонительных сообществ – NIMBY-сообществ, в то время как фокус внимания российской науки более сосредоточен на различных типах городских конфликтов, практиках конфликтования, а не специфике их участников. Между тем расширение протестной повестки, массовый рост и драматургия конфликтов в локальных сообществах крупных городов и мегаполисов показывает, что активность самоорганизующихся групп жителей – субъектов конфликта готовых к защите от изменений или вмешательства, может выходить за рамки одного конфликта и становиться мобилизационным ресурсом и движущей силой иных

конфликтов, а также новых практик гражданского партнерства и активизма в социально или территориально близком пространстве.

Обращение к концепту оборонительных сообществ в России особенно перспективно, что позволяет описать сообщества, которые сегодня становятся неконтролируемыми и непрогнозируемыми субъектами или ресурсами для других субъектов конфликта на политической сцене города. Неясны их мобилизационные механизмы, факторы устойчивости, векторы развития, вероятность сохранения сформировавшихся сообществ после завершения конфликта и сценарии их трансформации на постконфликтном этапе. Это влечет за собой неопределенность в выборе стратегий управленческого воздействия со стороны органов местной власти. Без понимания механизмов и инструментов формирования этих сообществ невозможно прогнозировать их развитие и эволюцию, нельзя гарантировать, что эти сообщества не будут использованы в целях распространения экстремистской идеологии и политики.

Литература

1. Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства // Социология власти. 2014. № 2. С. 104–122.
2. Тыканова Е. В. Уровни участия локальных активистов в борьбе за городское пространство // Город. Среда. Политика. 2018 : сб. материалов науч.-практ. конф. / под ред. Л. А. Гайнутдиновой и М. В. Невзорова. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 37–42.
3. Глухова А. В., Кольба А. И., Соколов А. В. [Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса)] // Человек. Сообщество. Управление. 2017. № 4. С. 44–65.
4. Кольба А. И., Соколов А. В. Городской конфликт: проблемы дефиниции, типологизации и управления // Конфликтология. 2016. № 4. С. 234–252.
5. Медведев И. П. Разрешение городских конфликтов. М. : Инфотропик Медиа, 2017.
6. Willmott P. Community Initiatives. Patterns and prospects. London : Policy Studies Institute. 1989.
7. Soja E. W. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. New York : Verso, 1989.
8. Соя (Соджа) Э. У. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов // Логос. 2003. № 6(40). С. 133–150.
9. Dear M. The Postmodern Urban Condition. Oxford : Blackwell Publishers. 2000.
10. Garreau J. Edge City: Life on the New Frontier. New York : Anchor Books. 1991.
11. Variations on a Theme Park: The New American City and the End of Public Space / ed. Sorkin M. New York : Hill and Wang, 1992.
12. Веселкова Н. В. Новые исследования мобильности: совпадающие и несовпадающие потоки и социальная компетентность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 3. С. 55–66.
13. Etzioni A. The active society. New York : Free Press, 1968. 504 p.
14. Etzioni A. Mobilization as a macrosociological conception // The British Journal of Sociology. 1968. Vol. 19, N 3. P. 243–253.
15. Suttles G. The Social Construction of Communities. Chicago : University of Chicago Press, 1972.
16. Suttles G. The Defended Community // The Social Construction of Communities / ed. G. D. Suttles, Chicago : University of Chicago Press, 1972. P. 21–43.
17. Lyons C. Community (Dis) Organization and Racially Motivated Crime // American Journal of Sociology. 2007. Vol. 113, N 3. P. 815–863.
18. Schwirian, Kent P. Models of Neighborhood Change // Annual Review of Sociology 1983. Vol. 9. P. 83–102.
19. Borell K., Westermark Å. Siting of human services facilities and the not in my back yard phenomenon: a critical research review // Community Development Journal. 2018. Vol. 53, Issue 2. P. 246–262.
20. Kadowaki J. The Contemporary Defended Neighborhood: Maintaining Stability and Diversity Through Processes of Community Defense // City & Community. 2019. Vol. 18, N 4. P. 1220–1239.

ГРУППОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРОДСКИХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ¹

В дискурсе изучения городских конфликтов рассматривается проблема формирования и развития идентичности оборонительных сообществ. Предпринимается попытка выявления механизмов формирования групповой идентичности на основе экстерииоризации и интерииоризации. Объясняется специфика идентичности оборонительных сообществ; факторы, влияющие на скорость формирования. Предполагается наличие связи между сплоченностью/солидарностью и групповой идентичностью, а также ставится вопрос о методиках измерения и критериях идентичности участников оборонительных сообществ.

Ключевые слова: городские конфликты, оборонительные сообщества, групповая идентичность, сплоченность.

L. A. Osmuk

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk

GROUP IDENTITY OF URBAN DEFENSIVE COMMUNITIES

The article in the discourse on the study of the urban conflicts considers the problem of the formation and development of the identity of the defensive communities. An attempt is made to the identify mechanisms for the formation of group identity based on exteriorization and interiorization. The specificity of the identity of defensive communities is explained; factors affecting the rate of formation. It is assumed that there is a link between cohesion/solidarity and group identity, as well as a question about methods of measuring and criteria for the identity of participants in defensive communities.

Keywords: urban conflicts, defensive communities, group identity, cohesion.

Актуализация проблематики сообществ [1] связана, с нашей точки зрения, с двумя обстоятельствами: 1) усилением социальной дифференциации и изменениями в социальной структуре обществ; 2) усилением динамики жизни в целом, заставляющей социальных субъектов реагировать на постоянные изменения, нарушающие привычные условия и провоцирующие конфликты. Обозначенные процессы более четко проявляются в городе, что привело к выделению городских сообществ в самостоятельный предмет изучения. Существует еще одна особенность современного исследовательского дискурса городских сообществ: они все чаще рассматриваются в контексте развития гражданского общества, что наводит на мысль об их активизации. Активность граждан проявляется, в том числе, через способность интегрироваться в группы, решающие общие проблемы и/или направленные на защиту своих интересов. В этом случае, как только происходит объединение и появляется то, что мы называем сообществом, личные интересы начинают пониматься как групповые. С нашей точки зрения, и экстерииоризация личных интересов, и интерииоризация коллективных интересов подразумевают существование узкой групповой идентичности, которая связывает участников оборонительного сообщества и позволяет ощущать им себя как единое целое.

Экстерииоризация (процесс превращения внутреннего психического действия во внешнее) связана здесь с тем, что потребности и интересы каждой отдельной личности участника оборонительного сообщества находят понимание и поддержку других участников, чьи потребности и интересы являются идентичными или близкими друг другу, и при условии активности некоторого числа этих участников (коммуникативной и деятельностной) воспринимаются уже как общие, групповые. Однако групповая идентичность оборонительных сообществ может строиться и на интерииоризации (превращение структур внешней деятельности в структуры психики), когда интересы территории, более крупного корневого сообщества, общества в целом принимаются как личные отдель-

¹ *Статья подготовлена в рамках проекта «Оборонительные сообщества жителей в городских конфликтах» (РГНФ № 20-411-540003)*

ными людьми, что при условии возможности обсуждения усвоенных, интериоризированных идей в группе, делает эту группу способной и готовой к действиям.

В социологии обращение к психологическому механизму интериоризации использовалось для описания отношений между личностью и обществом, для объяснения, как и почему человек включается в социальное пространство и, в том числе, в повседневную жизнь города (Э. Дюркгейм, Дж. Мид, Н. Элиас): наблюдая за типовыми социальными действиями и взаимодействиями, проявлением норм и правил поведения, индивид преобразует их во внутренние мотивы и личностные ценности. Можно предположить, что для представителей оборонительных сообществ интериоризация имеет фокусированный характер, где в фокусе внимания оказывается реакция общества на конкретную тему/событие/ситуацию. Например, когда человека в большей степени начинают волновать экологические проблемы и он принимает как «свои» нормы, ценности и формы борьбы инвайронментализма. Конкретная ситуация в городе, требующая оборонительных действий, может собрать вокруг себя людей с уже сложившимися релевантными ценностями и паттернами поведения. В этом случае, скорее всего, групповая идентичность сформированного оборонительного сообщества будет складываться в два этапа: 1) ранее сложившаяся идентичность выбранному социальному движению; 2) идентичность группе, разделяющей идеи и ценности выбранного социального движения, но имеющей уже собственные цели.

Интериоризация/экстериоризация и идентификация могут считаться двумя рядоположенными процессами, поскольку оба построены на сравнении и принятии. Но, если в первом случае усваиваются паттерны поведения, нормы и ценности, то во втором – формируется представление человека о самом себе. Групповая идентичность, как указано выше, может формироваться через экстериоризацию или интериоризацию. Для объяснения групповой идентичности оборонительных сообществ это крайне важно, поскольку позволяет описать поведение активной группы. Вопрос относительно того, как именно складывается, развивается и исчезает групповая идентичность оборонительного сообщества напрямую связан с ее способностью защищать (оборонять) свои интересы и/или интересы общества и добиваться результатов. Такая постановка проблемы расширит понимание того, что такое оборонительное сообщество, и поможет ответить на вопрос, почему одни люди могут защищать интересы, а другие – нет.

Рассматривая процесс формирования групповой идентичности оборонительных сообществ, следует учесть, что такое сообщество является, как правило, достаточно узкой группой, которая создается спонтанно и быстро. А. Мелуччи описал подобный процесс появления коллективной идентичности при исследовании общественных движений («Кочевники настоящего», 1989). В отличие от оборонительных сообществ общественные движения – более широкая и размытая группа, однако она также основывается на оборонительном потенциале – защите интересов. Для того чтобы объяснить, как возможны активные коллективные действия и чем обусловлена мотивация, складывающаяся у целого сообщества, собранного вокруг идеи, А. Мелуччи обращается к феномену групповой идентичности [4]. Групповая идентичность – это всегда переживание принадлежности к группе ее членами. Участники общественного движения разделяют общую ориентацию, делают они это одновременно осознанно и эмоционально, принимая решение действовать вместе. Аналогичные процессы имеют место в городских оборонительных сообществах, где групповая идентичность также позволяет быстро перейти к действиям. Как это возможно? Убежденность субъектов в том, что надо защищать и в том, как надо действовать, становится общей убежденностью, на основании чего возникает понимание, что все включенные в сообщество убеждены в такой же степени. Убежденность есть основание для входа других в сообщество. Убежденность позволяет за короткий срок сформировать свою групповую манеру общения и даже некоторый общий ритм жизни.

Как читает П. Степанцов [5], общностные отношения задаются, не только пространственной, но и «временной синхронизацией жизни людей». Это касается, прежде всего, сообществ, привязанных к территории, где у субъектов совпадают временные ритмы, сильна историческая память и есть более или менее общие представления о совместном будущем. Однако оборонительные сообщества создаются вокруг конкретного прецедента и их существование резко ограничено во времени. Тем не менее, тезис синхронизации жизни может относиться и к ним. Договариваясь о совместной оборонительной деятельности, участники не просто проводят акцию или несколько акций, они выстраивают отношения, в которых происходит относительная синхронизация их жизни (оборонительные акции отнимают достаточно времени и сил). Возникая, оборонительные сообщества могут существовать достаточно долго (несколько лет) при условии поддержания связей. Складывание групповой идентичности в оборонительных сообществах происходит параллельно синхронизации. Другими словами, идентичность формируется относительно быстро, благодаря убежденности индивида в идее и необходимости отстаивать интересы. Другими словами, конфликт становится благотворной средой для ускоренного процесса идентификации, выражающегося в создании установки: «мы – группа». При этом формируется понимание, что «мы» – это сообщество, готовое и способное отстаивать интересы, т. е. готовое и способное к деятельности. В определенном смысле участники должны «посвятить себя» оборонительной деятельности, в связи с чем периодическое нахождение в группе (обсуждение и реализация планов online или offline) занимает какое-то время. Чем серьезнее задача и планы сообщества, тем больше времени они отнимают. Соответственно, интенсивность групповой идентификации напрямую зависит от интенсивности групповой деятельности, синхронизирующей жизнь участников.

Жизнь современных городских оборонительных сообществ (как и городских сообществ вообще) в большинстве случаев протекает online. Так, социальные связи или рождаются, или дополняются, прирастают другими участниками в сети. Именно в сети коммуникации, благодаря постоянному общению и обсуждению волнующей всех проблемы, приобретают устойчивую конфигурацию и перерождаются в то, что называется «социальная связь». В отличие от коммуникаций социальная связь – более или менее устойчива, она основывается не только на передаче информации и ее переживании, но на идентификации участников сети в качестве «своих», «нужных», «посвященных в тему». Социальная связь является механизмом, обеспечивающим коммуникации между ее участниками в будущем, она направлена на будущее и предполагает, в том числе, обращение за поддержкой. Так складывается сетевое сообщество, индикатором которого изначально является идентичность.

Сетевое сообщество поддерживается интенсивностью коммуникаций, что важно для сообществ оборонительных, поскольку интенсивность сети позволяет: 1) со всех сторон обсудить план оборонительных действий offline; 2) высказать свою точку зрения и получить эмоциональную поддержку. Можно предположить, что степень интенсивности коммуникаций в сети является индикатором выхода в offline оборонительного сообщества. Есть еще одна гипотеза, которая, с нашей точки зрения, позволяет считать сети наиболее комфортной площадкой для жизни оборонительного сообщества: в определенном смысле сеть снимает ответственность с участников оборонительного сообщества, обеспечивает им некоторую защиту. Оборонительное сообщество всегда направлено «против»: против действий и решений власти (чаще муниципальной), коммерческих и государственных организаций. При этом достаточно часто направленность такого рода персонифицирована. Для участия в оборонительном сообществе человек должен обладать некоторой решительностью, и даже смелостью. В определенном смысле (хотя и грубо) здесь можно провести аналогию с групповой идентичностью армейских формирований в период боевых действий, которая строится, с точки зрения некоторых исследователей (Stouffer, Samuel, 1949) на сложившемся в видении ситуации, в результате которого

участникам стыдно или не стыдно проявлять храбрость и энтузиазм. Оборонительные сообщества тоже строятся на инициативе (энтузиазме), и внутри оборонительных сообществ начинают действовать те же механизмы внутренней морали: при высокой степени идентичности и организации сообщества участникам становится стыдно не поддерживать идею и действия.

Но решительность может формироваться и постепенно: для кого-то важно осознать необходимость защиты, правильность своей позиции – т. е. необходимо время. В этом смысле, сеть – свободное и безопасное пространство, позволяющее максимально полно получить информацию об интересующей тебя проблеме и понять ее важность, осознать свои интересы и принять для себя определенные решения, идентифицировать себя с сообществом, в которое ты попал случайным или неслучайным образом. Идентичность участников может формироваться быстрее или медленнее, в зависимости от важности ситуации и необходимости ее быстрого решения. Если ситуация требует незамедлительных действий, то и оборонительное сообщество появляется стремительно и иногда кажется «на пустом месте». Но возникает вопрос, что с идентичностью? Успевают ли участники осознать себя в качестве группы или остаются отдельными субъектами, объединенными на период выступления, акции. Очевидно, что идентичность может начать складываться незадолго или в процессе акции, но после этого закрепляется в процессе коммуникации. Другими словами, оборонительное offline-сообщество переходит в online в новой качественной форме.

Процесс идентификации по мере формирования и существования оборонительного сообщества приводит к закреплению за участниками социальных ролей: лидеров, «поддерживающих» и «примкнувших» к сообществу. Групповая идентичность (отождествление себя с группой) лидеров и поддерживающих их участников будет значительно сильнее, чем идентичность «примкнувших». Наверное, убежденность лидеров отвечает за то, сколько участников будут в значительной степени отождествлять себя с группой. Небольшая группа (предположим, 10–20 человек) будет иметь более сильную групповую идентичность при условии наличия убежденного лидера/лидеров, способного/способных поставить цель и организовать группу, и короткого периода трансформации мотива в готовность к действию. По мере увеличения группы (оборонительного сообщества), вследствие получения информации через сети или в очном общении, увеличивается количество «примкнувших», но тогда появляется ядро оборонительного сообщества с выраженной идентичностью и его периферия со слабой идентичностью. Проблема заключается в том, что такое оборонительное сообщество представляет собой менее сплоченную группу, а по мере завершения оборонительных действий, быстро распадается. От устойчивости групповой идентичности зависит устойчивость группы, время ее существования.

Групповая идентичность является основой сплоченности и солидарности группы. В рамках типологии сплоченности В. Ландекера (выделяются четыре типа сплоченности: культурная, нормативная, коммуникативная и функциональная) [3] сплоченность оборонительных сообществ скорее всего имеет коммуникативный и функциональный характер. Так, коммуникативная сплоченность связана с охватом информацией и, соответственно, смыслами всей общности. Первый этап формирования оборонительного сообщества – всегда обсуждение проблемы и организация через коммуникацию. Такая общность как оборонительное сообщество в качестве смыслов, чаще всего выделяет, все, что связано с возвращением status quo объектов на территории, ресурсов сообществ и др., все, что связано с «социальной справедливостью», «объединением сил в борьбе за интерес». Эти же императивы лежат в основании идентичности. То есть сплочение группы основывается на коммуникации только тех индивидов, которые будут причастны к самой теме коммуникаций, а также к ценностям (устойчивым смыслам). Коммуникативная сплоченность связывает участников оборонительного сообщества только на первом этапе формирования идентичности. Последняя укрепляется на этапе формирования функцио-

нальной сплоченности, когда становится понятным, что кроме слов, необходимы еще и действия. Функциональная сплоченность зависит от того, в какой степени члены сообщества, ранее были в большей части разобщенными, зависят от взаимопомощи и сотрудничества. Важно подчеркнуть, что городская среда способствует индивидуализации и отчуждению индивидов, в связи с чем возможность их объединения в защиту интересов становится затрудненным процессом и формирование идентичности – есть шанс сплотить группу и почувствовать участникам единым целым, хотя бы на некоторое время.

Существенным фактором, способствующим формированию и укреплению групповой идентичности, является конфликт (в данном случае – городской конфликт), конфликтная ситуация – «удобный» дискурс объединения разрозненных до этого момента субъектов в группу, имеющую оборонительный характер. Надо полагать, что процесс сплочения происходит достаточно быстро, и, чем острее конфликт, тем скорее он подталкивает к объединению. Это связано с необходимостью реагировать на ситуацию. Идентичность в этом случае является единственным способом не просто понять, что «Я такой же, как остальные, поскольку наши интересы совпадают», но быть уверенным, что все будут действовать идентично. Однако дальнейшее протекание конфликта, включение в него новых участников и ресурсов – постепенно изменяют групповую идентичность, сложившуюся на эмоциональной основе. Кто-то из участников осознает, что случайно попал в группу, кто-то по мере развития конфликта удовлетворяет свои интересы, кто-то занимает позицию наблюдателя: в оборонительном сообществе, как и в любой социальной группе, начинает формироваться неформальная структура (лидеры, ядро, примкнувшие, подгруппы). Вместе с этим групповая идентичность может или ослабнуть, или, напротив, стать сильнее. В случае более или менее продолжительного существования оборонительного сообщества появляется то, что называется социальной солидарностью, готовностью осознанно поддержать других участников. В основании социальной солидарности лежат уже не только интересы, но и ценности. Другими словами, можно говорить о том, что групповое оборонительное сообщество приобретает идеологию (некоторую систему ценностей и идей) и стратегию (продуманное видение достижения целей).

Можно предположить, что на этом этапе изменяется сам характер групповой идентичности оборонительного сообщества. Группа уже не просто реагирует и защищает свои интересы, но формулирует свои позиции как гражданские. Стало быть, и идентичность группы связана с тем, что ее участники осознают себя в качестве граждан. Гражданская идентичность – есть осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан (А. Г. Асмолов). Именно в таком виде оборонительное сообщество «представляется» другим (в том числе, власти).

Участие в оборонительных сообществах изменяет Я-структуру каждого из участников. Изменение идентичности отдельных субъектов строится, как правило, на переходе от пассивной позиции к активной. Измеряя идентичность каждого из участников, можно сделать вывод о групповой идентичности всего сообщества. Для измерения идентичности К. Личем была разработана двухуровневая модель идентификации, возможно использование методики, разработанный Е. Р. Агадуллиной и А. В. Ловаковым. Опросник предназначен для изучения идентификации с разными группами, поэтому при его использовании в текст добавляется название ингруппы (например, женщины, жители России и т. д.). С нашей точки зрения, для анализа идентичности участников оборонительных сообществ можно использовать следующие критерии:

1. Описание себя через готовность/способность действовать соответствующим образом (например, индикаторы – «Я – человек, который может отстаивать свои интересы и интересы ближних; Я – отвечаю за других; Я – не могу остаться в стороне, когда нарушаются законы»).

2. Описание себя через социальный статус (например, индикаторы – «Я – гражданин, Я – член оборонительного сообщества»).

3. Описание себя через принятие/непринятие социальных стереотипов, социальных ценностей (например, индикаторы – «Я – не люблю зарвавшихся чиновников», «Я – не люблю людей, не соблюдающих закон», «Я – стараюсь быть честным и бескомпромиссным»).

Подводя итог, стоит заметить, что групповая идентичность оборонительных сообществ – тема, требующая раскрытия, это связано с необходимостью анализа городских конфликтов, в которых все чаще основными участниками становятся целые организационные группы граждан [2].

Литература

1. Кольба А. И. Конфликты в процессе функционирования городских сообществ: современное состояние исследований // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6, № 1. С. 20–29.
2. Скалабан И. А. Конфликты в крупном городе: особенности манифестирования и мобилизации // Векторы развития современной конфликтологии : сб. материалов 3-го Всерос. конфликтолог. науч.-практ. форума. Ростов-на-Дону, 3–4 дек. 2019 г. Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2019. С. 22–24.
3. Landecker W. S. Types of Integration and their Measurement // The Language of Social Research / Ed. by P. Lazarsfeld, M. Rosenberg. N. Y., 1962.
4. Melucci A. Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society. Philadelphia, PA: Temple University Press, 1989.
5. Степанцов П. Сообщества и городская среда. URL: <https://postnauka.ru/faq/11357> (дата обращения: 01.05.2021).

УДК 316.334.2+316.334.56

О. В. Кобяк, И. А. Андрос

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск

ОСВОЕНИЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И УЛУЧШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ГОРОЖАН

На основе данных республиканского социологического исследования, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в 2019 г., обосновано, что освоение горожанами новых технологий способствует укреплению их положения на рынке труда, обеспечивает большую трудовую мобильность, повышает активность экономического поведения, улучшает доступность различных социальных практик, укрепляет материальное положение.

Ключевые слова: новые технологии, горожане, экономическое поведение, профессиональная конкурентоспособность, качество жизни.

A. V. Kabiak, I. A. Andras

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

LEARNING TO USE NEW TECHNOLOGIES AS A PREREQUISITE CONDITION FOR INCREASING THE LEVEL OF PROFESSIONAL COMPETITIVENESS AND IMPROVING THE QUALITY OF LIFE OF CITIZENS

Based on the data of a Republican sociological study, conducted by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus in 2019, authors of the article conclude that the learning to use new technologies by citizens helps to improve their position in the labor market, ensures greater labor mobility, increases the activity of economic behavior, improves the availability of various social practices, strengthens the financial situation.

Keywords: new technologies, citizens, economic behavior, professional competitiveness, quality of life.

Новые технологии стремительно входят в нашу жизнь и получают всё большее распространение в повседневных социальных практиках. Ожидаемой особенностью данного процесса, в территориальном аспекте, является доминирующая роль горожан. На примере республиканского социологического исследования, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в 2019 г. (во всех регионах республики, среди городского и сельского населения методом анкетирования опрошено 2099 чел.) можно утверждать, что жители городов, по сравнению с сельчанами, активнее использу-

ют новые технологии (табл. 1). В так называемые группы «лояльных» (тех, кто выбрали первый или второй вариант ответа) вошли немного более половины опрошенных (52,5 %) из числа сельских жителей и более двух третей (68,3 %) из числа горожан. Поэтому в ходе дальнейшего анализа мы сконцентрируем своё внимание на жителях белорусских городов, принимая всю их совокупность (1553 чел.) за 100 %.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Могли бы Вы сказать, что «дружите» с новыми технологиями?», %

Варианты ответа	Село	Город
Да. Я с удовольствием разбираюсь со всеми доступными новинками и по возможности использую их в своей жизни	20,6	24,9
Скорее да. При освоении новинок трудности возникают, но я их преодолеваю	31,9	43,4
Скорее нет. Я стараюсь избегать технологические новинки и использую их только по необходимости	22,6	14,1
Определенно нет. Мне не нравится столь широкое внедрение технических новинок и я стараюсь обходиться без них	16,7	8,7
Затрудняюсь ответить	8,2	8,9
Итого	100,0	100,0

С целью сравнительного анализа будем рассматривать две группы горожан. Первые (68,3 %) – назовём их «Ориентированные» – отметили, что в общем «дружат» с новыми технологиями. Вторые (22,8 %) – назовём их «Сторонние» – стараются обходиться без них (см. табл. 1). Дадим краткие социально-демографический портреты двух групп, включающие половозрастные и образовательные характеристики. Среди Сторонних мужчины составляют 38,9 %, женщины – 61,6 %. Средний возраст по группе – 58 лет. Группа Ориентированных более сбалансирована по признаку пола: мужчины – 47,8 %, женщины – 52,2 %. Средний возраст – 36 лет. Показатель уровня образования в среднем по группе по 10-балльной шкале, где 1 минимальное значение (когда все необразованные), а 10 – максимальное (все имеют учёную степень), у Сторонних – 5,7 балла, а у Ориентированных – 6,3 балла.

Группы заметно отличаются по ценностным ориентациям в трудовой деятельности. Хотят быть на работе относительно самостоятельными 20,4 % Сторонних и 32,6 % Ориентированных. Стремятся реализовать свои знания, опыт, квалификацию 10,0 % в первой группе и 21,7 % во второй. Ценят возможность повышения квалификации за счет организации 6,5 % первых и 10,2 % вторых. Вместе с тем Ориентированные сравнительно в меньшей мере «привязаны» к конкретной работе. В этой группе иметь стабильное место работы важно для 33,4 %, в то время как аналогичная доля в группе Сторонних составила 44,0 %. Предыдущие авторские исследования [1] показывают, что весомость в сознании субъектов таких ценностей, как самореализация, образование и мобильность способствует укреплению их профессиональной конкурентоспособности и определяют формирование экономического поведения, нацеленного на успешное решение стратегических задач.

Профессиональная конкурентоспособность является комплексной динамичной характеристикой социальных субъектов, которую наиболее фактурно можно выявить и оценить в рамках экономико-социологического подхода [2] с применением сравнительного анализа. Распределение ответов представителей выделенных групп (табл. 2) показывает, что во всех случаях, связанных с повышением профессиональной квалификации, трудовой мобильностью, получением нового или дополнительного образования, приобретением либо усовершенствованием навыков работы с интернет-ресурсами, компьютерной техникой, бытовыми технологическими новинками, Ориентированные, по сравнению со Сторонними, проявляют заметно большую активность.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Что из перечисленного произошло с Вами за последние 5 лет?», %

Варианты ответа	Сторонние	Ориентированные
Повысил профессиональную квалификацию по инициативе нанимателя согласно плана повышения квалификации работников организации	11,5	25,7
Повысил профессиональную квалификацию по собственной инициативе	6,8	33,5
Продвинулся по карьерной лестнице	4,1	17,5
Сменил место работы	13,9	33,7
Нашел дополнительную работу	5,3	12,3
Повысил уровень своего дохода	11,8	35,2
Получил новую профессию, квалификацию, навыки	8,3	33,8
Усовершенствовал навыки работы на компьютере	15,0	55,0
Усовершенствовал навыки работы с интернет-ресурсами (сайты, поисковые ресурсы, приложения для звонков и т. д.)	13,0	56,6
Повысил уровень знания иностранного языка	1,8	24,3
Освоил новые цифровые сервисы (оплату коммунальных услуг онлайн, покупка товаров и услуг через интернет и т. д.)	20,1	60,7
Освоил какие-либо технологические новинки (беспилотный транспорт, 3d-принтер, управление дронами, «умная» техника для дома и т. д.)	1,5	16,6

Вывод о большей активности Ориентированных по сравнению со Сторонними подтверждается распределением ответов на вопрос о склонности к определённому типу экономического поведения (табл. 3). Те, кто стремится повысить свой доход различными способами, реализуют на практике активный тип экономического поведения. Кто старается удержаться в рамках имеющегося дохода – адаптивный тип, а снижающие уровень своих запросов демонстрируют пассивный тип экономического поведения. В группе Ориентированных доля приверженцев активного типа экономического поведения почти втрое превышает аналогичную долю среди Сторонних. У последних, соответственно, доли реализаторов адаптивного и пассивного типов экономического поведения заметно выше, чем в группе Ориентированных. Групповой показатель активности экономического поведения по 5-балльной шкале (где 1 – минимальное значение, когда все сокращают расходы, а 5 – максимальное значение, когда все стараются повысить свои доходы) в группе Сторонних составил 2,28 балла, а в группе Ориентированных достиг 2,87 балла. Если уровень активности экономического поведения Сторонних принять за базу, то прирост в значении показателя у Ориентированных составил 25,8 %.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Какого подхода Вы придерживаетесь для поддержания материального благосостояния?», %

Варианты ответа	Сторонние	Ориентированные
Стараюсь повысить свой доход различными способами	11,5	30,6
Дополнительных усилий для увеличения дохода не прилагаю (стараюсь жить по средствам, избегаю незапланированных трат)	40,9	32,2
Сокращаю расходы, снижаю уровень своих запросов и потребностей (в питании, в одежде, в отдыхе, в лечении)	47,6	37,2

Социологическим показателем продуктивности действий социальных субъектов является степень их удовлетворённости результатами предпринятых усилий. Прежде всего логично рассмотреть удовлетворённость размерами заработной платы (табл. 4), по-

скольку 77,0 % горожан отметили высокую важность этого аспекта в работе. Хорошо видно, что в группе Ориентированных доля в целом удовлетворенных (47,5 %) существенно превышает аналогичную долю в группе Сторонних (30,0 %).

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Насколько Вы удовлетворены размером заработной платы?», %

Варианты ответа	Сторонние	Ориентированные
Удовлетворен(а)	9,6	17,5
Скорее удовлетворен(а)	20,4	30,0
Скорее не удовлетворен(а)	37,6	26,7
Не удовлетворен(а)	27,4	22,3
Затрудняюсь ответить	5,0	3,5

В рейтинге наиболее важных моментов в работе высокое второе место занимают хорошие условия труда (оснащенность рабочего места, возможность использования современных технологий). Эту позицию высказали 40,5 % горожан. Опрос показал, что возможностью использования современных технологий в своей работе в целом удовлетворены 44,6 % из числа Сторонних и 62,7 % из числа Ориентированных (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены возможностью использования современных технологий в Вашей работе?», %

Варианты ответа	Сторонние	Ориентированные
Удовлетворен(а)	19,4	28,2
Скорее удовлетворен(а)	25,2	34,5
Скорее не удовлетворен(а)	15,5	15,1
Не удовлетворен(а)	7,7	10,0
Затрудняюсь ответить	32,2	12,2

На третьем месте рейтинга наиболее важных для горожан характеристик работы – стабильность. Её отметили 36,9 % опрошенных. Социологическую оценку степени этой стабильности можно дать, если проанализировать распределения ответов по двум вопросам, которые касаются угроз потери работы и шансов, если что, найти не хуже (табл. 6 и 7). Как видим, в обоих случаях Ориентированные в целом оказываются гораздо более устойчивыми, чем Сторонние: и опасаются реже и бывают уверены чаще.

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Существует ли лично для Вас угроза потери работы?», %

Варианты ответа	Сторонние	Ориентированные
Да	10,1	5,9
Скорее да	22,0	15,0
Скорее нет	32,1	33,3
Нет	22,6	27,7
Затрудняюсь ответить	13,2	18,1

В характеристике привлекательной примерно для 1/3 части горожан работы есть набор таких важных черт, как: «выполнять свою работу добросовестно» (34,7 %); «иметь удобный режим труда (гибкое расписание, возможность работать удаленно)» (33,9 %); «хорошие отношения в коллективе» (31,4 %). Достижение первого аспекта в работе обеспечивается, главным образом, за счёт самомотивации и напрямую связано с системой ценностных ориентаций социальных субъектов. На удобство режима обычно отдельный работник повлиять не может, но может подобрать себе подходящий режим, так

как эти условия оговариваются при приёме на работу и прописываются в трудовом договоре; а вот психологический микроклимат в коллективе, естественно, зависит и от самого работника, включённого в трудовой процесс. Поскольку в обеспечении названных важных характеристик работы высокую роль играют именно личные качества, а не факт или глубина освоения новых технологий, то мы не выявили статистически значимых отличий в степени удовлетворённости представителей сравниваемых групп по данным показателям. В таблице 8 для примера представлено распределение по удовлетворённости отношениями в трудовом коллективе.

Таблица 7

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«В случае потери работы сможете ли Вы найти равноценную работу?», %

Варианты ответа	Сторонние	Ориентированные
Я легко смогу найти равноценную работу	14,7	21,5
Думаю, что смогу с небольшими усилиями	32,1	39,4
Думаю, что смогу, но с большим трудом	25,0	19,3
Думаю, что это невозможно	10,3	5,3
Затрудняюсь ответить	17,9	14,5

Таблица 8

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Насколько Вы удовлетворены отношениями в коллективе?», %

Варианты ответа	Сторонние	Ориентированные
Удовлетворен(а)	43,6	41,5
Скорее удовлетворен(а)	43,6	45,2
Скорее не удовлетворен(а)	7,7	7,7
Не удовлетворен(а)	1,9	2,6
Затрудняюсь ответить	3,2	3,0

Важнейшей составляющей качества жизни выступает материальное положение семьи. Сравним по этому показателю представителей выделенных групп (табл. 9 и 10). Хорошо заметно, что положительные оценки как в случае достигнутого уровня, так и в случае изменений материального положения, чаще дают представители группы Ориентированных.

Опыт успешного освоения новых технологий способствует формированию позитивных стереотипов их восприятия в целом. Такие стереотипы, в свою очередь, нацеливают субъектов на дальнейшее расширенное использование новых технологий в своих социальных практиках. В группе Ориентированных, по сравнению с группой Сторонних, существенно больше согласных с тем, что новые технологии приносят пользу (табл. 11 и 12).

Таблица 9

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи?», %

Варианты ответа	Сторонние	Ориентированные
Хорошее	2,6	4,7
Скорее хорошее	3,4	13,3
Среднее	52,9	54,9
Скорее плохое	25,0	13,7
Плохое	11,8	8,9
Затрудняюсь ответить	4,3	4,5

Таблица 10

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как изменилось материальное положение Вашей семьи за последний год?», %

Варианты ответа	Сторонние	Ориентированные
Существенно улучшилось	0,6	2,5
Немного улучшилось	4,9	12,0
Не изменилось	33,9	33,7
Немного ухудшилось	37,1	28,1
Существенно ухудшилось	18,7	14,2
Затрудняюсь ответить	4,8	9,5

Таблица 11

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Насколько Вы согласны с утверждением, что благодаря науке и новым технологиям появится больше возможностей для будущих поколений?», %

Варианты ответа	Сторонние	Ориентированные
Полностью согласен	31,6	57,3
Скорее согласен	38,5	33,7
Скорее не согласен	6,6	3,1
Не согласен	2,3	1,6
Затрудняюсь ответить	21,0	4,3

Таблица 12

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Насколько Вы согласны с утверждением, что новые технологии делают нашу жизнь более здоровой, лёгкой и комфортной?», %

Варианты ответа	Сторонние	Ориентированные
Полностью согласен	16,5	41,0
Скорее согласен	36,8	42,0
Скорее не согласен	14,2	7,0
Не согласен	5,4	2,8
Затрудняюсь ответить	27,1	7,2

Проведенное исследование позволило сделать следующие основные выводы:

Жители городов, по сравнению с сельчанами, активнее знакомятся с технологическими новинками и внедряют их в свои повседневные практики.

Ориентированные на использование новых технологий горожане стремятся на работе к большей самостоятельности, наиболее полной реализации своих знаний и опыта, ценят возможность повышения квалификации за счет организации, а также – в сравнительно меньшей мере «привязаны» к конкретной работе.

Горожане, осваивающие новые технологии, отличаются сравнительно более высоким уровнем профессиональной конкурентоспособности, в меньшей мере опасаются потери работы и в большей мере уверены, что найдут равноценную в случае необходимости.

Среди технологически продвинутых горожан значительно больше доля тех, кто реализует на практике активный тип экономического поведения. Соответственно, представители этой группы обеспечивают своим семьям сравнительно лучшее материальное положение.

Опыт успешного освоения новых технологий способствует дальнейшему расширенному использованию технологических новинок в повседневных социальных практиках.

Таким образом, по итогам проведенного социологического исследования мы можем сделать главный вывод о том, что освоение новых технологий является положительной предпосылкой повышения уровня профессиональной конкурентоспособности и улучшения качества жизни горожан.

Литература

1. Кобяк О. В. Экономическое поведение: принципы и методы социологического моделирования. Минск : РИВШ, 2015. С. 144–152.
2. Соколова Г. Н. Экономическая социология: истоки, методология, созидательный потенциал // Социология. 2015. № 2. С. 86–96.

УДК 334.7

Н. В. Деренко

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

НОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В КРЕАТИВНЫХ ПРОЕКТАХ ПО РАЗВИТИЮ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Анализируется опыт реализации проекта по формированию продюсерского центра креативной экономики Иркутской области, который реализован весной 2021 г. в рамках лаборатории Rurban Creative Lab Агентства стратегических инициатив – программы по преобразованию российских территорий в креативные кластеры. Заостряется внимание на использованных коммуникационных технологиях, позволивших в кратчайшее время вовлечь в проект участников из различных сфер и со всей территории области (от Байкальска до Братска).

Ключевые слова: креативные индустрии, креативный кластер, продюсерский центр, онлайн-инструмент Trello.

N. V. Derenko

Irkutsk State University, Irkutsk

NEW INFORMATION AND COMMUNICATION TOOLS IN CREATIVE PROJECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE URBAN ENVIRONMENT

The article analyzes the experience of implementing a project to form a production center for the creative economy of the Irkutsk region. The project was implemented in the spring of 2021 as part of the Rurban Creative Lab of the Agency for Strategic Initiatives, a program to transform Russian territories into creative clusters. The author draws attention to the communication technologies used by the participants, which made it possible in the shortest possible time to involve in the project participants from various fields and from the entire territory of the region, from Baikalsk to Bratsk.

Keywords: creative industries, creative cluster, production center, Trello online tool.

Кризисные 2020–2021 гг. стали переломными с точки зрения развития креативных индустрий в России в целом, в Иркутской области в частности. Работа в режиме самоизоляции стимулировала интерес к «оранжевой экономике» разных представителей общества – и бизнесменов, и чиновников, и ученых. Научно-практический центр «Креативный город» Института социальных наук Иркутского государственного университета, с 2018 г. ведущий интенсивные исследования в данном направлении и формирующий соответствующее информационное пространство в регионе [1–5], зафиксировал переход, при отсутствии организационных усилий со стороны местных администраций всех уровней, от формирования первых сообществ без четкой цели до создания Продюсерского центра креативной экономики Иркутской области. Произошло это благодаря многочисленным федеральным инициативам и проектам, в частности, программам Агентства стратегических инициатив [6].

Наибольший интерес представляет лаборатория Rurban Creative Lab – программа по формированию региональных проектных центров (продюсерских центров), создающих креативные кластеры и поддерживающих развитие предпринимательской деятельности в отраслях креативных индустрий в регионе. Проект АСИ хоть и не предусматривает выделения средств на развитие бизнеса, но с точки зрения организации и старта в одной команде весьма разобщенных в обычное время сил весьма ценен. В чем его суть?

В ходе двух этапов в проект вовлекаются собственники неэффективно используемых фондов или муниципалитеты с подобными проблемами (пустующие площадки и т. п.), бизнесмены креативной сферы или просто творческие люди, желающие развить

свою предпринимательскую деятельность, а также все заинтересованные в современном развитии городской среды и имеющие опыт взаимодействия с АСИ.

На первом этапе проведен онлайн-марафон с 15 февраля по 14 марта 2021 г., по результатам которого сформированы региональные продюсерские команды. В ходе этапа информация была вброшена в регионы, распространилась в нем через самоорганизующиеся коллективы, которые затем зарегистрировались в АСИ, изучили вебинары и кейсы практиков в сфере креативных индустрий, выполнили задания (поиск приоритетных для региона отраслей креативной экономики; определение приоритетных проектов и выявление стейкхолдеров; определение ролей и формирование команд) и получили возможность попасть в финал этапа. Итоги финала – десять команд, которые приняли участие в очной части лаборатории: Иркутская область; Новгородская область; Новосибирская область; Рязанская область; Самарская область; Свердловская область; Тюменская область; Удмуртская республика; Ульяновская область; Ханты-Мансийский автономный округ.

На втором этапе с апреля по сентябрь 2021 г. региональные продюсерские центры «запустят» не менее трёх креативных кластеров трёх разных типов на трёх разных территориях своего региона. Мероприятия лаборатории пройдут в очной форме с 16 апреля по 26 сентября 2021 г. Данный этап по трудоемкости сильно отличается от первого, «заявочного». Он требует построение бизнес-модели активации объекта; выработку ключевых показателей эффективности по активации; создание управленческой модели; активацию пространств.

Остановимся подробнее на успешном опыте команды Иркутской области (три проекта в Иркутске, проекты в Ангарске, Братске, Байкальске, Усть-Куте) [8; 9], ведь она оказалась в лидирующей десятке из 3339 заявок из 81-го региона Российской Федерации. Каким образом удалось в течение всего месяца собрать и воодушевить, организовать результативную интенсивную работу ранее незнакомых людей из разных сфер экономики, проживающих иногда в тысяче километров друг от друга? И это без использования официальных информационных каналов – радио, телевидения, сайтов администраций, новостных платформ и т. п.?

Инициаторы участия Иркутской области в данной лаборатории АСИ – Сергей Мязделец, предприниматель, Илона Толстоухова, основатель консалтинговой компании «Новация», член Клуба «Байкальские стратегии» (Иркутск), узнавшие о проекте из сообщений на сайте АСИ, выбрали самый доступный для потенциальных разрозненных участников способ коммуникаций. Они создали тематическую группу в мессенджере Telegram (рис. 1) и пригласили в нее заинтересованных друзей, распространив информацию через социальные сети и группы креативной направленности в мессенджере WhatsApp (рис. 2).

В считанные дни группа RCL_Irkutsk в Telegram собрала более пятидесяти участников из семи городов Иркутской области. Не потребовался сайт проекта для регистрации желающих войти в команду, вместо него было применено элегантное современное решение: документы и формы в облаке Google (через них собиралась необходимая информация (рис. 3), а затем сбор всех на сайте онлайн-инструмента управления проектами Trello (рис. 4).

Привлекательные особенности облачных инструментов Google – возьмем пока документы, таблицы, формы, презентации – бесплатность, простота освоения, возможность одновременной совместной работы с обменом сообщениями в чатах и комментариях. Практически исчезает необходимость использовать переписки по электронной почте, фиксацию хода проекта на специальном сайте, сбор и обработку файлов – всё происходит «здесь и сейчас», в команде.

По мнению автора, это самое сильное преимущество выбранной информационно-коммуникационной технологии – исключение электронной почты и проектирования специализированного сайта. Работа началась с первых часов старта проекта. Новые участ-

ники быстро познакомились с «историей вопроса», просматривая ленты в мессенджерах и документы в облаке Google, тут же вносили свою необходимую информацию, формулировали вопросы. На общем диске Google и в мессенджерах собирались первые необходимые файлы с информацией, обсуждались варианты дальнейших действий. И уже через несколько дней сформировалась креативная региональная команда области в составе более 30 человек с участием губернатора Иркутской области И. И. Кобзева (к окончанию этапа команда сократилась до 11 человек, активных участников защиты проекта в АСИ).

На основном этапе работы возможностей мессенджеров и облачных хранилищ участникам проекта не хватило.

Потребовались жесткое календарное планирование мероприятий команды, формирование микрокоманд по подпроектам, накопление альтернативных материалов, четкая фиксация соблюдения временного графика, контроль исполнительской дисциплины. В данной ситуации на выручку пришел бесплатный сервис по управлению проектами Trello (рис. 4). Опыт показал, что участники совместной работы, впервые с ним познакомившиеся по рекомендации организаторов, освоились и смогли работать в считанные часы.

Сайт Trello – это остроумная реализация системы управления совместной работой канбан, придуманная на заводах «Toyota». Ее суть – разноцветные карточки с задачами, которые перемещаются на общедоступной информационной доске по разделам «Идеи», «План», «В работе», «Выполнено» и т. п. На сайте в карточке можно зарегистрировать участников данной задачи, ее документы, календарный график выполнения, «чек-листы» и «дедлайны» разного уровня, переписку участников и т. п. В результате хорошо визуализируется состояние дел в проекте, обнаруживаются сбои в работе, перераспределяются силы и т. д. И наблюдают всю картину все участники совместной работы.

Отметим еще и периодические вебинары на платформе zoom.us, которые проводила команда (записи вебинаров, опять же, публиковались в облаке).

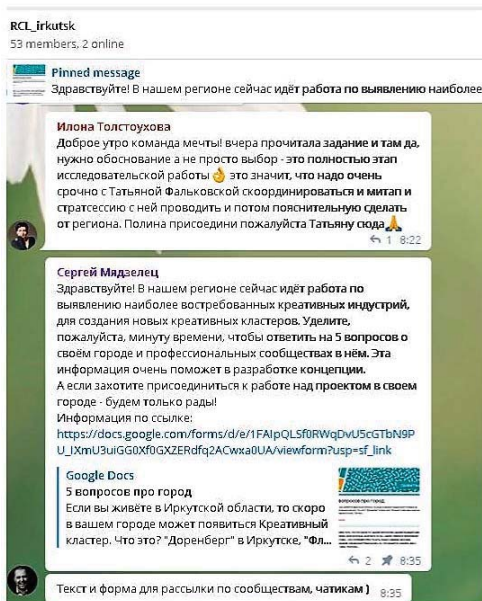

Рис. 1. Группа проекта в мессенджере Telegram, перенаправляющая в облако Google

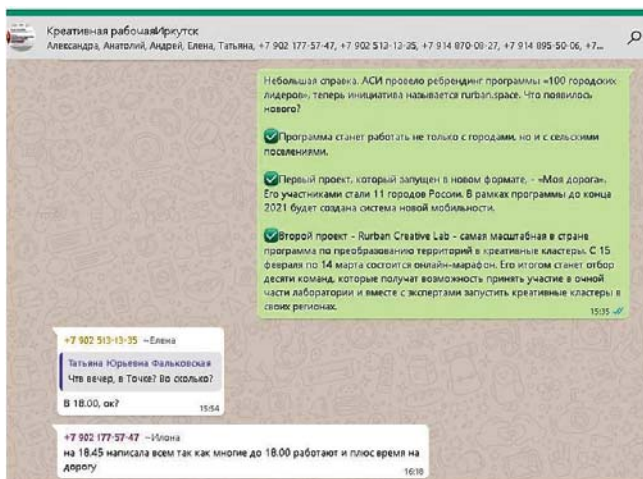

Рис. 2. Группа креативного сообщества Иркутска в коммуникаторе WhatsApp

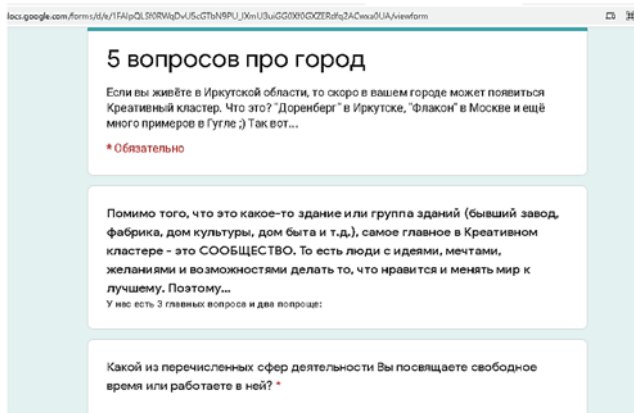

Рис. 3. Документ в облаке Google – незаменим при совместной работе участников из разных городов

Таким образом, креативная команда Иркутской области на деле продемонстрировала преимущество современных облачных информационно-коммуникационных технологий. Не потребовались ни сайт, ни электронная почта, ни менеджер по сбору и обработке информации. Не понадобились радио и телевидение для распространения информации, социальные сети и коммуникаторы оказались оперативнее и доступнее. Связка информационных сервисов (Telegram + WhatsApp) – облако Google – Trello позволила в кратчайшие сроки эффективно реализовать сложный проект на территории огромного региона с нулевыми затратами на коммуникации. Информационные компетенции всех участников оказались вполне достаточными.

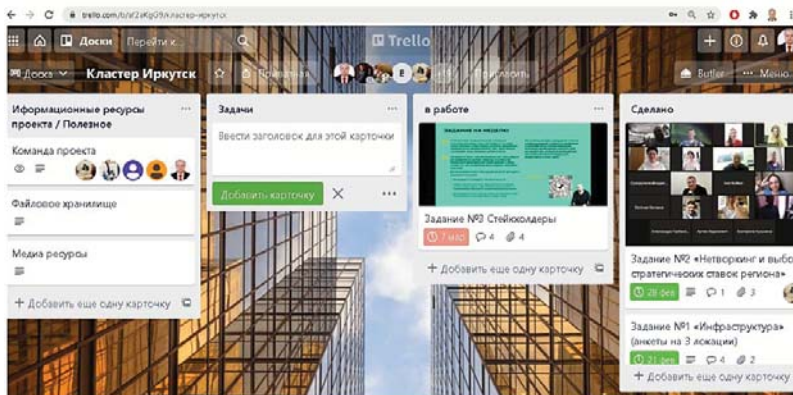

Рис. 4. Онлайн-инструмент управления проектами Trello

Отметим, что и студенты Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», обучающиеся на направлениях «Менеджмент», «Социально-культурная деятельность», уже на втором курсе свободно владеют обсуждаемыми в данной статье технологиями.

Литература

1. Деренко Н. В. Креативное предпринимательство как важное условие экономического процветания в условиях регенерации города // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона : материалы Второй регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 14–15 мая 2019 г. Иркутск, 2019. С. 87–93.
2. Деренко Н. В. Опыт зарубежных стран и регионов России в регулировании креативной сферы // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона : материалы Второй регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 14–15 мая 2019 г. Иркутск, 2019. С. 23–28.
3. Деренко Н. В., Подковенко А. Г. Роль неформальных сообществ в развитии креативной экономики региона // Пространства социальной напряженности стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 215–217.
4. Фальковская Т. Ю. Индекс креативного капитала региона: вызовы и перспективы // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона : материалы Второй регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 14–15 мая 2019 г. Иркутск, 2019. С. 29–36.
5. Фальковская Т. Ю. Креативный город – территория устойчивого развития / Креативные индустрии в региональном пространстве социальных услуг и бизнеса : Первая регион. науч.-практ. конф. : материалы / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [под общ. ред. В. А. Решетникова, Н. В. Деренко, Т. Ю. Фальковской]. Иркутск : Изд-во «Репроцентр А1», 2018. С. 9–15.
6. Rurban Creative Lab – программа по преобразованию территорий в креативные кластеры. URL: <https://rurban.space/lab> (дата обращения: 12.05.2021).
7. Кластер Иркутск. URL: <https://trello.com/b/af2aKgG9/кластер-иркутск> (дата обращения: 12.05.2021).
8. Мядзелец С. Креативное лето в Байкальской Сибири // Сетевое издание «Байкал-24». URL: <https://baikal24.ru/text/30-04-2021/021> (дата обращения: 12.05.2021).
9. На месте промзон в 10 регионах создадут 30 креативных кластеров // РИА Новости. URL: <https://realty.ria.ru/20210406/promzony-1604445047.html> (дата обращения: 12.05.2021).

ГОТОВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ К ПРЕОБРАЗОВАНИЮ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА: МОТИВАЦИЯ И БАРЬЕРЫ¹

Рассматривается готовность молодого поколения крупного промышленного города участвовать в неполитических практиках, нацеленных на преобразование пространства города. На материалах социологического опроса (n = 800) утверждается, что в мотивационной структуре социальной активности молодежи лидирующие позиции занимает желание жить в чистом городе. Делается вывод, что к числу барьеров, препятствующих реализации инициатив, молодые горожане относят прежде всего отсутствие диалога с городской властью.

Ключевые слова: город, городская молодежь, мотивация, барьеры, социальная активность.

N. L. Antonova

Ural Federal University, Ekaterinburg

YOUTH' READINESS TO TRANSFORM URBAN SPACE: MOTIVATION AND BARRIERS

The article examines the readiness of the young generation of a large industrial city to participate in non-political practices aimed at transforming the city's space. Based on the materials of a sociological survey (n = 800), it is argued that the desire to live in a clean city occupies a leading position in the motivational structure of the social activity of young people. Among the barriers hindering the implementation of initiatives, young citizens consider, first of all, the lack of dialogue with the city authorities.

Keywords: city, urban youth, motivation, barriers, social activity.

Современные исследователи города фокусируют свое внимание на социальных процессах, участниками которых становятся разные социальные группы, в том числе и городская молодежь. С этих позиций город предстает исследователю не только как расположенный в пространстве и времени объект изучения, но и как совокупность социальных процессов, событий, явлений; как система социальных связей и отношений, в которую включены различные по составу и численности социальные общности.

Молодое поколение горожан, заявляя право на город, стремится преобразовать его под свои нужды и запросы, включается в практики преобразования городской среды, а не только потребление уже имеющихся ресурсов и благ. Согласно позиции М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги молодежь – это наиболее динамично реагирующая группа, проявляющая свою субъектность в инновационной деятельности [3].

Наше исследование (онлайн опрос) было проведено в конце 2020 г. Объектом выступила городская молодежь Екатеринбурга. Всего опрошено 800 человек. Из них: 60 % – девушки, 40 % – юноши. Доли опрошенной работающей и учащейся молодежи примерно равны. Каждый второй респондент в возрасте от 18 до 22 лет. Полученные результаты были обработаны с помощью программы для статистической обработки данных SPSS (версия 20).

Характеризуя Екатеринбург, молодые люди полагают, что город является привлекательной территорией для реализации жизненных планов и намерений (80 %). Наиболее развитыми сферами, по оценкам опрошенных, выступают кафе/бары/рестораны (73 %), сфера товаров и услуг (55 %), кино/театры (45 %). Город предлагает молодежи возможности для статусного роста (58 %), профессиональной самореализации (57 %) и удовлетворения образовательных потребностей (52 %).

Основные проблемные зоны крупного уральского города, которые беспокоят молодых горожан, можно разбить на несколько групп. Первая группа – это экономические

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-411-660012 p_a.

проблемы. Так, 57 % респондентов отмечают невысокий доход как фактор, которые становятся лидирующим среди причин территориальной мобильности. Вторая группа проблем – неблагоприятная экологическая ситуация (45 %), причем главной экологической проблемой Екатеринбурга является загрязнение воздуха [9]. К третьей группе мы отнесли социальные проблемы. Молодежь отмечает, что сталкивалась с грубостью и злостью со стороны жителей города (18 %), также молодые люди отмечают наличие в городе большого числа трудовых мигрантов (15 %) и представителей контркультур (гопники и пр.), которые вызывают страх и тревожность (9 %). Четвертая группа проблем связана с условиями для реализации досуговых потребностей, художественно-эстетических запросов: 3 % респондентов отметили, что в городе не хватает театров и музеев.

Половина опрошенной молодежи высказала желание жить в Екатеринбурге. В городе есть любимые места для прогулок и встреч с друзьями (Плотинка, площадь 1905 г., парки/скверы города и др.), а также город наполнен событиями, которые позволяют чувствовать себя екатеринбуржцем, формируют чувство локально-территориальной идентичности (день города, фестивали, Парад Победы и др.). 51 % респондентов считают, что Екатеринбург – это развивающийся город, 40 % называют его третьей столицей.

22 % опрошенных гордятся активной позицией горожан, способностью жителей города отстаивать свои позиции. При этом 37 % респондентов чувствуют ответственность за свой город, за процессы, в нем происходящие; 60 % – за свой дом и двор, т. е. за конкретное место своего проживания. Каждый третий респондент отметил, что горожане являются субъектами формирования и развития городского пространства.

Социальные активности горожан, нацеленные на преобразование городской среды, можно разделить на коллективные и индивидуальные. Так, например, в условиях самоизоляции, связанной с распространением covid-19, горожане использовали как коллективные способы поддержки (балконные концерты), так и индивидуальные практики, ориентированные на помощь (покупка продуктов для пожилых и старых людей) [2]. В нашем исследовании 3/4 опрошенных выразили готовность объединиться с жителями города для преобразовательной деятельности. Кроме того, 85 % респондентов считают, что наиболее эффективным способом преобразовательных действий выступает участие в деятельности общественных организаций и других некоммерческих негосударственных организаций.

Мотивационная структура социальной активности молодежи выглядит следующим образом. 58 % респондентов хотят жить в чистом городе, городе, в котором хотелось бы учиться и работать, создать семью и проводить свободное время. Он должен выполнять эстетическую и гедонистическую функции. Молодежь отмечает, что город должен быть опрятным, улицы прибранными, дворы свободными от грязи. Тематика чистоты города поднимается ежегодно в информационной повестке дня вот уже не одно десятилетие [7]. Например, в 2016 г. на въезде в город появилась вывеска Грязьбург (автор Слава ПТРК), отсылающая к проблеме уборки грязи на улицах города в период весенней распутицы.

Альтруистические цели выдвигают 47 % респондентов, в основе их мотивации – желание изменить мир к лучшему. Реализация столь глобальных по масштабам целей связано с локальными действиями: сначала улучшение места своего проживания – дом и двор, затем городские улицы, парки и скверы, и следующим шагом возможно преобразование страны и мира. Важно отметить, что современная молодежь вполне реалистично подходит к вопросу преобразовательных практик и трансформирует пространство под свои нужды и запросы, изменяя, прежде всего, пространство вокруг себя [1]. 16 % респондентов отметили, что социальная активность направлена на помощь людям, живущим в городе.

С критикой городских властей выступает 34 % молодых людей. Неспособность администрации города преобразовать его становится мотивом социальных активностей. Властные структуры и горожане зачастую находятся «по разные стороны баррикад»,

имеют разные взгляды на проектирование и планирование городского пространства. Так, протестные акции в мае 2019 г., в которых активное участие приняла молодежь Екатеринбурга, касались приватизации публичного пространства – сквера возле Театра Драмы – со стороны представителей власти, бизнес-структур и Русской православной церкви. Планировалось строительство Храма Святой Екатерины, что и выступило основанием для сопротивления и солидаризации городского населения [8]. Итогом протестного поведения стал перенос площадки для строительства Храма с использованием результатов опроса горожан и привлечения представителей общественности для разрешения конфликта. 6 % респондентов отметили свое желание участвовать в управлении городом, представляя интересы городского сообщества.

Для 13 % опрошенных действия по преобразованию городского пространства связаны с потребностями в активном свободном времени и времяпрепровождении. Молодежь считает, что досуговые практики должны быть связаны не только с потреблением инфраструктуры и объектов городской среды, но и с собственными конструктивными видами занятости в свободное время, способными принести общественную пользу. Такая же доля опрошенных высказала мнение, что инициативность ведет к развитию личностных свойств и качеств.

Что касается утверждения статусных характеристик посредством социальной активности, то доля молодых людей, отметивших возможность приобрести полезные связи и знакомства невысока, и составляет 7 % опрошенных.

Одним из значимых вопросов социальной активности и инициативности молодежи, выступает вопрос о трудностях, с которыми сталкиваются молодые горожане в своих преобразовательных практиках. По оценкам респондентов наиболее острой является проблема взаимодействия с администрацией города (85 %). Исследователи отмечают, что даже формализованные общественные объединения имеют коммуникативные проблемы с бизнесом и властью [5].

Еще одним барьером для реализации неполитической активности является угроза столкновения с правоохранительными органами (74 %). Согласно исследованию, проведенному Левада-центром (объем выборки составил 3400 респондентов; опрос проводился в 53 субъектах РФ в 2019 г.) [6] 51 % опрошенных полагают, что могут пострадать от произвола сотрудников правоохранительных органов. Важно подчеркнуть, что данная проблематика отчасти связана с низким уровнем информированности молодого поколения о формальных институционально закрепленных действиях, которые могут быть реализованы в условиях города и нацеленные на его развитие и улучшение.

Для 44 % респондентов актуальной задачей становится преодоление конфликтов с другими жителями города. В этом случае речь идет о том, что город предстает как совокупность разных социальных групп и у каждой из них имеются свои представления о городском пространстве. Как носители разных потребностей и интересов, а также позиций в отношении допустимых социальных практик, представители городских общностей могут как принимать, так и оказывать сопротивление инициативам молодежи. Отсюда и причиной отказа от преобразования города может стать нежелание молодого поколения вступать в конфликты.

В целом материалы исследования позволили прийти к следующим выводам. Молодое поколение крупного промышленного города в целом оценивает Екатеринбург как пространство реализации своих жизненных стратегий. Город воспринимается как третья столица, активно развивающаяся территория. Молодежь готова включиться в преобразовательные практики, поскольку хочет жить, учиться и работать в чистом и опрятном городе и полагает, что городские власти не готовы и не способны развивать город в том направлении, которое необходимо молодым людям. Социальные активности позволяют улучшить мир, способствуют формированию новых свойств и качеств личности. Среди барьеров, препятствующих реализации инициатив молодежи, – отсутствие диалога с ад-

министративными и страх перед правоохранительными структурами, а также возможные конфликты с другими социальными группами, проживающими в городе. Мы поддерживаем позицию Т. И. Грабельных и Е. В. Лесниковской [4], утверждающих необходимость вовлечения населения, в том числе и молодежи, в муниципальные/региональные общественные структуры (общественные советы, наблюдательные советы, наблюдательные комиссии и пр.) для формирования условий успешного взаимодействия в вопросах развития городского пространства, в котором будут реализованы актуальные потребности и интересы молодого поколения.

Литература

1. Антонова Н. Л., Абрамова С. Б., Полякова В. В. Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 443–462.
2. Антонова Н. Л., Хафизова В. Р. Город как сцена молодежного активизма: локальные практики в условиях пандемии // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 6(74). С. 15–19.
3. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010.
4. Грабельных Т. И., Лесниковская Е. В. Механизмы общественного участия в современной стратегии общественно-государственного партнерства в России // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2017. № 1. С. 25–29.
5. Москалева С. М., Тыканова Е. В. Социальные условия деятельности гражданских и экспертных групп по улучшению качества городской среды // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19, № 4. С. 103–120.
6. Аналитический отчет по результатам исследования «Пытки в России: распространенность явления и отношение общества к проблеме» // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/06/Analiticheskij-otchet-KPP.pdf> (дата обращения: 03.05.2021).
7. Вербицкий М. Грязная реальность Екатеринбурга // Проект ЕТВ. URL: https://ekburg.tv/articles/gorodskie_istorii/2020-03-02/grjaznaja_realnost_ekaterinburga (дата обращения: 01.05.2021).
8. Строительство храма Святой Екатерины // Областная газета. URL: <https://www.oblgazeta.ru/subject233> (дата обращения: 02.05.2021).
9. Экология Екатеринбурга и его окрестностей // Европейско-Азиатские новости. URL: <https://eanews.ru/news/articles/ehkologiya-ekaterinburga-i-ego-okrestnostej> (дата обращения: 01.05.2021).

УДК 316.334.56+316.74:378.4

Т. И. Грабельных, Н. А. Саблина, Е. В. Лесниковская
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОЦИАЛЬНЫЙ МИР ГОРОДА И СОЦИАЛЬНЫЙ МИР УНИВЕРСИТЕТА: ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ПАРАДИГМА В ИЗУЧЕНИИ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Представлен сравнительный анализ социального мира города и социального мира университета в аспекте установления идентичностей на базе пространственной парадигмы. Рассмотрено понятие «университетская идентичность» применительно к городу и вызовом настоящего времени. Аргументируется, что университетская идентичность, отражающая общность взглядов, связей и позиций ведущих субъектов университетского сообщества, выступает серьезным ресурсом для становления городской идентичности. С другой стороны, городская идентичность способствует выходу из кризиса идентичности современного университета. Обосновано, что социальный мир города и социальный мир университета во многом определяют состояние и качество городской среды. Доказано, что пространственная парадигма служит методологическим основанием для определения современных путей выхода из кризиса идентичностей, углубившимся в период пандемии.

Ключевые слова: город, социальный мир города, социальный мир университета, пространственная парадигма, университетская идентичность, городская идентичность, городская среда.

SOCIAL WORLD OF THE CITY AND SOCIAL WORLD OF THE UNIVERSITY: SPATIAL PARADIGM IN THE STUDY OF IDENTITIES

The article presents a comparative analysis of the social world of the city and the social world of the university in the aspect of establishing identities on the basis of the spatial paradigm. The concept of "university identity" is considered in relation to the city and the challenges of the present time. It is argued that the university identity, reflecting the common views, connections and positions of the leading subjects of the university community, is a serious resource for the formation of urban identity. On the other hand, urban identity helps to overcome the identity crisis of a modern university. The paper substantiates that the social world of the city and the social world of the university largely determine the state and quality of the urban environment. It is proved that the spatial paradigm serves as a methodological basis for determining the modern ways out of the crisis of identities, which deepened during the pandemic.

Keywords: city, social world of the city, social world of the university, spatial paradigm, university identity, urban identity, urban environment.

В конце прошлого столетия в связи с кризисом университетского образования в России и формированием новой системы отношений университетов с городом и регионом отчетливо проявился кризис идентичностей. За 30-летний период университеты фактически утратили свою прежнюю идентичность. Поиски новой идентичности продолжаются до сих пор. Расхождение подходов в установлении университетской идентичности позволяет исследователям утверждать о затянувшемся кризисе идентичностей и отсутствии условий для перспективного развития университетов. Вопросы приобретают стратегический характер для высшей школы. В период пандемии COVID-19 проблема получила масштабный характер. Кризис университетской идентичности стал охватывать многие вопросы, начиная с выбора абитуриентами направлений подготовки, определения наличия мест практической подготовки обучающихся и заканчивая трудоустройством выпускников в ведущие государственные организации, органы власти, бизнес-структуры и другие организации реального сектора экономики и социальной сферы.

В обозначенный период времени в городском и региональном пространстве университеты несколько раз поменяли свой облик, благодаря чему сформировался социальный и научный дискурс о смене образа университета. Университет в городе – актуальная тема исследований в последние два десятилетия. С утратой определенных позиций университеты начинают выстраивать новую модель взаимоотношений в городском и региональном сообществе. Среди известных образов университетов доминируют предпринимательские университеты, инновационные университеты и проч. На эти и другие моменты мы обращали внимание еще в 2009–2010-х гг. [1]. Значительно раньше, обосновывая новую модель развития региональных университетов, мы анализировали опыт европейских стран, вставших на путь реализации моделей Болонского процесса. Среди таких моделей имел место образ университета, занимающий устойчивые позиции в городе [2].

Автономия, традиции и инновации современных университетов в XXI веке рассматриваются в теснейшей взаимосвязи с окружающей университет средой. С нашей точки зрения, социальный мир университета находится в прямой зависимости от успешности установления и сохранения им автономии во внешней среде при условии подготовки им же высокопрофессиональных кадров и создания инновационных интеллектуальных продуктов. В настоящее время социальный мир – социальное единство и стабильность – университетского сообщества напрямую зависит от сформировавшегося пространственного и технологического «пояса» вокруг университетов. В качестве поддерживающих механизмов рассматриваются принципы и технологии региональной и городской власти и бизнес-среды.

Таким образом, социальный мир университета с позиции внешнего фактора отражает степень его автономии и успешность реализации стратегии конкурентоспособности

в пространстве города и региона. Социальный мир университета по своей природе – это, прежде всего, пространство когнитивных, творческих, культурных и интеллектуальных возможностей, сфера социокультурных взаимодействий и профильных интегрированных практик, направленных на выработку научно-образовательного и информационно-технологического ресурса и имеющих комплексный, устойчивый и долгосрочный характер. При этом важно заметить, что социальный мир университета – это не только отражение политики и связей университета во внешней среде, но и во многом политика университета во внутриуниверситетском пространстве.

В последние годы социальный мир университета постоянно подвергался вызовам, способствующим усилению «социальных потрясений». Данные, проведенного нами социологического исследования «Новые кризисы и социально-турбулентные процессы» на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ИГУ в июле 2020 г. подтверждают, что сохранить в таких условиях университетское единство чрезвычайно трудно (всего опрошено 1319 чел., ошибка выборки составила 2,7 %). Среди основных факторов социальной турбулентности названы: социально-политические (21,1 %); социально-экономические (20,7 %); «пандемические» (18,5 %); экологические (11,1 %). Также были названы: социально-демографические; ноосферные (прорывного характера, связанные с формированием нового поколения людей с другим мышлением и интеллектом); технологические и «биосферные». Всего получено 3806 ответов.

Проявилось, что, с одной стороны, внутриуниверситетские потрясения являются следствием воздействий внешней среды, с другой стороны, они вызваны самой «разбалансировкой» системы, нарушением в ней социального - университетского порядка и утратой ориентиров на социальную устойчивость, а значит, и снижением ценности университетского образования. В качестве примера выступает опыт развития региональных университетов с пониженным потенциалом ценности высшего образования. Утверждения о перекосах в сторону высшего образования с неизбежностью находили поддержку в то время, когда университетское сообщество переживало мировоззренческий, образовательный и профессиональный кризис. Увеличение числа специалистов, на которых фактически отсутствовал спрос, низкая мотивированность выпускников, дефицит новых профессий, и многое другое – создавало ситуацию потери идентичности в системе университетского образования. В этих условиях социальный мир университета характеризовался как нестабильный, между тем, он не вызывал разрушительных последствий. Лишь пандемия, как глобальный вызов, с ее непредсказуемыми последствиями и переходом на самоизоляция, с активным внедрением дистанционных технологий, кардинально повлияла на социальный мир университетского сообщества. Следствием такого влияния выступило снижение (ослабление) идентичности и потеря ориентации в пространстве традиционных и новых коммуникаций. Пространственная парадигма в изучении идентичностей здесь может найти реальное применение.

Социальный мир города, отражающий взаимное пересечение и соразвитие интересов, всегда является той самой «подушкой», которая обеспечивает процессы образовательной, культурной, профессиональной и трудовой мобильности. Социальный мир города, отражая общественно значимые коммуникативные поля и высокий адаптивный потенциал населения, может рассматриваться в качестве интегрирующего фактора для социального мира университета.

Логика взаимных социальных переходов и взаимопересечений в значительной степени проявилась через взаимодействие университетов с органами власти, общественностью и бизнес-структурами, т. е. ведущие субъекты социально-экономического развития города и региона оказались в единой системе взаимодействий с вузами, другими научными и образовательными структурами. Цифровизация лишь ускорила развитие отношений в данном направлении. Представляется важным отметить, что в условиях цифровой среды взаимоотношения университета с городом также подвергаются законам цифровизи-

зации, что сегодня особенно заметно на фоне изменения форматов документов, усиления требований безопасности образовательной среды. Очевидно, что социальный мир университета, как и социальный мир города и социальный мир региона, находятся сегодня в системе объективных требований процесса цифровизации.

Как представители профессорско-преподавательского состава, входящие в университетское сообщество, отметим, что сегодня прослеживается тенденция к усилению взаимозависимости таких «социальных миров». Качество высшего образования и эффективность деятельности университетов напрямую зависят от признания своих идентичностей. По доминантным характеристикам город и университет имеют общий знаменатель, который определяется через понятие «идентичности», отражающее общность взглядов, связей и позиций ведущих субъектов университетского сообщества, служащее серьезным ресурсом для становления городской идентичности.

Университетская идентичность и городская идентичность по своей природе внутренне взаимосвязаны. Прежде всего, университет занимает главенствующие позиции в городском пространстве по формированию образовательных, профессиональных и культурных кодов. Подготовка кадров, которую осуществляет университет, фактически формируется по заказу города и региона; лучшие выпускники, как правило, имеют больше шансов занять достойное место в городском пространстве. Стратегии конкурентоспособности вузов и выпускников наиболее полно реализуется также в городском пространстве. Наблюдения показывают, что развитие современных городов во многом является следствием развития университетов, и наоборот. Социальный мир университета, как и социальный мир города, может иметь как устойчивый, так и неустойчивый характер. Изучение идентичностей позволяет увидеть, например, принцип распределения выпускников на предприятия своего города, предпочтения в выборе и реализации стратегий социальной активности молодежи в пространстве города и др. С другой стороны, это целенаправленная политика по закреплению выпускников в городском пространстве в аспекте предоставления мест работы, привлекательных условий для реализации карьерных ценностей, курс на здоровую конкурентоспособность среди выпускников региональных университетов, наличие выбора научных, трудовых, политических, экономических траекторий у выпускников университетов с целью закрепления их места и роли в городском пространстве.

Следует отметить, что социальное пространство города узнаваемо посредством значительного вклада университета в его развитие. Чем устойчивее социальный мир университетов, тем устойчивее социальный мир города, и наоборот, социальный мир города выступает серьезным ресурсом для социального мира университетов. Проблемы, переживаемые университетами в настоящее время, демонстрируют недостаточный уровень развития как университетской, так и городской идентичности. Городская идентичность, несомненно, способствует выходу из кризиса идентичности современного университета.

Зарубежными учеными также поднимается вопрос о социальном мире университета. Так, например, О. Н. Козлова рассматривает напряженность как путь к устойчивости с позиции социокультурных практик в условиях глобальной пандемии [3].

Таким образом, социальный мир города и социальный мир университета в значительной степени определяют состояние и качество городского пространства. Современная эпоха предусматривает замену типа идентичности как внутри университетов, так и в рамках городских пространств. Внешние вызовы последнего десятилетия – мировые финансовые и экономические кризисы, демографические кризисы, пандемия COVID-19 и другие – вызвали новый виток кризиса идентичности. Преодоление такого кризиса – сложный этап, с задачами которого необходимо справиться всем субъектам городского и регионального развития. На повестке дня ставится вопрос об обретении устойчивости и необходимости укрепления университетами своих позиций в городском пространстве. Любое вмешательство во внутренние дела университетов есть ни что иное, как нарушение автономности университетов, а, значит, попытка разрушить его идентичность. Во

взаимоотношениях с городом университет занимает более прозрачную позицию в силу совершенствования нормативно-правовых показателей. Не в каждом городе прописаны концептуальные основания по взаимодействию городов с университетами. В условиях социальной нестабильности, как правило, социального мира в городе и регионе нет. Следует признать, что пространственная парадигма может служить методологическим основанием для определения современных путей выхода из кризиса идентичностей, углубившимся в период пандемии.

Литература

1. Грабельных Т. И. Новая роль университета в инновационном развитии региона и механизмы взаимодействия с работодателями // Подготовка специалистов для экономики и социальной сферы региона: приоритеты инновационной политики в образовании, науке, экономике : сб. науч. тр. / отв. ред. А. В. Аргучинцев, Т. И. Грабельных. Иркутск : РИО НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2009. С. 30–47.
2. Грабельных Т. И., Гутник И. Н., Решетников В. А., Саблина Н. А. Ключевые проблемы перехода Иркутского государственного университета на новую модель образования (по результатам социологических исследований). Иркутск : НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2008. 120 с.
3. Козлова О. Н. Напряженность как путь к устойчивости: социокультурные практики в условиях глобальной пандемии: презентационные материалы доклада // Пространства социальной напряженности, глобальные и региональные вызовы и акторы устойчивого развития в современную эпоху. Новости Института социальных наук ИГУ. URL: <http://socio.isu.ru/opencms/ru/sociolab/docs/2020.12.10.Kozlova.pdf> (дата обращения: 15.05.2021).

УДК 316.74

И. В. Цветкова

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ УНИВЕРСИТЕТА ГОРОЖАНАМИ (НА ОСНОВЕ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ТОЛЬЯТТИ)

Анализируется возрастание значения университетов для развития городов. Указывается, что в условиях становления информационного общества все большее значение приобретают социальные функции университетов. Они предполагают активное участие университетов в развитии территории. В статье поставлена цель изучения оценки горожанами социальных функций университета. Приводятся результаты социологического исследования, проведенного в Тольятти. Модель исследования дает возможность сравнивать мнения различных категорий горожан по оценке социальных функций университета по отношению к городу.

Ключевые слова: город, университет, социальные функции, городское развитие, подготовка кадров.

I. V. Tsvetkova

Tolyatti State University, Tolyatti

ASSESSMENT OF THE SOCIAL FUNCTIONS OF THE UNIVERSITY BY CITIZENS (BASED ON AN EMPIRICAL STUDY IN TOLYATTI)

The relevance of the article is due to the increasing importance of universities for the development of cities. In the context of the formation of the information society, the social functions of universities are becoming increasingly important. They involve the active participation of universities in the development of the territory. The article aims to study the citizens' assessment of the social functions of the university. The results of a sociological study conducted in Tolyatti are presented. The research model makes it possible to compare the opinions of different categories of citizens in assessing the social functions of the university in relation to the city.

Keywords: city, university, social functions, urban development, personnel training.

Введение

На современном этапе развития общества, когда знания выступают в качестве основного средства производства, повышается роль университетов. Функции университетов в производстве знаний оказывают влияние на преобразование городской среды в пространство университета. Пространство университета тесно связано с интересами многих групп, таких как студенты, академики, компании, соседи, правительства и застрой-

шки. Роль университета во влиянии на городское развитие в решающей степени зависит от его способности сбалансировать многочисленные отношения, установленные с заинтересованными сторонами.

Существует двойственная связь между людьми и пространством. С одной стороны, люди действуют в соответствии с социальными факторами внутри и в ответ на данное пространство университета. С другой стороны, люди создают и изменяют пространство университета, чтобы выразить свои собственные потребности и желания. В действительности социальное пространство включает в себя как индивидуальные, так и коллективные действия. Пространство университета включает в себя деятельность по вовлечению университетов в отношении их роли в качестве экономических субъектов, производителей знаний, создателей человеческого капитала и институциональных акторов в сетях. Таким образом, реализуется вовлеченность университетов в проекты городского развития [1].

Человеческие ресурсы определяют степень, в которой деятельность в городах может способствовать созданию стоимости, в то время как институциональная среда и качество территории оказывают большое влияние на отдачу человеческих ресурсов.

Поскольку формирование человеческого капитала и институциональный контекст в городах различаются, единой модели городов, которую отличает высокая конкурентоспособность, не существует. Успешные города характеризуют их способность мобилизовать и использовать знания, идеи, а также способность к обучению. Обучающиеся города функционируют как хранилище знаний и идей и обеспечивают базовую среду или инфраструктуру, которые создают условия для обмена знаниями и идеями. Обучение – это главное средство, с помощью которого города могут стать более динамичными, здоровыми, безопасными, более инклюзивными и более устойчивыми.

Развитие образовательной и исследовательской инфраструктуры является типичным способом доступа к знаниям, создания условия для обучения. Как наиболее важный тип инфраструктуры знаний университеты призваны играть фундаментальную роль в обучении городов. Университеты остаются важным локусом исследований и разработок (НИОКР), особенно, в сфере фундаментальных знаний. Исследования, посвященные факторам национального инновационного потенциала, показали, что зарубежные страны, располагающие более высокой долей научно-исследовательской деятельности в образовательном секторе, в отличие от частного сектора или внутригосударственных программ, смогли добиться значительно более высокой производительности патентования.

Университеты способствуют формированию человеческого капитала посредством образования и профессиональной подготовки. Университеты выступают в качестве социальной среды для формирования социального капитала. В некоторых случаях организационная роль исследовательских групп не утрачивает значения для выпускников после окончания вуза. Университеты способствуют накоплению творческого капитала. Прогрессивная, открытая и толерантная атмосфера, поддерживаемая университетами, позволяет быстро вводить новых людей и осваивать новые идеи. Это имеет решающее значение для творческого процесса.

Осознавая стратегическую роль университетов в накоплении капитала, города пытаются строить сети с конкурентоспособными университетами для повышения конкурентоспособности городов [1].

В современной науке проводятся исследования по изучению академической репутации вуза. Данное понятие является результатом конструирования на основе критериев, которые важны для определенного исторического периода. Репутацию вуза определяют как его узнаваемость на основе отличительных характеристик. Репутация отличается от имиджа тем, что она опирается на оценочные суждения о практической деятельности вуза, которые сформировались в общественном сознании. Большое значение для репутации университета имеет опора на академические традиции. Связь с прошлым рассматривается как надежное основание для аргументации преимуществ вуза в организации учебной и научной деятельности [2].

Во многих научных публикациях связь вузов с городской средой прослеживается через анализ взаимосвязей академического и городского сообщества. Данные исследования направлены на то, чтобы сформировать у студентов качества акторов, активно влияющих на функционирование и развитие городской среды. Данная позиция формируется в процессе освоения студентами профессиональной деятельности, которая может реализовываться на предприятиях, фирмах, учреждениях города [3].

Социальные функции современных вузов определяют их роли по отношению к городскому сообществу при помощи понятий: «социальная ответственность», «социальная вовлеченность», «социальное участие». Активная роль университетов в развитии территории реализуется через подготовку кадров для предприятий региона, в развитии региональной науки и культуры, а также в разработке и в реализации проектов по развитию городской среды [4].

Территорию университетов рассматривают как публичное городское пространство. Соответственно, мероприятия университетов по развитию и благоустройству кампусов в этом контексте направлены на преобразование пространства города. Влияние университетов на качество городской жизни связано с выполнением социально-культурных функций по отношению к городскому сообществу. Кампус университета предстает как публичное городское пространство, открытое для горожан, гостей города. В этом аспекте университет участвует в формировании имиджа города, создает его привлекательность [5].

Важные функции сохранения, продолжения культурных традиций выполняют музеи, которые созданы на базе вузов. Работа университетских музеев направлена на формирование региональной идентичности как академического сообщества, так и жителей города. Музеи служат базой для реализации гуманитарных проектов, направленных на привлечение стейкхолдеров, заинтересованных в развитии региональной культуры [6].

Некоторые университеты видят свою социальную миссию в том, чтобы формировать у студентов качества активных членов городского сообщества. В частности, этому способствуют специальные тренинги, проектные сессии, участвуя в которых студенты получают представление о проблемах города, разрабатывают подходы к их решению. Подобные мероприятия дают возможность студентам применить профессиональные навыки к преобразованию городского пространства с учетом потребностей различных социальных групп [7].

В современной науке распространена точка зрения, что университеты не только готовят кадры для учреждений и организаций путем обучения студентов и повышения квалификации специалистов, но также выступают в качестве институтов производства и распространения знаний, способствуют передаче технологий и внедрению инноваций.

В условиях становления общества знаний меняются взаимодействия между городом и университетами. Университеты превратились из заведений преподавательского и исследовательского характера учреждения, которые активно участвуют в проектах регионального развития. Потенциал современных городов, их конкурентоспособность во многом зависит от сетевых взаимодействий с другими регионами, которые формируются, в том числе, с участием университетов.

Таким образом, отношения между университетами и городами изменились в последние десятилетия, они не ограничиваются простым размещением кампусов вузов на городской территории, а включают сложные взаимосвязи между университетским и городским сообществом, различные виды деятельности, которые они осуществляют, а также ее экономические и социальные последствия. Все это находит отражение в социальных функциях университета, которые реализуются на основе норм и ценностей, а также традиций и символов.

Методология исследования

Цель исследования состоит в изучении мнений представителей городского сообщества относительно социальных функций, выполняемых университетом.

В анкетировании по изучению восприятия образа Тольяттинского государственного университета в общественном мнении приняли участие 1049 респондентов. По гендерному составу 45 % составляют мужчины, а 55 % – женщины. Средний возраст опрошенных 26,1 года. Подростки 14–17 лет составляют 13 % опрошенных, к возрастной группе 18–22 года относятся 29 % респондентов. Возрастная группа от 23 до 30 лет представлена 24 % респондентов. Респонденты в возрасте старше 30 лет составляют четвертую часть опрошенных. Таким образом, примерно половина респондентов относятся к категории 14–22 года. Вторая часть – это люди в возрасте старше 23 лет. Данная группа важна, как в аспекте их обучения, например, в магистратуре, на курсах повышения квалификации, так и в аспекте формирования партнерских отношений. Примерно треть участников анкетирования получили высшее образование. Четвертая часть респондентов получили образование в средних профессиональных учебных заведениях. Такова же численность респондентов, которые в настоящее время обучаются в вузах. 17 % участников опроса окончили школу, а 3 % респондентов обучаются в школе.

Результаты исследования

Для изучения восприятия горожанами Тольятти социальных функций, реализуемых Тольяттинский государственным университетом, респондентам был задан вопрос относительно их опыта взаимодействия с ТГУ (табл. 1).

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос: «Какой опыт взаимодействия с Тольяттинским государственным университетом Вы имеете?» (в % по массиву)

Опыт взаимодействия с ТГУ	в % по массиву
Общаюсь со студентами, преподавателями, сотрудниками ТГУ	31
В настоящее время обучаюсь, работаю в ТГУ	28
Общаюсь с выпускниками ТГУ	24
Посещал мероприятия в ТГУ	23
Выпускники	27
Опыта взаимодействия с ТГУ не имею	20

Относительно опыта взаимодействия с ТГУ респонденты могли отметить несколько вариантов ответа, поэтому сумма ответов на вопрос превышает 100 %. Треть опрошенных отметили, что взаимодействуют с преподавателями и студентами ТГУ. 26 % респондентов в настоящее время обучаются в университете. 2 % участников анкетирования работают в настоящее время в ТГУ. Четверть опрошенных общаются с выпускниками ТГУ. Чуть меньшее количество опрошенных являются участниками мероприятий ТГУ.

12 % респондентов были студентами ТГУ. 7 % респондентов обучались на курсах повышения квалификации. 5 % опрошенных обучались в образовании в Тольяттинском политехническом институте, а 3 % – в Тольяттинском филиале Самарского педагогического института. Таким образом, 8 % опрошенных обучались в вузах, в результате объединения которых образовался ТГУ. Соответственно, 80 % участников опроса в тех или иных формах взаимодействуют с ТГУ: обучение в прошлом или в настоящем, общение с преподавателями и сотрудниками, участие в мероприятиях. 20 % респондентов не имеют опыта непосредственного взаимодействия с ТГУ.

Участникам анкетирования был задан вопрос: «Какими источниками информации о Тольяттинском государственном университете Вы пользуетесь?» (табл. 2). На первом месте информационных источников о жизни ТГУ находятся непосредственные контакты с друзьями и знакомыми. Этот вариант ответа отмечает примерно половина опрошенных. Для 46 % респондентов источником информации о ТГУ выступают студенты учебного

заведения. Этот источник информации находится на втором месте. 37 % респондентов пользуются сайтом университета для получения информации о ТГУ. Этот вариант ответа занимает третье место.

Таблица 2

Источники информации о ТГУ, которыми пользуются респонденты

Источники информации о ТГУ	в % по массиву	Рейтинг
Друзья, знакомые	47	1
Студенты ТГУ	46	2
Сайт университета	37	3
Публикации в Интернете	31	4
Преподаватели, сотрудники ТГУ	24	5
Посещения ТГУ во время мероприятий	21	6
Публикации в СМИ	15	7
Печатные издания ТГУ	11	8

Публикации в Интернете о ТГУ интересуют 31 % респондентов, это соответствует четвертому месту в рейтинге. Преподаватели и сотрудники ТГУ в качестве источников информации об учебном заведении отмечены в четвертой части анкет. Данный вариант ответа находится на пятом месте. Шестое место рейтинга занимает посещение ТГУ во время мероприятий, отмеченное 21 % участников анкетирования. Публикации в СМИ отмечены в 15 % анкет, а печатные издания ТГУ – в 11 %. Эти варианты ответов, соответственно, находятся на седьмом и восьмом местах рейтинга.

В таблице 3 представлены данные об оценках образа ТГУ в различных источниках информации, полученные на основе анализа мнений участников опроса, которые пользуются данными источниками. Средняя оценка по различным источникам – 2,5 баллов. Самые высокая оценка образа ТГУ 2,7 балла даны сайту университета. Оценки 2,6 баллов получены на основе анализа мнений респондентов, которые являются участниками мероприятий, общаются с преподавателями и сотрудниками университета. На уровне средних показателей по массиву находятся оценки образа ТГУ в печатных изданиях университета, при общении со студентами. Оценки ниже средних показателей по массиву получены на основе мнений об интернет публикациях, публикациях в СМИ, при общении с друзьями и знакомыми.

Таблица 3

Оценка образа ТГУ в различных источниках информации об университете (среднее значение по трехбалльной шкале с учетом «затрудняюсь ответить»)

Категории респондентов	Средние оценки, респондентов, которые используют данные источники
Пользование сайтом	2,7
Общаются с преподавателями и сотрудниками	2,6
Участники мероприятий	2,6
Чтение печатных изданий	2,5
Общаются со студентами	2,5
Чтение интернет -публикаций	2,3
Общение с друзьями и знакомыми	2,3
Чтение публикаций в СМИ	2,2
Средние значения по всем группам источников	2,5

Участникам анкетирования был задан вопрос: «Как Вы считаете, какую роль играет Тольяттинский государственный университет для города, региона?». Респондентам было предложено восемь вариантов ответа, по отношению к которым нужно было выразить степень согласия (или несогласия).

Таблица 4 позволяет проанализировать общую картину по оценке респондентами суждений о роли ТГУ. Варианты ответов представлены по четырехбалльной шкале. 4 балла соответствуют ответу – «согласен», 3 балла – «скорее согласен», 2 балла – «скорее не согласен», 1 балл – «не согласен», «0 баллов» – затрудняюсь ответить.

Таблица 4

Оценка респондентами суждений о роли ТГУ
(по четырехбалльной шкале, с учетом «затрудняюсь ответить»)

Суждения о роли ТГУ	Количество баллов
Осуществляет подготовку кадров для предприятий, учреждений	3,1
Создает научную базу	2,8
Положительно влияет на имидж города	2,7
Формирует культуру горожан	2,6
Создает инновационную среду	2,6
Влияет на стратегию развития города	2,5
Объединяет городское сообщество	2,5
Способствует благоустройству города	2,5
Общая оценка по массиву	2,7

Средняя оценка суждений по массиву 2,7 балла. Самую высокую оценку получило суждение о том, что осуществляет ТГУ подготовку кадров для предприятий, учреждений (3,1 балла). На втором месте находится суждение о роли ТГУ в создании научной базы (2,8 балла). Третье место занимает суждение о положительном влиянии ТГУ на имидж города (2,7 балла). Оценку на уровне 2,6 балла получили суждения о роли ТГУ формировании культуры горожан и создании инновационной среды. Три суждения получили оценки ниже, чем в среднем по массиву, на уровне 2,5 балла: «влияет на стратегию развития города», «объединяет городское сообщество», «способствует благоустройству города».

Самая высокая степень согласия респондентов наблюдается по суждению о том, что ТГУ осуществляет подготовку кадров для предприятий, учреждений. Чуть меньшая степень солидарности наблюдается в оценке суждений о том, что ТГУ создает научную базу, позитивно влияет на имидж города. Высокие оценки почти по всем видам суждений давали пользователи сайта ТГУ, читатели печатных изданий ТГУ, а также студенты ТГУ. Низкие оценки всех суждений наблюдаются у респондентов, которые не взаимодействуют с ТГУ.

Таблица 5

Оценки социальных функций университета различными категориями респондентов

Категории респондентов	Количество баллов
Пользователи сайта университета	3
Читатели печатных изданий	3
Студенты	3
Участники мероприятий ТГУ	2,9
Общаются со студентами, преподавателями	2,8
Выпускники	2,8
Не взаимодействуют с ТГУ	2,2
Среднее значение по массиву	2,7

Таблица 5 показывает, что оценки социальных функций университета у категорий горожан различаются. Пользователи сайта университета, студенты, читатели печатных изданий оценивают социальные функции на уровне 3 баллов. Этот показатель на 0,3 балла превышает средние значения. Общая оценка социальных функций ТГУ участниками мероприятий, проводимых в университете, составляет 2,9 балла. Выпускники университета и горожане, которые общаются с сотрудниками, преподавателями университе-

та, дают оценку социальных функций на уровне 2,8 балла. Горожане, которые не взаимодействуют с университетом оценивают его социальные функции на 0,6 балла ниже на уровне 2,2 балла.

Заключение и обсуждение

Мнения участников опроса об образе ТГУ зависят от информационных источников, которыми они пользуются. Наиболее положительный образ университета формируется под влиянием сайта ТГУ. Большое значение для позитивного образа университета имеют мероприятия, проводимые в вузе, печатные издания университета. Образ ТГУ, как показывают результаты опроса, формируется у респондентов под влиянием общения с сотрудниками, преподавателями, студентами. Средняя оценка образа ТГУ в различных источниках является довольно высокой – 2,5 балла (по трехбалльной шкале с учетом затруднившихся ответить).

Результаты проведенного исследования показывают, что социальные функции, выполняемые университетом, получили довольно высокую оценку горожанами. По четырехпольной шкале она составляет 2,7 балла. Данная оценка показывает, что существует значительный потенциал во взаимодействии университета и города. Горожане дают наиболее высокие оценки «традиционным» функциям университета, связанным с подготовкой кадров, развитием научного потенциала, а также положительным влиянием на имидж города. Остальные функции университета получили оценки более низкие, чем с средним по массиву. Большое значение для формирования представлений о социальных функциях ТГУ имеют особенности взаимодействия различных категорий горожан с университетом. Активные связи с университетом через обучение, коммуникацию через сайт университета, чтение печатных изданий университета способствует тому, что респонденты, чаще, чем другие, высоко оценивают социальные функции вуза.

Университеты не только обучают студентов и повышают квалификацию специалистов, но и выступают в качестве институтов производства и распространения знаний, которые непосредственно ведут к передаче технологий и инновациям.

Города постепенно трансформируются под влиянием интеллектуальных и институциональных ресурсов университетов. Например, расширение кампуса изменяет территориальную организацию землепользования и связи между ними. Университетские инновации способствуют передаче технологий и способствуют реструктуризации городской экономики на основе создания знаний. Деятельность университетов по взаимодействию со стейкхолдерами оказывает влияние на программы развития города. В целом университеты играют все большую и ведущую роль в городском развитии.

Литература

1. Liu C. The Tensions of University – City Relations in the Knowledge Society // *Education and Urban Society*. 2019. Vol. 51, N 1. P. 120–143.
2. Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ репутации университета: выдвигание прошлого в актуальной практике // *Коммуникативные исследования*. 2019. № 4. С. 940–958.
3. Покатиловская Е. Н. Становление позиции субъекта городского сообщества у студентов в условиях развивающегося факультатива // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2019. № 2. С. 56.
4. Аштува Т. В., Белевских Т. В., Желнина З. Ю., Горбачева А. А. Проектно-ориентированная практика опорных вузов в развитии территорий (на примере деятельности ФГБОУВО «Мурманский арктический государственный университет») // *Труды Кольского научного центра РАН*. 2018. № 2-13 (9). С. 73–90.
5. Ефремова Л. В. Университет как публичное городское пространство // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2018. № 4. С. 119–121.
6. Наумова О. С. Музей вуза как форма университетской гомосферы: опыт создания гуманитарного проекта в техническом вузе // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*. 2018. № 6 (63). С. 74–80
7. Новикова С. Е. Университет как центр формирования городского пространства и территориального развития // *Скиф*. 2019. № 1 (29). С. 158–161.

УНИВЕРСИТЕТ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

В статье показываются перспективы развития университета в городской среде. Анализируются варианты изменения городского пространства под влиянием университетских комплексов в мире, а также рассматриваются варианты развития городов под влиянием университетского потенциала в России.

Ключевые слова: урбанизм, городская среда, университет, мегаполис, университетская среда.

I. A. Zhuravleva
Irkutsk State University, Irkutsk

UNIVERSITY IN AN URBAN ENVIRONMENT

The article shows the prospects for the development of the university in the urban environment. Variants of changes in urban space under the influence of university complexes in the world are analyzed, and variants of urban development under the influence of university potential in Russia are considered.

Keywords: urbanism, urban environment, university, metropolis, university environment.

Университеты формируют историю городов, определяют туристические точки притяжения (Латинский квартал в Сорбонне), но также вносят существенный вклад в экономическую стабильность и перспективы развития многих территорий (силиконовая долина в США, Сколково в России). Университеты конструируют городское пространство как основоположники нового опыта и систематизаторы старого знания. В работах С. В. Малых [3; 4] указывается на роль бренда университета в развитии территории и перспективах развития в будущем. В ряде наших работ также рассмотрена эволюция университетской среды со средневековья до наших дней [1; 2].

Организация университетского пространства в городской среде может быть различной. Она зависит от исторически сложившихся условий развития университетов, источников финансирования и перспектив роста. На сегодняшний день сложилось четыре основные модели: изолированный кампус за городом, изолированный кампус в черте города, университет с разбросанными по городу корпусами и университет со связанными между собой корпусами.

Изолированный кампус за городом. Университетские корпуса и общежития для студентов расположены за городом, также имеется вся инфраструктура, позволяющая независимо функционировать. Связь с городом представлена слабо. Данный тип корпусов встречается чаще всего в США, в России к этому типу можно отнести Сколково в Подмосковье и Дальневосточный Федеральный университет, находящийся на острове Русский.

Изолированный кампус в черте города. Внутри города создаются районы или локальные территории из нескольких учебных корпусов и общежитий студентов. При таком типе студенты и преподаватели могут более легко взаимодействовать с городской инфраструктурой. Данный тип распространен в России и Китае. В Китае могут строиться кварталы из нескольких университетов. В России данные кампусы имеются в рамках факультетов, имеющих давнюю историю, возникших еще в советское время и получивших территорию «По наследству». Вновь создаваемые университеты или факультеты не имеют такой возможности из-за дороговизны муниципальной земли.

Университет, разбросанный по городу. Чаще всего встречается в России. Они характеризуются отсутствием территориальной связи между собой. Иногда расстояние между корпусами может занимать более часа езды на общественном транспорте. Это разрывает внутренние связи университета и единство факультетов и студентов, но согласуется экономической выгоде и целесообразности.

Распределенный кампус с повышенной связностью корпусов. Расположенность корпусов предполагает перемещение между ними не более 30–40 минут пешком. Это ис-

ключает транспортные сложности. И в то же время доступность горожанам бывать в местах университетских объединений позволяет формировать новое качество городской среду. Тот же латинский квартал в Сорбонне или Гарвардский в Бостоне. В городах, где недостаточно развита городская среда – данный подход может быть спасительным.

Полагаю, что последний вид наиболее удачен для развития университетской среды в городе. Он позволит наполнить новыми смыслами городское пространство. Начиная от пешеходных студенческих зон, выступающих открытыми публичными местами отдыха, коммуникации и свободного взаимодействия.

Проводя контент-анализ публикаций по данному вопросу, за последние 10 лет в научной литературе (в выборку вошли статьи, проиндексированные в РИНЦ, а также опубликованные в периодических изданиях (АиФ, Комсомольская правда) мы рассматривали такие категории и связки анализа как «университет V развитие территории», «университет V город», «университет V мегаполис», «университет V будущее». Результаты системного триангуляционного анализа с критерием Фишера при уровне значимости $P \leq 0,05$ представлены в таблице 1 и доказывают четкую взаимосвязь между анализируемыми понятиями, указывающую на необходимость комплексного развития университетов в городском пространстве.

Таблица 1

Триангуляционный анализ результатов контент-анализа научных публикаций по развитию университетов и городов по данным РИНЦ (с 2010 по 2020 г.)

Категории анализа	Коэффициент Фишера	Выраженность в ВАК публикациях	Выраженность в публикациях периодических изданий
Университет V развитие территории	$P \leq 0,05$	0,645	0,765
Университет V город	-	0,364	0,647
Университет V мегаполис	-	0,428	0,549
Университет V будущее	$P \leq 0,05$	0,764	0,799

Разница в научных и публицистических публикациях о развитии города вместе с университетским комплексом только количественная, смысловые значения и коэффициентные показатели совпадают.

Создание университетских проектов в виде культурных и спортивных центров, галерей и выставок, антикафе и прочего, где участвуют преподаватели и студенты, а также социально активные жители города. Вокруг этого будут формироваться новые рестораны, молодежные гостиничные комплексы, что само по себе станет точкой притяжения для жителей города.

И с этой точки зрения, университет предлагает новые возможности досуга, спорта, публичных лекториев и библиотек, создаст новые пространства для выставок и экспозиций. Вклад в развитие городского пространства неоспорим и системен. Он требует времени и постоянного внимания, но оправдан исторически и социально-эволюционно. Без университетов нет будущего региона.

Литература

1. Журавлева И. А., Тетерин В. В. Роль правовых норм в институциональной культуре университетов // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Полошкоевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2020. С. 214–218.
2. Журавлева И. А. Университетские корпорации: от средневековья до наших дней // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 373–377.
3. Малых С. В. Репутация университета как основа развития // Социология. 2020. № 2. С. 281–287.
4. Малых С. В. Роль университета в развитии бренда территории : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. 131 с.

ИМИДЖ УНИВЕРСИТЕТА В ГОРОДСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Рассматриваются условия и особенности формирования университета. Анализируется роль университета в развитии городского сообщества. Приводятся результаты исследования восприятия имиджа университета в городе глазами студентов ИФИЯМ ИГУ. Доказывается доминирующее воздействие субъективных факторов, влияющих на имидж университета в Иркутске, и менее значимое воздействие объективных факторов.

Ключевые слова: имидж, университет, городское сообщество, город, территория, менталитет, городская среда, городская общность, городское сообщество.

S. V. Malykh

Irkutsk State University, Irkutsk

IMAGE OF THE UNIVERSITY IN THE URBAN COMMUNITY

The article examines the conditions and features of the formation of the university. The role of the university in the development of the urban community is analyzed. The results of the study of the perception of the image of the university in the city through the eyes of the students of the Institute of Physics and Mathematics are given. The dominant influence of subjective factors affecting the image of the university in Irkutsk, and a less significant impact of objective factors are proved.

Keywords: image, university, urban community, city, territory, mentality, urban environment, urban community, urban community.

Городское сообщество достаточно разнообразно. Оно состоит из представителей разных сфер, которые своим участием или неучастием влияют на формирование общей среды, менталитета города. Кто определяет общие тенденции развития, формирует векторы – тот и определяет формы и условия развития городского менталитета.

Университет, его имидж, а также отдельные его представители в любом городе являются связующими звеньями социального воспроизводства всего сообщества. Это происходит потому, что благодаря университету формируется преемственность между теми, кто уже работает и теми, кто еще учится. Более того, кто в нем не учился и не работал, но знает о его существовании – также своим отношением, оценкой вносят свой вклад в общество. Все вместе – они формируют универсальную связку социального развития.

Ключевым элементом в данных вопросах выступает имидж университета, его социально-психологические и культурно-экономические, а также политико-антропологические факторы включенности в сообщество. Имидж формируется не в одночасье, это целенаправленная постоянная работа, по формированию определенного позиционирования в городе или регионе.

Имидж университета в городской среде является определяющим для формирования образовательных перспектив молодежи (И. А. Журавлева [1–4], С. В. Малых [6–10]), трудовой занятости в меняющемся обществе (Р. В. Иванов [5]), социальным ресурсам воспроизводства (О. А. Полошкевич [11–12]) и многих других процессов социального развития. Общество воспроизводится во многом благодаря передаваемому знанию, навыкам и технологиям, получаемым, сохраняющимся и воссоздающимся в университетской среде. Это «начинка» имиджа университета.

Среди студентов ИФИЯМ ИГУ мы провели опрос, на тему формирования Имиджа университета в городе. В исследовании приняли участие 450 человек, в возрасте от 18 до 24 лет, 68 % женщин и 32 % мужчин.

Имидж формируется благодаря поведению студентов (29 % девушек и 27 % юношей), качеству образования (24 % девушек и 26 % юношей), возможностям трудоустройства (19 % девушек и 24 % юношей), наличию материальной базы (14 % девушек и 11 % юношей), поведению преподавателей (9 % девушек и 8 % юношей).

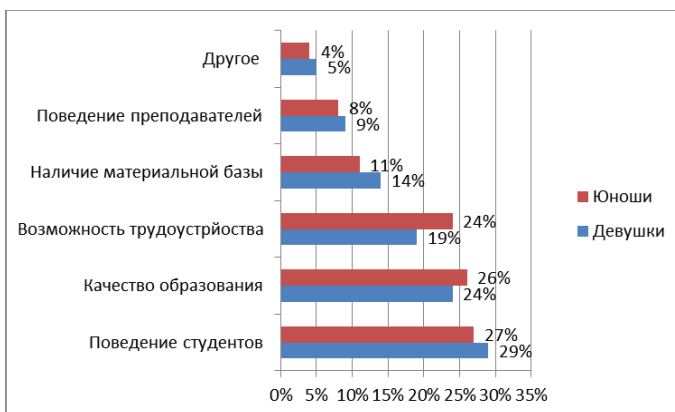

Рис. 1. Из чего формируется имидж университета

При этом, формы развития могут меняться под влиянием разных условий. По мнению студентов, экономические факторы выступают определяющими в формировании условий воздействия имиджа университета на городское сообщество (28 % юноши и 24 % девушки), далее идут политические условия (25 % юноши и 23 % девушки), социокультурные (21 % юноши и 22 % девушки), демографические (12 % юноши и 15 % девушки), географические (8 % юноши и 5 % девушки).

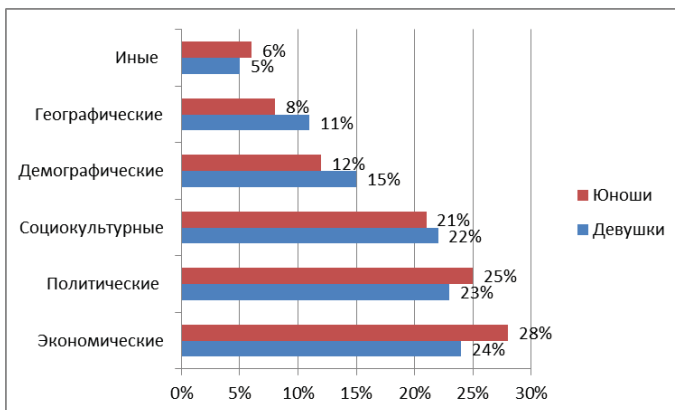

Рис. 2. Условия воздействия имиджа университета на городское сообщество

При этом, имидж университета меняется во времени (56 % юноши и 51 % девушки) и пространстве (67 % юноши и 34 % девушки). Во времени – через новые знания, технологии, новых людей происходит эволюция и качественное замещение человеческого капитала. В пространстве через строительство новых корпусов, баз практик, общежитий, через новые системные инфраструктурные решения, которые меняют не только условия жизни студентов и преподавателей, но и горожан, кто также погружен в данные процессы социального изменения.

Студенты также отметили стратегические ориентиры развития вуза, под влиянием внешних условий. Вместе с изменением университета, образовательных программ, качества выпускаемых специалистов меняется и качество городской среды. Изменяется человеческий капитал, менталитет городского сообщества.

Поэтому, стоит говорить о социальном изменении городского пространства под влиянием конструируемого имиджа университета. Вклад в этот процесс вносят все участники университетского сообщества и городской среды, так как их нельзя рассматривать как отдельные сферы или объекты взаимодействия. Социальная среда конструируется имиджем университета и развивает основные условия и перспективы общественного воспроизводства любой территории.

Литература

1. Журавлева И. А. Ресурсно-образовательный потенциал современной молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 279–286.
2. Журавлева И. А. Социальная напряженность при формировании образовательных стратегий региональной молодежи // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» [науч. ред. Т. И. Габельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 182–184.
3. Журавлева И. А. Социальные условия и психологические предпосылки образования молодежи // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы V Междунар. науч.-практ. интернет-конф. : в 2 ч. 2020. С. 315–321.
4. Журавлева И. А., Иванов Р. В., Тетерин В. В. Жизненные ориентиры и стратегии провинциальной молодежи // Социология. 2020. № 2. С. 117–127.
5. Иванов Р. В. Региональная молодежная политика: экспертный анализ // Социология. 2021. № 1. С. 93–102.
6. Малых С. В. Бренд университета в публичном пространстве: правовые вопросы // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред. О. А. Полношкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2021. С. 281–287.
7. Малых С. В. Механизмы конструирования репутации ИГУ в общественном сознании жителей региона // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2021. С. 523–529.
8. Малых С. В. Репутация вуза как условие развития территории // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы V Междунар. науч.-практ. интернет-конф. : в 2 ч. 2020. С. 69–73.
9. Малых С. В. Роль университета в развитии бренда территории : монография. Иркутск : ИГУ, 2019. 128 с.
10. Малых С. В. Формирование репутации регионального вуза (на примере ИГУ) // Социология. 2020. № 4. С. 191–196.
11. Полношкевич О. А. Интеллектуальный капитал университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 5. С. 25–27.
12. Полношкевич О. А. Социальная ответственность университетов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2012. № 11. С. 26–29.

УДК 316.48

Ю. С. Лобанов, З. Н. Сергеева

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск

МЕДИЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДСКОГО КОНФЛИКТА¹

Рассматривается устройство медийного пространства городского конфликта. Данное понятие соотносится с категориями физического и социального пространства. Дается принципиальное различение городского медийного пространства и федерального. Первое прочно связано через «новые медиа» с местом, в котором физически существует участник конфликта, и это обстоятельство задает особые параметры медийного пространства городского конфликта как важного места встречи конфликтующих сторон у городского сообщества.

Ключевые слова: конфликт, медиaprостранство, город, СМИ.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Оборонительные сообщества жителей в городских конфликтах» (РГНФ № 20-411-540003).

THE MEDIA SPACE OF URBAN CONFLICT

The article examines the structure of the media space of the urban conflict. This concept is related to the categories of physical and social space. A fundamental distinction is made between the urban media space and the federal one. The first is strongly connected through "new media" with the place where the conflict participant physically exists, and this circumstance sets special parameters of the media space of the urban conflict as an important meeting place for the conflicting parties in the urban community.

Keywords: conflict, media space, city, mass media.

Современный мегаполис ежедневно рождает десятки конфликтов. Однако не все из них возможно идентифицировать как городские. Важным признаком является городская повестка, затрагивающая интересы местных жителей и его репрезентация в публичном пространстве города. Обретение конфликтом публичности может осуществляться через различные стратегии манифестирования его участниками. Часть из них осуществляется через формализованные механизмы обращений граждан в муниципальные органы власти и носят легитимный характер, часть обретает публичность через легитимную или нелегитимную активность протестного характера: митинги, в том числе и виртуальные, манифестации, пикетирование, перекрытие подъездов к спорным объектам, флешмобы, вывешивание лозунгов, перфомансы и т. д. Маркирование спорного пространства может осуществляться с помощью физического выхода на улицы города с плакатами и лозунгами с требованиями. Однако, все эти действия будут иметь минимальный эффект, если будут осуществляться вне городского медийного пространства.

Развитие конфликта в медиaprостранстве может оказываться не менее важным для исхода конфликта, чем в физическом пространстве. Медиа и коммуникация опосредованная СМИ, средствами сетевых интернет-ресурсов все больше проникают в повседневную жизнь, а зачастую и вовсе стирают пространственные границы. Становится трудно говорить о физическом городском пространстве, не упоминая при этом о медиа – и наоборот. Конфликт с одинаковой степенью вероятностью может начинать свой жизненный цикл первично как в медийном пространстве или пространстве социальных сетей, так и наоборот в физическом.

Тема роли СМИ в городских и общественных конфликтах в последние годы все чаще становилась предметом внимания российских исследователей, особенно широко она изучается в политологическом дискурсе. Некоторые аспекты использования медиа участниками городских конфликтов рассмотрены авторами А. В. Глухой, А. И. Кольба, А. В. Соколовым [1]. Роль СМИ в регулировании конфликтных ситуаций рассматривалась В. В. Горшковой. СМИ как инструмент политизации городских конфликтов рассматривались Р. И. Петровой в работе «Политизация городских конфликтов в современной России: участники, повестка, тактическое взаимодействие». Ю. С. Кинаш [5] в статье «Роль СМИ и «новых медиа» в современных политических конфликтах» делает интересный вывод, что в политических конфликтах СМИ выступают одновременно как особый субъект, как инструмент и как канал конфликтного взаимодействия. Анализ современного состояния медиaprостранства, медиасреды был проведен в работах И. М. Дзялошинского [3], Е. Г. Ним, М. А. Пильгуна, С. Г. Давыдова, О. С. Логуновой [3].

При всех достоинствах вышеперечисленных работ, они имеют другой предмет исследования, рассматривая скорее ролевые модели и сценарии участия СМИ в общественном конфликте, а также степень влияния СМИ на развитие конфликта, чем сложное пространство взаимодействия СМИ и других участников конфликта. Для нашего исследования, в отличие от проводившихся ранее, принципиально важна модель пространства и места развития конфликта как именно городского конфликта, привязанного к определенному общему для всех участников физическому пространству. Цель данной статьи: охарактеризовать специфику городского медиaprостранства, как пространства городского конфликта.

Сам город как общность (а не как сумма некоторых локальных территорий или событий, доступных непосредственному восприятию человека) существует не столько в физическом, сколько в медийном пространстве. Соответственно, и городской конфликт становится таковым в полном смысле слова, только оказавшись в медийном пространстве города – на страницах городских информационных порталов, газет и пабликов в социальных сетях. Эти конфликты – принципиально публичное явление – не манифестируемый, частный конфликт не может считаться в полном смысле городским конфликтом. А обращение к «четвертой власти» зачастую единственный реальный механизм влияния на сложившуюся ситуацию в городской среде.

Численность населения города естественно определяет не только экономическую, социально-политическую, но и медийную активность. Медийное пространство большого города является символическим или виртуальным отражением физического и социального пространства. Важное отличие городского медийного пространства от федерального или глобального – привязанность к конкретному месту. Городское медийное пространство воспроизводит с помощью образов и символов то физическое или социальное пространство, с которым житель города может столкнуться непосредственно, в своей физической реальности. Чаще это, в буквальном смысле, пространство – место для жизни, прогулок, размещения своих автомобилей и т. п. В городе, будучи органической частью социального пространства, медиапространство тесно пересекается с физическим, так как само пространственно привязано к конкретным точкам физической реальности индивида, оно ограничено территорией города. Это коренным образом отличает медийное городское пространство и его уровень реальности от глобального медийного пространства, которое может быть «встречено» горожанином «в непосредственных ощущениях» гораздо реже. Городской конфликт, как правило, довольно четко пространственно локализован, в ходе него идет оспаривание неких культурных и материальных ценностей, имеющих пространственную протяженность и положение. Медиапространство города в некотором смысле является отражением или моделью физического и социального пространства города в их переплетении. В фокусе медиа – истории и смыслы конкретных мест, местных сообществ, институций. Зачастую свои газеты, паблики, есть даже у отдельных районов и жилых массивов.

Фокус федеральных медиа скорее смещен с пространства конкретных мест на нелокализованные сущности: крупные социальные и политические объединения и институции, экономические и политические процессы, которые находятся одновременно везде и не локализованы нигде конкретно.

В связи с вышесказанным, медийное пространство города – это система социальных и экономических связей между акторами и институциями, регулирующая и направляющая потоки информации, которые необходимы для поддержания эффективного функционирования города. Медийное пространство имеет неоднородную структуру. Внимание аудитории сфокусировано на центральных областях пространства, которые занимают потоки информации, генерируемыми СМИ с большой аудиторией (не менее 50 тыс. просмотров одной новости по Scan Interfax [10]). Потоки первичной информации, сообщений от граждан, институций, ньюсмейкеров, инфлюенсеров, стекаются, прежде всего, в центральные «хабы» по распределению и переработки информации. К примеру, в Новосибирске, по данным Росстат [9], проживают 1 625 631 человек, такими «городскими хабами»-СМИ являются «НГС», «Тайга.инфо», телеканал «Вести Новосибирск» или наиболее массовые по подписчикам группы в социальных сетях одноименные «НГС», «Тайга.инфо» паблики «Типичный Новосибирск», «АСТ 54» и др. В среднем, приведенные выше СМИ и производимые ими новости, читает каждый девятый горожанин, а если посмотреть статистику самого популярного (около 280 тыс. подписчиков) каждый пятый житель города.

Поскольку большой город изначально конфликтное пространство, городские конфликты занимают важную часть информационной повестки. Поэтому городские активисты, субъекты вовлеченные в локальные и городские конфликты претендуют на то, чтобы занять это масштабное пространство и генерировать там мощный новостной поток, способный влиять на рейтинги местных чиновников и репутации корпораций. Журналисты охотно пишут про конфликты. Во-первых, наблюдение за чужими конфликтами является мощным источником эмоций для наблюдателей, которые сочувствуют одной из его сторон. Во-вторых, городские конфликты в медиапространстве являются кейсами для городских сообществ – с помощью наблюдения за ними горожане могут изучать приемы борьбы, способы объединения, взаимодействия с конкретными городскими акторами – депутатами, предпринимателями, городскими активистами и членами других сообществ. Именно поэтому новости про городские конфликты являются одними из самых читаемых и обсуждаемых на городских порталах: так, новости о городских конфликтах на портале «НГС» набирают на 20 % больше прочтений, чем средняя новость, незначительно уступая только криминальной хронике.

Многие участники городской жизни стремятся опубликовать свои новости именно в этих СМИ, так с их помощью можно занять доминирующее положение в городском медийном пространстве и если не контролировать, то влиять на мощный информационный поток, реально воздействующий на события в регионе. Поэтому у этих СМИ всегда есть выбор, о чем писать, так как они получают все самое важное первыми, на правах эксклюзива. Чтобы пробиться в популярные городские медиа, протестующие должны «выиграть» заведомо неравную конкуренцию со своими оппонентами.

Однако параметры эффективности (вовлеченность аудитории, количество просмотров, время нахождения пользователей на портале, репосты и т. д.) влияют на количество рекламодателей и на лояльность к субъектам городских конфликтов, а значит на публикации о них. Периферию пространства занимают СМИ, имеющие «низкую» аудиторию, они также стремятся публиковать эксклюзив, но выбор у них меньше, соответственно, протестующим проще «опубликоваться» здесь даже с заурядными инфоповодами. Эффект от этих публикаций будет менее ощутимым, чем в ведущих городских СМИ. Центральные СМИ перераспределяют потоки по периферийным в виде цитирований, потоки в обратном направлении не идут – у центральных СМИ есть табу на цитирование периферийных, иначе начнет нарушаться статус-кво: периферийные начнут претендовать на центральное положение. Чаще всего эта проблема решается путем рейрита и под действием эффекта общественного мнения по Э. Нозль-Нойман называемого «эффект оркестрового вагона»-тот, кто имеет больше аудитории и «громче кричит» тот и победитель, вне зависимости от того что транслируемое мнение может быть мнением меньшинства и усиливает конкуренцию между участниками конфликта [6].

В городских пространствах большую роль играют новые медиа, в которых читатель из пассивного потребителя информации превратился едва ли не соучастника информационного процесса, иногда комментарию читателей набирают больше прочтений, чем сама статья. Привязанные к своим непосредственным местам обитания люди через свои взаимодействия с медиа привязывают их к локальному городскому пространству еще сильнее, чем были привязаны «старые» местные медиа. Теперь движение информации направлено не только «сверху вниз», но из «центра» на «периферию», но и в обратном направлении, в этом смысле новые медиа дают голос жителям локальных пространств, переподчиняются им и становятся отчасти их рупором, тогда как «старые» медиа более тесно взаимодействовали с бизнесом и властью. Эти процессы изменили роль медиа в городском конфликте: если старые медиа только фиксировали конфликт уже в явной стадии («жители города N провели митинг против строительства скотомогильника»), то новые медиа становятся участниками конфликта на стадии его зарождения: благодаря социальным сетям и мессенджерам они узнают о планах участников городского кон-

фликта первыми, и раскручивают конфликт, создавая для себя яркий информационный повод, для своего рекламного отдела – возможность предложить контригру оппонентам протестующих, а самим протестующим дают возможность заявить о себе и найти новых союзников.

Часто именно манифестирование конфликта в новых социальных переводит его из частного в публичный и делает даже ограниченный частный или локальный конфликт городским, наделяя его новым статусом, функциями, а его участников новыми ресурсами и инструментами воздействия на ситуацию.

Медийное пространство города не принадлежит протестующим участникам городского конфликта, однако вполне может использоваться некоторыми из них и контролироваться. Степень управляемости СМИ во много зависит от количества СМИ на территории, а значит существующей конкуренции за читателя и рейтинги просмотров. Парадокс участия в конфликте городских СМИ и «новых медиа», его публичность а может перераспределять ресурсы и ранги сторон. К примеру, репрезентация конфликта в СМИ может снижать шансы влиятельных участников конфликта ввиду осознаваемых редакторами и менеджментом СМИ рисков потерять аудиторию промолчав или же дав «лояльную» сильной стороне трактовку информационному поводу с конфликтной повесткой, волнующей горожан. Внимание СМИ, степень интереса общества к конфликту и есть тот «паблицитный капитал», который общественники могут обменять на союзничество политиков, чиновников, журналистов.

Политическое влияние олигархов значительных бизнес-игроков в пространстве городских публичных отношений обеспечено не только ростом их капиталов, но и тем, что в их руках оказались средства влияния: многие электронные и печатные средства массовой информации – наиболее популярные телевизионные каналы, радиостанции, газеты, журналы. Известно, что многие федеральные, как впрочем и региональные СМИ на постоянной основе оказывают информационную поддержку группам политического влияния. Однако постепенно государственные СМИ теряли свое влияние из-за недостаточно финансирования и снижения государством регламентации их деятельности. Бизнес осознал, что СМИ являются не только каналом получения дополнительных материальных средств, но и важным каналом воздействия на общественное мнение. Таким образом необходимо обозначить возможных участников конфликта: представители государственных и муниципальных органов управления, депутаты, заинтересованные бизнес структуры, представители общественных организации, заинтересованные жители, объединенные целью или проблемой, лидеры общественного мнения, блогеры, профессиональные лоббисты, журналисты. Именно последние зачастую, единственные союзники, которых удастся привлечь на свою сторону протестующим.

Сценарий влияния на городскую медийную повестку может быть разным, с одной стороны редакции в борьбе за сохранение аудитории выбирают рискованную стратегию ведения бизнеса (большинство редакций сегодня это коммерческие структуры, которые обязаны осуществлять эффективно свою основную деятельность и самоокупаться) и готовы не подвергаться влиянию, а быть действительно независимыми. С другой стороны, остается актуальным сценарий, в котором СМИ обслуживает бизнес и сохраняет имидж организации или персоны. Но чаще всего городского медийное пространство формируется в постоянном противоречии: с одной стороны, влиятельные собственники СМИ, с другой стороны риски потерять аудиторию ввиду ложных (излишне лояльных) информационных поводов и снижения рейтингов вовлеченности аудитории. Парадокс формирования контента граничит часто в проекции «корпоративной социальной ответственности: бизнес-общество-власть», вероятно поэтому городской конфликт часто «живет» в долгосрочном жизненном цикле.

Сферами разветвления конфликтов становятся темы, связанные с сохранением культурного наследия (защита памятников и объектов архитектуры), межнациональные

отношения, экологическая повестка. Однако лидирующей сферой развертывания конфликтов в крупных городах является тема градостроительства и соблюдения сохранения интересов местных жителей в прилегающей или в непосредственном месте застройки. Тема градостроительства является конфликтогенной не только для представителей муниципальной власти, которая осуществляет сделки по продаже земли застройщикам, но и для региональных властей. Причина в необходимости выполнения национального проекта «Жилье и городская среда». У российских губернаторов, по сути, появился новый показатель эффективности – «строительный», предполагающий существенное увеличение темпов ввода в эксплуатацию жилищного фонда. Поэтому ни первые, ни вторые, за редким исключением, не будут поддерживать протестующих в конфликте с относительно добросовестным застройщиком. Поэтому градостроительные конфликты чаще всего решаются не на пикетах (это стратегия остается, но как некая степень отчаяния, нежели механизм реального воздействия) а в кабинетах профильного министерства. В случае если речь идет о дольщиках, заинтересованность выхода есть и у представителей власти и у жителей. А в случае точечной застройки усложняется появлением четвертого субъекта конфликта, помимо власти, застройщика, соседского сообщества возникают инвесторы, купившие квартиры на нулевом периоде застройки. И в этом случае конфликт носит продолжительный характер и привлекает множество каналов коммуникации. За последние пять лет в Новосибирске зафиксировано более 100 городских конфликтов, и больше половины из них связаны с «точечной застройкой» или другими столкновениями градостроительного характера.

Таким образом, существует ряд функций вывода конфликта в медиа пространство. Первая из них функция влияния. Вывод проблемы в поле зрения интереса СМИ в городе всегда быстрее и больше влияет на органы муниципальной и региональной, нежели на федеральные. Ведь органам власти сложнее установить контроль над разрозненными и многочисленными медиаресурсами – федеральным же достаточно нескольких «медиапушек» (Россия 1, Первый канал, Комсомольская правда и т. п.), чтобы подавить почти любое нежелательное выступление.

Вторая функция – манипулятивная. Манипулирование или шантаж местных жителей со стороны любой из противоборствующих сторон принимает в значительной степени иной вид если данные действия могут принести репутационные потери на фоне медийного сопровождения конфликта. Одно дело – запугивать активистов без огласки, другое дело, давить на них «под прицелами телекамер». Часто, в городских конфликтах используются приемы запугивания, связанные с выводом конфликтной повестки в федеральное поле. Но конфликт с участием СМИ всегда несколько обостряется и становится пространством для взаимной манипуляции, с нежелательными рисками выхода конфликта в федеральные СМИ. Практика показывает, что в большинстве случаев оппоненты отказываются от давления на гражданских активистов и готовы идти на компромисс.

Третья функция-коммуникативная: медиа выступают как пространство коммуникаций между субъектами конфликта, поскольку в силу высокой эскалированности конфликта между ними нарушается коммуникация. На прямую они либо не взаимодействуют, либо взаимодействуют опосредованно через суды и силовые структуры. Здесь у участников конфликта появляется возможность хоть как-то услышать позиции друг друга, понять позиции и аргументации друг друга. По сути функция местных СМИ часто имеет перспективы перетекать из коммуникационной в функцию медиации. В отличие от федеральных СМИ, местные журналисты чаще готовы реально идти на помощь отдельной семье или отдельному человеку, конкретной общности людей, которые являются их непосредственными читателями. «Местные» журналисты, в отличие от федеральных, сами такие же «местные» люди, которые заинтересованы в решении тех же проблем, что и «обычные» жители города.

В совокупности все выше указанные функции открывают возможности для реализации еще одной: обеспечение гарантии безопасности. Это четвертая функция: вывод конфликта в медийное пространство предоставляет определенные гарантии безопасности его участникам. После начала активной информационной кампании противоборствующие стороны меньше склонны к противоправным действиям в отношении друг друга. Участники понимают, что своими агрессивными действиями они будут только увеличивать репутационные и юридические риски, и что эти риски выше, чем шанс на успех. Ведь правоохранительные органы имеют свою систему отслеживания негативных новостей, и плохие новости «на местах» вряд ли понравится «большому начальству», которое редко удается вовлечь в «местные игры».

Пятая функция – ускорение динамики конфликта (конфликт развивается и без СМИ). Вывод конфликта в медийное пространство способствует его развитию в двух направлениях. Во-первых, придание конфликту публичности воспринимается противниками как враждебные действия, что способствует либо его эскалации с дальнейшим обозначением границы недопустимых потерь, либо одна из сторон отказывается от борьбы, посчитав репутационные риски слишком высокими. Во-вторых, развитию конфликта способствует рекрутирование союзников, которое одна из сторон может осуществить с помощью медиа. Получив новых союзников, противоборствующие стороны могут оказаться готовы к более решительным действиям, что, опять-таки, приводит к ускорению развития конфликта.

Медийное пространство городского конфликта имеет принципиальные отличия от медийного пространства федерального, общественного конфликта. Первое обладает довольно жесткими связями с обитателями ограниченных локаций и физическими объектами, второе принципиально локализовано. Связь медийного и физического пространства обуславливает особые функции вывода конфликта в местные медиа, которые действуют иначе при выводе конфликта в федеральное информационное поле.

Литература

1. Глухова А. В., Кольба А. И., Соколов А. В. Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса) // Человек. Сообщество. Управление. 2017. № 4 (18). С. 44 – 65.
2. Горшкова В. В. СМИ Как субъект и участник конфликтов в современном обществе // Вестник СПГУТД 1'. 2017. С. 115.
3. Дзялошинский И. М. Медиапространство России: пробуждение Соляриса : монография. М. : АПК и ППРО, 2012. 422 с.
4. Дзялошинский И. М., Пильгун М. А., Давыдов С. Г., Логунова О. С. Экология медиасреды: проблемы безопасности и рационального использования коммуникативных ресурсов : монография. М. : АПК и ППРО, 2015. 176 с.
5. Кинаш Ю. С. Роль СМИ и «Новых медиа» в современных политических конфликтах // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). URL: evestnik-mgou.ru (дата обращения: 22.04.2021).
6. Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / пер. с нем.; общ. ред. и предисл. Мансурова Н. С. М. : Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. 352 с.
7. Ним Е. Г. «Медиасобытия»: теория, конца которой нет? // Социологический журнал. 2019. Т. 25, № 4. С. 28–37.
8. Петрова Р. И. Политизация городских конфликтов в современной России: участники, повестка, тактическое взаимодействие // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2017. № 3. С. 122–136.
9. Официальный сайт РосИнфоСтат, Население Новосибирска: численность, состав, информация. URL: www.rosinfostat.ru (дата обращения: 22.04.2021).
10. Сервис мониторинга СМИ и коммуникации с журналистами, а также проверки контрагентов и установления деловой репутации. URL: www.scan-interfax.ru (дата обращения: 02.05.2021).

ПРОБЛЕМА ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДСКОГО СОЦИУМА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ

Анализируется феномен проявления экстремизма в поведении молодежи. Обращается внимание на возможном и реальном включении молодежи в деструктивные акции протеста, подмены истинных ценностных установок жизнедеятельности мнимыми целевыми проектами, основным средством реализации которых, как правило, выбирается неоправданное и всеразрушающее насилие. Обосновываются суждения о том, что высокий уровень развития средств коммуникации, возможность близкого физического взаимодействия способствует опасным экстремистским проявлениям молодежи прежде всего в городской среде.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, городская среда, протест, деструктивное поведение.

V. Y. Shinkevich

Siberian Law Institute of MIA of Russia, Krasnoyarsk

THE PROBLEM OF EXTREMISM AMONG THE YOUTH IN THE CONTEXT OF MODERN URBAN ENVIRONMENT AND THE MAIN DIRECTIONS OF COUNTERACTION AND PREVENTION

The article analyzes the phenomenon of extremist behavior of young people. Attention is drawn to the possible and real involvement of youth in destructive protest actions, the substitution of the true value paradigms with imaginary target projects, where unjustified and all-destructive violence commonly used as the main means of implementing. The author substantiates the opinion that a high level of development of means of communication, the possibility of close physical interaction contributes to dangerous extremist behavior of youth, primarily in the urban environment.

Keywords: extremism, youth, urban environment, protest, destructive behavior.

Президент России В. В. Путин на заседании коллегии МВД России, которая состоялась 3 марта 2021 г., призвал ведомства мониторить онлайн-пространство, чтобы выявлять тех, кто «втягивает несовершеннолетних в противоправные действия». Он отметил, что «...работать нужно так, чтобы не создавать дополнительных угроз для их жизни и здоровья».

События в российском обществе, происходящие процессы в общественном сознании различных слоев, возрастных и иных ассоциированных групп населения мотивируют еще и еще раз задуматься над сущностью общества и тех процессах, которым оно подвержено ранее, сегодня, да и возможно, что-то подобное будет в перспективе, как отражение его сущности. Сразу необходимо отметить, что во многом, правда с различным уровнем активности, насыщенности и действенности эти процессы характерны для многих стран, относящих себя к цивилизованным, либо строящим это цивилизованное общество.

В обществе всегда есть противоречия, конфликты, но есть и соответствующие меры, формы и методы работы, которые направлены на противодействие конфликтам, мировая и отечественная практика знает и подавление конфликтов, которыми был насыщен не только XX век. Но в обществах, строящих правовое демократическое общество, насилие недопустимо, или допустимо только в исключительных случаях, когда под угрозой попадает существование не столько государства как политического и юридического феномена, сколько само общество. Когда формирующиеся, при активной помощи и поддержке недружеских государств, деструктивные силы активно, а порой и агрессивно пытаются не только «продавить» свои идеологические штампы, но и подорвать основу государственности, суверенности социума, зачастую прикрываясь привлекательными лозунгами и, в общем то, общественно одобряемыми проектами строительства нового социума без коррупции, бедности, наркотиков, алкоголизма, проституции и прочее. Решения предлагаются простые и скорые (революционные), главная идея – заменить все старое на новое. «Президента, правительство, губернатора, мэра, депутатов и пр. в отставку», «До-

рогу новым прогрессивным честным и т. п.». К сожалению, все начинается с разрушения, с дезорганизации, резкого расслоения населения по идеологическому признаку и т. п., а далее... Далее надо жить, хоть как то восстанавливать то, что с энтузиазмом и основательно разрушили в период всеобщего «подъема народного гнева».

Вспомним примеры в истории нашего Отечества. Динамика событий, которые последовали после вооруженного восстания – Великой Октябрьской революции – вполне ложится на динамику событий обозначенных в партийном гимне большевиков «Интернационале»: «Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем...». Разрушили государственность, основные политические, экономические и общественные институты, а затем все пришлось создавать с нуля, отталкиваясь от фундамента, так как утрачена была и часть специалистов, и ресурсов. Чтобы хоть как то реализовать новые проекты, поддерживать новые ценности и интересы, опять же основным инструментом стало насилие. К сожалению, основным социальным средством насилия выступила молодежь, в силу своих социально психологических и возрастных качеств более податливая к внешнему воздействию субъектов социального управления, более склонная воспринимать призыв к действию, чем к рациональному обдумыванию сложившихся ситуаций. В условиях высокой социальной локации города, наиболее податливой к социальной мобилизации и в начале XX века, и сейчас остается городская молодежь, особенно та ее часть, которая утратила доверие к органам управления страны, региона, города, или не способна в условиях формирования потребительского общества адекватно оценить значимость феномена управления и сами происходящие события.

Рядом психологических, социологических политологических исследований доказано, что именно молодежь чаще всего становится катализатором протестных настроений [5; 7; 8], которые, прежде всего, являются следствием отсутствия элементарного опыта адекватной оценки происходящих событий, роли и места в них молодежи как актора социальных действий и экстремистской активности [6]. Изучение массового сознания городской молодежи, показывает существенную приверженность молодых людей 17–25 лет к авторитаризму. Для них «... характерны ригидность, твердость убеждений и неизменность решений, даже если они противоречат социальным нормам и общественным интересам» [3, с. 145]. К тому же данную характеристику необходимо добавить повышенным уровнем у молодежи ксенофобии и как следствие избегание контактов с представителями иных национальностей, вероисповеданий, убеждений и социальных групп, деление на «чужих» и «своих».

Чтобы насилие не превратилось панацеей от любых общественных катаклизмов, социальных протестов и гражданского неповиновения необходимо изучать общественное настроение, принимать своевременные и действенные меры по разрешению накапливающихся проблем (иногда застарелых, но обладающих определенным потенциалом к социальному агрегированию). Молодые люди как представители особого биологического рода не меняются уже не одно тысячелетие, меняется система обучения, воспитания, ценности, уровень выраженной общественной активности. Надо сказать, что особенность молодежи к активной преобразующей деятельности очень хорошо использовали в интересах экономического строительства в годы Советской власти, когда молодежь по комсомольским путевкам направлялась на строительство, даже по современным меркам, крупнейших промышленных гигантов, объявленных Комсомольскими ударными стройками. В этих условиях нивелировались и сводились до уровня незначимых и переносимых лишения, и производственные трудности, и бытовые неудобства и все то, что связано со становлением самостоятельной взрослой жизни и то, что в других условиях вызывало массовые социальные протесты. Сегодня ушли молодежные ударные стройки, а протесты, в купе с экстремистским поведением, в которых основным действующим актором является молодежь, стали сопутствовать жизнедеятельности нашего общества.

XX век принес не одно испытание. В мае 1945 г. закончилась Великая отечественная война, в сентябре Вторая мировая война. Народы многих стран, праздную победу, были глубоко убеждены, что они победили насилие человека над человеком, получили хорошую «прививку» от использования насилия при решении социальных и политически значимых проблем и выстраиваемых целей жизнедеятельности. Но прошло немного времени и насилия вновь стало востребованным. Разве можно было подумать, что народ допустит, что бы националисты, левые или правые ультра вновь выдуть на улицы и площади городов и будут по ним свободно маршировать, что вновь местом возможного решения действительных или надуманных проблем общества станут проспекты и скверы, а самым действенным средством протест, неподчинение власти, погромы и насилие.

Мы все чаще и чаще задумываемся, почему и в XXI веке, как и ранее мы сталкиваемся с насилием, почему революционирующая иррациональная идея преобладает над рациональным мышлением, основанном на конструктивном выстраивании отношений, в том числе при преодолении существующих пороков и проблем современного общества. Проблем много, они диалектически соединяясь аккумулируют общественное недовольство, провоцируют деструктивные действия, направленные лишь на разрушение, и ни как на созидание. Почему небольшая по численности социальная группа, может держать в напряжении поселение, регион, общество, подталкивая его к социальной бездне, чтобы через какое-то время вновь создавать «новые» социальные институты, которые, по сути, будут выполнять все те же прежние функции, продуцируя новые недовольства в массовом сознании его носителей, подменяя порой истинные ценности, ценностями сурогатными или мнимыми, надуманными, принесенными из внешней агрессивной среды.

События последних лет ярко демонстрируют то, что экстремизм как идеологическая установка на достижение целей исключительно силой, при отрицании любого диалога с объектами воздействия и требования безукоснительного подчинения, все чаще уходит из чисто социальной сферы проявления (уличные разборки между группировками, приверженцами различных субкультур, дворовыми неформальными сообществами, подростковыми «искателями приключений» и т. п.). Экстремизм, где основным инструментом влияния является молодежь, не без организующего участия ведомая заинтересованными лицами, позиционирующими себя как борцы с несправедливостью, коррупцией, нарушениями прав человека при поддержке иных представителей несистемной оппозиции и их структур, все чаще проявляется в сфере политики, агрегируя недовольство масс на улицах и площадях больших и малых городов. Молодежь не всегда может даже осознает свою роль в этих акциях и адекватно воспринимать предмет протеста. Она как бы играет, но при этом у нее складывается реальное ощущение участия в общественно-политических процессах, «причастности» к «большой» политике, к возможному «качественному» изменению социума. В качестве примера можно привести ответ одного молодого человека, участника протестных движений в поддержку Навального, корреспонденту. На вопрос: «Зачем Вы пришли вышли на улицу?», последовал ответ: «Я против того, что нарушают закон», но когда корреспондент сказал: «Так Вы сами же сейчас нарушаете закон», диалог сразу же прекратился, так как молодой человек понял всю абсурдность своего заявления, смысл которого заключается в словестной абракадабре «чтобы не нарушали, нарушаю». Вместе с тем она же – молодежь, к сожалению, по-прежнему не отличается высокой политической активности в ходе проведения выборов органов власти различных уровней, где кроме массового участия, большую значимость имеет и осознанный выбор. Хотя недовольные в нашем обществе всегда есть и будут. Об этом еще в XIX веке очень хорошо сказал М.Е. Салтыков-Щедрин: «В России в наше время очень редко можно встретить довольного человека...». И необходимо сказать, несмотря на осознание общественной опасности экстремизма и принимаемые меры к его искоренению, данная проблема стала для современных обществ актуальной и во втором десятилетии XXI века.

Этому во многом способствовали изменения в некоторых базовых ценностях молодежи. Например, 40 лет назад значительная часть представителей молодежи считали, что материально преуспевшие люди должны помогать и заботиться о тех, кто не смог преуспеть, а в современной молодежи имеется убеждение о необходимости самостоятельных достижений. Для современной молодежи свойственны прагматичные, духовно-нравственные и материальные жизненные цели. Но также важнейшим фактором для них является приобретение дорогих вещей. В советское время ценность интересной работы у молодежи была на первом месте, её выбирало не менее 2/3 респондентов, а теперь она лишь на четвертом месте. Это объясняется тем, что в ходе реформ была упразднена идеология особой общественной значимости труда, а также трудового воспитания. Неблагоприятным фактором в современной ценностной структуре молодежи является отсутствие точной связи между работой и деньгами. Если в советское время эта связь была ослаблена, то сейчас она вовсе отсутствует. На трансформацию ценностных ориентаций молодежи значительно повлияли средства массовой информации. Всё же большую степень влияния на мировоззрение современной молодежи оказывает интернет, который наряду с ценной информацией изобилует фейковой, где даже незначительная ложь может привлечь к себе внимание и стать аргументом в дальнейшем протестном поведении.

Проблема экстремизма в молодежной среде – одна из угроз стабильной жизни современной России. Ибо, говоря о юношеском максимализме вообще, важно подчеркнуть, что молодой человек не всегда способен объективно, критически оценить существующие реалии, далеко не безоговорочно воспринимает предлагаемые ему обществом правила поведения, ценности, нормы и условия существования. Результаты экстремистских выступлений в лучшем случае кучи мусора, в худшем, но не совсем, разбитые витрины, искореженные машины, перевернутые мусорные баки, разбитые носы и головы и пр. Все это в дальнейшем надо приводить в порядок, восстанавливать и тратить соответственно не малые средства налогоплательщиков.

Молодежная среда становится опасной криминогенной зоной, преступность омолаживается, усиливается ее групповой организованный характер. В таких условиях больше всего подвержена крушению идеалов, апатии именно молодежь, так как система ценностей этой группы общества наиболее подвижна, мировоззрение не устоялось, что приводит к потере нравственного и духовного здоровья нации, росту экстремистских настроений в молодежной среде. Если сюда добавить новомодный нигилизм, то получим близкий к оригиналу портрет некоторых «интеллектуалов», встречающихся среди нашей молодежи, переданный Н. К. Дорицо в стихотворении «Стихи о голом короле».

*Юноша стареющий,
Демон начинающий,
Ни во что не верующий,
Все на свете знающий.*

Вместе с тем необходимо помнить, что начиная с определенного момента, становление личности неизбежно сопряжено с преодолением множества препятствий, которые являются и следствием социальной, и духовной, и образовательной, и профессиональной неустроенности. Экстремизм же воспринимается как один из «очевидных», «быстрых», «революционных» и возможных путей разрешения существующего противоречия. Экстремизм во многом становится отражением эмоциональной неустойчивости и нереализованных ожиданий молодежи в условиях современного общества, субъективно воспринимающей социальную реальность прежде всего городского поселения [4]. Становление молодежи в процессе реализации основных социальных функций (воспроизводственной и инновационной) предполагает преодоление массы внутренних (застенчивость, наивность и агрессивность, открытость и замкнутость, нигилизм и фанатизм) и внешних (возникающих в процессе столкновения с требованиями общества) препятствий. Эмоциональный тип восприятия, свойственный молодости, способствует формированию экстре-

мистского миропонимания, крайних форм отражения действительности. Еще один аспект сложности проблемы молодежного экстремизма вытекает из особенностей социального статуса этой социально-демографической группы, переходного характера становления ее формирования, специфики. С одной стороны, молодежь представляет собой важнейший ресурс общества, с другой – очевидна неполнота ее социального статуса (дискриминация по возрасту, нарушения прав в образовании, профессиональной деятельности, семейных отношениях и ущемление прав по национальным и религиозным основаниям). Защищаясь, молодые люди нередко выбирают экстремальные формы противостояния окружающему миру... [1, с. 62–63].

Необходимо отметить, что молодежный экстремизм является атрибутивной чертой любого общества, его полное искоренение невозможно. Однако вполне реально ограничение, удержание в рамках приемлемого путем реализации мер международного, государственного и регионального уровней, направленных на согласование устремлений молодежи с тенденциями развития общества. Переход от краткосрочных и локальных решений к стратегически выстроенным среднесрочным программам в области молодежной политики (прежде всего, включая задачи профилактики и противодействия молодежному экстремизму) повысит интегральный потенциал этой важной социально-демографической группы и придаст новый импульс развитию страны.

На наш взгляд, основные направления противодействия экстремистской деятельности должны осуществляться различными субъектами экстремистской профилактики по следующим направлениям:

- принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;
- выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц;
- формировать оптимальный комплекс мер по просвещению, разъяснению и рекламе позитивных, конструктивных и социально одобряемых образцов поведения.

Социокультурный аспект профилактики и противодействия молодежному экстремизму, как нам представляется, должен включать:

Во-первых, формирование широкой, общедоступной и привлекательной инфраструктуры, включающей в себя развитое общее и профессиональное образование, широкую систему культурно-досуговой и спортивно-оздоровительной работы, а также сферу культурно-эстетического творчества с использованием новых информационных технологий.

Во-вторых, создание системы обучения и воспитания, ориентированной на утверждение в сознании и поведении молодежи общечеловеческих нравственно-гуманистических ценностей, принципов толерантного и ненасильственного поведения, патриотизма, престижа профессиональной и социальной компетентности, психологии товарищества и партнерства, сотрудничества и взаимопомощи, недопущения неуважительного отношения к представителям какой бы то ни было национальности, большому или малому этносу.

В-третьих, совершенствование и выстраивание новых направлений молодежной политики, способных созданию системы трудовой занятости молодежи, в том числе на возмездной основе, по озеленению, наведению и поддержанию порядка, благоустройству, шефской и волонтерской деятельности и т. п.

Масштабность и сложность задач требуют применения программно-целевых методов не только при разработке и реализации системы профилактики и противодействия экстремизму, но и конкретной работы (с учетом современных реалий и программ ресоциализации) с отдельными группами молодежи, ранее вовлеченной в экстремистскую

деятельность. К сожалению, данный вопрос и сегодня остается практически концептуально неизученным и неразработанным.

До тех пор, пока российское общественное сознание подчинено идеям национализма, радикализма, культа силы, а система воспитания и обучения, обеспечения жизнедеятельности, будущности молодежи будет по своему содержанию формальными, можно предполагать и прогнозировать, что молодежный экстремизм будет иметь почву своего организованного выражения [2, с. 170]. Город сегодня в условиях широкой урбанизации стал центром притяжения силы и позитивной, к сожалению, и негативной, особенно города миллионники, центры субъектов федерации. Городская территория, социум требуют к себе не только внимание как центр реализации национальных экономических проектов развития, но и как центр реализации молодежной политики в интересах молодежи, в интересах ее будущего. «Для огромной многонациональной России, – как отметил Президент России в своем вступительном слове на заседании Совета по межнациональным отношениям 30 марта 2021 г., – принципиальное, решающее значение имеют солидарность людей, чувство сопричастности к судьбе Отечества, ответственности за его настоящее и за будущее»¹. За будущее, где нет и не должно быть места экстремизму.

Литература

1. Беляков Б. Л. Современный национализм : монография. М. : ВА РВСН, 2006. 323 с.
2. Беляков Б. Л., Коннов А. Д. Государственность и духовные ценности в сознании офицерского корпуса России : монография. М. : ВА РВСН, 2012. 234 с.
3. Дивеева К. А. Экстремистские установки студенческой молодежи Красноярск // Социологические исследования. 2020. № 10. С.141–148.
4. Ильиних С. А. Город как субъективная реальность и пространство социальных практик (на материалах исследований в Новосибирске) // Siberian Socium. Т. 1, № 2. 2017. С. 72–81.
5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 37–46.
6. Липина Е. А. Психологические особенности личности экстремиста // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 8.
7. Рубан Л. С. Современное девиантное поведение и отношение молодежи к его проявлениям // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. С. 318–333.
8. Шинкевич В. Е. Молодежный экстремизм как фактор возникновения террористических угроз в обществе: социально-философский аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 3 (25). С. 12–15.

УДК 316.253

И. Е. Левченко

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

СУИЦИДЫ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ (ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКАРС)

С позиций историко-социологического подхода рассматривается феномен суицида и влияние процесса урбанизации на его распространение. Определяется вклад Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса в развитие научных исследований самоубийств. Анализируются классификация суицидов и источниковая база информации о них. Показывается эвристичность и ограниченность методологии, разработанной представителями Французской социологической школы.

Ключевые слова: суицид, Э. Дюркгейм, М. Хальбвакс, аномия, сельская и городская цивилизации.

¹ Стенограмма выступления Путина на заседании Совета по межнациональным отношениям <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-soveta-po-mezhncionalnym-otnoshenijam-30-03-2021.html> (дата обращения: 04.04.2021.)

**SUICIDES IN THE URBAN ENVIRONMENT
(HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL EXCURSION)**

The article considers the phenomenon of suicide and the impact of the process of urbanization on its spread from the standpoint of the historical and sociological approach. The contribution of E. Durkheim and M. Halbwachs to the development of scientific research on suicide is determined. The classification of suicides and the source database of information about them are analyzed. The author shows the heuristics and limitations of the methodology developed by the representatives of the French School of Sociology.

Keywords: suicide, E. Durkheim, M. Halbwachs, anomie, rural and urban civilizations.

Представители Французской социологической школы были одними из первых обратились к изучению проблемы суицида, в том числе, в городской среде. Существенный вклад в разработку этой темы внес основатель школы Давид Эмиль Дюркгейм (1858–1917).

Он вырос в семье потомственных раввинов (в научной литературе неоднократно обсуждался вопрос о степени влияния еврейского происхождения и иудаизма на взгляды и жизненный путь социолога [10; 18]). Эмиль выбрал светское (философское) образование, окончив престижную Высшую нормальную школу (1882), среди его соучеников были будущие «звезды» – философ А. Бергсон и политик Ж. Жорес. Позднее он прослушал ряд курсов в университетах Германии (1885–1886). Авторитетами для себя Дюркгейм считал Р. Декарта, И. Канта, О. Конта, Ф. де Куланжа, Э. Ренана, И. Тэнна и некоторых других, что не исключало критического отношения к ним (например, его оценка «позитивистской метафизики» основоположника социологии [5, с. 17, 144–148]).

В условиях Третьей республики его академическая карьера складывалась непросто: он, еврей и интеллигент, агностик и демократ, секулярист и дрейфусар, патриот и солидарист, прошел путь от успешного преподавателя в провинции (1887–1902) до влиятельного советника в столичном министерстве (1902–1917) [7; 14; 17]. Его жизнь прервалась в период Первой мировой войны: погиб сын исследователя Андре-Арманд (1892–1915), 293 его студента отправились на фронт и 104 из них были убиты [15, р. 548] – эти потери нанесли по самочувствию Дюркгейма смертельный удар, после которого он уже не оправился.

Ученый был противником биологических, социал-дарвинистских и психологических интерпретаций социальной жизни. В своей первой крупной работе «О разделении общественного труда» (1893) он поставил задачу «исследовать факты нравственной жизни методом позитивных наук», «наблюдать, описывать, классифицировать и искать объясняющие их законы» [3, с. 39]. Здесь же исследователь приступил к историко-социологическому анализу суицида. С его точки зрения, во-первых, «редкость добровольных смертей в первобытных обществах – лучшее доказательство могущества и универсальности инстинкта самосохранения», во-вторых, «самоубийство появляется только с цивилизацией», в-третьих, в «низших обществах» это акт самоотречения, потому что «моральные или религиозные предписания принуждают» к тому, в-четвертых, «настоящее самоубийство» «находится в эндемическом состоянии у цивилизованных народов» и «свирипствует в городах», в-пятых, «свободные профессии поражены более других», в-шестых, рост числа суицидов – признак того, «что общее счастье общества уменьшается» [3, с. 252–255].

Во второй книге «Правила социологического метода» (1895) Э. Дюркгейм продемонстрировал эвристические возможности и результативность своего исследовательского подхода. Отправной точкой послужило утверждение о том, что «социальным фактом является всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение» [5, с. 30].

В эпистемологии Дюркгейма причинность занимала особое место. Он настаивал на взаимообусловленности причинно-следственных связей: «существует масса социальных явлений» (например, преступление, самоубийство), «происходящих на всем простран-

стве общества, но принимающих различные формы в зависимости от местности, профессии, вероисповедания и т. д.» [5, с. 127]. По его мнению, нужно отдельно рассматривать порождающие их реальные причины и выполняемые ими функции, сравнивая одни феномены с другими.

Дюркгейм считал, что «в целом изложенный метод отличается следующими признаками»: 1) «он независим от всякой философии»; 2) объективен – «он весь проникнут идеей, что социальные факты суть вещи и должны рассматриваться как таковые»; 3) «он является исключительно социологическим» [5, с. 132].

Неисповедимы пути, которые ведут специалиста к научному и общественному признанию. Случилось так, что первенство Т. Масарика (1850–1937) (его монография «Самоубийство как массовое социальное явление современной цивилизации» была опубликована в 1881 г.) в социологическом «открытии» суицида оказалось в тени третьей работы Дюркгейма «Самоубийство: социологический этюд» (1897). При этом некоторые исследователи (например, Э. Гидденс [12, р. XII]) считают, что книга словацкого ученого оказала влияние на французского социолога. Полагаем, что этот вопрос заслуживает дополнительного изучения, выходящего за рамки нашей статьи.

Исходя из того, что без помощи вспомогательных дисциплин (истории, этнографии, статистики) «социология совершенно бессильна» [4, с. 4], Дюркгейм утверждал: «Причины смерти чаще лежат вне нас, чем внутри нас» [4, с. 24].

С его точки зрения, «самоубийством называется всякий случай смерти, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершённого самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах» [4, с. 26]. Отметим, что данная дефиниция позволяет считать суицидом случаи добровольной героической смерти, что не вполне соответствует сущности этого феномена.

Социолог полагал, что отношение количества суицидов по отношению к численности населения является функцией нескольких социальных переменных: взаимоотношений в конфессиональных, семейных, этнических и политических группах. Доказывая свою точку зрения, ученый исключал из рассмотрения «психоорганическое предположение» индивидов, процесс подражания и физическую среду, хотя он учитывал взаимодействие социальных и несоциальных факторов и подчеркивал значение интеграции.

Сопоставив статистику самоубийств по нескольким европейским странам, Дюркгейм сделал ряд важных выводов: 1) мужчины прибегают к суициду чаще, чем женщины; 2) протестанты более склонны к суициду, нежели католики; 3) «брак почти наполовину уменьшает склонность к самоубийству»; 4) «начиная с января число самоубийств регулярно увеличивается из месяца в месяц вплоть до июня, а начиная с этого момента до конца года неизменно падает»; 5) «перевес» оказался «на стороне дневных самоубийств»; 6) «самоубийство больше всего развито в высших слоях общества»; 7) «бедность предохраняет от самоубийства, потому что сама по себе служит уздой»; 8) репрессивные политические системы создают в стране суицидальную обстановку [4, с. 109, 116, 185, 194, 296].

Однако социолога не удовлетворяла классификация суицидов, предложенная его современниками: 1) маниакальное самоубийство; 2) самоубийство меланхоликов; 3) самоубийство одержимых навязчивыми идеями; 4) автоматическое и импульсивное самоубийство [4, с. 47–50].

Свою типологию самоубийств исследователь выводил не из индивидуальных мотивов (их множество и зачастую они неизвестны), а из специфических состояний общественного сознания, объясняющих характер взаимоотношений индивида и социальной группы. Как известно, Дюркгейм ввел в научный оборот понятие «аномия», подразумеваемая под ним состояние ценностно-нормативного вакуума, характерного для переходных и кризисных периодов или когда старые нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не установились.

В результате своих изысканий ученый подробно охарактеризовал три основных типа самоубийств: 1) эгоистическое, причиной которого служит крайний индивидуализм, ведущий к разрыву социальных связей; 2) альтруистическое – в этом случае недостаточно развитая индивидуальность ведет к такому же финалу, общество побуждает сделать это; 3) аномичное – оно обусловлено социальной дезорганизацией, когда люди не могут приспособиться к новым социальным условиям [4, с. 168–326].

Помимо этого, он чрезвычайно кратко описал фаталистический суицид как результат излишней регламентации жизнедеятельности индивида [4, с. 359]. Как показали дальнейшие исследования, его подход оказался весьма плодотворным. В итоге, дюркгеймовская классификация суицидов включает четыре основных типа суицидов (табл. 1) [4, с. 347].

Кроме того, социолог выделил три смешанных типа суицидов [4, с. 326–359] (табл. 2).

Таблица 1

Классификация основных типов суицидов (по Э. Дюркгейму)

№	Тип	Источник	Второстепенные вариации
1	Эгоистическое	Бесстрашие	Вялая меланхолия, усаждающаяся собой Рассудочное равнодушие скептика
2	Альтруистическое	Страстная или волевая энергия	Обязательное – совершается со спокойным чувством долга Факультативное – со спокойной храбростью Чисто альтруистическое – с мистическим энтузиазмом
3	Аномичное	Раздражение, отвращение	Горячий протест против жизни вообще Горячий протест против определённого лица (убийство, сопровождаемое самоубийством)
4	Фаталистическое	Страсти жестко ограничены дисциплиной	Неизбежность и непреклонность правил, против которых человек бессилён

Таблица 2

Дюркгеймовская классификация смешанных типов суицидов

№	Тип	Источник
1	Эгоистично-аномичное	Смесь возбуждения и бесстрастия, действия и мечтательности
2	Аномично-альтруистическое	Возбужденное отчаяние
3	Эгоистично-альтруистическое	Меланхолия, умеряемая известной моральной твёрдостью

Книга корифея суицидологии получила широкую известность у заинтересованной читающей публики и высокую оценку у зарубежных и отечественных специалистов. Так, Дж. Александер справедливо делает акцент на том, что, с точки зрения Дюркгейма, самоубийство человека демонстрирует добровольное соблюдение патологической нормы коллективного порядка. Несмотря на все свои возражения против индивидуалистических объяснений, социолог выделяет сугубо личные чувства саморазрушения. В итоге, именно изменения в общественном сознании, а не объективная неспособность жертвы к функциональной адаптации приводят к суициду. Таким образом, в данной книге автор «ведет тонко завуалированную полемику против любого материалистического объяснения вообще» [9, р. 228–229].

Монография, оказавшая существенное воздействие на развитие мировой социологии, долгие годы остается предметом обсуждения и критики по нескольким направлениям: 1) степень достоверности данных статистики самоубийств – о них узнают из заявлений членов семьи; 2) малая возможность определения частоты попыток суицида; 3) сложность установления корреляции между показателями самоубийств и конфессио-

нальной принадлежностью суицидентов; 4) выявление взаимосвязи между психопатологией и социальными обстоятельствами [2, с. 340–342].

Спустя три десятилетия ученик Дюркгейма Морис Хальбвакс (1877–1945) обратился к исследованию феномена суицида. Он тоже закончил Высшую нормальную школу (1901) и благодаря своему эльзасско-немецкому происхождению некоторое время учился и занимался исследовательской работой в Германии (1904, 1909), вернувшись на родину, Хальбвакс защитил докторскую диссертацию, затем преподавал в отечественных учебных заведениях и в Чикагском университете (1930). Его научная карьера была вполне успешной: он избирался президентом Французского социологического общества (1938) и вице-президентом Психологического общества (1943). Но жизнь Хальбвакса оборвалась трагически – нацисты арестовали его за связь с Соппротивлением и отправили в Бухенвальд, где он скончался [6, с. 99–100; 11].

В 1930 г. была опубликована его книга «Причины самоубийства», которая стала заметной вехой в истории науки. Согласно Хальбваксу, «самоубийством называется каждый смертный случай, который является результатом действия, совершённого самим потерпевшим с намерением (intention) и целью убить себя, и который не является жертвоприношением» [8, с. 85].

Специальная глава исследования посвящена источникам информации о самоубийствах в европейских странах, среди них выделялись следующие: 1) реестры умерших, заполняемые в административных органах; 2) медицинские документы (заявления врачей, посещавших мертвых, свидетельства о смерти); 3) полицейские отчеты и протоколы; 4) судебные документы [13, р. 23–37]. При этом ученый признавал заведомую неполноту данных и связанные в связи с этим неизбежные ошибки.

Хальбвакс отмечает, что статистически к причинам самоубийств относятся потеря работы, разорение, семейные страдания, расстроенная любовь, ревность, пьянство, раскаяния лиц, совершивших преступления, физические страдания, психические заболевания, отращение к жизни и различные расстройства [13, р. 184].

В своей книге он последовательно отстаивает постулат о социальных причинах суицидов. Вместе с тем в отличие от Дюркгейма ученый уделил большое внимание социально-психологическим факторам, влияющим на уровень смертности: «Такие события, как неудачи, неприятности и разочарования в карьере, и даже те состояния, которые мы называем скукой или отвращением к существованию, чаще происходят в более сложном обществе, где индивидуальные ситуации меняются чаще и быстрее, где темпы жизни быстрее, где люди более подвержены риску оказаться дезадаптированными по отношению к своей среде» [13, р. 19].

Социолог предложил свой вариант классификации самоубийств, выделив следующие виды: 1) испугательный суицид – индивид совершает убийство вследствие самообвинения; 2) проклинающий суицид, когда человек совершает самоубийство-протест; 3) дезиллюзионный суицид – результат разочарования и неудовлетворенности своим социальным статусом [1, с. 77–78].

Особый интерес Хальбвакс проявил к изучению территориального аспекта распространения самоубийств. По его мнению, «сельский и городской виды жизни на самом деле представляют собой две системы в значительной степени уравновешенные, в той и в другой существуют две основные функции, которые дополняют друг друга: хозяйственная организация и семейная организация». Однако «житель городов иногда приходит к выводу, что крестьянин счастливее его, потому что он избегает перенапряжения городской жизни, как будто в сельской местности не рождаются заботы, заботы и неприятности, которые не менее мучительны» [13, р. 183]. Проведя сравнительный анализ сельской и городской цивилизаций, социолог показал существенные различия между ними [13, р. 173–174] (табл. 3).

Сравнительный анализ сельской и городской цивилизаций (по М. Хальбваксу)

Критерий	Сельская цивилизация	Городская цивилизация
Отношения с природой	«Жизнь крестьянской группы глубоко и целиком связана с природой. Она черпает в нем особый аромат и остроту, больше спонтанности, первобытного импульса и дикость»	«Семья оторвана от земли»
Времяпрепровождение	«Крестьяне встречаются, обмениваются мыслями, сообщают друг другу новости», труд и повседневность «сближаются и переплетаются»	«Четкие различия между часами, посвященными профессиональным занятиям, и временем», которое человек проводит среди близких или своих друзей
Контактность	Ограниченность внешних связей, «работа осуществляется в рамках домашней группы»	«Число контактов между человеческими особями в среднем в городских условиях больше»
Мобильность	Невысокая	«Население более подвижно, движение более интенсивно»
Образ жизни	«Крестьянская жизнь вращается сама по себе и сворачивается в довольно узкий круг занятий и событий»	«Коллективная жизнь одновременно более концентрированная, более быстрая и более нерегулируемая»

Хальбвакс справедливо подчеркивает, что индустриализация и урбанизация изменяют общество и его устои: «при переходе от старого и традиционного вида жизни к новому и более сложному типу цивилизации» в обществе образуются «пробелы», именно в этих «недостатках», «социальном вакууме» нужно искать причины самоубийств. С его точки зрения, «истинная причина самоубийства – пустота, образовавшаяся вокруг самоубийцы, и если бы не было подобных недостатков, самоубийств не было бы» [13, р. 147].

Рассмотрев распределение суицидов во Франции, он пришел к выводу, что «в депопулирующихся департаментах малые города и крестьянские группы утрачивают слишком большую часть своего существа, что традиции в них пошатываются, и ничто не заменит их» [13, р. 109]. Но социолог признавался, что «пока невозможно выделить религиозный фактор и измерить его действие. Эта проблема остается нерешенной, и мы даже не представляем, как ее можно решить» [13, р. 16].

Таким образом, проведенный Э. Дюркгеймом анализ проблемы самоубийства, несомненно, имел большое теоретико-эмпирическое значение, придав импульс конституированию суицидологии – социологии суицида – танатосоциологии. Предложенный им подход к исследованию суицидов с позиций реализма и социологизма остается и ныне востребованным для объяснений социальной обусловленности самоубийств [16].

В «Причинах самоубийства» М. Хальбвакс развил теорию самоубийств Дюркгейма, избавив ее от излишнего антипсихологизма и подкрепив анализом цифровых данных. Ему удалось выявить влияние урбанизации на распространение суицидов и показать, как городской континуум, мобильность и образ жизни воздействуют на динамику самоубийств.

Литература

1. Антонова О. Г., Жидков Р. И. Теоретические основы изучения самоубийства как социального явления // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 4. С. 75–84.
2. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М. : Прогресс-Политика, 1993. 608 с.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. М. : Канон, 1996. 432 с.
4. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / пер. с фр. СПб. : Союз, 1998. 496 с.
5. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение : пер. с фр. М. : Канон, 1995. 349 с.

6. Мачульская О. И. Морис Хальбвак о социальной обусловленности индивидуальности // Фило-софские науки. 2015. № 9. С. 99–104.
7. Осипова Е. В. Социология Эмиля Дюркгейма. 2-е изд. СПб. : Алетея, 2001. 330 с.
8. Юдин Г. Б. Смысл самоубийства // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 2. С. 80–93.
9. Alexander J. C. The antinomies of classical thought: Marx and Durkheim. University of California Press, 1982. 589 p.
10. Fournier M. Durkheim's life and context: something new about Durkheim? // The Cambridge Companion to Durkheim. Ed. by J. C. Alexander, Ph. Smith. Cambridge University Press, 2008. P. 44–48.
11. Friedmann G. Maurice Halbwachs, 1877–1945 // American Journal of Sociology. 1946. May. Vol. 51. N 6. P. 509–517.
12. Giddens A. Introduction // Masaryk T. G. Suicide and the meaning of civilization. Chicago : University of Chicago Press, 1970. P. XII–XX.
13. Halbwachs M. Les causes du suicide. Paris : Presses univ. de France, cop. 2002. XXXVI, 386 p.
14. La Capra D. Emile Durkheim: Sociologist and Philosopher. The Davies Group Publishers, 2001. 290 p.
15. Lukes S. Emile Durkheim: His Life and Work, a Historical and Critical Study. Stanford, Calif: Stanford University Press, 1985. 676 p.
16. Neezen R. The Durkheim-Tarde debate and the social study of aboriginal youth suicide // Transcultural Psychiatry. 2015. Vol. 52, N 1. P. 96–114.
17. Thompson K. Emile Durkheim. 2nd ed. Routledge, 2002. 182 p.
18. Winfield T. P. Rereading Durkheim in light of Jewish law: how a traditional rabbinic thought-model shapes his scholarship // Theory and Society. 2020. N 49. P. 563–595.

УДК 316.472

Н. Г. Хайруллина

Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ: ОЦЕНКИ МОЛОДЕЖИ¹

Представлены результаты анализа ответов тюменской молодежи в возрасте от 14 до 35 лет, полученных в ходе анкетного опроса, проведенного в населённых пунктах юга Тюменской области в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности». Через ответы участников анкетного опроса о суждениях, готовы ли они принять представителей определённой национальности в качестве ближайшего родственника, друга, соседа, коллеги по работе, жителя своего села или города, жителя Тюменской области, гражданина России или не хотели бы общаться с ним и видеть в нашей стране удалось измерить межнациональную дистанцию. Сделан вывод, что у тюменской молодежи присутствует неприязнь к представителям некоторых национальностей.

Ключевые слова: молодежь, социальная дистанция, друг, сосед, коллега по работе, житель Тюменской области, гражданин России.

N. G. Khairullina

Tyumen Industrial University, Tyumen

INTERNATIONAL DISTANCE: YOUTH ASSESSMENTS

The results of the first stage of the research carried out within the framework of the Program of Fundamental and Applied Scientific Research "Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening of the All-Russian Identity" 2020–2022 are analyzed. In the course of a questionnaire survey conducted among young people aged 14 to 35 years old, living in settlements in the south of the Tyumen region, it was possible to find out the attitudes towards interethnic communication. The results showed that Tyumen youth do not have a clear dislike for people of various nationalities.

Keywords: youth, social distance, friend, neighbor, work colleague, resident of the Tyumen region, citizen of Russia.

¹ *Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.*

Тюменская область является многонациональным регионом Российской Федерации, в которой, согласно результатам последней Всероссийской переписи населения, проживают представители более 150 национальностей и этнических групп. С середины прошлого столетия Тюменская область является главным поставщиком углеводородного сырья на внутренний и внешний рынок, что позволяет оставаться одним из наиболее благополучных регионов Российской Федерации как в социально-экономическом, так и в общественно-политическом плане. Поэтому Тюменская область является привлекательной для трудовых мигрантов из Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана (реже из Молдовы, Армении, Украины) и др. государств. Кроме того, многонациональный состав Тюменской области является позитивным фактором привлечения мигрантов трудоспособного возраста, поскольку в крупных городах области сформированы и успешно функционируют диаспоры, общины и общественные организации, выступающие «точками опоры» для новых мигрантов [2; 3]. Исследования С. В. Рязанцева, Н. Г. Кузнецова показали, что расселение мигрантов различных этнических групп практически всегда совпадает с географией мигрантов из указанных выше государств [1].

В 2020 г. Башкирский государственный университет в консорциуме с ведущими российскими вузами, в том числе и с Тюменским индустриальным университетом, получил финансирование проекта «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» в рамках программы научных исследований по изучению этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности, предложенной Министерством образования и науки по поручению Президент РФ. Руководитель проекта д.социол.н., профессор Башкирского государственного университета Р. Б. Шайхисламов, ответственный исполнитель в Тюменской области – автор данной статьи. Согласно проекта в конце 2020 г. в г. Тюмень, Ялуторовск, Заводоуковск, в населённых пунктах Ялуторовского, Заводоуковского, Упоровского, Бердюжского районов был проведен анкетный опрос молодежи (N=500).

Наиболее распространенной и адаптированной к современным российским и региональным условиям методикой определения состояния межнациональных отношений считается шкала социальной дистанции Э. Богардуса. Ниже представлены ответы участников анкетного опроса, на предложение проранжировать представителей 15 национальностей и отметить степень приемлемости представителей этих национальностей для себя лично только по одному из восьми представленных критериев. Проведём первоначальный анализ ответов всех участников анкетного опроса о суждениях, готовы ли они принять представителя определённой национальности в качестве ближайшего родственника, друга, соседа, коллеги по работе, жителя своего села или города, жителя Тюменской области, гражданина России или не хотели бы общаться с ним и видеть в нашей стране.

Для этого рассмотрим ответы отдельно по каждому суждению. Так, в качестве близкого родственника (мужа, жены, снохи или зятя) две трети опрошенных заявили, что для них лично возможно и желательно принять русских, каждый третий назвал белорусов и украинцев, каждый четвёртый – татар, немцев, казахов, армян. Каждый пятый назвал представителей чувашской национальности, народов северного Кавказа и коренных народов Севера, а каждый шестой участник опроса назвал представителей оставшихся национальностей.

Каждый третий участник анкетного опроса готов принять в качестве друга казахов, армян, представителей коренных народов севера, белорусов; каждый четвёртый готов в качестве друга видеть татар, башкир, чувашей, немцев, узбеков, представителей народов северного Кавказа, народов Закавказья и китайцев.

Каждый десятый участник анкетного опроса ответил, что в качестве соседа для него лично возможно и желательно принять представителя любого из всех перечисленных

национальностей, кроме народов северного Кавказа и русских. Народы Северного Кавказа и русские получили одобрение каждого двадцатого респондента.

В качестве коллеги по работе или учёбе каждый десятый участник опроса готов принять представителей башкир, узбеков и китайцев, в два раза наименьшее количество позитивных оценок получили представители следующих национальностей – белорусы, казахи и таджики. При этом только 2 % участников опроса считают возможным и желательно принять русских в качестве коллеги по работе и учёбе.

Также каждый десятый участник опроса считает возможным и желательным принять в качестве жителя своего села или города узбеков, таджиков, коренных народов Севера, башкир, представителей народов Закавказья. Только 4 % респондентов готовы видеть жителями своего села или города белорусов и русских.

Как жителя своего региона (области) каждый десятый участник опроса готов видеть таджиков, представители остальных национальностей названы 5,8–8,9 % респондентов, не включая русских.

Достаточно ровные ответы получены на суждение о возможности и желательности принять как гражданина России представителей всех национальностей, перечисленных в опроснике. Последнее суждение позволило выяснить, с кем участники опроса не хотели бы общаться и видеть в нашей стране. Каждый десятый назвал таджиков, китайцев.

Таким образом, в качестве близкого родственника (мужа, жену, сноху, зятя) опрошенные готовы принять русских, белорусов, татар, украинцев и немцев, друга – казахов, узбеков, представителей Северного Кавказа, Закавказья, башкир, чувашей, армян, китайцев и немцев, соседа – башкир, чувашей и китайцев. Не хотели бы общаться и видеть в России, главным образом, таджиков.

Далее в целях исследования целесообразно рассмотреть ответы на каждое суждение в отдельности, но в зависимости от некоторых социально-демографических показателей респондентов, а именно от пола, возраста и места жительства. По данным нашего исследования, мужчины в качестве близкого родственника (скорее всего в качестве жены) готовы принять представительниц только двух национальностей – украинок и белорусок. В ответах мужчин предпочтений другим национальностям не выявлено. Ответы женщин более информативны. Они готовы принять в качестве близкого родственника (можно предположить, в качестве мужа) немцев, представителей народов северного Кавказа и Закавказья, армян, русских. Например, 57,8 % девушек отдали бы предпочтение немцам, а 56,0 % представителям народов северного Кавказа. При этом немцам отдали бы предпочтение соответственно 42,2 % и 44,0 % мужчин.

В зависимости от места жительства выявлены некоторые предпочтения. Так, респонденты, проживающие в Тюмени, в качестве близкого родственника готовы принять чувашей, представителей народов Закавказья, немцев, башкир и татар. Респонденты, проживающие в других городах юга Тюменской области, готовы принять в качестве близкого родственника русских, белорусов, таджиков. Жители, проживающие в сельских поселениях области, отдают предпочтение русским, казахам, белорусам и армянам.

Анализ ответов на второе суждение позволяет представить социальный портрет участника опроса, который готов и желает принять в качестве друга представителя определённой национальности. Итак, в качестве друга мужчины чаще готовы принять узбеков, представителей народов Закавказья и Северного Кавказа, а женщины в числе друзей видят украинцев, белорусов. Жители Тюмени включают в число друзей представителей народов Северного Кавказа и Закавказья, таджиков. Респонденты из других городов в числе друзей готовы и желают видеть татар, украинцев, а жители сельских поселений – белорусов, украинцев, немцев и татар.

Основываясь на ответах участников анкетного опроса на третье суждение, покажем, представителей каких национальностей готовы и желают видеть в качестве соседа наши респонденты. Так, мужчины готовы принять в качестве своих соседей армян,

немцев, представителей народов Северного Кавказа и таджиков, а женщины – белорусов, казахов и башкир. При этом жители Тюмени называли башкир и русских, а жители других городов – белорусов, русских и китайцев. Жители села отдают предпочтение казахам, татарам и представителем народов Северного Кавказа.

В качестве коллеги по работе или учёбе мужчины готовы принять таджиков, украинцев, русских, а женщины – татар, узбеков, представителей народов Северного Кавказа, малочисленных народов Севера и армян. Жители областного центра готовы принять в качестве коллег по работе или учёбе татар, казахов, белорусов, таджиков. Жители сельских поселений готовы работать и учиться с армянами, башкирами и представителям народов Закавказья и Северного Кавказа. Подростки 14–16-летние готовы учиться с таджиками, узбеками, русскими и белорусами, 17–18-летние – татарами, украинцами, немцами, представителями народов Северного Кавказа.

В качестве жителя своего села или города мужчины готовы принять русских, чувашей, китайцев, таджиков и немцев, а женщины – украинцев. Анализ ответов в зависимости от пола показал, что готовность принять в качестве жителя своего села или города представителей других национальностей проявляют мужчины, чем женщины, судя по их ответам, они не заинтересованы видеть многонациональным свое село или город. Из ответов мужчин прослеживается позитивный настрой на многонациональность состава села или города. Подростки в возрасте 14–16 лет готовы в качестве жителя своего села или города не против видеть армян, представителей коренных малочисленных народов Севера, 17–18-летние – русских, представителей народов Северного Кавказа и чувашей, тем, кому 19–21 год – белорусов, китайцев и башкир. Респонденты возрастной категории от 22 до 25 лет готовы принять представителей народов Закавказья, татар, украинцев, 26–30 лет – татар, а самая взрослая молодежь (31–35 лет) – белорусов, казахов и немцев.

В качестве жителя своего региона мужчины готовы принять немцев, казахов, татар, а женщины – таджиков, представителей коренных народов Севера, узбеков, армян. Анализ ответов на данный вопрос показал, что женщины проявили готовность принять в качестве жителя нашей области и страны представителей всех перечисленных национальностей. Таким образом, в ответах женщин прослеживается явное позитивное отношение к многонациональному составу нашего региона. Жители Тюмени желают видеть жителями региона в первую очередь русских, казахов, жители других городов юга области – немцев, украинцев, башкир и армян, а жители села – армян, представителей народов Закавказья, таджиков.

В качестве гражданина России мужчины готовы принять только белорусов, а женщины высказали позитивное отношение к представителям всех национальностей (кроме белорусов), но наибольшее предпочтение высказано народам Закавказья, таджикам и народом Северного Кавказа. Анализ ответов в зависимости от места жительства показал, что респонденты областного центра считают, что белорусы, украинцы и узбеки могут быть приняты ими в качестве граждан России. Жители других городов включили в их число казахов и башкир, жители сельских поселений – украинцев, белорусов и представителей народов Закавказья.

Свое нежелание общаться и видеть в России представителей народов Северного Кавказа, китайцев и армян высказали мужчины, при этом женщины назвали казахов, таджиком. Жители областного центра не хотели бы видеть и общаться с белорусами, казахами, жители провинциальных городов юга Тюменской области чаще называют белорусов, украинцев и башкир, а жители сельских поселений – китайцев, таджиков.

Таким образом, на основании полученных данных, можно утверждать, что молодые люди различных национальностей, проживающих на юге Тюменской области, устанавливают социальную дистанцию по отношению к представителям определенных национальностей в различных жизненных ситуациях. Отметим, что более детальный анализ ответов на представленные и другие вопросы автором будет предпринят в ближайшее время.

Литература

1. Рязанцев С. В., Кузнецов Н. Г. Миграционные процесс в ЦФО // Демографические перспективы России / под ред. В. Г. Осипова, С. В. Рязанцева. М. : Экон-Информ, 2008. С. 781–823.
2. Хайруллина Н. Г. Межэтнические отношения в полиэтничном российском регионе: социологическое измерение // Вестник Казанского государственного технического университета им. А. Н. Туполева. 2013. № 1. С. 182–184.
3. Хайруллина Н. Г., Койше К. К. Этническая идентификация татар тюменской области: социологическое измерение // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 116–120.

УДК 332.146.2.

О. М. Кузьмина

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КАК ЗНАЧИМЫЙ ФАКТОР СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО ГОРОДА

Исследуется актуальность и необходимость включения в стратегию развития города помимо анализа человеческих ресурсов города также стратегию развития человеческих ресурсов, направленную на достижение эффективного управления развитием города, особенно если идет речь о туристических городах, в которых мультипликативный эффект от деятельности обслуживающих туристов организаций должен быть подчинен общей стратегии устойчивого развития города.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, развитие человеческих ресурсов, стратегия устойчивого развития города, стратегия развития туристического города.

O. M. Kuzmina

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

HUMAN RESOURCES AS A SIGNIFICANT FACTOR IN THE DEVELOPMENT STRATEGY OF TOURISM CITIES

The article discusses the relevance and the need to include in the city development strategy, in addition to analyzing the city's human resources, a human resource development strategy aimed at achieving effective management of city development, especially when it comes to tourist cities in which the multiplicative effect of the activities of the organizations that provide service for tourists should be subordinated to the general city sustainable development strategy.

Keywords: human resources, human resource development, city sustainable development strategy, tourism city development strategy.

Город в современном мире является территорией, в которой одним из приоритетных направлений развития является человеческий ресурс, как внутренний фактор ресурсного потенциала конкурентоспособности города, региона, страны, отрасли; как инструмент реализации отраслевых стратегий развития городов, регионов, страны; как приоритетное направление стратегии развития города с целью создания условий для сохранения, воспроизводства и привлечения человеческого капитала. В современном мире устойчивое развитие городов и населенных пунктов является одной из 17 целей ООН в области устойчивого развития [1], которое направлено на комплексное взаимодействие социальной, экономической и экологической составляющей функционирования территории.

Актуальность изучения вопросов, связанных с устойчивым развитием городов, мы проанализировали в предыдущем исследовании [2; 3], где рассматривались различные методики оценивания устойчивого развития городов с целью выработки организационно-экономических инструментов комплексного организационно-экономического механизма туристско-рекреационной деятельности Республики Крым соответствующего критериям устойчивого развития и учитывающих специфику регионального хозяйственного комплекса. Анализ национальных и республиканских стратегий и программ развития устойчивого развития в разрезе муниципальных образований показал, что присутствует социально-экономический и экологический подходы развития территорий по отдельности, а сбалансированного социо-эколого-экономического подхода к устойчивому развитию го-

родов на законодательном уровне нет. Это в свою очередь влечет за собой отсутствие стратегий и программ развития устойчивых городов, которые бы способствовали применению интегрированного подхода при эксплуатации экосистем территорий, особенно имеющих повышенную рекреационную нагрузку сезонного характера. Выше перечисленные проблемы существенно ограничивают возможности комплексного анализа устойчивого развития городов и в дальнейшем региона. Внедрение единой структуры и сроков реализации стратегии устойчивого развития городов Республики Крым, соответствующей региональной, национальной и международной стратегиям устойчивого развития территорий позволит достичь Целей устойчивого развития ООН [1], как необходимого инструмента для идентификации, мониторинга и оценки политики, планов и программ развития территорий. Мы пришли к выводу, что при разработке стратегии устойчивого развития городов Республики Крым также необходимо учитывать специфику регионального природно-хозяйственного комплекса с туристско-рекреационной направленностью деятельности, что требует включения в методику разработки стратегии устойчивого развития городов туристической направленности развития показателей оценивания устойчивого развития туризма. При этом цели и показатели оценки устойчивого развития туризма, указанные в Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года и Государственной программе развития курортов и туризма в Республике Крым (от 29 декабря 2016 г. в редакции 2019 г.) не отражают полноценно степень устойчивого развития региона или города вследствие воздействия туристической деятельности на экономику и экологию территории. Целесообразно ориентироваться на индикаторы международной системы оценки устойчивого развития туризма [4; 5] для возможности полноценного оценивания состояния устойчивого развития муниципальных образований региона с туристско-рекреационной направленностью деятельности природно-хозяйственного комплекса. Республика Крым обладает выгодным экономико-географическим положением, привлекательными природными условиями и ресурсами, что способствует развитию различных направлений хозяйственной специализации, в том числе и рекреационной сферы в регионе, что нашло отражение в ходе наших предыдущих исследований, в которых были проанализированы факторы привлекательности и потенциал развития экологического и этнографического туризма Республики Крым [6; 7], который в основном опирается на природные условия и ресурсы, но не менее важным фактором их развития являются человеческие ресурсы.

Человеческие ресурсы, как правило, представляют собой совокупность людей, проживающих на определенной территории, обладающих определёнными способностями и качествами, которые потенциально могут быть использованы в процессе трудовой деятельности.

Развитие человеческих ресурсов, туристический маркетинг, инвестиции, а также вопросы занятости, развития туристического продукта и инфраструктуры – это основные темы, которые включают в свою туристическую стратегию абсолютно все страны, опрошенные в ходе исследования Всемирной организацией туризма о подходах к формированию туристических стратегий в разных странах в рамках большого базового отчета UNWTO «Об интеграции принципов устойчивого потребления и производства в национальную туристическую политику различных стран» [8; 9].

В Стратегии развития туризма РФ «кадры и образование» обозначены как один из инструментов развития стратегии [10]. В Стратегии развития туристического кластера Республики Крым «развитие кадрового потенциала туристического кластера» определяет предпосылки выбора сценария развития туристического кластера региона [11]. В стратегиях развития городов развитие человеческого капитала обозначено как одно из обязательных приоритетных направлений [12].

Как правило, стратегии развития городов предлагают примерно одинаковый набор показателей анализа человеческих ресурсов, включающий следующие такие индикаторы:

характеристики населения, проживающего на данной территории с точки зрения демографических показателей, трудовых ресурсов, характеристики социо-физиологического состояния, самоорганизации и гражданской активности, с разбивкой по гендерному признаку.

Однако в разработке и реализации стратегии развития туристической отрасли и стратегии устойчивого развития туристического города развитие человеческих ресурсов должно быть направлено прежде всего на планирование, так как планируемое развитие человеческих ресурсов имеет решающее значение для получения квалифицированной и эффективной рабочей силы. Раскрытие человеческого потенциала в полной мере внесет значительный вклад в достижение результатов своей деятельности. При правильном планировании учитываются потребности правительства, ведомства и отдельных лиц в целом. Это гарантирует, что развивающие мероприятия отражают стратегическое направление и максимизируют результаты обучения для отдельных лиц. В соответствии с эти тезисом, Всемирная организация туризма [9] предлагает следовать определенным принципам, на основе которых органы государственного сектора могут основываться в разработке политики и практики для обеспечения запланированного развития человеческих ресурсов.

Необходимо применять стратегический подход к развитию человеческих ресурсов, в рамках которого необходимо определить навыки, необходимые для достижения бизнес-целей и основывать решения по развитию своих сотрудников на стратегических и корпоративных целях государства и муниципальных образований. Разработать план развития человеческих ресурсов в целом и развития для отдельных сотрудников, который должен включать определение развития приоритетных навыков, определить финансирование для реализации плана через корпоративный бюджетный процесс, распределить ответственность за выполнение и оценку. Возможности развития должны быть равноправны и доступны. Должна быть оценка инвестиций органов муниципальной власти в развитие человеческих ресурсов, которая должна проходить на нескольких уровнях, включая оценку вклада развития человеческих ресурсов в цели организации по сравнению с уровнем достижений человеческих ресурсов. Помощь в обучении человеческих ресурсов должна распределяться между организацией и сотрудниками в разных пропорциях, но необходимо чтобы обе стороны понимали важность обоюдного участия в этом процессе. Помощь в оплате обучения имеет смысл для работодателей, потому что это позволяет своим сотрудникам продолжать расти и развивать свои знания, необходимые в деятельности организаций и муниципальных органов власти в целях реализации стратегии развития городов.

Развитие человеческого ресурса в городах, как правило, ориентировано на поддержание и развитие национальных и региональных культурных традиций, на развитие образовательной среды, начиная с раннего детского возраста и, что актуально сегодня, продолжается в течении всей жизни (государственные и частные учреждения дошкольного и школьного возраста, средние профессиональные и высшие учебные заведения, организации дополнительного профессионального образования), т. е. в рамках развития непрерывного образования во взрослом возрасте, а также на ассимиляцию внутренних и зарубежных мигрантов, которые в то же время привносят новый человеческий и трудовой потенциал. Также развитие человеческих ресурсов происходит через структуры организаций города, которые помогают сотрудникам развивать свои личные и организационные навыки, знания и способности и возможности, через обучение сотрудников, развитие карьеры сотрудников, управление эффективностью и развитием, коучинг, наставничество, планирование преемственности, идентификацию ключевых сотрудников, помощь в обучении и развитии организации в рамках их трудовой деятельности.

Развитие человеческих ресурсов в городах должно быть направлено на совершенствование качественного состава трудовых ресурсов в определенной трудовой деятельности и наращивания человеческого капитала как источника профессиональных компе-

тенций и конкуренции при выходе на рынок труда с целью получения выгоды. Направления развития человеческих ресурсов находятся в плоскости получения личных способностей и организационных знаний, умений и навыков, посредством использования различных методов обучения. Все аспекты развития человеческих ресурсов должны быть сосредоточены на развитии наиболее высокопрофессиональных сотрудников, чтобы организации и отдельные сотрудники могли достигать своих рабочих целей в обслуживании клиентов.

Развитие человеческих ресурсов каждого города должно быть направлено на развитие его конкурентоспособности в соответствии с его специализацией и особенностями пространственного развития, что должно приводить к устойчивому развитию всех компонентов стратегии развития города в рамках определенного региона страны. Особенно актуальным для городов с туристической направленностью деятельности, является необходимость разработки стратегии развития города и развития человеческих ресурсов, которые будут ее реализовывать, так как на конечный результат качественного обслуживания туристов в городе направлена деятельность разнообразных организаций и их сотрудников, которые в комплексе дают мультипликативный эффект от своей деятельности, соответственно этим процессом необходимо эффективно управлять в том числе и с точки зрения развития человеческих ресурсов муниципальных органов власти и сотрудников организаций, обслуживающих город и туристов. Отметим, что реализация направления развития человеческих ресурсов в рамках стратегии развития города должна способствовать достижению таких целей развития туристского города как открытость, безопасность, жизнестойкость, экологическая устойчивость, что в свою очередь должно способствовать привлечению туристов и устойчивому развитию города.

Литература

1. Цели в области устойчивого развития // Организация объединенных наций. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru>.
2. Кузьмина О. М., Майданевич Ю. П. Современные методики оценки состояния устойчивого развития муниципальных образований // Экономика и предпринимательство. 2020. № 1 (114). С. 414–419.
3. Кузьмина О. М. Анализ статистической информации о современном состоянии устойчивого развития муниципальных образований Республики Крым // Статистика в стратегическом развитии России: сб. науч. тр. / Иркутскстат ; ФГБОУ ВО «ИГУ» [науч. ред. Т. И. Грабелных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 153–159.
4. Программа «Туризм для Целей устойчивого развития» // Всемирная туристская организация. URL: <https://www.unwto.org/tourism4sdgs>.
5. Киякбаева Е. Г. Анализ индикаторов устойчивого развития туризма // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 1. С. 18–30.
6. Кузьмина О. М. Реализация задач муниципальных образований в Республике Крым по развитию экологического туризма // Экономика и предпринимательство. 2019. № 12 (113). С. 322–325.
7. Кузьмина О. М., Пегушина А. А. Выявление и систематизация факторов развития и привлекательности Республики Крым в контексте развития экологического и этнографического туризма // Сервис в России и за рубежом. 2019. Т. 13, № 5 (87). С. 110–124.
8. Стратегии развития туризма в мире: как это работает. URL: <https://profi.travel/articles/42436/details>.
9. Baseline Report on the Integration of Sustainable Consumption and Production Patterns into Tourism Policies. URL: <https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284420605>.
10. Стратегия развития туризма Российской Федерации до 2035 года // Федеральное агентство по туризму. URL: <https://tourism.gov.ru/cprofi.travelontents/documenty/strategii/strategiya-razvitiya-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-v-period-do-2035-goda>.
11. Стратегия развития туристического кластера Республики Крым // Правительство Республики Крым. URL: <https://rk.gov.ru/get-attachment/d618bab8d22577bbb160a953c9b650cea6ad3cdcbe38f414ee90a71df3368c65cbf20f91dde9a1839f3ebe75294452295ffadaef0cd7dc963101611cf2950e>.
12. Муниципальные образования Республики Крым // Портал Правительства Республики Крым. URL: https://rk.gov.ru/ru/structure/munitsipalnye_obrazovaniia.

ДИНАМИКА УДЕЛЬНОГО ВЕСА ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ХАКАСИИ

Рассматривается региональная динамика городского и сельского населения Хакасии в советский и постсоветский периоды. Акцентируется внимание на факторах, оказывающих влияние на данный процесс. Делается вывод, что переходный период от доминирующего сельского к городскому населению приходится на конец 1950-х гг., изменение соотношений отмечается с начала 2000-х гг. Основными факторами, обуславливающими данные процессы являются административно-территориальные реформы, рост/стагнация экономики, введение паспортного режима.

Ключевые слова: городское, сельское население, удельный вес, факторы, Хакасия.

I. N. Troshkina

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan

DYNAMICS OF THE SHARE OF THE URBAN AND RURAL POPULATION OF KHAKASSIA

The article examines the regional dynamics of the urban and rural population of Khakassia in the Soviet and post-Soviet periods. The author focuses on the factors that influence this process. The author concludes that the transition period from the dominant rural to urban population falls at the end of the 1950s, and the change in the ratio has been observed since the beginning of the 2000s. The main factors that determine these processes are administrative and territorial reforms, economic growth/stagnation, and the introduction of a passport regime.

Keywords: urban, rural population, specific gravity, factors, Khakassia.

Проблематика динамики сельского и городского населения регионов в последнее несколько лет становится все более актуальной, что связано с реализацией основных направлений национальных проектов РФ.

Население Хакасии до середины XX века являлось сельским. С конца 1950-х гг. удельный вес горожан стал доминирующим над сельчанами (доля городского населения – 54 %, сельского – 46 %) [10, с. 5]. Стабильный рост городского населения в течение тридцатилетнего периода (табл. 1) был обусловлен поэтапным развитием экономического сектора, достигшим апогея к периоду функционирования Саянского территориально-производственного комплекса (Саянского ТПК) [3, с. 31–32].

Саянский территориально-производственный комплекс формировался на базе территорий промышленных узлов Хакасии и Красноярского края: Абаканском, Черногорском, Минусинском, Саяногорском, Курагинском, а также на основе агропромышленных комплексов: Шушенского, Курагинского, Идринского, Аскизского, Каратузского, Ширинского, Богградского, Усть-Абаканского, Алтайского [9, с. 123]. Основными отраслями Абаканского узла была пищевая и легкая отрасли промышленности, Саяногорского – энергетика и стройматериалы, Черногорского – угольная, легкая. Комплекс аграрного направления был представлен следующим образом: в Аскизском комплексе акцент делался на продукцию животноводства (шерсть, говядина, молоко); в Ширинском районе – животноводства (шерсть, молоко, баранина); Богградском – продукцию растениеводства (зерно) и животноводства (шерсть, говядина, молоко); Усть-Абаканском – продукцию животноводства (шерсть, говядина); Алтайском – продукцию растениеводства (зерно) и животноводства (молоко, говядина, шерсть) [2, с. 3–25].

Таблица 1

Динамика удельного веса городского и сельского населения Хакасии, % [7, с. 86; 1; 4; 5; 8]

Удельный вес	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2019 г.
Городская местность	5,0	42,5	53,9	59,7	68,1	72,3	70,8	67,2	69,7
Сельская местность	95,0	57,5	46,1	40,3	31,9	27,7	29,2	32,8	30,3

Изменение долей населения город / село в более ранние сроки, нежели чем в целом по стране (1961 г.), связано с активным административно-территориальным преобразованием крупных сел в поселки городского типа в 1930–1960-х гг. Численное превосходство городского населения в Хакасии было достигнуто в 1970-е гг. Данное время также совпадает с периодом введения паспортного режима для сельского населения (табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности населения Хакасии, тыс. чел. [7, с. 86; 1; 4; 5; 8]

Население	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2019 г.
Городская и сельская местности	272,7	411,0	445,8	498,3	566,8	546,0	532,4	536,1
Городская местность	116,0	221,8	266,1	339,7	410,1	386,8	358,1	373,5
Сельская местность	156,7	189,5	179,6	158,6	156,7	159,2	156,7	162,6

Сокращение показателей численности сельского населения было обусловлено различными факторами, основными являются: нестабильное экономическое положение, административно-территориальные реформы, введение паспортного режима (1974, 1983 гг.).

Интенсивное развитие промышленности в регионе, сопровождающееся административно-территориальной реформой, обусловило становление городов и поселков городского типа. Их формирование в Хакасии пришлось на 1931–1975 гг. Число городов, как и рабочих поселков стремительно росло в определенные периоды: города – 1930-е, 1960-е гг.; рабочие поселки – преимущественно в 1950-е гг. Значимым с точки зрения «переломного периода», перехода населения с преобладанием городского населения для Хакасии стал 1957 г., когда крупные сельские поселения получили статус городских (Биричкуль – 11,9 тыс. чел., Шира – 10,9 тыс. чел., Майна – 4,6 тыс. чел.) [6, с. 335].

В целом динамика населения Хакасии характеризовалась повышением численности региона до конца 1990-х гг. Удельный вес городского и сельского населения существенно изменился в конце 1950-х гг., когда доля первого достигала более 50 % от всего населения. В начале 2000-х гг. отмечалось снижение доли городского населения. Данные процессы были обусловлены основными факторами: административно-территориальными реформами, экономическим положением, введением паспортного режима.

Литература

1. Архив Крайстата по РХ. Динамические ряды 1939–1989 гг.
2. Бобровник В. Л. Современное состояние промышленности и сельского хозяйства Саянского ТПК // Саянский комплекс: современное состояние, перспективы, проблемы. Абакан, 1980. С. 3–25.
3. Дроздов А. И. Развитие производственной сферы Хакасии в 1965–1985 гг. Абакан : Изд-во ГОУ ДПО «ХРИПК и ПРО» «РОСА», 2009. 118 с.
4. Информация Крайстата на запрос о распределении населения по городской и сельской местности.
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Национальный состав и владение языками, гражданство. М., 2005. Т. 4, кн. 1. С. 575, 578.
6. Итоги Всероссийской переписей населения 2010 г. Национальный состав и владение языками, гражданство. М., 2013. Т. 4, кн. 1. С. 575–578.
7. Кышпанак В. А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг. Абакан, 1995. 348 с.
8. Никольская Л. А. Хакасия. Экономико-географический очерк. Красноярское книжное издательство, 1968. 244 с.
9. Оперативные данные Крайстата за 2019 г.
10. Сабенин Г. М. Предпосылки формирования населенных мест Саянского комплекса // Саянский комплекс: ресурсы и возможности. Абакан, 1978. С. 123–133.
11. Хакасская автономная область в цифрах. Юбилейный сборник к 70-летию Великого Октября. КМП ВЦ Облстатуправления. Абакан, 1987. 104 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

Рассматриваются условия, формы и процессы трансформации публичного пространства в городской сред. Выявляются факторы изменения публичного пространства после пандемии, роль в этом процессе виртуализации и возможные последствия по регулированию и развитию публичной сферы в конкретных городах.

Ключевые слова: публичное пространство, городская среда, пандемия, сферы трансформации, коммуникация, взаимодействие, интеракция.

O. A. Polyushkevich

Irkutsk State University, Irkutsk

TRANSFORMATION OF PUBLIC SPACE IN THE URBAN ENVIRONMENT AFTER THE PANDEMIC

The article examines the conditions, forms and processes of transformation of public space in the urban environment. The factors of changes in public space after the pandemic, the role of virtualization in this process and possible consequences for the regulation and development of the public sphere in specific cities are identified.

Keywords: public space, urban environment, pandemic, spheres of transformation, communication, interaction, interaction.

Публичное пространство обладает своей динамикой и символическим содержанием. Оно создает условия для взаимодействия как неодушевленных предметов, это то, что можно назвать психологией архитектуры или психологией дизайнера и тех людей, кто приходит в эти пространства для того, чтобы вступить в диалог. Публичное пространство предполагает взаимодействие разных сторон через слово, жест, символ.

Эти образы и формы коммуникации порождают особую атмосферу, колорит и благодаря этому, в последующем развиваются ритуальные практики, присущие одним местам и отсутствующие в других местах города. Отсюда возникают привычки посещать кафе, где можно послушать бардов или почитать стихи, пространства коворкинг центров для участия в публичных лекциях, семинарах и обсуждениях вопросов, касающихся разных тем социального устройства мира. Это все вместе конструирует уникальное публичное пространство того или иного города.

Пандемия COVID-19 привнесла свои перемены в оценку публичного пространства, его значимость. Старые формы отошли, а новые начинают только формироваться. Причем это сказалось как на социально-психологическом восприятии публичных мест, так и на практиках коммуникации, которые воссоздают условия взаимодействия прошлого и настоящего, с учетом виртуальной составляющей и внешних ограничений постпандемического общества.

Данную проблематику изучали разные ученые, с позиции психогеографии публичного пространства (А. В. Демечук и Р. В., Иванов [1], В. А. Скуденков [4–6]), социальных последствий пандемии в городской среде (Р. В. Иванов [3]), особенностей конструирования ритуалов в разных социальных группах (А. В. Завьялов [2]) и все они пришли к выводу о том, что новые условия порождают новые практики. Именно этот вопрос стал предметом нашего изучения. Как пандемия COVID-19 повлияла на публичное пространство городов.

Для этого мы провели опрос при помощи платформы опросов www.google.com в разных городах России. В исследовании приняли участие 1450 человек в возрасте от 18 до 75 лет, занимающие разное социально-профессиональное положение, живущие в разных городах РФ, 65 % женщин и 45 % мужчин. В анкете использовались как открытые, так и закрытые вопросы.

Около половины опрошенных стараются не посещать публичных мест после начала пандемии. И чем старше респондент, тем таких больше (в 18–32 года – 32 %, в 33–55 лет – 54 %, в 56 лет и старше – 69 %). Среди причин они указывают на больший риск заразиться (64 %), отсутствие уверенности в том, что там не будет больных (36 %). Иными словами – это социально конструируемые страхи, которые распространяются на все публичные места.

Заменой публичных городских мест выступают виртуальные пространства (85 %). Чем младше респонденты, тем больше количество тех, кто так считает тем таких больше (в 18–32 года – 93 %, в 33–55 лет – 65 %, в 56 лет и старше – 52 %). В том числе и городские форумы и порталы, где происходит обсуждение различной тематики и участие в разнообразных программах обучения, обсуждения и в целом развития любого личного или социально важного вопроса. На них бывает половина опрошенных

Но на них в основном бывают представители старшего (65 %) и среднего (46 %) возраста, молодежи существенно меньше (24 %). Вероятно, это можно объяснить тематикой и содержанием данных площадок общения. Молодые люди бывают чаще на виртуальных площадках, где реализуется их потребность в публичности, не привязываясь к конкретной территории: представители старшего (35 %) и среднего (44 %) возраста, молодежи существенно меньше (94 %).

На основе проведенного анализа мы можем выделить несколько типов участников публичных коммуникаций, которые могут стать основными реперными точками для выделения различных целевых аудиторий при разработке государственных муниципальных программ публичного взаимодействия.

Наиболее активной выступают представители «воинов» (35 %), людей готовых отстаивать свои убеждения на деле, которые собирают подписи, начинают звонить, писать и как-то активно проявлять свое нежелание, неготовность или показывать вовлеченность и активность по любому вопросу. Они готовы спорить, разрушать, собирать, т. е. активно что-то делать (не всегда понимая зачем).

Необходимо бороться за свои права. Если мы их не будем отстаивать, обсуждать проблемы и наказывать тех, кто их нарушает, то в обществе не будет порядка. (Н. А., продавец, 43 года).

Говоря о том, что надо что-то менять – ничего не поменяется. Только начав реально что-то делать, фиксируя это в социальных сетях – мы сможем собрать народ, который будет отстаивать свои права перед бизнесом, властью или кем-то еще. (Л. А., студент, 21 год).

Второй активной группой выступают «брахманы» (29 %), эксперты или специалисты в своей области, которые рассказывают в чем проблема, что делать и как жить. Они не всегда готовы действовать, но всегда могут поговорить. Часто выступают спикерами, лекторами и иными экспертами, к чьему мнению прислушиваются и на кого ссылаются при принятии решений.

Чтобы понимать, что-то делать, надо сначала разъяснить народу в чем проблема, каковы ее истоки, каковы пути ее решения. Какие варианты использовали другие в подобных условиях. Надо быть подкованным. (Г. Н., государственный служащий, начальник отдела, 54 года).

Надо анализировать опыт прошлого, чтобы не допускать ошибок в будущем. Уметь видеть между строк, регулировать эмоциональные реакции и когнитивные выводы. Прежде чем действовать – надо подумать. (И. А., преподаватель университета, 38 лет).

Третьей группой выступают «служители» (23 %), они готовы согласиться с большинством, помочь как могут, чтобы всем было хорошо. Они снимают напряжение в конфликтах (реальных или виртуальных), но решить их не могут (решают брахманы разговорами или воины силой).

От нашего решения мало что поменяется. Мы не можем влиять на политику. Это сделают те, у кого есть сила и власть. Но мы можем обезопасить себя – не вовлекаясь в конфликты, не враждуя на пустом месте. (С. С., домохозяйка, 31 год).

Умение не ввязываться в драку – это талант не пострадать на войне. Также и в мирной жизни – идти по потоку, а не против него. (Г. Ю., пенсионер, военный в отставке, 65 лет).

Четвертой группой выступают кукловоды (управленцы) – 13 %, они легко привлекают на свою сторону и брахманов, и воинов, и служителей, понимая их мотивации, сильные и слабые стороны и перетасовывая в своих интересах.

Умение видеть людские слабости и соблазны – помогает найти нужные решения. Публичная сфера позволяет выявить и первые и вторые – хорошему руководителю остается их увидеть и использовать во благо всем. (Д. Д., депутат городской думы, 50 лет).

Готовность взять на себя ответственность за себя и других, направить их и определить – кому и что делает – дает новые возможности для развития институтов гражданского общества в новых условиях. Пандемия резко забросила нас в виртуальный мир и тем же же правила, но новые условия. Задача – брать ответственность и решать вопросы, не откладывая на потом и на других. (Н. Е., предприниматель, 40 лет).

Сочетание этих четырех типов в публичном пространстве создает эффективную модель управления общественным пространством в муниципалитете и в стране в целом. У каждого типа своя роль, место и время проявления своих качеств и состояний. Им всем необходимо создать условия для реализации в публичном месте. И результатом этого станет более стабильная и регулируемая социальная обстановка в городе, регионе, стране, большая эмпатия и солидарность граждан.

То, что публичные коммуникации перенеслись в виртуальный мир – лишь усилило и подчеркнуло особенности данных групп людей, позволило им найти для себя новые сферы и пространства реализации. Это необходимо использовать для управления и развития институтов гражданского общества и социальной активности граждан в реальном и виртуальном мире.

Таким образом, трансформация публичности выходит за пределы одного года и становится глобальной. Плюсом этого процесса выступает появление большего числа возможностей, а минусом – перенос внимания со своего города, на другие сферы. И в данном вопросе необходимо внимание и целенаправленная работа муниципальных властей, которые могут создавать платформы и площадки для интересного взаимодействия, позволяющего оставаться на местах (даже в виртуальной среде), решать конкретные вопросы здесь и сейчас, думать о тех проектах, которые наполняют смыслом тот муниципалитет, где реально проживает респондент.

Также формируются разные символические типы участников реального и виртуального взаимодействия в публичных местах. Опираясь на данные типы, можно реализовать более комплексную информационно-просветительскую политику активизации работы и взаимодействия в публичном пространстве городов. Технологии и инструменты мониторинга данных процессов еще предстоит разработать, но начинать осваивать стоит уже сегодня, так публичное пространство может достаточно быстро и мобильно трансформироваться. Данная тенденция видится нам одной из перспективных сфер развития государственной социальной политики к области публичных коммуникаций.

Литература

1. Деменчук А. В., Иванов Р. В. Психогеография современного города в работах Ги Дебора // Вестник Иркутского университета. 2019. № 22. С. 80–81.
2. Завьялов А. В. Ритуалы инициации и их влияние на микросоциум (по материалам статей зарубежных авторов) // Трансгрессия социокультурного пространства : материалы V Всерос. науч. интернет-конф. Иркутск, 2017. С. 44–56.

3. Иванов Р. В. Влияние пандемии COVID-19 на социальное напряжение // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изда-во ИГУ, 2020. С. 311–313.

4. Скуденков В. А. Психогеография в фокусе социальных притязаний горожан // DIXI-2019: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. Хабаровск : Хабаровский государственный университет экономики и права, 2019. С. 117–124.

5. Скуденков В. А. Психогеография города: от архитектуры к социально-психологическому самоощущению // Философия здоровья: интегральный подход : межвуз. сб. науч. тр. Иркутск, 2019. С. 69–79.

6. Скуденков В. А. Психогеография городского пространства // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы: сборник научных трудов / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич. Иркутск, 2019. С. 119–122.

УДК 81.13

В. А. Скуденков

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПСИХОГЕОГРАФИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ ПОСТПАНДЕМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Рассматриваются практики социальных интеракций в публичных пространствах города после пандемии 2020 г. Выделяется особая ностальгия по психогеографии городского ландшафта, которая накладывает свой отпечаток новых коммуникаций, возникающих при разрушении старой морали и идентичности человека в постпандемическом обществе и формировании новых ориентиров развития будущей морали и будущей идентичности людей.

Ключевые слова: психогеография, публичное пространство, город, постпандемическое общество, новое взаимодействие, мораль, идентичность.

V. A. Skudenkov

Irkutsk State University, Irkutsk

PSYCHOGEOGRAPHY OF PUBLIC SPACE IN A POST-PANDEMIC SOCIETY

The article examines the practice of social interactions in public spaces of the city after the 2020 pandemic. The author highlights a special nostalgia for the psychogeography of the urban landscape, which leaves its imprint on new communications arising from the destruction of old morality and human identity in a post-pandemic society and the formation of new guidelines for the development of future morality and future identity of people.

Keywords: psychogeography, public space, city, post-pandemic society, new interaction, morality, identity.

Изменения в социальной среде, что произошли после пандемии COVID-19, коснулись всех социальных сфер и институтов. Социальное развитие стало происходить под давлением новых мер, ограничивающих условий труда, передвижения, коммуникации. Ограничения на выезд и въезд на отдельные территории привел к социально-психологическому угнетению миллионов людей. После снятия ограничений данный эффект сохранился, так как гарантированной профилактики от вируса нет, вакцины помогают не всем, в СМИ обсуждаются вопросы новых волн пандемии.

В этих условиях психогеография городского пространства также поменялась. Ограничение возможности нахождения в публичных местах, ограничение количества людей с которыми можно находится там же, масочный режим и прочее – изменили оценку публичности, значимости символов публичности и формы и механизмы ее обозначения, закрепления и трансляции.

Психогеография стала предметом интереса, так как на фоне запретов – всегда усиливается желание их нарушать. И оценки социально-архитектурного планирования городского пространства стали более эмоционально насыщенными и емкими. Социальное взаимодействие, в которое вступают индивиды в публичных местах стало опосредовано пандемией и социальными страхами, и ограничениями, регулирующими социальные процессы взаимодействия и вовлеченности в друг друга.

При обычном течении взаимодействия нормы и ценности определяют форму и рамки. Но из-за пандемии трансформировалась ритуальность приветствия. Если раньше чаще можно было увидеть людей, обнимающих друг друга при встрече, то сегодня – уровень дистанции становится более формальным. И приветствие за руку также встречается все реже. В работах А. В. Завьялова и О. А. Полошкевич прослеживается влияние ритуалов на социальные коммуникации и их качественные изменения при трансформации последних [2; 3].

И вслед за Э. Гоффманом, мы можем говорить о том, что новый порядок закладывается в новой повседневности. Новые правила и нормы задают контекст и условия развития. Нужно выработать новую норму приветствия и это становится сложным, так как требует знания того, как можно сейчас. Как было можно раньше известно, но не безопасно. Как можно сейчас – пока не ясно. И эта ситуация множественного выбора ставит в тупик многих участников новых интеракций.

Более того, она вызывает противоречивые чувства так как требует от участников сохранения морального имиджа, «приличного облика», что противоречит требованиям официальной безопасности здоровья. И это приводит к разрушению идентичности. Суть противоречий психогеографической адаптации интеракций в публичных местах в том, что вслед за утратой моральных норм и правил, следует разрушение идентичности участников взаимодействия. Построить ее на новых принципах и условиях в новых условиях за весьма непродолжительный период (чуть более года) практически нереально. Этот процесс требует десятилетий. Поэтому, мы можем наблюдать кризис идентичности, кризис коммуникации, кризис пребывания в публичном пространстве и социальной востребованности в работу старых, но функционирующих по новым условиям институтов.

Актуальность идей Э. Гоффмана проявляется еще и в том, что он писал о страданиях, источником которых является окружение индивида, и не получая внимания и уважения, на которое они рассчитывают – они испытывают фрустрацию и разочарование [1]. Пандемия и последующие за ней ограничения взаимодействия привели к тому, что поводы, формы и особенности проявления страдания у всех участников взаимодействия обострились, так как они не получают того отклика, к которому привыкли и на который рассчитывают. В новых условиях пока не сформирован образ «хорошего» взаимодействия без привычных приветствий и прочих ритуальных практик.

Это создает условия и предпосылки для развития нового типа неравенства. Неравенства коммуникации, выстраиваемой по принципу разрушения старых моральных норм взаимодействия и отсутствия новых ориентиров допустимой коммуникации (кроме как удаленного общения). Но городские публичные места становятся местом разыгрывания нового театра перформанса – новых практик коммуникации, которые регулируют социальное взаимодействие и социальную обусловленность всех процессов.

Иллюстрацией данных процессов являются результаты проведенного нами экспресс-опроса, в котором приняли участие 540 человек в возрасте от 18 до 65 лет, 65 % женщин и 45 % мужчин, проживающие на территории Иркутской области и имеющие разное социально-профессиональное положение.

Все опрошенные без исключения, указали на то, что пандемия отразилась на их коммуникациях. Количество социального взаимодействия сократилось более чем на половину у всех респондентов (молодежь (18–32 года) на 49,3 %, средний возраст (33–55 лет) на 46,1 %, старший возраст (56 лет и старше) на 45,4 %). При этом, все отмечают увеличение интерактивного, виртуального взаимодействия (молодежь (18–32 года) 78,5 %, средний возраст (33–55 лет) на 66,7 %, старший возраст (56 лет и старше) на 48,6 %). Эти цифры указывают на принципиально новые формы коммуникации, что свойственны нашим соотечественникам.

Также респонденты отмечают изменение формы коммуникации (от объятий к формальному кивку, от приветствия за руки или поцелуев к мазанию рукой), это приводит к

чувству одиночества (37,8 %), потерянности (32,4 %), отсутствия чувства близости (28,7 %) и понимания (26,5 %). Эти ответы равномерно представлены среди представителей всех возрастов.

При этом, новые виды коммуникации кажутся 86 % опрошенных «неправильными», «неполными», «не имеющими смысла». Данное ощущение соответствует потери моральной составляющей, смысла коммуникации. Пандемия разрушила понимание близости, связь подкрепления ее на уровне приветствия при начале коммуникации и привела к повышению уровня отчужденности в обществе.

Вместе с тем публичные места города стали наполнены чужими и одинокими, опустошенными членами общества, которые не знают, как им взаимодействовать. Единственной опорой становится виртуальное общение, где еще до пандемии были введены новые правила и формы коммуникации через смайлы и имоджи, что никак не поменялось с появлением пандемии, а лишь увеличилось по количественному и качественному взаимодействию.

При разрушении морали при интеракции – спасением становится виртуальное общение. Если власти никак не будут трансформировать психогеографические условия социального взаимодействия, то общество потеряет мораль навсегда. И формирование новой морали будет проходить болезненно и длительно. И она будет строиться не на вечных ценностях и идеалах, а на образах и условиях виртуального иллюзорного мира.

Внешний контекст коммуникаций – не менее важный атрибут социального взаимодействия, он также становится изменчивым. В публичном пространстве городов не осталось места для свободной интеракции, есть только места, где нужно не задерживаться, чтобы не попасть в зону или группу риска заболевания. И идеи Гоффмана обретают новые смыслы и новую волну жизни для анализа социального взаимодействия в новых условиях постпандемического общества и ограниченных рамок публичного пространства городов.

Таким образом, новые условия развития повседневных коммуникаций приводят нас к тому, что сегодня устанавливается новый социальный порядок, в котором имеются новые условия и формы ведения личной коммуникации в публичных местах. В этом смысле социальное взаимодействие становится объектом публичной коммуникации и ресурсом социального моделирования поведения человека, группы и новых рамок, и условия развития общества.

Литература

1. Гоффман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ. М.: Элементарные формы, 2017. 384 с.
2. Завьялов А. В. Ритуалы инициации и их влияние на микросоциум (по материалам статей зарубежных авторов) // Трансгрессия социокультурного пространства : материалы V Всерос. науч. интернет-конф. 2017. С. 44–56.
3. Полошкоевич О. А. Идеи нарциссизма и ритуалы «сохранения лица» через призму драматургического и психоаналитического подходов // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. 2020. С. 149–153.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Проведен обзор зарубежных практик участия населения в городском планировании. Рассмотрен опыт США, Германии, Финляндии, Франции и Италии в вопросе привлечения граждан к принятию решений в сфере развития городских территорий и благоустройства. Обозначена сложившаяся практика в России и определены ключевые вопросы, требующие проработки, для эффективного взаимодействия граждан и населения по вопросам формирования комфортной городской среды.

Ключевые слова: городское планирование, участие населения, международный опыт.

D. A. Malyshkina
Tyumen Industrial University, Tyumen

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF POPULATION PARTICIPATION IN THE FORMATION OF A COMFORTABLE URBAN ENVIRONMENT

The article provides an overview of foreign practices of population participation in urban planning. The experience of the USA, Germany, Finland, France and Italy in the issue of attracting citizens to decision-making in the development of urban areas and landscaping is considered. The current practice in Russia is considered and the key issues that need to be worked out for effective interaction between the authorities and the population on the formation of a comfortable urban environment are identified.

Keywords: urban planning, community participation, international experience.

Вопросы формирования комфортной городской среды с каждым годом привлекают все больше внимания органов власти и общественности. Меняются подходы к формированию городской среды, современный город рассматривается как пространство для жизни, при этом отмечается все большее желание жителей влиять на свою среду обитания [1]. Одновременно с этим, осознаются преимущества участия населения в городском планировании и управлении развитием территории, такие как: формирование доверия между органами власти и населением, появление новых идей, поддержка реализации проектов со стороны населения.

В Российской Федерации действует Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды», одним из приоритетных направлений которого является увеличение доли граждан, вовлеченных в решении вопросов развития города и создание механизма прямого участия граждан в формировании комфортной городской среды [6].

На пути поиска оптимальных способов, методов и форм участия граждан в принятии решений в области градостроительства актуальным является обзор мирового опыта.

Практики участия населения в решении градостроительных вопросов в зависимости от инициатора условно можно разделить на два вида: формальные и неформальные. Если вовлечение населения иницируется органами местного самоуправления или девелоперами с поддержкой органов власти, такой подход считается формальным. Самоорганизация горожан с целью участия в развитии городской среды или практики, организуемые проектными, архитектурными компаниями являются неформальными способами вовлечения граждан [7].

В США в сфере принятия градостроительных решений существует процедура публичных слушаний, которая является важной формальной формой участия населения в планировании развития пространства города. Органы власти не обязаны принимать решения в соответствии с результатами публичных слушаний, однако это инструмент взаимодействия и выявления концепций и идей, которые поддерживаются общественностью. При этом, на практике, мнение населения, сформулированное в ходе публичных слушаний, учитывается при принятии решений, так, есть довольно крупные проекты, реализация которых была отклонена по результатам публичных слушаний [7].

В европейских странах используются практики партисипаторного бюджетирования, в результате которых население вовлекается в процессы принятия решений, в том числе градостроительных. Данный подход дает возможность жителям города самим определять на что будет потрачено финансирование, выбирая достойные проекты. Горожане предлагают собственные идеи и проекты для реализации, далее проводится голосование с целью определить, какой проект поддерживается населением и бюджетное финансирование направляется на реализацию одобряемых общественностью проектов. Идеи партисипаторного бюджетирования широко реализуются на территории Франции, Италии. В итальянском городе Милан уже в первый год реализации проекта партисипаторного бюджетирования были выбраны 78 идей в сфере благоустройства городских пространств [2].

В Финляндии население привлекалось даже к разработке генерального плана города Хельсинки. Этап разработки плана начался с опроса населения в сети интернет, проводились семинары, творческие мастер-классы, где жители могли выразить свое мнение относительно планируемых преобразований. Далее была создана интерактивная карта города, где жители в течении месяца могли высказывать мнение и вносить предложения по конкретным вопросам развития городской среды. Таким образом были выявлены основные потребности и мнения горожан, что повысило их лояльность к планируемым преобразованиям, при этом администрации пришлось проанализировать большой объем данных, что потребовало времени и дополнительных ресурсов [5].

Особо важную роль играет мнение населения при обсуждении благоустройства общественных пространств, так как именно эти территории города предназначены для общественного использования и одинаково доступны для всех горожан. В Германии для решения таких вопросов используются встречи с жителями, сбор предложений в формате бесед, организация стендов и павильонов, где можно получить информацию о будущем проекте.

В отношении неформальных способов интересна самоорганизация граждан и сбор средств для реализации проектов, так называемый «краудфандинг», который очень развит в Европе и США, в том числе для реализации проектов благоустройства и других вопросах городского значения. В России самоорганизация и сбор средств пока больше развита в сфере благотворительных инициатив, помощи нуждающимся. А в сфере развития городской застройки люди объединяются зачастую только при необходимости выразить протест действиям властей при реализации проекта или защитить объекты культурного наследия.

В нашей стране, практика привлечения населения к участию в городском планировании находится в стадии формирования, при этом все больше осознается значимость соучастия населения даже на государственном уровне. На текущий момент в нашей стране, обязательной формальной формой участия граждан в сфере градостроительства являются публичные слушания. В реальности, в России активное участие население возникает уже тогда, когда основные градостроительные решения приняты, проектная документация на строительство того или иного объекта разработана и прошла государственную экспертизу и получено разрешение на строительство. Зачастую население начинает интересоваться происходящим, когда на площадке строительства начинаются работы, появляется техника и люди видят, что их интересы действительно будут затронуты. Есть реальные примеры, когда для предотвращения социального конфликта приходилось наложить мораторий на реализацию проекта, хотя все формальные процедуры по проведению публичных слушаний были пройдены. Это говорит о том, что уровень вовлеченности и информированности населения по вопросам развития городских территорий именно на этапе принятия решений довольно низок, а имеющиеся способы коммуникации, информационные каналы не достаточно эффективны. Важным аспектом взаимодействия между органами власти и населением является наличие двухстороннего диалога. Отклик населения возможен только в случае, если горожане верят, что их мнение будет действительно учтено при принятии решений [4].

В сложившейся мировой практике в большинстве стран мира окончательное решение в области градостроительства принимают органы власти, но вот уровень влияния общественности на принятое решение и эффект от участия населения разный. Так в России сложился высокий уровень недоверия органам власти, есть устойчивое мнение о лоббировании интересов крупных корпораций, что негативно влияет на уровень вовлеченности и участия населения в решении городских вопросов [3]. Людям необходимо видеть, как их предложения и решения отразились на результате проекта, в противном случае, будет снижаться мотивация к участию и доверие к процедурам.

Органы власти могут предлагать различные инструменты взаимодействия в вопросах принятия градостроительных решений, но важно проанализировать насколько они приемлемы для горожан, оценить заинтересованность граждан в участии в городском планировании и выявить способы повышения уровня мотивации населения.

Анализ и адаптация успешных зарубежных практик с учетом российских условий поможет выработать эффективную и работоспособную модель, которая сможет учитывать интересы населения и органов власти при принятии решений по вопросам формирования комфортной городской среды.

Литература

1. Бойкова М. В., Ильина И. Н., Салазкин М. Г. Будущее городов: города как агенты глобализации и инноваций // Форсайт. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/budushee-gorodov-goroda-kak-agenty-globalizatsii-i-innovatsiy> (дата обращения: 27.04.2021).
2. Гаврилова Н. В. Практики партисипаторного бюджетирования в европейских странах. Право и управление. XXI век. 2018. № 2. С. 79–87. URL: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2018-2-47-79-87> (дата обращения: 27.04.2021).
3. Гоголева Е. Н., Самарцева Е. И. Формы участия граждан в местном самоуправлении в России: востребованность и эффективность // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-uchastiya-grazhdan-v-mestnom-samoupravlenii-v-rossii-vostrebovanost-i-effektivnost> (дата обращения: 30.04.2021).
4. Опыт общественного участия в планировании комфортной городской среды на примере Архангельской области / А. Г. Деменев [и др.] // Артика и Север. 2018. № 33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-obshchestvennogo-uchastiya-v-planirovanii-komfortnoy-gorodskoy-sredy-na-primere-arhangel'skoy-oblasti> (дата обращения: 27.04.2021).
5. Федулова С. И. Опыт Финляндии в вовлечении населения в городское планирование // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2016. № 1 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-finlyandii-v-vovlechenii-naseleniya-v-gorodskoe-planirovanie> (дата обращения: 28.04.2021).
6. Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации: официальный сайт. Москва. URL: <https://minstroyrf.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2021).
7. Краткий обзор отдельных зарубежных практик по вовлечению граждан в принятие решений по вопросам развития городской среды // Институт экономики города. URL: https://www.urbanecomics.ru/sites/default/files/obzor_zarubezhnogo_opyta_po_privlecheniyu_grazhdan.pdf (дата обращения: 28.10.2020).

УДК 332.1

А. Н. Пружинин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА БИЗНЕС-СТРУКТУР В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Анализируются особенности развития человеческого капитала бизнес-структур Иркутской области. Определяется влияние городского пространства на воспроизводство человеческого капитала, его структуру и динамику развития. Обозначаются основные проблемы и перспективы развития человеческого капитала бизнес-структур.

Ключевые слова: человеческий капитал, городская среда, бизнес-структуры, социальное воспроизводство.

REPRODUCTION OF HUMAN CAPITAL OF BUSINESS STRUCTURES IN THE URBAN ENVIRONMENT

The article analyzes the features of the development of human capital of business structures in the Irkutsk region. The influence of urban space on the reproduction of human capital, its structure and development dynamics is analyzed. The main problems and development prospects are outlined.

Keywords: human capital, urban environment, business structures, social reproduction.

Развитие человеческого капитала напрямую связано с устойчивостью самого бизнеса, как было определено ранее: чем выше ресурсы – тем больше инвестиции в персонал и потребность в его качестве. Также для крупных компаний верен тезис: рост капитализации – это производное от развития персонала, но для среднего бизнеса, не имеющего должных ресурсов всё иначе – он вынужден балансировать между развитием и сохранением своих кадров, и в то же время создавать «подушки безопасности» в виде экономических резервов, а такая возможность не всегда есть. На основании современных отечественных исследователей можно утверждать, что развитие среднего бизнеса сдерживают повторяющиеся экономические кризисы. Соответственно перед изложением результатов нашего исследования будет уместно представить результаты социологических опросов предпринимателей ВЦИОМ и антикризисного мониторинга субъектов малого и среднего предпринимательства общероссийской общественной организацией малого и среднего предпринимательства «Опора России» [2].

Мы провели исследование, касающееся развития малого и среднего бизнеса в Иркутской области. В анкетировании приняло участие 640 человек – все представители бизнес-структур в возрасте от 18 до 70 лет, в бизнесе от года до 40 лет.

Результаты позволяют говорить о существенной трансформации бизнес-сообщества в городской среде. Большинство предпринимателей являются «относительно устойчивыми», т. е. для поддержания своего бизнеса денег хватает, но для развития нет, только (24,1 %) респондентов– бизнесменов отнесли своё финансовое положение к благоприятному – хватает денег на поддержание и развитие бизнеса, (16,6 %) респондентов указали своё состояние как неустойчивое – не хватает денег на развитие и поддержание, (5,3 %) указали что состояние бизнеса ухудшается с каждым днем, (1,7 %) назвали ситуацию кризисной и (0,6 %) констатировали своё предприятие банкротом. Важно заметить, что выбранный период был благоприятным для развития бизнеса, поскольку реализовывались меры государственной поддержки малого и среднего бизнеса. Однако не все представители бизнеса смогли воспользоваться этими возможностями в виду отсутствия денег или других причин, что в последствии привело к последующей стагнации [1].

Отдельной стратегией развития бизнеса в отечественные и международные исследования принято считать банковские кредиты, особенно это актуально на этапе создания бизнеса. Использование кредитных денег, как стартовый капитал – распространенная практика в Западных странах и странах с развитой рыночной экономикой. Но в России банковские кредиты не выступают в качестве главного ресурса для становления предприятия, к помощи банка прибегают только 15,8 % представителей малого и среднего бизнеса, более распространенными оказались случаи использования сбережений собственника или его имущество, за счет которых был создан бизнес (61,5 %), и (15,7 %) предприятий было создано благодаря финансовой помощи родственников и друзей предпринимателя. Невозможным использовать банковский кредит для (42,2 %) предпринимателей было из-за высоких процентных ставок, для (28,5 %) респондентов неподъемным был залог или первый взнос, требуемый в банке, в то же время (15,3 %) бизнесменов не смогли предоставить необходимые финансовые документы, требуемые банком и примерно такое же количество респондентов (15,6 %) отказались от предложений банка из-за слишком коротких сроков кредитования [3].

Можно предположить, что те предприниматели, которые не смогли представить в банк необходимые документы, ведут свой бизнес в теневом секторе экономики, который возникает, как правило из-за слишком большие административные давления государства. Так несмотря на намерения государства снизить количество данных проверок – результаты антикризисного мониторинга в 2015 г. показывают, что ситуация практически не изменилась это, подтверждают (80 %) представителей малого и среднего бизнеса, и (18 %) заявляют об увеличении подобных проверок. Как показывает практика, подобные проверки причиняют значительных экономических ущерб предприятиям, так как связаны с финансовыми и временными затратами на сами проверки и устранение их последствий. Вместе с этим отдельным остается вопрос о противоправных действиях представителей государственных органов. И при этом парадоксальным выглядит утверждение предпринимателей, что сегодня противоправных действий в отношении предпринимателей происходит больше от представителей государственной власти, нежели от криминальных группировок.

Следующие сложности, мешающие бизнесу развиваться, относятся к «высокому уровню налогообложения и сложности бюрократических процедур и неопределенность экономической ситуации. Высокая степень неопределенности, связанная с реалиями финансово-экономического кризиса может привести серьезный ущерб малым и средним предприятиям. Примерно такое же негативное влияние оказывают высокий уровень коррупции, неразвитость инфраструктуры и высокий уровень налогообложения, а также излишнее вмешательство государственных учреждений, препятствующее развитию малого и среднего бизнеса. Давление на представителей бизнеса со стороны государства недопустимо с точки зрения стран с развитой рыночной экономикой, так в России каждое предприятие проверяется государственными органами семь раз в год, в то время как в Швеции подобные проверки проходят один раз в течении двух лет. В работах отечественных исследователей отмечается тот факт, что давление со стороны государства заставляет предпринимателей уходить в теневой сектор.

В свою же очередь около половины предпринимателей, работающих в субъектах Российской Федерации, отмечают, что существуют отрасли доступ в которые искусственно затруднен государственными органами и только (23 %) руководители отметили, что такие отрасли отсутствуют. Остальная четверть опрошенных затруднилась с ответом, что говорит о высокой степени неопределенности социально-экономических условий функционирования малого и среднего бизнеса. Иными словами, больше половины предпринимателей убеждены в том, что корни негативной конкуренции (когда одним нельзя, а другим можно) лежат в действиях органах государственной власти, искусственно создающих на местах преференции для «своих» компаний более свободные условия. И только (23 %) представителей малого и среднего бизнеса указали на монопольное положение конкурентов на рынке субъекта РФ.

Сегодня для (36 %) малых и средних компаний основной адаптационной стратегией выступает изменение ассортимента товаров и услуг – это касается, как производственного бизнеса, так и торгового или даже информационного. Для (28 %) субъектов малого предпринимательства стратегией является перевод бизнеса на новые рельсы, а для (22 %) респондентов – сокращение персонала. В подобных исследованиях эти цифры примерно похожи и составляют 29 %, 24 % и 25 % соответственно [7]. Как отмечает С. К. Сахаров на выбор стратегии непосредственно влияет и оценка владельца состояния своего бизнеса, а большинство собственников считает, что если у предприятия имеются оборотные средства, бизнес приносит прибыль, то все в порядке, однако, когда речь заходит не об общей ситуации, а частных проблемах, например, возможности развития, доступ к кредитам, проблемах функционирования и т. п., то респонденты демонстрируют негативный настрой. Как уже отмечалось ранее, (50 %) респондентов оценивания своё текущее положение дел выразились «относительно устойчивое», что говорит о том, что ресурсы

хватает для поддержания бизнеса, но не для развития. Иными словами, для большинства представителей бизнеса характерна стратегия выживания – больше половины, но не развития. В то же время на вопрос – возможен ли для Вас рост и расширение в несколько раз, (52,5 %) респондентов ответили отрицательно.

Нехватка финансов угрожает среднему и малому бизнесу по двум основным причинам, в первую очередь при наступлении финансового кризиса и дестабилизации рынков происходит снижение спроса и спад покупательной способности населения и негативно воздействует на малый и средний бизнес, как итог для некоторых – банкротство. Вторая проблема заключается в невозможности масштабирования из-за недостатка финансов. Относительно этой проблемы важно заметить, что большинство предпринимателей опираются на собственные, а не заемные средства, (60,4 %) респондентов указывают на то, что главным источником финансирования их предприятий являются вложения из их собственной прибыли, (30,5 %) указали в качестве подобного источника личные средства собственника бизнеса и только (16,2 %) выделили банковские кредиты.

Таким образом, городское сообщество слабо помогает бизнес-структурам удержаться на плаву, особенно остро эта проблема встает в период постпандемического развития процессов социального воспроизводства города, области и страны в целом. Необходимо комплексная поддержка малого и среднего бизнеса со стороны государства, чтобы новые условия экономики не стали разрушающими для всего бизнес-сообщества.

Литература

1. Гнатюк А. Н. Адаптационные стратегии малого и среднего бизнеса в условиях финансово-экономического кризиса в современной России : дис. канд. соц. наук : 22.00.04 / Адыгейский государственный университет. Майкоп, 2017. 116 с.
2. Полошкевич О. А. Идеологические ресурсы социокультурной солидарности // Государственное управление. Электрон. вестн. 2017. № 64. С. 217–230.
3. Пружинин А. Н. Инструменты нефтяных компаний в развитии своего человеческого капитала // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность. сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т. И. Грабельных, А. Ф. Шмидт]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 433–440.
4. Пружинин А. Н. Ресурсы развития человеческого потенциала в крупных нефтяных компаниях Иркутской области // Ресурсы развития человеческого потенциала в крупных нефтяных компаниях Иркутской области / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [под общ. ред. А. В. Аргучинцева, И. А. Журавлевой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018.
5. Пружинин А. Н. Ресурсы человеческого капитала крупных нефтяных компаний в социокультурном воспроизводстве Иркутской области // Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI века. ФГБОУ ВО «ИГУ»; [под общ. ред. А. В. Аргучинцева, И. А. Журавлевой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 216–223.
6. Пружинин А. Н. Анализ корпоративных норм регулирования человеческого капитала нефтяных компаний // Социология. 2020. № 3. С. 162–169.
7. Филонович С. Р. Диагностика деловой организации в логике теории жизненных циклов // Личность. Культура. Общество. 2015. № 3(27). С. 48–60.

УДК 159.923.2

Н. В. Маслодудова

Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск

ПОТРЕБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ОДИНОЧЕСТВЕ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

На основе анализа влияния информационного общества на современного человека осмысливается диалектика коммуникативности, вытекающей из биосоциальной сущности человека, и одиночества как потребности в сохранении его духовной сущности. Выясняется, что развивая свою духовность, человек совершенствует свои познавательные способности, чтобы уметь противостоять негативным вызовам современной жизни.

Ключевые слова: современная реальность, духовность, ценность одиночества.

HUMAN NEED FOR LONELINESS AS A PHENOMENON OF MODERN SOCIETY

Based on the analysis of the influence of the information society on a modern person, the article comprehends the dialectics of communicativeness arising from the biosocial essence of a person, and loneliness as a need to preserve his spiritual essence. By developing his spirituality, a person improves his cognitive abilities in order to be able to withstand the negative challenges of modern life.

Keywords: modern reality, spirituality, loneliness value.

Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют», этой фразой Протагора начинаются многие разделы философской антропологии [1]. Сформировавшаяся антропоцентрическая картина мира заставила, с одной стороны, посмотреть на человека как вершину эволюции, способного переделать под свои нужды весь окружающий мир: «Всё – в человеке, всё для человека! Существует только человек, всё же остальное – дело его рук и его мозга! Человек! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век!» [2]. С другой стороны, сама это вершина заставила осознать огромную ответственность человека за весь этот мир. Включенность человека в два мира: «мир природы» и «мир социальных отношений» является неоспоримой сущностью *Homo sapiens*, проявившейся в наличие у него сознания, способности к деятельности и общению. Конституирующей особенностью человека является его духовность, которая не просто присуща ему наряду с телесным и психическим, что свойственно и животным, а которая как раз и отличает человека от животного. «В каждое мгновение своей жизни человек занимает позицию по отношению как к природному и социальному окружению, к внешней среде, так и к витальному миру, к внутренней среде. И то, что может противостоять всему социальному, телесному и даже психическому в человеке, мы и называем духовным в нем. Духовное, по определению, и есть свободное в человеке, что всегда может возразить» [6, с. 92–93].

Современное информационное общество в буквальном смысле захватило человека на столько, что потребность в одиночестве сегодня можно рассматривать как форму протеста, продиктованную самой духовностью, а информационную гигиену как способ сохранения своей человеческой сущности. В истории философии есть примеры подобного восприятия указанного феномена. Например, один из самых ярких представителей иррациональной философии жизни А. Шопенгауэр отмечал, что «кто не любит одиночества – тот не любит свободы, ибо лишь в одиночестве можно быть свободным» [8]. Стремление же к свободе является гуманистической ценностью и неотъемлемым атрибутом сущности самого человека. Рассуждения А. Шопенгауэра об одиночестве становятся сегодня актуальными в связи с попыткой посмотреть на этот социальный феномен по-новому. Долгое время в нашем обществе господствовало негативное отношение к одиночеству как проявлению недружелюбности, высокомерия и даже мизантропии. Одиночество напрягало, пугало, с ним пытались бороться, так как считали его причиной суицидальных наклонностей. Общительность же воспринималась наоборот, как проявление открытости, искренности и подлинного гуманизма. Вовлечение человека в общественную жизнь делало его успешным и востребованным. Знаменитая книга Д. Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей» была настольной книгой ни одного поколения XX века, а предложенные им техники общения реально помогали заводить новые полезные знакомства и продвигаться по карьерной лестнице.

Но современная социальная реальность изменилась. Информационное общество сегодня поглотило человека, а количество людей, виртуально входящих в ваш дом через телевизионный экран породило желание вообще не включать телевизор. Добавим сюда ежедневные звонки по телефону от незнакомых людей, обращающихся к вам по имени отчеству, социальные сети, ежедневные пожелания «доброе утра», отмеченные как «часть пересылаемые сообщения» и т. д. и т. п. Современный человек настолько ощущает

себя прозрачным для всех, что у него появляется естественное желание закрыться и спрятаться. Навязанное ненужное общение порождает потребность избавиться себя от подобного окружения. Более того, колоссальный рост приступных мошеннических действий, всегда связанных с очень общительными и добродушными людьми, заставляет людей реально опасаться проявления любой общительности, исходящей от посторонних людей. Сегодня как никогда актуально звучат слова уже упомянутого А. Шопенгауэра: «Общительность принадлежит к опасным, даже пагубным наклонностям, так как она приводит нас в соприкосновение с существами, большинство которых нравственно – скверно, а умственно – тупо и извращено» [8]. В этой связи одиночество воспринимается уже как способ защиты. Французский мыслитель и писатель XVIII в. Жак-Анри Бернард де Сен-Пьер в своем произведении «Поль и Виржини», являющимся трагической притчей о пагубном воздействии цивилизации, высказал прекрасную, а главное очень актуальную, мысль: «La diete des alimens nous rend la sante du corps, et celle des hommes la tranquillite de l'ame», что в переводе с французского означает: «Ограничения в пище возвращают нам телесное здоровье, а ограничения в общении с людьми – душевный покой».

Надо признать, что информационное общество воплощает в реальность идею тотального контроля над человеком. Даже уединение начинает рассматриваться как угроза возможному беспредельному властвованию над человеком. Сегодня достаточно явно ощущается проникновение этого контроля и во внутренний мир человека через внедрение стандартизированных образцов современного потребительского общества, что вызывает опасность интеллектуальной деградации. Автор концепции «Физика морали» Д. С. Соммер в своей книге «Мораль XXI века» отмечает, что человечество в конце XX в. пришло «к умственной и психологической гомогенизации людей» и сейчас переживает «тиранию масс», превращающую человека «в самую жалкую посредственность» [5, с. 28–29]. Растворяясь в толпе, человек снимает с себя индивидуальную ответственность за любые действия или бездействия, за приверженность к каким-либо взглядам и идеологиям. В толпе он может позволить себе все, потому что «при растворении человека в толпе значительно ослабевает его разум» [6, с. 31].

Важно понять, что потребность современного человека в одиночестве не является врожденной, а развивается постепенно как ответная реакция на изменения социальной среды. Именно разумность (сознание как отражение объективной реальности) делает возможным появление у человека такой защитной реакции. При этом надо учитывать, что указанная защитная реакция развивается в условиях постоянного преодоления, как раз природной, склонности человека к общению, присущей ему как биосоциальному существу.

Негативное отношение к одиночеству, сформированное в общественном мнении, связано с пониманием этого феномена как проявления социальной изоляции, разрушающей фундамент человеческой личности и делающей эту личность асоциальной. Надо признать, что господствующий психологический подход к определению сущности одиночества практически выдавил ценность данного явления, которая признавалась на протяжении развития всей истории гуманистической мысли. Пришло время увидеть заложенную в сущности одиночества другую сторону этого индивидуального феномена и социального явления. Сегодня одиночество – это форма духовной независимости, которая необходима не только для становления полноценной личности, но и сохранения в человеке подлинно человеческого. Одиночество может выступать мощнейшим стимулом к саморазвитию, а также фактором переоценки своего окружения. Страх одиночества, воспитанный общественным мнением как стереотипная установка общественного сознания, не должен закрывать для человека подлинно гуманистическую возможность обрести в одиночестве свое собственное «Я» и открыть свой внутренний мир. Е. А. Мазуренко на основании классических и современных подходов к определению одиночества, синтезирует рабочую модель философского определения понятия «одиночества» следующим образом: «Одиночество понимается как экзистенциальное состояние, возникающее

вследствие осознания человеком своей отдельности, особенности, уникальности, неповторимости, предполагающее полную и осознанную ответственность за свою жизнь, определяющее степень внутренней свободы личности, выводящее человека за пределы собственного «Я» и обращающее к миру, расширяющее круг его интересов и позволяющее самому определять меру и границы собственной самореализации» [3, с. 19]. Такой подход к пониманию феномена одиночества открывает перед современным человеком совершенно новые возможности. Осознание этих возможностей делает одиночество привлекательным для современного человека. Предоставленный самому себе он уже не выглядит потеряннным и несчастным, а представляется свободным от всех навязанных образцов и стандартов. Освободившись от давления общества, человек способен адекватно оценить свои потребности, открыть подлинные интересы, прочитать книги и посмотреть фильмы, которые не вписываются в форматы современности.

Самоизоляция как социальная реальность, вызванная пандемией COVID-19, заставила переживать одиночества огромное количество людей, но далеко не все смогли по-настоящему оценить этот феномен. Современный человек толпы оказался испуганным и неспособным занять самого себя. Ограниченность личности, которая в обычной жизни заполняется огромным количеством суетных действий и общением с большим количеством людей, проявилась в условиях самоизоляции бесхлостностью. Люди вдруг осознали, что они не интересны сами себе... Такой вывод позволил заняться саморазвитием и открыть новые возможности для реализации своих творческих способностей.

Представитель американского трансцендентализма Г. Д. Торо еще в XIX веке открыл человечеству идею творческого уединения. Сделав добровольный выбор в пользу одиночества и прожив два года в дали от городской суеты, он написал своей основной труд «Уолден, или Жизнь в лесу». Его последователи в современном мире в условиях самоизоляции смогли открыть новые направления в своем бизнесе, создать совершенно новые виды деятельности, новые стили в искусстве, открыть новые творческие площадки или написать новые книги, картины, стихи и музыку. Все это позволило вернуть в современную жизнь позитивное понимание феномена одиночества. Вынужденное одиночество для многих стало началом совершенно нового общения, наполненного подлинным содержанием. Очевидно, что для такого восприятия одиночество необходимо иметь желание к саморазвитию и неутраченную способность к размышлению. Живущий в постоянной суете человек теряет возможность ясного мышления, его мысли под давлением огромного количества людей в обществе постоянно путаются, а речь уже не выглядит связанной и красивой. Современный человек вообще с трудом может долго и связано говорить на заданную тему. А вместе с тем роль языка в развитии сознания по-прежнему представляется актуальной. Обращенность к собственному миру позволила развить свою духовность и создать ощутимый барьер от разрушения своей индивидуальности, когда человек оказался после снятия режима самоизоляции под привычным тотальным давлением и со стороны информационного общества, и со стороны отдельных людей. Сумевшие оценить позитивную сторону одиночества вышли после самоизоляции духовно более сильными. Можно сказать, что людям была дана возможность оценить значение монашеского уединения для духа человека.

Учитывая возможность нарастания негативных тенденций дальнейшего влияния общества на человека, потребность в усилении духа становится все более очевидна. Сегодня общество навязывает человеку стандартизированные образцы не только необходимого имущества, без которого он не выглядит успешным и достойным уважения, но и образцы поведения, готовые нравственные оценки, ценностные установки. «Именно духовность делает человека по истине свободным, т. е. способным выбирать свою линию поведения, свои стандарты потребления, свои правила коммуникации, свой уровень чувственности, свою меру любви и сострадания. Стандартизация этих явлений ведет к потере духовности как в отдельном человеке, так и в обществе в целом» [4].

Потребность в зрелом, осознанном обособлении от общества продиктована в первую очередь стремлением сохранить свою индивидуальность. Современное общество поглощает индивидуальность человека, делает людей одинаковыми на столько, что заданные стереотипы красоты практически стирают внешние отличия между людьми. Никогда ранее мы не сталкивались с таким огромным количеством похожих друг на друга людей как в современном потребительском обществе. К сожалению, приходится констатировать, что если раньше общение было возможностью развить свою индивидуальность путем обмена инаковостью, то теперь такая возможность утеряна и индивидуальность в ходе общения с себе подобными окончательно стирается. Кроме того, исчезает ценность самого общения как обмена информацией, что исторически способствовало развитию сознания человека и прогрессу самого общества. Объединенные в отдельные субкультуры люди, увеличивают с помощью интернета и социальных сетей количество своих виртуальных сторонников, каждый из которых стремится походить друг на друга. Учитывая особенность функционирования современных контентов подобных, например, «Тik-Ток», становится понятно почему за достаточно короткое время при наличии огромного количества участников максимально возрастает их интеллектуальная ограниченность. В этом количестве общения нет ценности его качества. Этот же принцип современного общения распространяется и на другие формы объединений «по интересам»: любители психологических тренингов, увлеченные совместным поиском саморазвития; религиозные искатели; составители натальных карт; «путешественники»; любители здорового образа жизни; очищающие организм и стремящиеся к вечной молодости... Список можно продолжать до бесконечности. Стандарты внешнего образца человека дополняется единым внутренним содержанием, что значительно ослабляет каждую отдельную личность, делая ее легкоуправляемой. Надо признать, что все это является новыми социальными формами зависимости человека. На эту проблему обращает внимание в своей статье «Феномен зависимости как социологическая проблема» В. Е. Шинкевич: «сегодня актуализирована в социальной среде разнообразная масса зависимостей, которые небезопасны для человека», но «явление зависимости нельзя отождествлять с увлеченностью, хобби человеческой деятельностью» [7]. Пагубное влияние таких форм зависимости на личность связана как раз с потерей индивидуальности человека, которая ведет к его ограниченности. Своеобразной текстовой иллюстрацией к вышесказанному можно считать строки из песни Дианы Арбениной «Авиарежим»:

«Быть героем сетей – да, это просто болезнь

Заурядных людей, останься тем, кто ты есть».

Внутренний мир человека, ограничившего свое общение с другими, непохожими на него, становится настолько маленьким, что не дает возможность расширять его мировоззрение и в конечном итоге делает его неинтересным и для себя, и для других. Таким людям скучно наедине с собой, и они заполняют свою жизнь большим количеством пустого общения с себе подобными. Заполняют, чтобы не испытывать страха одиночества, потому что оценить ценность этого феномена они не в силах.

Для многих самоизоляция обернулась длительной депрессией, выйти из которой люди не смогли уже и после прекращения режима самоизоляции. А. Шопенгауэр характеризует такую особенность в свойственной ему категоричности: «В одиночестве ничтожный человек чувствует свою ничтожность, великий ум – свое величие, словом, каждый видит в себе то, что он есть на самом деле» [8].

Делая вывод, необходимо отметить, что дозированное обособление от общества в виде возникающей потребности в одиночестве для современного человека необходимо не меньше, чем Интернет, телефон и гаджет. Умение переживать одиночество способно открыть ценность данного феномена для сохранения индивидуальности человека благодаря развитию его духовности.

Литература

1. Балашов Л. Протагор... Человек – мера всех вещей. URL: <https://proza.ru/2012/12/02/2025> (дата обращения: 28.04.2021).
2. Горький М. На дне. URL: <http://rushist.com/index.php/rus-literature/5981-monolog-satina-o-cheloveke> (дата обращения: 28.04.2021).
3. Мазуренко Е. А. Одиночество как феномен индивидуальной и социальной жизни : автореф. ... дис. кан. филос. наук. Архангельск, 2006. URL: https://narfu.ru/pomorsu.ru/www.pomorsu.ru/_doc/sin/autoref/autoref_00019.pdf (дата обращения: 26.04.2021).
4. Маслодудова Н. В. Развитие духовности как противовеса социальной напряженности в современном обществе // Пространство социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. Иркутск, 2020. С. 173–179.
5. Соммэр Д. С. Мораль XXI века. М., 2013.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
7. Шинкевич В. Е. Феномен зависимости как проблема социологического исследования // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 1. С. 277–290.
8. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. URL: https://librebook.me/aforizmy_jiteiskoi_mudrosti/vol1/5 (дата обращения: 25.04.2021).

УДК 81.13

Р. Г. Ардашев

Академия управления МВД России, г. Москва

ГОРОДСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФЕМЕРНОСТИ

Анализируется формирование городского сознания и влияние на него городской среды в виде архитектуры и дизайна города. Приводятся результаты опроса жителей городов России, позволяющие говорить об особенностях социально-психологической зависимости от архитектурно-дизайнерских решений спальных и центральных районов городов.

Ключевые слова: городское сознание, эфемерность, развитие сознания, социально-психологическое самочувствие, идентичность, оптимизм, пессимизм.

R. G. Ardashev

Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow

URBAN CONSCIOUSNESS AS AN INDICATOR OF EPHEMERALITY

The work shows the formation of urban consciousness and the influence of the urban environment on it in the form of architecture and city design. The results of a survey of residents of Russian cities are given, which make it possible to talk about the peculiarities of socio-psychological dependence on architectural and design solutions of dormitory and central districts of cities.

Keywords: urban consciousness, ephemerality, development of consciousness, social and psychological well-being, identity, optimism, pessimism.

Городское сознание – сознание людей, проживающих в том или ином населенном пункте. Городское сознание отличается от сельского. Сознание жителя мегаполиса отличается от сознания жителя малого города. Да, сначала мы создали города, потом города меняют нас и создают нас заново. Именно так можно продолжить известную фразу У. Черчилля, когда тот рассматривал план реставрации Палаты общин, разрушенной в ходе бомбардировки в 1943 г.

Эфемерность – выступает показателем времени, знаком неуловимых трансформаций, которые в городских сообществах активно конструируют новые миры, пространства и реалии. Нет ничего более эфемерного, чем городское сознание.

Психологи, маркетологи, социологи и урбанисты находят подтверждение и мысли Черчилля и процессов эфемерности жизни в городской среде. Эта работа с сознанием начинается от архитектуры и благоустройства и заканчивается социальной идентичностью и самочувствием горожан. В работах А. В. Деменчук, Р. В. Иванова, В. А. Скуденкова [1–4] показаны различные взаимосвязи социального сознания города и психогеографических условий проживания горожан.

Манипулирование дизайнеров и архитекторов начинается от поиска оригинальной формы и завершается поиском бюджета на ее воплощение. Но далеко не всегда проводится изучение того, как данное архитектурное или дизайнерское решение будет влиять на психологию и поведение людей, а вместе с тем и на работу сознания.

И только последние лет тридцать в мире и менее десяти лет в России тенденции озеленения и комфорта становятся такими же трендами дизайна скверов, улиц и в целом городов, как и, например, дорожная инфраструктура. Партнерство когнитивных психологов и архитекторов в мировых столицах (Лондон, Париж, Нью-Йорк, Сингапур, Шанхай) – становится необходимым условием реализации того или иного проекта, что говорит о более продуманной политике по психогигиене городского пространства. Психогеография становится источником социально-психологического развития мира.

Исследованиями разных стран (США, Япония, Франция, Германия, Италия) доказано, что при большом скоплении многоэтажек, открытое пространство между ними создает атмосферу анонимности и изоляции, что повышает уровень одиночества и готовность совершать преступления. Многоэтажные спальные районы создают условия для стагнации и деградации, повышения тревожности и депрессии, развития шизофрении и других психических расстройств.

Те, кто живет в малоэтажных районах, с высоким уровнем озеленения предрасположены к оптимизму, более здоровы физически и психологически, вовлечены в социальную жизнь и на порядок более удовлетворены личной жизнью. Более того, фасады зданий в сочетании с озеленением улиц повышает эмоциональный уровень и позитивный настрой жителей, а однообразие и отсутствие деревьев усиливают пессимистические тенденции. Безликие гипермаркеты лишены уюта и доброжелательной атмосферы малых магазинов, также как и парк и лес внутри города снижают стресс. Визуальная сложность среды успокаивает людей, делает их более психологически стабильными и умиротворенными. Также как и округлые формы более мягко, комплексно и глубинно влияют на оптимистичное восприятие жизни.

Внутри городов много людей, которые все больше себя чувствуют одиночками. Так называемый социальный стресс усиливается в городах. Одиночество в толпе становится все более актуальной не только психологической, но и социальной проблемой. Горожанам не хватает душевного общения, которое формирует психологическое здоровье людей. И на сегодняшний день, социальная изоляция выступает фактором риска многих не только психологических, но и физиологических заболеваний.

Данные размышления стали основой нашего исследования, которое было проведено при помощи платформы опросов www.google.com в разных городах России. В исследовании приняли участие 1600 человек в возрасте от 18 до 75 лет, занимающие разное социально-профессиональное положение, живущие в разных городах РФ, 65 % женщин и 45 % мужчин.

В данной работе отражен только ряд вопросов, касающихся особенности формирования сознания в городской среде и конструирования эфемерных форм и образов в городском ландшафте.

Например, все опрошенные указывают на прямую зависимость уровня своего субъективного самочувствия от окружающего пространства в виде улиц, домов (100 %). Более молодые люди указывают на важность визуального разнообразия и яркости образов кафе, магазинов, клубов (63,4 % и 66,4 %), тогда как представители среднего поколения говорят о приоритете озеленения (63,8 %) и удобстве инфраструктуры (58,2 %), а для старшего поколения важным выступают фасады домов (57,3 %) и также инфраструктура (53,9 %). В таблице 1 представлено более подробное распределение.

Таблица 1

Факторы, воздействующие на социальное самочувствие горожан разных возрастов, %*

Факторы	Младшее поколение (18–32 года)	Среднее поколение (33–55 лет)	Старшее поколение (56 лет и старше)
Яркость и символичность оформления кафе, ресторанов, магазинов, клубов	63,4	49,2	44,6
Оригинальность оформления кафе, ресторанов, магазинов, клубов	66,4	56,7	42,3
Озеленение улиц городов	52,3	63,8	51,1
Удобная инфраструктура	54,1	58,2	53,9
Гармоничные фасады домов	47,8	44,5	57,3
Другое	12,3	14,2	8,9

* Примечание: можно было указывать несколько вариантов ответов.

Также респонденты указывали на прямые связи с оптимистическим и пессимистическим настроением того городского пространства, где они работают и живут. Для молодых людей в приоритете те места, где они работают, так как больше времени проводят на работе и отдыхают в местах не далеко от рабочего места. Для представителей среднего поколения большее значение приобретает пространство вокруг домов, где живут, так как у них появляются дети и они больше времени проводят дома и в окружающем пространстве дома. Для представителей старшего поколения более важны психо-географические очертания того места, где они живут, так как большая часть уже не работает или работает, уже находясь на пенсии, не далеко от дома. Предметное распределение представлено в табл. 2.

Таблица 2

Оптимистические и пессимистические оценки восприятия того места, где работают и живут россияне, %

Оценки	Младшее поколение (18–32 года)	Среднее поколение (33–55 лет)	Старшее поколение (56 лет и старше)
<i>Дом и окружающее пространство</i>			
Я всегда в хорошем настроении благодаря домам и улицам	15,5	17,8	38,7
Есть места в городе, где я восстанавливаюсь и отдыхаю	22,3	37,9	49,2
На меня негативно влияет окружающая среда и архитектура	26,7	24,5	29,1
<i>Работа и окружающее пространство</i>			
Я всегда в хорошем настроении благодаря домам и улицам	13,4	18,8	22,2
Есть места в городе, где я восстанавливаюсь и отдыхаю	34,5	32,1	29,2
На меня негативно влияет окружающая среда и архитектура	42,2	35,5	28,8

* Примечание: можно было указывать несколько вариантов ответов.

По полученным нами данным, психогеографию пространства современных городов, стоит усиливать не только озеленением (на втором месте у всех поколений) и удобной инфраструктурой (более значимо для более старших поколений) или необычной архитектурой (более значимо для более молодых поколений), но и пространством для коммуникации, выстраивания диалога между разными социальными группами, между разными поколениями, между представителями разных социальных институтов (власть,

бизнес, НКО, общественность и др.). Т.е. публичные пространства города нуждаются в конструировании диалога (об этом сказали представители всех поколений). Это новые смыслы развития психогеографии города, что заложены в современном российском обществе. В таблице 3 представлено соотношение перспектив психогеографического развития городов, способного повлиять на формирование городского сознания его жителей.

Таблица 3

Сферы развития психогеографии города, влияющие на сознание горожан, %

Факторы	Младшее поколение (18–32 года)	Среднее поколение (33–55 лет)	Старшее поколение (56 лет и старше)
Озеленение улиц и скверов	26,7	27,7	27,3
Инфраструктура города	17,3	24,5	26,1
Необычная архитектура и дизайн	18,9	16,8	14,3
Публичное пространство коммуникаций	33,5	28,9	29,7
Другое	3,6	2,1	2,6

* Примечание: можно было указывать несколько вариантов ответов.

Сегодня в разных городах на уровне архитекторов и психологов, городского управления и общественности обсуждаются проекты создания универсальных пространств общения людей. Популярность коворкинг центров и публичных лекториев, площадок социального взаимодействия становится не просто актуальной, но и необходимой реальностью. Возможность вступать в диалог – также позитивно влияет на психику отдельно человека и общество в целом, как и готовность наблюдать за красотой природы. Быть частью городского пространства для его жителей городов очень важно. Важно понимать, что есть места, где можно встретиться, пообщаться, помолчать вместе или поспорить, поиграть в шахматы или выпить кофе, посмотреть фильм и т. д. Если эти места будут сделаны не под нужды горожан, то благодаря городскому сознанию – сформируется новая среда, новое пространство. Это как прокладываемые в парке дорожки теми, кто там гуляет вместо того, чтобы прогуливаться по тем дорожкам, что предложены проектировщиками. Сознание жителей города мыслит более лаконично и функционально, вместо вычурности – простые решения, которые наполняют смыслом прогулку и делают ее удобной и комфортной, а неправильно вымеренной по чертежу. И в этом плане, жители городов являются их творцами.

Наше исследование показало динамику психогеографии городского пространства под влиянием жизни, образа мыслей и стратегий поведения представителей различных поколений. Эфемерность и изменчивость городского пространства складывается из противоречий необходимости и внутренних потребностей горожан, готовых к диалогу и социальному контакту, но находящихся в социальном удалении друг от друга. Поэтому озеленение, необычная архитектура, инфраструктура не являются ключевыми факторами социально-психологического воздействия на сознание горожан, основным моментом социального моделирования общественного сознания выступает пространство публичной коммуникации, которое пока ни в одном городе Российской Федерации не развито на должном уровне.

Это проблема, которая требует решения, так как психогеография городской среды находится на этапе формирования новых социальных и психологических смыслов, где городское сознание жителей разных городов может сформироваться совершенно неожиданным способом. Чтобы этот фактор был не разрушающим, а созидющим для культуры городов, то необходима социальная политика по психогеографическому конструированию социального пространства всех населенных пунктов России.

Литература

1. Деменчук А. В., Иванов Р. В. Психогеография современного города в работах Ги Дебора // Вестник Иркутского университета. 2019. № 22. С. 80–81.
2. Скуденков В. А. Психогеография в фокусе социальных притязаний горожан // DIXI-2019: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. / Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2019. С. 117–124.
3. Скуденков В. А. Психогеография города: от архитектуры к социально-психологическому самоощущению // Философия здоровья: интегральный подход : межвуз. сб. науч. тр. Иркутск, 2019. С. 69–79.
4. Скуденков В. А. Психогеография городского пространства // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы: сборник научных трудов / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкоевич. Иркутск, 2019. С. 119–122.

УДК 371.8.06

Т. Н. Кобизь

Смоленский государственный университет, г. Смоленск

ПРОБЛЕМА ПОДРОСТКОВОГО ВАНДАЛИЗМА НА УЛИЦАХ БОЛЬШОГО ГОРОДА

С позиции проблем, присущих условиям жизни в большом городе, исследуется подростковый вандализм, анализируются причины его проявления. Вандализм рассматривается как социально-психологическая проблема и предлагаются различные варианты профилактики вандального поведения подростков в современной городской среде.

Ключевые слова: город, подросток, вандализм, профилактика.

T. N. Kobiz

Smolensk State University, Smolensk

THE PROBLEMS OF TEENAGE VANDALISM ON THE STREETS OF A BIG CITY

In the article, from the point of view of the problems inherent in the conditions of life in a big city, teenage vandalism is considered, its causes and manifestations are analyzed. The author of the article considers this problem as a socio-psychological one and offers various options for preventing the vandal behavior of adolescents in the modern urban environment.

Keywords: city, teenager, vandalism, prevention.

Проявление такого явления как вандализм сопровождается развитием культуры человечества на протяжении многих тысячелетий. Его последствия имеют, как правило, фатальное значение для объектов культуры определенных цивилизаций. В современном обществе поведение, носящее вандальный характер, свойственно отдельным индивидам и социальным группам. Проблема подросткового вандализма приобретает все большую значимость и сегодня. Вандализм сегодня, бесспорно, острая социальная, экономическая, правовая, политическая проблема. Многочисленные его проявления стали привычным фоном существования человека в современных городах, делая данную проблему социальной, экономической, правовой и педагогической.

В современной науке смысл понятия «вандализм» имеет негативное значение, выражая деструктивное состояние духа в процессе отрицания им культурных ценностей. В жизни, чаще всего, этот термин употребляется в значении деструктивного поведения лиц с низким уровнем социальной ответственности и культуры.

Слово «вандализм» произошло от названия древнегерманского племени вандалов, разграбивших в 455 г. Рим и уничтоживших многие памятники античной и христианской культуры. Вандалы отличались особой жестокостью, они не только разрушали святыни и храмы, но стремились сделать это самым унижительным образом. В XIX в. слово «вандализм» вошло в литературный обиход как обозначение разрушения или порчи произведений искусства и памятников архитектуры. Так, в 1846 г. появилась книга графа де Монталамбера, в которой автор осуждал разрушение католических церквей [1, с. 12].

В уголовно-правовой лексике и уголовном законодательстве Российской Федерации слово «вандализм» впервые было употреблено применительно к ст. 214 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г.

В соответствии с данной статьёй, под уголовно наказуемым вандализмом следует понимать осквернение зданий или иных сооружений, порчу имущества, общественного транспорта. Осквернение выражается различными воздействиями, приводящих к обезображиванию пользующихся общественным вниманием зданий и сооружений. Следует заметить, что к таким действиям могут причисляться: нанесение непристойных изображений и надписей, наклеивание плакатов, репродукций, фотографий аморального содержания, пачкание красками, нефтепродуктами, нечистотами, обезображивание и повреждение памятников истории и культуры, общественно значимых зданий и сооружений. Осквернение может также заключаться в глумлении над общепринятыми духовными и историческими ценностями (размещение фашистской символики или нацистских лозунгов в местах, связанных с борьбой против фашизма; нанесение изображений и надписей, оскорбляющих чувства верующих, на культовых зданиях и сооружениях и т. д.).

Конкретизация данного понятия – это результат неизбежной реакции государства на получающее все большее распространение негативное явление нашей жизни, выражающееся в массовом разрушении и порче имущества.

Следует отметить, что понятие «вандализм» в УК РФ приобрело несколько иной смысл, значительно отличающийся от его общепринятого определения, используемого как в обычной речи, в средствах массовой информации, так и в социологических и социально-психологических исследованиях.

В Словаре живого великорусского языка В. Даля под вандализмом понимается «поступок грубый, противный просвещению, образованности». В соответствии с данным определением вандальные действия совершает, чаще всего, человек, не обремененный культурными нормами или правилами поведения, не понимающий асоциальности собственного поведения. Его потребность выразить собственные переживания и жизненную позицию не находят иного способа, как разрушение собственности, принадлежащей тем лицам, которые вызвали его раздражение. Именно поэтому поведение толпы, не готовой к ответственным решениям, редуцирующей сложные чувства до простейших эмоций, часто ведет за собой активное использование вандализма для выражения собственных помыслов [1, с. 156].

Большая российская энциклопедия определяет вандализм как бессмысленное уничтожение культурных и материальных ценностей, подчёркивая антикультурный характер этого деяния. Подобное определение дается в рамках социологии: вандализм – бессмысленное разрушение объектов материальной культуры, произведений искусства, исторических памятников.

Один из ведущих специалистов-психологов по проблеме молодежного вандализма Л. С. Ватова под вандализмом понимает асоциальное поведение, связанное с нарушением морально-этических норм, выражающееся в осквернении сооружений, порче имущества в общественных местах [2, с. 120]. В педагогике данное понятие определяется как тип поведения человека или человеческого сообщества, характеризующийся бесцельным, бессмысленным и жестоким уничтожением культурных и исторических ценностей [4, с. 58]. В социальном плане вандализм может иметь не только форму материальных повреждений, но и форму информационного или социального воздействия. Так, в социальной педагогике распространено описательное определение вандализма как социального и экономического зла; он не только наносит финансовый урон, но и разрушает личность молодых людей [5, с. 16].

В российском обществе вандализм как социальная проблема большого города сформировалась на рубеже XX века, это было связано со сложными кризисными условиями, и до сих пор еще не получило целостного разрешения. Склонность именно подрост-

ков к совершению подобных поступков фиксируется статистикой. Психологи объясняют это явление пубертатными переменами и общей тенденцией этой возрастной группы к проявлениям девиантного поведения.

Социально-экономическое переустройство, произошедшее в последние годы в России, привело к резкому увеличению количества проявлений подросткового вандализма, связанного с разрушением материальных и духовных объектов культуры. Подобные проявления причиняют неизмеримый ущерб личному и государственному имуществу, исчисляются сотнями миллионов рублей.

Полная оценка этой социальной проблемы затруднена из-за ряда условий. Прежде всего, во всем мире случаи вандализма не полностью учитываются статистикой. Люди, чье имущество пострадало, обычно не склонны обращаться в полицию. Даже в странах с развитой системой социальной статистики не существует учета многих форм вандализма, например, в школах России такой учет вообще не ведется. Уголовное преследование за вандализм введено относительно недавно. А юридическая практика применения наказания за подобные преступления еще не разработана. Кроме того, сложности возникают и из-за отсутствия однозначного определения вандализма. Таким образом, необходимо понять социально-психологические причины вандализма и искать пути решения этой проблемы.

О. В. Кружкова и И. В. Воробьева в статье «Особенности индивидуально-личностных и социально-средовых детерминант вандального поведения» выделяют ряд причин вандального поведения: экономические, социальные, психологические, культурные» [3; 11]. Особенности подросткового вандализма отражены в статьях А. В. Литвинова, В. А. Левановой и Е. С. Калмыковой (Смирновой). Так, Л. С. Ватова в статье «Социально-психологический феномен молодежного вандализма» дает определение и выявляет причины, компоненты и последствия молодежного вандализма» [1; 11]. Мотивационная сфера молодежного вандализма рассматривается психологами Г. П. Ивановым и Е. А. Шишкиной [4]. Вопросы предотвращения и профилактики подросткового вандализма рассматриваются в работах Е. С. Калмыковой (Смирновой), В. А. Левановой, З. В. Патрушевой. Психолого-педагогический аспект данной проблемы подробно освещен в работах О. И. Прадчук, А. В. Литвиновой, И. В. Воробьевой, Л. С. Ватовой. Вопросам диагностики и профилактики данного явления посвящены исследования Е. С. Калмыковой (Смирновой) и В. А. Левановой. В статье «Психолого-педагогическая диагностика подросткового вандализма» авторы анализируют особенности профилактики вандализма подростков и предлагают основные направления эффективной профилактической работы.

Что же толкает подростков совершать акты вандализма? Каковы мотивы этого социального явления?

Классификация различных форм проявления вандализма, представлена в работах А. М. Бандуркой и А. Ф. Зелинского. Авторы различают шесть разновидностей вандализма:

1. Бытовой, т. е., возникающий на почве неприязненных отношений в семье, между соседями, членами малых социальных групп (в данном случае агрессия смещается с личности потерпевшего на имущество, связанное с ним).

2. Эпатажный, т. е. совершаемый по мотивам самоутверждения, своеобразного неосознанного протеста против установленных в обществе норм поведения, приличия, порядочности. Следует отметить, что эпатажная форма вандализма наибольшее распространение получает среди несовершеннолетних.

3. Криминальный. Его составляют случаи повреждения материальных объектов из корыстных побуждений либо в процессе осуществления иной преступной деятельности или сокрытия следов иных преступлений.

4. Идеологический, связанный с посягательством на государственную символику, на памятники и могилы известных деятелей культуры, политики, воинов Советской армии. К этой категории относятся и посягательства по мотивам «классовой вражды».

5. Террористический, часто соединяющийся с идеологическим вандализмом и находящий свое выражение в совершении взрывов и поджогов.

Отдельно рассматривается государственно-чиновничий вандализм, проявляющийся, в частности, в самовольной порубке вековых деревьев в заповедных зонах и строительстве личного жилья на их месте, умышленном загрязнении водоемов сточными водами и вредными отходами, загрязнении атмосферного воздуха промышленными предприятиями, несмотря на предупреждение со стороны соответствующих государственных органов [3, с. 20].

Американский психолог С. Коэн, классифицирует разные виды вандального поведения в зависимости от мотива разрушительных действий:

1) идеологический. Его совершение связано с достижением виновным определенных социальных или политических целей. Наибольшее свое проявление он находит в ходе проведения политических или иных демонстраций, волнений. Вандализм может выступать как специфическая норма проявления межнациональных конфликтов, так и служить проявлением внутренней политики государства к различным образованиям;

2) корыстный вандализм. В данном случае порча имущества связана с извлечением материальной выгоды: снятие отдельных элементов, содержащих цветные металлы, изъятие определенного оборудования;

3) тактический вандализм. Повреждение имущества в данном случае выступает в качестве сознательной тактики, используемой для достижения иной цели, как правило, не связанной с проявлением враждебности;

4) вандализм – игра. Основными побудительными элементами совершения актов вандализма здесь выступают любопытство, дух соревнования, проявление силы и ловкости;

5) вандализм как мщение. Разрушение происходит в ответ на обиду или оскорбление. Особенность этой разновидности состоит в том, что разрушение имущества представляет собой отложенный ответ на действие противной стороны и совершается анонимно;

6) злобный вандализм. Представляет собой акты, вызванные чувствами враждебности, зависти, неприязни к другим людям и удовольствия от причинения вреда. При этом объект не столь специфичен, как в случае мстительного вандализма [5, с. 521].

Статистика свидетельствует о том, что отличительной чертой современного вандализма является то, что в большинстве случаев в актах его проявления участвуют подростки. До 90 % всех арестованных вандалов – молодежь до 25 лет. Пик молодежного вандализма приходится на 11 – 13 лет и занимает заметное место в структуре криминальной активности подростков 14 – 17 лет [4, с. 6].

Подтверждают это и исследования, проведенные американскими специалистами, согласно которым «более половины всех детей и подростков хотя бы раз участвовали в актах вандализма (69,6 % среди юношей и 50,5 % среди девушек)» [7].

Рассмотрение причин данного явления, позволяет в качестве ведущей выделить – несовпадение ценностей подростка и общества. Нарушения в ценностных ориентирах подростков приводят как к нарушениям взаимодействия со взрослыми, так и к внутриличностным противоречиям. Эти противоречия между значимыми ориентирами, которые задаются требованиями внешней среды и ценностями, реализуемыми в поведении самого подростка на основе его понимания соответствия им.

Среди мотивов, толкающих подростка к совершению актов вандализма английский психолог Д. Кантер называет следующие причины:

– Гнев. Разрушительные действия объясняются чувством досады, переживанием неспособности достигнуть чего-либо и могут быть попыткой справиться со стрессом.

– Скука. Причиной подросткового вандализма часто является желание развлечься. Как замечают некоторые исследователи, состояние скуки является тем психологическим фоном, на котором происходят многие правонарушения молодежи, в том числе и вандализм. Мотивом выступает поиск новых впечатлений, острых ощущений, связанных с экстримом и опасностью. Важную роль в формировании такого поведения играют субкультурные полоролевые стереотипы.

– Исследование. В этом случае целью разрушения является познание. В частности, причиной разрушений, совершаемых детьми, бывает любопытство, желание понять, как работает система. Это касается не только физических объектов, но и социальных. Разрушение является способом проверить границы допустимого, установить, насколько сильные общественные нормы и авторитет взрослых.

– Эстетическое переживание. Наблюдение физического процесса разрушения создает новые визуальные структуры, сопровождается звуками, которые кажутся приятными.

– Экзистенциальное исследование. Вандализм может выступать как средство самоутверждения, исследования возможности своего влияния на общество, привлечения внимания к себе. Наиболее древним примером акта вандализма подобного рода является поступок Герострата, который сжег храм ради личной славы. Как отмечают исследователи вандализма в искусстве, «причудливое» стремление к привлечению внимания часто является мотивом порчи крупных произведений живописи. Как правило, разрушители такого типа не пытаются избежать ареста и стараются сделать из своего поступка публичное событие [6, с. 150].

Стереотип подростка-вандала предстает в социальном понимании как примитивное существо, недоразвитое в интеллектуальном и психологическом отношении. Кроме того, как правило, эти характеристики ассоциируются с низким социальным статусом семьи. На самом деле многочисленные исследования подростков и разрушительного поведения в школьной среде показали, что вандалы обладают таким же интеллектом, как и их сверстники, однако успеваемость в школе значительно хуже, склонны к прогулам, праздному времяпровождению, бесцельным гуляниям по улицам в компании своих сверстников. Следовательно, низкая успеваемость, частые прогулы школьных занятий являются одним из важнейших факторов подросткового вандализма [1, с. 32].

Факторами, влияющими на подростковое агрессивное поведение, могут быть не только конфликты с родителями или с учителями, но и наличие друзей, которые привыкли совершать противоправные действия. Кроме того, как показывает практика, в основе разрушительного поведения подростков может лежать потребность в самоутверждении. В том случае, если подросток не может утвердиться в семье, школе, среди одноклассников, он старается проявить свое «Я» в неформальных группах сверстников. Это самоутверждение может носить изначально развлекательный, а затем приобретать преступный характер [1, с. 33].

К современным видам вандализма относят различные разрушения в городах, порчу почтовых ящиков, сидений в транспорте, наезд на газоны, битье стекол, фонарей, лампочек, камер наблюдений, разрисовку стен зданий, гаражей, домов, пачкание краской автомобилей, вандализм в подъезде и др. Характерным видом вандализма для подростков также является граффити и его разновидности: теггинг и бомбинг (рисунки характеризуются антиобщественным, аморальным содержанием) [1, с. 35].

Граффити именуют любые надписи, изображения, всевозможные рисунки на фасадах зданий, заборах или иных поверхностях, нанесенных при помощи краски, чернил либо выцарапанные. К данному виду уличного «искусства» относят любые варианты нанесения образов, картин, надписей на различные поверхности. Теггинг является разновидностью граффити, состоящей в быстром нанесении подписи творца на различные поверхности, преимущественно в общественных местах. Бомбинг также считается разновидностью граффити и представляет собой использование при нанесении рисунков или под-

писей на поверхности довольно простых шрифтов либо реже персонажей, состоящих, как правило, из одного цвета, применяемого для заливки, и другого – для контура [2, с. 25].

Современное общество не имеет четкого ответа на вопрос: «граффити искусство или вандализм». Некоторые социологи считают «стрит-арт», прежде всего, стремлением к художественному самоутверждению. Другие ученые убеждены, что индивиды, занимающиеся бесполезной разрисовкой поверхностей, просто не ощущают себя элементом социума, принадлежащим этому обществу. Собственный протест они выражают посредством акта вандализма [2, с. 25].

Помимо вандализма в материальной среде, в современном мире получило распространение вандализм в среде информационной. Современный вандализм «адаптируется» под те возможности, которые ему предоставляет мир технологий. Вандальные акты совершаются уже не только в реальности, но и в пространстве виртуальных сообществ. Отдельные субкультурные группы вандалов ориентированы на деструктивную деятельность на пространствах интернета. К ним относятся хакеры, спамеры, вирусописатели и др.

В большей степени настораживает не просто переориентация вандализма на виртуальность, а то, что именно в ней в рамках игровой деятельности дети и подростки получают навыки вандального поведения. Для современных гаджетов в сети существует множество мини-игр, целью которых является разрушение каких-либо объектов. Сама по себе игровая деятельность в этих приложениях не является девиацией, но она создает почву для развития девиантного поведения, тренируя у игроков определенные навыки и, самое главное, убежденность в возможности и допустимости данного вида деятельности, которая потом переносится на ситуации взаимодействия с объектами реального мира. Здесь уже проявляется прямое формирование готовности подростка к вандальному поведению через снятие ценностно-нормативных ограничений и развитию привычки преодоления общественных норм и правил поведения.

Таким образом, подростковый вандализм явление научно доказанное, имеющее место быть в современном обществе. Причем в большинстве своем акты вандализма совершаются именно молодыми людьми. Опасность подросткового вандализма заключается в том, что единичные вандальные действия могут перерасти в систематические, и, в конечном итоге, в криминальные. Именно поэтому необходима профилактика и предупреждение вандализма.

Литература

1. Воробьева И. В., Кружкова О. В. Психология вандального поведения : монография. Екатеринбург, 2014. 322 с.
2. Волкова Л. А. Вандализм и граффити как одна из форм проявления девиации среди молодежи // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2009. № 6/1. С. 120–124.
3. Воробьева И. В., Кружкова О. В. Возможности диагностики мотивов вандального поведения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2011. № 42 (259). С. 35–40.
4. Иванов Г. П., Шишкина Е. А. Мотивационная сфера молодежного вандализма // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 145–152.
5. Мардахаев Л. В. Словарь по социальной педагогике. М. : Академия, 2002. 350 с.
6. Нелидкин А. М., Антошкина Т. Н. Подростковый вандализм: социально-психологический аспект // Направления и формы гуманитаризации высшего образования : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. В. Демидова. Рязань, 2015. С. 143–152.
7. Особенности социально-педагогической профилактики молодежного вандализма. URL: <http://murzim.ru/26249-osobennosti-socialno-pedagogicheskoy-profilaktiki-molodezhnogo-vandalizma.html>.
8. Явон С. В. Ценностные аспекты жизнедеятельности современной молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 3. С. 165–168.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ (РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Представлены результаты анкетного опроса, проведенного среди студентов пяти тюменских вузов в 2019–2020 гг. Исследовано отношение студенческой молодежи к вере, определены социальные институты, оказывающие влияние на формирование ценностных ориентаций у студентов, включая религиозных, выявлены институты и агенты социализации, ответственные за приобщение к религиозным нормам и ценностям. Обозначено, что в качестве институтов студенты называют родителей, родственников, друзей, СМИ, интернет, школу, институт, а каналом религиозного воспитания – религиозную литературу. Выявлена важная роль вуза в формировании религиозных ценностей молодежи.

Ключевые слова: молодежь, социализация, религиозные ценности, конфессия, духовно-нравственное воспитание.

Yu. P. Savitskaya

Tyumen Industrial University, Tyumen

RELIGIOUS VALUES OF URBAN YOUTH (RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY)

The article presents the results of the author's research obtained during a questionnaire survey conducted among students of five Tyumen universities during 2019–2020. The author studied the attitude of students to faith, identified social institutions that influence the formation of value orientations among students, including religious ones, and identified institutions and socialization agents responsible for introducing them to religious norms and values. Students refer to their parents, relatives, friends, the media and the Internet, schools, and institutes as institutions, while religious literature, for example, acts as a channel for religious education. The results of the study revealed the important role of the university in the formation of religious values of young people.

Keywords: youth, socialization, religious values, denomination, spiritual and moral education.

В современной России актуализируются проблемы духовно-нравственного воспитания и развития молодежи, поскольку ценностные ориентации попали под влияние западной идеологии и претерпели изменения в связи с произошедшими в 1990-е гг. процессами. Принято религию исследовать как составную часть культуры, которая взаимодействует с различными сферами жизнедеятельности молодого человека и в данном контексте следует не допустить её маргинализации, что наблюдается в западном обществе, где религию рассматривают как разновидность субкультур. В российском обществе назрела необходимость усиление значимости религиозного фактора в современном образовательном и воспитательном процессе [1; 2].

Для исследования религиозных ценностных ориентаций автором статьи в 2019–2020 гг. был проведен анкетный опрос студенческой молодежи г. Тюмени. Опрос проводился среди студентов тюменских высших учебных заведений, обучающихся на 1-х и 4-х курсах по очной форме. При генеральной совокупности 22 656 человек, выборочная составила 384 студента: 50,5 % – девушки и 49,5 % юноши.

Первоначально в ходе исследования мы выяснили отношение студенческой молодежи к вере. В данной и своих работах автор опирается на социально-психологическую типологию степени значимости религии для отдельной личности, которую предложил Г. Олпорт. Согласно данной классификации, в первую группу вошли студенты, которых мы называем как «внешне религиозные», они рассматривают религию как источник, дающий статус, уверенность, определенное утешение и самооправдание при совершении каких-либо нежелательных поступков. Они бывают в храмах, мечетях, синагогах в значимые дни, участвуют в оправлении некоторых религиозных обрядов, выдерживая внешнее благочестие. При этом в целом религиозную систему взглядов они трактуют достаточно произвольно и готовы модифицировать ее под личные потребности. В нашем исследовании таких оказалось почти две трети опрошенных.

Во вторую группу (мы назвали их «внутренне религиозные» верующие) вошли студенты, для которых религия является конечной ценностью, они живут религией, верят в религиозные догматы своей конфессии, осознают ее членами, не стесняются придерживаться религиозных норм и ценностей. Они регулярно совершают отправление религиозных обрядов в культовых учреждениях, стремятся максимально следовать религиозным нормам в повседневной жизни, стараются участвовать в жизни своей конфессии и распространяют ее догматы. По данным нашего исследования, таких четверть опрошенных.

Явно атеистическую позицию разделяют участники третьей группы («неверующие»), которые не разделяют религиозных ценностей и норм какой-либо конфессии, но при этом выражают терпимость в отношении религиозной веры других, таких пятая часть опрошенных.

Рассмотрим вероисповедания студентов: православными христианами назвали себя 65,8 % опрошенных, мусульманами – 22,3 %, представителями других – 7,0 %, атеистами – 4,6 % респондентов.

В ходе опроса студентам было предложено назвать три наиболее важные общечеловеческие ценности. Анализ ответов позволяет констатировать, что главной ценностью (не зависимо от степени религиозности) является любовь к близким: семье, родственникам, друзьям. Следующая – любовь к Родине, ответственность за отечество. Как видим, студенты различных религий и вероисповеданий обеспокоены благополучием и стабильностью своего государства. Далее две трети верующих назвали веру в Бога и возможность жить по религиозным канонам.

Определим социальные институты, оказывающие влияние на формирование ценностных ориентаций у студентов. Анализ ответов не выявил существенных различий в ответах студентов первого и четвертого курса университета практически не отличаются в оценке социальных институтов. По мнению участников анкетного опроса, основным институтом социализации, ответственным за формирование ценностных ориентаций, является семья. В семье формируются основы нравственного поведения, прививаются модели и сценарии взаимоотношений между родителями и детьми, с представителями других поколений, сверстниками, закладывается отношение к базовым ценностям, морали и нравственности.

Анализ ответов показал, что первокурсники вторым институтом социализации назвали близких друзей, сверстников, студенческую группу, студенты четвертых курсов – религиозные предпочтения. Как видим, у студентов разных курсов выявлены различия в мировоззрении.

Далее респондентам проранжировали основные терминальные ценности. Студенты отдали предпочтение крепкой семье, здоровью, любви и материальному достатку. Менее важны следующие ценности: помощь окружающим и творческое самовыражение. По нашему мнению, равнодушие к творческому самовыражению и нежелание помогать – это индикаторы эгоизма и прагматизма современной (в том числе и студенческой) молодежи.

Вторую позицию в структуре ценностных ориентаций студентов города Тюмени занимает ценность собственное здоровье и близких людей. Отметим, что в современных условиях здоровье и здоровый образ жизни все чаще пропагандируются и позиционируются как показатели успешности, карьерного роста и личного благополучия. Это значимо для студенческой молодежи, поскольку она быстро воспринимает новое и для них мода на здоровый образ жизни – популярный тренд.

Около половины опрошенных идентифицируют религию как веру в единого Бога, каждый пятый ответил, что это вера в себя и собственные силы, незначительное число участников анкетного опроса выбрали следующие варианты ответов: вера в сверхъестественное, в потусторонние силы, вера в высший космический разум и бессмертие души.

Выявляя институты и агентов социализации, ответственных за приобщение к религиозным нормам и ценностям, было обнаружено, что респонденты выбирают родителей, родственников, друзей, СМИ и Интернет, школу, институт, священников (по степени убывания).

Каналом религиозного воспитания, по нашему мнению, может выступать религиозная литература. На вопрос, читают ли студенты религиозную литературу, например, Библию, Коран или др., каждый второй студент ответил отрицательно, более трети опрошенных читали; каждый шестой имеет базовые представления через поверхностное знакомство с религиозной литературой.

Одновременно сданным вопросом, мы выяснили, что каждому второму участнику анкетного опроса не интересно получать дополнительную информацию о каких-либо религиозных конфессиях, каждый пятый первокурсник и каждый четвертый студент четвертого курса признались, что им это интересно.

По результатам исследования мы выяснили, что атеистические традиции советского периода оказали влияние на современную молодежь, которые длительные годы не получали традиционное религиозное образование в семейном окружении: студенты и их родители не проявляют желание знакомиться ни с религиозными учениями, ни с религиозной литературой.

Несмотря на атеистическое наследие, современная молодежь задает и пытается ответить на мировоззренческие вопросы через обращение к религиозным учениям, к основам мироустройства, формируя осмысленные ценностные религиозные ориентации.

Данные, полученные в ходе анкетного опроса, подтвердили наше предположение о том, религиозные ценности оказывают влияние на социальную активность студенческой молодежи. Это касается вопросов помощи пожилым людям, инвалидам, поддержки в воспитании трудных детей, волонтерских движений. Мы выяснили, что верующая молодежь более активна и две трети из них оказывают посильную помощь пожилым людям, находящимся в трудной жизненной ситуации. Около половины опрошенных раз в жизни посещали учреждения, где живут дети-сироты или дети-инвалиды, каждый четвертый – волонтер.

Сравнительный анализ перечисленных индикаторов позволяет сделать вывод о том, что религиозное воспитание или осознание основных базовых постулатов религиозной мировоззренческой установки формируют приоритетную морально-этическую картину мира, в которой ценности добра, созидания и сострадания находятся на первом месте.

На вопрос, повлияло ли обучение в вузе на религиозные взгляды респондентов, большинство опрошенных (89,9 %) ответили положительно. По их мнению, в процессе обучения в вузе они общались с представителями различных конфессий, что привело их к осознанию того единства религиозных норм во всех конфессиях. Практически все опрошенные начали в вузе задумываться о смысле жизни и морально-нравственных ориентациях. Каждый шестой респондент признался, что вуз не оказал никакого влияния, поскольку основные религиозные ценности были заложены в семье.

Таким образом, высшее учебное заведение оказывает позитивное влияние на формирование ценностной морально-нравственной картины мира современной молодежи, религиозную культуру студента через привитие любви к ближнему; постижение самого себя и самосовершенствование; справедливости и коллективизма.

Литература

1. Хайруллина Н. Г. Формирование религиозных идентичностей в ситуации активизации исламского фактора // Евразийская альтернатива. Тюмень, 2016. С. 241–253.
2. Межэтнические отношения в полиэтничном российском регионе: социологическое измерение // Вестник Казанского государственного технического университета им. А. Н. Туполева. 2013. № 1. С. 182–184.

ГРАНИЦЫ РАСШИРЕНИЯ ПРОЦЕССА НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена проблеме качества дошкольного образования. Предложены пути решения проблем повышения качества дошкольного образования. Рассмотрены положительные эффекты взаимодействия учреждений дошкольного и дополнительного образования.

Ключевые слова: дошкольные учреждения, дополнительное образование, управление, качество.

E. A. Markova, L. A. Gurinovich
Irkutsk State University, Irkutsk

THE LIMITS OF EXPANDING THE PROCESS OF CONTINUING EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE STUDY OF THE THEORY OF SOCIAL EDUCATION AND YOUTH EDUCATION

The article is devoted to the problem of the quality of preschool education. The analysis of the quality of preschool education allowed us to identify a number of problems related to the management of preschool education institutions. The article offers solutions for improving the quality of preschool education. The positive effects of interaction between preschool and additional education institutions are considered.

Keywords: preschool institutions, additional education, management, quality.

В современных условиях развития образовательной среды весьма важным становится вопрос непрерывного образования. Формирование системы непрерывного образования включает системы формального и неформального образования, дополненные неформальными формами образования к которым можно отнести систему дополнительного и дошкольного образования. Институционализация системы в целом на сегодняшний день не подошла к этапу завершения, что вызвано, на наш взгляд, как объективными, так и субъективными условиями.

Реформирование системы образования началось в XX веке и коснулось в первую очередь системы дошкольного образования. Ссылаясь на критическое состояние с процессом рождаемости, представители министерства образования запустили процесс сворачивания инфраструктуры как способ уменьшения расходов и оптимизации процесса, в результате чего возникла проблемная ситуация с количеством мест для новых поколений, многочисленными очередями на устройство детей в дошкольные учреждения, сворачивание программ обучения в дошкольных учреждениях после принятия нового федерального закона РФ от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в РФ».

Процесс воспитания детей дошкольного возраста в связи с возложением на дошкольные учреждения функций по обеспечению содержания также трансформировался. При проведении занятий по отдельному договору и/или приглашение театральные и музыкальные работники по решению родительской общественности акцент на процесс воспитания становится сертификационным критерием, что делает процесс воспитания детей неравномерным. Открытие платных студий и мастер-классов проблему не решает. Нам видится, что включение в программу развития направлений библиотечной и музейной работы с соответствующими мероприятиями для детей дошкольного возраста расширит возможности воспитательной работы. Этот аспект работы требует рассмотрения и других аспектов деятельности дошкольных учреждений.

Дошкольное образование является важным этапом становления личности, ведь именно в этот период у ребенка закладываются основные особенности личности, а также определяется качество дальнейшего физического и психологического развития. Также стоит отметить то, что в период дошкольного возраста закладываются основы по созданию активной жизненной позиции, направленной на осознание необходимости сохранять

и укреплять свое здоровье, воспитание навыков культуры, здоровья и здорового образа жизни [3]. Поэтому проблема качества дошкольного образования имеет большое значение и требует непосредственных решений по повышению качества оказываемых услуг.

Для того чтобы повысить качество дошкольного образования, стоит, прежде всего, разобраться с внутренними проблемами дошкольных образовательных организаций. Самой распространенной проблемой дошкольных организаций является управление. Здесь идет речь как о проблемах, связанных с управлением персоналом, в особенности с педагогическим составом, так и о проблемах финансовых, которые довольно тесно связаны с качественным управлением.

Для анализа проблем управления начнем с проблем, связанных с организацией работы педагогического состава. Здесь трудности возникают в том, что в дошкольных образовательных организациях все чаще происходит нехватка мотивированных, высококвалифицированных педагогических кадров [3]. Сотрудники с высокой мотивацией имеют желание в постоянном получении новых знаний и навыков, разрабатывают индивидуальные методики по обучению детей, также такие педагоги стремятся развиваться и внедряют в процесс дошкольного образования современные высокоэффективные технологии, которые привлекают внимание дошкольников к образовательному процессу [3].

Помимо отсутствия высокой мотивации у педагогов в дошкольных образовательных учреждениях, проблемы в управлении возникают в связи с нехваткой молодых специалистов. Молодые специалисты хоть и не имеют необходимо опыта, но зато у них есть знания, навыки и высокая мотивации, которые способны добавить в образовательный процесс дошкольников определенные нововведения в области воспитания и образования в целом, также молодые специалисты на сегодняшний день используют более эффективные методики и технологии. Повышению качества образования в дошкольных учреждениях так же способствует то, что молодые специалисты обмениваются опытом и знаниями с более знающими педагогами. Но стоит отметить то, что, к сожалению, на сегодняшний день многие дошкольные образовательные организации испытывают нехватку молодых кадров, особенно в отдаленных регионах. Отсутствие молодых специалистов в детских садах приводит к тому, что образования в данных образовательных организациях не отвечает современным требованиям, данная проблема также связана с тем, что специалисты в таких организациях чаще всего находятся в пенсионном возрасте, и им достаточно тяжело обучаться новым инновационным технологиям и разработкам [3].

Низкое качество дошкольного образования также связано с проблемой финансирования. Проблемы финансирования зачастую выражены в нехватке средств на обновление методических материалов, покупки технического оборудования, в том числе оснащенного инновационными разработками. Также отсутствия должного финансирования выражено в отсутствии средств на своевременный качественный ремонт помещений детских садов, стоит отметить и то, что во многих дошкольных образовательных организациях до сих пор нет подключения к интернету, отсутствуют компьютеры, различные интерактивные обучающие средства, интерактивные игрушки, дидактические материалы. Говоря о проблеме финансирования необходимо уточнить тот факт, что данная проблема охватывает не только дошкольное образования, но и всю образовательную деятельность, включая как школы, так и вузы. При помощи эффективного управления вполне возможно решить данную проблему в пределах детского сада.

Следует отметить и то, что качество дошкольного образования также снижается вследствие несогласованности действий со школьными организациями. В современном обществе школы требуют от первоклассников умение читать, писать, считать и т. д. Дошкольное образование в свою очередь этого не предусматривает, поэтому родители начинают требовать от дошкольных образовательных организация обучения данным навыкам [3]. Данное нововведение в сфере дошкольного образования приводит к тому, что вместо того, чтобы развивать у детей тягу к познанию, воспитатели дают детям кон-

кретные знания [3]. Обучение детей конкретным знаниям в конечном счете приводит к тому, что у детей пропадает и вовсе желание пойти в школу и получать последующие знания. Все-таки основанная задача дошкольных образовательных организация заключается в воспитании личности, а вот задача школ уже состоит в том, чтобы дать школьникам конкретные знания.

Для того чтобы повысить качество дошкольного образования необходимо изменить отношение к управлению дошкольными образовательными организациями. Так, например, заведующий детским садом, он же управляющий, должен владеть основами управленческого образования, знать основы управления и менеджмента в целом и понимать все процессы, происходящие в дошкольном образовании, чтобы реагировать на возникающие проблемы. Также стоит отметить то, что управляющему дошкольным образовательным учреждением необходимо владеть умением управлять коллективом. Все вышеперечисленные навыки, которыми должен обладать управляющий дошкольной образовательной организации способствуют повышению качества дошкольного образования, ведь эффективная деятельность любой организации заключается в качественном управлении.

Повысить качество дошкольного образования можно с помощью разработки программ по взаимодействию дошкольного и дополнительного образования. Взаимодействие дошкольного и дополнительного образования должно быть направлено на освоение навыков адаптации и расширение социально-культурного пространства детей дошкольного возраста. В Иркутской области разработка программ по взаимодействию между дошкольным и дополнительным образованием весьма актуальна, так как согласно «муниципальным дорожным картам» показатель охвата дополнительным образованием в Иркутской области выше, чем в среднем по России (среднероссийский – 68 %) за счет тех муниципалитетов, которые в своих дорожных картах фиксируют этот показатель на уровне 80–90 %, и это не только города Иркутск, Саянск, Черемхово, Свирск, но и некоторые сельские территории (Жигаловский район – 92 %, Куйтунский, Усольский, Катангский и Шелеховский районы – 82–83 %) [1]. Такие высокие показатели охвата дополнительного образования в определённых районах Иркутской области говорят о возможности организовать в целях содействия работе дошкольных учреждений систему взаимодействия и проектировать взаимодействие дошкольного и дополнительного образования с целью освоения навыков адаптации и расширения социально-культурного пространства, нежели только подготовка к школе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день дошкольное образование переживает ряд проблем, связанных с качеством предоставляемых услуг. Данные проблемы требуют своего решения, кардинального изменения системы управления качеством дошкольного образования и организацию системы взаимодействия дошкольного и дополнительного образования. Поэтому сегодня от руководителей учреждений дошкольного образования требуется не только управление организацией в соответствии с ФГОС ДО, законодательством и иными нормативно-правовыми актами, но и стратегическим планированием целей и задач дошкольных образовательных организаций, организовывать участие дошкольного учреждения в различных проектах и программах, связанных с улучшением качества образования.

Литература

1. Журавлева И. А. Проблемы развития дополнительного образования в Иркутской области // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 15 февр. 2021 г. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 497–504.
2. Килимова Л. В., Нишнианидзе О. О., Черкашин М. Д. Проблемы дошкольного и школьного образования в общественном мнении региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 6(35). С. 190–199.
3. Назмеева А. Р. О проблемах управления дошкольной образовательной организацией // XXVII Международная научно-практическая конференция. 2020. С. 198.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИКТ-НАСЫЩЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ ВУЗА К ДЕЛОВОМУ ОБЩЕНИЮ

Исследуются возможности ИКТ-насыщенной информационно-образовательной среды при подготовке студентов вуза к деловому общению. Аргументируется, что в условиях цифровой трансформации всех сфер экономической деятельности изменяется и информационно-образовательная среда (ИОС) образовательных организаций всех уровней. Рассматриваются возможности симуляторов виртуальной и дополненной реальности при подготовке студентов вуза к деловому общению, как компонентов ИОС.

Ключевые слова: цифровая экономика, информационно-образовательная среда (ИОС), деловое общение, виртуальная реальность, цифровые технологии, деятельностный подход, симуляторы.

M. S. Ruzhnikov
School 1552, Moscow

ON THE POSSIBILITIES OF AN ICT-SATURATED INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN PREPARING UNIVERSITY STUDENTS FOR BUSINESS COMMUNICATION

In the context of the digital transformation of all spheres of economic activity, the information and educational environment (IEE) of educational organizations at all levels is also changing. The possibilities of virtual and augmented reality simulators in preparing university students for business communication, as components of ILE, are considered.

Keywords: digital economy, information and educational environment (IEE), business communication, virtual reality, digital technologies, activity approach, simulators.

Интернет, мобильные устройства, цифровые сервисы и другие доступные цифровые технологии позволяют радикально изменять широкий круг взаимодействий участников социально-экономических отношений: компаний друг с другом, компаний и граждан, граждан и государства, граждан и граждан. Основную роль в развитии этих взаимоотношений, выведении на новый уровень и новом осмыслении такого взаимодействия играет сегодня цифровая трансформация.

Под цифровой трансформацией мы понимаем «проявление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но в принципиальном изменении структуры экономики, в переносе центров создания добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов» [15].

В бизнес-сообществе сегодня много говорят о том, как цифровая трансформация влияет на банковскую систему [8], на сетевой бизнес [12], на рынок труда [4], на деловую среду [9]. Для производственных предприятий, транспорта, сферы услуг она связана с серьезными технологическими, организационными и культурными изменениями.

Эти же изменения происходят и в сфере образования. Чтобы быть готовым к жизни в цифровой экономике, каждый обучаемый должен не только накапливать знания, развивать способность учиться и овладевать другими компетенциями XXI в., но и получать удовлетворение от этой очень нелегкой работы. И здесь традиционная организация образовательного процесса оказывается недостаточна и должна быть трансформирована. Развитие цифровых технологий и цифровых инструментов, использование их для управления образовательным процессом, для доступа к практически неограниченному объему вариативных цифровых учебных и методических материалов, применение адаптивных механизмов и цифровых учебных сред, расширение пространства для творчества – все это делает переход учебных заведений к модели трансформирования образовательного пространства более реальным. При этом доступ к библиотекам готовых цифровых учебных материалов, сфокусированных на решении конкретных образовательных задач, не лишает педагога возможности отбирать нужные материалы, отличать плохие материалы

от хороших, вносить в них изменения (дополнения) для повышения их эффективности в конкретных условиях, а также разрабатывать (компилировать) при необходимости собственные цифровые ресурсы [10, с. 35].

С учетом цифровой трансформации развивается и информационно-образовательная среда (ИОС) школы [5; 11], организации среднего профессионального образования [2], вуза [14]. Можно сказать, что ИОС становится ИКТ-насыщенной, так как в ИОС применяются технологии искусственного интеллекта, технологии виртуальной, дополненной и смешанной реальности, развиваются технологии дистанционного взаимодействия со студентами, преподавателями, бизнес-партнерами вуза. Расширились возможности студентов для само- и взаимоконтроля, для формирования интереса к учению, для осмысленной (принимаемой учащимся) учебной работы.

В таких условиях при подготовке студентов к будущей профессиональной деятельности может использоваться лишь деятельностный подход. В условиях ИКТ-насыщенной информационно-образовательной среде возможна более эффективная реализация ряда ориентиров, обозначенных В. В. Монжиевской: наличие индивидуальной траектории подготовки к деловому общению каждого студента, как субъекта своей деятельности; ориентация подготовки на активизацию мыслительной деятельности студентов, опыта межличностного взаимодействия, самостоятельности, формирования мотивов и личностных смыслов, ценностного отношения к деловому общению и его участникам, обращения к чувственно-наглядным образам в обучении [7, с. 38].

Одним из аспектов деятельностного подхода для решения задачи подготовки студентов вуза к деловому общению является хорошо разработанный в российской психолого-педагогической литературе вопрос детерминации психической деятельности внешними причинами посредством внутренних. Экспериментальными исследованиями установлено, что на слух человек запоминает 15 % от всего получаемого им объема информации, 25 % – при зрительном восприятии информации и до 65 % – когда задействованы слуховой и зрительный каналы получения информации [1]. Внутренними психическими факторами познавательной активности студентов являются эмоции, интересы, мотивы. Использование в учебном процессе материалов будущей профессиональной деятельности и, в частности, ее коммуникативную составляющую, позволяет оказывать стимулирующее воздействие на мотивацию к учению, способствует активному восприятию и запоминанию материала. Связь текущей учебной деятельностью с будущей профессиональной деятельностью студентов возможна на основе чувственно-наглядных образов, которые могут быть включены в учебный процесс с помощью программных симуляторов виртуальной и дополненной реальности.

Технологии виртуальной и дополненной реальности позволяют симулировать опыт профессионального взаимодействия в разных моделируемых ситуациях, что будет способствовать формированию профессионально-коммуникативных компетенций у будущих специалистов. В настоящее время технологии виртуальной реальности рассматриваются как наиболее быстро развивающиеся. Это связано с прогрессом в области микропроцессоров, средств передачи данных, инструментов для человеко-машинного взаимодействия. Виртуальная реальность способна имитировать не только воздействие, но и реакции человека на воздействие. Принципиальное отличие виртуальной реальности от дополненной реальности (AR, augmented reality) заключается в том, что виртуальная реальность создает совершенно новый искусственный мир, а дополненная реальность только вносит некоторые искусственные элементы в восприятие реального окружающего мира [6].

Существует реальный опыт использования VR/AR-технологий в России с целью образования. Например, торговые сети «Перекресток» и «Карусель» протестировали обучение персонала с помощью технологии виртуальной реальности. В результате выявили формирование устойчивые навыки эффективной коммуникации с покупателем и хорошие знания товара, более того была выявлена эффективность данной технологии:

уровень сервиса в соответствующих магазинах и по соответствующим категориям товаров вырос на 4 %, производительность труда на 8 % [3].

В материалах Х. Дж. Смита и М. Неффа исследуется коммуникативное поведение пар в среде виртуальной реальности, которые выполняли две задачи, используя общее визуальное рабочее пространство: согласовывали план квартиры и размещали модель мебели на плане квартиры. Пары выполняли обе задачи в трех разных условиях: лицом к лицу, в воплощенной виртуальной реальности с видимыми аватарами в полный рост, и без воплощения виртуальной реальности, где участники делили виртуальное пространство, но не имели видимых аватаров. По итогам исследования были сделаны выводы о том, что «среда виртуальной реальности обеспечивает высокий уровень социального присутствия с навыками коммуникации «лицом к лицу», которые очень похожи на личное общение. Напротив, предостанление только общей среды приводило к ухудшению коммуникации и результату взаимодействия» [14].

Таким образом, можно говорить о том, что возможности ИКТ-насыщенной информационно-образовательной среды (например, использование симуляторов виртуальной и дополненной реальности) в области делового общения в обучении поможет преодолеть проблемы овладения студентами сложной системой делового общения на уровне профессиональной деятельности, соответствия этой деятельности социальному опыту делового общения и разрешения этих противоречий между учебной и профессиональной деятельностью.

Литература

1. Басова Н. В. Педагогика и практическая психология. Ростов н/Д : Феникс, 2000. С. 185.
2. Войнова Н. А. К вопросу реализации компетентностного подхода в ИКТ-насыщенной образовательной среде профессионального лица // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2009. № 4. С. 89–93.
3. Гладкая К. В., Семина А. П. Использование информационно-коммуникационных и виртуальных технологий в обучении персонала // Московский экономический журнал. 2019. № 11. С. 69.
4. Измайлова М. А. Влияние цифровой экономики на трансформацию рынка труда и формирование новых моделей бизнеса // Экономика в промышленности. 2018. Т. 11, № 3. С. 296–304.
5. Использование электронных форм учебников в ИКТ-насыщенной информационно-образовательной среде школы : метод. пособие / П. В. Брянская [и др.] ; Информационно-методический центр развития образования. Иркутск : Отгиск, 2018. 77 с.
6. Малыгина Л. Е. Виртуальная и дополненная реальность как перспектива развития телевизионного промодуля // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 1(16). С. 54–60.
7. Монжиевская В. В. Подготовка студентов вуза к деловому общению: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» : дис. ... канд. пед. наук. Иркутск, 2000. 226 с.
8. Петрова Л. А., Кузнецова Т. Е. Цифровизация банковской системы: цифровая трансформация среды и бизнес-процессов // Финансовый журнал. 2020. Т. 12, № 3. С. 91–101.
9. Сафрончук М. В. Влияние цифровой трансформации на бизнес и деловую среду // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 3, № 2. С. 38–44.
10. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под ред. А. Ю. Уварова, И. Д. Фрумина; науч. ред. серии Я. И. Кузьминов, И. Д. Фрумин / А. Ю. Уваров [и др.]. М. : Высшая школа экономики, 2019. 344 с.
11. Ружников М. С. К вопросу о формировании коммуникативной компетентности педагога в условиях ИКТ-насыщенной информационно-образовательной среды школы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2016. Т. 16, С. 85–90.
12. Файнштейн Е. М. Особенности цифровой трансформации сетевого бизнеса в условиях Covid-19 // Россия и современный мир. 2020. № 4 (109). С. 225–241.
13. Рулине Л. Н., Эскулич Н. Б., Намсараев С. Д. Электронная информационно-образовательная среда современного университета : монография. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госуниверситета, 2018. 148 с.
14. Harrison Jesse Smith and Michael Neff. 2018. Communication Behavior in Embodied Virtual Reality. In Proceedings of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '18). Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, P. 289.
15. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года». URL: docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415213/scd_10112017_12 (дата обращения: 09.05.2021).

**СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ
НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕГИОНА**

Дается характеристика «третьего сектора» экономики, аргументируется роль современных некоммерческих организаций. Обосновывается, почему важно применять системный подход, выделяются основные программы поддержки современных некоммерческих организаций.

Ключевые слова: некоммерческие организации, «третий сектор» экономики, системный подход.

E. V. Chernysheva
Irkutsk State University, Irkutsk

**SYSTEMS APPROACH IN THE STUDY OF MODERN
NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE REGION**

The article gives a characteristic of the "third sector" of the economy, argues the importance of modern non-profit organizations. The author argues why it is important to use a systematic approach, lists the main support programs for modern non-profit organizations.

Keywords: non-profit organizations, "third sector" of the economy, systems approach.

Развитие некоммерческих организаций – «третьего сектора» экономики способствует улучшению благосостояния экономики как регионов, так и всей страны. Ученые – экономисты, социологи, а также практики признают актуальность данного вопроса, обосновывая тем, что именно некоммерческие организации формируют социальное начало личности. Деятельность некоммерческих организаций (НКО) повышает образовательный, культурный, духовный уровень. Также НКО – это одно из основных направлений развития социума в государстве. Важно отметить, что предприятия «третьего сектора» – это источник дополнительного дохода денежных средств. Именно поэтому государству так необходимо формировать качественную действенную политику, стратегическое виденье, направленные на поддержку современных некоммерческих организаций.

Изучив ситуацию в Иркутской области и г. Иркутске, мы наблюдаем важность некоммерческих организаций, вносящих вклад в социальную и экономическую жизнь, как региона, так и страны. Иркутский областной фонд имени А. Вампилова увековечивает память драматурга через пропаганду его жизни и творчества (проводит творческие встречи, создает музей, поддерживает в порядке памятные места). Союз «Иркутское областное объединение организаций профсоюзов» координирует действия членских организаций по представительству и защите социально-трудовых прав, производственных, профессиональных, экономических и социальных интересов членов профсоюзов, коллективных прав и интересов работников. Иркутский центр защиты прав потребителей содействует защите прав потребителей на приобретение товара (работы, услуги) надлежащего качества (организация оказывает юридические консультации, правовой анализ договоров, составление исковых заявлений и т. д.) [4].

Безусловно, некоммерческие организации на своем пути встречаются с трудностями, отражающие в себе недоработки законодательной базы, нехватку необходимых знаний и опыта. Мы считаем, что параллельно должны совершенствоваться структурные, институциональные составляющие, которые напрямую связаны с субъектами НКО. Создание и реализация эффективного механизма поддержания некоммерческих организаций могут быть следствием оценки нынешнего состояния развития НКО в Российской Федерации [1]. Реализация развития «третьего сектора» в России напрямую зависит от изучения всех закономерностей данного направления.

Согласно закону «О некоммерческих организациях» регулируются взаимодействия между государством и субъектами НКО. В этих отношениях должны учитываться интересы обеих сторон. Руководитель должен помнить, что его организация, не имеет извле-

чение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяет полученную прибыль между участниками, нужно максимум, а государство в свою очередь должно не забывать о создании структурированной экономики, занятости общества, доходах от НКО в бюджет. Главной целью государства можно считать обеспечение равных прав субъектам некоммерческих организаций [2]. Только при наличии такой государственной поддержки, возможно масштабное развитие третьего сектора экономики.

Мы считаем, что важнейшими задачами системного подхода в управлении НКО являются обеспечение данным организациям равных прав и обязанностей. Прежде всего, необходимо минимизировать разрыв в возможностях коммерческих и некоммерческих организаций в вопросах конкуренции. Нужно обеспечить свободу выбора форм и методов ведения собственного бизнеса.

Перечислим основные программные меры поддержки современных некоммерческих организаций, которые основываются на следующих действиях:

1. Делегирование полномочий по развитию третьего сектора региональной власти.
2. Оказание со стороны региональной власти финансовой и юридической поддержки.
3. Совершенствование системы налогообложения, которые способствует быстрой финансовой стабилизации предприятий.
4. Оказание некоммерческим организациям информационной поддержки, информационной безопасности.
5. Реализация программ повышения квалификации и переподготовки кадров.
6. Привлечение некоммерческих организаций для тех сфер коммерческих организаций, которые плохо справляются с конкуренцией, находятся в кризисном состоянии.

По нашему мнению, развитие механизмов государственного регулирования некоммерческих организаций должно носить системный, а не ситуативный характер. Важно:

- усилить меры участия всех видов НКО в процессе принятия решений по вопросам государственного регулирования и поддержки предпринимательской деятельности;
- мероприятия по контролю над некоммерческими организациями со стороны правительства Российской Федерации должны носить предварительный и последовательный характер (текущий контроль, по нашему мнению, должен быть ограничен периодическим предоставлением финансовой, бухгалтерской и налоговой отчетности);
- проводить социальный мониторинг и экспертизы на постоянной основе, которые будут затрагивать актуальные проблемы НКО, выявлять сильные/слабые стороны, возможности/угрозы;
- своевременно обновлять и совершенствовать законодательную базу, регулирующую в целом деятельность НКО, в частности предпринимательскую деятельность (стремиться к минимизации подзаконных актов, инструкций, разъяснений).

Проанализировав деятельность некоммерческих организаций Иркутской области, отметим, что на региональном уровне настоящая организация поддержания предпринимательства не совсем эффективна. Важно понимать, что у различных НКО (ассоциации, движения, фонды и т. д.) есть свои особенности, а, соответственно, проблемы, точки роста. Очень важно видеть проблемы, как во внутренней, так во внешней политике.

Мы считаем, что нужно модернизировать Ресурсный центр по поддержке некоммерческих организаций Иркутской области. Будет правильно, если образование механизма поддержки НКО осуществится на основании адресности. Меры должны распределяться по степени развития НКО, в различных направлениях деятельности. Так, на первое место должно выйти -льготное кредитование субъектов третьего сектора экономики, направленных на создание дополнительных рабочих мест и увеличение налоговых поступлений в городской бюджет путем предоставления субсидий на возмещение затрат. Развитию банковского кредитования НКО должно способствовать совершенствование системы государственной поддержки данного сектора экономики. Одним из возможных

путей решения проблемы нехватки ресурсной базы могла бы стать трансформация некоторых перечисленных институтов в небанковские кредитные организации.

В целом «третий сектор» экономики весьма чувствителен к любым инновациям, охотно их воспринимает и применяет в своей среде. Российский некоммерческий сектор играет важную роль в социально-экономической жизни страны. Безусловно, современные некоммерческие организации России и региона становятся востребованы в обществе.

Литература

1. Молчанова О. П. Стратегический менеджмент некоммерческих организаций. М. : Юрайт, 2016. 261 с.
2. О некоммерческих организациях : федер. закон от 12.01.1996 г. № 7 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824 (дата обращения: 16.05.2021).
3. Об областной государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций : закон Иркутской области от 8 июня 2011 г. № 37-ОЗ. URL: <http://resurs.irkobl.ru/category/materials/materialy-dlja-nko> (дата обращения: 16.05.2021).
4. ОГКУ «Ресурсный центр по поддержке некоммерческих организаций Иркутской области». URL: <http://resurs.irkobl.ru/> (дата обращения: 16.05.2021).

РАЗДЕЛ 3. ИРКУТСК, СИБИРЬ, РОССИЯ: ТРАДИЦИИ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

CHAPTER 3. IRKUTSK, SIBERIA, RUSSIA: TRADITIONS AND DESIGNING THE FUTURE

УДК 314(571.53)(-21)

И. В. Иванова, И. И. Овсянникова

Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики
по Иркутской области, г. Иркутск

ДЕМОГРАФИЯ ИРКУТСКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Статья посвящена особенностям демографического развития Иркутска. С учетом динамики народонаселения акцентируется внимание на структурных сдвигах в экономике и общественной жизни города. Выделяются благоприятные и негативные тенденции в изменении структуры населения Иркутска.

Ключевые слова: город, демографическое развитие, естественное движение населения, городское население, постоянное население, структура населения, демографические факторы.

I. V. Ivanova, I. I. Ovsyannikova

Territorial body of the Federal State Statistics Service in the Irkutsk region, Irkutsk

DEMOGRAPHY OF IRKUTSK: HISTORY AND MODERNITY

The article is devoted to the peculiarities of the demographic development of Irkutsk. Taking into account the dynamics of population, attention is focused on structural shifts in the economy and social life of the city. The authors highlighted the favorable and negative trends in the change in the structure of the population of the city of Irkutsk.

Keywords: city, demographic development, natural population movement, urban population, permanent population, population structure, demographic factors.

*Из всех сибирских городов самый лучший Иркутск...
Совсем интеллигентный. Театр, городской сад с музыкой,
хорошие гостиницы... Совсем Европа*
Антон Павлович Чехов

История возникновения Иркутска известна всем. Рождением города мы обязаны отряду казаков под предводительством Якова Похабова. Их силами на берегу Ангары в 1661 г. был сооружен деревянный острог, впоследствии получивший статус города.

В начале XVIII в. в Иркутске было всего 3,4 тыс. жителей (рис. 1), по современным меркам – это небольшой поселок. В XIX в. за неполные 30 лет (с 1825 по 1863 г.) население почти удвоилось.

За два века число иркутян увеличилось в 2,2 раза. Но особенно бурный рост, недосягаемый в наше время, отмечался в начале XX века, с 1904 по 1911 г. население Иркутска выросло в 1,7 раза и достигло 132 тыс. человек.

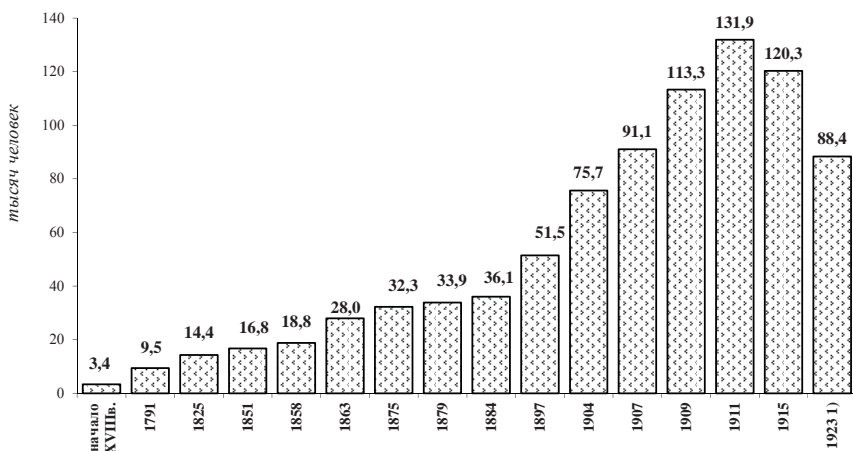

Рис. 1. Численность населения в Иркутске

Затем первая мировая и гражданская война обусловили снижение численности населения.

Со временем менялся социальный состав населения. Сравнивая 3 периода с интервалом в 40 лет (рис. 2), мы видим, как постепенно сокращался удельный вес казаков и военных, с 36 до 4 %. Доля же крестьян, напротив, резко выросла, с 2,4 % до трети населения.

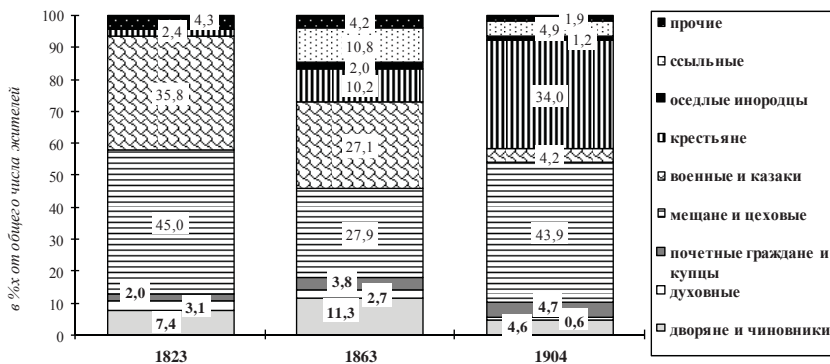

Рис. 2. Социальный состав жителей Иркутска

В 1863 г. каждый девятый житель был ссылкой, а в начале XX в. их доля снизилась более чем в 2 раза. Заметно снизилась также доля дворян и чиновников, а удельный вес почетных граждан и купцов вырос до 4,7 %. Почти половину населения составляли мещане и цеховые. Эти структурные сдвиги свидетельствуют об изменении не только в обществе, но и в экономике. Город утрачивал военный характер, в нем развивалось сельское хозяйство и торговля.

Рассмотрим динамику рождений и смертей. Почти до конца XIX в. умерших было больше, чем родившихся (рис. 3), а в 1881 г. соотношение меняется на противоположное, в пользу новорожденных.

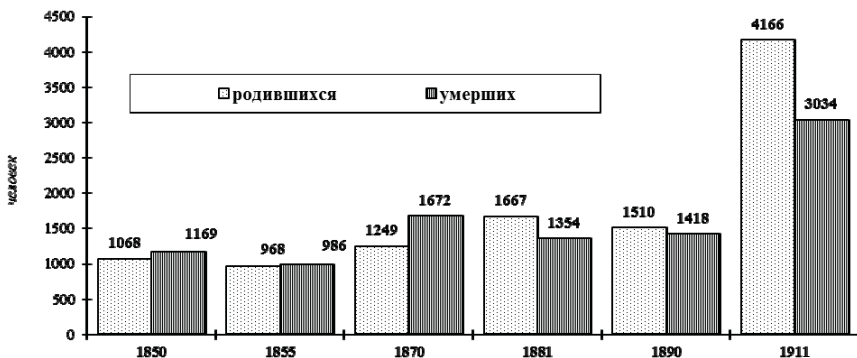

Рис. 3. Число рождений и смертей

Надо сказать, что уровень рождаемости и смертности в то время был значительно выше современных показателей. Во второй половине XIX века в расчете на 1000 человек рождалось за год 45–54 ребенка, умирало 45–50 человек, в 1911 г. – соответственно 32 и 23. Как видим, уже в то время основные демографические показатели заметно снизились. В 1960 г. на 1000 иркутян родилось 19 младенцев, в 1980-м – 16. Современный уровень рождаемости и смертности значительно ниже, он колеблется в пределах 11–15 человек на 1000 населения (рис. 4).

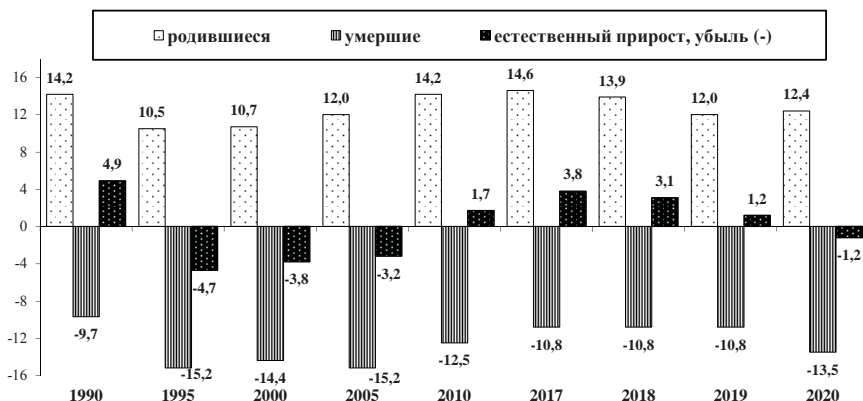

Рис. 4. Коэффициенты естественного движения населения (на 1000 человек)

В настоящее время демографическое развитие Иркутска во многом повторяет основные тенденции, характерные для России в целом и, в частности, для Иркутской области.

Одна из тенденций – усиление численного женского превосходства. Если полвека назад, в 1970 г. на 1000 мужчин приходилось 1193 женщины (табл. 1), то в 2020-м –

1246 (в Иркутской области – 1162 женщины, а среди городского населения – 1199). Как видим, в Иркутске гендерная диспропорция сильнее выражена.

В Иркутске, как и в целом по городскому населению региона, численное преобладание женщин начинается довольно рано, в возрастной группе 25–29 лет.

Таблица 1

Численность постоянного населения (на дату переписи населения)

Год	Тысяч человек	В % к данным предыдущей переписи	в том числе:		На 1000 мужчин приходится женщин
			мужчины	женщины	
1959	363,0	...	167,7	195,3	1165
1970	451,6	124,4	205,9	245,7	1193
1979	548,1	121,4	253,7	294,4	1161
1989	572,9	104,5	257,0	315,9	1229
2002	593,6	103,6	269,2	324,4	1205
2010	589,9	99,4	264,0	325,9	1234
2020 ¹	623,6	105,7	277,7	345,9	1246

Население Иркутска активно прибывало в 60–70-е гг. прошлого столетия, о чем свидетельствуют данные переписей населения (табл. 1). Тогда за межпереписной период (9–11 лет) прибавка составляла 21–24 %. Еще две переписи (в 1989 и 2002 гг.) также показали рост, но более скромный (4–5 %). Перепись 2010 г. зафиксировала небольшое снижение (0,6 %).

По данным текущей статистики, с учетом родившихся и умерших, прибывших и выбывших, за период с 2010 по 2020 г. число иркутян выросло на 33,7 тыс. человек (на 5,7 %). Но последний год, 2020-й, принес сокращение численности населения на 1 %, оперативная оценка на начало 2021 г. дает цифру в 617,5 тыс. чел. Это 26 % населения региона.

При наличии общих тенденций есть и некоторые отличия, благоприятные для города. Если население Иркутской области непрерывно снижается в последние годы, то в Иркутске отмечались периоды роста, а в 2015–2019 гг. численность была практически стабильной, с колебаниями в пределах 0,1 % (табл. 2).

Таблица 2

Основные демографические показатели (человек)

	1995	2000	2005	2010	2015	2017	2018	2019	2020
Численность постоянного населения (на конец года), тыс. человек	590,0	600,0	592,1	589,9	623,4	623,9	623,5	623,6	617,5
Число родившихся	6202	6447	6985	8363	10160	9113	8688	7504	7680
Число умерших	8962	8687	8826	7356	7312	6763	6765	6725	8396
Естественный прирост, убыль (-) – всего	-2760	-2240	-1841	1008	2848	2350	1923	779	-716
на 1000 населения	-4,7	-3,8	-3,2	1,7	4,5	3,8	3,1	1,2	-1,2
Число прибывших	15154	10529	6696	10685	17026	16609	16879	14536	12009
Число выбывших	10766	10860	9329	7503	16549	18826	19192	15232	14490
Миграционный прирост, убыль (-) – всего	4388	-331	-2633	3182	477	-2217	-2313	-696	-2481
на 1000 населения	7,5	-0,6	-4,5	5,4	0,7	-3,6	-3,7	-1,1	-4,0

В отличие от региона в целом, неизменно теряющего часть населения в результате миграции, Иркутск в отдельные годы имел миграционный прирост. Как и в целом по области, введение материнского капитала имело положительный эффект, увеличив рожда-

¹ Оценка на начало года, изменение к 2010 году

емость и обеспечив естественный прирост населения. По региону данный прирост сменился убылью за счет преобладания смертей над рождениями в 2018 г., а в Иркутске это случилось двумя годами позже, в 2020-м (табл. 2).

Интересно оценить суммарное влияние двух демографических факторов на численность населения.

Таблица 3

Однодневная демография

	В среднем за сутки, человек				
	2000	2005	2010	2015	2020
Число зарегистрированных:					
родившихся	18	19	23	28	21
умерших	24	24	20	20	23
прибывших на постоянное место жительства	29	18	29	47	33
уехавших из города (выбывших)	30	26	21	45	40
Общий прирост, убыль (-) численности иркутян	-7	-13	+11	+10	-9

Как видно из табл. 3, в отдельные периоды (2005 г.) город ежедневно терял в среднем по 13 чел. А в 2010 г. население Иркутска каждый день возрастало на 11 чел.

Наблюдается тенденция рождения детей в более позднем возрасте. Если в 1995 г. почти две трети новорожденных (60,2 %) появились на свет у матерей в возрасте до 25 лет (рис. 5), то в 2020 г. – только 18,8 %. Соответственно выросла доля детей, рожденных женщинами постарше, теперь из общего числа новорожденных малышей, у каждого пятого мама старше 35 лет.

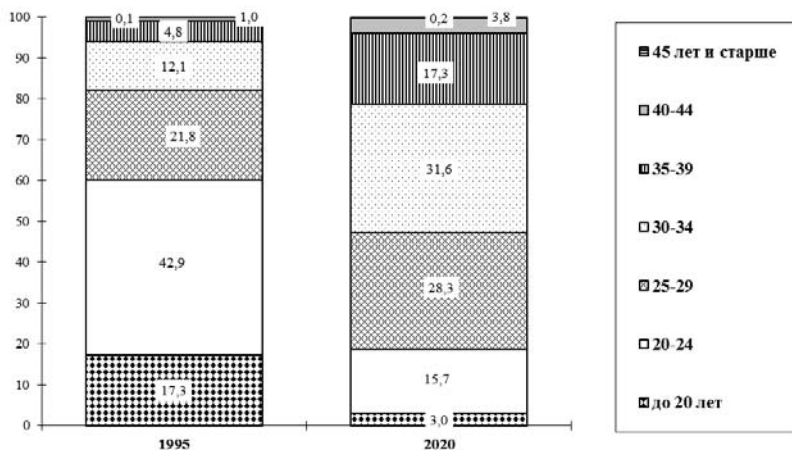
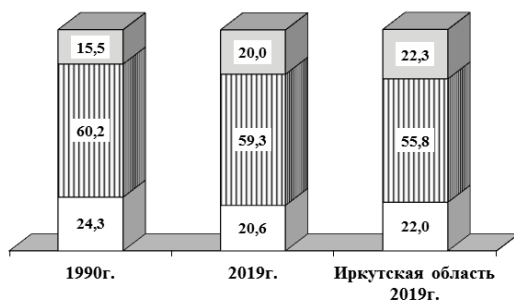

Рис. 5. Число родившихся по возрасту матери (% к итогу)

В последние годы действует устойчивая тенденция демографического старения населения. В связи с низкой рождаемостью и возрастающей продолжительностью жизни в общей численности населения растет доля лиц старше трудоспособного возраста. За период с 1990 г. средняя продолжительность жизни увеличилась на 4 года, до 70 лет, в том числе мужчины – 64, женщины – 75 лет.

С 1990 г. удельный вес старшей возрастной группы среди жителей Иркутска вырос с 15,5 до 20 % (рис. 6). Однако в сравнении с данными по региону в целом ситуация в городе выглядит благоприятнее: ниже доля лиц старшего возраста и заметно выше (на 3,5 процентных пункта) доля трудоспособных.

□ младше трудоспособного возраста ▨ в трудоспособном возрасте
 □ старше трудоспособного возраста

Рис. 6. Структура населения Иркутска по основным возрастным группам (в % к итогу)

Следует отметить благоприятную тенденцию сокращения младенческой смертности, с 28 детей, умерших в возрасте до года в 1970 г. из каждой тысячи родившихся, до 5,9 в 2020 году (в целом по городской местности региона – 5,7).

В современном Иркутске 4 административных округа. Из них наиболее населенный Свердловский округ (табл. 4), там проживает треть всех иркутян, далее по убывающей – Ленинский, Октябрьский и Правобережный округа.

Таблица 4

Территория и численность населения на 1 января 2021 г.

	Территория		Численность населения		Плотность населения, чел./кв. км
	кв. км	в % к итогу	тыс. человек	в % к итогу	
Иркутск	277,4	100	617,5	100	2226
в том числе по округам:					
Ленинский	101,2	36,5	150,7	24,4	1489
Октябрьский	33,1	11,9	147,0	23,8	4440
Свердловский	44,8	16,1	206,5	33,4	4609
Правобережный	98,3	35,4	113,3	18,3	1153

Плотность населения в Свердловском округе наиболее высокая, в расчете на 1 кв. км приходится 4609 человек (в среднем по городу – 2226).

Старинный город Иркутск с годами преобразуется. Появляются новые красивые здания, скверы, памятники, места для прогулок. Обретают привлекательный облик дворы, радуя детей яркими площадками, где можно и поиграть, и поддержать физическую форму. Город становится удобным для жизни. И свой новый юбилей, возможно, встретит с возросшим населением.

ФАКТОРЫ, ПРОБЛЕМЫ УРБАНИЗАЦИИ РОССИИ И СИБИРИ

Рассмотрены факторы урбанизации России и Сибири на протяжении XX в. и в начале XXI в. Показана специфика урбанизации в советский период, обусловленная оборонно-стратегическими, модернизационными интересами в формировании хозяйства и освоении территории. Приведены особенности урбанистического и демографического развития Сибири в постсоветский период. Охарактеризованы проблемы развития молодых городов Сибири на примере Ангарска – крупного промышленного центра Иркутской области. Сформулированы перспективные задачи по развитию сибирских городов: создание современной инфраструктуры; повышение естественного воспроизводства населения; привлечение и закрепление мигрантов соответствующего состава; обеспечение достойного уровня жизни семей.

Ключевые слова: урбанизация, демографические процессы, молодой город, проблемы развития.

Ya. A. Leshchenko

East Siberian Institute of Medical and ecological research, Angarsk

FACTORS, PROBLEMS OF URBANIZATION IN RUSSIA AND SIBERIA

The article outlines the factors of urbanization in Russia and Siberia during the 20th century and at the beginning of the 21st century. The author shows the specificity of urbanization in the Soviet period, due to the defense-strategic, modernization interests in the formation of the economy and the development of the territory. The features of urban and demographic development of Siberia in the post-Soviet period are presented. The problems of the development of young cities in Siberia are characterized by the example of Angarsk, a large industrial center of the Irkutsk region. Perspective tasks for the development of Siberian cities have been formulated: creation of modern infrastructure; increasing the natural reproduction of the population; attracting and retaining migrants of the appropriate composition; ensuring a decent standard of living for families.

Keywords: urbanization, demographic processes, young city, development problems.

Урбанизация – сложный, многоаспектный исторический и социально-экономический процесс повышения роли городов в развитии общества, связанный с развитием производства, накоплением интеллектуальной информации и совершенствованием форм социального общения [6]. Общие черты урбанизации в странах мира: 1) быстрые темпы роста городского населения, особенно в менее развитых странах; 2) концентрация населения и хозяйства в основном в больших городах; 3) «расползание» городов, расширение их территории – образование мегаполисов, городских агломераций. Условные уровни урбанизации: низкий (доля городского населения менее 20 %); средний – от 20 % до 50 %; высокий – от 50 % до 72 %; очень высокий – свыше 72 %.

В экономически развитых странах предпринимаются большие усилия по регулированию процесса урбанизации, управлению им. В этой работе, которая нередко осуществляется методом проб и ошибок, принимают участие демографы, экологи, географы, экономисты, социологи.

Современная урбанизация сопровождается ухудшением состояния городской окружающей среды, главным образом в развивающихся странах. Крупные и крупнейшие центры стали средоточием большинства глобальных проблем человечества. Именно они оказывают наиболее масштабное воздействие на состояние окружающей среды на обширных пространствах.

Особенности урбанизации России

В истории России создание новых городов было связано, главным образом, с расширением территории государства, ее закреплением и освоением. В XX веке на урбанизацию, как и на всё территориально-экономическое развитие СССР и России оказали ошутимое воздействие оборонно-стратегические и модернизационные интересы (требование опережающей модернизации) в формировании хозяйства и освоении территории. Именно они определили многие, в том числе негативные особенности урбанизации и демографических процессов.

Высокие темпы роста городского населения России в послевоенный период были составной частью государственной стратегии развития мощной экономики двойного назначения, причем происходило это в небогатой стране, сильно пострадавшей от войны. Огромные массы населения, по большей части сельских жителей, направлялись в интенсивно строящиеся «социалистические города». Всё это во многом объясняет специфику советской урбанизации со всеми ее минусами и издержками. Но не следует забывать, что именно благодаря такой политике страна смогла выстоять и победить в тяжелейшей войне.

Масштабы урбанизации России в XX в. огромны. Из имевшихся на начало 1989 г. (последняя перепись населения в СССР) 1001 города (без городов Южного Сахалина и Калининградской области) 369 существовало до революции, а 632 образовано после нее. Таким образом, почти 2/3 российских городов – новые. Насчитывалось около 170 больших городов, на долю которых приходилось примерно 70 % городского населения страны. Подлинным подвигом стало строительство городов на севере и востоке России. Произошло усиление опорного каркаса расселения.

В то же время на качестве городов весьма негативно сказалась такая особенность советской урбанизации, как ведущее значение индустриализации. Типичен был хронический недостаток средств, выделяемых на развитие социальной сферы в городах, их техническое оснащение и благоустройство. Промышленность, особенно крупная, явилась причиной возникновения подавляющего числа новых городов, или преобразования и роста традиционных поселений. Новые города, возникшие при крупных предприятиях, носили в значительной степени поселковый характер. Их можно было считать своего рода жилищно-коммунальными придатками заводов или комбинатов. Другие функции, помимо промышленных, развивались недостаточно. Город не развивался как многофункциональное образование, что влекло за собой и его социальную ущербность.

Быстрое развитие промышленности, стимулировавшее скачкообразный рост городов, повлекло за собой шлейф негативных последствий. Произошло резкое ухудшение экологической ситуации. В конце XX века (1990 г.) по данным Генеральной схемы расселения только 15 % городских жителей России проживало на территории с уровнем загрязнения атмосферы в пределах допустимого; 32 % – в районах слабого загрязнения; 33 % – умеренного; 17 % – сильного и 3 % – очень сильного. Экологически опасные ситуации с тенденцией к ее обострению проявлялись на площади около 2,5 млн кв. км. Крупные города влияют на окружающую среду в радиусе, который в 50 раз превышает радиус их собственной территории.

Процессы урбанизации и рост населения в Сибири

Освоение русскими Сибири началось после походов Ермака, первый из которых относится к 1582 г. Первые русские города в Сибири были основаны правительственными чиновниками как военно-административные пункты в конце XVI – начале XVII в. Первоначально поселения представляли собой сторожевые крепости и остроги, обеспечивающие охрану новых территорий в составе Российского государства. Городской статус получали поселения, расположенные на главных транспортных коммуникациях. Два главных фактора конструктивно воздействовали на рост численности населения Сибири: радикальное улучшение путей сообщения и создание в Сибири преимущественных условий для экономического, прежде всего аграрного, развития [3].

Говоря о современных социально-демографических проблемах городов Сибири, да и многих других российских городов, необходимо обязательно учитывать тот непреложный факт, что в СССР процессы урбанизации и демографическая политика коренным образом отличались от аналогичных процессов в капиталистических странах.

Специфику, основные факторы и детерминанты социалистической урбанизации в советский период глубоко охарактеризовал М. Меерович в работе «СССР как мегапроект»: *«В СССР, в отличие от перенаселенной Европы, особое значение имеет контроль над гигантскими безлюдными территориями окраинных частей страны. «Удержание*

территорий» советская власть стала осуществлять через их хозяйственно-промышленное освоение... Советская власть проектно создавала, а затем практически воплощала концепцию, не имеющую исторических аналогов, – концепцию социалистического расселения. Новые промышленные центры предлагалось строить подле мест добычи и переработки сырья, здесь же следовало возводить новые поселения и сюда же – перемещать новые трудовые ресурсы... Целью расселенческой доктрины было удержание под своим контролем малонаселённых окраинных территорий страны, а также обеспечение трудовыми ресурсами отдалённых мест добычи полезных ископаемых и возводимых подле них предприятий военно-промышленного комплекса. Волевым размещением Кузнецкстроя, Магнитки, Уралмаша и других производств на Урале, на Алтае, в Сибири, не слишком удобное из-за отсутствия потребных транспортных коммуникаций, не слишком выгодное из-за дальних перевозок угля, не слишком очевидное из-за дефицита местных трудовых ресурсов; с точки зрения обороноспособности страны оказывается более чем целесообразным (причем, невзирая на любые затраты)... [5].

Негативные стороны урбанизации Сибири в XX веке

В отношении особенностей урбанизации Сибири в советский период осталось много вопросов. Например, почему формы хозяйственного освоения не предполагали рачительного отношения к территории? Почему с такой небрежностью и ошибочностью выбирались места размещения новых поселений, т. е. почему выбор территории под возведение города диктовался исключительно схемой размещения промышленных предприятий и игнорировал ресурсы места, конкретику окружающей среды, потенциал культуры населения и иные особенности ситуации? И т. п. ... [5].

С наступлением социально-экономического и политического кризиса в конце 1980-х – начале 1990-х гг. значительно обострились проблемы урбанистического и демографического развития страны, которые накапливались в предыдущие десятилетия. Это нашло выражение и в том, что численность городского (как и общего) населения России начала устойчиво снижаться. Естественно, что и людность подавляющего числа городов также уменьшается. Такой перелом в динамике городского населения – одно из свидетельств неблагополучия в развитии российских городов (что, опять же, является лишь одним из проявлений общего неблагополучия в развитии российского общества). Сибирь, как и другие регионы, вступила в полосу затяжного демографического кризиса.

Проблемы развития молодых городов Сибири

Опираясь на понятие «молодой город», А. А. Большакова [1] подразумевает особый тип города, основанный на необжитом месте, зрелое население которого представлено первым-вторым поколением коренных жителей, инфраструктура достаточно модернизирована, и возраст самого города не превышает 70 лет. Автор отмечает, что на территории современной России насчитывается 158 городов, строго подходящих под это определение. Из них большинство – 36 городов (или 23 %) сосредоточены в пределах Сибирского федерального округа (СФО). Эти города возникли как места сосредоточия топливно-энергетических и лесопромышленных комплексов, горнодобывающей индустрии, машиностроительных, химических, металлургических и других предприятий, а также как места пересечения транспортных коммуникаций.

Новые города были важным звеном в решении и других экономических и политических задач. Использование избыточного населения в трудоспособном возрасте из южных районов страны для освоения природных ресурсов восточных регионов выступало эффективным вариантом развития народнохозяйственного комплекса, позволяющим рационально обеспечивать народное хозяйство сырьем, топливом, древесиной и т. п. Города встраивались в систему перераспределения трудовых ресурсов по всей территории страны [1]. Всё это позволяло обеспечивать трудовыми ресурсами богатые полезными ископаемыми, но малозаселенные ареалы, а также создавать опорный каркас расселения на востоке страны, что имеет большое геополитическое значение.

Особенности развития молодых городов Сибири можно продемонстрировать на примере Ангарска – крупного промышленного центра Иркутской области. Ангарск является одним из типичных образцов социалистических городов, построенных в послевоенный период в целях развития оборонно-промышленного потенциала в восточных районах нашей страны.

По географической классификации города, сформированные по программам социалистической индустриализации (соцгорода), относят к типу городов нового освоения. В свою очередь последние разделяют на два подтипа, одним из которых являются города с давней историей, но принявшие на свою территорию крупные промышленные предприятия со всесоюзной специализацией (в Иркутской области это – Братск, Усолье-Сибирское, Усть-Кут и др.) [7].

Другим подтипом являются изначально новые города, созданные как бы «на пустом месте» (если не считать имевшиеся на территории будущего города небольшие сельские поселения). Именно к этому подтипу относится г. Ангарск. Строительство города началось в послевоенный период в соответствии с поставленной государством задачей – создания промышленного комплекса, должного стать средоточием химической промышленности, нефтепереработки, производства строительных материалов и деталей, легкой и пищевой промышленности. Благодаря реализации этого плана в рамках активной государственной политики Ангарск быстро выдвинулся на второе по значению место среди городов Приангарья.

Население Ангарска формировалось, особенно в начальный, самый бурный период роста, за счет миграционного притока, который был порожден осмысленной пространственной стратегией советского государства по освоению восточных районов страны и развитию в них оборонно-промышленного потенциала. С момента образования города население Ангарска постоянно увеличивалось, достигнув максимума в 1991 г. (26 9181 человек). В период после распада СССР и развертывания системного социально-экономического и цивилизационного кризиса, начиная с 1992 г., естественный прирост населения сменился его убылью. В течение всех последующих лет наблюдения происходил (сначала в малой степени, а затем во все более возрастающем темпе) процесс общей убыли населения города. Главными предпосылками этих неблагоприятных явлений стали изменения, произошедшие в процессах естественного движения населения: выраженный рост общей смертности и стремительное уменьшение рождаемости.

Стал быстро развиваться процесс старения населения. Так, если на протяжении 30 лет (1950–1980 гг.) демографический возраст населения Ангарска соответствовал стадии «демографическая молодость», то уже в 1989–1990 гг. он характеризовался как «собственно преддверие старости», в 1991–1997 гг. – как «начальный уровень демографической старости», в 1998–2000 гг. – как «средний уровень демографической старости», с 2001 года и весь последующий период – как «высокий уровень демографической старости» [4] (табл.). Процесс старения обуславливает повышение уровня смертности, увеличивает нагрузку на работающее население, а также на системы здравоохранения и социальной защиты, осложняет обеспечение экономики трудовыми ресурсами.

Помимо демографического возраста для характеристики состава населения важен также тип возрастной структуры, определяемый соотношением трех возрастных групп населения: детей (возраст 0–14 лет), родителей (15–49 лет), прародителей (50 лет и старше). Тип возрастной структуры населения в период 1959–1979 гг. следует охарактеризовать как прогрессивный; в 1989–1995 гг. – как приближающийся к стационарному и стационарный; в 1996–2001 – как приближающийся к регрессивному; в 2002–2009 гг. и в последующие годы как регрессивный (рис.).

Изменения численности и демографического возраста населения г. Ангарска

Год	Численность населения	Доля лиц старше 60 лет, %	Стадия демографического возраста
1959	134 390	3,8	Демографическая молодость
1970	203 310	5,9	Демографическая молодость
1979	240 410	7,6	Демографическая молодость
1989	265 615	11,0	Собственно преддверие старости
1990	268 059	11,7	Собственно преддверие старости
1991	269 181	12,1	Начальный уровень демографической старости
1997	267 023	13,7	Начальный уровень демографической старости
1998	266 502	14,5	Средний уровень демографической старости
2000	264 234	15,9	Средний уровень демографической старости
2001	263 347	16,3	Высокий уровень демографической старости
2005	246 815	16,6	Высокий уровень демографической старости
2009	241 483	17,4	Высокий уровень демографической старости
2019	225 060	21,6	Высокий уровень демографической старости

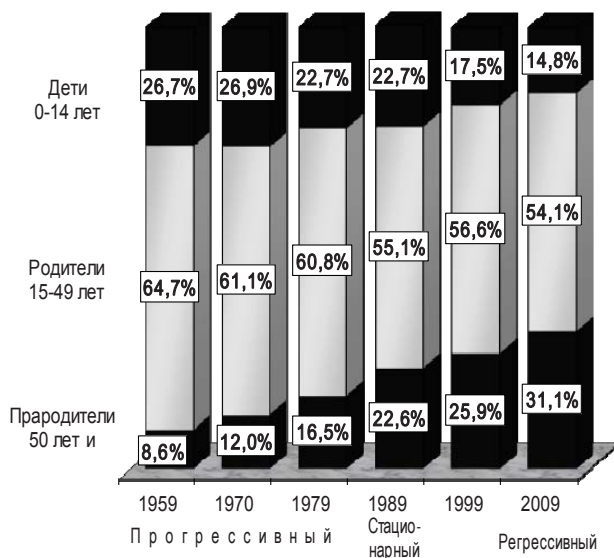

Рис. Типы возрастной структуры населения, г. Ангарск

Заключение

Сибирь и Дальний Восток все еще являются обширными малозаселенными территориями со множеством природных богатств, ценность которых на современном этапе мирового развития стремительно возрастает (лес, энергоносители, пресная вода, земли, пригодные для сельскохозяйственного использования и др.). Совершенно очевидна недостаточность демографического потенциала Сибири для создания развитой экономической и поселенческой структуры, освоения имеющихся здесь природных ресурсов.

В последние десятилетия в России происходит неизбежная эволюция научных представлений об урбанизации. В последние годы, когда предпринимаются попытки осмыслить общественное развитие в рамках новых концепций, представляется наиболее плодотворным для изучения урбанизации использовать антропокультурный подход. При таком подходе основу урбанизации составляет сам человек со всеми возможными параметрами его жизни, прежде всего связанными с развитием культуры и цивилизации в их широком понимании, а не только производство, ресурсы, территория и т. д., как это вытекало из прежних концепций отечественных авторов [2].

Очень сложной задачей является улучшение демографического потенциала в городах Сибири, решению которой, тем не менее, властям следует уделять самое пристальное внимание. В современной ситуации, несмотря на существующие трудности, необходимо создавать стимулы для привлечения и закрепления в сибирских городах мигрантов соответствующего состава (по возрасту, полу, национальности, квалификации) как это осуществлялось в советский период, когда в Сибирь привлекали людей низкими налогами, высокой зарплатой, а в развитие инфраструктуры вкладывались значительные средства.

Сложнейшей задачей является улучшение положения в области естественного воспроизводства населения. Меры по стимулированию рождаемости, осуществляемые в рамках национального проекта, представляются недостаточными. Требуется радикальное улучшение положения во всей социальной сфере. Наиболее значимой мерой повышения уровня воспроизводства населения является создание условий для обеспечения молодых семей доступным жильем. Большое значение имеют и такие факторы как достойный уровень жизни (доходов) семьи, отсутствие кризисных явлений на рынке труда (сокращения персонала, рост безработицы), возможность устроить ребенка в детское дошкольное учреждение и др.

В большой степени эффективность мер по улучшению демографической ситуации будет зависеть от отношения федерального центра к сибирским регионам, как находящимся в худших природно-географических и социально-экономических условиях по сравнению с регионами европейской части страны, а также подверженных большим геополитическим угрозам.

Литература

1. Большакова А. А. Молодые города Иркутской области как потенциал освоения Восточно-Сибирского региона и ресурс реализации стратегии пространственного развития России. Модернизация и конструирование стратегий регионального и городского развития : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВПО «ИГУ»; [науч. ред. Т. И. Грабельных, В. А. Решетников]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. С. 151–165.
2. Кузнецов А. П. Экономическая и социальная география мира. М., 2002.
3. Ламин В. А. Императивы демографического развития Сибири // Байкальский регион и геополитика центральной Азии: история, современность, перспективы : материалы Междунар. науч. семинара-совещания. Иркутск, 2004. С. 12–22.
4. Лещенко Я. А. Проблемы развития населения сибирского города. Иркутск : НЦ РВХ СО РАН, 2010. 130 с.
5. Млеерович М. СССР как мегапроект // Следующий шаг (Томск). 2009. № 7/8. С. 76–97.
6. Прохоров Б. Б. Социальная экология: учебник. М. : Академия, 2005. 416 с.
7. Экологические проблемы урбанизированных территорий. Иркутск : Изд-во ИГ СО РАН, 1998. 200 с.

Е. Г. Сигачева, В. Э. Паршина
Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики
по Иркутской области, г. Иркутск

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ЭКОНОМИКУ ГОРОДА ИРКУТСКА

Представлен анализ основных тенденций развития приоритетных секторов: промышленного производства, инвестиционной сферы. Уделено внимание потребительскому рынку, занятости и безработице. Рассмотрены демографические процессы, влияющие на изменение численности населения города.

Ключевые слова: город, регион, численность населения, экономическое развитие.

E. G. Sigacheva, V. E. Parshina

Territorial body of the Federal State Statistics Service in the Irkutsk region, Irkutsk

INFLUENCE OF THE PANDEMIC ON THE ECONOMY OF THE CITY OF IRKUTSK

The paper presents an analysis of the main trends in the development of priority sectors: industrial production, investment. Attention is paid to the consumer market, employment and unemployment. The demographic processes influencing the change in the population of the city are considered.

Keywords: city, region, population, economic development.

Город Иркутск – столица Восточной Сибири, он находится на расстоянии более 5 тыс. км от Москвы и расположен на юге Иркутской области, на берегах реки Ангары, при впадении в нее р. Иркут (отсюда название города), в 67 км от Байкала. Иркутск основан как острог в 1661 г., преобразован в город в 1686 г., а с 1764 г. – центр Иркутской губернии. За 360 лет Иркутск из казачьего зимовья превратился в крупный административный, промышленный, научный и культурный центр Сибири.

За свою историю город вырос до площади 277,4 кв. км. По численности населения он занимает пятое место среди региональных центров Сибирского федерального округа (после Новосибирска, Омска, Красноярска и Барнаула). На начало 2021 г. в нем проживало 617,5 тыс. человек, это 26 % жителей Иркутской области [1]. Имеет четыре административных округа – Правобережный, Октябрьский, Свердловский и Ленинский (табл. 1).

Таблица 1

Территория и численность населения на 1 января 2021 г.

	Территория, кв. км	Численность постоянного населения, тыс. человек
Город Иркутск	277,4	617,5
в том числе по округам:		
Ленинский	101,2	150,7
Октябрьский	33,1	147,0
Свердловский	44,8	206,5
Правобережный	98,3	113,4

Иркутск обеспечивает 17 % областного объема отгруженной продукции обрабатывающих производств, 12 % водоснабжения и водоотведения, организации сбора и утилизации отходов, 3 % электро- и теплоэнергетики. В экономику города направлено 41 % областного объема инвестиций, на его территории находится треть введенного в регионе жилья. Также в областном центре сосредоточены крупные объекты торговли и сервиса.

В Иркутске, как в регионе в целом, в 2020 г. сложилась неоднозначная экономическая ситуация. По одним направлениям имеются успехи, по другим допущен спад. Приостановление деятельности многих организаций, режим самоизоляции в связи с пандемией COVID-19 негативно сказались на экономическом положении (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительные данные Иркутской области и г. Иркутска, млн руб.

	Иркутская область		г. Иркутск		
	2020	2020 в % к 2019	2020	2020 в % к	
				2019	областному объему
Численность постоянного населения (на конец года), тыс. человек	2375,0	99,3	617,5	99,0	26,0
Объем отгруженной продукции (работ, услуг) ¹ , млн руб.					
добыча полезных ископаемых	520 031,3	87,0	16,2	67,5	0,0
обрабатывающие производства	523 139,1	111,6	87 143,5	122,3	16,7
обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	133 105,8	103,9	4363,5	101,0	3,3
водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	15 846,6	106,8	1890,7	80,9	11,9
Инвестиции в основной капитал ¹ , млн руб.	329 402,3	105,9	135 531,1	178,7	41,1
Ввод в действие жилых домов, тыс. кв. м	1105,9	108,0	361,4	127,0	32,7
Оборот розничной торговли, млн руб.	392 925,0	98,0	180 388,4	100,0	45,9
Оборот общественного питания, млн руб.	12 571,7	100,0	5787,5	66,6	46,0
Объем платных услуг населению ¹ , млн руб.	99 355,5	84,2	44 829,5	88,6	45,1
Среднегодовая численность занятых на предприятиях ¹ , тыс. чел.	569,3	99,7	184,8	99,7	32,5
Общая численность официально зарегистрированных безработных на конец года, тыс. чел.	28,7	2,5	6,7	5,2	23,3

По состоянию на 1 января 2021 г. в **Статистическом регистре** учтено 26,8 тыс. организаций, их филиалов и других обособленных подразделений (из них 22,6 – юридические лица) и 18,6 тыс. индивидуальных предпринимателей [2]. За прошедший год количество организаций уменьшилось на 5,5 %, индивидуальных предпринимателей – на 9 %.

За 2020 г. в городе официально ликвидировано 3 тыс. юридических лиц. Главная причина ликвидации – отсутствие деятельности. Количество образовавшихся за год новых юридических лиц – 1,5 тыс. Процесс создания новых субъектов хозяйствования отстает от ликвидации, в связи с чем просматривается общая тенденция снижения их числа.

Из всех видов экономической деятельности лидирует сфера оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств и мотоциклов. В качестве основной деятельности её заявили 28,8 % юридических лиц, строительство – 13,3 %, промышленное производство – 7,9 %, операции с недвижимым имуществом – 8,4 % субъектов.

Среди индивидуальных предпринимателей также наиболее популярна торговля, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (41,9 % субъектов), значительная часть их занимается транспортировкой и хранением (8,1 %).

Развитие **промышленного производства**, безусловно, является самым важным индикатором состояния экономики города и региона в целом. Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и оказанных услуг по виду деятельности «обрабатывающие производства», в отличие от других укрупненных видов деятельности со скачкообразной динамикой, демонстрировал стабильный прирост в течение всего года, в итоге наблюдается рост по сравнению с предыдущим годом на 22,3 %.

¹ По предприятиям, не относящимся к субъектам малого предпринимательства

Отмечается увеличение объема отгруженной продукции по видам деятельности: производство машин и оборудования в 3,3 раза, текстильных изделий – в 2,2 раза, обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, – в 1,5 раза.

Объем отдельных видов продукции вырос в связи с пандемией, в частности, производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях, увеличилось на 24,9 %.

Вместе с тем в отдельных видах деятельности наблюдается значительное снижение объемов продукции: в производстве компьютеров, электронных и оптических изделий (на 73 %), одежды (на 52,1), прочей неметаллической минеральной продукции (на 30,6 %).

В видах деятельности, обеспечивающих электро- и теплоэнергетику, рост составил 1 %, водоснабжение и водоотведение, сбор и утилизацию отходов, ликвидацию загрязнений, спад на 19,1 %.

В **строительстве** общий объем работ снизился на 5,9 %. В отличие от общего объема строительных работ, жилищное строительство в Иркутске в текущем году показало рост на 27 % – введено в строй жилье общей площадью 361,4 тыс. кв. м (треть областного ввода). В том числе за счет средств населения введено в действие 357 индивидуальных жилых домов общей площадью 40,6 тыс. кв. м (11,2 % общего ввода). Всего сдано в эксплуатацию 7300 квартир. Население строит более просторное жилье, средний размер квартиры, построенных юридическими лицами, составил 52,1 кв. м, населением – 113,8 кв. м.

На развитие экономики и социальной сферы города организациями всех форм собственности, без субъектов малого предпринимательства, в 2020г. по предварительным данным использовано 135,5 млрд руб. **инвестиций** (41 % общего областного объема), рост к предыдущему году – в 1,8 раза.

Основной объем вложений регулярно направляется на развитие следующих видов экономической деятельности: транспортировка и хранение, обрабатывающие производства, деятельность в области информации и связи.

Главными объектами вложения по-прежнему выступали здания (кроме жилых) и сооружения – 51,9 %. Доля инвестиций, направленных на развитие активных элементов производственного процесса (машин, оборудования, инвентаря, транспортных средств), составила 25,2 %, информационное, компьютерное и телекоммуникационное оборудование – 3,3 %, в объекты интеллектуальной собственности – 0,7 %. Объем инвестирования в жилища оставался низким (1 %).

Основным источником финансирования инвестиций в основной капитал являются привлеченные средства организаций, в 2020г. их доля составила 59,8 %, бюджетное финансирование – 13,6 %.

Пандемия, связанная с COVID-19, и вынужденная самоизоляция негативно повлияли на состояние экономики. Заметно пострадали организации, работающие на **потребительском рынке**, причём большее всего это ударило по малому бизнесу. В 2017–2019 гг. наблюдался рост оборота розничной торговли. А в 2020-м, особенно в начальный период пандемии, – обвал, затем падение замедлилось, а ослабление режима, разрешение организациям продолжать работу при соблюдении определенных требований позволило снизить масштаб падения. В итоге за год продано товаров населению на 180,4 млрд руб. (на уровне предыдущего года).

В торговле снижение было обусловлено меньшим числом покупок непродовольственных товаров, основной причиной этого являлось сокращение платежеспособного спроса вследствие уменьшения реальных денежных доходов населения.

Приостановление деятельности организаций, вызванное пандемией коронавируса, ощутимее всего ударило по **общественному питанию**. Точки общепита теряли своих клиентов, оборот первого полугодия был вдвое ниже, чем в 2019 г. В дальнейшем глуби-

на падения снижалась, но выйти на прежний уровень не удалось. В целом за 2020 г. оборот общественного питания составил 5,8 млрд руб., к объёму 2019 г. спад на 33,4 %.

В связи с ограничительными мерами, значительной части выручки лишился сервис, **объем услуг** начал снижаться в начальный период пандемии, далее организации, обслуживающие население, стремились постепенно нарастить объем, в итоге за 2020 г. населению оказано платных услуг на 44,8 млрд руб., спад составил 11,4 %. Вынужденная экономия случилась из-за режима самоизоляции, вынужденной приостановки деятельности многих организаций, отмены массовых мероприятий.

В сравнении с 2019 г. произошло снижение по всем видам услуг, кроме почтово-курьерских (100,5 %). Более всего пострадала деятельность в области культуры и гостиничный бизнес, где объем сокротился втрое. В сфере туризма объем уменьшился в 2 раза. И в быту население воздерживалось от получения всех видов услуг. Прежде всего, отложили до лучших времен ремонт и строительство жилья и других построек.

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в 2020 г. составила 59 392 руб. и возросла по сравнению с предыдущим годом на 6,6 %, в реальном выражении (с учётом инфляции) рост составил 2,6 %.

Рис. 1. Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций (без выплат социального характера) по фактическим видам экономической деятельности, руб.

В целом по области средняя зарплата в 2020 г. составила 56 047 руб. Оплата труда в городе Иркутске была на 6 % выше областного уровня.

Отмечается существенная дифференциация оплаты труда работников организаций в зависимости от вида экономической деятельности. Традиционно выше среднего уровня оплата труда на добывающих предприятиях города, в финансовых организациях, в профессиональной, научной и технической деятельности, а наименьшую зарплату получали работники гостиниц, предприятий общественного питания.

В 2020 г. по сравнению с предыдущим годом зарплата работников, занятых в производстве компьютеров, электронных и оптических изделий, увеличилась в реальном выражении на 36,3 %, в строительстве – на 12,8 %.

Отмечен рост заработной платы в здравоохранении (на 8,2 %) и образовании (на 4 %). Это связано с реализацией майских указов Президента России, в соответствии с которыми происходило повышение уровня оплаты труда отдельным категориям работников бюджетной сферы, а также с социальными выплатами за работу в условиях пандемии.

Однако рост был не везде. Есть виды деятельности, где упали даже номинальные зарботки (текстильно-швейное, металлургическое производство и др.).

Численность **официально зарегистрированных безработных** на конец 2020 г. относительно предыдущего года увеличилась в 5,2 раза и составила 6,7 тыс. человек. Максимальная численность отмечалась в октябре – 15,6 тыс. человек. Уровень зарегистрированной безработицы в Иркутске долгое время был ниже 1 %, а к концу 2020 г. составил 2 % от численности рабочей силы (по области – 2,5 %).

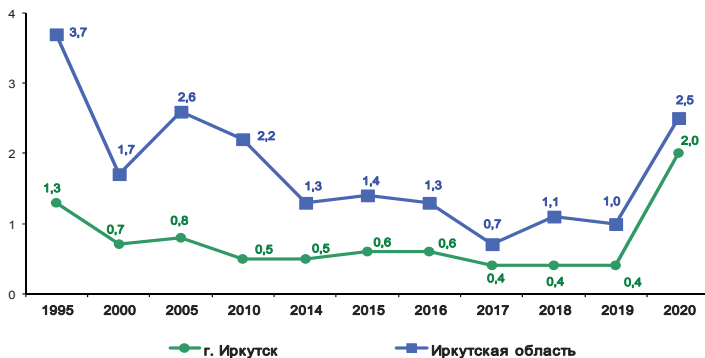

Рис. 2. Уровень зарегистрированной безработицы¹ (на конец года), процентов

Численность постоянного населения города на 1 января 2021 г. составила 617,5 тыс. человек. Для Иркутска, как и для области в целом, характерна тенденция сокращения численности населения, за год она уменьшилась на 1 %. Причиной снижения с 2016 г. является миграционный отток населения, в прошедшем году добавилась естественная убыль. В 2020 г. число умерших превысило количество новорожденных на 716 человек, за счет миграции город потерял 2481 человека [3].

В 2020 г. Россия, как и большинство стран мира, столкнулась с вынужденным введением карантинных мер, которые привели к временному закрытию границ и приостановке работы целого ряда предприятий. Последствия пандемии оказали негативное влияние, однако, благодаря своевременным мерам господдержки бизнеса и населения, не вызвали фундаментальных сдвигов в экономике страны в целом и города Иркутска, в частности.

Литература

1. Численность населения на 1 января 2021 года: ст. бюл. / Иркутскстат. Иркутск, 2021. 76 с.
2. Институциональные преобразования и демография организаций в Иркутской области : ст. бюл. / Иркутскстат. Иркутск, 2021. 68 с.
3. Миграция населения: ст. бюл. / Иркутскстат. Иркутск, 2021. 80 с.

УДК 008(571.53)

Н. В. Рудакова

ГБУ ДПО Иркутский областной учебно-методический центр
культуры и искусства «Байкал», г. Иркутск

АНАЛИЗ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «ГОРОД ИРКУТСК» ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ КУЛЬТУРЫ

Представлен анализ обеспеченности населения Иркутска учреждениями культуры и учреждениями дополнительного образования детей по видам искусств, проведенный в соответствии с рекомендуемыми нормативами и нормами, одобренными распоряжением Минкультуры России от 2 августа 2017 г. № Р-965 «Методические рекомендации субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры» и распоряжением Минобрнауки России от 4 мая 2016 г. № АК-950/02 «Методические рекомендации по развитию сети образовательных организаций и обеспеченности населения услугами таких организаций, включающие требования по размещению организаций сферы образования, в том числе в сельской местности, исходя из норм действующего законодательства Российской Федерации, с учетом возрастного состава и плотности населения, транспортной инфраструктуры и других факторов, влияющих на доступность и обеспеченность населения услугами сферы образования».

Ключевые слова: муниципальные учреждения культуры, Иркутск, обеспеченность учреждениями культуры, анализ.

N. V. Rudakova

GBU DPO Irkutsk educational and methodical center of culture and art «Baikal», Irkutsk

ANALYSIS OF THE PROVISION OF THE POPULATION OF THE MUNICIPAL FORMATION “CITY OF IRKUTSK” OF THE IRKUTSK REGION WITH CULTURAL INSTITUTIONS

The paper presents an analysis of the provision of the population of the city of Irkutsk with cultural institutions and institutions of additional education for children in the arts, conducted in accordance with the recommended standards and norms approved by the order of the Ministry of Culture of the Russian Federation of August 2, 2017 No. R-965 "Methodological recommendations to the subjects of the Russian Federation and local self-government bodies on the development of a network of cultural organizations and the provision of the population with the services of cultural organizations" and the order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of May 4, 2016. No. AK-950/02 "Methodological recommendations for the development of the network of educational organizations and the provision of the population with the services of such organizations, including the requirements for the placement of educational organizations, including in rural areas, based on the norms of the current legislation of the Russian Federation, taking into account the age composition and density of the population, transport infrastructure and other factors affecting the availability and provision of the population with educational services".

Keywords: municipal cultural institutions, Irkutsk, provision of cultural institutions, analysis.

Сеть юридических лиц учреждений культуры муниципального образования «город Иркутск» составляет **21** единицу. Все учреждения относятся к бюджетному типу (табл. 1).

Таблица 1

Сеть юридических лиц учреждений культуры г. Иркутска

Сеть юридических лиц по видам учреждений на 01.01.2021	Казенное	Бюджетное	Автономное	Всего
Культурно-досуговые учреждения	0	3	0	3
Библиотеки	0	2	0	2
Музеи	0	1	0	1

Театры	0	1	0	1
Концертные организации	0	0	0	0
Учреждения дополнительного образования детей	0	14	0	14
Итого	0	21	0	21

Сеть муниципальных учреждений культуры города Иркутска с учетом филиалов и структурных подразделений включает в себя **49 учреждений**: 26 библиотек, 3 культурно-досуговых учреждения, 5 музеев, 1 театр, 14 детских школ искусств.

Уровень обеспеченности культурно-досуговыми учреждениями

В соответствии с Рекомендуемыми нормами и нормативами (распоряжение Минкультуры России от 2 августа 2017 г. № Р-965) в г. Иркутске должен располагаться 1 Дом культуры на 200 тыс. чел. Численность населения г. Иркутска на 01.01.2020 – 623 562 чел. В городе располагаются три культурно-досуговых учреждения: МБУК г. Иркутска «Городской творческий клуб «Любимовка»; МБУК г. Иркутска «Творческий детский клуб «Солнышко»; МБУК г. Иркутска «Творческий клуб «Созвездие».

В целом соответствие нормативам составляет 100 %. При этом следует отметить, что расположенные в городе культурно-досуговые учреждения по своему типу относятся не к домам культуры, а являются творческими клубами, один из которых детский. Дома культуры – это культурно-досуговые учреждения, обладающие большими характеристиками по параметрам мощности, оснащения и штатной численности. Главным признаком Дома культуры является расширенная зона обслуживания и наличие филиалов. Дома культуры обслуживают не только населенные пункты по месту расположения, но и другие населенные пункты, где отсутствуют стационарные единицы, а также являются методическими центрами по отношению к сельским клубам. Также необходимо отметить, что два из трех имеющихся культурно-досуговых учреждений расположены в Октябрьском районе города, одно учреждение – в Ленинском районе, а значит, рекомендуемая нормативами транспортная доступность учреждений в течение 30–40 минут, не выполняется. Таким образом, можно говорить о количественном, но не качественном соответствии нормативам.

Таблица 2

Уровень обеспеченности культурно-досуговыми учреждениями

№	Рекомендуемые нормы и нормативы	Нормативное количество сетевых единиц	Фактическое количество сетевых единиц	Соответствие нормативам, %	Требуют капитального ремонта	Аварийное состояние
<i>На уровне городского округа с численностью населения более 500 тыс. чел.</i>						
1.	1 Дом культуры на 200 тыс. чел.	3	3	100 %	0	0

Важно отметить, что МБУК г. Иркутска «Городской творческий клуб «Любимовка» расположен в приспособленном помещении, в котором имеется зрительный зал вместимостью 30 мест.

МБУК г. Иркутска «Творческий детский клуб «Солнышко» не имеет собственного здания, расположен в помещениях, находящихся в оперативном управлении Дома Европы. В помещении имеется приспособленный зрительный зал.

МБУК г. Иркутска «Творческий клуб «Созвездие» находится в приспособленном здании, не имеет зрительного зала.

Уровень обеспеченности библиотеками

В соответствии с «Рекомендуемыми нормами и нормативами (распоряжение Минкультуры России от 2 августа 2017 г. № Р-965)» в городе Иркутске должны располагаться: Общедоступная библиотека – 1 ед. на 20 тыс. чел.; Детская библиотека – 1 ед. на 10 тыс. детей; Точка доступа к полнотекстовым информационным ресурсам – 2 ед.

На уровне муниципального образования «город Иркутск» население обслуживает библиотечная сеть, состоящая из 25 библиотек МБУК г. Иркутска «Централизованная библиотечная система». Также в городе функционирует МБУК г. Иркутска «Гуманитарный центр – библиотека имени семьи Полевых».

В среднем соответствие нормативам по числу библиотек в городе Иркутске составляет 62 %. Существует потребность в 16 библиотеках: 13 общедоступных и 3 детских.

В 2020 г. в городе была открыта библиотека филиал № 6 МБУК г. Иркутска «ЦБС».

Библиотека № 10 МБУК г. Иркутска «ЦБС» требует капитального ремонта.

Все библиотеки города расположены в неспециализированных зданиях.

Рекомендованная транспортная доступность 30–40 мин выполняется для всех библиотек.

Таблица 3

Уровень обеспеченности библиотеками

№	Рекомендуемые нормы и нормативы	Нормативное количество сетевых единиц	Фактическое количество сетевых единиц	Соответствие нормативам, %	Требуют капитального ремонта	Аварийное состояние
<i>На уровне городского округа с численностью населения более 500 тыс. чел.</i>						
1	1 общедоступная библиотека на 20 тыс. чел.	31	18	58 %	1	0
2	1 детская библиотека на 10 тыс. детей	11	8	73 %	0	0
3	2 точки доступа к полнотекстовым информационным ресурсам*	2	9	450 %	X	X
Итого		42	26	62 %	1	0

*Примечание: Точки доступа к полнотекстовым информационным ресурсам доступа не учитываются в общей сумме сетевых единиц.

Уровень обеспеченности музеями

В соответствии с «Рекомендуемыми нормами и нормативами (распоряжение Минкультуры России от 2 августа 2017 г. № Р-965)» в г. Иркутске должны располагаться два городских музея: 1 краеведческий музей и 1 тематический музей.

Таблица 4

Уровень обеспеченности музеями

№	Рекомендуемые нормы и нормативы	Нормативное количество сетевых единиц	Фактическое количество сетевых единиц	Соответствие нормативам, %	Требуют капитального ремонта	Аварийное состояние
<i>На уровне городского округа с численностью населения более 500 тыс. чел.</i>						
1	1 краеведческий музей	1	1	100 %	0	0
2	1 тематический музей	1	4	400 %	0	0
Итого		2	5	250 %	0	0

В г. Иркутске расположен 1 краеведческий музей: МБУК г. Иркутска «Музей истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова». Число тематических музеев составляет 3 ед.: Городской выставочный центр им. В. С. Рогаля МБУК г. Иркутска «Музей истории г. Иркутска им. А. М. Сибирякова»; Музей городского быта МБУК г. Иркутска «Музей истории г. Иркутска им. А. М. Сибирякова», Солдаты Отечества МБУК г. Иркутска «Музей истории г. Иркутска им. А. М. Сибирякова»; Дом ремесел и фольклора МБУК г. Ир-

кутка «Музей истории г. Иркутска им. А. М. Сибирякова». Соответствие рекомендуемым нормативам – 250 %.

Рекомендованная транспортная доступность 30–40 минут выполняется для всех музеев.

Уровень обеспеченности театрами

В соответствии с «Рекомендуемыми нормами и нормативами (распоряжение Минкультуры России от 2 августа 2017 г. № Р-965)» в городе Иркутске должен располагаться 1 театр по видам искусств на 500 тыс. чел. Соответствие нормативам – 100 %. Одно из зданий театра МБУК «Иркутский городской театр народной драмы» нуждается в капитальном ремонте.

Таблица 5

Уровень обеспеченности театрами

№	Рекомендуемые нормы и нормативы	Нормативное количество сетевых единиц	Фактическое количество сетевых единиц	Соответствие нормативам, %	Требуют капитального ремонта	Аварийное состояние
<i>На уровне городского округа с численностью населения более 500 тыс. чел.</i>						
1	1 театр по видам искусств на 500 тыс. чел.	1	1	100 %	1	0

Уровень обеспеченности концертными организациями

В соответствии с «Рекомендуемыми нормами и нормативами (распоряжение Минкультуры России от 2 августа 2017 г. № Р-965)» в городе Иркутске должны располагаться 1 концертный зал и 1 концертный творческий коллектив. На уровне городского округа указанные учреждения культуры отсутствуют. Соответствие нормативам – 0 %.

Таблица 6

Уровень обеспеченности концертными организациями

№	Рекомендуемые нормы и нормативы	Нормативное количество сетевых единиц	Фактическое количество сетевых единиц	Соответствие нормативам, %	Требуют капитального ремонта	Аварийное состояние
<i>На уровне городского округа с численностью населения более 500 тыс. чел.</i>						
1	1 концертный зал	1	0	0 %	X	X
2	1 концертный творческий коллектив	1	0	0 %	X	X
Итого		2	0	0 %	X	X

Уровень обеспеченности учреждениями дополнительного образования детей

Уровень обеспеченности учреждениями дополнительного образования детей в соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 4 мая 2016 г. № АК-950/02 определяется исходя из расчета охвата учреждениями дополнительного образования детей не менее 12 % обучающихся 1–9-х классов общеобразовательных организаций в населенных пунктах более 10 тыс. чел.

Численность детей 1–9-х классов общеобразовательных школ г. Иркутска составляет 76 792 чел. Число обучающихся в 15 детских школах искусств города (с учетом ГОБУДО Иркутская областная детская школа искусств) – 5706 чел., что составляет 7,4 % от числа детей 1–9-х классов общеобразовательных школ. Для достижения необходимого минимального норматива (9215 чел.) требуется охватить дополнительным образованием еще 3509 детей. Учитывая вместимость типового здания школы искусств в 600 чел., можно говорить о том, что в Иркутске требуется строительство еще 6 учреждений дополнительного образования детей в сфере культуры и искусства.

Три учреждения дополнительного образования детей г. Иркутска (20,0 %) располагаются в типовых зданиях, 12 школ (80,0 %) – в приспособленных зданиях.

По данным годового отчета управления культуры, туризма и молодежной политики комитета по социальной политике и культуре администрации г. Иркутска помещения единственной в Октябрьском районе МБУ ДО «ДМШ № 7» г. Иркутска расположены в жилых домах, не соответствуют современным стандартам и нормам СанПин, не позволяют принять растущий поток детей, желающих заниматься музыкой, хореографией.

Таблица 7

Уровень обеспеченности учреждениями дополнительного образования детей

№	Рекомендуемые нормы и нормативы	Нормативное количество сетевых единиц	Фактическое количество сетевых единиц	Соответствие нормативам, %	Требуют капитального ремонта	Аварийное состояние
<i>На населенный пункт с численностью населения более 10 тыс. чел.</i>						
1	охват ДШИ не менее 12 % обучающихся 1–9-х классов общеобразовательных организаций	12 % (9215 чел.)	7,4 % (5706 чел.)	62 %	0	0

Уровень обеспеченности кинозалами

В соответствии с «Рекомендуемыми нормами и нормативами (распоряжение Минкультуры России от 2 августа 2017 г. № Р-965)» в городе Иркутске должен располагаться 1 кинозал на 20 тыс. чел. Численность населения города Иркутска на 01.01.2020 – 623 562 чел. В целом соответствие нормативам составляет 177 %.

Таблица 8

Уровень обеспеченности кинозалами

№	Рекомендуемые нормы и нормативы	Нормативное количество сетевых единиц	Фактическое количество сетевых единиц	Соответствие нормативам, %	Требуют капитального ремонта	Аварийное состояние
<i>На уровне городского округа</i>						
1	1 кинозал 20 тыс. чел.	31	55	177 %	0	0

Вывод: Рекомендуемое количество сетевых единиц в соответствии с нормативами – **101** ед. (3 КДУ, 42 библиотеки, 2 музея, 1 театр, 2 концертных организации, 20 ДШИ, 31 кинозал). Фактическое количество сетевых единиц – **105** ед. (3 КДУ, 26 библиотек, 5 музеев, 1 театр, 15 ДШИ, 55 кинозалов).

Общий уровень фактической обеспеченности учреждениями культуры от нормативной потребности составляет **104 %**.

Таблица 9

Общий уровень фактической обеспеченности учреждениями культуры от нормативной потребности

№	Рекомендуемые нормы и нормативы	Нормативное количество сетевых единиц	Фактическое количество сетевых единиц	Соответствие нормативам, %	Требуют капитального ремонта	Аварийное состояние
<i>На городской округ</i>						
1	Все виды учреждений культуры	101	105	104 %	1	0

В соответствии с «Рекомендуемыми нормами и нормативами (распоряжение Минкультуры России от 2 августа 2017 г. № Р-965, распоряжение Минобрнауки России от 4 мая 2016 г. № АК-950/02) в г. Иркутске существует потребность в **24 учреждениях культуры**: 16 библиотеках, 2 концертных организациях, 6 учреждениях дополнительного образования детей.

ЦЕННОСТНЫЕ ОЖИДАНИЯ ПОКОЛЕНИЙ Y И Z, ВЫХОДЯЩИХ НА РЫНОК ТРУДА ИРКУТСКА

Рассматриваются тенденции современных «бирюзовых» подходов к управлению бизнес-организациями, которые могут помочь в развитии территории их присутствия привлекать и удерживать молодое поколение, способное активно участвовать в проектах, повышающих привлекательность Иркутска. Анализируются результаты исследования, посвященного изучению ценностных ориентиров поколений Y и Z, соответствие сегодняшних ценностей бизнес-компаний данным ожиданиям.

Ключевые слова: поколения Y и Z, ценностные ориентиры, современные «бирюзовые» подходы, управление бизнесом.

T. A. Saprankova
Irkutsk State University, Irkutsk

VALUE EXPECTATIONS OF Y AND Z GENERATIONS IN IRKUTSK LABOR MARKET

The article examines the trends of modern “turquoise” business methods in various companies that contribute to the territorial development and attract young people to stay on this territory. As a result, those young people will be participating in the projects to make Irkutsk economically, culturally, and socially attractive. The value orientations of Y and Z generations, as well as their expectations towards companies to meet these expectations, are analyzed.

Keywords: Y and Z generations, value orientations, modern “turquoise” methods, business management.

Развитие территорий в экономическом, социальном, культурном плане всегда определяется уровнем образованности, культуры активной части населения, способного трудиться в различных сферах экономики. Выход молодых поколений на рынок труда сопровождается новыми вызовами, так как каждое поколение воспитываясь в определенных социально-экономических условиях усваивает характерные для ее эпохи ценности. Конфликт «отцов и детей» во все времена имел место, однако конец XX в. настолько нарастил скорость появления новой информации, обусловленную в том числе и внедрением информационных технологий во все сферы жизни человека, что ценностный разрыв поколений стал создавать не только в личной жизни человека проблемы, но и очень существенное влияние оказывает на управленческие процессы в бизнесе. Появление теории поколений в 90-х гг. XX в. американских ученых – историков и социологов Нейла Хоува и Вильяма Штрауса – явилось ответом на проблему управления сотрудниками новых поколений, выходящих на рынок труда. Теория Хоува – Штрауса утверждает [4], что формирует и определяет поколение не только и не столько возраст, сколько ценности людей, которые формируются под влиянием общественных, политических, экономических, социальных, технологических событий и воспитания в семье.

Выход на рынок труда поколения Y (миллениумы/миллениалы) заставил многих менеджеров сферы бизнеса задумываться о необходимости изменять методы управления, потому как традиционные методы управления персоналом оказались не работающими по отношению к этому поколению. Наиболее часто встречающиеся характеристики, описывающие поколение «миллениалов»: ««Игреки» готовы участвовать в рискованных проектах, когда другие поколения еще раздумывают. Они талантливы и имеют «быстрые» мозги. Молодые сотрудники идеалистичны, им нравятся проекты, в которых есть нечто большее, чем зарабатывание денег» [5]. «Формула игреков – материальное благополучие и жизнь в цифровых технологиях, но при этом одиночество. Ценности – самореализация, быстрый результат, удовольствие. Главная жизненная задача – получение признания онлайн. Друг – это тот, с кем 5 минут было интересно» [6]. Интеллект и интуиция этого поколения настолько развиты, что компьютер является как бы продолжением их головного мозга. Как отмечают многие исследователи «миллениалы» очень любознательны, поэто-

му охотно совмещают учебу с занятиями спортом, музыкой и другими увлечениями. Но если им что-то не нравится или для достижения результатов приходится прикладывать слишком много усилий – они сразу же оставляют это занятие. «У «игреков» есть потребность учиться, но им удобнее получать знания в игровой форме. Формат должен быть коротким, содержательным и ярким» [5]. Нетерпеливости молодых людей объясняется быстрым темпом сегодняшней жизни, который они воспринимают как норму.

Сегодня на рынок выходят уже и поколение Z, еще более отличающееся от предыдущих поколений: «У юного поколения больше амбиций: изменить мир к лучшему хотят 60 % центениалов и лишь 39 % миллениалов. Поколение Z не просто мечтает, а верит, что это им по силам. Они технически подкованы и привыкли к доступности любой информации, поэтому считают, что достойны большего, чем имеют. Уверенные в себе, они ждут, что окружающие: бренды, коллеги, подписчики – будут воспринимать их всерьез и помогут добиться целей, например, открыть свой бизнес. Этого хотят 72 % центениалов» [7].

Чтобы адаптироваться к новым поколениям компаниям в настоящее время необходимо изменить отношение, мировоззрение, необходимы систематические изменения в организационной структуре управления. И тем компаниям, у кого получается изменить отношение, открывается такое огромное поле для деятельности, появляются такие преимущества, что любые усилия стоят этого. Сегодня многим очевидно, что конкурентные преимущества компании связаны теперь не столько с тем, что она продает, сколько что это за компания и как она продает. В таком контексте талант становится ценностью и способность привлекать, нанимать и мотивировать талантливый персонал выступает критическим фактором успеха в любой отрасли. Жизненно важно становится построить такую систему внутри компании, где сотрудники смогут индивидуально и коллективно добиться того, чего они не смогут добиться в других компаниях. «В нашем всё более нестабильном, неопределенном, сложном и неустойчивом мире, мире новых вызовов и возможностей, все компании ожидают большего от себя и своих сотрудников. Однако привычная организационная структура не соответствует таким потребностям» [1].

Такие организации сегодня все больше заявляют о себе. Их опыт изучается и популяризируется. Анализируя эти исследования [2], можно выделить такие характеристики организаций, внедряющих современные «бирюзовые» подходы, как: самоорганизация, совместно принимаемые решения в компании, включая стратегию развития бизнеса, прозрачность информации, открытость и доступность лидера для каждого сотрудника, возможность высказывать свои идеи, наличие общих и индивидуальных целей, обратная связь, постоянное, непрерывное образование и самосовершенствование.

Таким образом, можно проследить следующую логику развития территории: наличие компаний, внедряющих активно современные бирюзовые подходы в управлении, позволит удерживать молодые поколения, так как у них появится перспектива трудоустройства; появление представителей поколений X и Y в компаниях Иркутска даст возможность повышать им уровень конкурентоспособности, что будет благоприятно сказываться на привлекательности нашего города и для инвесторов, и для населения, и для гостей. Однако очевидно, что для реализации этого на практике должны быть и соответствующие компании, и молодые специалисты, разделяющие эти ценности. Именно выявление такой готовности к внедрению бирюзовых ценностей и стало целью нашего исследования.

На Сибирско-американском факультете менеджмента в рамках курса «Организационное поведение» студентами 3-го курса были теоретически изучены характерные особенности бирюзовых организаций, на их основе при участии экспертов – опытных специалистов из сферы бизнеса был разработан опросник «Компания моей мечты» [3]. Опросник представляет собой 60 вопросов по шести блокам: лидерство, командный подход, мотивация, организация деятельности и дизайн работ, организационные коммуникации и конфликты, стратегия развития. Вопросы составлены таким образом, что позволя-

ют респонденту отразить степень принятия различных ценностей на уровне желаемых. Оценка степени принятия сотрудником идей бирюзового типа определялась по шкале от 1 до 10, где «1» – совсем не соответствует вашему представлению о работе в компании (все это неважно), «10» – соответствует максимально вашему представлению о работе в компании (именно так и должно быть). Шкала для определения уровня готовности с помощью экспертного мнения была определена следующим образом: высокому уровню соответствуют баллы 9–10, уровню выше среднего 7–8, среднему 5–6, ниже среднего 3–4, очень низкому 1–2 балла.

Второй год проводится это исследование в различных компаниях, работающих на территории Иркутска и Иркутской области. На сегодняшний день в нем приняли участие более 1500 сотрудников различных компаний как крупного, так и малого/среднего бизнеса. Также нам было интересно посмотреть совпадает ли готовность студентов и уже работающих представителей разных поколений, насколько сегодня компании готовы соответствовать ожиданиям молодых поколений. В данной статье мы хотим обсудить результаты исследования, полученные по двум выборкам: результаты опроса студентов 3 курса САФ (28 чел.) и результаты опроса слушателей программ повышения квалификации факультета Бизнеса и менеджмента (ФБМ) (44 чел.) Байкальской международной бизнес-школы.

Группа студентов (А) представлена 28 студентами в возрасте 21–22 года – это представители поколения Z, из них 28,6 % – юноши, соответственно 71,4 % девушки. Группа слушателей ФБМ (В) состояла из 44 человек возрастной группы от 30 до 45 лет – это представители поколения Y (скажем самой старшей его части), 70 % – мужчины и 30 % женщины; основная категория – линейные руководители и несколько топ-менеджеров и собственников, из 15 различных компаний: химическая промышленность (3 завода), нефтегазовая отрасль (2), энергетика (4), авиапромышленность (1), малый бизнес (5).

Сравнив полученный средний балл по всем вопросам можно констатировать, что по группе А (студентов САФ 3 курса) он составил 8,81 балла, по группе В (слушателей ФБМ) 8,4 балла, как видим существенной разницы в значениях не наблюдается. Полученный результат свидетельствует об уровне выше среднего, при этом и в группе А и группе В более высокие оценки наблюдаются у представительниц женского пола: девушки (гр.А) – 8,96 и женщины (гр.В) – 8,74, в то время как и у юношей (гр. А) – 8,38, и у мужчин (гр. В) – 8,16 средний балл по всем блокам несколько ниже. И это закономерно, так как идеи бирюзовости, прежде всего предполагают выстраивание эффективных отношений между сотрудниками и руководством компаний, максимальное вовлечение сотрудников всех уровней в управленческие процессы, принятие решений, разработку бизнес-стратегий, а это всё признаки фемининного типа (по Хофштеду).

Был проведен анализ оценок, выставленных респондентами группы А по каждому блоку (рис. 1). Наивысшие оценки (ср. балл 8,94) были выставлены опрошенными по блоку «Командный подход», можно предположить, что у студентов САФ это связано с наличием большого опыта работы в проектных группах, при выполнении групповых заданий по различным предметам начиная с первого курса. Следует заметить, что ценности блока «Командный подход» и у юношей (8,68), и девушек (9,08) получили наивысшие баллы. Тогда как, на втором месте у них приоритеты кардинально противоположны: для девушек оказались более значимы ценности блока «Лидерство» (9,01), у юношей по этому блоку минимальное значение среднего балла (8,15). При этом для юношей на втором месте ценности блока «Самоорганизация и дизайн работ» (8,5), тогда как у девушек этот блок получил самый низкий средний балл (8,87). Хотя в целом разброс оценок не значительный, соответствующий высокому уровню готовности.

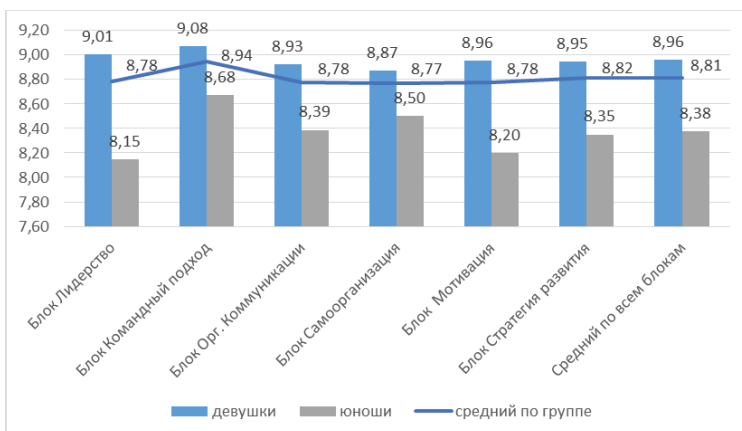

Рис.1. Диаграмма средних значений (10-балльная шкала) по блокам в группе А (студенты САФ)

Полученные результаты свидетельствуют об уровне готовности выше среднего студентов 3 курса САФ принимать ценности бирюзовой организации, наиболее высокие оценки получили такие ценностные аспекты как: наличие атмосферы значимости всех сотрудников (9,28), доверительных отношений между сотрудниками и руководителем (9,43), постоянная инициация обсуждений с сотрудниками важных вопросов, свободное высказывание различных мнений относительно проблем компании, проявление инициативы относительно важных стратегических задач (9,71). Студенты хотят работать в компаниях, где движущей силой их развития является лидерство и инициатива сотрудников (9,69), творческие предложения воспринимаются положительно и внедряются для совершенствования процессов, производимых продуктов, оказываемых услуг (9,1), руководители являются авторитетом для своих сотрудников (9,35), так как они доступны и открыты для взаимодействия с сотрудниками (9,35), ведется работа по улучшению коммуникативных навыков сотрудников, влияющих на работу всей организации (9,43), наличие эффективной обратной связи о выполненной работе (9,1).

По мнению студентов, у каждого сотрудника должно быть ощущение востребованности в выполнении работы, наполненной смыслом и значением, с элементом общественной полезности (9,65), ими ценится постоянное развитие как самой организации, так и ее сотрудников (9,28). У компании должна быть заинтересованность в саморазвитии сотрудников в разных направлениях: профессиональном, личностном, финансовом и т. д. (9,6), сотрудники готовы поддерживать друг друга: проводя внутреннее обучение или помогая адаптироваться новичкам (9,32). В организации, о которой мечтают студенты, у сотрудников есть возможность посещать различные курсы, вебинары, лекции (9,31). Все это должно способствовать тому, чтобы, приходя на работу, каждый испытывал чувство восторга, радости, удовлетворения (9,26).

Хотя безусловно есть вопросы, которые пока трудно укладываются в головах студентов: самый низкий балл получил вопрос о том, что заработная плата, набор льгот и надбавок не являются определяющими (7,83). Скорей всего это можно объяснить тем, что, не имея экономической независимости на сегодняшний момент студенты хотят получить работу очень хорошо оплачиваемую, чтобы удовлетворить все свои желания. С этим же связано и их не до конца четкое понимание, что цель бизнеса – быть полезным чем-либо обществу, а не просто зарабатывать деньги (8,15). Другой пул вопросов, получивших более низкие баллы, касаются понимания того, что каждый человек может само-

стоятельно принимать решения по значимым вопросам и нести за это ответственность (8,25), может стать лидером в реализации какого-либо проекта (8,75) и это создает возможность для команд, работающих самостоятельно, практически без руководства (8,33).

Аналогичный анализ был проведен и по группе В (рис. 2). И здесь мы также видим, что наиболее высокий средний балл по этой группе получили ценности блока «Командный подход» женщины оценили чуть выше (9,08), чем мужчины (8,49), однако и для тех, и для других это самые высокие баллы. Что свидетельствует о том, что поколение Y уже в своей профессиональной деятельности сталкивается с работой в формате проектов, где командный подход как правило приносит более ощутимый эффект. При этом у мужчин такой же средний балл и по блоку «Организационные коммуникации и конфликты» (8,49), тогда как для женщин на втором месте по значимости оказались ценности блока «Лидерство» (8,98). Следует заметить совпадение приоритетов и у девушек поколения Z и у женщин, представительниц поколения Y: на первом месте оценки по блоку «Командный подход» (и у группы А и группы В – 9,08), на втором по блоку «Лидерство» (9,01 – гр. А, 8,98 – гр. В).

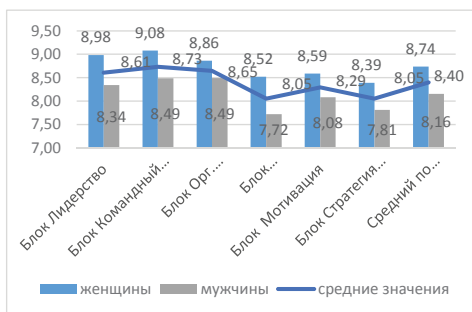

Рис. 2. Диаграммы средних значений (10-бальная шкала) по блокам в группе В (слушатели ФБМ)

Наиболее низкий средний балл в целом по группе В (8,05) получили ценности блоков «Стратегия развития» и «Самоорганизация и дизайн работ». Особенно низкий балл поставили представители мужского пола (7,72 и 7,81), хотя и женщины также поставили по блоку «Стратегия развития» самые низкие оценки (8,39). На наш взгляд это свидетельствует, прежде всего о том, что большая часть респондентов этой группы, работники крупных производственных компаний, где с одной стороны велика вертикаль власти и на уровне линейного менеджмента в лучшем случае имеет место информирование о стратегии развития, а разрабатываются эти стратегии на уровне головных управлений (топ-менеджмента) без какого-либо обсуждения на нижних уровнях компании. А сложные технологические процессы (химической промышленности, авиастроительства, нефтегазовой и энергетической отраслей) во многом предопределяют через регламенты и стандарты дизайн работ и не требуют от рядовых сотрудников самоорганизации. Таким образом, можно говорить о том, что у этой группы респондентов сформировался достаточно жесткий стереотип, из-за которого им уже сложно, посмотреть на эти аспекты под другим углом зрения и увидеть ценность бирюзового подхода по этим вопросам.

Таким образом, проанализировав массив данных, можно утверждать, что сотрудники (преимущественно линейные руководители) крупных компаний города и области в целом принимают ценности «бирюзовых» подходов организации, например, практически все респонденты уверены, что в организации должна быть создана атмосфера значимости каждого сотрудника (ср. балл 8,6), что приходя на работу, люди должны испытывать чувства радости, удовлетворения (9,2), а разрешение конфликтных ситуаций способствует появлению новых идей и решений по преодолению проблем компании (8,3), каждый сотрудник может выражать симпатию к другим, выстраивать хорошие социальные взаимоотношения, что позволяет чувствовать собственную значимость, причастность (8,7). И в этом как видим поколения Z и Y явно солидарны в своих ожиданиях.

Слушателям программ повышения квалификации на курсах ФБМ БМБШ после проведения занятий по теме «Современные тренды управления» было предложено ответить на вопросы все того же опросника «Компания моей мечты», не только как должна быть организована «компания, в которой я бы хотел работать», но и как организована «система управления в компании, в которой я работаю».

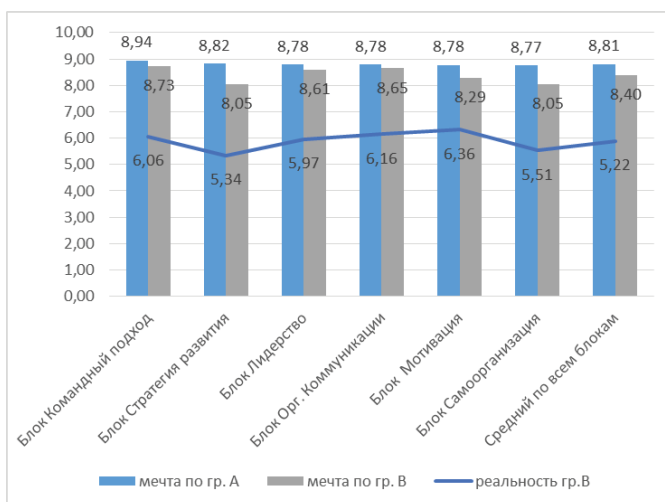

Рис. 3. Соотношение оценок «Компания мечты» по блокам в группах А и В и «Реальность компании» в группе В

Сравнивая значения оценок «компания моей мечты» и «компания моей реальности» совершенно очевидно, что реальность увы далека от мечты (рис. 3). Если средние значения по группам А и В с позиции «компания мечты» соответствуют уровню выше среднего готовности респондентов к внедрению «бирюзовых» подходов, то средние значения оценок данных респондентами при оценке реального положения дел в их компаниях соответствуют только среднему уровню. Это лишь подтверждает наше мнение, что современное состояние организационной культуры в управлении бизнесом находится на уровне далеком от гуманистического, природосообразного человеческой психики и способствующего развитию бизнеса через развитие личности человека. «Многие исследования показывают: одной из главных причин того, почему человеку надоедает его работа, становится не большая нагрузка, а осознание того, что, выполняя ее в течение долгого времени, он не развивается как личность и профессионал» [1]. Для более полного представления о наиболее проблемных аспектах в управлении компаниями, участвовавших в исследовании мы проанализировали средние значения оценок по отдельным вопросам всех шести блоков (табл. 1).

Средние оценки группы «В» по всем вопросам блоков опросника вариант «Компания моей реальности»

Номера вопросов	Блок					
	Лидерство	Командный подход	Орг. коммуникации	Самоорганизация	Мотивация	Стратегия развития
1	6,17	7,08	5,17	7,83	4,17	4,92
2	6,42	4,58	6,07	6,67	5,25	6,83
3	6,33	4,82	5,17	5,97	5,17	5,87
4	5,25	6,17	6,53	4,56	7,67	5,83
5	7,67	6,25	7,32	4,43	5,75	5,67
6	5,83	5,92	6,17	7,65	7,03	6,75
7	4,08	7,25	6,52	6,83	8,03	3,65
8	4,65	5,17	6,23	2,58	6,75	2,25
9	7,17	6,67	6,08	3,97	7,25	5,92
10	6,08	6,67	6,30	4,65	6,50	4,47

Следует отметить, что существует пул вопросов, которые респондентами группы В были оценены низкими баллами, что свидетельствует об отсутствии понимания в компаниях этих аспектов. По блоку «Лидерство»: это отсутствие атмосферы значимости каждого сотрудника (4,08), а лидерство и инициатива сотрудников в компаниях не используется как движущая сила развития (4,65). По блоку «Командный подход»: «коллектив состоит из настоящих сплоченных команд, конструктивно взаимодействующих друг с другом» оценивается лишь на уровне ниже среднего (4,58) и соответственно нет в полной мере ощущения, что команда в целом, а также каждый член команды внутренне чувствуют свою ответственность за результаты труда (4,82).

По блоку «Самоорганизация и дизайн работ» особенно плохо обстоят дела с пониманием того, что сотрудник, исходя из своих задач, может предлагать взаимовыгодный формат работы, может сочетать работу в офисе с удаленной (2,58) и как следствие крайне редко по мнению респондентов сотрудники вправе разрабатывать собственный план работы, предварительно обговорив его с руководителем (3,97). Чуть лучше, но все также слабо разговаривая с руководителем, подбираются рабочие задания, задачи, которые соответствуют интересам и личным планам развития сотрудника (4,56), есть команды, которые работают самостоятельно, в которых роль руководства практически отсутствует (4,43). В системах мотивации пока трудно себе представить, что заработная плата, набор льгот и надбавок не являются определяющими (4,17), это может быть связано с тем, что в компаниях неэффективно работают другие инструменты системы мотивации сотрудников, влияющие на внутреннюю мотивацию.

По блоку «Стратегия развития» мы видим самый низкий средний балл (5,34), который свидетельствует о том, что вопросы развития, инвестирования в различные проекты, распределения финансовых ресурсов не обсуждаются с сотрудниками всех уровней (2,25) и основным аргументом является размер компании и ее численность, однако это возможно и крупных компаниях, только инструменты этой работы будут отличаться от работы в малой компании. Информация о финансовом положении компании недоступна для всех желающих ее получить сотрудников (3,65), чаще всего по этому вопросу ссылаются на коммерческую тайну. И как следствие такой закрытости информации от своих же сотрудников руководство не считает важным и необходимым постоянно инициировать обсуждение с сотрудниками важных вопросов, свободное высказывание различных мнений относительно проблем компании, проявление инициативы относительно важных стратегических задач (4,47).

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы. Студенты САФ – поколение Z и слушатели ФБМ – поколение Yв целом разделяют идеи и ценности бирую-

зовых организаций, так как оценка ими всех вопросов шести блоков дана высокая, разброс оценок незначителен, очень низкие оценки (4 и ниже) единичны по отдельным вопросам, преобладают же оценки от 7 до 10. Как позитивный можно отметить факт высокого уровня готовности проявлять лидерские качества и работать в команде, это соответствует идеям бирюзовых компаний и подтверждает правильность выбранного в бизнес-школе курса на развитие данных навыков через групповые проекты по различным дисциплинам, участие студентов во внеучебных проектах, где формируются группы из ребят разных курсов, максимальная поддержка руководством и преподавательским составом факультета различных инициатив студентов, где они отрабатывают свои лидерские качества. Это позволит студентам быть востребованными в компаниях, где эти ценности также являются приоритетными. А как показало наше исследование такие компании есть в Иркутске и Иркутской области.

Подводя итог первому этапу нашего исследования, мы можем утверждать, что те ценности организационной культуры, которые положены в основу современных «бирюзовых» трендов природосообразны человеческой психике, поэтому воспринимаются как весьма приемлемые на уровне их вербальной формулировки. Однако на практике, в ежедневной трудовой реальности мы не обнаруживаем тотального проявления у сотрудников поведения, которое бы соответствовало этим идеям, а это в свою очередь свидетельствует и о том, что в компаниях отсутствует понимание на управленческом уровне необходимости внесения «бирюзовых» изменений в организационное проектирование.

Те аспекты, которые получили чуть меньшие баллы, такие как приоритет материальных ценностей и наличие руководства взамен самостоятельности, требуют не только от студентов, но и от сотрудников и руководителей разного уровня работы над личностной зрелостью и прежде всего, именно самопонимания и саморазвития, пересмотра некоторых ценностных приоритетов, это очень персональная работа. Со стороны профессорско-преподавательского состава факультета можно рекомендовать создавать персональные ситуации «выхода из зоны комфорта» для студентов, проявляя при этом высокий уровень уважения к их личности и готовность оказывать фасилитационную поддержку. В компаниях же, задумывающихся о «бирюзовых» подходах к организации деятельности, уже сегодня появляется потребность в таких специалистах как коучи, работа которых как раз и направлена на развитие самосознания взрослых, на работу с ценностным уровнем.

Литература

1. Киган Р., Лейхи Л. Культура для каждого. Как стать организацией осознанного развития / пер. с англ. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. 320 с.
2. Лалу Ф. Открывая организации будущего / пер. с англ. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 528 с.
3. Сапранкова Т. А. Развитие навыков критического мышления, организации творческой командной работы // Современные технологии управления персоналом: от проблем к решению : сб. ст. участников II Междунар. науч.-практ. конф. 23–24 апр. 2020 г. / под ред. И. В. Резанович. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2020. 125 с.
4. Теория поколений. URL: <https://www.e-executive.ru/wiki/index.php> (дата обращения: 15.04.2021).
5. Фуколова Ю. Иду на X. Как компания «Вымпелком» приручила «игреков». URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2483998> (дата обращения: 18.01.2018).
6. Цукер А. О конфликте поколений. URL: <https://probusiness.io/ideas/3906-eto-u-nas-cennostey-net-ya-dumal-eto-u-nikh-cennostey-net-arkadiy-cuker-o-konflikte-pokoleniy> (дата обращения: 31.01.2018).
7. Чем отличаются поколения Y и Z – и о чем брендам с ними разговаривать. URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/consumer-insights/consumer-trends/z-y> (дата обращения: 15.04.2021).

БОЛЬНИЦЕ АКАДЕМГОРОДКА – 55 ЛЕТ!

Приведена информация о Больнице ИНЦ СО РАН, которая в 2021 г. отмечает свое 55-летие, анализируется историческое развитие Больницы, ее особенности, кадровый состав, перспективы и возможности оказания медицинской помощи жителям Академгородка.

Ключевые слова: Академгородок, медицинская помощь, реабилитация.

N. G. Smirnova, Yu. K. Usoltsev
FGBUZ Hospital of the IRC SB RAS, Irkutsk

HOSPITAL AKADEMGORODOK IS 55 YEARS OLD!

The article provides information about the Hospital of INC SB RAS, which in 2021 celebrates its 55th anniversary, analyzes the historical development of the Hospital, its features, its specialists, prospects and opportunities for providing medical care to residents of Akademgorodok.

Keywords: Academgorodok, medical care, rehabilitation.

30 декабря 2021 г. исполняется 55 лет со дня принятия решения Президиумом СО АН СССР об организации ведомственного лечебного учреждения – Амбулатории при Восточно-Сибирском филиале СО АН СССР, которая в 1968 г. преобразована в Больницу. Хотя история Больницы исчисляется с 1964 г., когда был открыт педиатрический прием для пациентов, родители которых трудились в системе академических институтов Восточно-Сибирского филиала АН СССР. С 1965 г. прием становится консультативный с участием педиатра, окулиста, отоларинголога, оказывается физиотерапевтическая помощь и проводится клинико-лабораторная диагностика. С 1966 г. организуется амбулаторный прием для взрослого населения, когда и была официально образована «академическая амбулатория». 14 февраля 1968 г. по Распоряжению председателя Сибирского отделения АН СССР академика М. А. Лаврентьева организована Больница СО АН СССР, которая имела в своем составе стационар (неврологическое, кардиологическое, хирургическое, терапевтическое и гинекологическое отделения) и поликлинику. С 1979 г. стационар располагал уже неврологическими, кардиологическими, хирургическими, терапевтическими и гинекологическими, педиатрическими койками и был рассчитан на 165 больных. В 1988 г. Больница Восточно-Сибирского филиала СО АН СССР была переименована в Больницу Иркутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Первым главным врачом Больницы (тогда Амбулатории) была назначена в 1967 г. Суворова Тамара Елисеевна, с 1969 по 2010 г. Больницу возглавлял О. С. Вашкевич. Олег Степанович фактически создал единый больничный комплекс, объединив территориально стационар и поликлинику. Поликлиника размещена в типовом здании, отвечающим всем требованиям санитарного законодательства, расширена до 600 посещений в сутки, открыты отделения эндоскопии, УЗИ, физиотерапии, стационар преобразован и рассчитан на 180 коек с формированием отделений: кардиологии и палатой интенсивной терапии, терапии, гинекологии, неврологии. Больница оснащается необходимым диагностическим и лечебным оборудованием. Успешно проходит первую и последующие процедуры лицензирования и аккредитации, активно внедряется с системой ОМС. С 2010 года по настоящее время главный врач Больницы ИНЦ СО РАН – Заслуженный врач РФ, к.м.н., врач-хирург Ю. К. Усольцев. Больница активно сотрудничает с кафедрами ИГМУ, ИГМАПО, на базе Больницы начинает работать ОМБИТ. Больница известна в городе Иркутске и за его пределами, значительно увеличился за последние годы поток пациентов из других городов и населенных пунктов Иркутской области, Республики Бурятия и др.

В течение своей 55-летней истории Больница оказывала медицинскую помощь работникам академических институтов, пенсионерам, членам их семей и детскому населению.

нию, жителям Академгородка, иркутянам и жителям Иркутской области. Ориентировочно, за свои 55 лет Больница пролечила около 300 тыс. пациентов в стационаре и оказала медицинскую помощь 1,5 млн пациентам в поликлинике.

В настоящее время Больница ИНЦ СО РАН – это многопрофильное специализированное учреждение здравоохранения, входящее в систему Министерства науки и высшего образования России, в котором оказывается плановая и экстренная медицинская помощь работникам ИНЦ СО РАН, членам их семей и прикрепленному населению, проживающему в Академгородке г. Иркутска, а также жителям Иркутска, Иркутской области и иных субъектов Российской Федерации. Больница расположена в центре Академгородка г. Иркутска по адресу: Иркутск, ул. Лермонтова 283 «Б» (поликлиника) и Лермонтова 283 «В» (стационар).

Больница ИНЦ СО РАН длительное время является базой Иркутской академии последипломного образования – кафедра неврологии и нейрохирургии, базой Иркутского государственного медицинского университета – госпитальной терапии, физиотерапии, а также клинической базой Иркутского базового медицинского колледжа и железнодорожного медицинского колледжа, всего на базе отделений Больницы работает 4 кафедры. С 2011 г. на базе Больницы ИНЦ СО РАН функционирует отдел медико-биологический исследований и технологий ИНЦ СО РАН, а с 2016 г. в Больнице совместно с ОМБИТом выполняются научные исследования. Профессорско-преподавательский состав кафедр ИГМАПО и ИГМУ принимает активное участие в работе клинических отделений. При их участии проводятся консилиумы, консультации сложных и тяжелых больных. Профессора и доценты кафедр участвуют в экспертной работе. На базе клинических отделений проходят подготовку интерны и клинические ординаторы кафедр института и академии. Проводятся научно-практические конференции, Больничные советы. Также совместно с сотрудниками кафедр ИГМАПО и ИГМУ врачи отделений участвуют в научной работе, в издании методических руководств, написании научных статей, диссертационных работ. В 2021 г. Больница обратилась в Министерство науки и высшего образования с ходатайством о присвоении ей звания «клинической».

В настоящее время к Больнице прикреплено на медицинское обслуживание 24,5 тыс. пациентов, в том числе 3166 сотрудников ИНЦ СО РАН, 9607 членов семей и пенсионеров ИНЦ СО РАН и территориальное население. Из 3166 сотрудников ИНЦ СО РАН работники институтов – 2609, академики РАН – 6, члены-корреспонденты РАН – 7, доктора наук – 236, кандидаты наук – 706, младшие научные сотрудники – 159, аспиранты – 214, Президиум ИНЦ СО РАН – 126. В поликлинике ведется прием по 39 специальностям, наиболее востребованными из которых являются кардиология, неврология, ультразвуковая диагностика, педиатрия, эндоскопия, акушерство и гинекология. В стационарных отделениях ежегодно пролечивается около 5 тыс. пациентов. Больница активно взаимодействует с со структурными подразделениями ИНЦ СО РАН: институтом хирургии и институтом травматологии ИЦ РВХ, институтом проф.патологии, институтом репродукции человека, ОМБИТ; и ведущими клиниками г. Иркутска: областной клинической больницей, онкодиспансером, областной инфекционной клинической больницей, городской клинической больницей № 1, областной и городской детскими клиническими больницами.

Гордость Больницы – это ее кадры: врачи, медицинские сестры, лаборанты, рентген-лаборанты, санитарки, нянечки, экономисты, бухгалтера, кухонные работники. В нашем лечебном учреждении трудятся 345 сотрудников, 82 врача, в том числе 9 кандидатов медицинских наук, два врача – заслуженные врачи Российской Федерации и 147 средних медицинских работников.

Больница укомплектована современным оборудованием: ультразвуковыми и функциональными аппаратами, эндоскопическими приборам, клинико-диагностическими анализаторами, рентген оборудованием. Значительную часть своей деятельности Боль-

ница Академгородка посвящает реабилитации больных в отделении физиотерапии. В отделении физиотерапии используются и применяются следующие современные физиотерапевтические методики: водные процедуры, электросветолечение, лазеротерапия и СУВ, высокочастотные процедуры, иглорефлексотерапия, ингаляций, магнитотерапия. Таким образом, отделение располагает практически полным спектром физиопроцедур, которые используют в своей повседневной практике врачи-неврологи, врачи-терапевты, врачи-кардиологи, врачи-гинекологи и врачи других специальностей. Безусловной изюминкой отделения является бальнеолечебница: Душ Шарко, Душ циркулярный, Восходящий душ, Веерный душ, Ванны: гидромассажная и жемчужные ванны, Подводно-душевой массаж. Отделение оснащено физиотерапевтическим оборудованием, необходимым при реабилитации пациентов, страдающих патологией позвоночника: тракционная кушетка, массажная кушетка, прессотерапия, кедровая бочка, кафедра водолечения, ванна для подводно-душевого массажа, жемчужная ванна с компрессором и решеткой, аппараты комбинированного воздействия: прессотерапия, амплипульс. Неотъемлемой частью физиотерапии является массаж: классический, сегментарный, точечный, плантарный, баночный, лимфодренажный; а также лечебная физкультура. В отделении разработаны и применяются методики реабилитации: здоровая спина, жизнь без гипертонии, здоровые ноги, антицеллюлитная, антистресс, «сорок+», реабилитация больных после перенесенных операций на позвоночнике и крупных суставах.

В заключение отметим, что в течение 55 лет своего существования ФГБУЗ Больница ИИЦ СО РАН является важной составляющей Академгородка, его визитной карточкой и гордостью – ведь в Больнице оказывается высококвалифицированная медицинская помощь всем жителям Академгородка, иркутянам и жителям Иркутской области!

УДК 616.9/

Е. Ю. Башкуева

Бурятский научный центр СО РАН, г. Улан-Удэ

ПАНДЕМИЯ COVID-19 В ГОРОДЕ УЛАН-УДЭ: АНАЛИЗ РАБОТЫ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

На основании данных экспертного опроса рассматриваются проблемы работы системы здравоохранения г. Улан-Удэ в условиях пандемии. Отмечена оперативная работа по разворачиванию коечного фонда. Выявлена нехватка лекарственных препаратов и кислорода в период первой и второй волны пандемии. Установлено, что благодаря мобилизации всех медицинских работников республики, решена проблема кадрового дефицита. Отмечены трудности с проведением вакцинации населения Улан-Удэ.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, коронавирусная инфекция, здравоохранение, Улан-Удэ.

E. Yu. Bashkueva

Buryat Scientific Center SB RAS, Ulan-Ude

COVID-19 PANDEMIC IN ULAN-UDE: ANALYSIS OF THE HEALTH CARE SYSTEM

The article examines the problems of the health care system of the city of Ulan-Ude in the context of a pandemic on the basis of an expert survey. Operational work on the deployment of the bed fund was noted. A shortage of drugs and oxygen was identified during the first and second waves of the pandemic. It has been established that thanks to the mobilization of all medical workers of the republic, the problem of personnel shortage has been resolved. Difficulties with the vaccination of the population of Ulan-Ude were noted.

Keywords: pandemic, COVID-19, coronavirus infection, healthcare, Ulan-Ude.

Пандемия COVID -19 стала самым серьезным испытанием для всего человечества. Из-за высокого уровня глобализации болезнь распространялась быстро, и уже 11 марта 2020 г. ВОЗ объявила вспышку заболевания пандемией, а 13 марта центром ее распространения стала Европа. В России первые случаи заболевания были выявлены 31 января

(двое больных были гражданами Китая, получили лечение в России и были выписаны здоровыми), параллельно было приостановлено сообщение с КНР, однако, 2 марта было выявлено заболевание в Москве у российского туриста, вернувшегося из Италии [4, с. 77].

В данной статье будет проведен анализ работы системы здравоохранения города Улан-Удэ – столицы Республики Бурятия, крупного культурного, научного, промышленного центра Восточной Сибири. В административном отношении с 2018 г. Республика Бурятия относится к Дальневосточному федеральному округу (ДФО), где является третьим по численности населения городом, уступая только Владивостоку и Хабаровску.

Материалы и методы. Исследование реализовано на базе министерства здравоохранения Республики Бурятия в I квартале 2021 г. Целью исследования является оценка качества организации работы системы здравоохранения города Улан-Удэ по борьбе с коронавирусной инфекцией. Экспертный опрос руководства и сотрудников министерства здравоохранения Республики Бурятия (N=10) на тему «Пандемия COVID-19: некоторые уроки для здравоохранения Республики Бурятия и города Улан-Удэ» содержал следующие смысловые блоки: 1. Заболеваемость населения новой коронавирусной инфекцией 2. Вопросы организации лабораторной диагностики. 3. Кочный фонд. 4. Лекарственное обеспечение. 5. Амбулаторная помощь. 6. Кадры. 7. Проблемы системы здравоохранения Республики Бурятия и города Улан-Удэ в условиях пандемии COVID-19.

Заболеваемость. По оперативной информации на 05 мая 2021 года всего в Бурятии зарегистрировано 37 301 человек больных новой коронавирусной инфекцией, 80 % которых – жители города Улан-Удэ. Из числа заболевших 51 % обратились за медицинской помощью при появлении признаков ОРВИ, остальные – контактные лица. Заболеваемость новой коронавирусной инфекцией на 100 тыс. населения в Республике Бурятия (974,7) ниже уровня Российской Федерации (986,3) и ДФО (998,9). Всего умерло от COVID-19, с тяжелой сопутствующей патологией – 857, в том числе в городе Улан-Удэ – 750 человек. Из общего количества умерших от коронавирусной инфекции 78 % (67 чел.) – лица в возрасте старше 65 лет. Все умершие имели тяжелые сопутствующие заболевания. Показатель летальности составил 1,2 % (по Российской Федерации -1,72 %).

Лабораторная диагностика. Эксперты отметили, что в республике организована работа 7 ПЦР-лабораторий, в том числе 1 лаборатория центра гигиены и эпидемиологии, 5 лабораторий в государственных медицинских организациях, и 1 – в частной медицинской организации. Из них 4 лаборатории расположены в городе Улан-Удэ. 13,5 млн руб. из средств дальневосточной субсидии направлены на приобретение лабораторного оборудования для ПЦР-диагностики. При мощности лабораторий 3300 исследований в сутки, ежедневно обследуется 4200–4300 человек. За весь период проведено более 437 тыс. исследований. Охват тестированием населения составляет 360,8 на 100 тыс. чел., при рекомендуемом федеральном нормативе – не менее 70 на 100 тыс. населения. Для дальнейшей бесперебойной работы лабораторий планируется выделить из республиканского бюджета 24 млн 749 тыс. руб.

В целях мониторинга результатов тестирования, информации о контактных лицах решением республиканского оперативного штаба организовано размещение сведений в информационной системе «Безопасный город», что позволило оперативно обмениваться информацией с МВД, Министерством туризма, Управлением Роспотребнадзора.

Кочный фонд. Эксперты отметили, что для оказания помощи больным COVID-19 Министерством здравоохранения Республики Бурятия в короткие сроки проведена большая работа по организации кочного фонда согласно минимальным требованиям, установленным приказом Минздрава России № 198н.

На оснащение перепрофилируемого кочного фонда медицинских организаций из федерального бюджета направлено 402,4 млн руб., что позволило обеспечить приобретение медицинского оборудования (аппараты искусственной вентиляции легких, рентгеноаппарат, шприцевые насосы, бронхоскопы, функциональные кровати, мониторы пациентов, обеззараживающие устройства), и организовать кислородоснабжение стационарах.

В настоящее время в республике функционирует 2187 коек, 80 % которых находится в г. Улан-Удэ. Под ковидные стационары перепрофилированы крупные медицинские учреждения, в том числе больница скорой медицинской помощи, стационар детской республиканской клинической больницы по ул. Модогоева, стационар Центра восточной медицины на Верхней Березовке, центр реабилитации «Светлый». Развертывание дополнительных коек происходило в сжатые сроки. Так, по состоянию на 1 сентября было развернуто 833 койки, на 1 октября – 925 коек, на 1 мая – 2187 койки.

Для оснащения перепрофилированных коек **кислородом** (кислородными концентраторами, газификаторами) направлено 18 млн 460 тыс. руб. из республиканского бюджета.

С началом регистрации заболеваемости новой коронавирусной инфекцией, приняты оперативные меры по разворачиванию обсерваторов на территории республики. В г. Улан-Удэ открыто 3 обсерватора, в том числе в реабилитационном комплексе «Здоровье», в центре восточной медицины на Верхней Березовке, в отделении госпиталя ветеранов войн по ул. Пирогова. В настоящее время в связи со спадом пандемии работает 1 обсерватор.

Лекарственное обеспечение. По данным экспертов министерства здравоохранения Республики Бурятия, всего на лекарственное обеспечение пациентов, больных COVID-19, из средств республиканского бюджета направлено 59,2 млн руб. в том числе для лечения пациентов в амбулаторных условиях, формирование запаса лекарственных препаратов для стационаров. 11 млн руб. направлено для медикаментозной профилактики COVID-19 медицинских работников и лекарственное обеспечение взрослых пациентов с пневмонией в амбулаторных условиях. С целью создания неснижаемого запаса лекарственных препаратов для ковидных стационаров принято решение о финансировании из средств республиканского бюджета.

Амбулаторная помощь. Эксперты отметили, что оказание первичной медико-санитарной помощи в поликлиниках организована на дому, в том числе диспансерное наблюдение хронических больных. На дому осмотрено около 22 120 диспансерных больных. Поликлиниками города Улан-Удэ проведено дистанционное консультирование 10 668 пациентов. Используются новые технологии связи – мессенджеры Viber, Whatsapp, Telegram.

Для оказания медицинской помощи на дому больным ковид проведена мобилизация транспорта Правительства Республики Бурятия, министерств, Администрации г. Улан-Удэ. Так, в столице Бурятии за счет средств республиканского бюджета привлечена служба такси в количестве 32 автомашин. Планируется ее расширение.

Кадры. По мнению экспертов, наиболее сложным аспектом ситуации по борьбе с пандемией в регионе является дефицит медицинских кадров, который представляет серьезную проблему регионального здравоохранения [1]. Для оказания медицинской помощи больным новой коронавирусной инфекции произведена мобилизация всех медицинских работников республики, включая работников частных медицинских организаций, студентов медицинского института БГУ и медицинских колледжей. С начала пандемии задействовано 8982 медицинских работника. Проведено обучение медицинских работников по вопросам оказания медицинской помощи ковидным больным.

К проблемным здравоохранения города Улан-Удэ эксперты относят следующие:

1. В городе Улан-Удэ отмечается рост потребности в кислороде практически в 2 раза, в сутки для пациентов необходимо около 5 тонн медицинского кислорода, завозимого с территорий других регионов. В городе имеется предприятие Улан-Удэ стальмост, с возможностями производства медицинского кислорода, требуется ускорение процедуры лицензирования фармацевтического производства и регистрации лекарственного препарата «кислород медицинский».

2. В связи с увеличением расходов в условиях пандемии в медицинских организациях сохраняется высокий уровень кредиторской задолженности. В целях обеспечения

расходов медицинских организаций субъектов Российской Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ, в рамках территориальной программы ОМС руководство регионального министерства здравоохранения предложило внести изменения в Методику распределения субвенций из бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования бюджетам территориальных фондов ОМС. Данное изменение позволит увеличить финансовое обеспечение системы здравоохранения в регионах, входящих в Дальневосточный федеральный округ. Для Республики Бурятия изменение Методики позволит увеличить объем субвенции примерно на 400 млн руб. в год.

3. В настоящее время имеется дефицит лекарственных препаратов «Умифеновир», «Азитромицин», «Метилпреднизолон», «Тоцилизумаб» для лечения коронавирусной инфекции. В адрес производителей лекарственных препаратов направлены письма о первоочередной поставке препаратов.

4. Имеются проблемы с вакцинацией населения г. Улан-Удэ: в апреле месяце отмечался дефицит вакцин, в настоящее время он устранен, но население неохотно продолжает вакцинироваться. С целью максимального охвата вакцинацией жителей Улан-Удэ и Бурятии в целом министерством здравоохранения и подведомственными организациями ведется широкая информационная кампания.

Таким образом, пандемия COVID-19 стала испытанием как для федеральной, так и региональной и городской систем здравоохранения. Однако система здравоохранения города Улан-Удэ смогла мобилизоваться и приложить все усилия, чтобы ситуация с распространением новой коронавирусной инфекции была под контролем. Уроками новой пандемии для системы здравоохранения г. Улан-Удэ стали многие острые вопросы – необходимость скорейшей мобилизации медицинских кадров, разворачивания новых коек, деятельность амбулаторно-поликлинических служб в условиях повышенной нагрузки.

Вместе с тем эксперты отметили очевидные плюсы пандемии COVID-19 для здравоохранения и здоровья граждан – развитие новых информационных и цифровых систем в здравоохранении, рост самосохранительной культуры населения.

Литература

1. Башкуева Е. Ю. Государственная политика в области кадрового обеспечения системы здравоохранения Республики Бурятия // Вестник БГУ. Серия: Экономика и право. 2015. № 2а. С. 176–180.
2. Башкуева Е. Ю. Проблемы системы здравоохранения Республики Бурятия в условиях депрессивного развития региональной экономики // Московский экономический журнал. 2019. № 12. С. 27.
3. Лудупова Е. Ю. Научно-организационные принципы построения территориальной системы качества медицинской деятельности : дис. ... д-ра мед. наук. 14.02.03. М., 2019. 295 с.
4. Тимербулатов В. М., Тимербулатов М. В. Здравоохранение во время и после пандемии COVID-19 // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2020. Т. 35, № 2 (98). С. 77–86.

УДК 316.334.56(571.1)/5

Н. Г. Смирнова, Ж. И. Капустенская, А. А. Зайка
Больница ИНЦ СО РАН, Иркутская государственная медицинская академия последипломного образования, г. Иркутск

МЕДИЦИНСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ПАЦИЕНТОВ В БОЛЬНИЦЕ ИНЦ СО РАН

Рассматривается значимость комплексной реабилитации пациентов, перенесших высокотехнологические хирургические вмешательства по поводу заболеваний костно-суставной и нервной систем, проводимой в отделении медицинской реабилитации Больницы ИНЦ СО РАН и необходимость создания аналогичных отделений в других лечебных учреждениях г. Иркутска.

Ключевые слова: медицинская реабилитация, эндопротезирование, высокотехнологичные вмешательства, прогноз.

MEDICAL REHABILITATION OF PATIENTS AT THE INC SB RAS HOSPITAL

The article discusses the importance of comprehensive rehabilitation of patients who have undergone high-tech surgical interventions for diseases of the bone and joint and nervous systems, carried out in the department of medical rehabilitation of the Hospital of the INC SB RAS and the need to create similar departments in other medical institutions in Irkutsk.

Keywords: medical rehabilitation, endoprosthesis, high-tech interventions, prognosis.

В настоящее время в Иркутской области очень остро определилась проблема организации реабилитации пациентов после перенесенных инфарктов, инсультов, травм, операций на костях, так как в течение 2020–2021 гг. в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции данные виды медицинской помощи не оказывались. Кроме того, в Иркутске единственное отделение для взрослых пациентов, где осуществляется медицинская реабилитация после высокотехнологичных операциях на суставах и позвоночнике – это отделение медицинской реабилитации ФГБУЗ Больница ИНЦ СО РАН, что явно недостаточно, и определяет данную процедуру как социально значимую. В ряде лечебных учреждений г. Иркутска пациентам-жителям Иркутской области с патологией костно-суставной и нервной системы выполняют высокотехнологичные операции: эндопротезирование крупных суставов (тазобедренные, коленные), операции на позвоночнике, длинных трубчатых костях, нервных стволах. В 2019 г. выполнено до 6,5 тыс. подобных операций, в 2020 г. – 6,4 тыс. операции. В послеоперационном периоде пациенты нуждаются в комплексной медицинской реабилитации, включающей в себя: высокобелковую диету, физиолечение, массаж, ЛФК, мануальную терапию, иглорефлексотерапию, курацию врачом-специалистом, врачом-терапевтом, врачом-кардиологом, контроль жизненных функций, нормализацию психологического статуса, борьбу с болью, определение динамики и прогноза восстановления двигательных и иных функций организма.

В течение трех лет в ФГБУЗ Больница ИНЦ СО РАН пролечено 539 пациентов, перенесших высокотехнологичные операции, из них 70 % – эндопротезирование крупных суставов, 5 % – эндопротезирование двух крупных суставов, 25 % – после стабилизирующих операций на шейном отделе позвоночника, грудном отделе позвоночника и поясничном отделе позвоночника.

Медицинская реабилитация включала в себя:

1) оценка потенциала реабилитации с учетом показателей витальных функций, локомоторной функции, неврологического и психологического статуса;

2) исследование показателей гемодинамики, физических параметров, показателей гемостаза, ЭКГ, при необходимости СМАД, Холтеровского мониторирования ЭКГ, спирометрии (по показаниям), рентгенологических исследований;

3) консультации врача-терапевта, врача-кардиолога, врача-невролога, врача-физиотерапевта, врача-ЛФК, врача-мануального терапевта, врача-рефлексотерапевта, медицинского психолога;

4) коллегиальная (командная) выработка программы реабилитации с учетом «индивидуальной шкалы реабилитации».

5) физиотерапевтическое воздействие: физиопроцедуры, массаж, ЛФК, иглорефлексотерапия.

В течение 12–14 дней пребывания больного в стационаре Больницы Академгородка при получении им комплексной реабилитационной терапии, отмечалось исчезновение болевого синдрома, активизация локомоторной функции, больные становились более активными, обучались ходьбе на костылях по горизонтальной поверхности и лестнице, адаптировались к самообслуживанию, у них определялась нормализация показателей крови, улучшение мышечного тонуса оперированной конечности, улучшение и оптимизация психологического статуса.

Таким образом, анализируя показатели медицинской реабилитации пациентов, перенесших высокотехнологичные операции на крупных суставах и позвоночнике, приходим к выводу о необходимости создания таких отделений в больницах города Иркутска, где бы медицинская реабилитация данному контингенту больных оказывалась в необходимые сроки и объемах, что позволило бы оптимизировать результаты оперативного лечения, уменьшить срок временной нетрудоспособности и выхода пациентов после ВМП на инвалидность, улучшить качество жизни, продлить профессиональную и общечеловеческую продолжительность жизни.

Литература

1. Проблемы индивидуального эндопротезирования и индивидуальной реабилитации в реконструктивной ортопедии / В. А. Неверов, В. В. Кирьянова, С. Х. Курбатов, О. Л. Белянин // Вестник Санкт-Петербургской медицинской академии постдипломного образования Росздрава. 2010. С. 30–34.
2. Динамика морфологических характеристик мышц бедра у больных после эндопротезирования тазобедренного сустава в различных условиях реабилитации / С. В. Колесников, О. К. Чегуров, Т. В. Дьячкова, Э. С. Колесникова, А. А. Скрипников // Гений ортопедии. 2017. Т. 23, № 1. С. 59–62.
3. Колесников С. В., Дьячкова Т. В., Камшилов Б. В., Колесникова Э. С. Оценка клинико-функционального статуса больных с имплантом тазобедренного сустава // Гений ортопедии. 2019. Т. 25, № 1. С. 32–37.
4. Кашеев А. А., Гушев А. О., Арестов С. О. Общие принципы лечения и реабилитации пациентов после операции по поводу дегенеративно-дистрофических поражений пояснично-крестцового отдела позвоночника // РМЖ. 2012. № 31. С. 1548.

УДК 352.9(571.53)

Т. А. Крюкова, К. В. Сологуб

Муниципальное казенное учреждение «Городская организация развития общественной деятельности» города Иркутска (МКУ «ГОРОД»), г. Иркутск

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ (ТОС) КАК ФОРМА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ИРКУТСКА

Анализируется деятельность территориальных общественных самоуправлений в г. Иркутске как одной из форм развития общественной активности жителей в решении важных проблем, возникающих в процессе проживания на конкретной территории.

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление, ТОС, общественная деятельность, местное самоуправление.

T. A. Kryukova, K. V. Sologub

Municipal government institution “City organization for the development of social activities” of the City of Irkutsk (MKU “GOROD”), Irkutsk

TERRITORIAL PUBLIC SELF-GOVERNMENT (TOS) AS A FORM OF PUBLIC ACTIVITY DEVELOPMENT AMONG IRKUTSK CITY RESIDENTS

In the article, the authors consider and analyze the activity of territorial public self-governments (TPSG) in the city of Irkutsk as one of the forms of development of public activity of residents, which allows solving vital problems arising in the process of living in a particular territory.

Keywords: territorial public self-government, TPSG, social activities, local self-government.

Развитие территориального общественного самоуправления (далее – ТОС) является одним из важных направлений в общественной жизни Иркутска. За последнее десятилетие ТОСы подтвердили статус эффективной формы самоорганизации населения по месту жительства.

На сегодняшний день ТОС – это действительно жизнеспособная, наиболее простая, близкая и понятная для населения форма решения местных проблем, затрагивающих и индивидуальные, и коллективные интересы граждан, форма гражданской активности в

системе местного самоуправления. Через инициативное, самостоятельное территориальное самоуправление люди имеют возможность под свою ответственность решать свои жизненно важные проблемы, возникающие в процессе проживания на конкретной территории. Практика показала, что интересы ТОСовцев переплетаются с деятельностью предприятий жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ), поэтому для органов местного самоуправления существование «заинтересованного лица» на конкретной территории становится хорошим подспорьем в решении данных вопросов. ТОСы выполняют необходимую для жителей работу по благоустройству и озеленению территорий, помогают ветеранам и нуждающимся в социальной поддержке, работают с детьми и подростками по месту жительства, во взаимодействии с правоохранительными органами и управляющими организациями решают разного рода вопросы, в том числе содействуют укреплению общественного порядка, проводят различные социально значимые и праздничные мероприятия, и многое другое, постоянно расширяя спектр своей деятельности.

История ТОСовского движения в Иркутске начинается с 2008 г. Пионером в создании ТОСов стал Ленинский округ. В 2008 г. там появились ТОС «Пulsь добрых сердец» и ТОС «Пulsь добрых сердец – 2». На следующий год инициативу поддержал Свердловский округ, зарегистрировав два ТОСа, а еще через год подключился Октябрьский округ, создав сразу четыре ТОСа. В 2012 г. в Правобережном округе появился первый ТОС (табл. 1).

Таблица 1

Становление территориального общественного самоуправления в Иркутске в 2008–2020 гг.

Годы регистрации	Правобережный округ	Свердловский округ	Ленинский округ	Октябрьский округ
2008	-	-	2	-
2009	-	2	-	-
2010	-	4	2	4
2011	-	1	-	2
2012	1	1	1	3
2013	1	1	4	2
2014	4	2	3	4
2015	3	-	7	-
2016	-	1	1	1
2017	1	-	1	1
2018	-	2	1	1
2019	-	-	5	1
2020	-	-	1	1
ИТОГО	10	14	28	20

Как видим, 2014 г. стал самым продуктивным по созданию ТОСов во всех округах Иркутска, больше всего их было создано в Ленинском округе – 14, начиная с 2013 и заканчивая 2015 г. Все это связано прежде всего с интенсивной застройкой Ленинского округа, появлением и заселением новых микрорайонов в Ново-Ленино, а также предвыборной кампанией главы города (2015 год). Тот факт, что в 2018 г. шесть ТОСов Ленинского округа прекратили свою деятельность, подтверждает мнение о том, что некоторые ТОСы действительно создаются под выборы для лоббирования интересов конкретных кандидатов и то, что во время предвыборной кампании кандидаты активно помогают ТОСам, а после ее завершения некоторые ТОСы остаются один на один со своими проблемами без какой-либо поддержки, что постепенно приводит к их закрытию.

Тем не менее, на сегодняшний день наибольшее количество ТОСов зарегистрировано в Ленинском округе – 22 ТОС, затем следует Октябрьский округ – 20 ТОС, Свердловский – 14 ТОС и Правобережный – 10 ТОС. По состоянию на январь 2021 г. в Иркут-

ске зарегистрировано 66 ТОС, в том числе 19 на территории частного сектора и 47 в многоквартирных домах, один из которых имеет статус юридического лица – ТОС «Рубин».

Таблица 2

Количество ТОС в Иркутске

ТОС в частном секторе	19	28 %
ТОС в многоквартирных домах	47	70 %
ТОС как юридическое лицо	1	2 %

Наибольшее количество ТОСов, зарегистрированных на территории частного сектора, находятся в Правобережном округе – 7 ТОС, Ленинском – 5 ТОС, Свердловском – 4 ТОС, Октябрьском – 3 ТОС. Такое распределение связано с тем, что в Правобережном и Ленинском округах больше всего территорий частного сектора, а также активностью людей пенсионного возраста, проживающих на этих территориях.

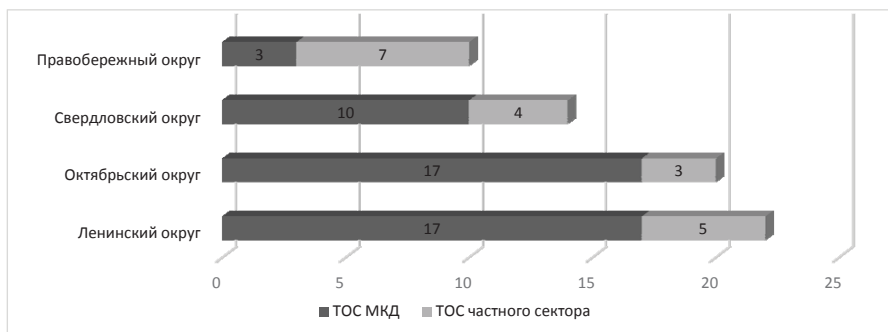

Рис. 1. Количество ТОС группы жилых домов

Для Иркутска характерно то, что ТОСы держатся на социально активных людях «серебряного» возраста, которые реально хотят изменить к лучшему территорию своего проживания.

Из 66 действующих ТОСов 10 возглавляют люди старше 70 лет и 20 человек – от 60 до 70 лет, что составляет 45 % опрошенных, от 50 до 60 лет – 15 человек (23 %) и от 40 до 50 лет – 11 человек (17 %), всего председателей ТОС среднего возраста 40 %, от 30 до 40 лет – 8 человек (12 %) и 2 человека до 30 лет (3 %). Как видим, 85 % руководителей ТОС – это, прежде всего, активные пенсионеры и люди зрелого возраста, а вот инициативная и деятельная молодежь составляет всего 15 %.

Таблица 3

Возрастная категория председателей ТОС

До 30 лет	2 чел.	3 %
От 30 до 40 лет	8 чел.	12 %
От 40 до 50 лет	11 чел.	17 %
От 50 до 60 лет	15 чел.	23 %
От 60 до 70 лет	20 чел.	30 %
От 70 и старше	10 чел.	15 %

В большинстве случаев это связано с тем, что жизнь современной молодежи характеризуется рядом проблем, в частности, трудоустройство, построение карьеры, воспитание детей, кредиты, ипотеки – все строится на зарабатывании денежных средств, а общественная нагрузка в активе общественной организации данные вопросы решить не помогает. Тем не менее, хочется отметить, что молодые семьи вместе с детьми активно при-

нимают участие в мероприятиях, организованных ТОСами. А вот представители «серебряного» возраста зачастую лишены таких проблем и могут позволить себе заниматься тем, чем хочется, что вызывает у них положительные эмоции, позволяет реализовать свои творческие и организационные способности. Кроме того, общественная деятельность для пенсионеров решает проблему дефицита общения и расширяет круг социальных контактов, дает возможность почувствовать себя нужными и придает жизни новый смысл и значение. Именно поэтому при ТОСах организуются различные кружки и клубы: скандинавской ходьбы, оздоровительной гимнастики, рукоделия, хорового пения, садоводов любителей.

В настоящее время доля иркутян, участвующих в осуществлении деятельности ТОС, составляет 20,2 % (126 038 человек). Тем не менее, как отмечают председатели, актив составляет всего 2 %-3 % от общего числа членов ТОС, и, опять же, это люди пенсионного возраста.

Как уже говорилось выше, в Иркутске только один ТОС в 2011 г. был зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации как юридическое лицо – ТОС «Рубин», который продолжает свою деятельность. По данным, полученным в ходе мониторинга деятельности ТОСов в феврале 2021 г., только один ТОС готов пройти регистрацию и получить статус некоммерческой организации, еще один думает об этом, но прежде хочет наработать опыт и авторитет. Все остальные руководители ТОСов отказались отвечать на этот вопрос либо просто ответили, что «не хотят», некоторые конкретизировали свой отказ от регистрации нежеланием нести дополнительные расходы и заниматься проблемами, связанными с отчетностью и документацией.

Все это говорит о том, что люди готовы заниматься общественно полезным трудом, участвовать в самоуправлении, но не более. Заниматься общественной деятельностью с ведением документооборота, как того требует российское законодательство, как видим, желающих нет, тем более что острой необходимости в регистрации ТОСа в качестве юридического лица для получения финансовой, материальной, консультационной поддержки ТОСовцы не испытывают. Администрации города и округов, МКУ «ГОРОД» и правительство региона сотрудничают с ТОСами и оказывают им всевозможную поддержку, а также проводят конкурсы, где достаточно быть зарегистрированными в органах местного самоуправления.

Таблица 4

Причины нежелания регистрировать ТОС в качестве некоммерческой организации

Не хотят	19	29 %
Проблемы с ведением отчетов, документации	19	29 %
Отказались отвечать	15	23 %
Не хотят нести дополнительные расходы	11	17 %
Нарабатывают опыт	1	1 %
В процессе регистрации	1	1 %

В настоящее время ТОС формируется как общественная организация, что приводит к ряду сложностей при регистрации, связанных с членством, а также большим количеством документации и отчетности, к которым не готово руководство и актив, так как, во-первых, они работают на энтузиазме и это их общественная нагрузка, а не основное место работы, во-вторых, в большинстве своем это люди пенсионного возраста, и плохо или вообще не владеющие современными техническими средствами и технологиями. Кроме того, практически ни у кого из них нет экономического, юридического, управленческого образования. Невысокий уровень профессиональной подготовки значительно снижает эффективность их работы, не дает возможности полностью раскрыть потенциал развития своих организаций.

Как видим, проблема развития кадрового потенциала в сфере ТОС достаточно актуальна. Уровень подготовки управленческих кадров в данном направлении (наряду с

иными факторами) определяет эффективность решаемых задач, направленных на улучшение качества жизни граждан, проживающих в границах конкретных территорий, что в конечном счете оказывает влияние на уровень социально-экономического развития Иркутска в целом.

Хотелось бы отметить, что в муниципальное казенное учреждение «Городская организация развития общественной деятельности» (далее – МКУ «ГОРОД») неоднократно поступали обращения от руководителей ТОС с просьбой предоставить бухгалтеров для сдачи отчетности и юристов для юридического сопровождения, также остаются востребованы консультационно-обучающие услуги по проектной деятельности, вопросы привлечения ресурсов, взаимодействия со СМИ, привлечения добровольцев.

Рис. 2. Запросы на обучение

На основании полученных данных, для улучшения качества деятельности ТОСов и их развития необходимо организовать системную консультационно-методическую и образовательно-просветительскую работу, а также предоставление бухгалтерских и юридических услуг.

Несмотря на достаточную широту функций, выполняемых ТОСами, многие представители ТОСовского движения отмечают, что их сообщества могли бы делать еще больше, если бы у них имелось достаточно денежных средств, но, как уже говорилось выше, основными источниками финансирования деятельности ТОС являются городские и региональный конкурсы.

Таблица 5

Источники финансирования деятельности ТОС

Конкурс на лучший проект ТОС Иркутской области	15	23 %
Конкурс «Миллион на добрые дела»	34	52 %
Конкурс «Социально значимый проект ТОС»	32	48 %
Спонсорская помощь	27	41 %
Членские взносы	1	2 %
Личные средства актива ТОС	26	39 %

Больше половины ТОСов принимают участие в городских конкурсах «Социально значимый проект ТОС» – 48 % и «Миллион на добрые дела» – 52 %, гораздо меньше участвуют в региональном конкурсе – 23 %. Таким образом, мы видим, что ТОСы в основном используют городские и областные конкурсы для осуществления своей деятельности. Несмотря на то, что в областном конкурсе сумма субсидии значительно выше, чем в городских, ТОСы Иркутска участвуют в нем значительно реже. Здесь, возможно сказывается тот факт, что руководители ТОС люди пенсионного возраста, не очень хорошо

владеющие компьютером, форма заявки для заполнения сложнее и требует большего времени, и компетенций. Кроме того, хотелось бы отметить, что областной конкурс выделяет субсидию на реализацию проекта, а городской – постфактум, т. е. после его реализации, где не требуется составление сметы и дается всего лишь описание проведенных работ и мероприятий, что в свою очередь не всегда возможно проверить – было это в этом году или прошлом, с этого мероприятия фотографии или нет и т. д.

Также респонденты отметили большой процент спонсорской помощи, в том числе от депутатов, 5 респондентов это особенно подчеркнули. Отмечается и большой вклад личных средств руководителя и актива ТОС, вкладываемых в общественную жизнь.

Председатели ТОС сделали акцент на том, что сталкиваются с проблемами организации мероприятий и поощрения активных жителей и их участников. Основные средства и материальная помощь, предоставляемые ТОСам управлением реализации общественных инициатив аппарата администрации г. Иркутска, в основном идут на эти цели.

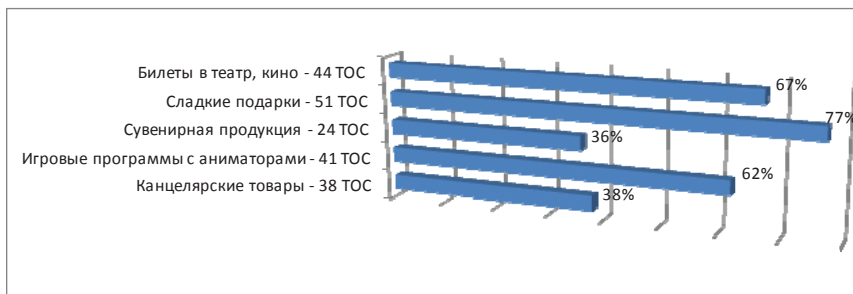

Рис. 3 Материальная поддержка деятельности ТОС

77 % респондентов считают, что для проведения мероприятий им необходимы сладкие призы; 67 % – билеты в театры и кино; 62 % ТОСов готовы принять поддержку в виде праздничной программы с аниматорами; 36 % и 38 % нуждаются в сувенирной продукции и канцелярских товарах для ведения своей деятельности и подарков детям к школе. Кроме того, дополнительно от 6 ТОСов поступило предложение выделять транспорт и организовывать экскурсии для членов ТОСа, также обратили внимание на оказание ежемесячной финансовой помощи ТОСам для участия в городских, региональных и федеральных семинарах (оплата проживания и проезда), и от одного ТОСа поступило предложение о выделении оргтехники и комплектующих, несколько ТОСов обратили внимание на то, что администрации г. Иркутска и округов не поощряет ТОСы за проводимые мероприятия на территориях. Таким образом, практически все ТОСы реализуют свою деятельность благодаря финансовой и материальной поддержке органов местного самоуправления и депутатов.

Как видим, на сегодняшний день проблема финансирования для ТОСов стоит очень остро несмотря на то, что разработано и наработано много способов получения некоммерческим сектором денежных средств, знание и умение их использовать позволили бы ТОСам быть менее зависимыми от местных администраций. Хотя сами ТОСы не видят этой зависимости, и почти все считают, что для их успешной деятельности необходима финансовая поддержка от органов власти, несмотря на непосредственное определение в законе ТОС – *самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения... для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения*. Здесь явно прослеживается отсутствие навыков самостоятельного привлечения денежных средств и нежелание использовать другие формы, кроме предоставляемых органами власти. Пока ТОСы города Иркут-

ска участвуют только в конкурсах на предоставление субсидий и пользуются спонсорской помощью, и именно финансовую поддержку считают основой для успешной деятельности.

Тем не менее, 79 % ТОСов отмечают, что им также необходима образовательно-консультационная помощь и информационная поддержка, 71 % хотел бы получать имущественную поддержку, в морально-психологической поддержке нуждаются 59 % респондентов и от помощи добровольцев не отказались бы 65 % ТОС.

Рис. 4 Виды поддержки, необходимые для успешной деятельности ТОС

Последние данные позволяют задуматься, так как большинство ТОСов города Иркутска – это немаленькие объединения, самое маленькое насчитывает 15 человек, в некоторых состоит по несколько тысяч человек, а самом большом 20 000 человек, и, тем не менее, председатели ТОС отмечают необходимость в трудовой и добровольческой помощи. Возникает вопрос, а как работает актив ТОСа с его членами, неужели жители небольшой территории сами не могут на добровольных началах облагородить свою территорию и создать более комфортные условия жизни? Здесь мы опять возвращаемся к проблеме профессиональных компетенций лидеров ТОСовского движения и умению привлекать в свою деятельность различные виды ресурсов, в том числе активизировать членов ТОС.

Как показала практика, в основном ТОСы осуществляют взаимодействие с различными органами власти. Но на сколько конструктивны и плодотворны эти отношения? По полученным данным в большинстве своем между органами власти и ТОСами складываются хорошие взаимоотношения, однако два ТОСа отметили, что у них скрытая конфронтация с Думой города Иркутска и три вошли в открытый конфликт с ней. С Администрацией города Иркутска, также два ТОСа имеют скрытый конфликт и 4 открытый. Один ТОС указал на открытый конфликт с правительством Иркутской области и один отметил скрытую конфронтацию с Законодательным собранием Иркутской области.

Таблица 6

Взаимодействие ТОС с органами власти

Взаимодействие	Дума города	Администрация города	Законодательное собрание	Правительство региона
Активное сотрудничество, встречная инициатива	14	24	6	5
Пассивное сотрудничество, ТОС побуждает органы власти к действиям	9	8	3	6
Не сотрудничают, но и не конфликтуют	12	6	29	26
Скрытая конфронтация, ТОС защищает свои интересы	2	2	1	0
Открытый конфликт	3	4	0	1
Затрудняюсь ответить	3	1	4	5

Как видим, в целом взаимодействие ТОСов с органами власти различных уровней строится на конструктивной и взаимовыгодной основе, интересы органов ТОС во многом переплетаются с деятельностью предприятий ЖКХ, поэтому для органов местного самоуправления, существование такого гражданского института, является огромным плюсом в решении данных вопросов и благотворно сказывается на социально-экономическом развитии Иркутска.

Формирование ТОС позволяет реализовать общественную инициативу граждан, посредством этого привлечь как можно большее количество людей к участию в решении конкретных задач, характерных для данной территории. ТОСы наиболее полно выражают интересы и чаяния граждан, непосредственно в местах их проживания.

Практика показала, ТОСы жизнеспособны там, где они поддерживаются региональной и муниципальной властью. Прежде всего речь идет и о правовых механизмах в виде программ, и о бюджетных формах поддержки, в частности широко распространенных и зарекомендовавших себя механизмах таких как выделение грантов на реализацию конкретных проектов ТОС по результатам конкурса.

Как отмечают эксперты, «ТОС – есть наша национальная особенность. Такого института нет ни в одном западном обществе. По своей организационной основе ТОС – это наша русская, дореволюционная община – сельская, крестьянская, казачья, территориально-национальная».

В условиях политической и экономической стабильности ТОСы имеют перспективы занять свое место в системе местного самоуправления и стать ее первичным звеном, так как основная цель деятельности ТОС – это решение проблем и вопросов местного значения, а в конечном итоге – повышение уровня и качества жизни населения на своей территории.

Литература

1. Бабун Р. В. Организация местного самоуправления : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2005. С. 44–56.
2. Территориальное общественное самоуправление : федер. закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020 г. с изм. и доп., вступ. в силу с 23.03.2021).
3. Деятельность ТОС в Иркутске // Общественная жизнь города Иркутска. URL: <http://gorod.irk.ru/grazhdanskoe-obshchestvo/tos> (дата обращения: 15.04.2021).
4. Территориальное общественное самоуправление как институт гражданского общества. URL: https://otherreferats.allbest.ru/law/00235437_1.html (дата обращения: 16.04.2021).

УДК 316.3

П. И. Грабельных

Иркутское региональное отделение Союза краеведов России, г. Иркутск

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ КАК ЦЕННОСТЬ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ

Обосновывается, что общественные инициативы – это комплекс актуальных социально-значимых ожиданий и ценностей, которые возникают у отдельных людей или социальных групп и направлены на благо всего общества. Аргументируется, что в свете привлечения внимания к ценности общественных инициатив возможно введение такого направления (дисциплины) как «Инициатива-графия», предметом которой могло бы быть изучение природы рождения инициативы в обществе, установление причинно-следственных связей процессов выдвижения и продвижения инициатив на актуальные вызовы внешней и внутренней среды, анализ и прогноз последствий реализации государственных и общественных инициатив.

Ключевые слова: общество, общественные инициативы, ценность, общественные организации, социальная необходимость.

PUBLIC INITIATIVES AS A VALUE AND THEIR VALUE IN SOCIETY

The article substantiates that public initiatives are a complex of actual socially significant expectations and values that arise in individuals or social groups and are aimed at the benefit of the whole society. The author argues that in the light of drawing attention to the value of public initiatives, it is possible to introduce such a direction (discipline) as "Initiative-graphy", the subject of which could be the study of the nature of the birth of initiative in society, the establishment of cause-and-effect relationships of the processes of nominating and promoting initiatives on topical challenges of the external and internal environment, analysis and forecast of the consequences of the implementation of state and public initiatives.

Keywords: society, public initiatives, value, public organizations, social necessity.

Что такое общественные инициативы? Откуда они возникают? Кто их выдвигает? Как правило, общественные инициативы – это комплекс актуальных социально-значимых ожиданий и ценностей, которые возникают у отдельных людей или социальных групп и направлены на благо всего общества. Такие инициативы обусловлены мировосприятием, образованием, культурой, установленными стилями жизни. Большое значение имеет масштаб выдвинутых инициатив. Общественные инициативы могут охватывать любые проблемы общества и потому, как общество определяет ценность таких инициатив, можно судить о его развитости и гражданской зрелости населения. Авторами инициатив могут быть как героические личности, почетные граждане, общественные деятели, так и обычные люди, или даже преступники. В любом случае, то, что они выдвигают, – это не их личное восприятие, а социальная необходимость, потребность самого общества как живого организма. Как правило, авторы общественных инициатив всего лишь посредники тех процессов, которые прослеживаются в обществе на разных уровнях.

На всех этапах развития человечества общественные инициативы имели большое значение в развитии государства. Между тем инициативу всегда выдвигал индивид и лишь потом она приобретала общественный характер. Если она была поддержана обществом, масштаб и ценность ее повышались, независимо от того, касалось ли это формирования государств, великих географических открытий, научных побед, решения острых социальных проблем и т. д.

В настоящее время отношение к общественным инициативам самое различное. Общественные организации и объединения не всегда выражают подлинные интересы и потребности общества, выдвигая инициативы, которые являются по своей сути мнимыми инициативами. В подмене инициатив – подлинных мнимыми – видится опасность для общественного развития. Искусственное сдерживание общественных инициатив, направленных на развитие общества, также действует разрушающе на социум, может привести к застою, как показывает исторический опыт. Очевидно, что общественные инициативы должны проявляться на всех уровнях. В целях стабилизации общественных отношений органы власти должны сделать все возможное, чтобы создать дискуссионные платформы, на которых каждый мог бы выразить свое мнение, предложить свою инициативу, участвовать в обсуждениях. В этом видится мягкий путь регулирования общественных изменений. Цифровизация способствует лучшей организации этого процесса.

В свете привлечения внимания к ценности общественных инициатив возможно введение такого направления (дисциплины) как «Инициатива-графия», предметом которой могло бы быть изучение природы рождения инициативы в обществе, установление причинно-следственных связей процессов выдвижения и продвижения инициатив на актуальные вызовы внешней и внутренней среды, анализ и прогноз последствий реализации государственных и общественных инициатив. В этой связи приобретает особый статус общественно-информационная деятельность. Сегодня имеют место предпосылки для развития научной мысли в этом направлении.

Как показывает история, рождение общественной инициативы – это, прежде всего, **преодоление**, как социального страха, страха перед войнами, эпидемиями, так и страха угрозы социальной, групповой и личной безопасности.

УДК 2+13.09+37.06

Е. И. Мельникова

Кузбасская православная духовная семинария Кемеровской епархии РПЦ
(Московский Патриархат), г. Новокузнецк

**ИКОНА «БОЖИЯ МАТЕРЬ АБАЛАКА “ЗНАМЕНИЕ”»:
К ВОПРОСУ ОБ ОПИСИ СОБСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА 1818 Г.
СВЯЩЕННИКА БАЧАТСКОГО СЕЛА КУЗНЕЦКОГО ДУХОВНОГО
ПРАВЛЕНИЯ СИНКИНА ВАСИЛИЯ ЛЬВОВИЧА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА ТОБОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ)**

По материалам Тобольской духовной консистории рассмотрена Жемчужина Сибирской иконописи. Абалакская Чудотворная икона Божией Матери «Знамение» (список с неё) в описи собственного имущества священника Бачатского села Кузнецкого духовного правления Синкина Василия Львовича в 1818 г.

Ключевые слова: Абалакская Чудотворная икона Божией Матери «Знамение»; список с Жемчужины Сибирской иконописи; клирик Кузнецкого духовного правления; опись собственного имущества Синкина Василия Львовича в 1818 г.

E. I. Melnikova

Kuzbass Orthodox Theological Seminary
Kemerovo of the Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)
Novokuznetsk

**ICON OF THE “MOTHER OF GOD ABALAK “THE SIGN”:
ABOUT THE INVENTORY
OF OWN PROPERTY OF THE PRIEST VASILY L. SINKIN FROM THE VILLAGE OF BACHATSK,
KUZNETSK SPIRITUAL ADMINISTRATION
(ACCORDING TO THE FUND TOBOLSK THEOLOGICAL CONSISTORY), 1818**

In this paper, based on Tobolsk Theological Consistory, the author considers the Pearl of the Siberian iconography. Abalaksy Miraculous Icon of the Mother of God “The Omen” (copy) in the inventory of personal property of the priest of Bachatsk village of Kuznetsk spiritual administration Basil L. Sinkin in 1818.

Keywords: Abalaksy Miraculous Icon of the Mother of God “The Omen”, copy, Pearls Siberian iconography, cleric Kuznetsk spiritual government, an inventory of personal property Basil L. Sinkin in 1818 g.

Культура Сибирского духовенства, в том числе, повседневная культура их семьи, опирающаяся на религиозные ценности в XXI в., становится важным фактором динамичного и стабильного регионального развития, поскольку в ситуации серьезных системных трансформаций в России крайне «...необходимы определенные условия и механизмы (институциональные, внеинституциональные), способствующие завершению самоидентификации личности и требующие соотнесения человека с абсолютными смыслами, центностями» [12].

Проблемой данного исследования важно напомнить нашим современникам, что в основании российской государственности и отечественного института семьи лежат именно православные духовные институциональные ценности и традиции (в том числе «святости», «духовничества», «царства», «книжности и грамотности», «исповедничества и жертвенного служения», «духовного подвига материнства», «прекрасного и возвышенного» и пр.). И несмотря на все попытки основательно разрушить эти «духовные скрепы», ставшие основой институционального становления самосознания и языкового национального кода в период принятия христианства, вплоть до настоящего времени мы видим, как они выступают одной из причин сохранения традиций «семейственности» среди православного клира.

Православие представляет собой сложный социально-культурный организм, включающий две системы: церковную организацию и религиозную систему ценностей и норм, образующих православную культуру. Православие является средством сохранения или воссоздания социальных явлений и культурных стереотипов, соответствующих христианским нормам [16]. Влияние православной культуры на духовную жизнь в Сибири в XVII – начале XX в. аргументировано рассмотрены в научных трудах Л. А. Тресвятского [16–19].

С православной духовной традицией связано и развитие иконописания. Икона рассматривается в качестве связи между миром материальным и духовным, церковью земной и церковью небесной, между христианами и Богом. На иконах изображался образ Христа Спасителя, Троицы, Божией Матери, святых как проявление Первообраза. После освящения икона считалась святыней. Некоторые иконы за проявление особых качеств, например, индивидуальные исцеления, прекращение дождя и т. д., считались Чудотворными и особо почитались.

В православной традиции икона занимает особое место, и это место определяется тем, что икона имеет вероучительное значение. Икону называли: «Библией для неграмотных», «живописным Евангелием», «бессловесной проповедью», «богословием в красках».

Православная икона не обойдена вниманием в научной литературе. О православной иконе заслуживает внимания исследование К. В. Цеханской в статье «Иконы в народной жизни». Показано, что икона является проявлением коллективной памяти о сущности православных ценностей. «Совесь людей, менталитет народа утверждался на примерах жизни своих героев, духовных подвижников в народном творчестве. Но высшим идеалом для всякого русского человека всегда оставался Иисус Христос, Богоматерь и весь сон святых. Ведь святые угодники, созданные, как все люди, по божественному подобию, оставались единственными, кто стремился и достигал этого подобия» [20]. Таким образом, икона понимается в качестве особого и универсального способа связи между человеком материальным и божественно-духовным мирами. Сибирской иконе, как неотъемлемой части, православной культуры посвящены работы Т. А. Бычковой, Н. Г. Велижановой, Т. А. Крючковой и многих других. Более сложный уровень исследовательских работ по рассмотрению отношения общества к чудотворным иконам, наиболее почитаемым в народе, носящих в себе проявление божественной благодати, представлен в научном поиске И. А. Евтихеевой, И. В. Киселёвой, В. Я. Темплинг. В Сибири рано развилось иконописное дело, и с середины XVII в. потребности в иконах в основном удовлетворялись местными иконописцами. Как отмечено в исследовании Т. С. Ереминой, «на Руси иконопочитание было чрезвычайно развито. Иконы находились везде: в избах, в палатах, в церквях, в маленьких моленных часовнях на дорогах, на полях сражений. Они сопровождали человека в течение всей жизни, начиная с рождения и кончая смертью» [9] и передавались от старших поколений к младшим.

Жемчужиной Сибирской иконописи Тобольской епархии и Всея Сибири, является с 1636 г. – Икона Божией Матери «Знамение», именуемая Абалакскою (Абалацкою). Абалакская Чудотворная икона Божией Матери «Знамение» находится в селе Абалак в 25 километрах от Тобольска. Отношение сибиряков почитаемой иконе находим в словах И. К. Голубева, православного христианина, жившего в конце XIX в.: «Дай Бог, чтобы время не налагало своей разрушающей руки на святую обитель Абалакскую и на хранимый в ней источник благодати и чудотворений – святую икону» [8].

При освоении Сибири Ермаком Абалак был своего рода крепостью, с трех сторон обнесенною рвами и земляными валами, а с четвертой стороны был обрывистый, крутой берег Иртыша. За год до прихода Ермака было видение князю Абалаку. Он видел на месте современного монастыря церкви и город золотой. При этом был слышен и звон колокольный. На Троицком мысу, где ныне город Тобольск, целых 30 лет подряд перед при-

ходом Ермака видели следующее явление: «При сих во вся лета видеша царь, князи, агуны, муллы и абазы (мусульманские духовные чины) и прочие бусурманы на том месте, идеже ныне град Тоболеск видешася христианский со светом град в воздухе, и церкви и звон великий, яко ими дивиться и ужасно недоумен, что будет се» [13]. С тех пор, Тобольск и Абалак духовно связаны. В краткой Сибирской (Кунгурской) летописи сообщается о явлении Алексею Тимофеевичу (Ермаку) святителя Николая Чудотворца, который через 50 лет вновь явился вместе с иконой преподобной Марией Египетской и очень хлопотал о строительстве церкви и монастыря. «Ночию же той явился Ермаку молящуюся и пяти человекам в нощи святыи Николае повелевая в чистоте жити и прилежный пост имети, и всякие с братолюбием добродетели проходить: и прорече будет на Красной (Красивой) горе дом в жилище Богу и мне впредь. И сие видение Ермак всем возвести» [10]. Неоценим исследовательский вклад протоирея Александра Ивановича Сулоцкого в его работе «Сказание об иконе Божией Матери, именуемой Абалацкою, и о важнейших копиях с нее, с изображением иконы Абалацкой Божией Матери» [15]. Из личного архивного фонда А.И. Сулоцкого Государственного архива в городе Тобольске [2–4]... Прошло 55 лет от покорения Сибири Ермаком. В царствование Михаила Федоровича, при третьем сибирском архиепископе Нектарии, жила на Абалацком погосте бедная, одинокая и бездетная вдова, по имени Мария. Летом в 1636 г. в легком сне она увидела на воздухе три иконы. Посреди – икона Божией Матери, справа от Нее – святителя Николая, а слева – преподобной Марии Египетской. От иконы Богородицы был глас: «Мария! Объяви об этом видении народу и скажи, чтобы на Абалацком погосте построили, по правую сторону ветхой Преображенской церкви, новую деревянную во имя «Знамения» Пречистой Богородицы, что в древнем Новгороде, с пределами – по одну сторону святителя Николая, а по другую – преподобной Марии Египетской. Когда Марии последовало четвертое грозное повеление-откровение, после которого она уже не решилась медлить с исполнением Божьего приказания. Когда 24 июня 1636 г. она шла в Тобольск и подходила уже к городу, на пригорке она очутилась как бы в тумане и затем увидела перед собой большой облачный столп, простиравшийся от земли до небес. На этом столпе Мария увидела снова два образа: «Знамение» Божией Матери и преподобной Марии Египетской. На земле же она увидела святителя Николая как бы живого, который гневно сказал: «Почему медлишь объявить о видениях народу? Если еще замедлишь, то всем телом будешь расслаблена; если же объявишь, но тебя не послушают, тогда не ты, а они пострадают». Вразумленная этим видением вдовица отправилась к архиепископу Нектарии и поведала ему при всем соборе о видениях, после чего рассказала о своих откровениях всему народу. Когда Марии показали Новгородскую икону «Знамение» Богородицы, то она, взглянув на икону, узнала в ней являвшуюся к ней Богоматерь и объявила всем, что именно этот образ она видела во всех четырех видениях. Все граждане поверили рассказу Марии. Преосвященный же архипастырь дал абалацким прихожанам благословение строить церковь во имя Богородицы [2–4].

В это время крестьянин Евфимий целый год лежал в расслаблении таком, что сам собой не мог двинуться с места на место. К нему приходит нищий, давно ему знакомый, вероятно, пользовавшийся его милостями, по имени Павел, и говорит: «Евфимий! В Абалаке строится церковь по повелению Божию, во имя «Знамения» Богородицы, святителя Николая и Марии Египетской. Дай обещание написать храмовый образ в эту церковь. Может быть, Господь по вере твоей и усердию и простит тебя и освободит от болезни». Как ангела Божия выслушал Евфимий Павла и тогда же дал обет написать икону. Господь внял трудам страждущего. После полудня того же дня он начал владеть правою стороною своего тела. Испросив благословения у преосвященного Нектария, Евфимий заказал указанный ему образ протодиакону Софийского Тобольского собора Матфею Мартынову, который славился тогда по всей Сибири как искуснейший живописец. В 1636 г. Матфей Мартынов написал образ Абалацкой Божией Матери «Знамение». Ему

было около 70 лет. По мере как писалась икона, Евфимию день ото дня делалось лучше. Наконец, здоровье его совсем поправилось. Он пришел к живописцу и сам понес от него написанный образ в собор для освящения. Удивленный и обрадованный архипастырь возблагодарил Господа за Его чудесную помощь недужному. Окропив образ святою водою, он отслужил в соборе молебен, после чего с великой честью препроводил икону в Абалак для постановления ее в новом храме. В 1640 г. на управление епархией был назначен архиепископ Герасим (1640–1650), человек просвещенный, грамотный, но в обращении строгий, почти суровый. В 1645 г. на престол взшел царь Алексей Михайлович, Во время молитвы Матфей Мартынов вместо Алексея помянул умершего его отца, царя Михаила Федоровича, за что был посажен на цепь, молоть муку. На цепи просидел до именина царя. Год смерти протодьякона Матфея Мартынова неизвестен. Однако известно, что это произошло не позднее 1650 г. [1]. Особенное ее значение для Тобольска, чествовавшего святую Икону, передало благоговение к ней всей Сибири. Токи благодатной силы стали изливаться на верующих не только от подлинной Иконы, но и со списков с нее [2–4]. С Абалакской иконы Божией Матери «Знамение» было выполнено множество списков, которые почитались как чудотворные. Один из самых почитаемых списков находился в Семипалатинске. В XVII в. на иконе находилась золотая риза весом около 4,5 килограммов. В 1856 г. на икону была выполнена новая серебряная под золотом риза весом около 5 килограммов. С самого явления Божией Матери в Абалаке, благодать от Иконы Ее неслась по отдаленным местам и возбуждала веру и живое упование на Бога и Пресвятую Богородицу. Многие тысячи прибывали и прибывают в Абалак к Иконе просить исцеления телесных; многие – душевных болезней. Эту святую икону сибиряки отличают особенно перед прочими иконами. Они стараются приобрести себе и иметь в своих домах список с нее, ходят и ездят на поклон к ней не только из мест соседних и ближних, но и из отдаленных, молятся перед ней, молятся изображениям на ней, не редко не только обычными поклонами и коленопреклонениями, а и со слезами, во множестве возжигают пред ней свечи, делают к ней и ради нее приклады и пожертвования, украшают дорогами серебряными, сереброзолотыми и даже золотыми с жемчугом и драгоценными камнями ризами [1]. Долгое время считалось, что осенью 1919 г. Икона была вывезена за границу отступающей Белой армией. Однако, она упомянута в описании имущества Абалакского Знаменского монастыря в 1925 г. Но в описании имущества 1927 г. икона уже не упоминается. Следовательно, икона потерялась в период между 1925 и 1927 гг. В настоящее время ведется активный поиск древней Абалакской иконы. В Абалаке прославляется чудесами чудотворный Список Иконы, выполненный в XIX в. настоятельницей Иоанно-Введенского монастыря Августой.

В контексте представленного исследования, духовный путь Варлаама I (1728–1802 гг., с 1792 г. – архиепископ), архиепископа Тобольского и всея Сибири, представляет заслуженный интерес. 5 октября 1768 г. был хиротонисан в епископа Тобольского и Сибирского. В 1769 г., 8 марта, епископ Варлаам I прибыл в Тобольск. За усердные архипастырские труды 6 ноября 1792 г. преосвященный Варлаам был возведен в сан архиепископа. Большое внимание архиепископ Варлаам I уделял иконописи. В 1800 г. его работами в Тобольской семинарии был открыт специальный класс рисования. Учителем туда был приглашен лучший живописец города – староста иконописного цеха мешанин Петр Мирюсов. Тобольский архипастырь лично наблюдал за работой местных мастеров-иконописцев. Такое внимание к собственной школе иконописи было вызвано рядом причин. Прежде всего, владыка сам очень любил живопись и неплохо рисовал. Известен случай, когда преосвященный Варлаам благословил туринского воеводу иконой Божией Матери собственного письма [14]. Кроме того, для нужд Сибирской Церкви из Суздальской епархии поступали иконы такого качества, такой «неискусной работы», что это вынудило смиренного владыку обратиться в Святейший Синод с просьбой «запретить писать и ввозить в Сибирь иконы без освидетельствования их местными архиереями». У

себя в Тобольске владыка допускал иконописцев к святому делу писания икон только после получения ими специального аттестата, а для этого требовалось представить, свои работы самому архиерею. Вся жизнь его в том и состояла, чтобы раздавать то, что принадлежало к его достоянию, ибо милостыня была его самой любимой добродетелью. 27 числа декабря месяца 1802 г. святитель Варлаам I тихо и спокойно предал дух свой Господу. По его завещанию он был погребен в Иоанно-Златоустовском приделе Тобольского кафедрального собора. Известно, что после кончины святителя не осталось почти никакого личного его имущества [14].

Не позднее 30-х гг. XVII в. в Тобольске стали действовать мастерские для писания икон и обучения детей иконописному делу. До этого времени иконы ввозились из Европейской России. С середины XVII в. в Тобольске стала действовать иконописная мастерская при архиерейском доме. Своим мастерством известен протодьякон Тобольского кафедрального собора Матфей Мартынов, написавший Абалакскую Икону «Знамения Божией Матери» в 1617 г. История сибирской иконописи в Кузбассе, как неотъемлемая часть православной культуры, пользуется заслуженной популярностью, но период XVII – первой четверти XIX вв., в силу сложности его изучения, трудной доступности источников, не являлся приоритетным.

Сведения об иконах, в том числе и о Чудотворной Абалакской Иконе Божией Матери «Знамение», в Кузнецком уезде, находящиеся в фонде Тобольской духовной консистории Государственного архива в г. Тобольске, к сожалению, имеют отрывочный характер. Приведенная исследовательская информация находится в фонде Тобольской духовной консистории И.156, описи 11, дело 389 «Дело о разделе имущества умершего священника Николаевской церкви села Бачатского Кузнецкого ведомства Василия Синкина», датированное 19.08.1833 [5]. К делу 389 прилагается опись собственного имущества умершего 09.03.1818 священника села Бачатского Кузнецкого духовного правления *Василия Львовича Синкина*, в которой перечисляются следующие Святые Иконы [5, л. 3]:

- 1) Икона «Святой Троицы» в позолоченной ризе;
- 2) Икона «Вседержителя» в медном окладе;
- 3) Икона «Божия Матерь «Неополимая купина»;
- 4) **Икона «Божия Матерь Абалака «Знамение»;**
- 5) Икона «Святителя Николая» на бумаге в ризе;
- 6) «Святцы всего года», фаски листов в ризах словых.

Синкин Василий Львович, 1775 года рождения [6, Л.10б] (по ревизским сказкам), сын священника Николаевской церкви села Бачатского, *Синкина Льва Евсеевич*, 1744 года рождения [7, л. 30б] (по ревизским сказкам).

Итак, каким образом Жемчужина Сибирской иконописи: Икона Божией Матери «Знамение», именуемая Абалакскою, могла оказаться в доме *Синкина Василия Львовича*, священника церкви Святителя и Чудотворца Николая села Бачатского Кузнецкого духовного правления к 1818 г.?

Предположим, следующие варианты:

1) *Синкин Василий Львович*, либо его отец *Синкин Лев Евсеевич*, приобрели себе и, таким образом, имели в своем доме список с Иконы Божией Матери «Знамение», именуемой Абалакскою, как особо почитаемую в Тобольской губернии и Всея Сибири.

2) *Синкин Лев Евсеевич*, отец *Синкина Василия Львовича*, получил в подарок список с Иконы Абалакской Божией Матери «Знамение». Даритель неизвестен.

3) *Синкин Василий Львович*, получил в подарок, как сын священника *Синкина Льва Евсеевича*, список с Иконы Божией Матери «Знамение», именуемой Абалакскою, от Архиепископа Варлаама I (Петрова), когда тот, по случаю, объезжал, вверенную ему епархию.

Таким образом, развитие православной культуры в Сибири невозможно рассматривать без развития иконописного дела в регионе, которое укрепило материальную основу духовной культуры православия в Сибири.

Обобщая вышесказанное, мы пришли к следующему выводу. Как и на протяжении последних трех столетий, так и в современных семьях православных священников Сибири и Кузбасса непрерывно осуществляется как межличностная (внеинституциональная), так и институциональная практика передачи культурного и профессионального опыта, а также духовно-нравственных традиций от одного поколения – к другому. Об этом свидетельствуют доступные данные ведущих архивов сибирского региона, во многом благодаря поддержанию и развитию данного механизма трансляции историко-культурных ценностей, *Православие как основа института семьи по-прежнему занимает одно из важнейших мест в иерархии ценностей жителей региона.* В процессе возрождения Сибирского, Кузнецкого духовенства даже на протяжении последнего столетия, несмотря на все трагедии и невосполнимые потери института семьи, целеориентиром оставалась следующая система ценностей: *Бог – семья – общественное служение – личные интересы.* Таким образом, можно утверждать, что один из основных уроков последнего столетия для современных поколений россиян должно стать освоение именно данной последовательности в динамике семейных православных ценностей. От данных усилий и новых поколений сибирского духовенства во многом может зависеть и определение исторической перспективы семейственности для России в новом веке, поскольку «...при определении путей развития или реформирования конкретного микро сообщества... важно исходить не только из происходящих “здесь и сейчас” социальных изменений, но и из содержания культуры данного сообщества и изменений, происходящих на протяжении разных этапов исторического развития» [11].

Литература

1. Абрамов Н. А. Сказание об иконе Божией Матери и о важнейших копиях с нее с изображением самой чудотворной иконы (Издание Абаканского Знаменского монастыря). Тобольск : Тип. Епархиального Братства, 1904. С. 16.
2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО ГАТ), Ф. И. 144 (Фонд личного происхождения Сулоцкого Александра Ивановича: 1812–1884 гг.), Оп. 1. Д. 55.
3. ГБУТО ГАТ. Ф. И. 144. Оп. 1. Д. 56.
4. ГБУТО ГАТ. Ф. И. 144. Оп. 1. Д. 57.
5. ГБУТО ГАТ. Ф. И. 156 (Фонд Тобольской духовной консистории: 1721–1922 гг.). Оп. 11. Д. 389. Л. 3, 3об, 5, 5об, 6, 7а, 7а об, 8, 8об, 9, 9об, 10, 10об, 11, 11об.
6. ГБУТО ГАТ. Ф. И. 156. Оп. 4, Д. 288. Л. 1 об.
7. ГБУТО ГАТ. Ф. И. 156. Оп. 4, Д. 1254. Л. 3об.
8. Голубев И. К. Абаканский Знаменский третьеклассный мужской монастырь. СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1892. С. 13.
9. Еремينا Т. С. Мир русских икон и монастырей: история, предания. М. : МАИК, Наука, 1998. С. 463.
10. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская): [копия]. СПб., 1880. 48 с.
11. Кузнецова Е. С. Междисциплинарные аспекты развития городских сообществ // Управление мегаполисом. 2013. № 2(32). С. 86. URL: http://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=699127 (дата обращения: 13.10.2016).
12. Кузнецова Е. С., Миронова К. А. К определению проблематики современных культурологических исследований // Глобальный научный потенциал. 2012. № 9 (18). С. 99. URL: http://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=699127 (дата обращения: 13.10.2016).
13. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск : Наука, 1982. 253 с.
14. Софронов В. Ю. Светочи земли Сибирской. Биографии архипастырей Тобольских и Сибирских (1620–1918 гг.) / под ред. Архимандрита Макария (Веретенникова). Екатеринбург : Уральский рабочий, 1998. 264 с.
15. Сулоцкий А. И. Сказание об иконе Божией Матери, именуемой Абацацкою, и о важнейших копиях с нее, с изображением иконы Абацацкой Божией Матери. Изд. 5-е, испр. Омск : Тип. штаба Западно-Сибирского округа, 1877. 56 с.

16. Тресвятский Л. А. Влияние православной культуры на духовную жизнь в Сибири в XVII – начале XX вв. : ... дис. д-ра культурологии 24.00.01. Кемерово, 2006. 345 с.
17. Тресвятский Л. А., Дорофеев М. В., Одновал И. Д. Духовно-просветительская и миссионерская деятельность Русской православной церкви на примере города Осинники (историко-краеведческий аспект). Новокузнецк : MAOU ДПО ИПК, 2014. 151 с.
18. Тресвятский Л. А. Православие на Кузнецкой земле в дореволюционный период. Новокузнецк : MAOU ДПО ИПК, 2013. 267 с.
19. Тресвятский Л. А., Шадрин А. С. Очерки по истории православия в Сибири (региональный аспект). Новокузнецк : Изд-во ИПК, 2004. 105 с.
20. Цеханская К. В. Иконы в народной жизни // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. Итоги этнографических исследований. М. : Наука, 2001. С. 300.

УДК 301.085-053.7

К. М. Разумова

Иркутский академический драматический театр имени Н. П. Охлопкова, г. Иркутск

РОЛЬ ТЕАТРА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ИРКУТСКА)

Рассматривается роль театрального искусства в социокультурном развитии современного города. Исследуется влияние пандемии на культурные учреждения. Анализируется трансформация театральной деятельности в сложной эпидемиологической обстановке. Проводится сопоставление социокультурной роли театрального искусства в разных условиях: «допандемических», «пандемических» и «постпандемических».

Ключевые слова: социокультурное пространство города, театр, учреждения культуры, пандемия, онлайн искусство, «постпандемическое» время.

K. M. Razumova

Irkutsk N. P. Okhlopov Academic Drama Theater, Irkutsk

THE ROLE OF THEATER IN THE SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT OF A MODERN CITY IN THE CONDITIONS OF THE PANDEMIC (ON THE EXAMPLE OF IRKUTSK)

The article examines the role of theatrical art in the socio-cultural development of a modern city. The impact of the pandemic on cultural institutions is investigated. The article analyzes the transformation of theatrical activity in a complex epidemiological situation. The author also compares the socio-cultural role of theatrical art in different conditions: "pre-pandemic", "pandemic", and "post-pandemic".

Keywords: socio-cultural space of the city, theater, cultural institutions, pandemic, online art, "post-pandemic" space.

В условиях пандемии наибольшую актуализацию получили вопросы социокультурного развития города. Во многом решение проблем развития города связано с реализацией приоритетных направлений современной государственной политики по повышению качества культурной среды. Несмотря на пандемическую цифровизацию искусства особую актуальность приобрели вопросы определения места и роли культурных учреждений как носителей культурных ценностей и образов.

Социокультурное пространство города всегда представляло среду, меняющуюся естественным путём. Но, анализируя социокультурные процессы в обществе за последний год, мы видим, что резкие изменения произошли не только в социально-политической и социально-экономической системе, но и в социокультурной сфере. В современном российском обществе в 2020 г. прошла вынужденная смена социокультурной парадигмы. Внезапные изменения в сфере общественной жизни, которая ответственна за передачу накопленной культуры и развитие человека, ярко характеризуют смену парадигмы.

В «допандемических» условиях жизни одним из мощнейших инструментов, формирующим социокультурные практики в современном городе, являлся театр. Именно театр, по признанию многих специалистов, способствовал формированию новых принципов

пов и идеалов в обществе [3]. Известно, что театр в России имеет давнюю историю и фундаментальные традиции. Еще К. С. Станиславский в свое время говорил о театре как о сильнейшем средстве влияния на общество, пробуждения самосознания народа [4].

События годичной давности, связанные со стремительным распространением коронавирусной инфекции и вынужденной изоляцией, заставили многие театральные площадки перейти в новый формат. Культурные учреждения попытались адаптировать свои сервисы под условия новой реальности. Все это говорит о том, что развитие социокультурного пространства города не остановилось, а наоборот, нашло новые формы. Однако, однозначной оценки влияния пандемии на социокультурное пространство российского города не существует и по сей день. Некоторые специалисты придерживаются мнения, что интернет даёт широкие возможности в продвижении услуг учреждений культуры. Однако, большая часть учёных в области культуры и искусства отмечают невозможность полностью заменить реальное искусство цифровым [1]. При существующих разногласиях, в научном сообществе сложилось единое мнение о том, что онлайн-среда в период пандемии стала незаменимой частью социокультурной жизни.

Для культурных учреждений нестандартные онлайн решения, которые они были вынуждены искать в кризисной ситуации, положительно повлияли ни только на социокультурную среду общества, но и на обновление самих учреждений. Ученые выявили положительную сторону культурного пандемического кризиса [1]. Увеличилась аудитория учреждений, занимающихся созданием и распространением предметов культуры и искусства. Онлайн-форматы позволили большому количеству людей увидеть их культурные программы. Из-за отсутствия непосредственной работы у многих творческих личностей произошёл творческий подъем, который выразился в любительских фильмах, онлайн-спектаклях, музыкальных композициях, картинах, фотопроектах. Культурные учреждения приобрели неопределимый опыт работы онлайн. Основным показателем положительного влияния – это количество обращений к цифровым ресурсам культуры. В 2020 г. в России это количество составило более 32 млн людей, что в разы превысило статистику предыдущих лет [6].

Ученые считают, что в условиях изоляции именно театральная сфера оказалась одна из немногих доступных средств реализации важнейших функций развития общества: адаптации, релаксации, психической разрядки, коммуникации, социализации и организации досуга [2]. Однако, какое бы ни было звуковое и визуальное качество онлайн-трансляций, дистанционные формы потребления искусства не могут в полной мере восполнить все впечатления и переживания от посещения учреждений культуры, которые испытывают зрители в реальном пространстве театра. Это отмечают в экспертных интервью, как работники театра, так и публика [2].

Пандемия, выведя социокультурное развитие на новый уровень, обнаружила потенциал использования интернет-пространства. В период карантина роль театра в социокультурном пространстве современного города дополнилась новыми возможностями. По данным исследования ВЦИОМ, проведённым в конце 2020 г., было выявлено, что россияне оценивают положение в сфере культуры в нашей стране как среднее (51 %) или положительное (27 %). Как считают 35 % опрошенных за весь 2020 г. ситуация в сфере культуры не изменилась, а по мнению 30 % она даже улучшилась. Те, кто заметил улучшения в сфере культуры, связывают их в первую очередь с улучшением финансирования объектов культуры (10 %), с внедрением современных онлайн-технологий (9 %) и проводимой государственной политикой (9 %). О том, что в сфере культуры ситуация ухудшилась считают 22 % респондентов, 38 % из которых связывают это с ограничениями в связи с коронавирусом. Однако даже при неблагоприятной эпидемиологической ситуации большинство россиян (57 %) удовлетворены мерами безопасности при посещении культурных объектов и мероприятий [5].

Исследование ВЦИОМ на тему «Театр и театралы после пандемии» сообщает, что 10 % респондентов уже ходили в театр после снятия ограничений, 32 % – собираюсь, а 57 % опрошенных идти в театр не собираются, из которых 73 % – пожилые люди (73 %). Примечательно, что до пандемии – 27 % участников анкетирования практически не посещали, а 23 % не посещали театр вообще. Таким образом, по сравнению с 2019 в 2021 г. количество россиян, не желающих посещать театр, увеличилось на 7 %. Главной причиной отказа от театрального просвещения является страх перед коронавирусной инфекцией. В «допандемических» условиях 34 % россиян посещали театр как минимум один раз в год, а количество желающих посещать театр в «постпандемических» условиях составляет 42 %, что демонстрирует положительную динамику. В городе Иркутск подобных исследований не проводилось, но проанализировав количество посетителей театров, а также количество раскупленных билетов, с уверенностью можно сделать вывод, что функционирование учреждений культуры с успехом нормализовалось и вскоре вернется в «допандемические» нормы, когда ограничение в виде 75 % заполняемости зала будет снято [7].

Театральное искусство всегда было призвано содействовать повышению культурного, интеллектуального и нравственного уровня жителей российских городов, реализации их творческого потенциала. В современных условиях, наибольшую актуальность получило развитие именно театрального искусства, которое играет важнейшую роль в социокультурном пространстве, его организации и динамики развития. Изучение проблем развития театра в социокультурном пространстве российского города в условиях пандемии, позволяет сделать вывод о том, что расширение его функций в сторону просвещения позволит быстрее догнать и перегнать «допандемический» социокультурный уровень. В реализации современной государственной культурной политики важно учитывать как положительные, так и отрицательные итоги развития театрального искусства в период пандемии.

В «постпандемических» условиях благодаря театральному пространству может произойти положительное развитие в социокультурном развитии города, а также активное включение населения в формирование и развитие культуры города. Одновременно, повысится эффективность деятельности современного театра и эффективность реализации современной государственной культурной политики.

Литература

1. Ипатова С. С. Сфера культуры в условиях пандемии: проблемы и возможности // Научные записки молодых исследователей. 2021. № 1. С. 31–40.
2. Магидович М. Л. К проблеме изучения публики в условиях пандемии // Общество: философия, история, культура. 2020. № 11. С. 98–101.
3. Разумова К. М. Роль театра в социокультурном развитии крупного российского города // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен. 2017. № 1.
4. Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. М. : Искусство, 1954. 516 с.
5. Культура-2020: аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-kultura-2020> (дата обращения: 27.04.2021).
6. Минкультуры РФ перевыполнило план нацпроекта «Культура» по цифровизации в условиях пандемии. URL: <https://futureussia.gov.ru> (дата обращения: 30.04.2021).
7. Театр и театралы после пандемии: аналитический разбор ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/teatr-i-teatraly-posle-pandemii> (дата обращения: 28.04.2021).

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА ИРКУТСКА: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Представлена краткая характеристика театральной жизни г. Иркутска в XX в. Описывается деятельность профессиональных театров Иркутска в период 2016–2020 гг.

Ключевые слова: культура, театр, Иркутск.

М. К. Качан

GBU DPO Irkutsk educational and methodical center of culture and art «Baikal»,
Irkutsk State University, Irkutsk

THEATER LIFE OF IRKUTSK: YESTERDAY AND TODAY

This article provides a brief description of the theatrical life of the city of Irkutsk in the XX century and a more detailed description of the activities of professional theaters in the period 2016–2020, located in the city of Irkutsk.

Keywords: culture, theater, Irkutsk.

В 2021 г. город Иркутск отмечает свое 360-летие. Столица Восточной Сибири мо-
ложе самого древнего сибирского города – Тюмени – на 75 лет. И таким образом, Ир-
кутск является одним из старейших городов Сибири.

Во все свои исторические периоды развития Иркутск «задавал» определенные тра-
диции и тенденции в общекультурной динамике Восточной Сибири. Даже в условиях се-
рьезных вызовов и угроз (войны, революции и т. п.) город продолжал быть культурно
активным. В это время здесь основываются университеты, строятся учреждения культу-
ры, в том числе и театры.

Театральная жизнь города Иркутска является очень насыщенной и яркой и по сей
день. В настоящее время на территории города Иркутска располагаются 6 театров:
5 областных и 1 муниципальный.

1. ОГАУК Иркутский академический драматический театр имени Н. П. Охлопкова
(1850 год основания).

2. ГАУК Иркутский областной театр юного зрителя имени А. Вампилова (1928 год
основания).

3. ОГАУК Иркутский областной музыкальный театр имени Н. М. Загурского
(1941 год основания).

4. ГАУК Иркутский областной театр кукол «Аистенок» (1959 год основания).

5. ИО ГБУК Театр-студия «Театр пилигримов» (1987 год основания).

6. МБУК Иркутский городской театр народной драмы (1977 год основания).

Интересно отметить, что А. В. Вампилов, Н. М. Загурский и Н. П. Охлопков, имена
которых носят иркутские театры, являются уроженцами Иркутской области.

В данной работе хотелось бы также более подробно проанализировать театральную
сферу культурной жизни г. Иркутска за 2016–2020 гг. Развитие театральной деятельно-
сти в Иркутской области в это время осуществлялось на основе Концепции развития те-
атрального искусства на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правитель-
ства Иркутской области от 9 августа 2012 г. № 372-рп.

В 2020 г. в распоряжении театров г. Иркутска находилось 14 зданий, из них 10 при-
надлежат государственному театрам, 4 – муниципальному театру народной драмы. Про-
цент зданий, находящихся в неудовлетворительном состоянии (аварийное состояние или
требующее капитального ремонта), составляет 78,5 %. Некоторые здания театров явля-
ются объектами культурного наследия, что вызывает ряд затруднений, связанных с их

ремонтom и реставрацией. Число зрительных залов в 2020 г. составляло 12 ед., их общая вместимость – 2602 зрительных места.

За последние 5 лет иркутскими театрами было проведено более 7,5 тыс. мероприятий (рис. 1). Наиболее яркими событиями в театральной жизни г. Иркутска и всего региона являются различные театральные фестивали: Областной Пасхальный фестиваль «Пасхальная радость», Фестиваль молодежных любительских театров «Алые паруса», Международный театральный фестиваль-лаборатория «Сибирская рампа», Международные музыкальные фестивали «Звезды на Байкале» и «Джаз на Байкале» и др.

Значительное сокращение театральных мероприятий в 2020 г. связано с тем, что в соответствии с указами Губернатора Иркутской области от 18 марта 2020 г. № 59-уг «О введении режима функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы Иркутской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», от 12 октября 2020 г. № 279-уг «О режиме функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы Иркутской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» на территории Иркутской области была приостановлена деятельность в учреждениях культуры на срок до ликвидации угрозы распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). В связи с этим, театры со второго квартала предоставляли услуги в дистанционном режиме (без очного присутствия потребителей посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»).

Так, за прошедший год число театральных гастролей иркутских театров в пределах РФ составило всего 1 ед., в пределах своей территории – 6 ед. Зарубежные гастроли и выступления на гостевых площадках оказались для театров невозможны.

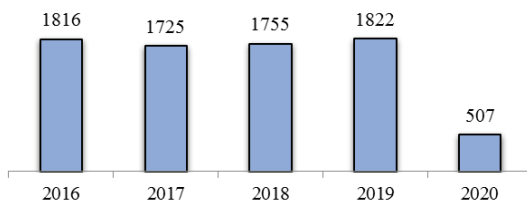

Рис. 1. Число мероприятий, проведенных театрами г. Иркутска (2016–2020 гг.), ед.

За период 2016–2020 гг. театральные мероприятия, проводимые театрами г. Иркутска, посетило более 2 млн человек (рис. 2). И хотя в 2020 г. число зрителей существенно уменьшилось, можно говорить о том, что иркутяне не потеряли свой интерес к театральному творчеству – соотношение числа мероприятий и зрителей на них в 2016–2019 гг. и в 2020 г. осталось прежним.

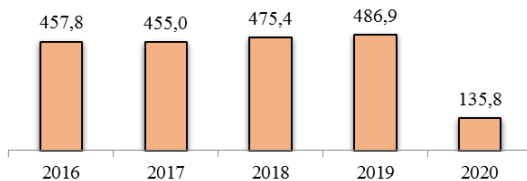

Рис. 2. Число зрителей на мероприятиях, проведенных театрами г. Иркутска (2016–2020 гг.), тыс. чел.

В части репертуарной политики особое внимание уделяется осуществлению новых театральных постановок, основанных на произведениях отечественной и мировой классики, продвижению произведений современной отечественной драматургии. Новые постановки позволяют расширить репертуарную политику, являются важным показателем художественного состояния театра и его труппы.

Театры Иркутской области обеспечивают фактически полный спектр видов и жанров театрального искусства: драма, опера, балет, современная хореография, оперетта, мюзикл, театр кукол. В 2020 г. театрами г. Иркутска был поставлен 21 новый спектакль.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что культура Иркутска со времен его основания играет большую роль в развитии города, сохранении его самобытности, уникальности. Культурная, а в особенности театральная, жизнь г. Иркутска «бурлит» от даты основания первого театра и по сей день. Театры имеют большое значение для иркутян и жителей региона в целом, способствуют росту уровня их культуры, укреплению и развитию духовной жизни горожан, что благотворно сказывается на социальной, культурной и экономической составляющей жизнедеятельности всего общества.

Литература

1. Государственные и муниципальные учреждения культуры Иркутской области в цифрах за 2020 год / сост.: Н. В. Рудакова, М. К. Качан, Г. К. Перваго. Иркутск, 2021. 150 с.
2. Состояние сферы культуры муниципальных образований Иркутской области на 1 января 2021 года : аналитический сборник / сост.: Н. В. Рудакова, Г. К. Перваго, М. К. Качан. Иркутск, 2021. 138 с.
3. Информационно-аналитическая справка о деятельности учреждений культуры Иркутской области за период с 2016 по 2020 год / сост.: Н. В. Рудакова, М. К. Качан. Иркутск, 2021. 35 с. (*на правах рукописи*).
4. АИС «Статистическая отчетность отрасли» ГИВЦ Минкультуры России. URL: <https://stat.mkrf.ru> (дата обращения: 26.04.2021).

УДК 331.108.2:008(571.53)

Г. К. Перваго

ГБУ ДПО Учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», г. Иркутск

АНАЛИЗ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА ГОРОДА ИРКУТСКА

Статья посвящена анализу кадрового обеспечения государственных и муниципальных учреждений культуры города Иркутска. Уточняется, что в разрезе видов деятельности учреждений культуры невозможно провести сравнительную характеристику кадрового состава на основе данных федеральной статистической отчетности. Используя данные мониторингового исследования, проводится сравнительная характеристика административно-управленческого состава и основного персонала организаций культуры в разрезе видов деятельности учреждений. В результате определяются проблемы кадрового обеспечения учреждений культуры г. Иркутска.

Ключевые слова: кадровый состав, учреждения культуры, административно-управленческий персонал, основной персонал.

G. K. Pervago

GBU DPO Irkutsk educational and methodical center of culture and art «Baikal», Irkutsk

ANALYSIS OF STAFFING OF CULTURAL AND ART INSTITUTIONS IN IRKUTSK

The article is devoted to the analysis of personnel support of state and municipal cultural institutions of the city of Irkutsk. The author clarifies that in the context of the types of activities of cultural institutions, it is impossible to make a comparative characteristic of the personnel composition on the basis of federal statistical reporting data. Using the data of the monitoring study, the author conducts a comparative characteristic of the administrative and managerial staff and the main personnel of cultural organizations in the context of the types of activities of institutions. As a result, the problems of staffing cultural institutions in Irkutsk are determined.

Keywords: personnel structure, cultural institutions, administrative and managerial personnel, main personnel.

Качество оказания услуг учреждениями культуры населению в первую очередь зависит от обеспеченности сферы культуры квалифицированными кадрами, имеющими специальную подготовку. В целях оценки кадрового потенциала организаций культуры, а также системного анализа происходящих в кадровой структуре изменений можно использовать информацию федеральной статистической отчетности в сфере культуры и искусства. Однако, в разрезе видов деятельности учреждений культуры информация о персонале резко отличается. Так, например, в формах федеральной статистической отчетности 6-НК, 7-НК, 8-НК, 9-НК отражаются данные о численности работников всего и численность основного персонала. Форма статистической отчетности 6-НК наиболее полно отражает информацию об основном персонале учреждений культуры библиотечного вида. В форме 8-НК рассматривается стаж работников музеев из числа штатного персонала, а образование из численности основного персонала. В форме 9-НК учитываются не все работники основного персонала театров, а только артистический и художественный персонал. В этой связи, в целях оценки кадрового потенциала сферы культуры Иркутской области, а также непосредственно кадрового обеспечения государственных и муниципальных учреждений культуры квалифицированными специалистами, был проведен мониторинг «Состояние кадрового состава организаций культуры». В мониторинге приняли участие 36 государственных учреждений культуры и муниципальных учреждений культуры 42 муниципальных образований Иркутской области. Данные о текущей ситуации по объему работников и кадровой потребности государственных и муниципальных учреждений культуры Иркутской области представлены по состоянию на 01.04.2021 г.

Опираясь на данные мониторинга, проведем сравнительную характеристику административно-управленческого состава и основного персонала государственных и муниципальных учреждений культуры г. Иркутска в разрезе видов деятельности учреждений по двум показателям: возраст работника культуры и образование работника культуры.

В настоящее время в г. Иркутске действует 76 государственных и муниципальных учреждений культуры. Из них, 30 библиотек, 15 учреждений дополнительного образования детей в сфере культуры, 8 музеев, 6 театров, 4 учреждения среднего профессионального образования в области искусства, 4 культурно-досуговых учреждения, 1 концертная организация и 8 учреждений культуры, относящихся к разряду иных. По состоянию на 1 апреля 2021 г. общее число работников в учреждениях культуры г. Иркутска составило 3876 чел., в том числе 2566 (66,2 %) работников государственных учреждений культуры и 1310 (33,8 %) работников муниципальных учреждений культуры.

Численность административно-управленческого персонала (АУП) государственных и муниципальных учреждений культуры насчитывает 215 чел. (5,5 % от общего числа работников), в том числе 108 чел. (50,2 %) руководящий состав государственных учреждений культуры, 107 чел. (49,8 %) – руководящие работники муниципальных учреждений культуры.

В разрезе видов деятельности учреждений дифференциация административно-управленческого персонала представлена следующим образом: учреждения дополнительного образования детей – 55 чел. (25,6 %); библиотеки – 50 чел. (23,3 %); театры – 28 чел. (13,0 %); музеи – 23 чел. (10,7 %); иные учреждения – 22 чел. (10,2 %); учреждения среднего профессионального образования – 19 чел. (8,8 %); культурно-досуговые учреждения – 14 чел. (6,5 %); концертные организации – 4 чел. (1,9 %).

Преимущественное большинство руководящих работников отрасли – женщины – 83,3 % (179 чел.), доля мужчин составляет 16,7 % (36 чел.). Среди работников административно-управленческого персонала учреждений культуры Иркутской области наиболее многочисленной является возрастная группа от 35 до 55 лет. В совокупности доля работников административно-управленческого персонала в возрасте от 35 до 55 лет насчитывает 51,2 % (110 чел.) от общей численности административно-управленческого персонала учреждений культуры г. Иркутска. Доля руководящих работников в возрасте

до 35 лет невысока – 7,4 % (16 чел.), доля работников административно-управленческого персонала в возрасте старше 55 лет – 41,4 % (89 чел.). Совокупную долю руководящего персонала пенсионного возраста следует признать достаточно высокой, она составляет 36,3 % (78 чел.) от общего числа работников АУП учреждений культуры города.

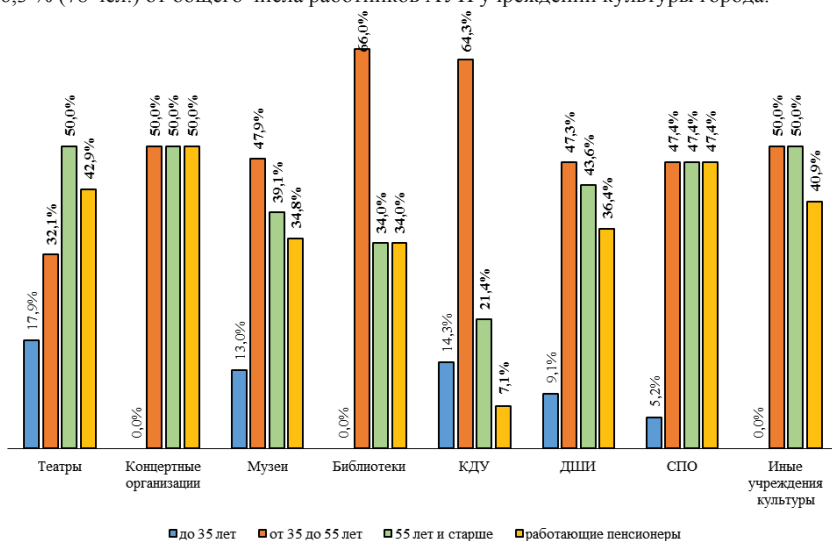

Рис. 1. Дифференциация работников административно-управленческого персонала учреждений культуры г. Иркутска по возрасту, (%)

На рис. 1 показана возрастная структура руководящих работников государственных и муниципальных учреждений культуры г. Иркутска. В разрезе видов деятельности организаций культуры города, наибольшая доля молодых руководящих работников в театральных организациях – 17,9 %. Следует обратить внимание на тот факт, что в концертных организациях, библиотеках и иных учреждениях культуры нет работников административно-управленческого персонала возрастной категории до 35 лет. Самая высокая доля руководящих работников пенсионного возраста в концертных организациях (50,0 %), учреждениях среднего профессионального образования в сфере культуры (47,4 %) и иных учреждениях культуры (40,9 %).

Относительно образовательного уровня руководящего персонала государственных и муниципальных учреждений культуры г. Иркутска необходимо отметить, что наибольшая часть руководящих работников, а именно 201 чел. (93,5 %) имеют высшее образование. Однако, высшее образование в сфере менеджмента и управления имеется только у 38 чел. (17,7 % от общего числа руководящих работников). Среднее профессиональное образование имеется у 14 чел. (6,5 %), из них образование в сфере менеджмента и управления – 2 чел. (0,9 %).

Важно отметить, что наиболее высокий уровень образования в сфере менеджмента и управления (66,7 %) у руководящих работников концертных организаций. В то же время, доля руководящих работников, имеющих образование в сфере менеджмента и управления распределилась следующим образом: учреждения дополнительного образования детей – 32,7 %; культурно-досуговые учреждения – 28,6 %; театры – 25,0 %; учреждения среднего профессионального образования – 10,5 %; иные учреждения культуры – 9,1 %; библиотеки – 8,0 %; музеи – 4,3 % (рис. 2).

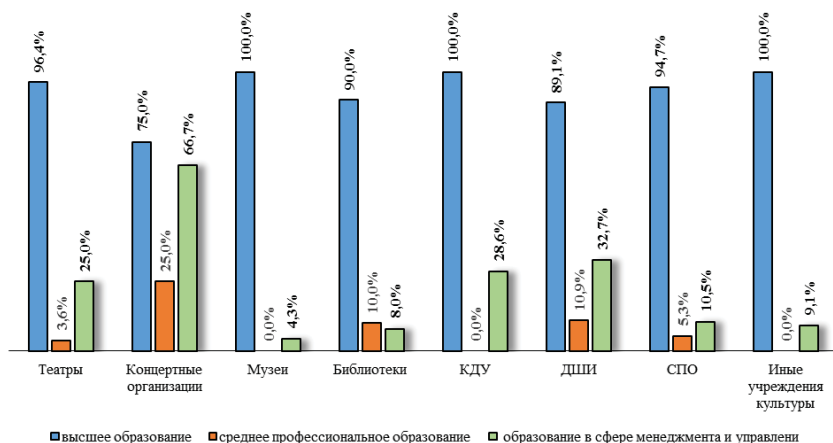

Рис. 2. Дифференциация работников административно-управленческого персонала учреждений культуры г. Иркутска по возрасту, (%)

В получении высшего образования в сфере менеджмента и управления нуждаются 8 чел., что составляет 3,7 % от числа руководящих работников учреждений культуры и искусства города. Из них 6 руководящих работников учреждений среднего профессионального образования и 2 руководящих работника учреждений дополнительного образования детей.

В переподготовке в сфере менеджмента и управления нуждаются 67 чел., что составляет 31,2 % от числа руководящих работников учреждений культуры и искусства г. Иркутска. Наиболее востребована переподготовка в сфере менеджмента и управления у руководящего состава библиотек – 64,0 %.

Численность основного персонала государственных и муниципальных учреждений культуры города Иркутска насчитывает 2 353 чел. (60,7 % от общего числа работников). Численность специалистов государственных учреждений культуры – 1 564 чел. (66,5 %), численность специалистов муниципальных учреждений культуры – 789 чел. (33,5 %).

Распределение основного персонала в учреждениях культуры г. Иркутска представлено следующим образом: театры – 575 чел. (24,4 %); детские школы искусств – 546 чел. (23,2 %); библиотеки – 386 чел. (16,4 %); учреждения среднего профессионального образования – 259 чел. (11,0 %); музеи – 213 чел. (9,1 %); концертные организации – 156 чел. (6,6 %); иные учреждения – 112 чел. (4,8 %); культурно-досуговые учреждения – 106 чел. (4,5 %).

Преимущественное большинство специалистов, работающих в отрасли – женщины – 73,2 % (1 723 чел.), доля специалистов мужчин составляет 26,8 % (630 чел.). Среди специалистов учреждений культуры города наиболее многочисленной является возрастная группа от 35 до 55 лет. В совокупности доля специалистов в возрасте от 35 до 55 лет насчитывает 41,4 % (973 чел.) от общей численности основного персонала учреждений культуры г. Иркутска. Доля молодых специалистов в возрасте до 35 лет – 25,2 % (593 чел.), доля специалистов в возрасте старше 55 лет – 33,4 % (787 чел.). Совокупную долю работающих пенсионеров следует признать достаточно высокой, она составляет 29,3 % (690 чел.) от общего числа работников основного персонала учреждений культуры столицы региона.

На рис. 3 показана возрастная структура специалистов государственных и муниципальных учреждений культуры г. Иркутска. В разрезе вида деятельности организаций культуры Иркутской области более молодым является основной персонал театральных и концертных организаций города – 32,9 % и 39,7 % соответственно. Наименьшая доля молодых специалистов (в возрасте до 35 лет) в культурно-досуговых учреждениях – 19,8 % и учреждениях дополнительного образования детей – 18,1 %. В то же время следует заметить, что самая высокая доля работающих пенсионеров в культурно-досуговых учреждениях (44,3 %), в учреждениях дополнительного образования детей (35,7 %) и музеях (34,3 %).

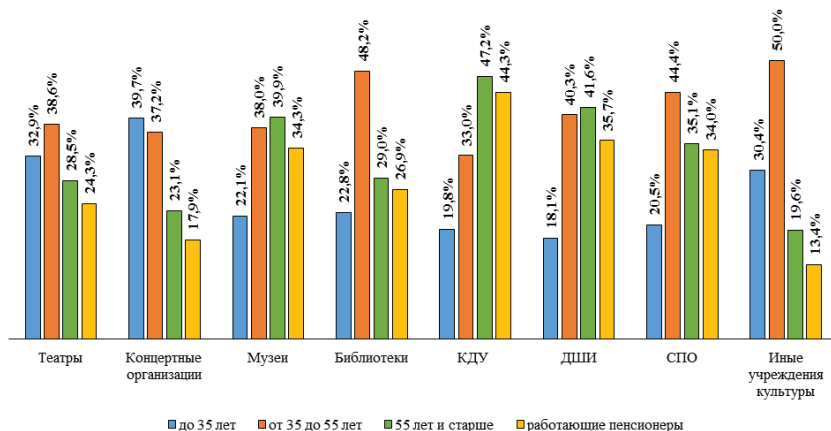

Рис. 3. Дифференциация специалистов учреждений культуры Иркутской области по возрасту, (%)

Относительно образовательного уровня специалистов отрасли необходимо отметить, что примерно половина работников основного персонала, а именно 1672 чел. (71,1 %) имеют высшее образование. Из них высшее профильное образование имеют 79,7 % специалистов. Среднее профессиональное образование имеется у 599 чел. (25,5 %), из них среднее профессиональное профильное образование – 79,5 %. Однако 82 чел. (3,5 %) работают в учреждениях культуры и искусства, имея лишь общее среднее образование.

В разрезе видов деятельности организаций культуры города наибольшая доля специалистов с высшим образованием в учреждениях среднего профессионального образования – 92,3 %, библиотеках – 85,0 % и иных учреждениях культуры – 83,0 %. Наибольшее число работников с общим средним образованием в театральных организациях города – 9,7 % (рис. 4). Наиболее высокий уровень профессионального образования специалистов учреждений культуры характерен для образовательных организаций. В совокупности доля специалистов с высшим профильным и средним профессиональным образованием по профилю работы составляет: в учреждениях среднего профессионального образования – 100,0 %; в учреждениях дополнительного образования детей – 94,9 %; в музеях – 84,0 %; в концертных организациях – 82,1 %; в культурно-досуговых учреждениях – 73,6 %; в театрах – 69,4 %; в иных учреждениях культуры – 67,9 %; в библиотеках – 44,6 %.

В настоящее время получают образование в учреждениях высшего образования страны 111 чел., из них 50 чел. в вузах культуры и искусства. По специальностям в сфере культуры и искусства в образовательных организациях высшего образования Иркутской области обучаются 10 чел. (20,0 % от числа обучающихся в образовательных организа-

циях высшего образования культуры и искусства). Наибольшая доля обучающихся специалистов в учреждениях культурно-досугового типа – 11,3 %; учреждениях дополнительного образования детей – 9,2 %; в музеях – 5,8 %.

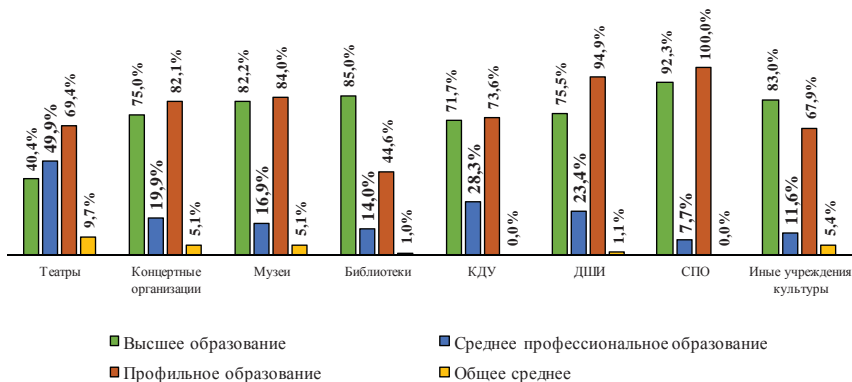

Рис. 4. Дифференциация специалистов учреждений культуры Иркутской области по образованию, (%)

В получении высшего образования в сфере культуры и искусства нуждаются 64 чел., что составляет 2,7 % от числа работников основного персонала учреждений культуры и искусства г. Иркутска. В переподготовке в сфере культуры и искусства нуждаются 65 чел., что составляет 2,8 % от числа работников основного персонала учреждений культуры и искусства Иркутской области.

Подводя итоги сравнительной характеристики по возрасту и образованию работников культуры в разрезе видов деятельности учреждений культуры необходимо выделить следующие проблемы кадрового обеспечения учреждений культуры г. Иркутска:

- Старение руководящего состава в концертных организациях, в учреждениях среднего профессионального образования и иных учреждений культуры, о чем свидетельствует высокая доля работающих пенсионеров.
- Отсутствие образования в сфере менеджмента и управления у значительного числа административно-управленческого персонала учреждений культуры г. Иркутска.
- Старение кадрового состава, о чем свидетельствует невысокая доля молодых специалистов и высокая доля работающих пенсионеров. В наибольшей степени проблема старения кадров характерна для учреждений среднего профессионального образования в сфере культуры и искусства, музеев, учреждений дополнительного образования детей и культурно-досуговых учреждений.
- Отсутствие профильного образования у значительного числа основного персонала библиотек г. Иркутска.

Обобщая вышесказанное, следует сделать вывод, что существует дисбаланс на рынке труда в сфере культуры и искусства. Для решения проблемы дефицита кадров необходим комплексный подход: укрепление материально технической базы учреждений в сфере культуры, поиск механизмов привлечения инвестиций в культуру, повышение квалификации кадрового состава, с учетом современных требований в новых экономических и социальных условиях. Ключевым решением кадровой проблемы может стать целевое обучение по программам среднего профессионального и высшего образования в сфере культуры и искусства в пределах установленной квоты с последующей лимитированной обработкой по полученной специальности.

**ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ,
ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ СОСТОЯНИЕ ЦИВИЛИЗОВАННОГО ОБЩЕСТВА**

Рассматриваются научные подходы к определению «качество жизни», «уровень жизни». Анализируются некоторые показатели качества и уровня жизни. Акцентируется внимание на качестве жизни населения г. Иркутска и Иркутской области. Определяются проблемы, влияющие на качество жизни населения.

Ключевые слова: качество жизни, уровень жизни, показатели качества и уровня жизни, благосостояние народа, экономическое и политическое развитие страны.

V. N. Merinova, T. V. Gladkova
Irkutsk State University, Irkutsk

**THE MAIN INDICATORS OF THE QUALITY OF LIFE, CHARACTERIZING
THE CONDITION OF A CIVILIZED SOCIETY**

The article is devoted to the scientific approach to the definition of “quality of life”, “standard of living”. The main indicators and standard of living are investigated. Attention is paid to the quality of life in Irkutsk, also in Irkutsk region. Some problems in the development of our state are noted that affect the quality of life of the population.

Keywords: quality of life, standard of living, indicators of quality of life and standard of living, welfare of the people, economic and political development of the country.

Состояние любого общества характеризуется качеством или уровнем жизни. «Качество жизни», согласно принятому мнению, можно представить как некую социально-экономическую категорию, включающую в себя не только уровень потребления материальных благ и услуг (уровень жизни), но и удовлетворение духовных потребностей, здоровье, продолжительность жизни, условия окружающей человека среды, морально-психологический климат, душевный комфорт [3].

Понятие качества жизни имеет довольно сложную структуру. Некоторые авторы отмечают, что в него, с их точки зрения, включаются качество здоровья, популяции, качество образования, качество природной среды, духовность. Таким образом, можно сказать, что качество жизни – это необходимые условия для жизни человека, которые обеспечивали бы жизненные блага, в том числе материальные богатства и духовные ценности.

На сегодняшний день можно отметить, что понятие «потребности» и понятие «интересы» в достаточной мере используются среди представителей экономических наук, где человек является субъектом хозяйствующей деятельности и его действия направлены для достижения определенных целей.

В основе всего социального развития находится единство и противоречие как потребностей, так и интересов человека. Поэтому следует отметить, что основной движущей силой и целью развития современного общества является сам процесс выбора человеком способа удовлетворения своих потребностей. Поэтому качество жизни можно рассматривать как «степень развития и полнота удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов людей, проявляющихся в различных формах деятельности, так и в самом жизнеощущении» [1].

Существуют и другие определения качества жизни, где специалисты различных отраслей знаний рассматривают структуру понятия «качество жизни» как совокупность жизненных ценностей, характеризующих виды деятельности, структуру потребностей и условия существования человека (групп населения, общества), удовлетворен ли человек окружающей средой, каковы же социальные отношения, а также удовлетворен ли человек в целом своей жизнью.

Более конкретно в их методике качество жизни рассматривается как комплекс характеристик жизнедеятельности индивида (группы людей или населения в целом), обу-

словливающих ее оптимальное протекание в конкретное время, в определенных условиях и месте и обеспечивающих адекватность ее (жизни) параметров основным видам деятельности и потребностям человека (биологическим, материальным, духовным и др.) [1].

Характеризуя сущность качества жизни как социально-экономической категории, можно выделить некоторые особенности:

Во-первых, качество жизни – это широкое понятие, которое имеет множество грани и рассматривается не только в пределах экономики, а можно сказать затрагивает все сферы деятельности человеческого общества.

Во-вторых, качество жизни имеет не только объективную, но и субъективную сторону. Если рассматривать с объективной стороны качество жизни, т. е. говорить о степени удовлетворения потребностей и интересов людей, где объективным критерием оценки служат научные нормативы потребностей и интересов людей. И в то же время, с другой стороны, потребности и интересы у каждого человека индивидуальны, т. е. субъективны. Поэтому можно сказать, что качество жизни выступает в двух формах, а это степень удовлетворения научно-обоснованных потребностей и интересов и удовлетворенность самих людей качеством жизни.

В-третьих, качество жизни тесно связано с другими категориями и даже объединяет некоторые, например, образ жизни и уровень жизни.

Качество жизни населения не только различно в государствах, но и различно в территориях отдельно взятом государстве. Можно выделить ряд факторов, которые влияют на качество жизни, например, экономические, социальные, техногенные, демографические, экологические, географические, политические, моральные. Кроме этих факторов можно выделить основные характеристики качества жизни – уровень потребления продуктов питания, эпидемиологическая обстановка, загрязненность окружающей среды, рождаемость и смертность, ожидаемая продолжительность жизни, уровень заболеваемости, услуги здравоохранения, образования и социального обеспечения, уровень занятости и качество трудовой жизни, уровень преступности, жилищные условия, развитие сферы услуг и т. д.

Рассмотрим некоторые показатели качества жизни, например, качество образования. Образование является фундаментальным процессом в жизни, которое позволяет человеку адаптироваться к окружающей действительности, приобрести модели поведения, необходимые ему для эффективного участия в жизни общества. Систему образования можно представить из нескольких элементов: дошкольное воспитание и образование; общеобразовательная школа; профессионально-техническое образование; среднее профессиональное образование; высшее образование; послевузовское образование; переподготовка специалистов.

Характеризуя систему образования в России, отметим, что постоянно увеличивается число новых видов образовательных учреждений таких как лицеи, гимназии, образовательные центры, которые позволяют лучше учитывать различные познавательные интересы учеников путем внедрения новых личностно-ориентированных технологий обучения и воспитания. С учетом развития общества, совершенствуется содержание таких дисциплин как обществознание, экология, технология, информатика и экономика, основы безопасности жизнедеятельности.

Национальный проект в области образования предполагает создание технопарков «Кванториум» как новых моделей дополнительного образования, оснащенных высокотехнологическим оборудованием и специализированными программами. Необходимо открывать центры образования естественно-научной и технологической направленности в сельской местности и малых городах. Требуется обновление материально-технической базы в школах сельской местности.

Большое влияние на качество жизни оказывает система здравоохранения как отдельный социальный институт, ответственный за проблемы здоровья и болезни челове-

чества. В настоящее время внимание уделяется развитию системы оказания первичной медико-санитарной помощи, проводится ряд мероприятий, направленных на уменьшение доли сердечно-сосудистым заболеваниям, активизирована борьба с онкологическими заболеваниями, особое внимание на развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям, обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами, развитие сети национальных медицинских исследовательских центров и внедрение инновационных медицинских технологий, создание единого цифрового контура на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ), развивается экспорт медицинских услуг. Но, к сожалению, все эти направления в здравоохранении развиваются медленными темпами и не во всех регионах страны.

На качество жизни влияет и экологическая обстановка. С развитием технического прогресса, человек воздействует на живую природу, мало обращает внимание на окружающую среду, загрязняя воздух, почву, воду, а это приводит к вымиранию животных, птиц, растений, рыбы и негативно сказывается на состоянии здоровья человека. В различных регионах экологическая ситуация также различна, в зависимости от которой осуществляется дифференцированный подход к требованиям исходных данных, различный подход к необходимым исследованиям и испытаниям и по итогам этих проводимых работ присваивается экологическая категория района. Экологическая категория района отражает всю окружающую природу, характеризует состояние среды обитания и здоровье не только человека, но и среду обитания для зверей, птиц, каково состояние водного мира, отражает состояние естественных экосистем.

Рассматривая качество жизни населения, необходимо отметить, что важнейшими составляющими качества жизни выступают доходы населения и его социальное обеспечение, потребление им материальных благ и услуг, условия жизни, свободное время.

Российское общество, как и любое общество, является многослойным. После распада Советского Союза исчезло всеобщее равенство людей и социальные различия разделили население на бедных и богатых, появились и нищие. У богатых качество жизни улучшилось, они счастливы и в противовес им – материально озабоченные. Однако, несмотря на отмечаемый экономический рост, по многим показателям, уровень имущественного неравенства в России растет, снижаются реальные доходы населения, что приводит к снижению платежеспособного спроса и продолжает увеличиваться расслоение общества. В настоящее время отмечается и сокращение доходов бюджета страны из-за сокращения предпринимателей, которые закрывают свой бизнес, либо закрываются по причине ситуации, связанной с пандемией.

Эксперты отмечают, что падение реальных доходов населения связано в первую очередь с социальными выплатами и теневым бизнесом. Реальные объемы социальных выплат продолжают снижаться, а нуждающихся в них становится больше за счет роста безработицы. На фоне продолжительного падения доходов населения страны, снижается и уровень жизни, а вместе с ним, все больше россиян попадают за черту бедности [7]. Анализируя реальные доходы среднестатистического россиянина, можно отметить, что они значительно упали, а это приводит к выезду в страны дальнего зарубежья в роли трудовых мигрантов в поисках лучшей жизни за границей.

Рассматривая субъекты Российской Федерации, можно отметить, что по данным агентства «Национальные кредитные рейтинги» на первой строчке по качеству жизни 2019 г. находится Санкт-Петербург, Москва, Белгородская область, Московская область. Высокий уровень благосостояния регионов обусловлен не только их промышленным потенциалом, наличием высокотехнологических производств или инвестиционной активностью, но и по целому ряду индикаторов, влияющих на уровень жизни населения, например, высоким уровнем оплаты труда, а также высоко развитой сферой услуг и социальной сферой, транспортной инфраструктурой, высоким оборотом розничной торговли на душу

населения, доступом жилья, уровнем занятости и т.д. В замыкающей строке республика Тыва, Карачаево-Черкесия, Алтай, Еврейская Автономная область, Калмыкия [5].

С категорией «качество жизни» при характеристике условий жизни населения тесно связано понятие «уровень жизни». Под уровнем жизни понимаются обеспеченность населения необходимыми материальными благами и услугами, а также достигнутый уровень их потребления и степень удовлетворения разумных (рациональных) потребностей [7].

Можно выделить четыре уровня жизни населения: достаток, когда у человека есть возможность пользоваться всеми благами, которые способствуют его всестороннее развитие; нормальный уровень, когда правильное потребление человеком происходит по научно обоснованным нормам, которые обеспечивают ему восстановление его физических и интеллектуальных сил; бедность, когда потребление благ происходит только на уровне сохранения работоспособности т. е. для воспроизводства рабочей силы; нищета, когда потребление благ и услуг минимально и лишь позволяет поддерживать жизнеспособность человека.

Существует множество показателей, которые отражают социально-экономическое состояние общества, но ученые многих стран продолжают поиск новых показателей, чтобы еще с более точной долей вероятности показать реальность. Очень важно знать, от каких показателей зависит качество и уровень жизни. Н. А. Горелов рассматривает категорию «уровень жизни» в узком и широком смыслах. В узком понимании, – через характеристику уровня потребления населения и степени удовлетворения потребностей (измерение доходов, расходов и потребления населением благ и услуг). В широком понимании, – через характеристику уровня человеческого развития (состояние здоровья и возможности населения для удовлетворения потребностей) и условий жизнедеятельности населения (состояние среды обитания и безопасности населения) [2]. Таким образом, в узком смысле слова, уровень жизни выражается в количестве потребляемых человеком благ и услуг, т. е. как отношение уровня доходов населения к стоимости жизни. При этом в широком смысле как характеристика качества жизни. Поэтому уровень жизни рассматривается в экономической системе ресурсы-потребления. Согласно данной точки зрения, «уровень жизни – это комплекс условий функционирования человека в сфере потребления, проявляющегося в масштабе развития потребностей людей и характера их удовлетворения. Системообразующей основой при этом выступают разнообразные человеческие потребности и нужды, возникающие и реализующиеся в сфере потребления» [2].

Приоритетность характеристик потребления при исследовании уровня жизни признается и другими учеными. По мнению И. И. Елисеевой, «...под уровнем жизни понимается обеспеченность населения необходимыми материальными благами и услугами, достигнутый уровень их потребления и степень удовлетворения разумных (рациональных) потребностей» [4]. Ряд исследователей развивают понятие «стоимость жизни» и приравнивают его к понятию «уровень жизни». Так, авторы работы «Стоимость жизни и ее измерение» считают, что в «классическом» понимании термин «стоимость жизни» используется для обозначения стоимости совокупности предметов потребления, соответствующей определенному уровню удовлетворения потребностей. При таком понимании термин «стоимость жизни» в наибольшей степени соответствует содержанию понятий уровня жизни или благосостояния населения, уровень и структура которых максимально возможным образом учитываются наряду с непосредственным изменением цен совокупное влияние целого ряда существенных факторов: динамику различных видов доходов, сбережений, улучшение системы бесплатного обслуживания, изменение налогообложения личных доходов, прогресс в структуре потребления населения и т. д.» [7].

Некоторые показатели уровня жизни населения включают в себя уровень благосостояния, количество оплачиваемых отпускных дней, комфорт, товары и предметы первой необходимости, которые доступны людям различных социально-экономических классов. Также есть финансово-экономические индикаторы, к которым можно отнести: доход,

возможности трудоустройства, стоимость товаров и услуг и уровень инфляции. Другие факторы, связанные с уровнем жизни, включают: классовое неравенство, уровень бедности, качество и доступность жилья, часы работы, наличие предметов первой необходимости, ВВП, доступность и качество медицинской помощи, качество и доступность образования, заболеваемость, инфраструктура, национальный экономический рост, экономическая и политическая стабильность, политическая и религиозная свобода, качество окружающей среды, климат и безопасность. Все эти показатели взаимосвязаны и дополняют друг друга.

Малейшая перемена в одном из них может существенно повлиять на все другие. Показатели материального благосостояния, к которым относятся труд и занятость, оказывают существенное воздействие на всю экономику страны, поэтому страны всегда заинтересованы в их улучшении. Эффективным способом является повышение квалификации сотрудников и предоставление профессиональной программы обучения.

Когда стало очевидно, что категория уровень жизни всесторонне отражает благосостояние населения, появился термин «качество жизни». Существующие трактовки и определения самого понятия «качество жизни» неоднозначны и, несмотря на большой интерес к этой проблематике у многих исследователей, остаются дискуссионными.

Основными направлениями повышения качества жизни населения являются:

1. Необходимо, чтобы социальная защита населения была эффективной – это повышение размера социальных пособий, страховых и социальных пенсий; адресная поддержка лиц, относящихся к категории бедных и льготных категорий населения; снижение дифференциации населения по уровню доходов; полный охват бедного населения государственными социальными программами; повышение эффективности государственной поддержки семьи.

2. Создание условий для развития предпринимательской деятельности за счёт улучшения условий доступа российских компаний к источникам долгосрочных инвестиций, обеспечения отраслей экономики высокопрофессиональными кадрами менеджеров, инженеров и рабочей силой, поддержки экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью и рациональной защиты внутренних рынков [7].

Уровень жизни в России – тема, которая обсуждается ежедневно всеми слоями общества. Так вышло, что природное благосостояние государства в разы превышает в разы уровень европейских стран, но финансовый рост, ВВП, средний уровень жизни простого гражданина отстают по одинаковым критериям от разных стран. Качество и уровень жизни во всех странах различно. Анализируя конкретно какую-либо страну можно отметить, что не все регионы по качеству жизни одинаковы.

Исследуя данную категорию, можно разобрать качество жизни и отдельно взятой административной единицы или отдельно взятой семьи. Рассмотрим, а как же живется в городе Иркутске? По данным рейтинга Финансового университета при Правительстве РФ, очень даже неплохо. В списке из 78 крупных городов, в каждом из которых население не менее 250 тыс. чел., Иркутск – на седьмом месте по качеству жизни. Еще в 2018 г. Иркутск занимал лишь 18 строчку рейтинга, которая состояла из следующих показателей: удовлетворенность населения уровнем образования и здравоохранения, благоустройством, коммунальным обслуживанием, работой местных властей и общим положением дел в городе. Среди других городов Иркутск занимает седьмую строчку, например, по уровню культуры и образования, ведь город у нас студенческий, есть несколько крупных вузов, в театрах, кино, галереях и библиотеках всегда есть посетители. Состояние жилого фонда, работа системы ЖКХ, благоустройство – в этих сферах Иркутск тоже попал в топ-10. Заметно преображаются улицы и дворы, благоустраиваются общественные пространства, самые яркие из них – «Иерусалимская гора», площадь у мемориала «Вечный огонь» и улица Урицкого, бульвар Гагарина (от памятника Александру III до улицы Красного Восстания), парк имени Парижской коммуны, набережная реки Уша-

ковки. Ежегодно осуществляется ремонт дорог и появляется новый общественный транспорт обустраиваются остановки. Развивается система здравоохранения и образования.

В отношении других показателей, характеризующих качество жизни, можно отметить, что индекс производства предприятий Иркутской области по итогам 2020 г. увеличился на 2,2 п.п. Увеличился и объем инвестирования на 7,8 %. Увеличилась и заработная плата на 7 % по отношению к предыдущему году, а по объему полученной прибыли Иркутская область занимает 13 место среди регионов России [6]. Несмотря на то, что город с каждым годом преобразуется в лучшую сторону, но все-таки есть определенные моменты во всех сферах жизнедеятельности, которые требуют преобразований, приводящие к повышению качества жизни населения.

Рассматривая вопросы уровня и качества жизни населения на данный момент, можно отметить, что эта тема является злободневной и важной. Удовлетворенность жизнью зависит от экономических условий только на 40 %, а на 60 % от психологических факторов. Исторический опыт показывает, что снижение качества жизни, но не уровня жизни является предпосылками для потрясений в стране. Качество жизни населения является неотъемлемой частью развития экономики. Его можно характеризовать, исходя из набора определенных показателей качества и уровня жизни населения. Когда государство реализует социально-экономическое развитие данные показатели могут либо улучшаться, либо ухудшаться.

Согласно данным российская экономика поднялась на 40 %, а увеличение реальных доходов населения составляет 10 % в год, только 23 млн человек живут за чертой бедности, на это и сказывается и низкий размер пенсии и минимальный размер оплаты труда, который недостаточный для воспроизводства человеческого потенциала, низкий размер пособия по безработице, ограниченный и недостаточный набор потребительской корзины [7]. Основной причиной различий в уровне жизни между разными странами является разница в уровне их национального дохода. Уровень национального дохода зависит от общего объема производства в стране. Страны с более высоким национальным доходом или объемом производства имеют более высокий уровень жизни, в то время как страны с более низким национальным доходом или объемом производства имеют более низкий уровень жизни.

Государству необходимо уделить внимание на малообеспеченное население страны, так как более двадцати пяти миллионов людей находятся за чертой бедности. В рыночной экономике большое значение имеет развитие отечественного производства, также поддержка малого и среднего бизнеса [7].

Улучшения качества жизни населения России является важнейшей стратегической задачей развития страны и это подтверждает подписанный в июле 2020 г. Президентом РФ В. Путиным Указ «О национальных целях развития страны до 2030 года», который включает: сохранение населения и поддержание здоровья; создание благоприятных условий для личного роста и самоактуализация; поддержание стабильной и надежной социальной среды; комфортный и высокоэффективный труд.

Проводимая политика Президента РФ и Правительства РФ направлена на стабильное и устойчивое развитие государства, на преодоление экономических и политических кризисов, а также на смягчение их последствий, что неукоснительно влияет на качество жизни российских граждан.

Литература

1. Баженов С. А., Маликов Н. С. Качество жизни населения: теория и практика // Уровень жизни населения регионов России. 2002. № 10. С. 1–46.
2. Дашенко Ю. Ю. Уровень и качество жизни населения // Инновационное развитие. 2018. № 2. С. 31–32.
3. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 209.

4. Римашевская Н. М., Опилов Л. А. Народное благосостояние. Тенденции и перспективы. М.: Наука, 1991. С. 9.
5. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2019. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2019.
6. Социально-экономическое положение Иркутской области. URL: <https://irkobl.ru/region/economy/social/?print=y>.
7. Соболев Т. С. Современный уровень качества жизни населения России // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1, Экономика и управление. 2018. С. 20.

УДК 304.444

Е. В. Решетникова, С. С. Сосоров, Н. В. Грицких
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ИНКУЛЬТУРАЦИИ И СОЦИАЛИЗАЦИИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ГОРОДСКИХ УСЛОВИЯХ

Исследуется влияние национальных традиций на формирование основных личностных качеств молодого человека. Описываются специфика инкультурации и её влияние на развитие личности. Процесс социализации рассматривается как один составляющих и ведущих факторов усвоения ведущих норм и традиций общества.

Ключевые слова: молодёжь, национальные традиции, социализация, инкультурация, творчество.

E. V. Reshetnikova, S. S. Sosorov, N. V. Gritskich
Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF NATIONAL TRADITIONS IN THE INCULTURATION AND SOCIALIZATION OF RURAL YOUTH IN URBAN CONDITIONS

This article is devoted the influence of national traditions to the formation of the basic personal qualities of young people. The specifics of inculturation and its influence on personality development are described. The process of socialization is considered as one of the components and leading factors in the assimilation of the leading norms and traditions of society.

Keywords: young people, national traditions, socialization, inculturation, creation.

На территории Иркутской области на сегодняшний день проживает большое количество представителей разных народов, включая коренные малочисленные народы бурятов, эвенков, тофалар. Несомненно, не каждый представитель той или иной национальности живет исключительно по нормам и традициям своего народа, особенно в городах. Со временем молодое поколение абстрагируется от традиций, полученных от предков в силу их невостребованности в жизни современного города. Однако ценность и необходимость национальных традиций играет значительную роль в социализации молодых людей в городском обществе.

Традиции представляют собой целостную систему, где мотивация, реализация и инструменты жизнедеятельности находятся в тесной связи между собой. Именно традиции формируют все народные культуры, на основе которых происходит обучение детей к выполнению своих функций в обществе. Так, правильность и рациональность собственных действий человек, воспитанный на основе народной культуры, оценивает в соответствии ценностям, ориентирам и нормам, которые свойственны его национальности. В течение всей осознанной жизни воспитанная культура в человеке является фундаментом его поведения и профессиональной, творческой, созидательной деятельности.

На сегодняшний день в Иркутской области, как и во всем мире, существует тенденция урбанизации. Данная ситуация подтверждается данными Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области, где указано, что 1851196 человек (77,9 % от общей численности населения Иркутской области) проживают в городской местности, а численность сельских жителей составляет 523825 человек [1]. Все больше и больше людей, в большей степени молодежи, стремятся обустроить свою жизнь в городе. Здесь важно отметить, что культура жизнедеятель-

ности в городе значительно отличается от культуры жизни в сельской местности, и молодым людям приходится адаптироваться к новым условиям. Происходит инкультурация и социализация сельской молодежи в городских условиях.

В ходе инкультурации происходят, с одной стороны, личностное развитие человека, социальная коммуникация и приобретение им основополагающих навыков своего жизнеобеспечения, а с другой – передача, закрепление и поддержание исторически накопленного многообразного социального опыта и обеспечение устойчивости социума [2].

Социализация – становление человека социального, процесс вхождения его в общество путем усвоения социальных ролей и норм, приводящий к формированию адекватной личности, что позволяет ей функционировать в качестве члена общества [2].

Молодые люди обладают особенностью к легкой адаптации в новых условиях, поскольку их сознание открыто для новых эмоций, переживаний, норм и ценностей. Чем моложе человек, тем легче проходит его социализация. Получив новые представления о жизни сельская молодежь начинает обустроить свою жизнь по новым правилам, где не всегда соседи приходятся друг другу друзьями, а продвижение по карьерной лестнице не зависит от родственных связей. Однако у человека остаются неизменными фундаментальные ценности и нравственные ориентиры сформированные родителями, родственниками и другими членами национальности.

Урбанизация является не односторонним процессом, поскольку, с одной стороны, она способствует установлению контактов между представителями разных народов, их взаимному культурному обогащению и обретению новых знаний и представлений о других народах и мире в целом. С другой стороны, урбанизация является причиной роста преступности, хулиганства, распространения наркотиков, проблем с жильем и т. д. Так или иначе, повышая у человека уровень этнического самосознания, принадлежности к национальной культуре, представляется возможным осознание им уникальности своего народа, культуры, традиций и понимания важности уважения других народов и их интересов.

Таким образом, национальные традиции являются важной частью развития личности ее социализации в городской среде. Приобретая новый социальный опыт, новые социальные связи и новую систему взаимоотношений между людьми, сельская молодежь опирается на опыт социальной жизни в селе, который чаще всего основан на народной культуре. Город является местом, где смена ориентиров жизнедеятельности людей происходит в большей степени, чем в сельской местности. Каждое новое поколение в городе, в сравнении с предыдущими поколениями, имеет новые «трендовые» интересы, увлечения, способы времяпровождения и выбор социального окружения. Именно поэтому национальные и культурные традиции являются защищающим фактором для сельской молодежи от негативного воздействия городской жизни во время учебы, работы и в других сферах жизнедеятельности.

Литература

1. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: <https://irkutskstat.gks.ru> (дата обращения: 14.05.2021).
2. Блягоз Н. Ш., Меретукова З. К. Национальные традиции в континууме «инкультурация – социализация» как средство духовно-нравственного воспитания молодежи в условиях полиэтнического региона // Известия ВГПУ. 2019. № 10 (143). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-traditsii-v-kontinuumе-inkulturatsiya-sotsializatsiya-kak-sredstvo-duhovno-nravstvennogo-vozpitanija-molodezhi-v> (дата обращения: 14.05.2021).

РАЗДЕЛ 4. РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СОДЕЙСТВИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ РЕГИОНОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

CHAPTER 4. THE ROLE OF FEDERAL AND MUNICIPAL AUTHORITIES IN SUPPORTING SOCIO-ECONOMIC AND SOCIO-DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF SIBERIA AND THE FAR EAST

УДК 338.2 7.05

С. П. Какаулин

Министерство экономического развития Иркутской области, г. Иркутск

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОЙ ИНДУСТРИИ НА СТАРЫХ ПРОМПЛОЩАДКАХ ГОРОДОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

С позиции государственного управления исследуются вопросы создания креативных кластеров на месте промзон и заброшенных зданий. Предлагаются различные варианты разработки и запуска механизмов преобразования не участвующих в хозяйственном обороте площадок в локации, где сформируются сообщества творчески-ориентированных предпринимателей в городах Иркутской области.

Ключевые слова: регион, промышленные площадки, креативные кластеры, социальное развитие, экономическое развитие.

S. P. Kakaulin

Ministry of Economic Development of the Irkutsk Region, Irkutsk

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE CREATIVE INDUSTRY ON THE OLD INDUSTRIAL SITES OF THE CITIES OF THE IRKUTSK REGION

The article considers the issues of creating creative clusters on the site of industrial zones and abandoned buildings from the point of view of public administration. The author of the article considers and offers various options for developing and launching mechanisms for transforming sites that are not involved in economic turnover into locations where communities of creatively oriented entrepreneurs will form in the cities of the Irkutsk region.

Keywords: region, industrial sites, creative clusters, social development, economic development.

В декабре 2020 г. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным поставлена задача создать механизмы, с помощью которых можно будет преобразовать промзоны и заброшенные здания в креативные кластеры.

В связи с этим в России стартовала масштабная программа по созданию креативных кластеров на месте промзон.

На участие в Rurban Creative Lab – самой масштабной в России программе по созданию креативных кластеров на месте промзон и заброшенных зданий – из 80 российских регионов было сформировано 3339 заявок. Главной целью проекта стала разработка и запуск механизмов преобразования не участвующих в хозяйственном обороте площадок в локации, где сформируются сообщества творчески-ориентированных предпринимателей.

Сектор креативной индустрии показывает 10–15 % рост в мировом масштабе. Появление в регионах креативных пространств активизирует экономическую жизнь прилегающих районов.

Кластеры с творческой составляющей уже сегодня являются яркими точками притяжения жителей к развитию креативных пространств на месте промзон и заброшенных зданий. Эти общественные организации будут способствовать появлению новых бизнесов на территориях новых креативных кластеров – проектов участников программы Rurban Creative Lab.

Программа даст положительный эффект сразу по нескольким направлениям:

- продолжится работа над преобразованием пустующих территорий, и они в скором будущем будут активно задействованы в городской жизни;

- будущие общественные пространства должны стать знаковыми и для горожан, и для туристов это положительно отразится на качестве среды проживания в конкретных населенных пунктах, ускорит развитие местной экономики, позволит сохранить в регионах перспективные кадры;

- молодые люди сейчас нередко стремятся покинуть родные места, поэтому очень важно их привлечение к работе над городами, в которых захочется остаться.

Программа на федеральном уровне реализуется Агентством стратегических инициатив (АСИ) в партнерстве с ДОМ.РФ.

Всего в конкурсном отборе приняли участие жители из 575 населенных пунктов России. В их числе 151 собственник креативного пространства, 690 представителей муниципальных органов исполнительной власти, 484 предпринимателя, 781 представитель творческой профессии и 828 интересующихся данной тематикой горожан.

Наибольшее количество заявок на участие в Rurban Creative Lab поступило из Бурятии (231), Иркутской области (171), Республики Коми (158), Красноярского (143) и Краснодарского (123) краев, Ростовской области (112), Ханты-Мансийского автономного округа (107), Свердловской области (101), Самарской области (98) и Москвы (96). По одной заявке пришло из Адыгеи, Чечни и Костромской области.

Иркутская область активно включилась в марафон и по результатам финала от региона было самое большое количество проектов – 26. Такой результат стал возможен благодаря синергетическому эффекту работы Правительства области и активности представителей сообществ креативных индустрий региона. Иркутская область на сегодняшний день является территорией где сформировано профессиональное сообщество по креативной экономике. В 2020 г. своим опытом по креативной экономике представители Иркутской области делились на разных площадках страны в том числе на Международном культурном форуме и Российской креативной неделе.

Команда Иркутской области «Байкальская Сибирь» успешно защитила концепцию создания креативных кластеров в регионе и вышла в финал проекта Rurban Creative Lab с семью проектами. В рамках работы проектной командой были выявлены ключевые отрасли креативной индустрии, определены стейкхолдеры (табл. 1).

Региональной командой в рамках подготовки к защите проектов были проведены исследования основных проблем, запросов и ценностей стейкхолдеров по приоритетным отраслям (табл. 2).

Ставки на ключевые отрасли в регионе

№	Отрасль креативных индустрий в регионе	Причина выбора данной отрасли как ключевой	Список стейкхолдеров представляющих данную отрасль
1	Образование <i>Кросс-индустрии:</i> НИОКР Программное обеспечение Компьютерные игры Мультимедиа	Байкальская Сибирь: разумыные отношения с природой. Если недр, то с глубокой переработкой; если технологии, то новейшие, если производство, то интеллектуальное. Единственный продукт, который должен производиться на территории вокруг Байкала – это интеллектуальный продукт. Наука, IT, импорт знаний – инструменты достижения Цели кластера: стать регионом-примером в отношениях Природы и Разума	На уровне региональной команды, в кластер входят: Министерство образования Иркутской области, вузы (7) и Научные центры (10) Иркутской области, образовательный комплекс «Точка будущего», Международный центр научно-образовательного детского туризма на Байкале «Покорение Гениев», структуры дополнительного образования региона
2	Архитектура <i>Кросс-индустрии:</i> Дизайн предметный Мода Изобразительные искусства Дизайн коммуникационный Парфюмерия и косметика	Естественную коллекцию стилей Байкальской природной архитектуры можно считать уникальным сочетанием на планете: природное – от пустынь и степей, до горных хребтов и тайги во главе с Великим озером Байкал, дополняется этническим и религиозным многообразием. Сохранившееся культурное и архитектурное наследие глубиной более 24000 лет, даёт региону возможность создавать визуальное будущее на основе коллекции стилей. Кроме того, именно архитектура и дизайн, как фундаментальные науки, в урбанистике дают возможность создать комфортную среду для Жизни человека в разумном отношении с Природой	Региональные: Министерство строительства, дорожного хозяйства Иркутской области, Служба архитектуры Иркутской области, ОГБУ «Центр компетенций», Агентство развития территорий «Градостроительная школа», «Сибирская лаборатория урбанистики», АНО «Иркутские кварталы», Градостроительная мастерская «Линия», «ИПМ Мастер-план», Иркутское отделение Общероссийской творческой профессиональной общественной организации «Союз архитекторов России», Байкальский международный зимний градостроительный университет), Кластер легкой промышленности Иркутской области, Байкальское представительство РГУД, строительные организации, Объединение дизайнеров «Царь озеро», Fashion Hub Russia
3	Туризм <i>Кросс-индустрии:</i> Развлечения Фотография Кино Анимация Исполнительские искусства Музыка Вино и гастро индустрия Новые медиа Авторское право Культурно-историческое наследие Музеи и галереи Ремесла	Туризм в Байкальской Сибири – созидательный. Через эко просвещение и познание информации, смыслов, компетенций, культур, к созданию нового в качестве внутренних открытий или внешних про-дуктов. Кластеризация экологических, культурных, творческих, религиозных, здоровьесберегающих, гастрономических, спортивных, событийных, образовательных, деловых процессов и проектов – это и есть создание нового вида туризма на территории вокруг Байкала Туристическая индустрия, как креативный кластер, способная сделать внимание с Байкала, как объекта для потребительского туризма, в сторону созидательного туризма (по всей Байкальской Сибири – способ сохранить природное наследие, в связи с вышеупомянутыми индустриями и стратегиями, вывести регион на совершенно иной уровень позиционирования на мировом рынке – созидательный туризм в месте, где Разум и Природа живут в единении и согласии	Агентство по туризму Иркутской области, Министерство культуры и архивов Иркутской области, Министерство экономического развития Иркутской области, Туристический кластер Иркутской области (более 200 компаний), представители хорекс Иркутской области (67 проектов), проект «Национальные тропы России», АНО «Байкальский центр развития креативных проектов», Ассоциация научного туризма, Ассоциация индустриального туризма, Ассоциация событийного туризма, Компания «Классико», Филиал ВТБКА в Иркутске, Музыкальный театр, Проект «Гид по сибирской кухне», Артрезиденция ArtHouse, Галерея Бронштейна, Галерея «Диас», Иркутский художественный музей, Кинокомпания Юрия Яшишкова, киностудия «MOTOR VIDEO PRODUCTION», проект «Иркутский фронтпр», «Прогулки по старому Иркутску», Информационный портал «Байкал 24», Юридическая компания «VI_group», консалтинговая компания «НОВАЦИЯ»

Таблица 2

Запросы и ценности стейкхолдеров региона по ключевым отраслям креативных индустрий

Выявленные проблемы, запросы и ценности стейкхолдеров	Отрасль		
	Образование	Архитектура	Туризм
Основные проблемы	Отсутствие возможности интеграции в крупные федеральные программы развития. Низкая активность профессионального сообщества. Отсутствие качественных профильных объединений, сообществ. Эмиграция/утечка качественных специалистов. Отсутствие конструктивного диалога сотрудничества между наукой и бизнесом. Отсутствие/или немедленность практикующих экспертов по трендовым компетенциям с навыками обучения. Отсутствие отраслевых сообществ в новых сферах знаний. Низкая наукоёмкость бизнеса. Низкий спрос на глубокие исследования.	Отсутствие согласованного дизайнкода Байкальской территорий. Низкая вовлеченность строительных организаций в комплексное развитие территорий. Недостаток материалов в наличии. Отсутствие общей площадки по взаимодействию с медиа. Низкая медийность сильных архитектурных школ и экспертов. Медленное развитие общей визуальной культуры. Низкая концентрация мировых брендов. Мало мест для галерей, выставок. Логистическая удаленность для приезда лидеров рынка. Недостаток образовательных организаций индустрии. Низкий уровень осведомленности. Эмиграция профессионалов.	Логистическая удаленность, дороговизна посещения. Законодательные противоречия. Низкое развитие туристической инфраструктуры. Однобокость восприятия туристического потенциала территории. Низкая квалификация обслуживающего персонала. Нехватка профессиональных кадров в узких специализациях. Недостаток качественных мест размещения, площадок для организации мероприятий и крупных событий. Дефицит крупных событийных мероприятий. Отсутствие единого событийного оператора, календаря. Отсутствие качественной навигации для туристов. Низкая информированность приезжих о достопримечательностях. Языковой барьер.
Запросы	Соответствие программ современным специализациям через запросы от бизнеса. Больше проектных практических работ. Проектное обучение на всех уровнях. Организация площадок на Байкале для международного сотрудничества. Участие региона в федеральных образовательных НП, ГП и других проектах.	Высокая интеграция во все НП, ГП и другие проекты. Проектная работа по сохранению объектов культурного наследия и ценностей. Разработка концепций регионального визуального кода в архитектуре, дизайне, одежде и консолидированное внедрение, трансляция ценностей во внешний мир. Профессиональная команда по управлению развитием территории.	Решение правовой аномалии в регионе. Согласованные принципы развития, природопользования. Упрощение процесса согласования. Формирование современной стратегии развития и введение соответствующих программ туристической отрасли Иркутской области. Организация условий для реализации предпринимательских проектов.
Ценности	Скорость обеспечения возникшей в регионе потребности (бизнес, власть, вызовы времени) необходимой ёмкостью компетенций и решений.	Культурный код Байкальской природной архитектуры. Огромный потенциал переплавки культурно-исторических ресурсов региона в новейшие маркетинговые продукты. Создание позитивного, развивающегося образа региона.	Сохранение существующего природного, культурного, исторического, мастерского богатства региона путем создания востребованных туристических продуктов международного уровня.

По результатам работы были определены и представлены основные площадки креативных кластеров и сформированы идеи концепций (табл. 3).

Таблица 3

Площадки креативных кластеров и идеи их концепций

Адрес объекта	Описание концепции креативного кластера (творческого пространства)	Кол-во стейкхолдеров выбравших объект для потенциального размещения	Причины выбора объекта стейкхолдерами	Потребности посетителей которые будет удовлетворять объект при реализации
Иркутск, 106 квартал (Квартал Декабристов) Группа деревянных строений 19–начала 20 века.	Губерния: история начинается. Туристический, культурный, исторический, сувенирный, ремесленный кластер.	37 стейкхолдеров: образование, туризм, архитектура, живопись, музыка, галереи, новое ремесленничество, гиды	Локация! Исторический квартал, включенный в туристические маршруты города с обеспеченным трафиком. Удобная логистика. Инвестиционная привлекательность. Профессиональная УК.	Здесь начинаются все туристические маршруты, качественная событийность, центр эко и культурного просвещения, проводятся мастер-классы, выставки, тематические вечера.
Иркутская область, деревня Малая Еланка.	M.ELANKA – креативный хаб (новый город спутник) включает кластеры: образовательный, it, креативный, логистический, медицинский.	Более 30 крупных, 145 средних, 230 малых стейкхолдеров развития территории.	Новый крутой проект хотим быть первыми в лучшем. Профессиональная проработка проектной команды. Условия для реализации проектов. Поддержка профессиональной УК. Полностью самодостаточный кластерный город	Можно жить и работать, не выезжая, в новом качестве городского комфорта, находясь в одном пространстве с российским и мировым сообществом
Иркутская область, Иркутск, ул. Сибирская, 5а.	Art House: искусство жить. Арт-резиденция, медиа-центр и выставочная галерея	16 стейкхолдеров от федерального медиа-канала до отдельных художников	Удобная творческая среда, оборудование, место для жизни, без оплаты за использование	Чтобы творить – нужны возможности, место и зрители. Здесь всё есть
Иркутская область, Иркутск, ул. Урицкого, 8, «Дом быта»	Fashion Hub: центр моды Байкальской Сибири на исторически сложившейся торговой купеческой улице.	71 стейкхолдер от ассоциаций, ателье, дизайнеров, до фотографов и магазинов и кафе	Локация! Профессиональная УК. Событийность обеспечивающая трафик. Лояльные условия аренды в центре города, эффект синергии	Творческое пространство в центре города. Сообщество единомышленников. Комфортный, интересный, выгодный шопинг, услуги и события
Иркутская область, Усть-Кут, ул. Новая, 20	НОВАЯХХ – твоё умножение. Образование, творчество, события.	12 стейкхолдеров: образование, дизайн, обучение, развлечения, общепит.	Возможность реализации направлений, отсутствующих на территории города и района на выгодных условиях	Приобретение новых знаний, реализация творческих способностей, восстановление физических сил и корректировка психологического состояния
Иркутская область, г. Ангарск, 212 квартал, дом 15А	Интеллект hub: объединение вселенных людей. Образование, IT и медиа	10 стейкхолдеров: программирование, образование, медиа-центр.	Лояльный подход к нестандартным продуктам, причастность к формированию среды, возможность взаимодействовать с лидерами индустрии	Современное во всех смыслах пространство. Возможность реализовать потребности в различных сферах и с использованием разных ивент-форматов
Иркутская область, город Братск, ул. Комсомольская, дом 62	Подиум: в центре внимания всего города. События, выставки, производство	22 стейкхолдера. Медиа 14 % Образование 7 % Ремесленничество 14 %	Центр города. Уже есть большой пешеходный поток. Удобная транспортная развязка	Возможность одновременно занять всю сферу по интересам

По итогам этого проекта необходимо сформировать несколько финансово-экономических и управленческих моделей, которые в дальнейшем смогут тиражироваться в части вовлечения в экономику регионов тех промышленных территорий, которые сейчас не используются.

Команде «Байкальская Сибирь» предстоит пройти три модуля: определить проекты для пилотирования, разработать бизнес и управленческую модель активации, показатели результативности по активации, пройти тестирование на альтернативные сценарии активации и активировать проекты.

Литература

1. В России стартовала масштабная программа по созданию креативных кластеров на месте промзон. URL: <https://xn--d1aqf.xn--p1ai/media/news/v-rossii-startovala-masshtabnaya-programma-po-sozdaniyu-krativnykh-klasterov-na-meste-promzon>.

2. На месте промзон в 10 регионах создадут 30 креативных кластеров. URL: <https://realty.ria.ru/20210406/promzony-1604445047.html>.

3. Ставка на креативную экономику. URL: <https://irkobl.ru/sites/economy/about/news/1103584>.

УДК 334.48

В. А. Подсолонко

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь

ИМПЕРАТИВЫ МУЛЬТИПЛИКАТИВНОГО КЛАСТЕРНОГО РАЗВИТИЯ РЕКРЕАЦИОННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Рассмотрены особенности программно-целевого подхода в мультипликативном развитии рекреационных территорий на примере Республики Крым и г. Севастополя, выявлены проблемы в развитии городов и поселков мира, показаны пути их устранения. Обоснована необходимость решения проблем развития рекреационных территорий на основе создания кластеров и стимулирования их мультипликативного влияния на развитие территорий. Предложено применять новые подходы к социально-экономическому развитию регионов России, объективно повышающие эффективность экономики каждого региона и всей страны.

Ключевые слова: рекреационных территории, программно-целевой подход, мультипликативное развитие, рекреационный кластер, транспортная инфраструктура рекреационного кластера, качество жизни населения рекреационного макрорегиона.

V. A. Podsolonko

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

IMPERATIVES OF MULTIPLICATIVE CLUSTER DEVELOPMENT OF RECREATIONAL TERRITORIES

The article examines the features of the program-targeted approach in the multiplicative development of recreational territories on the example of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol, identifies problems in the development of cities and towns around the world, shows ways to eliminate them. The necessity of solving the problems of development of recreational territories based on creating clusters and stimulating their multiplicative influence on the development of territories has been substantiated. It is proposed to apply new approaches to the socio-economic development of Russian regions, objectively increasing the efficiency of the economy of each region and the entire country.

Keywords: recreational territories, program-targeted approach, multiplicative development, recreational cluster, transport infrastructure of a recreational cluster, quality of life of the population of a recreational macroregion.

Программно-целевой подход в мультипликативном развитии рекреационных территорий Республики Крым и г. Севастополя

11 августа 2014 г. Правительство Российской Федерации утвердило Федеральную целевую программу «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 г.». В числе ожидаемых в Программе показателей условий устойчивого развития Крыма значатся новые туристско-рекреационные кластеры, а также ряд системно-взаимодействующих обеспечивающих их функционирование условий. В них значатся прирост протяженности автодорог, доля готовности транспортного сообщения, прирост

протяженности линий электропередачи, сетей и средств связи, вновь созданные водные объекты, увеличение объема подаваемой воды, создание новых сооружений берегового укрепления и полигонов твердых бытовых отходов, очистка загрязненных сточных вод, ввод объектов образования и здравоохранения, формирование электронных сведений органов власти для населения. Следовательно, в этой утвержденной федеральной целевой программе явно прослеживается мультипликативный подход в создании рекреационных кластеров. Более того, в ней предусмотрен функциональный механизм реализации программы. Все составляющие отмеченного механизма в совокупности представляют собой достаточно четкую систему управления, которая может решить и как совершенно новую проблему создания рекреационного кластера-города будущего.

Здесь появляется необходимость выявления ключевого звена как центра заинтересованности и ответственности за создание такого синтезированного города (рис. 1).

Инициатива итальянских инвесторов по созданию в Черноморском районе в прибрежной зоне рекреационного кластера «Итальянская деревня» является основой создания одного из рекреационных кластеров Крыма. Однако пока нет оснований утверждать, что эта «Итальянская деревня» действительно может стать мультипликатором системного создания рекреационного кластера. Нечто подобное уже было построено на окраине Алупки, но оно не привело к развитию ни Алупки, ни ее инфраструктуры. Как правило имеющее место точечное строительство гостиниц по линии южного берега Крыма лишь создает дополнительную нагрузку на транспортную и инженерную инфраструктуру его городов и поселков и усложняет жизнь их населения, сокращает их возможности пользоваться рекреационным ресурсом Крыма, а в итоге – снижает уровень качества жизни основной массы населения территории.

Естественно, что рекреационный кластер не возникает вдруг, даже если о необходимости его создания было упомянуто совместно с отдельными его составляющими в федеральной целевой программе. Исходя из уже перечисленных ожидаемых показателей его реализации, а также и не упомянутых элементов программы можно попытаться сформировать очередность этапов создания такого кластера.

В соответствии с перечнем задач, решаемых в программе, первоочередной является обеспечение комплексного развития территорий Крыма. В нашем случае – это комплексное развитие территории Тарханкутского полуострова, как части Черноморского района Республики Крым, наименее рекреационно освоенной и наиболее обладающей береговым ресурсом Черного моря протяженностью более 50 км. Учитывая рекреационную направленность кластера, главной задачей в его создании является формирование совокупности гостинично-рекреационных комплексов. Однако их строительство должно осуществляться одновременно с постройкой жилых домов для обслуживающего персонала и работников всей инфраструктуры, параллельно улучшаемой или вновь создаваемой, что оговаривается в последующих задачах Программы. Сюда входят новые морские порты или причалы, аэропорты, автодороги и автовокзалы, энерго- и теплоснабжение, водообеспечение, канализация, ассенизация и водоочистка, переработка твердых бытовых отходов, строительство новых объектов образования и здравоохранения, включая фельдшерско-акушерских пунктов и врачебных амбулаторий.

Следует отметить, что в целевой программе отсутствуют как задачи и ожидаемые результаты ее реализации, развитие строительной индустрии, собственно, и создающей все элементы рекреационного кластера, а также аграрно-продовольственного комплекса, обеспечивающего питанием не только рекреантов, но и всех жителей этого кластера. А как показывает практика трех полных лет пребывания Крыма в составе России, дорожно-строительные организации из других регионов пока не смогли обеспечить достаточного качества в ремонте как внешних автодорог, так и внутренних улиц, к примеру, в Симферополе. В случае же с созданием современного рекреационного кластера и города будущего необходимы совершенно новые революционные технологии и организация строительства всех автодорог и непересекающихся транспортных развязок, автопарковок подземного уровня, тротуаров и велодорожек и т. д.

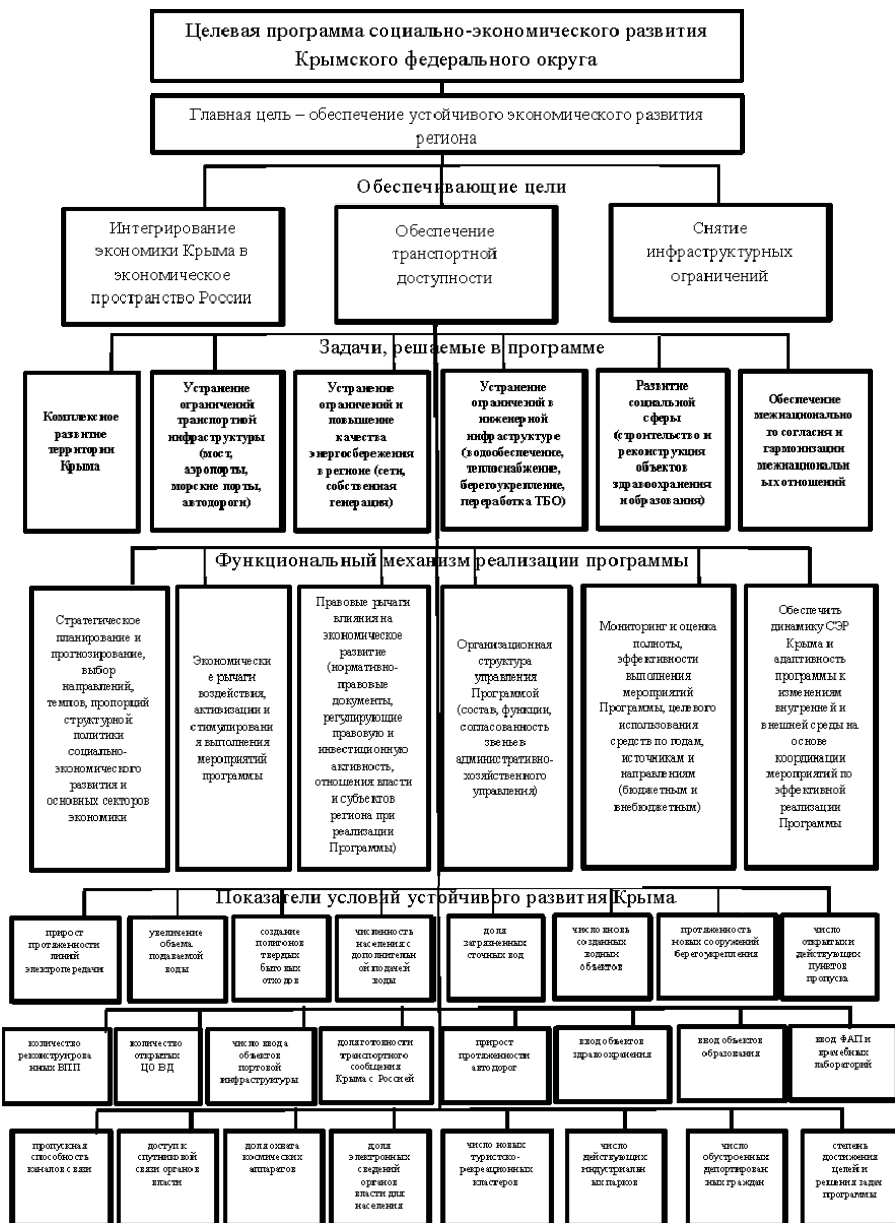

Рис. 1. Структура федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» (Правительство РФ, от 11 августа 2014 г № 790. Москва)

Первая совокупность действий в функциональном механизме реализации целевой программы, ориентированных на весь Крым, охватывает стратегическое планирование и прогнозирование, выбор направлений, темпов, пропорций структурной политики социально-экономического развития и основных секторов экономики. Безусловно эти же действия необходимы в первую очередь и для таких объектов Программы как гостинично-рекреационные кластеры, именуемые в программе как туристско-рекреационные кластеры. Но, если по всей программе эти функции возложены на министерство экономического развития Республики Крым, то на кластеры, ориентируемые к размещению на территориях конкретных районов, очевидно должны распространяться функции муниципальных органов этих районов. Однако, квалификационный уровень руководителей муниципалитетов и сложившийся отечественный стиль управления пока позволяет им, по мнению газетных обозревателей, ежедневно 70–80 % времени тратить на «тушение пожаров и устранение недостатков прошлого времени и вчерашнего дня». В целевой программе также отсутствует необходимое повышение роли муниципалитетов и органов местного самоуправления в организации реализации ее составляющих.

Создание рекреационного кластера «Тарханкут» – это новая перспективная и стратегически важная для всего Крыма задача. Очевидно, целесообразно считать ее проблемой федерального республиканского уровня. Поэтому официальное решение правительства Республики Крым о создании этого кластера – первый шаг в реализации целевой Программы в направлении придания Крыму значения рекреационного макрорегиона. Назначение директора кластера с приданием ему прав министра рекреационного развития Крыма – определяющий шаг Правительства Республики Крым в понимании значимости такого кластера для дальнейшего поступательного и эффективного социально-экономического развития всего Крыма. Формирование организационной структуры управления процессом поэтапного создания главного рекреационного кластера Крыма с назначением руководителей каждого его подразделения – подготовка к его разработке и реализации целевой программы «Тарханкут». Разработка основных направлений, темпов и пропорций создания, развития и функционирования каждого подразделения кластера на период 10–20 лет по пятилетиям – стратегическое решение и основа прогноза динамики мультипликативного воздействия гостинично-рекреационного комплекса на все составляющие кластера «Тарханкут», постепенно превращающийся в современный город XXI века.

Вторая составляющая функционального механизма реализации федеральной целевой программы до 2020 года – экономические рычаги воздействия, активизации и стимулирования выполнения мероприятий программы, ориентирована своим содержанием на конкретную деятельность не только руководителей всех ее звеньев, но и всех исполнителей упомянутых мероприятий. Возможно отсутствие реального руководителя всей целевой программы, централизованно назначенного в момент утверждения ее 11 августа 2014 г., привело к тому, что через полтора года Президент страны обнаружил отсутствие хоть какого-либо управления ходом ее выполнения. Поэтому упомянутые экономические рычаги в программе остаются на уровне деклараций и лозунгов, пока по каждой ее составляющей не будут официально утверждены на уровне Правительства Республики Крым руководители всех ее звеньев, а в их функциях появятся четкие ориентиры реализации программы по сфере их деятельности, с вариантами оплаты труда в зависимости от степени достижения этих ориентиров.

Аналогично, при создании рекреационных кластеров для руководителей всех звеньев кластера и для их исполнителей должны быть конкретизированы функции их деятельности с оценкой степени соответствия каждого из них профессиональным требованиям и ожиданиям в зависимости от результативности их деятельности. Всё это по замыслу должно быть сделано работниками министерства труда и социальной защиты с детализацией по всем показателям условий устойчивого развития Крыма, с охватом всех

задач, решаемых в программе, по всем составляющим функционального механизма реализации программы и с четкой ориентацией во времени функционирования этих процессов. Не исключено, что все эти разработки могут быть выполнены как научно-исследовательские работы, финансируемые централизованно, с участием ученых Крымского федерального университета. Вполне своевременно создание на этой стадии научно-практических лабораторий этого университета по инновационному строительству и эксплуатации рекреационных кластеров, их аграрно-продовольственному обеспечению, по комплексным проблемам управления социальным развитием рекреационных территорий Крыма, по эффективной подготовке и переподготовке руководящих кадров для всех звеньев разрабатываемых и функционирующих кластеров.

Развитие транспортной инфраструктуры рекреационного кластера

Не пытаясь представить в деталях деятельность строительного сектора кластера, учитывая фактическую первоочередную его значимость для любых градообразующих кластеров, подчеркнем необходимость относительно нового транспортно-дорожного строительства генерального плана. Почему здесь присутствует оговорка «относительно нового» плана. Возможно потому, что в некоторых моментах он напоминает радиально-кольцевую схему Москвы, но... Здесь предлагается по-новому реализовать эту схему. Новым является отсутствие прямых пересечений транспортных потоков, пешеходных тротуаров, велосипедных и роликовых дорожек. Над всеми подземными парковками сверху располагаются игровые площадки или что-то другое, полезное для населения или для профессиональной деятельности. Транспортные парковки имеются у каждого здания в жилых микрорайонах, в культурно-рекреационных, производственных и административных центрах, не занимая территории на их поверхности, используемых для рекреационных целей (при дошкольных и школьных учреждениях – как игровые площадки, в культурно-рекреационных центрах – как скверы, клубы, фонтаны, скульптурные парки и т. п., в административных центрах – как скверы и идеологические площадки).

Каждое радиально-лепестковое транспортное движение начинается от административно-транспортного кольца и двухсторонне охватывает вначале культурно-рекреационный сектор (либо стадион, либо театр, либо студенческий городок, либо автомобильный, мото-квадро-цикловый, велосипедный треки и кроссовые трассы, ипподром, либо аквапарк, либо зоопарк, либо детский парк и т. д.), затем жилой микрорайон, а потом производственную зону (либо гостинично-рекреационную, либо строительную либо агропродовольственную, либо энерго-, тепло- и водоснабжения, либо очистных сооружений, либо переработки твердых бытовых отходов и т. д.). От каждой ветви радиально-лепестковой дороги предусмотрены съезды на кольцевые дороги в обе стороны движения, а также заезды на транспортные парковки всех видов.

Все дороги создаются методом монтажа как совокупность бетонных подкладок, двухслойного дорожного полотна – бетон, вторичный резинопластик, разделительных накладок между встречными дорожными полосами, где прокладываются инженерные сети.

Возможно, специфика дорожных покрытий для транспорта и населения, не изменившаяся во многом с времен римлян (укладка булыжника, укладка плит разных вариантов и размеров), свидетельствует о совершенно новых возможностях сплошных асфальтовых полотен или бетонных плит, укладываемых поверх песочно-гравийных насыпей в 20–21 веках. Но ведь возможности создания таких транспортных магистралей, а особенно городских улиц и пешеходных дорожек, путем монтажа из крупных элементов, формируемых цеховым методом на специализированных предприятиях, могут оказаться еще более перспективными. Они потребуют меньшие объемы земельных работ, каждый из элементов может монтироваться по принципам «лего» или «пазлов», исходные материалы для их формирования могут максимально включать в свой состав вторичные ресурсы пластикового, резинового и прочего содержания. Возможность создания элементов дорожного покрытия из разных материалов и независимого монтажа каждого из них позво-

ляет проверять их эксплуатационные характеристики одновременно в равных или разных условиях и заменять их на любой стадии износа почти без нарушения ритма движения.

В состав отмеченных элементов могут входить прежде всего дорожные подкладки, выполняющие главную несущую нагрузку всей дороги. Профиль этой подкладки может напоминать диван со спинкой и основанием в $1,5 \times 1,5$ м и толщиной до 0,5 метра, длиной до 8 м, с отверстиями для крепления основания подкладки в грунт условно-фундаментными винтами (по краям длины накладки). Дальше к центру от этих отверстий могут быть углубления для стыковки с «шипами» – головками дорожного полотна, укладываемого на основание дорожных подкладок. В центре основания подкладки предусмотрен сток дождевых вод в специальный желоб, прокладываемый под дорожным покрытием для сточных вод между прокладками на уровне, ниже их основания. На площадках отдыха и на съездах с основной дороги наружная стенка подкладки по высоте уменьшается до 1 м и стыкуется с такой же высотой подкладки переходного полотна дороги. Соответственно, общая толщина двухслойного дорожного полотна здесь составляет до 0,5 м и находится на одном уровне с состыкованными стойками дорожных подкладок.

Главный элемент дороги – дорожное полотно толщиной по центру 60 см имеет бетонную (железобетонную) основу толщиной 40 см, шириной дороги 8 м и длиной по движению 4 м. На эту основу крепится верхний слой, по которому непосредственно должен двигаться транспорт, со смещением на основе до 30 см. Это смещение делается для скрепления каждого элемента с предыдущим и последующим в дорожном полотне по принципу «лего». По этой же схеме верхний резино-пластиковый слой до 20 см по проезжей части дороги, крепится к нижнему железобетонному слою. Предполагается, что возможен износ прежде всего верхнего слоя, а потому предусматривается его замена, более частая, нежели нижнего железобетонного слоя. Кстати, такую же технологию целесообразно применять и при прокладке пешеходных тротуаров, велосипедных и роликовых дорожек, но с меньшими габаритами. Между дорожными подкладками с встречным движением укладываются 2 трубы по 1,5 м наружного диаметра – водовод и водоотвод, а также различные кабели инженерного назначения. Встречные дорожные подкладки перекрываются накладками 4×8 м, служащими укрытиями для инженерных сетей, а также основой велосипедной двухсторонней трассы.

Внутри жилых микрорайонов, где для автотранспорта не предусмотрено его выезда на поверхность, основные транспортные артерии проходят внутри подземных парковок. К примеру, в жилом микрорайоне размером $1,5 \times 1,5$ км по каждой стороне квадрата предусмотрено по 8 двухподъездных жилых домов размером 50×20 м, вдоль которых сзади и спереди подходят двойные линии автопарковок, между которыми проходят две встречные полосы движения автотранспорта, соответственно длиной 1,4 и 1,2 км, и шириной по 4 м. Для таких парковочных коридоров изготавливаются специальные блоки – коробка 3×3 м в сечении, с длиной парковочного места 6 м. Между ними укладывается только одна дорожная полоса шириной 8 м по приведенной ранее технологии ее изготовления. Перекрытие сверху изготавливается по отдельной технологии больших накладок – квадратных крышек (прямоугольных), с отверстиями по центру для световых фонарей. Над этими парковками могут быть предусмотрены тротуары, роликовые и велосипедные дорожки, места для отдыха вокруг световых фонарей и т. д.

Кроме закрытых парковок в зоне жилых домов предусматривается также двойная линия парковок с одной двойной полосой движения транспорта примерно около 1800 м по диагонали жилого массива, вдоль которой предполагается разместить торговый комплекс и торговый рынок, мульти религиозный комплекс, дворец культуры, школу, дом детского творчества и центр административного управления. При этом доступ большегрузных машин сюда также будет невозможен, так как их разгрузка предусмотрена в логистическом центре за пределами жилых массивов, либо в производственных зонах, исключая рекреационные.

Предварительно в каждом углу жилого квадрата намечено за внутренней линией парковок по одному детскому саду и яслям, на расстоянии от жилых домов в 50–250 м. В квадрате школы предусмотрены в разных его углах профессионально-технические училища для подготовки рабочих кадров сферы услуг (в данном случае рекреационных услуг и торговли) и приоритетного вида деятельности для создания других жилых массивов и их эксплуатации (в первую очередь строительства дорог, зданий и сооружений). В границах со школой и ПТУ квадрате могут быть размещены дом детского творчества и колледж для подготовки младших специалистов (техников) и бакалавров в развитие рабочих профессий, культивируемых в упомянутых ПТУ. В этом же квадрате может размещаться центр повышения квалификации с так называемой школой мастеров и бизнес-центром. Схематически в этом квадрате помещается и торговый рынок, и центр бытовых услуг для населения, и поликлиника или фельдшерско-акушерский пункт на первом этапе развития (рис. 1.7.3). В соседнем квадрате вокруг торгового комплекса перед жилыми домами свободно размещаются спортивно-развлекательные комплексы, включающие футбольный и легкоатлетический стадион, дворец зимних видов спорта и отдыха, крытый бассейн с дорожками от 25 до 50 м с трамплинами и вышками для прыжков в воду, теннисные корты летнего и зимнего использования, площадки для мини гольфа, городков и т. п. В квадрате центра административного управления размещаются музеи, мульти религиозный комплекс, дворец культуры, выставочный центр.

Возможные идеи инновационного развития Крыма и его территорий

1. Кластеры, ассоциированные с университетами, или при университетах.
 - 1.1. Кластер физико-биолого-химических технологий.
 - 1.2. Природно-ландшафтный и архитектурно-планировочный кластер.
 - 1.3. Социально-гуманитарный и образовательный кластер.
 - 1.4. Кластер управления опережающим и системообразующим и мультипликативным развитием административных территорий.
 - 1.5. Кластер здоровья и физического развития человека.
2. Инновационная структура автопарковок, разгружающих улицы города от стоящих автомашин.
 - 2.1. План города с наименованием улиц и числа автомобилей, припаркованных на улицах в конкретные часы, наиболее проблемные улицы, площади, бульвары.
 - 2.2. Занимаемая площадь по кварталам бульварами, скверами, улицами.
 - 2.3. Возможное число автомашин в подземной парковке по всей площади конкретных улиц в 1 этаже, в 2 этаже.
 - 2.4. Варианты перекрытия улиц для строительства под ними подземных автопарковок и сохранения растительности, детских площадок, фитнес площадок во времени по графику полного охвата улиц разгрузкой от стоящего транспорта.
 - 2.5. Число возможных строительных бригад и единиц техники (бульдозеры, экскаваторы, самосвалы...).
 - 2.6. Варианты использования вынимаемого грунта с объемами в МЗ (овраги, плотины, дамбы, дороги, полигоны...).
 - 2.7. Возможные инвесторы.
 - 2.8. Возможная окупаемость.

Вне зависимости от системообразующей специализации градообразующего кластера можно обосновать градообразующую последовательность формирования новых городов для любых регионов России, имеющих резервы неосвоенных территорий.

Первый этап – это строительство транспортной и инженерной инфраструктуры будущего жилого города в последовательности от жилых микрорайонов и прилегающих к ним территорий культурных и рекреационных комплексов.

При этом структурная компоновка жилого микрорайона площадью 1 км² с числом жителей до 20000 человек также может быть типовой.

Таким образом, применение программно-целевого подхода в мультипликативном развитии рекреационных территорий на примере Республики Крым и г. Севастополя, позволяет выявить проблемы и потенциал в развитии городов и поселков, сформировать пути их устранения для развития рекреационных территорий на основе создания кластеров и стимулирования их мультипликативного влияния на повышение эффективности экономики региона и качества жизни его населения.

Выводы

Современные примеры развития городов и поселков во всех странах мира, в России и ее регионах характерны нарастанием проблем, усложняющих жизнь человека:

- увеличиваются транспортные затраты времени населения городов на дорогу до места работы и получения повседневных услуг, отдыха и развлечений и т. д.;
- человек и его потребности в городах отходят на второстепенный план на фоне постоянно возрастающих проблем, необходимых для решения во всех сферах развития территорий, начиная с их инфраструктуры;
- попытки точечного строительства в существующих городах и поселках, в районных центрах усиливают отмеченные недостатки;
- существующая планировка городов, сложившаяся во всем мире в прошлые века, не справляется с новыми современными объемами потоков специализированного, личного и общественного транспорта;
- разработанные или предлагаемые учеными технологии территориальной организации жизнедеятельности человека объективно не реализуются в существующих условиях функционирования городских поселений постоянно попадая в капкан «Тришкиного кафтана»;
- отсутствует обоснованный социально-экономический механизм реализации новых возможностей территориального развития регионов в стране;
- отсутствуют экономические и юридические стимулы в улучшении использования муниципальных территорий у соответствующих руководителей государственного и муниципального уровней.

Предложения

Учитывая реальные мировые тенденции роста городов и большие территориальные резервы у большинства регионов России, целесообразно осуществлять в них новые подходы к социально-экономическому их развитию, объективно повышающие эффективность экономики каждого региона и всей страны.

Организующим и мотивирующим решением на законодательном уровне на первом этапе необходимо установить прямую нормативную зависимость размера заработной платы муниципальных руководителей федеральных округов и их субъектов, их городов и районов от величины ВРП – валового регионального продукта на душу населения, проживающего на их территориях.

На втором этапе предусмотреть разработку для каждого федерального округа и его субъектов совместно с учеными региональных университетов целевую программу возможной пространственной реорганизации их экономики на ближайшие 10–20 лет на основе мультипликативного развития территорий с использованием современных и будущих технологий с учетом региональных особенностей каждой территории.

Разработать с привлечением ученых систему повышения и оценки уровня квалификации руководителей и исполнителей федеральных округов и их субъектов, ориентированную на результативное выполнение их профессиональных функций в процессе разработки и реализации целевых программ и обоснованную замену неэффективных кадров.

Литература

1. Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2025 года». URL: https://economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/socialno_

ekonomicheskoe_razvitiye_respubliki_krym_i_goroda_federalnogo_znacheniya_sevastopolya/fcp_socialno_ekonomicheskoe_razvitiye_respubliki_krym_i_g_sevastopolya_do_2025_goda/ (дата обращения: 10.05.2021).

2. Подсолонко В. А., Подсолонко Е. А. Императивы преодоления отставания в развитии регионов России // Славянский форум. 2018. № 1 (19). С. 174–186.

3. Подсолонко В. А., Подсолонко Е. А. Стратегия мультипликативного развития иностранного туризма в России // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. Т. 11, № 1. С. 25–34.

4. Подсолонко В. А., Подсолонко Е. А., Ротанов Г. Н. Инновационная стратегия управления эффективным развитием административных территорий республики Крым // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Экономика. 2016. № 1. С. 23–28.

УДК 316.653

Г. В. Струглин

Главное управление МВД России по Иркутской области, г. Иркутск

СПЕЦИФИКА СОВМЕСТНОГО РЕШЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ ВЛАСТЬЮ И НАСЕЛЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД

Статья посвящена актуальным вопросам совместного решения проблем безопасности властью и населением в условиях информационного общества. Аргументируется, что активное публичное обсуждение значимых событий, вырастающее в тысячи и сотни тысяч комментариев формирует главную повестку для городской жизни и отражается на принятии управленческих решений. Отмечается, что информационное общество позволяет правоохранительным органам серьезным образом укреплять правопорядок и безопасность на улицах, дорогах, в общественных местах. Делается акцент на формировании общественного мнения о деятельности органов внутренних дел.

Ключевые слова: безопасность, информационное общество, информационная среда, городская среда, информационная городская среда, социальные сети, информационная открытость, общественное мнение, органы внутренних дел.

G. V. Struglin

Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Irkutsk Region, Irkutsk

SPECIFICITY OF JOINT SOLUTION OF CURRENT SECURITY PROBLEMS BY THE AUTHORITIES AND POPULATION IN THE CONDITIONS OF THE INFORMATION SOCIETY IN THE ASPECT OF FORMING PUBLIC OPINION ON THE ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS DEPARTMENT

The article is devoted to topical issues of joint solution of security problems by the authorities and the population in the information society. It is argued that an active public discussion of significant events, growing in thousands and hundreds of thousands of comments, forms the main agenda for city life and is reflected in management decisions. The work notes that the information society allows law enforcement agencies to seriously strengthen the rule of law and safety on the streets, roads, in public places. The author focuses on the formation of public opinion about the activities of the internal affairs bodies.

Keywords: security, information society, information environment, urban environment, information urban environment, social networks, information openness, public opinion, internal affairs bodies.

В последнее время дискуссии о пользе и вреде современных социальных медиа и средств коммуникации приобретают всю большую актуальность. Еще недавно специалисты называли наиболее яркими поклонниками информационной среды исключительно молодежь: школьников и студентов. Сегодня ситуация продолжает стремительно меняться. В бесконечных и отнюдь не безуспешных поисках потребителя распространяемого контента, его создатели разработали исключительные предложения для людей любых возрастов, увлечений, социальной принадлежности или профессиональной ориентированности.

Согласно открытым источникам современный человек в среднем тратит около двух с половиной часов на поиск и анализ информации из различного рода групп, СМИ, блогеров, рекомендательных систем. Вы давно читали книги с такой же продолжительностью и увлеченностью? Ведь там нет гиперссылок и рекламных блоков. Причем речь

идет о максимально усредненных данных. Кто-то и вовсе проводит в сети большую часть своего личного, да и рабочего времени.

Что делает участник информационной среды, пролистывая каждодневно сотни постов: получает полезные сведения об окружающем мире или старательно избавляется от бесконечного информационного мусора? Привыкая к растущей социальной дистанцированности и тотальному сокращению живого общения, пользователи социальных медиа переориентируют внимание на онлайн мир, реализуя себя лайками и репостами. Нельзя забывать, что текущее состояние информационной среды характерно высокой степенью анонимности. Такое положение вещей позволяет людям открыто и практически без какой-либо цензуры отстаивать свою позицию, комментируя все и вся, критиковать, предлагать, спорить. С другой стороны, активное публичное обсуждение значимых событий, вырастающее в тысячи и сотни тысяч комментариев формирует главную повестку для городской жизни и главным образом сказывается на принятии управленческих решений. Не замечать и не реагировать на общественную оценку, как правило, отражающую полярные точки зрения, невозможно и даже опасно. Напротив, установление четкой и эффективной обратной связи, умение общаться с пользователями, позволяют своевременно выявлять наиболее важные болевые точки в социальной, культурной, правоохранительной, образовательной, экономической, экологической и иных сферах, вовлекать широкие слои населения к их совместному разрешению.

Механизмы же мониторинга и анализа общественных настроений дают возможность поднимать проблему одной семьи, дома или района на региональный, федеральный и даже международный уровень. «Хочешь, что на тебя обратили внимание – создай резонанс» – тезис, который не только давно хорошо известен, но и постоянно применяется на практике, например, экологами, зоозащитниками, правозащитниками, политиками и др. Между тем информационное общество позволяет правоохранительным органам серьезным образом укреплять правопорядок и безопасность на улицах, дорогах, в общественных местах.

Например, в 2020 г. отделом информации и общественных связей ГУ МВД России по Иркутской области продолжилась практика активного использования возможностей социальных сетей для выявления и пресечения противоправных действий, пропаганды правовых знаний. В практике имеется, по меньшей мере, 35 примеров оказания помощи ОВД со стороны граждан. Это 14 фактов привлечения к ответственности нарушителей правил дорожного движения; 11 разысканных подозреваемых в преступлениях; 6 обнаруженных без вести пропавших, из них 3 детей.

Люди охотно делятся примерами нарушения законности со стороны третьих лиц, что освобождает их от необходимости подачи заявления в ОВД. В свою очередь, полиция, оперативно принимая меры, тут же дает публичный ответ инициатору сообщения, тем самым подчеркивая ориентированность на оказание конкретной адресной помощи. Такая практика наиболее заметна на примере проблемы безопасности дорожного движения. Диалог с лицом, привлеченным к административной ответственности, размещенный в сети иной раз несет куда более серьезный профилактический эффект, в сравнении со штрафными санкциями либо другими установленными законодательством видами наказаний. В условиях ограниченных сил и средств органов правопорядка, попадание в объектив камеры смартфона народного наблюдателя чревато получением дурной славы и серьезными репутационными потерями. Для многих это сдерживающий фактор.

Другая сторона – это всеобщая вынужденная информационная открытость. Практически все, что происходит в публичной сфере, может стать предметом широкого обсуждения, поэтому скрыть действительно общественно-значимую информацию невозможно. Чтобы не упустить ситуацию из-под контроля остается инициативно размещать ее самому либо вступать в открытые дискуссии, показывая и аргументируя свою позицию.

Что касается качества ежедневно размещаемой информации, то первую скрипку здесь уже играют далеко не СМИ, а никак не регулируемые нормами права администраторы групп и сообществ. Именно они выполняют роль фильтра, решая, что увидит их аудитория, а что нет. Чем руководствуются создатели пабликов в процессе принятия решения? Чаще всего желанием последующего активного расширения аудитории (подписчиков), привлечение рекламодателей и рост популярности относительно схожих конкурирующих тематических групп. Единственным кто может оказывать на них воздействие остается создатель самого мобильного приложения, социальной сети, мессенджера, диктующего правила игры, запреты и способы реагирования в случае попытки обойти их.

Таким образом, в ближайшей перспективе для создания здорового онлайн-климата в городских пространствах крайне важной задачей является, решать которую следует не столько нормативным регулированием, сколько укреплением взаимовыгодного сотрудничества с вышеуказанной категорией лиц. Значительную пользу может привести проведение обучающих программ, предоставление возможностей получать квалифицированных ответы от любого уровня должностных лиц, умения властей свободно выражать свои мысли на языке интернет-пользователей.

Использование возможностей администраторов различного рода площадок позволяет напрямую предоставлять актуальную информацию конечному потребителю, минуя традиционные СМИ. Этой возможностью активно пользуются наиболее прогрессивные пресс-службы. Путем широкого распространения тех или иных сообщений они побуждают журналистов, отслеживающих реакцию пользователей социальных сетей, брать в работу конкретный информационный повод и тем самым увеличивать цитируемость события.

Отдельного внимания заслуживает продолжающийся рост количества групп мобильных приложений. Поскольку большинство из них формируются «по интересам», а многие являются закрытыми для сторонних лиц, органы власти должны работать над созданием взаимовыгодных схем, благодаря которым пользователи будут заинтересованы в присутствии специалистов (экспертов) в интересующих направлениях. Представленная схема отчасти может напоминать модель онлайн-участкового, чиновника, депутата, медика, социального работника. Однако к настолько прямому взаимодействию пока не готовы ни те, ни другие.

Подводя итог, следует заметить, что прогнозирование дальнейшего развития информационной городской среды будет способствовать дальнейшей персонализации с учетом запросов пользователей, потребует координального повышения коммуникационных навыков всех участников данного процесса, и, возможной подтверждения личности человека, выходящего в сеть, наделенного конкретными правами и обязанностями.

УДК 332.05

И. О. Богданович, И. А. Болтенков, А. А. Тверитинов
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ТРАНСФОРМАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ТУРИСТИЧЕСКИМ ПОТОКОМ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Обосновывается, что въездной туризм является перспективным стратегическим направлением развития региона, но большая антропогенная нагрузка не только ухудшает качество жизни местного населения, но и негативно влияет на экологию. Аргументируется, что для компенсации совокупного ущерба на региональном уровне необходимо создание единой структуры, которая регулировала бы как количество туристов, так и занималась бы расчетом и уплатой компенсационных взносов.

Ключевые слова: туристическая нагрузка на регион, платежи за въезд на экологически важные территории.

TRANSFORMATION OF TOURIST FLOW MANAGEMENT IN THE IRKUTSK REGION

Inbound tourism is a promising strategic direction for the development of the region, but a large anthropogenic load not only worsens the quality of life of the local population, but also negatively affects the environment. To compensate for the cumulative damage at the regional level, it is necessary to create a single structure that would regulate both the number of tourists and would deal with the calculation and payment of compensation contributions.

Keywords: tourist load on the region, payments for entry to ecologically important territories.

Группа компаний «Сиб-Транс-Петройл» (далее – ГК «СТП») является широко диверсифицированной группой компаний и осуществляет деятельность во множестве различных направлений на территории всей страны. В ее структуру входит 32 организации.

Основными направлениями и видами деятельности ГК «СТП» являются:

- металлургия;
- строительство;
- научно-исследовательская и опытно-конструкторская работа в области экологии и экологичного производства;
- разработка различного программного обеспечения;
- девелопмент;
- обращение с ТКО на территории Иркутской области;
- обращение с промышленными отходами.

Исходя из выше перечисленного, можно смело сделать вывод, что ГК «СТП» является эколого ориентированной ГК. Именно экологическая ответственность объединяет большинство бизнес подразделений.

Руководство ГК «СТП» на протяжении многих лет плодотворно взаимодействует с Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации и Министерством природных ресурсов и экологии Иркутской области. Бизнес-подразделения ГК «СТП» неоднократно принимали участие в различных проектах, мероприятиях и акциях с экологической направленностью, как на территории Иркутской области, так и на территории страны, поэтому не понаслышке знают о существующих насущных проблемах природных комплексов Прибайкалья и особо охраняемых природных территорий. Именно по этой причине и для разработки и реализации проектов, ориентированных на социальную сферу, экологию и ресурсосбережение, в 2019 г. было создано ООО «РТ-Иркутская эколого-туристическая компания» (далее – ООО «РТ-ИЭТК», компания).

ФГБУ «Заповедное Прибайкалье» – объединенная дирекция особо охраняемых природных территорий федерального значения на территории Иркутской области, осуществляющая оперативное управление: заказником «Тофаларский», заказником «Красный Яр», «Байкало-Ленским заповедником» и «Прибайкальским национальным парком». Именно Прибайкальский национальный парк является основным местом притяжения и посещения туристов на территории Иркутской области. Его площадь составляет 524 800 гектар, 490 километров береговой линии озера Байкал, в границах его территории находится 73 населенных пункта и ежегодный учтенный туристический поток составляет около 180 000 человек.

В ходе совместной работы ГК «СТП» и ФГБУ «Заповедное Прибайкалье» были выявлены и сформулированы наиболее сложные и важные проблемы особо охраняемой природной территории Прибайкальского национального парка, а именно:

- слабо развитый экотуризм на территории Прибайкальского национального парка;
- слабый уровень экологической грамотности туристов и посетителей Прибайкальского национального парка;

- слабо контролируемая и порой превышающая допустимый уровень антропогенная нагрузка на природные комплексы особо охраняемой природной территории парка;
- минимальность условий для сохранения и восстановления флоры и фауны на территории Прибайкальского национального парка;
- отсутствие цифровых методов охраны природы и поддержания экологического баланса в условиях рекреационного использования особо охраняемой природной территории;
- слабый уровень эффективности контрольно-надзорных мероприятий;
- слабо контролируемые попытки хаотичного и незаконного освоения особо охраняемой природной территории с целью ведения рекреационной деятельности;
- большое количество незаконного туристического бизнеса на особо охраняемых природных территориях;
- отсутствие единой эколого-коммунальной системы консолидации сведений о территории парка (ТКО, ЖБО, энергопотребление, пожары, посещаемость и т. д.) с дальнейшим формированием аналитических данных;
- сложно прогнозируемые сценарии развития особо охраняемой природной территории.

С целью решения данных проблем и был разработан приоритетнейший проект компании – «Международный центр экологического туризма», основными задачами которого являются:

1. Разработка и внедрение эффективных методов охраны природы и поддержания экологического баланса в условиях рекреационного использования территории Прибайкальского национального парка.
2. Организация экологического просвещения туристов и посетителей территории Прибайкальского национального парка.
3. Развитие экотуризма на территории Прибайкальского национального парка.

«Международный центр экологического туризма» – проект, включающий в себя комплекс мероприятий по строительству объектов туристской и обеспечивающей инфраструктуры, обустройству экологических туристских маршрутов, созданию и внедрению комплекса программных продуктов, и направленный на минимизирование уровня негативного воздействия туристического потока на флору и фауну, поддержания экологического баланса в условиях рекреационного использования особо охраняемой территории, повышение уровня сохранения естественного хода природных процессов и явлений, генетического фонда растительного и животного мира, уникальных экологических систем на территории Прибайкальского национального парка.

В настоящее время в Российской Федерации на особо охраняемых природных территориях нет практики реализации подобного рода проектов, Проект является «пилотным».

Объединение в Проекте уникального туристического потенциала особо охраняемой природной территории и преимуществ современной, развитой инфраструктуры, позволяет реализовать проект полностью за счет внебюджетных источников. Данный Проект имеет большое социально-экономическое значение как для муниципальных образований входящих, в состав территории национального парка, так и для Иркутской области в целом, в том числе в части формирования новых рабочих мест и увеличения налоговых поступлений.

Инвестиционный проект «Международный центр экологического туризма» состоит из двух направлений: рекреационная и обеспечивающая инфраструктура; цифровизация экологии.

Направление «рекреационной и обеспечивающей инфраструктуры» будет реализовываться на земельных участках, находящихся в границах особо охраняемой природной территории. Необходимость вовлечения земельных участков Парка и строительства на них объектов туристической инфраструктуры определяет концессию единственно возможной схемой реализации Проекта.

В рамках направления рекреационной и обеспечивающей инфраструктуры планируется создать следующие объекты:

- информационно-визитный центр;
- глэмпинг;
- историко-архитектурный этнопарк;
- комплекс контрольно-пропускных пунктов;
- кемпинговая площадка;
- экологический музей вторичных отходов;
- кинотеатр под открытым небом;
- благоустройство туристического маршрута «Север острова Ольхон – Мыс Хобой»;
- 6 смотровых площадок с сопутствующей инфраструктурой;
- 4 кемпинговые площадки с сопутствующей инфраструктурой;
- этнокафе.

Создание данных объектов планируется в три этапа:

I этап – (2022–2023 гг.) – благоустройство туристического маршрута «Север острова Ольхон – Мыс Хобой» (6 смотровых площадок, 4 кемпинговые площадки), контрольно-пропускной пункт и информационно-визитный центр;

II этап – (2023–2024 гг.) – строительство глэмпинга, кемпинговой площадки, два контрольно-пропускных пункта;

III этап – (2024–2025 гг.) – создание историко-архитектурного этнопарка, кинотеатр под открытым небом, этно-кафе и экологический музей вторичных отходов.

В рамках направления цифровизации экологии планируется создать ряд программных продуктов и микросервисов для удобства работы сотрудников курирующих государственных учреждений и отдыха посетителей и туристов:

- Система выдачи электронных пропусков (далее СВЭП).
- Система контроля пропусков для государственных инспекторов (далее СКП).
- ГИС система рекреации.
- ГИС система управления особо охраняемой природной территории.
- Маркетинговое приложение.
- Агрегатор бронирования на территории.
- SaaS-приложения планирования и управления коммерческими продуктами.
- Модуль маркетплейса.
- Модуль логистики.
- SoS-система.

Создание данных проектов планируется разделить на 4 этапа:

I этап – (2020–2021 гг.) – включает в себя создание СВЭП и СКП;

II этап – (2021–2022 гг.) – создание ГИС-системы рекреации, маркетингового приложения и масштабирование программных продуктов на особо охраняемых природных территориях Российской Федерации;

III этап – (2022–2023 гг.) – создание агрегатора бронирования на особо охраняемой природной территории, разработка SaaS-приложения планирования и управления коммерческими продуктами, ГИС-система управления на особо охраняемой природной территории;

IV этап – (2023–2024 гг.) – создание и запуск модуля маркетплейса, модуля логистики и SoS-системы.

Реализация Проекта идет по плану, в декабре 2020 г., после тестового использования, был успешно запущен в работу комплекс программных продуктов СВЭП и СКП, позволивший уже сейчас получить возможность в режиме онлайн осуществлять контроль за антропогенной нагрузкой на природных территориях со стороны природоохранных органов, регулировать и учитывать хаотичный туристический поток, а также упростить и сделать более удобной процедуру оформления разрешений для туристов и отдыхающих.

Данный комплекс программных продуктов планируется к масштабированию на всю территорию Российской Федерации. На данный момент, на стадии подписания находятся договора на использование СВЭП и СКП с руководством Тункинского национального парка и руководством ФГБУ «Заповедное Подлесье» (объединенной дирекцией особо охраняемых природных территорий «Баргузинского заповедника, «Фролихинского заказника» и «Забайкальского национального парка»). На стадии переговоров ведется работа с национальным парком «Кисловодский» и «Сочинским национальным парком».

Литература

1. Об утверждении Устава ФГБУ «Прибайкальский национальный парк»: приказ Минприроды России от 23 мая 2011 г. URL: <https://base.garant.ru/70148070>. (дата обращения: 07.05.2021).
2. Об особо охраняемых природных территориях: федер. закон № 33-ФЗ от 14 марта 1995 г. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/8012-federalnyy-zakon-33-fz-ot-14-marta-1995-g> (дата обращения: 04.02.2021).
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.04.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773 (дата обращения: 04.05.2021).
4. Положение о ФГБУ «Прибайкальский национальный парк» URL: <https://baikal-1.ru/wp-content/uploads/2017/06/doc-Pribaikalsky-regulations.pdf> (дата обращения: 04.05.2021).
5. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 30.04.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040 (дата обращения: 04.05.2021).
6. Об утверждении перечня особо охраняемых природных территорий федерального значения, находящихся в ведении Минприроды России: распоряжение Правительства РФ от 31.12.2008 № 2055-р. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-31122008-n-2055-r> (дата обращения: 02.06.2021).
7. О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения: 02.06.2021).
8. О концессионных соглашениях: федер. закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/ (дата обращения: 02.05.2021).
9. Об установлении Порядка подготовки и заключения договора аренды земельного участка, расположенного в границах функциональных зон национальных парков: приказ Минэкономразвития России от 12.07.2010 № 293 (ред. от 22.06.2015). URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minekonomrazvitija-rf-ot-12072010-n-293/> (дата обращения: 10.05.2021).
10. Об охране озера Байкал: федер. закон от 01.05.1999 № 94-ФЗ (ред. от 08.12.2020). URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-01051999-n-94-fz-s> (дата обращения: 10.05.2021).

УДК 351.82

Ю. В. Заварзина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И УГРОЗЫ КЛАСТЕРИЗАЦИИ ТУРИСТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Представлен анализ последствий и угроз развития территории в Иркутской области. Исследуются перспективы кластеризации туристической сферы Иркутской области. Рассматриваются возможные перспективы моделирования развития территории.

Ключевые слова: кластеризация, развитие территории, туристическая сфера, социальные последствия.

Yu. V. Zavarzina

Irkutsk State University, Irkutsk

SOCIAL CONSEQUENCES AND THREATS OF CLUSTERING OF THE TOURISM SECTOR OF THE IRKUTSK REGION

The article presents an analysis of the consequences and threats to the development of the territory in the Irkutsk region. The prospects for clustering the tourism sector of the Irkutsk region are analyzed. Possible prospects for modeling the development of the territory are considered.

Keywords: clustering, territory development, tourism, social consequences.

Иркутская область обладает уникальным туристическим потенциалом, на ее просторах сосредоточены природные памятники, памятники культуры, истории и архитектуры. За последние пять лет поток российских и иностранных туристов, которые хотят лично посетить туристические объекты в Восточной Сибири, растет. По данным отчетов агентства по туризму Иркутской области, ежегодный рост туристического потока в среднем составляет 8–10 %.

Роль субъективного восприятия территории в общественном мнении жителей региона рассмотрена в работах О. А. Полношкевич [12–14], С. В. Малых [9], особенности развития туризма для перспективных направлений развития региона представлено в работах Н. В. Москвитиной [10; 11], о ресурсах развития территории представлено в работах Ю. В. Борисовой [1–4], Ю. В. Заварзиной [5–8] и др.

С увеличением туристического потока растет и разнообразие предлагаемого ассортимента туристических продуктов. Если в самом начале развития туризма в регионе для привлечения туристов в Иркутскую область популярными маршрутами были город Иркутск, поселок Листвянка и остров Ольхон, то на данном этапе развития туристической отрасли популярными локациями для посещения туристами стали населенные пункты: Большие Коты, Большое Голоустное, Култук, Слюдянка, Байкальск. Постепенно развиваются такие виды туризма как познавательный, экскурсионный, деловой, гастрономический, событийный, сельский, экологический, семейный, а также те виды туризма, для которого Иркутская область подходит идеально: спортивный и экстремальный туризм. Однако, несмотря на достаточно положительную динамику развития туристической отрасли Иркутской области, все же встает вопрос о достигнутых результатах. Для того чтобы продолжать модернизировать систему и наращивать обороты развития туризма, необходимо привлекать все большее количество туристов. Что для этого необходимо? Вторая базовая потребность любого человека, согласно потребностям пирамиды Маслоу, это потребность в безопасности. Если турист будет чувствовать себя комфортно и не будет опасаться за свою жизнь и здоровье, то его желание находиться более продолжительный период времени на той или иной территории только возрастет и он захочет вернуться вновь. Обеспечение безопасности российских и иностранных граждан во время их пребывания на территории нашего государства – одна из ключевых задач, поставленная правительством. В конечном итоге все туристические продукты имеют одну цель – оставить приятные впечатления, как о путешествии, так и о месте его проведения (стране) в целом. Имидж государства в глазах иностранного туриста – очень важный базисный элемент при формировании направлений развития туриндустрии. На этом и строится вся отрасль туристического обслуживания с целью создания уникального туристического продукта и максимального его одобрения в глазах туристов, а также желания с их стороны дальнейшего его использования [48].

Однако цель заключается не просто в создании туристического продукта, который больше никто не сможет предложить. Он должен обладать определенными свойствами и, в первую очередь, быть безопасным. К сожалению, при постоянно растущем туристическом потоке, который наблюдается в Иркутской области, в процессе туристического обслуживания, возникают проблемы в обеспечении безопасности российских и иностранных туристов. Рассмотрим самые проблемные вопросы, которые туристическое сообщество региона неоднократно озвучивало.

Самая первая и стратегически важная проблема – это отсутствие современной и развитой инфраструктуры. Существуют базовые элементы инфраструктуры, которые в Иркутской области недостаточно развиты. Например, все гости, которые прибывают в столицу Восточной Сибири город Иркутск, хотят поближе познакомиться с этим местом. Прогуляться по самым живописным и известным местам, насладиться историческими памятниками архитектуры и деревянного зодчества, погрузиться в атмосферу самого города. Днем это не представляет абсолютно никаких трудностей. В городе имеется пеше-

ходный маршрут «Зеленая линия», который соединяет самые известные и популярные места для посещения. Однако, при наступлении вечера туристы могут слабо ориентироваться на плохо освещенных улицах города. Достаточно освещены только центральные улицы города – это улица Карла Маркса и улица Ленина. На остальных же улицах города уличного освещения недостаточно или оно есть только на отдельных участках. Возникает вопрос, как передвигаться российским и иностранным туристам, которые плохо знают город и могут заблудиться в незнакомой местности. А это является угрозой для сохранения жизни и здоровья гостей города, так как существует вероятность получить травму, оступившись в темноте. К тому же освещение играет еще одну важную роль в обеспечении безопасности российских и иностранных туристов. В городе Иркутске не наблюдается высокой криминогенной обстановки, однако всегда существует вероятность нападения на туристов с целью ограбления. В данной ситуации также возникает вопрос об организации несения патрульно-постовой службы, которая должна обеспечить безопасность на улицах города.

В городе отсутствует движение городского транспорта в вечернее время после 22 часов, а многие средства коллективного размещения (гостиницы, хостелы) располагаются в спальных районах города, что затрудняет возможность добраться из центра города, где сосредоточены основные достопримечательности и зоны отдыха.

Еще одной проблемой в инфраструктуре города является ограниченное количество общественных туалетов. Наиболее актуальной эта проблема становится в вечернее время после закрытия торгово-развлекательных комплексов.

Перечисленные выше проблемы – это одни из многих вопросов в развитии инфраструктуры города. Другими словами, объекты инфраструктуры, которые должны присутствовать в популярных туристических местах города, должны быть максимально развиты и соответствовать международным стандартам, отвечать требованиям для обеспечения их безопасности туристов. Если рассматривать другие населенные пункты региона, то можно констатировать почти полное отсутствие объектов инфраструктуры в этих населенных пунктах.

Второй очень важной проблемой является существование теневого сектора туристического бизнеса, занимающегося туристической деятельностью на территории Иркутской области. В результате работы государственных контрольных органов по надзору в секторе туристического бизнеса установлен факт наличия недобросовестных, а в некоторых случаях нелегально работающих туристических компаний. В чем это заключается? Гражданин иностранного государства, зачастую граждане КНР (так как именно на рынке по приему китайских туристов имеет место быть данное явление), регистрирует юридическое лицо на гражданина Российской Федерации, который фактически туристической деятельностью не занимается. Налоговая отчетность по созданной фирме показывается по минимальному обороту. Документально все выглядит абсолютно законно и легально. Однако все денежные средства, полученные в результате реализации туристических продуктов, в данном случае находится в руках граждан КНР, что документально он нигде не фиксируется. Данные организации зачастую пользуются услугами транспорта, не имеющего лицензию на осуществление пассажирских перевозок; организуют питание в тех местах, где нарушаются санитарно-эпидемиологические нормы. Неоднократно в городских клиникских больницах регистрировались случаи экстренной госпитализации иностранных граждан в связи с пищевыми отравлениями.

Следующей важной проблемой в период навигации на озере Байкал является факт использования не прошедших лицензирование на осуществление пассажирских перевозок в Государственной инспекции маломерных судов плавсредств в поселке Листвянка, на Малом Море, а также в прибрежной зоне острова Ольхон. Российские и иностранные туристы, не владея особенностью эксплуатации и состояния безопасности используемых плавсредств, приобретают водные экскурсионные туры. Использование подобного

транспорта может привести к тому, что в случае чрезвычайного происшествия, ответственность за жизнь и здоровье туристов никто не будет нести, а также не используется ни один из видов страхования жизни и здоровья. Чаще всего при оказании услуг (перевозки пассажиров, водных экскурсий) билет не выдается туристам. При этом билет – это документ, подтверждающий оплату и факт оказания услуги. При осуществлении водной прогулки не контролируется выдача спасательных жилетов, а это является грубым нарушением в обеспечении безопасности туристов на воде. Маршрут не проходит по мелководью, корабль уходит далеко от берега, где глубина озера составляет несколько десятков и даже сотен метров. В случае происшествия на воде шансов на спасение туристов без спасательных жилетов будет очень мало. К тому же температура воды в озере Байкал даже в самый жаркий период года очень низкая, что ведет к очень быстрому переохлаждению организма при попадании в воду. Данная проблема является актуальной в области обеспечения безопасности. Даже наличие системы штрафов и проверок Государственной инспекцией маломерных судов не пугают владельцев плавсредств.

Перейдем к рассмотрению следующей проблеме. На территории Иркутской области находится большое количество живописных и популярных мест отдыха, однако часто подъездные пути к таким местам слишком затруднены, периодически размываются дождями. Автомобильная сеть дорог в регионе представлена различными типами покрытия которые проходят по разным рельефам местности от степных до горных участков. Асфальтированные дороги в основном соединяют районные центры региона, при этом часть дорожного покрытия из-за износа находится в плохом состоянии и требует ремонта. В регионе преобладают дороги с грунтовым покрытием. Ко многим местам отдыха официальных дорог не существует вообще.

Одним из таких мест является пляж Золотые Пески. Он находится на берегу Братского водохранилища в Осинском районе Иркутской области. Название не является официальным, это обиходное название. Назвали его так за золотой цвет песка. Пляж Золотые пески представляет собой внушительных размеров пологий берег реки Ангары. Все в этом месте считается замечательным кроме одного – дороги. От Иркутска до Золотых песков всего 270 км, однако, асфальтом покрыто лишь 170 км, оставшиеся 100 км – это гравийная дорога, которая практически никем не обслуживается и является небезопасной.

Большое количество живописных бухт озера Байкал являются труднодоступными из-за подъездных путей. Почти все дороги, ведущие к этим бухтам, гравийные, некоторые из них проложены по пересеченной местности, имеют крутые подъемы и спуски. Движение по этим дорогам не является безопасным для неподготовленного туриста. Помощи в случае поломки транспортного средства, прокола колеса ждать неоткуда. Как правило, на пути следования к этим местам отсутствует ремонтные мастерские, что говорит об слабо развитой инфраструктуры региональных дорог. Более того, мобильная связь в этих местах практически полностью отсутствует, и мы переходим к рассмотрению еще одной проблемы – это недостаточное покрытие Иркутской области операторами сотовой связи. Отсутствие возможности позвонить при возникновении внештатной ситуации влечет за собой угрозу безопасности туриста.

Следующая проблема в обеспечении безопасности напрямую касается туристов любителей экстремальных (спортивных) видов туризма и пешего туризма. Чаще всего именно любители спортивного туризма попадают в различные рода ситуации, которые угрожают их жизни или здоровью.

На территории Иркутской области существует великое множество различных туристических троп. Например, Большая Байкальская Тропа, которая является самым популярным туристическим маршрутом у данной категории туристов. Она в целом оборудована и отвечает предъявляемым требованиям с точки зрения обеспечения безопасности. Помимо этого, имеется еще одно популярное место у туристов, причем как российских, так и иностранных граждан, это поселок Аршан у подножия хребта Восточного Саяна в

Республике Бурятия. Близость этого туристического объекта к Иркутску, делает его таким популярным и часто посещаемым местом. Аршан – это горные пейзажи, луга Тункинской долины, чистый воздух, минеральные источники, каскады водопадов и многое другое. Поселок Аршан расположен на высоте 893 м над уровнем моря в месте выхода реки Кынгарга на северную окраину Тункинской долины и подножия Тункинских гольцов. Кынгарга в переводе с бурятского языка означает «барaban», что объясняется сильным шумом, который издаёт река. Река Кынгарга стекает с южного склона Тункинских гольцов – горного хребта на территории Окинского и Тункинского районов Республики Бурятия, являющегося самым восточным отрогом Восточных Саян. Вершины хребта достигают 3000 – 3300 м, высшая точка хребта – Пик Стрельникова (3284 м), перепад высот между гребнями достигает 2000 м. Длина реки Кынгарга от истоков до устья – более 27 км и главное ее отличие от многочисленных рек Восточного Саяна – река Кынгарга всегда полноводна.

В зоне краевого сброса Тункинских Гольцов долина реки Кынгарга резко сужается, образуя глубокое, практически лишённое поймы ущелье. Наклон дна становится круче. После слияниялевой и правой Кынгарги, река пробивается через крутой склон, образуя каньон, ряд перекатов и два исключительно красивых водопада свободного падения в своем нижнем течении. Всего на реке Кынгарга насчитывается около 12 водопадов (по некоторым источникам – до 20), но наиболее известные из них – располагаются в нижней части течения. По краю ущелья есть труднопроходимая тропа, ведущая к подножию Тункинских гольцов, откуда берут свое начало альпинистские маршруты к пикам Трехглавая, Братчанка и Броненосец.

Самым популярным маршрутом посещения этого места считается тропа 12 водопадов. До первого водопада ведет обустроенная тропа оборудованная лестницами, перилами. Эта тропа не является сложным туристическим маршрутом и пригодна для туристов с детьми. Все тропы дальше первого водопада сложны для их прохождения и представляют собой очень опасные участки туристического маршрута и не отвечают требованиям безопасности. Ежегодно на тропе происходят несчастные случаи, в том числе и с летальным исходом. Летом 2019 г. в обрыв сорвался иностранный турист, мужчина в возрасте 49 лет. Тропа к подножию была узкой, шла по краю обрыва, с другой стороны вплотную примыкала к скалистому отвесному склону горы. Турист из Чехии, мужчина, не останавливаясь обернулся, чтобы задать вопрос гиду-экскурсоводу и сорвался в обрыв примерно 12 м глубиной. При падении он ударился головой о камни и вскоре скончался. Эвакуацию тела туриста осуществляли спасатели поисково-спасательного отряда. Аналогичный случай произошел с туристом из Германии на Большой Байкальской тропе в Листвянке. Прогноировав рекомендации следовать по оборудованной тропе, турист пошел по опасному не оборудованному участку тропы вдоль обрыва. В результате чего сорвался и упал. Благодаря оперативным действиям сотрудников Байкальского поисково-спасательного отряда, пострадавший с многочисленными травмами был доставлен в лечебное учреждение.

Описанный туристический маршрут совершенно не соответствует требованиям безопасности, влечет угрозу здоровью и жизни туристов. Опасность этой тропы представляет собой серьезную проблему в обеспечении безопасности туристов, так как при проведении спасательной операции даже подготовленные сотрудники отряда следуют по данному маршруту с риском для жизни.

Следующей проблемой в обеспечении безопасности туристов во время прохождения экскурсионного маршрута является дорога на самом посещаемом острове региона Ольхоне.

Самый большой остров Байкала расположен примерно в центре озера ближе к северо-западному побережью. От материка его отделяют пролив Малое Море с максимальной шириной 16 километров и узкий пролив Ольхонские ворота. Вся территория острова

и ближайшие окрестности входят в состав Прибайкальского национального парка. Расстояние от города Иркутска до Ольхона составляет 256 километров.

На Байкале насчитывается 27 остров, но равных по размерам Ольхону нет никого. Его длина составляет 70 километров, а наибольшая ширина – 15 километров. Восточный край острова обрывается к воде скалистыми утесами высотой до 80 метров, а западный – полого спускается к мелководным заливам Малого моря. Недалеко от восточного берега Ольхона находится самое глубокое место озера – 1642 метра.

Отметки глубин на физической карте озера заставляют удивиться даже бывалых путешественников – почти у самого берега глубина озера достигает уже сотни метров, а в километре она превышает тысячу метров. Фактически озеро Байкал представляет собой гигантский разлом, заполненный водой. При этом дно озера расположено на 1187 метров ниже уровня мирового океана. Благодаря этому чаша Байкала является самой глубокой материковой впадиной на планете. Природной достопримечательностью острова Ольхон является скала Шаманка. Ее также называют Шаманским мысом или мысом Бурхан. Мыс, далеко выдается в воду, оканчивается мраморной скалой с двумя вершинами. Фактически это визитная карточка острова. Ее максимальная высота достигает 42 метров. Внутри скалы тянется сквозная Шаманская пещера длиной 12 метров. В дальней части мыса на скальном уступе на поверхность выходит коричневая порода, силуэт которой напоминает дракона.

Также на острове находится один из самых популярных туристических объектов – мыс Хобой. Общая протяженность дороги от поселка Хужир до мыса составляет 40 километров. Однако лишь 20 километров имеют более-менее ровное грунтовое покрытие, остальные 20 километров представляют собой путь по пересеченной местности с ямами, канавами. С учетом того, что единственный пригодный транспорт для экскурсионных поездок на острове являются старые машины марки УАЗ (так называемые в простонародье «буханки»), у которых отсутствуют ремни безопасности, то это создает угрозы безопасности пассажиров. Так как официальных дорог на острове нет, а имеющиеся дороги ненадлежащего качества, передвижение туристов на таком транспорте является небезопасным. Неоднократно были зарегистрированы случаи травматизма российских и иностранных туристов: переломы, ушибы, ссадины.

В зимний период автотранспортные средства также представляют угрозу здоровью и жизни пассажиров. Ежегодно происходят несанкционированные выезды на лед в запрещенных местах. В зимний период осуществляется переправа на проливе Малое Море до острова Ольхон (как правило, с конца января до конца марта) только на Хивусах (судно на воздушной подушке). Официальная переправа для автомобильного транспорта открывается не небольшой срок в феврале-марте и зависит от состояния льда и погодных условий. Она проверяется на безопасность движения сотрудниками МЧС. Вне этой переправы передвигаться по льду Байкала на автомобильном транспорте запрещено. На практике никто не обращает внимания на запрет и, как правило, туристический автобус подезжает к началу переправы, туристов пересаживают в легковые автомобили и микроавтобусы, на которых везут их на остров Ольхон вне официальной ледовой переправы, когда она не открыта. Таким образом, в зимний период туристические компании пренебрегают безопасностью туристов при следовании по льду озера на остров Ольхон. Ежегодно регистрируются случаи, когда легковые автомобили, следуя вне официальной ледовой переправы, уходят под лед. Зимой озеро Байкал представляет собой опасное ледовое поле с большим количеством трещин, промоин и торосов, которое является не безопасным для передвижения по нему. Следовательно, при выборе мест отдыха на Байкале зимой необходимо максимально продумывать вопросы обеспечения собственной безопасности, не выходить на лед в тех местах, где это запрещено.

Перед сотрудниками МЧС ежегодно встает проблема несанкционированных ледовых переправ на территории Иркутской области.

На основе всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что на данном этапе развития туристической отрасли области, регион не может в полном объеме обеспечить безопасность туристов. В первую очередь это обусловлено низкими темпами модернизации и совершенствования туристической инфраструктуры. Недобросовестным отношением со стороны туристических фирм к вопросам обеспечения безопасности туристов в погоне за получением прибыли. Наличием теневого сектора экономики туристического бизнеса. С учетом постоянного роста туристического потока в регионе, развития всеполюсного туризма наращивание мощностей туристической индустрии должно идти полным ходом и затрагивать развитие всех сфер обслуживания. Этот процесс должен способствовать повышению безопасности туристов.

На сегодняшний день существует большое количество проблем, которые необходимо решать, чтобы повысить привлекательность потенциала области на российском и международном туристических рынках.

К ним относятся, в первую очередь, проблемы в области туристического обслуживания: питания, проживания, предоставление экскурсионных видов транспорта и наличие теневого сектора в туристической индустрии региона. Во вторую очередь идут проблемы, связанные с наличием и качеством дорожной сети региона, в том числе по пути следования на экскурсионных маршрутах. Ведь основной привлекательности туристического продукта является комфортное перемещение туристов по маршруту следования, минимизация временных затрат в пути.

К третьей группе проблем можно отнести обустройство лесных и горных пешеходных троп, их прокладка по безопасным маршрутам. Оборудование их информационными стендами с разъяснением маршрута следования, указанием опасных участков маршрута, правил безопасного поведения, а также порядком оказания первой помощи. Для того чтобы максимально минимизировать возможность появления обстоятельств, при которых может возникнуть угроза жизни и здоровью туристов, целесообразно детально и тщательно изучить и проработать все туристические направления и маршруты, расположенные на территории Иркутской области.

Любая система рыночных отношений представляется в виде области, которая максимально быстро подвержена изменениям, а также влиянию внешних и внутренних факторов. Туристическая система рыночных отношений не является исключением. С момента начала развития туристической отрасли в Иркутской области можно проследить изменения в направлениях, сферах и видах туризма. Изменения дают положительный эффект в развитии туристического рынка, так как самым важным критерием его оценки является рост потока иностранных туристов в область, а он стабильно наблюдается за последние пять лет.

Благодаря слаженной работе представителей туристического бизнеса региона и органов исполнительной власти на сегодняшний день в развитии туристической отрасли Иркутской области удалось добиться следующих результатов. В 2018 г. Иркутская область сохранила 13-е место в рейтинге туристической привлекательности среди регионов России, входит в топ-10 самых популярных у иностранных туристов городов и регионов России. Согласно рейтингу, составленному аналитическим агентством «ТурСтат», XVI Международный фестиваль зимних игр на Байкале «Зимниада – 2019» вошел в топ-5 событий в России начала весны, критериями оценки послужили популярность и уникальность мероприятий.

По рейтингам, представленным к сезону активного отдыха 2019 года российским сервисом бронирования жилья для отдыха Tvil.ru:

- поход по побережью Байкала вошел в пятерку самых привлекательных маршрутов для трекинга и активного отдыха по результатам опроса туристов в социальных сетях;

- город Байкальск вошел в пятерку городов, которые пользуются наибольшей популярностью для отдыха на озерах России этим летом по данным оплаченных заявок (броней) на проживание с 1 июня по 31 августа 2019 г.;

– озеро Байкал вошло в топ-10 лучших мест для отдыха с детьми летом по результатам интернет-опроса ко Дню защиты детей;

– Прибайкальский национальный парк входит в топ-3 природных парков России популярных для экологического туризма по количеству туристских посещений.

– бренды Иркутской области: Иркутская слобода (130 квартал) в центре г. Иркутска, мост через реку Ангара, Кругобайкальская железная дорога, озеро Байкал, остров Ольхон и скала Шаманка включены в проект «Живое наследие», в котором собрано порядка 1000 наиболее значимых культурных брендов со всех регионов России.

Эти достижения обусловлены наличием на территории региона уникальных природно-рекреационных ресурсов, значительным культурно-историческим потенциалом, разнообразием этнических культур, а также достаточно развитым транспортным сообщением с крупнейшими городами Российской Федерации и странами Азиатско-Тихоокеанского региона, более чем 50-летним опытом работы, позволяющим принимать гостей со всего мира. Основой туристско-рекреационного потенциала, безусловно, является озеро Байкал, включенное в список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО. Это не только природный феномен, но и сокровищница материальной и духовной культуры Центральной Азии.

Наиболее популярными местами отдыха у жителей и гостей Иркутской области являются территории, прилегающие к озеру Байкал: Иркутский район (п. Листвянка, п. Большое Голоустное), Ольхонский район (побережье Малого Моря и о. Ольхон), Слюдянский район (г. Байкальск, г. Слюдянка, п. Утулик, п. Култук); территории вдоль береговой линии Братского водохранилища (Осинский, Нукутский, Братский районы), а также город Иркутск. К приоритетным видам туризма и отдыха в Иркутской области можно отнести: экологический, этнографический, событийный, активный, водный и круизный, деловой туризм, гастрономический туризм. Также в регионе имеется хорошая база для лечебно-оздоровительного туризма.

Главной характеристикой разнообразных туристических продуктов региона является их безопасность. Безопасность туристического продукта выражается, в первую очередь, в том, что в процессе его реализации не создаются угрозы жизни и здоровью туриста. А так же в реализации мер, направленных на обеспечение безопасности прохождения маршрута. На данном этапе развития сферы туризма в Иркутской области не все направления можно с уверенностью отнести к безопасным на 100 %. В частности это касается экстремальных видов туризма.

Слабо развитая инфраструктура города и региона не позволяет в полной мере обеспечить безопасность туристов. Решением данной проблемы является строительство объектов коллективного размещения, а также общественного питания, опираясь на международные стандарты. Ежегодно происходят чрезвычайные ситуации в коллективных средствах размещения, в особенности, которые далеко находятся от города. Из чего можно сделать вывод о том, что проверки деятельности объектов туристической инфраструктуры, расположенных вдали от регионального центра, проводятся значительно реже, не исключаются факты формального подхода со стороны надзорных органов при их проведении. К примеру, на острове Ольхон неоднократно были зарегистрированы случаи пожаров домов отдыха, гостиниц, ресторанных комплексов и других объектов общественного питания. В современном мире в средствах массовой информации и с помощью социальных сетей все новости разносятся моментально быстро. С учетом существования огромного количества различных электронных приложений в туристической сфере, оставить отзыв или написать статью, посвященную своему отдыху, не составит большого труда. Все эти факторы прямо пропорционально влияют на имидж региона. Следовательно, для владельцев объектов инфраструктуры туристического сектора безопасность – это самое приоритетное направление деятельности, на развитие которого должны выделяться финансовые и материальные ресурсы.

Говоря о строительстве, можно рассказать о пади Кадильная, которая находится на территории Прибайкальского национального парка, через которую проходят все туристы маршрута по Большой Байкальской Тропе. Это место представляет собой запущенную территорию, расположенную на берегу Байкала, с несколькими деревянными домами для ночлега, построенными еще в 80-х годах прошлого века. Соответственно, ни о какой развитой инфраструктуре не может быть и речи. Это место нуждается в реконструкции в срочном порядке. Необходимо создать благоприятные и безопасные условия для размещения туристов. Единственным видом связи с этим местом является радиосвязь. А с учетом того, что ежегодное количество туристов неизменно растет, нужно обеспечить сотовой связью данную территорию. Таким образом, при возникновении несчастных случаев всегда будет иметься возможность оперативно связаться со службами спасения.

Также с учетом того, что в среднем общее время прохождения по данному туристическому маршруту составляет около трех дней, в пади Кадильной необходимо разместить пункт для оказания первой помощи. По всей протяженности тропы имеются опасные участки. И при получении травм на этих участках должно быть место, где туристу своевременно и в полном объеме окажут первую медицинскую помощь. Если должным образом оборудовать всю тропу, то интерес к ней возрастет еще больше.

В качестве трудовых ресурсов с целью оснащения пешеходных троп для придания им статуса «безопасные» и наведения на них порядка, можно продолжать привлекать студентов учебных заведений и учеников школ, а также всех желающих в качестве волонтеров на безвозмездной основе. Основной мотивацией в их случае может служить прохождение разного рода учебных и студенческих практик. Также можно продолжить разработку, организацию и проведение событийных и тематических экологических мероприятий с целью еще большей популяризации подобного вида туризма среди иностранных и российских туристов.

Для воплощения в реальность всех обозначенных направлений развития инфраструктуры туристической сферы можно привлечь инвестиции в развитие туристско-рекреационного потенциала Иркутской области. Поиск инвесторов и ведение переговоров с ними является задачей представителей туристического бизнеса региона при координации исполнительной власти субъекта, так как в данном случае экономический эффект от осуществления инвестиционной деятельности принесет доходы в бюджет региона. Большинство туристических компаний сами будут максимально заинтересованы в кратчайшие сроки решить данный вопрос.

Для решения следующей очень важной проблемы при оказании безопасных туристических услуг необходимо создать единый региональный транспортный реестр пассажирских перевозчиков, в котором будут фиксироваться все плавсредства и транспортные средства, участвующие в оказании туристических услуг. Государственным контрольным органа, в чьем ведении находятся надзорные функции по контролю за эксплуатацией указанных средств, для решения проблем с транспортом, не отвечающим правилам безопасности при перевозке пассажиров, необходимо разработать ряд критериев и стандартов для того, чтобы перевозчики могли получить лицензию на осуществление своей деятельности и попасть в единый региональный транспортный реестр. Даже при создании подобного реестра могут допускаться случаи небезопасного оказания туристических услуг на различных видах транспорта. Поэтому, с целью полного исключения из обращения в туристической отрасли региона возможного небезопасного транспортного средства, параллельно на законодательном уровне необходимо ввести «систему трех нарушений при оказании туристических услуг». Смысл работы этой системы будет заключаться в следующем: при выявлении нарушений, связанных с перевозкой пассажиров, в ходе плановых и внезапных проверок контрольными органами, фиксировать факт нарушения в реестре. При трехкратном нарушении правил, связанных с перевозкой пассажиров можно рассматривать вопрос об отзыве лицензии на осуществление этой деятельности и

исключения перевозчика из единого регионального транспортного реестра пассажирских перевозчиков. Только в данном случае появится возможность эффективного отслеживания и борьбы с владельцами небезопасных средств перевозки пассажиров.

Также при рассмотрении вопроса о безопасности реализации туристических продуктов в регионе необходимо обратить внимание на самую актуальную проблему туристического бизнеса Иркутской области – существование теневого сектора. Теневая экономика в любой сфере жизни общества несет в себе негативные последствия. При оказании туристических услуг существование теневого сектора прямо влияет на безопасность туристического продукта. Оборот наличных денежных средств позволяет нелегальным туроператорам диктовать свои условия существования рынка, способствует развитию недобросовестной конкуренции. У нелегальных туроператоров есть возможность предложить контрагентам расплачиваться за услуги предоставляемого проживания или питания туристов с помощью наличных средств. Следовательно, никакого учета по ним не ведется и отчетность в налоговую инспекцию не предоставляется. В связи с этим контрагенты могут предоставлять услуги ненадлежащего качества по коллективным средствам размещения, не соответствующие заявленным при продаже туристического продукта потребителю. Организовывать питание в малоизвестных и не соответствующих требованиям Роспотребнадзора местах общественного питания. Другими словами, необходимо создать инструмент для борьбы с нелегальным оборотом денежных средств.

Одним из инструментов контроля за деятельностью туристического бизнеса региона и выявления его теневого сектора является создание комиссии, основной задачей которой будет внезапная проверка без предварительного уведомления проверяемого юридического лица по оказанию услуг в туристической отрасли. Таким образом, появится эффективный инструмент в борьбе с тевым сектором туристического рынка Иркутской области и пресечением нелегальной деятельности в туризме.

Также хотелось бы отметить, что эффективным направлением, связанным с обеспечением безопасности туризма на территории Иркутской области, может послужить создание регионального информационного туристического ресурса как на русском так и на иностранных языках. На этом ресурсе должна отображаться актуальная информация о ситуации по всем направлениям и туристическим маршрутам, их характеристика, погодноклиматические условия, ситуация на дорогах, обстановка на лесных и горных тропках, оборудованных местах стоянок, о состоянии гостиничных комплексов, всех видах транспорта, объектах общественного питания, телефоны справочных и спасательных служб и так далее. Другими словами всю самую нужную и необходимую информацию для российских и иностранных туристов с целью их комфортного пребывания в регионе.

Следует отметить, что в настоящее время наукой не предложен комплекс методических подходов к безопасному развитию сферы туризма в современных, постоянно изменяющихся условиях. Существующие методы позволяют производить, например, оценку экономической безопасности в туристской сфере без учета элементов остальных уровней. Опыт последних лет наглядно демонстрирует неполную готовность туристической индустрии не только оценивать риск возникновения опасных ситуаций, но и оперативно реагировать на их возникновение, обеспечивая для туристов комфортные условия – важнейшую составляющую безопасности туристских услуг.

В дополнении к реализуемым в настоящее время мерам по обеспечению комплексной безопасности регионального туризма можно предложить:

- систему мониторинга показателей и критериев безопасности туризма в регионе, включающую статистику по туристам, пострадавшим в результате несчастных случаев, заболеваний и т. п.;

- экономические механизмы стимулирования развития туризма, которые будут способствовать направлению финансовых средств на обеспечение безопасности при транспортировке, размещении, экскурсионном обслуживании туристов;

– совершенствование деятельности региональных органов безопасности туризма, в задачи которых входит координация действий участников туристского процесса, их информационное обеспечение, оповещение о возможных угрозах, мерах их предотвращения, а в случае невозможности последнего – помощь в устранении негативных последствий данных угроз.

Таким образом, можно говорить о том, что вопросы безопасности регионального туризма в России на сегодняшний день чрезвычайно важны. Речь идет о проблемах безопасности как отдельно взятых туристических направлениях деятельности, так и туристической отрасли в целом. И решение этих проблем является важной составляющей обеспечения общей национальной безопасности государства.

В целом можно сделать вывод о том, что безопасность туристов при реализации ими туристического продукта является самой актуальной задачей, которая стоит как перед органами исполнительной власти, так и перед представителями туристического бизнеса региона, которые занимаются непосредственно организацией и продажей туристических продуктов и оказанием туристических услуг.

Безопасность – это наиважнейшая характеристика, которой должен обладать любой туристический продукт. Эффективное обеспечение безопасности туристической сферы напрямую взаимосвязана с конечной целью туристического обслуживания – оставить приятное впечатление как о самом путешествии, так и о регионе в целом, а также чтобы у туриста появилось желание вернуться в эти места еще раз.

На основании проведенного анализа были предложены следующие направления совершенствования безопасности туризма в Иркутской области:

- строительство новых объектов туристической инфраструктуры, соответствующих всем стандартам безопасности;
- создание единого регионального транспортного реестра пассажирских перевозчиков;
- создание комиссии, основной задачей которой будет осуществление внезапных проверок юридических лиц по оказанию услуг в туристической отрасли;
- создание регионального информационного туристического ресурса как на русском так и на иностранных языках.

Литература

1. Борисова Ю. В., Беляева Е. С. Влияние динамики предоставления межбюджетных трансфертов на субфедеральном и внутрирегиональном уровнях власти (на примере Иркутской области) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019. № 45. С. 120–134.
2. Борисова Ю. В. Конструирование бренда территории в представлениях россиян // Социология. 2018. № 2. С. 97–103.
3. Борисова Ю. В. Социально-ресурсное управление конкурентоспособностью территории (на материалах Иркутской области): научная монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. 170 с.
4. Борисова Ю. В. Стратегическое развития территории // Социология. 2018. № 3. С. 87–93.
5. Заварзина Ю. В., Батынова Л. Н., Москвитина Н. В. Социально-ресурсное обеспечение конкурентоспособности территории в пространстве сетевого взаимодействия // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 315–318.
6. Заварзина Ю. В. Гендерные отличия в восприятии территориального развития (на примере Иркутской области) // Женщина в российском обществе. 2018. № 4 (89). С. 111–119.
7. Заварзина Ю. В. Финансовый менеджмент в государственном и муниципальном секторах как инструмент развития территории (на материалах Иркутской области) : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. 163 с.
8. Малых С. В. Восприятие территории Иркутской области через новостные телекоммуникации // Телекоммуникационные технологии: актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях : сб. науч. материалов Всерос. (заоч.) с междунар. участием научной конф. преподавателей, аспирантов и студентов. Хабаровск : СибГУКИ, 2018. С. 643–646.
9. Москвитина Н. В. Особенности сельского туризма на территории Байкальского региона // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона : материалы Второй регион. науч.-практ. конф. Иркутск : ИГУ, 2019. С. 198–201.

10. Москвитина Н. В., Иванов Р. В., Заварзина Ю. В. Снижение трансфертной зависимости от федерального центра как экономико-психологический фактор стабилизации обстановки в регионе // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. А. Д. Карнышев, В. А. Решетников. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 158–161.

11. Москвитина Н. В., Кадыш Р. М. Основные перспективы развития и консолидации туристской деятельности Северо-Байкальского района Республики Бурятия // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 399–402.

12. Полюшкевич О. А. Символическое значение территории в сознании сибиряков // Социология. 2018. № 2. С. 113–117.

13. Полюшкевич О. А. Территориально-пространственные символы социокультурной солидарности Сибири // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 4 (47). С. 293–300.

14. Полюшкевич О. А. Территория как символ консолидации Байкальского региона // DIXI – 2017: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. / Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2017. С. 129–135.

УДК 94:394(571.6)

Е. П. Супрунова

Тихоокеанский государственный медицинский университет, г. Владивосток

РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Рассматриваются факторы, влиявшие на рост городского населения на дальневосточной окраине Российской империи, на активизацию общественной жизни; выявляются достижения и недостатки в развитии городов дальневосточных городов в период столыпинской модернизации начала XX в. Обобщается опыт, накопленный в прошлом властными органами и общественностью по закреплению населения в регионе, который может оказаться полезным в современных условиях.

Ключевые слова: модернизация, индустриализация, миграция, городская культура, благоустройство, общественное благосостояние.

E. P. Suprunova

Pacific State Medical University, Vladivostok

DEVELOPMENT OF CITIES OF THE FAR EAST IN CONDITIONS OF MODERNIZATION OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article considers the factors that influenced the growth of the urban population on the Far Eastern outskirts, on the activation of public life; achievements and shortcomings in the development of cities of Far Eastern cities during the Stolypin modernization of the beginning of the 20th century are revealed. The experience gained in the past by the authorities and the public to consolidate the population in the region can be useful in modern conditions.

Keywords: modernization, industrialization, migration, urban culture, social relations, improvement, public welfare.

В начале XX в. мировая цивилизация переживала очередной этап модернизации. Наиболее развитые страны – Голландия, Англия, Франция, служили ориентиром для тех государств, где сохранялись устои традиционного общественного устройства. США, Германия, Япония и Россия с середины XIX в. в разной степени успешно проводили буржуазно-демократические преобразования. (Североамериканские Соединенные Штаты (САСШ) наиболее оперативно решали вопросы, связанные с модернизацией).

В России к началу XX в. завершилось формирование территории общей площадью 22,2 млн кв. км. Население страны к 1913 г. составляло около 160 млн человек 150 национальностей. Российская держава имела имперский характер – гигантская территория, многочисленное население полиэтнического, поликонфессионального состава, разделенное по сословным основаниям; православие играло роль государственной религии (ислам, католичество, протестантизм, буддизм, иудаизм занимали локальное положение).

Во главе государства стоял император-самодержец, опиравшийся на высшее сословие – дворянство и на полупривилегированные группы населения – духовенство, казачество. Вместе с тем в стране наряду с архаическими формировались и новые, модернизационные, черты. Особенностью российской модернизации был так называемый «догоняющий», мобилизационный характер. Развитие тормозили глубокая дифференциация российского общества по цивилизационным, культурным, этническим основаниям, различия в уровнях развития и качестве жизни между центральными губерниями и Дальним Востоком.

Существенные диспропорции в развитии страны являлись основанием не только для разбалансировки социально-экономического организма, но и для вызревания социальных протестов. Трагическое для страны поражение в русско-японской войне ускорило первый революционный взрыв в 1905–1907 гг. Под давлением широкого общественно-политического движения российское самодержавие было вынуждено отказаться от абсолютной власти: разворачивают активную деятельность политические партии, возникает первая в истории России Государственная дума, формируется гражданское общество. Реформы П. А. Столыпина дают новый мощный импульс модернизации, способствуют освобождению страны от феодальных пережитков. С помощью преобразований государственная власть пыталась контролировать общественную жизнь, нивелировать разногласия. Со своей стороны, наиболее активная, заинтересованная часть региональной элиты и общества в целом также прилагали усилия для повышения качества жизни в регионе. На современном этапе развития этот опыт может быть полезным.

Вопросы общественного развития в первую очередь роста городов, укрепления инфраструктуры, заботы об общественном благе в регионе находят освещение в *научной и публицистической литературе*. В работах общесторического плана: История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революции 1917 года и гражданской войны [6]; История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.) [7]; Владивосток: сборник исторических документов (1860–1907) [4]; Н. П. Матвеев Краткий исторический очерк г. Владивостока [10] и др. – освещаются особенности экономического, общественно-политического развития городов и районов региона.

Особый интерес в рамках статьи представляют работы специального характера. В монографиях О. И. Сергеева, С. И. Лазаревой, Г. Я. Тригуб «Местное самоуправление на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. Очерки истории» [13]; Т. А. Ярославцевой «Жилищно-коммунальное хозяйство на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX вв.: историко-правовой аспект» [14] – представлены основные тенденции и факторы, влиявшие на развитие городов региона, рассмотрен широкий спектр направлений деятельности административных органов. Подчеркивается ее эффективность, которая выразилась в подъеме жизнеобеспечения городов до общероссийского уровня.

Исследованию состояния и развития городов Дальнего Востока посвящены работы: Т. З. Позняк «Города дальневосточной окраины: условия и факторы роста (вторая половина XIX – начало XX в.)» [11]; А. А. Белоусова «На алтарь Отечества: из истории меценатства и благотворительности в России» [3]; Л. И. Галлямовой «Урбанизация Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX века (основные этапы и особенности)» [5]; Г. А. Андриец «Культурная жизнь дальневосточных городов (сфера досуга)» [1]; Н. А. Марковой «Съезды золотопромышленников как одна из форм общественно-политической активности дальневосточных предпринимателей (вторая половина XIX – начало XX в.)» [9]. В статье Ю. С. Ланкиной «Санитарно-гигиеническое состояние городов юга Дальнего Востока России как элемент повседневной жизни обывателей в конце XIX – начале XX вв.» рассматриваются основные проблемы санитарного состояния крупных городов Дальнего Востока и деятельность органов власти по их решению как одно из важнейших направлений истории повседневности [8].

В работе используются архивные документы, ряд из них вводятся в научный оборот впервые – дела Владивостокской городской Управы, доклады Владивостокской городской Думы [12] и т. д., в которых рассматриваются основные направления деятельности административных органов по улучшению положения населения региона. Исследование этих материалов позволяет сделать вывод о достаточной эффективности их усилий, направленных на повышение уровня благосостояния одного из самых отдаленных от центра регионов страны.

Особенности социально-экономического развития городов Дальнего Востока. Социально-экономическое развитие на Дальнем Востоке России имело как общие для всей страны, так и особенные черты. Точками роста для модернизации любой страны являются города, в целом городская культура. Каким образом осуществлялся прирост населения на Дальнем Востоке, как формировалось городское население? В первую очередь, это миграционные процессы. Удельный вес мигрантов: крестьян, военных, предпринимателей, ремесленников, ссыльных, иностранцев, демобилизованных (записывавшихся в мещане) и т. п. – в общем приросте составлял 68,4 % [7, с. 217–218]. Рост населения активизировался благодаря вводу в эксплуатацию участков Транссиба (Уссурийской железной дороги, КВЖД), что привлекало русский и иностранный капитал, рабочие руки к разработке недр Сибири и Дальнего Востока и обеспечивало сибирской пшенице выход на внешний рынок.

Важной особенностью процесса заселения был активный рост городского населения, превышавший рост населения в целом. С 1900 по 1916 г. все население выросло в 2,1 раза (с 462,1 тыс. до 988,3 тыс. чел.), а городское – в 2,6 раза (с 115,7 до 304,8 тыс. чел.). Иначе говоря, неземледельческая миграция была интенсивнее земледельческой. Миграции втягивали дальневосточную окраину в общий рынок труда, ускоряя процесс формирования регионального пролетариата [6, с. 73–74].

Развитие транспортной системы, техническое совершенствование на сухопутном транспорте и в судоходстве создавали предпосылки для развития производительных сил Дальнего Востока, стимулировали торговлю и общекультурное развитие региона. Предприниматели, главным образом, развивали добывающую (преимущественно золотодобывающие прииски) и обрабатывающую промышленность, торговлю. Так, в 1910 г. большую часть предприятий составляли торговые – в Амурской области – 91,7 %, в Приморской – 94,3 %. Соответственно на их долю приходилась большая доля прибыли [7, с. 356–357].

Развитие промышленности, транспорта, торговли меняли социальный и культурный облик региона и, прежде всего, городов. К 1917 г. в крупнейших городах региона (Владивосток, Хабаровск, Чита, Благовещенск, Петропавловск, города Сахалина) население составляло 220 тыс. 300 чел. (из почти 2 млн чел.). В 1897 г. горожане составляли 20,1 % жителей Приморья, а в 1913 г. – 28 % (в то время как в среднем по России – соответственно 13,4 и 17,9 %) [5, с. 52–53].

Особенное значение приобрел г. Владивосток, вошедший в число пяти крупнейших морских портов России (один из четырех российских городов с режимом порто-франко). Расширение рынка, связанного со строительством железной дороги, крепостных и торговых сооружений порта, вызвало приток капиталов, рост предпринимательства, ускорив тем самым процесс формирования промышленной буржуазии, как правило, сочетавшей предпринимательство с торговлей. С вводом в строй Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) Владивосток стал морскими воротами Транссиба. В 1900 г. к порту было приписано 28 крупных судов. Крупнейшим транспортным предприятием являлось морское пароходство Общества КВЖД, которому принадлежало в разные годы до 26 судов [7, с. 261]. В 1907–1913 гг. грузооборот владивостокского порта гг. увеличился в 3,4 раза. Численность населения в городе выросла с 38 тыс. чел. в 1900 г. до 99 тыс. чел. в 1913 г. В предвоенные годы наблюдался рост объема производства, прежде всего в добывающих

отраслях (за 1906–1913 гг. – на 235 %). Если в 1895 г. в городе было 20 предприятий с 307 рабочими и суммой производства в 219 тыс. руб., то в 1915 г. – 57 предприятий с 4035 рабочими и суммой – 23 млн руб. [11, с. 32–33]. Владивосток как форпост России на Дальнем Востоке превратился в крупнейший промышленный центр и транспортный узел всероссийского значения.

В регионе в целом усилились техническая оснащенность и энерговооруженность предприятий, следствием чего стало повышение квалификации собственно рабочих и специалистов технического профиля. В 1913 г. удельный вес промышленной продукции в валовой продукции народного хозяйства Дальнего Востока составлял 46 %, в то время как в России – только 38 % [6, с. 83]. Цивилизация распространялась не только на промышленную и транспортную сферу, но и на бытовую. Во Владивостоке первые электрические лампочки появились в домах, где жили работники торгового предприятия «Кунст и Альберс», в 1893 г. В 1910 г. была проведена закладка здания электростанции. Она питала трамвайное сообщение, освещение улиц, учреждений, квартиры состоятельных граждан. В 1907 г. в городе появилась телефонная станция на 478 номеров [13, с. 151–152]. Вместе с тем Владивосток оставался долгое время единственным крупным городом в регионе, где не было централизованной системы водоснабжения (как, впрочем, и во многих морских городах страны). Эта проблема в значительной степени усугубляла санитарно-гигиеническое состояние, особенно в условиях практически ежегодных эпидемий – кори, оспы, тифа и т. п. Вопросы о строительстве водопровода ставились на заседаниях администрации города практически ежегодно, однако решались только локально – порт, военные, крупные предприятия и т. д., выделялись средства на изыскание источников грунтовых вод в окрестностях города. Тем не менее, власти пытались реализовать меры по улучшению качества жизни – открывали аптеки, больницы, устраивали спецлечебницы в период эпидемий. Если не доставало казенных средств, обращались к земствам [12, с. 3–12].

Все это вместе свидетельствовало об интенсивном втягивании российского Дальнего Востока в процесс модернизации. Население становилось более грамотным, социально и политически активным. Характер общественно-политической жизни в регионе приобретал необходимую современной ситуации динамику.

Концентрация капиталов привела к усилению мощи крупной буржуазии. Сформировались целые кланы дальневосточных предпринимателей, контролировавших значительную долю производства и торговли. Среди крупнейших были фирмы благовещенских купцов А. В. Касьянова и И. Я. Чурина – «И. Я. Чурин и К^о», «А. В. Касьянов и К^о», в 1916 г. слившихся в торгово-промышленное товарищество «И. Я. Чурин и К^о – А. В. Касьянов и К^о», деятельность которого приобрела общероссийский масштаб (им принадлежал, в частности, один из старейших на Дальнем Востоке универсальный магазин в г. Владивостоке, известный сегодня под названием «Золотой век»). Громадные богатства и влияние сосредоточивали в своих руках Старцевы, Ю. И. Бринер, Г. Альберс, Г. Кунст, А. Даттан, («Торговый дом Кунста и Альберса» во Владивостоке), А. Демби и др. Они владели многомиллионными состояниями, в том числе заводами, рудниками, лесными концессиями, пароходами, торговыми предприятиями [7, с. 357]. Представители крупного бизнеса активно участвовали в общественной жизни, благотворительности, развитии местного самоуправления. В качестве примеров можно привести деятельность общественных советов – Владивостокского комитета попечительства о тюрьмах; отделения комитета Великой Княжны Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, которая занималась благотворительностью по личным мотивам и на собственные средства; наблюдательного совета Иманского (г. Иман) детского сиротского приюта [12, с. 2–35]. Работа Обществ не только находилась под постоянным контролем органов администрации, их проблемы обсуждались на заседаниях. Активистам оказывалась всевозможная помощь. Все же следует признать, что

существенного влияния на уровень жизни в регионе в целом в тот период благотворительная деятельность не могла оказать. Слой предпринимателей был слишком тонок, различия между социальными группами были весьма велики.

Несмотря на имевшиеся недостатки (засилье бюрократизма, недостаточное финансирование, низкий по сравнению с центральной Россией уровень благоустройства) столыпинская переселенческая политика и попытки модернизации имперских окраин все же имели положительный эффект. Рост городского населения, даже в условиях Первой мировой войны, не сократился, а увеличился. Уровень урбанизации к 1917 г. достиг 32 %, что значительно усилило роль городов и городского населения в общественной жизни Дальнего Востока России [5, с. 53]. Городское население в силу повышенной мобильности, более высокой квалификации, уровня грамотности, концентрации производительных сил и интеллектуального сословия, принимало все более активное участие в общественно-политической жизни и, в то же время, в протестном движении за улучшение условий жизни на дальневосточной окраине страны.

Общественно-культурная жизнь в городах Дальнего Востока. На рубеже веков начинается активная застройка городов. В этот период получил развитие архитектурный стиль модерн, с элементами архитектурной эклектики, основные черты которого и сегодня определяют облик исторических центров дальневосточных городов. Мотив тесной связи дальневосточной окраины с центральными губерниями был призван подчеркнуть вокзал, являющийся «лицом» города. Здание вокзала Владивостока (архитектор Н. В. Коновалов был удостоен специальной награды императорской Академии художеств «За архитектурное решение вокзала в русском стиле»), конечного пункта Транссиба, создавалось по типу Ярославского вокзала в Москве. Похожее по стилю здания вокзалов были сооружены в Хабаровске, Никольске-Уссурийском. Украшением исторических центров (и сегодня остаются) и одновременно очагами общественно-культурной жизни региона стали административные здания Приамурского генерал-губернатора, Приморской управы, штаб Сибирской военной флотилии во Владивостоке; резиденция Генерал-губернатора, Военного собрания, Приамурского географического общества в Хабаровске; здания Дворянских, офицерских и купеческих собраний, Народных и Городских домов (во всех крупных городах) [7, с. 418–421].

Особое место в истории и культуре Дальнего Востока занимал Восточный институт в г. Владивостоке, открытие (1899) которого положило основание развитию высшего образования не только в городе, но и в регионе. Архитектурный облик этого здания (архитектор Г. В. Гвоздзювский) поставил его в ряд замечательных памятников культуры своего времени. За короткий срок были построены здания гимназий и реальных училищ во Владивостоке, Хабаровске, Чите; гостиниц («Версаль» во Владивостоке, «Лондон» и «Русь» в Хабаровске), торговых домов («Кунст и Альберс», «Чурин и К^о», «Товарищество Поташникова») в городах – Владивостоке, Хабаровске, Никольске-Уссурийском; сакаральные сооружения, относящиеся к различным конфессиям (помимо православных, католические, протестантские соборы в крупных центрах). Большой вклад в развитие оригинального архитектурного облика дальневосточных городов внесли зодчие Д. В. Шабалин, Д. В. Виноградов, Г. Р. Юнгхендель, Л. Н. Кекушев, В. Н. Русанов, Г. Г. Постников [7, с. 418–420].

В пореформенные годы улучшилась система народного образования. Общее количество школ и училищ возросло на 47,7 %. Крупные города практически приблизились к достижению всеобщего начального образования. К 1914 г. число начальных школ возросло до 1708, а количество учащихся в них – до 105 880 чел. По сравнению с 1900 г. число школ возросло в 2,3 раза, а учащихся – в 5,6 [7, с. 398]. С целью активизации подготовки педагогических кадров в 1913 г. в Хабаровске был открыт учительский институт. Значительных успехов удалось достигнуть в области общей грамотности населения. В начале века самым «грамотным» в регионе оказался Владивосток (52,8 %), на втором ме-

сте – Хабаровск (46,1 %) [6, с. 76]. Такое соотношение объяснялось тем, что во Владивостоке было больше представителей профессий, требовавших грамотности и квалификации – моряков, торговцев, кадровых военных, тружеников сферы услуг. Развитие данной сферы деятельности имело большое значение, так как способствовало стиранию различий между образованными, состоятельными членами общества и «низшими» сословиями, активизации общественно-политической жизни в регионе, включая его население в общецивилизационный процесс.

Высокими темпами развивалась дальневосточная периодическая печать. До войны в регионе выпускалось около 80 периодических изданий самой широкой типологической направленности. Важную роль в обсуждении и решении экономических, социально-культурных проблем играли такие издания, как «Далекая окраина», «Приамурье», «Амурский край», «Амурская газета», «Уссурийский край» [7, с. 411–413].

Плодотворным был и процесс накопления научных знаний. Вплоть до начала войны работала Амурская экспедиция; вели исследования крупнейшие русские ученые: ботаник В. Л. Комаров (его имя носит Ботанический сад Дальневосточного отделения Российской Академии наук в г. Владивостоке), полярники И. П. Толмачев и Г. Я. Седов, геологи П. И. Полевой, Э. Э. Аннерт, гидрографы Б. А. Вилькицкий и М. Е. Жданко (их имена носят научные суда в России) и многие другие. Активно работал Приамурский отдел Русского географического общества, в рамках которого проводил свои исследования выдающийся краевед, ученый-путешественник, прибывший в край в 1900 г., В. К. Арсеньев. В Восточном институте работали известные ученые Н. В. Кюнер, А. В. Рудаков, Г. Ц. Цыбиков, П. П. Шмидт, А. М. и Д. М. Позднеевы, Е. Г. Спальвин и др. [7, с. 399].

Общественная жизнь в регионе развивалась и по инициативе административных органов, и со стороны общества, «снизу», воздействием на администрацию. Большую роль играли съезды лесо-, рыбо-, золотопромышленников. В *Хабаровских съездах* (с 1895 г.), помимо предпринимателей, принимали участие чиновники разных уровней, учителя, инженеры, врачи, землевладельцы. Рассматривались вопросы, касающиеся сельского хозяйства и путей сообщения, промышленности и торговли, школ, горной промышленности. Хотя решения съездов не были обязательны для исполнения, но в качестве рекомендаций для административных органов, предпринимателей представляли большой интерес [9, с. 182, 230].

Для Дальнего Востока как развивающегося региона было характерно наличие значительного количества нуждающихся категорий населения. В этом отношении особенно показателен Владивосток как конечный пункт Транссиба, где скапливалось огромное количество переселенцев. Система оказания помощи предусматривала целенаправленную государственную поддержку всем нуждающимся и развитие деятельности частных лиц и организаций по созданию благотворительных обществ и частной помощи, которая также получала поддержку государства.

С этими целями в начале века появились Приамурское и Владивостокское общества народных чтений, Хабаровское и Никольск-Уссурийское благотворительные общества, Комитет благотворительного и попечительного общества об Ольгинском детском приюте трудолюбия во Владивостоке, Хабаровские церковно-приходское попечительство и детский приют «Ясли» и другие стремились сделать образование доступным для всех без исключения детей города, оплачивая учебу, назначая стипендии. Их деятельность охватывала самый широкий круг проблем: борьбу с детской смертностью, социальными отклонениями (нищенство, алкоголизм, преступность, в том числе и детские). Использовались средства, как правило, воспитательного, образовательного характера, а также прямая материальная помощь [9, с. 222]. Уже отмечалась значительная роль благотворительной организации под патронажем Великой княгини Елизаветы Федоровны. Заботой Владивостокского благотворительного общества было оказание помощи и взаимодей-

стве с городской и областной администрациями (Городским Головой, Военным Губернатором) по обеспечению неимущих категорий населения, в первую очередь, тяжело больных в условиях эпидемий, которые практически ежегодно случались в городах региона [12, с. 3–12].

Городские управления поддерживали благотворительные организации финансами, ежегодными пособиями, выделяли безвозмездно недвижимую собственность под помещения, освободили от уплаты городских сборов. Владивостокская дума в 1910 г. сформировала Городскую комиссию по призрению бедных, в чьи функции входило прямое оказание материальной помощи, а также организация концертов, спектаклей благотворительного характера; организация ночлежных домов, дешевых квартир, детских садов, приютов, бесплатных библиотек [9, с. 222; 12, с. 10–15]. Ее деятельность продолжалась до революции 1917 г. Из отчета Городской комиссии за 1916 г. узнаем, что владивостокская городская администрация контролировала деятельность комиссии, в том числе распределение средств. Например, на содержание детского сада – 4 тыс. руб.; на приют «Ясли» для мобилизованных – 3.338 руб. [12, с. 15]. К 1917 г. на дальневосточной окраине было создано более 40 благотворительных обществ [3, с. 14–15].

Развивалась и частная благотворительность. Филантропической деятельностью занимались М. И. Суворов, братья Пьянковы, А. А. Масленников. Во Владивостоке особая роль принадлежала М. И. Суворову, на средства которого были построены здания Восточного института и женской гимназии. Он оказывал помощь коммерческому училищу, второму женскому городскому начальному училищу, которому было присвоено его имя. Щедрым благотворителем был один из владельцев фирмы «Кунст и Альберс» Адольф Даттан, вносивший значительные суммы на сооружение общежития Восточного института, оборудованного новейшими техническими средствами – центральным отоплением и электричеством; на сооружение церкви при институте. Им ежегодно отчислялись средства на поездки студентов в страны Востока для изучения языков. В 90-х гг. XX в. в Дальневосточном государственном техническом университете была восстановлена почетная стипендия для лучших студентов-гуманитариев имени А. Даттана) [3, с. 14–15].

Во время Первой мировой войны благотворительная помощь активизировалась. 23 июля (5 августа) был создан комитет по оказанию помощи раненым, увечным и больным и их семьям во главе с М. М. Гондатти – женой Приамурского генерал-губернатора, развернувший сбор средств на нужды войны. За три года в кассу общества поступило 429 188 руб. – весьма значительная по тому времени сумма [6, с. 80–82]. Большая помощь со стороны администраций, общественных и церковных организаций, частных лиц оказывалась попавшим в тяжелое положение дальневосточникам – семьям солдат, осиротевшим детям, беженцам, малоимущим. Кроме денежного довольствия и продовольственных припасов люди получали дрова, одежду. Дети устраивались в приюты, образовательные учреждения, ремесленные училища. Численность получавших казенные пособия за годы войны возросла с 2 350 до 13 120 чел. Однако несогласованность в работе отдельных служб приводила к упущениям и ошибкам, отдаленные районы снабжались незначительно. На Дальнем Востоке, в отличие от центральной России, все же слабее развивались формы трудовой помощи, призрения детей, не имеющих родителей – «бесплатные колыбельни», ремесленно-исправительные приюты. Многие государственные программы (охрана материнства и детства, борьба с детской беспризорностью, поддержка деятелей науки и искусства) не получили развития по причине недостатка финансирования [6, с. 82].

Широкие возможности для реализации общественного потенциала и подъема общего культурного уровня в регионе давали художественная культура, музыкально-театральная жизнь, киноискусство. Литературное творчество было представлено деятельностью писателей Н. П. и В. Н. Матвеевых; особенно ученого-путешественника В. К. Арсеньева. Его научные труды, замечательные очерки о быте, образе жизни абори-

генов Уссурийского края (например, «По Уссурийскому краю (Дерсу Узала), путешествие в горную страну»), о природе и животном мире дальневосточной тайги и сегодня представляют научную ценность, интересны широкому кругу читателей-краеведов, всем, кому небезразличен окружающий нас мир. (В настоящее время опубликованы шесть томов его научных и публицистических трудов). Выдающийся ученый, занимаясь исследованием природы, выполняя задачи государственного служащего, вместе с тем глубоко анализировал переселенческую политику государства. Он, например, считал ошибкой постоянную помощь администрации переселенцам на всем протяжении пути их следования. В результате, как отмечал исследователь, на места прибыли совершенно «неподготовленные к испытаниям, обезличенные и нищие люди». Напротив, переселенцы, добравшиеся самостоятельно, например, в Амурскую область, прижились и живут хорошо [2, с. 138]. Справедливо ради, стоит заметить, что на Амуре условия для развития земледелия были все же не в пример благоприятнее, чем в других районах Дальнего Востока.

Достижения в развитии региона в пореформенный период продемонстрировала в 1913 г. выставка Приамурского края, посвященная 300-летию Дома Романовых. В ней приняли участие не только местные экспоненты, но и предприниматели из городов и сел Сибири, других российских губерний, сопредельных азиатских стран, США, Австралии, Германии, Франции и Англии [6, с. 83]. Выставка показала богатые возможности края, значительность изменений, произошедших во всех областях жизни региона и страны в начале XX в.

Таким образом, исследование документов, материалов позволило выделить ряд важнейших факторов, обеспечивших прирост населения на дальневосточной периферии, показать основные направления деятельности административных органов и общественности по улучшению положения жителей региона. Несмотря на имевшиеся проблемы – тяжелые природные условия, отдаленность от центра государства, недостаточное финансирование, все же следует признать эффективность их усилий, направленных на повышение уровня благосостояния населения, на включение территории в общецивилизационный процесс.

Литература

1. Андриец Г. А., Фетисова Л. Е. Культурная жизнь дальневосточных городов (сфера досуга) // История культуры Дальнего Востока России (XIX в. – 1917 г.). Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 64.
2. Арсеньев В. К. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. Владивосток: Рубеж, 2012. 784 с.
3. Белоусов А. А. На алтарь Отечества: из истории меценатства и благотворительности в России. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 1999. С. 14–15.
4. Владивосток: сборник исторических документов (1860–1907). Владивосток: Примор. кн. изд-во, 1960. 220 с.
5. Галлямова Л. И. Урбанизация Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX века (основные этапы и особенности) // Дальневосточный город в контексте освоения Тихоокеанской России: сб. науч. ст. Владивосток: Рея, 2014. С. 52–59.
6. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революции 1917 года и гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003.
7. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1990. 471 с.
8. Ланкина Ю. С. Санитарно-гигиеническое состояние городов юга Дальнего Востока России как элемент повседневной жизни обывателей в конце XIX – начале XX вв. URL: https://otherreferats.allbest.ru/history/00968537_0.html (дата обращения: 05.04.2021).
9. Маркова Н. А. Съезды золотопромышленников как одна из форм общественно-политической активности дальневосточных предпринимателей (вторая половина XIX – начало XX в.) // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатской цивилизаций. Пятое Крушановские чтения. 2006. Т. 1. С. 222–233.
10. Матвеев Н. П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток: Рубеж, 2012. 480 с.
11. Позняк Т. З. Города дальневосточной окраины: условия и факторы роста (вторая половина XIX – начало XX в.) // Регионоведческое исследование: научно-теоретический альманах. Владивосток: Дальнаука, 2007. Вып. 3 (4). С. 32–33.

12. Российский Государственный Архив Дальнего Востока (РГИА ДВ): ф.10, оп.1, д. 56; ф. 155, оп.1, д. 35; ф.182, оп.1, д. 21; ф. 159, оп. 1, д. 5, с. 5–9; ф.28, оп.1, д. 483, с.10–15; ф. 28, оп.1, д. 416, с. 3–12.
13. Сергеев О. И., Лазарева С. И., Тригуб Г. Я. Местное самоуправление на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. Очерки истории. Владивосток : Дальнаука, 2002.
14. Ярославцева Т. А. Жилищно-коммунальное хозяйство на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX вв.: историко-правовой аспект. Хабаровск : Изд-во ДВАГС, 2004. 297 с.

УДК 332.05

Н. А. Фереферов, Фань Сюецяо, Н. Б. Грошева
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

УПРАВЛЕНИЕ КОМПЕТЕНЦИЯМИ ПЕРСОНАЛА В НОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аргументируется, что новая экономика – экономика знаний предъявляет особые требования к персоналу компании и к системе мотивации персонала. Обосновывается, что наиболее качественный персонал готов мигрировать в другие территории, но затраты на его удержание могут превысить потенциальный экономический эффект.

Ключевые слова: новые компетенции персонала, современные модели мотивации.

N. A. Fereferov, Fan' Syuyetsyao, N. B. Grosheva
Irkutsk State University, Irkutsk

PERSONNEL COMPETENCE MANAGEMENT IN THE NEW ECONOMY

The new economy – the knowledge economy – makes special demands on the company's personnel and on the personnel motivation system. The best quality personnel are ready to migrate to other territories, but the costs of retaining them may exceed the potential economic effect.

Keywords: new competencies of personnel, modern models of motivation.

«Новая экономика» обычно рассматривается с позиции снижения роли персонала и повышения значимости цифровых технологий. Однако, цифровизация позволяет снижать затраты по всей цепочке создания стоимости, но не перераспределять вклад каждого из ресурсов, в том числе она не снижает значимость человеческих ресурсов. Основой «новой экономики» является процесс накопления знаний и разного рода информации с целью ее дальнейшей интеграции в производственные циклы для того, чтобы добиться системности, легкости анализа, и, самое главное, увеличения показателей предприятия. Такие принципы развития новы для развития экономики и контрастируют с предыдущим подходом. «Новая экономика» основывается на интеллектуальном, нематериальном капитале как фундаменте и зависит от умственной работы каждого члена коллектива. Так, на основании постиндустриальной экономики развилась новая, центром которой являются знания, человеческий ресурс и ИТ. Новая экономика вносит изменения в стандартные процессы в различных направлениях рынка, интегрируя ИТ в классические предприятия. Важно отметить, что новая экономика вносит корректировку в работы не только больших предприятий с серьезным потенциалом развития как материальным, так и нематериальным, но и мелкие и средние компании. Такие организации просто вынуждены совершенствоваться из за отсутствия альтернативы работать без внедрения инновационного подхода.

Цифровизация, как часть новой экономики, систематизирует бизнес-процессы, позволяет делать адекватные прогнозы, снижает риски, но это внутренние корпоративные процессы, которые не видит клиент. Что важно для клиента – индивидуальное отношение, кастомизация сервиса или товара, качество коммуникаций. Таким образом, клиент готов оплачивать те сервисы, которые повышают его удовлетворенность. HRVA – добавленная стоимость человеческих ресурсов – это как раз та надбавка к прямой производственной себестоимости, которую готов оплачивать клиент.

Кажется, что данная мысль противоречит «экономике платформ», где клиент покупает обезличенный сервис. Платформы формируют уникальное клиентское предложение,

которое позволяет клиенту экономить или время, или деньги, или снижать риски. Где тут роль человеческих ресурсов? В глобальной практике платформы – такие, как Aliexpress, Uber, AirBnb, Яндекс еда, Сбермаркет и другие компании вполне отвечают вызовам цифрового общества, где клиент больше не покупает продукт, он покупает ценность, а именно отношение, бренд, философию, экономию. Если компания не готова работать через обезличенные платформы, то необходимо продавать клиенту индивидуальность. Тогда основная цель компании состоит в том, чтобы найти возможность обеспечить грамотную стратегию осмысления, формирования и донесения идей бренда до клиента как внешнего, так и внутреннего, формируя концепцию «я хочу покупать именно у этой компании».

Таким образом, на первый план выходит вопрос формирования и сохранения уникального нематериального актива «лояльности». К нему можно отнести и нематериальный актив узнаваемости компании потребителем, его сопричастности идеям, верности бренду. К таким компаниям можно отнести гигантов «Харлей-Девидсон», логотип которого излюбленная татуировка фанатов марки, и «Дисней», осмысливший свою миссию и идеи которые они несут настолько, что сотрудников принимают на работу, только если они разделяют их идеи и строго следуют им. Хотя, отметим, что в последнее время коммерциализация всех направлений работы компании достаточно размыла единые миссию и концепцию бренда.

Вариант разработки и продажи уникального продукта в текущих условиях практически не работает – любой продукт легко скопировать или улучшить. В этой ситуации компаниям остается только повышать лояльность клиентов через личное отношение – а это сейчас возможно только через персонал. Возможно, в перспективе нейросети научатся корректно работать с конкретным человеком, решая именно его проблему, но сегодня кроме живого человека, способного выслушать клиента, понять его проблему и предложить уникальное решение ничего нет.

Соответственно, при формировании цены имеет смысл учесть долю добавленной ценности, которую покупателю дает персонал компании на всех этапах коммуникации. Так же, как налог на добавленную стоимость заложен в цену товара, и добавленная стоимость персонала повышает цену. Если у компании нет данного аспекта, то цена должна быть ниже для конкурентоспособности. Если для клиента важны личные коммуникации, то цена может быть выше.

Так же, принципы HRVA можно отнести и к внутреннему клиенту, т. е. к самим сотрудникам компании. Внутренняя система, с жесткими правилами и регламентами, безусловно, жизненно необходима для выживаемости и конкурентоспособности бизнеса, так как позволяет быстро определить ответственных лиц на каждом этапе производства, каким бы оно не было. Но персональный подход к сотрудникам, использование их сильных сторон и акцента на них, параллельно нивелируя слабые стороны, как описано в принципах «Менеджмента разнообразия», а также живой диалог руководителя с подчиненным, не только с целью разбора проблем, но и с целью объяснения принципов системы, бизнес религии предприятия и других моментов крайне важен. Это создает у сотрудников ощущение причастности к чему то большему, стимулируя их умственную деятельность на улучшение процесса в рамках системы, заданной менеджментом предприятия.

Именно этот фактор дает возможность компаниям конкурировать с платформами – кастомизация против низких затрат времени или низкой цены.

**УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ОЦЕНКИ
ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ГОРОДСКИХ ТЕРРИТОРИЙ
КУРСКОЙ ОБЛАСТИ**

Рассматриваются управленческие перспективы оценки инвестиционного потенциала городских территорий Курской области (Курск, Курчатов, Железногорск) по различным сегментам. Главными направлениями инвестиционной привлекательности в данном случае представляются промышленное производство, сельское хозяйство, социокультурный кластер и туризм. В качестве основных методов исследования выступает анализ статистических данных и компаративистский анализ.

Ключевые слова: управление, инвестиции, инвестиционный потенциал, город, территория.

T. V. Andrianova, V. V. Tsybina
Kursk State University, Kursk

**INVESTMENT POTENTIAL OF THE KURSK REGION AND POSSIBLE WAYS
OF ITS DEVELOPMENT**

The article discusses the management prospects for assessing the investment potential of the urban areas of the Kursk region (Kursk, Kurchatov, Zheleznogorsk) in various segments. The main areas of investment attractiveness in this case are industrial production, agriculture, socio-cultural cluster and tourism. The main research methods are statistical data analysis and comparative analysis.

Keywords: management, investment, investment potential, city, territory.

Актуальность данной темы связана с потребностью повышения инвестиционной привлекательности в контексте развития современного города и поиском путей для привлечения вложений в экономику с целью обеспечения конкурентоспособности среди других территорий. Инвестиционная привлекательность рассматривается здесь как совокупность свойств территории, оказывающих влияние на приток инвестиций [6, с. 74]. Развитие возможностей того или иного города зависит от успеха имиджевой стратегии, выбранной для демонстрации всех его преимуществ, что, в свою очередь, приведет к созданию новых «точек роста» после завершения в дальнейшем работы в промышленности над финансовыми инвестициями, привлечением аксессуарных интеллектуальных и творческих ресурсов.

Проблема исследования состоит здесь в необходимости разрешения противоречия между потребностью в определении необходимых подходов к выбору привлечения инвестиций в городские территории, представлениях о специфике инвестиционного потенциала и недостаточной разработанностью этих аспектов на местном уровне. Объектом работы в этой связи выступает инвестиционный потенциал городских территорий Курской области. Целью работы является выявление специфики понимания инвестиционной привлекательности выбранного объекта и путей ее развития. Задачи заключаются в обосновании характеристик города Курска, в определении основных факторов его инвестиционной привлекательности, в анализе потенциальных «точек роста» для вложения инвестиций.

Для определения инвестиционного потенциала г. Курска сначала необходимо охарактеризовать и предоставить его социальный, культурный, политический и промышленный портрет. Курск – это провинциальный город центральной части России, который имеет историческое значение для страны в прошлом и остается немаловажным для прогрессирующей современности. Данный город является также транспортным узлом центральной России, являясь перевалочным пунктом в маршрутах путешествий. Стоит также отметить, что город является административным центром области, предоставляя собой отдельную культурную и религиозную единицу страны. Для разработки инвестиционной политики муниципального образования следует учитывать то факт, что город

необходимо рассматривается как систему более высокого порядка, чем просто территориальное пространство [5, с. 134].

С демографической стороны в городе стабильная ситуация с постоянно увеличивающимся количеством населения: по состоянию на 2020 г. количество жителей составило 452 тыс. чел. [7]. Такая данность объясняется не только миграционным приростом, а, что главное, естественным.

В областном центре имеется железнодорожный вокзал, который имеет две важные железнодорожные линии: Москва-Харьков и Воронеж-Киев. Аэропорт города, имеющий регулярные рейсы в Москву, Санкт-Петербург, Сочи, Симферополь, Анапу в последние годы модернизировался и стал более востребованным среди граждан. Так же как по всей России в настоящее время ему подбирается соответствующее имя.

Далее перейдем к описанию культурного потенциала города. Следует его считать одним из интересных и, возможно перспективных, в инвестиционном плане, поскольку на данном этапе туристическая деятельность в городе находится на довольно низком уровне [9; 10]. К 2032 г., когда Курск будет отмечать свое 1000-летие город преобразится в лучшую сторону, как со стороны культурной части, так и облагораживающей [3]. На данный момент город включает в себя 11 библиотек, которые открыты для посещения. Также в городе проводятся концерты и выступления во многих театрализованных залах, таких как Курский государственный драматический театр им. А. С. Пушкина, Театр кукол, Театр юного зрителя «Ровесник», Театр-школа «Образ», Курская государственная филармония, Курский государственный цирк, Молодёжный театр «ЗД». Немного остановимся на последнем пластическом театре под руководством С. Малихова, который набирает ежегодную популярность среди всех слоев населения города, в особенности молодежи. Своим видением кадра и режиссерским талантом житель Курска области смог привнести в культурный фонд города собственный культурный вклад.

Курск обладает 13 музеям, среди которых можно выделить: Курский государственный краеведческий музей, музей курского соловья, Литературный музей, музей трамвая, музей Курской битвы, Областной музей археологии и т. д. На данный момент город также располагает галереями с выставочными залами: Курская государственная картинная галерея имени А. А. Дейнеки, Галерея современного искусства и т. д. Как и в большинстве российских городов в нем имеется ряд кинотеатров, ледовых дворцов, торговых центров.

За последнее время в городе была проведена работа в культурной сфере и за счет бюджета модернизировались центры досуга, были созданы 9 модельных библиотек. Также для развития творческих личностей в городе в художественных и музыкальных учреждениях города организуются специальные стипендии и премии [1; 2]. Администрацией города было также принято решение об учреждении премии «За вклад в развитие культуры города Курска» для поощрения талантливых деятелей искусств.

В туристическом направлении отмечается насыщенность города десятками историческими памятниками и скульптурами. Кроме этого, Курск – город воинской славы и один из самых запоминающихся и впечатляющих памятников в этом отношении является комплекс Триумфальной арки с храмом святого Георгия Победоносца и выставкой оружия и военной техники.

Теперь перейдем к трудовому и экономическому потенциалу, который основывается на стратегии Социально-экономического развития города, сформулированной Администрацией г. Курска. В нее входят нормативы градостроительного проектирования, мера предоставления льгот малому и среднему бизнесу, деятельность Совета по вопросам развития предпринимательства. На территории города работает около 300 крупных и средних промышленных предприятий, на которых совершенствуются технологии, осуществляется прогресс в новизне изделий. Стоит выделить тот факт, что объем промышленного производства в городе растет с каждым годом (не считая ситуации с пандемией коронавируса, когда промышленное производство возросло всего на 1,7 %). Несмотря на

сложную ситуацию в стране и мире, Курская область показала в этот период достаточно хорошие результаты. Являясь максимально логичным, наибольший рост наблюдался в фармацевтике, а также же в производстве компьютеров, электронных и оптических изделий, резиновых и пластмассовых, в меньшей мере одежды. Из-за грамотного управления экономической ситуацией город смог избежать снижения объемов в других сферах, что также является некоторым фактором инвестиционной привлекательности.

Стоит отметить, что пандемия повлияла на состояние занятости населения, пребывавшей до кризиса в удовлетворительном состоянии. Поэтому на реализацию мероприятий по борьбе с безработицей и стабилизации рынка труда было направлено более 200 млн руб. В развитие своего производства и повышение трудоспособности работников значительный объем инвестиций направляют такие предприятия, как: ОАО «Курская фабрика технических тканей», ФКП «Курская биофабрика», АО «Курский завод крупнопанельного домостроения имени А. Ф. Дериглазова», ОАО «Электроагрегат», ОАО «Курскрезинотехника», АО «КОНТИ-Рус» и др.

Для привлечения инвестиций в область в основном используется муниципальный сектор экономики и инфраструктура города как социально-экономические индикаторы привлечения бюджетных средств на федеральном уровне [4; 8]. Так в городе была построена магистральная улица общегородского значения по проспекту Н. Плевичкой, завершена реконструкция автомобильной дороги Курск-Алябьево, выполнен ремонт 33 улиц, строительство общеобразовательной школы на проспекте В. Клыкова, а также начата реконструкция системы биологической очистки сооружений Курска.

Курск – это аграрно-промышленный регион Центральной части России. Основными предприятиями, повышающими экономику региона, являются: ПАО «Михайловский ГОК» по добыче железной руды, расположенный в г. Железногорске Курской области; АО «Концерн Росэнергоатом», «Курская АЭС» в области электроэнергетики, расположенные в г. Курчатов Курской области, а также пищевая промышленности местного назначения. В последние годы наблюдается рост ВРП, который стабильно повышается в регионе (364,6 млрд руб. в 2016 г.; 387,6 млрд руб. в 2017; 428,4 млрд руб. в 2018 г.; 496,7 млрд руб. в 2019 г.). Среди регионов Центрального федерального округа Курская область занимает 4-е место по темпам роста ВРП на 2019 г.

В структуре инвестиционных ресурсов основными видами капитала с наибольшими объемами (61,2 %) стало: сельское хозяйство, обрабатывающее производство, оптовая и розничная торговля.

Основными сферами инвестиционной активности остаются: операции с недвижимым имуществом; транспортировка и хранение; деятельность в области здравоохранения и социальных услуг; обрабатывающие производства; деятельность в области образования; оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов [8, с. 14].

Предлагая перспективные направления в области развития инвестиционного потенциала стоит сказать, что для того, чтобы быть конкурентоспособными необходимо проводить внутреннюю и внешнюю политику на рынке труда и быть поставщиками не только базового продукта, но и наладить производства по переработке первичных, сырьевых товаров. Такую политику следует проводить, в первую очередь, во всех передовых отраслях экономики области как в промышленной, так и в сельскохозяйственной, а далее исходя из результатов данной работы проводить похожие мероприятия в остальных сферах. Например, если на «Михайловском ГОК» производится только концентрат, окатыши, доменная и агломерационная руда, что является начальным этапом в развитии машиностроения и приборостроения, то задачей здесь должно стать создание предприятия по масштабному приборостроению, а не только сырьевых продуктов, которые дают небольшую прибыль региону и стране в целом. А в сельском хозяйстве имеется прямая зависимость от промышленности, поскольку качественная обработка земли и выращивание на ней сельхозпродукции напрямую связано с техническим оснащением. Поэтому при-

ритетным направлением здесь является становление и развитие промышленности региональных заводов и фабрик.

Таким образом, анализ инвестиционной привлекательности города Курска и других городских территорий области показал, что ситуация находится на среднем уровне, имея как сильные, так и слабые стороны. Можно говорить о перспективе в некоторых отраслях экономики, а также, в связи с 1000-летним юбилеем города, что предполагает возможный путь развития культурной части города с дальнейшей туристической направленностью. Если Администрация города совместно с ее жителями приложит достаточные усилия и проявит необходимые компетенции, то будет предоставлена возможность в качественном и прогрессивном развитии города и привлечении инвестиций.

Литература

1. Андриянова Т. В. Историческая память студенческой молодежи региона и проблема ее фальсификации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10, № 5, Ч. 2. С. 12–21.
2. Андриянова Т. В. Сетевая форма реализации социальных проектов для детей с ограниченными возможностями здоровья на базе учреждений культуры Курской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 4 (29). С. 262–273.
3. Андриянова Т. В. Технологии локации культуры и культуры локации в управленческих практиках городских поселений // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» [науч. ред. Т. И. Граблевских]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 54–58.
4. Ежегодный отчёт Главы города Курска о результатах своей деятельности, деятельности Администрации города Курска. Утв. решением Курского городского собрания от 20 апр. 2021 г. № 252–6-ОС. 28 с. URL: www.gorsobranie-kursk.ru (дата обращения: 28.04.2021).
5. Зюмалина А. Р. Инвестиционная привлекательность города: понятие, определения, способы оценки // Молодой ученый. 2011. № 8 (31). Т. 1. С. 133–137.
6. Лисиченок Е. П., Граблевская И. В. Оценка и пути повышения инвестиционной привлекательности города. // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. № 4 (27). 2018. С. 73–81.
7. Статистический ежегодник Курской области. 2020 : стат. сб. / Курскстат. Курск, 2020. 436 с.
8. Стратегия социально-экономического развития Курской области до 2030 года. Распоряжение от 02.12.2020 г. № 733-ра. Курск. 209 с. URL: <https://adm.rkursk.ru> (дата обращения: 28.04.2021).
9. Andriyanova T. V., Kimosova E. N., Starodubtseva I. F. Organizations of regional culture in assessments of quality of services // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, 2018. Vol. XXXV (35). P. 35–42.
10. Andriyanova T. V., Kimosova E. N., Starodubtseva I. F. Government order and its significance in the work of the regional cultural establishments // Proceedings of the International Scientific Conference “Far East Con” (ISCPEC 2018). Part of series: AEBMR. ISSN 2352–5428. Vol. 47. P. 175–190.

УДК 314.145.2(-21)

Е. В. Гольцова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ЧЕЛОВЕКРАЗМЕРНОСТЬ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматривается новый подход к проблеме взаимодействия человека с окружающей его городской средой, основанный на человекоразмерности как основе гармоничного развития человека в окружающем его мире. Затрагиваются причины и тенденции снижения рождаемости и численности населения страны. На основе анализа демографической статистики обосновываются пути реорганизации городской среды крупного города, с целью формирования её человекоразмерности: создание городской поселенческой среды, соответствующей насущным потребностям человека, а также улучшение транспортно-логистической среды, способной приблизить человека к социально-культурной и рекреационной инфраструктуре города.

Ключевые слова: человекоразмерность, городская среда, демография, рождаемость, семья.

HUMAN SIZE OF THE URBAN ENVIRONMENT: DEMOGRAPHIC ASPECT

The article discusses a new approach to the problem of human interaction with the surrounding urban environment, based on human dimension as the basis for the harmonious development of a person in the world around him. The causes and trends of the decline in the birth rate and population of the country are affected. Based on the analysis of demographic statistics, the ways of reorganizing the urban environment of a large city are substantiated in order to form its human size: creating an urban settlement environment that meets the urgent needs of a person, as well as improving the transport and logistics environment that can bring a person closer to the socio-cultural and recreational infrastructure of the city.

Keywords: human size, urban environment, demography, fertility, family.

Проблема взаимодействия человека с окружающей его городской средой может рассматриваться в разных аспектах. В предыдущей публикации она рассматривалась в аспекте культурных объектов на примере городских памятников. Культурная революция, как и революция научно-техническая, вызванная успехами естественнонаучных дисциплин и массивным технологическим приложением научного знания, отодвигает на второй план человеческие проблемы как несущественные и мало что в нем определяющие [3]. Центральная человеческая, или демографическая проблема России связана с длительной депопуляцией, начавшейся в 1993 г. и не окончившейся до настоящего времени – проблема отрицательного естественного движения населения. Основная суть её связана с тем, что за прошедшие сто лет демографическая картина поселенческой среды изменилась на противоположную: в городах стало жить столько людей, сколько (в процентном отношении), в начале XX века проживало в сельской местности. Результатом этой урбанизации стало существенное снижение рождаемости и, как следствие, снижение численности населения (рис. 1).

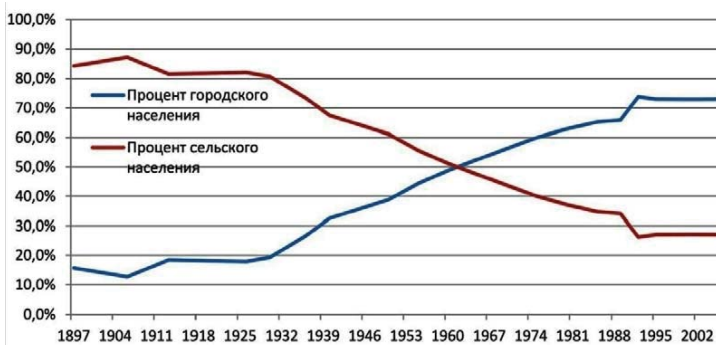

Рис. 1. Тенденции изменения городского и сельского населения России в XX веке

Анализ демографической статистики XX в. показывает, что с начала 1930-х гг. началось устойчивое снижение численности сельского населения, а в 1963–1964 гг. произошел «урбанизационный перелом», после которого численность сельского населения стала ниже численности городского и тенденция её снижения продолжилась.

Анализ тенденций изменения численности населения и рождаемости показывает, что они в имели близкие траектории с середины 1960-х до середины 1990-х гг. и практически совпадающие траектории в последние 25 лет. При этом именно рождаемость, влияет на естественный прирост населения в большей степени, чем незначительное снижение смертности, отмечаемое в последние годы. Это подтверждается графиком, построенным на основании официальных данных Росстата (рис. 2).

Рис. 2. Основные демографические показатели России за период с 1950 по 2019 г.

Рождаемость в городах всегда была ниже, чем в сельской местности. В связи с этим, представляется важным более глубоко исследовать вопрос связанности низкой рождаемости и поселенческой среды на основе теории человеко-размерности среды обитания человека, или соразмерности её условий человеку и его репродуктивным потребностям. Поскольку три четверти российского населения проживает в городских условиях, где традиционно наблюдается более низкая рождаемость, актуально исследовать причины и факторы формирования репродуктивных установок городского населения, чтобы на основании полученных результатов планировать реорганизацию городской среды в направлении приближения ее к насыщенным потребностям человека семейного, имеющего детей и способного обеспечивать воспроизводство.

Вопрос о взаимной соразмерности города и человека нечасто обсуждается в современной науке [5]. В идеале человек должен быть соразмерным городу, а город должен быть соразмерным человеку. В силу разных причин, город нередко перестаёт быть соразмерным человеку, или человек перестаёт быть соразмерным городу. По мнению Петрова, «неустрашимым структурирующим элементом» упорядоченной картины мира выступает человек во всех своих «естественных возможностях и ограничениях» [4, с. 101]. Петров приводит в пример интерьер деятельности кузнеца, вполне соразмерный человеку-кузнецу [4]. В любом интерьере выделяются соответствующие единицы предметной деятельности, фрагменты, которые и могут быть человеко-размерными. Чем сложнее устроена социальная среда обитания, или тип деятельности человека в ней, тем труднее соблюдать принцип человеко-размерности. Например, чем дальше от физических свойств и способностей индивида устройство технических систем и сложных социальных конструкций и сред обитания (в том числе, городов), тем сложнее соблюдать принцип соразмерности.

Идею интерьера можно применить и к городу и тогда город будет выступать по отношению к человеку не как обезличенная среда, а как интерьер, в котором человек обитает. Город является соразмерным человеку порядком, в котором все вещи, объекты, улицы, дома находятся на таких местах; где человек может соразмерять свою отдельную индивидуальную жизнь со всегда большим, чем он сам.

Изначально город выступал местом обитания, защищающим человека, а уже потом – физическим местом для проживания, удовлетворяющим потребности человека. Современному человеку свойственны другие потребности, нежели человеку древнему, человеку средневековому и даже человеку нового времени. Поэтому, перед нами стоит задача определить, что человеку соразмерно или не соразмерно и какими способами можно выполнить эту задачу? Как исследовать нечелоко-размерный объект человеко-

размерными средствами?». В качестве ответа Петров предлагает фрагментацию научного знания («по контурам физической и ментальной вместимости человека») и затем объединение фрагментов в целостность [4, с. 109]. При этом крупные города зачастую оказываются не соразмерными человеку, в то время как маленькие населенные пункты могут быть более соразмерны.

В «идеальной» модели платоновского города должно было жить всего 5040 жителей, или хозяйств. Эта цифра представляет факториал числа 7 ($5040 = 1 \times 2 \times 3 \times 4 \times 5 \times 6 \times 7$) [1, с. 16]. Если принять за среднее количество человек в хозяйстве (семье) число 10, то численность населения «идеального» города будет составлять 50400 человек. Эта величина достаточно большая, но в то же время и достаточно обзримая. В таком поселении большинство людей знает друг друга и поэтому граждане могут распределять должности на основании справедливости, согласно их индивидуальным качествам. Такой город был удобен для обживания пешим человеком и представлял из себя сообщество граждан, совместно управляющих городом.

Что же происходит в современном городе? Если это «платоновский» город с численностью от 5 до 50 тыс. чел., то его территория входит в ареал почти каждого его жителя. Добраться до любой точки города можно как пешком, так и с помощью транспорта. Дети могут пешком ходить в школу, а родители на работу. Семья может регулярно посещать учреждения культуры, спортивные и рекреационные другие объекты. Если город по численности превышает «платоновский стандарт» в 5–10 раз, то его уже невозможно пройти пешком и даже с помощью транспорта он не будет полностью доступен. Семье намного сложнее осуществлять свои основные функции в условиях крупного города, чем в «платоновском» городе. Отсюда видится решение проблемы в реорганизации городской среды крупного города, с целью формирования его человекообразности. Это может проходить по двум направлениям:

1. Создание внутри большого города микрорайонов, соответствующих по величине «идеальному городу», полностью обеспеченных социальной инфраструктурой, находящейся в шаговой доступности.

2. Улучшение транспортно-логистической среды, которая бы позволяла человеку по-настоящему сблизиться с общегородскими объектами – парками, театрами, административными и другими учреждениями.

Первое направление позволяет формировать множество микрорайонов внутри большого города, а второе помогает решить проблему доступности крупных инфраструктурных объектов. Без учета данных направлений полноценное развитие пространственной составляющей большого города невозможно. Формирование поселенческих комплексов с полноценной инфраструктурой должно проходить с учетом мнений граждан, проживающих в пределах «античного полиса» как собрания горожан. Гражданство и голос каждого гражданина должен стать «мерой» города. Особенно это касается благоустройства городской среды, которое активизировалось в последние годы. В том числе и в Иркутской области. Граждане, участвующие в разработке проектов благоустройства своей жизненной среды, лучше, чем кто-либо знают, что необходимо для улучшения городского пространства с точки зрения физического, телесного и культурного обживания города. Городское пространство, сформированное при участии горожан, может иметь и сакральное значение «начала-истока», порождающего феномен города.

Формирование человекообразности города должно осуществляться не жесткими мерами по типу «реновации», когда сносятся целые кварталы в центральных, давно обжитых районах и строятся многоэтажные кварталы на окраинах. Необходимо исходить не из потребностей крупных строительных предприятий, а из потребностей граждан. Нужна концепция переустройства городской среды в направлении снижения этажности и индивидуализации жизненного пространства. Окраины должны застраиваться не небоскребами, а коттеджами или малоэтажными домами типа таунхаусов. Пригородные по-

селки вблизи Иркутска, значительно расширившиеся в последние годы, пока не соответствуют критериям человекообразности. Человекообразное жильё пригорода должно обеспечивать семье удобный и просторный дом с необходимым уровнем благоустройства, с традиционной архитектурой и достаточным участком земли. Для того чтобы создать такую среду, необходимо полностью изменить или создать с «нуля» концепцию такого поселения, в котором гражданам будет удобно и комфортно жить и растить детей, обучаться, общаться и работать. Из которого не будет возникать желания уехать в поисках «лучшей жизни».

Литература

1. Глазьев В. Л. От традиционной формы города – к мегаполису // Города мира – мир города. М., 2009. С. 16–21.
2. Гольцова Е. В. Человекообразность социальной среды региона в аспекте демографического развития // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2021. С. 49–54.
3. Гольцова Е. В. Человекообразность культурной составляющей городской среды // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона : материалы Второй регион. науч.-практ. конф. Иркутск. С. 79–86.
4. Петров М. К. Человеческая размерность и мир предметной деятельности // Высшее образование в России. 2010. № 4. С. 108–118.
5. Смирнов С. А. Человекообразность города // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 2. С. 13–32.

УДК 325.1(571.5)

А. Е. Анчутина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И МЕХАНИЗМЫ ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОГО РЕГИОНА)

Предпринята попытка рассмотреть миграционные процессы и механизмы их регулирования в России (на примере Сибирского региона). Исходя из анализа нормативных правовых источников, статистических данных и социологических исследований описана текущая миграционная ситуация в Российской Федерации, в частности в Сибирском регионе, а также выделены основные уровни и механизмы регулирования миграционных процессов на данных территориях.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, механизмы регулирования миграционных процессов, Сибирский регион.

A. E. Anchutina

Irkutsk State University, Irkutsk

MIGRATION PROCESSES AND MECHANISMS OF THEIR REGULATION IN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE SIBERIAN REGION)

The article attempts to consider migration processes and mechanisms of their regulation in Russia (using the example of the Siberian region). Based on the analysis of regulatory sources, statistical data and sociological research on this topic, the current migration situation in the Russian Federation, and in particular in the Siberian region, was described, and the main levels and mechanisms of regulation of migration processes in these territories were highlighted.

Keywords: migration, migration processes, mechanisms of regulation of migration processes, Siberian region.

На протяжении всех исторических эпох общество постоянно претерпевает изменения, анализ которых не представляется возможным без исследования миграционных процессов. С конца XX в. и по настоящее время в России наблюдается активизация миграционных настроений и рост миграционных потоков, в результате одни регионы становятся переполненными «акцепторами», а другие постоянными «донорами». Одним из таких «доноров» является Сибирь – обширная территория, занимающая три четверти

всей площади страны и являющаяся ее географическим и ресурсным центром, а также отличающаяся самобытной культурой, которая создавалась множеством поколений, ощущающих принадлежность к этому пространству.

Исследование феномена миграции в настоящее время находится на стыке таких наук как демография, экономика, миграциология и социология. В первую очередь необходимо отметить, что впервые анализом миграции среди зарубежных исследователей занимались Э. Равенштайн, Е. Ли и Д. Массей, а среди отечественных – В. И. Переведенцев, Т. И. Заславская, Л. Л. Рыбаковский. В настоящее время анализ миграционных процессов находит отражение в исследованиях М. С. Блиновой, К. Н. Сердюкова, Н. А. Ткачевой и Т. Н. Юдиной, а аспекты миграционных процессов, протекающих в Сибири проанализированы в работах В. И. Самаруха, Т. Г. Красновой, Т. Н. Плотниковой. Таким образом, обобщив научную литературу можно сделать вывод о недостаточном уровне изученности механизмов регулирования миграционных процессов как на федеральном, так и на региональном уровне.

В первую очередь необходимо описать миграционную ситуацию в России и Сибирском федеральном округе в целом. В результате анализа статистических данных и уже проведенных социологических исследований можно сделать следующие выводы:

1. Миграционная ситуация в России является сложной, особенно в отдаленных регионах страны, таких как Сибирский Федеральный округ. На основании данных официальной статистики можно сделать вывод о стабильном сокращении численности населения Сибири в начале XXI в. по сравнению с Россией в целом. Стоит отметить, что негативное восприятие демографической ситуации в ней усугубляет то, что территория региона занимает одну четвертую всей страны, тогда как проживают на ней лишь 12 % населения [5]. В настоящее время в состав СФО входят республики Алтай, Тыва и Хакассия, Алтайский, Красноярский край, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская области, а за счет исключения из состава СФО Забайкальского Края и Республики Бурятия население округа снизилось на 1 млн человек. Важным является то, что в 2019 г. по Сибирскому Федеральному округу наблюдается отрицательный миграционный прирост – 11 792 чел., если число прибывших из других регионов и стран составляет – 546 907 чел., то число выбывших – 557 907. За последние несколько лет подобная ситуация остается стабильной. Необходимо отметить, что Сибирский федеральный округ занимает одну и лидирующих позиций по числу выбывшего населения трудоспособного возраста. Так, в 2019 г. из СФО выбыло 393 771 чел., а из Дальневосточного округа (еще одного лидера) – 246 884 чел. Таким образом, разница составляет 146 887 чел., что подтверждает первое место Сибирского федерального округа в рейтинге, отражающем миграционную убыль регионов РФ [6].

2. Фонд общественного мнения в ноябре 2020 г. провел масштабное социологическое исследование миграционных установок среди населения всех округов Российской Федерации. Данные полученные в ходе еженедельного всероссийского телефонного опроса (выборочная совокупность – 1000 респондентов, статпогрешность не превышает 3,8 %) показали, что жители СФО в большей степени считают, что их города чаще покидают жители (55 %), чем приезжают новые (29 %). 44 % опрошенных жителей Сибирского федерального округа проживают в своем населенном пункте/городе с рождения, а 46 % приехали после окончания школы из других территории СФО, что свидетельствует о внутрирегиональной миграции. При этом, наличие миграционных планов подтвердили больше половина опрошенных (57 %) [2]. Среди причин для переезда опрошенные отмечают отсутствие работы, низкий уровень жизнь, плохую экологическую обстановку и отсутствие возможностей для саморазвития. Вторичный анализ данных показал, что опрошенные жители СФО не удовлетворены условиями жизни в своем регионе и планируют переехать, как только появится возможность для этого.

Таким образом, проведенный анализ показал быструю скорость депопуляции населения макрорегиона Сибири в начале XXI в. по сравнению с Россией в целом. Вместе с тем пандемический кризис повлиял не только на количество и структуру миграционных потоков, но и на способы их регулирования.

Управление миграционными процессами проходит на четырех основных уровнях: административном или политическом, экономическом, социальном и информационно-психологическом, на каждом из которых действуют свои механизмы [4]. Административный (политический) уровень управления реализуется за счет механизма, включающего создание и внедрение особой законодательной базы. С целью эффективной государственной политики в сфере миграционных процессов для органов государственной власти и местного самоуправления разработан особый перечень нормативно-правовых источников. В настоящее время основным официальным документом, предписывающим управление миграционными процессами в России, является «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» [1], которая описывает стратегический курс, приоритетные направления, цели, принципы, основные задачи и направления деятельности государственного регулирования миграционных потоков.

На уровне Сибирского региона также действует «Стратегия социально-экономического развития Сибири» [3], согласно которой необходимо обеспечить устойчивое повышение уровня и качества жизни населения. Однако, для реализации данной стратегии необходимо большее внимание к территории, так как за счет ее развития видится повышение привлекательности городов и населенных пунктов Сибири для постоянного проживания, что способствует не только увеличению общей численности населения, но и привлечению дополнительных трудовых ресурсов, а также креативного класса. Из вышесказанного следует, что данная территория обладает весомым ресурсным потенциалом, который с нашей точки зрения при правильном использовании может послужить важным фактором в реализации миграционной политики.

Следующими уровнями регулирования миграционных процессов являются экономический (который включает следующие механизмы: льготы, субсидии, достойную оплату труда, создание здоровой конкуренции, льготное налогообложение и т. д.) и социальный (механизмы: обеспечение достойного уровня жизни, качественное образование, развитие социальной инфраструктуры и т. д.). К сожалению, в связи с экономической нестабильностью не только на территории РФ, но и других стран, вызванной в частности пандемией COVID-19, на экономическом и социальном уровне наблюдаются некоторые сбои. На четвертом уровне регулирования миграционными процессами действуют такие механизмы как: создание положительного образа территории, эффективное взаимодействие власти и населения, поддержка социально-активных групп.

В настоящее время на территории России и в частности Сибирского региона вышеперечисленные механизмы используются не в полной мере. С нашей точки зрения особенно это заметно на территории Сибири, которая практически не имеет привлекательного образа не только для внешней миграции, но и внутренней. В связи с этим можно выделить ряд существующих проблем, свойственных для миграционной политики нашей страны в целом и Сибирского региона:

1. Отсутствие системности и преемственности в проведении миграционной политики.
2. Необходимость обновления стратегий, описанных в основных документах регулирования миграционными процессами в соответствии с изменяющимися условиями и вызовам.
3. Формирование привлекательности территории для высококвалифицированных и квалифицированных специалистов других стран.
4. Необходимость в смещении акцентов с внешней на внутреннюю миграцию.
5. Развитие более сложной и основательной системы учета мигрантов.

6. Контроль антимигрантских и ксенофобных настроений, а также нивелирование системы «свой-чужой».

7. Отсутствие учета зарубежного опыта по регулированию миграционных процессов.

Необходимо заключить, что в настоящее время в миграционной политике существует ряд механизмов, действующих на административном, экономическом, социальном и информационно-психологическом уровне. Однако, на территории России и в частности Сибирского региона данные механизмы развиты слабо, что отмечают не только отечественные, но и зарубежные исследователи. Мы полагаем, что их активизация возможна путем деятельности четырех основных участников. В первую очередь, это государственные служащие, разрабатывающие и внедряющие основные положения и принципы миграционной политики. Во-вторых, это представители научной сферы, занимающиеся исследованием миграционных процессов и вырабатывающие основные рекомендации по их регулированию. В-третьих, это социальные группы, образованные по этническому или конфессиональному признаку, так как территории Сибири, как и РФ, является многонациональной. В-четвертых, важную роль играют представители СМИ, распространяющие и предоставляющие доступ к необходимой информации. Таким образом, согласованные действия всех участников на разных уровнях реализации миграционной политики помогут достигнуть ее эффективности.

Литература

1. Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/asset_publisher/CptCkV6BZ29/content/id/530438 (дата обращения: 20.04.2021).

2. Миграция: установки россиян. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14501> (дата обращения: 28.04.2021).

3. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года : утв. Постановлением Правительства РФ от 5 июля 2010 г. № 1120-р (с изм. на 26 дек. 2014 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/902229380> (дата обращения: 01.05.2021).

4. Ольшанская А. В. Основные методы регулирования миграции в России // Молодой ученый. 2020. № 24 (314). С. 480–482.

5. Сибирский федеральный округ (СФО). URL: <http://council.gov.ru/services/reference/10486> (дата обращения: 04.05.2021).

6. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (дата обращения: 10.04.2021).

УДК 070

Н. Г. Ткачева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Обозначены проблемы развития рынка региональных печатных СМИ. Отмечено сокращение количества печатных изданий, снижение объемов рекламы в прессе и увеличение доли digital-рекламы. Определены негативные факторы на рынке розничной дистрибуции прессы. Рассмотрены подходы региональных изданий к выбору медиа-каналов и форматов взаимодействия с аудиториями. Установлена потребность в улучшении качества контента в прессе. Сделан вывод о необходимости преобразования рынка региональных печатных СМИ.

Ключевые слова: СМИ, пресса, периодическая печать, рынок, реклама, медиапотребление, розничная дистрибуция, контент.

REGIONAL PRINT MEDIA MARKET TRANSFORMATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

The article identifies the problems of the development of the regional print media market. There was a decrease in the number of printed publications, a decrease in the volume of advertising in the press and an increase in the share of digital advertising. The negative factors in the market of retail distribution of the press are determined. The approaches of regional publications to the choice of media channels and formats of interaction with the audience are considered. The need to improve the quality of content in the press is established. The conclusion is made about the need to transform the market of regional print media.

Keywords: mass media, press, periodicals, market, advertising, media consumption, retail distribution, content.

Сегодня традиционные средства массовой информации переживают не лучшие времена. Объем газетно-журнального рынка России (реклама + продажи) неуклонно снижается. Если в 2014 г. он составлял 106,5 млрд руб., то в 2019 г. – 87 млрд руб. Ситуация на рекламном рынке печатных СМИ выглядит еще хуже. Если в 2014 г. объем рекламы в российской прессе составлял 33 млрд руб., то в 2019 г. – 8,0 млрд руб. [4]. Доходы издателей периодических изданий в России существенно снизились на фоне пандемии коронавируса COVID-19, стремительного роста производственных расходов, среди которых наиболее значительные – увеличение цен на бумагу и повышение тарифов на распространение прессы.

В настоящее время в Иркутске нет ни одной ежедневной газеты. Большая часть изданий является еженедельниками или выходят два раза в неделю. Тиражи нынешних изданий значительно проигрывают тиражам газет конца 1990-х гг. Многие СМИ исчезли с медийного поля.

Необходимо отметить, что происходящее как в Восточно-сибирском регионе, так и в стране в целом укладывается в тенденцию, характерную для медийной культуры развитых стран мира. Речь идет о «вымирании» традиционных печатных СМИ (газет и журналов) или об их переходе в сетевое пространство. В большинстве случаев причиной закрытия печатных версий газет и журналов становится их нерентабельность.

За последние годы в России сократилось количество зарегистрированных печатных СМИ. Если десятилетие назад в Едином общероссийском реестре средств массовой информации Роскомнадзора было зарегистрировано около 73 тыс. печатных СМИ, то в 2020 г. оно снизилось до 62 237. Из них 39 794 – это периодические печатные издания, 21 351 – электронные издания и 1092 – информационные агентства [8]. Таким образом, на настоящий момент доля печатных периодических изданий в России составляет 64 %.

По оценке руководителя Управления Роскомнадзора по Иркутской области С. Е. Костылова, на январь 2021 г. в области зарегистрировано 265 средств массовой коммуникации. Из них 152 – печатные, 107 – электронные, остальные – радио- и телекомпании. Если сравнить с 2010 г., когда в области было зарегистрировано 1012 СМИ, то следует констатировать их сокращение почти в четыре раза. В три раза снизилось число информагентств: ранее их было 19, сейчас осталось 6 (это те издания, которые распространяются на территории области, остальные перерегистрированы как федеральные СМИ) [5].

Сокращение печатных СМИ в России по мнению экспертов связано с ухудшением ситуации в экономике, вызванным обвалом цен на нефть и газ, пандемией коронавируса, девальвацией рубля, снижением покупательной способности населения [10, с. 10].

В 2020 г. в печатных СМИ было отмечено беспрецедентное снижение рекламных бюджетов. Согласно исследованию Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР), посвященному объему рынка рекламы за 2020 г., пресса показала падение на 47 % (в процентах к предыдущему году). В газетах рекламные бюджеты сократились на 50 %, в журналах – на 45 % [4]. Отметим, что это самые низкие показатели по рынку ре-

кламы в целом. В структуре рекламного рынка России объем рекламы в прессе на настоящее время составляет 1,7 %, тогда как в 2000 г. этот показатель равнялся 48 % [4].

Разумеется, такое падение во многом коррелирует с карантинными ограничениями, предпринятыми властью. В результате бесплатная пресса на протяжении почти всего периода локдауна, была практически недоступна, что привело к потере почти всех рекламодателей. Существенно пострадали нишевые/тематические издания.

Вместе с тем пандемия, скорее всего, ускорила тренды, существующие уже довольно длительное время. Падение рекламных бюджетов в прессе происходило на протяжении нескольких лет. Так, в 2016 г. объем рекламы в прессе (в процентах к предыдущему году) снизился на 16 %, в 2017 – на 8 %, в 2018 – на 12 %, в 2019 – на 16 % [4]. Таким образом, можно говорить об устойчивой тенденции.

Одновременно все эти годы наблюдался рост online-сегмента, который обладает рядом преимуществ. Если в традиционных форматах реклама ограничена площадью газеты, то в digital она мультимедийна, поскольку не ограничивается ни площадью, ни объемами, ни количеством форматов. В printe реклама ограничена датой выхода газеты и имеет ограниченное «время жизни». В internet-среде эта проблема снимается и возникает возможность более гибко решать задачи рекламодателя. Кроме этого, digital-размещение зачастую обходится дешевле.

Учитывая эти явные преимущества, владельцы печатных СМИ все более активно применяют именно цифровые виды рекламы – баннерную, контекстную, нативную, видеорекламу. По оценке Павла Мирошникова, и. о. президента, исполнительного директора Союза предприятий печатной индустрии (ГИПП) в 2020 г. крупные издательские дома начали зарабатывать значительную часть своих рекламных бюджетов в digital. Доходы издателей от digital-рекламы увеличились на 15,9 млрд руб. У многих ведущих издателей реклама, привлекаемая их онлайн-ресурсами, покрывает её потери в printe [11].

Претерпел изменения рынок дистрибуции прессы. В 2019 г. прекратило свою деятельность ООО «Медиа Дистрибушн» – один из основных поставщиков прессы в российской супермаркете. Эта компания доставляла около 15 % тиражей прессы в 3,5 тыс. точек розничных продаж. Еще более мощный удар нанесла пандемия коронавируса, когда из-за введенных ограничений многие торговые точки, где продавались газеты и журналы, были закрыты. В начале 2020 г. крупнейшая федеральная сеть киосков «Роспечать», занимающаяся продажей прессы, ушла с рынка России, передав свои активы другим розничным распространителям. В Иркутской области, где количество розничных киосков и без того было невелико (на декабрь 2019 г. оно составляло 1,14 на десять тысяч населения, соответственно один киоск обеспечивал печатной продукцией 8783 жителей) [10, с. 70], сеть «Роспечати» была полностью ликвидирована из-за своей нерентабельности. В итоге в настоящее время Иркутская область занимает 48-е место в рейтинге субъектов РФ по обеспеченности киосками прессы против 35-го места в 2019 г. (-13 пунктов в рейтинге). Обеспеченность киосками прессы составляет 0,85 на десять тысяч населения, соответственно один киоск обеспечивает прессой 11 758 жителей [9].

При этом, согласно поручению Президента Российской Федерации от 25.09.2019 № Пр-1983 [6] и постановлению Правительства Российской Федерации от 09.04.2016 № 291 «Об утверждении Правил установления субъектами Российской Федерации нормативов минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов и методики расчета нормативов минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов» установленный норматив составляет один киоск/павильон прессы на 5880 жителей [7].

Смена дистрибутора, уменьшение количества киосков печати повлияли на снижение тиражей. По оценке вице-президента Союза предприятий печатной индустрии Новикова Р. Ю., «совокупно по рынку в целом за 2020 г. среднее падение тиражей составило около 12–15 %: у лидеров падение от 5 до 8 % за год, аутсайдеры понесли крупные поте-

ри» [12]. Прежде всего пострадали крупные и мелкие региональные издания. 44 региональных СМИ закрылись.

Для исправления ситуации СППИ ГИПП предложил создать координационный совет при Минцифры по поддержке распространения прессы; поменять механизм аренды мест под киоски и распределять их через конкурсы, а не через аукционы; заключать договоры аренды не менее чем на пять лет; поднять нормативы по минимальному количеству киосков в каждом регионе [2]. Еще одно предложение – поддержка киосков непрофильной продукцией. Доля прессы в этом случае должна составлять не менее 50 % ассортимента. Фактически, речь идет о внедрении в отечественную практику элементов европейской модели розничной дистрибуции прессы, где продажа товаров импульсного спроса в газетных киосках весьма распространена.

Сушественные изменения произошли в структуре медиапотребления. Так, по данным исследователей компании Mediascope, среднестатистический житель России в 2019 г. тратил на медиапотребление в среднем 515 минут в день, из них на газеты и журналы – менее семи с половиной минут в день [10, с. 11].

Как следует из отчета аналитического центра Юрия Левады «Российский медиаланшафт 2019: телевидение, пресса, интернет и социальные сети», такой традиционный канал информации, как газеты за десять лет сократил свою аудиторию более, чем в два раза. Он часто используется для получения новостей лишь 15 % россиян и это прежде всего россияне старших возрастов. При этом в начале 90-х гг. центральные газеты имели аудиторию, сопоставимую с телевизионной. Основным источником информации для большинства россиян по-прежнему остается телевидение, но его аудитория постепенно снижается. Если десять лет назад информацию по ТВ получали 94 % россиян, то сегодня – 72 %. Реже всего получает новости по телевизору молодежь: 42 % среди россиян до 25 лет против 93 % среди людей 65 лет и старше. У молодежи главным источником информации являются интернет и социальные сети. В отчете отмечается, что доверие граждан России к интернет-ресурсам и социальным сетям за последние 10 лет выросло в четыре раза и сегодня колеблется вокруг отметки в 20 % населения [1].

Совершенно очевидно, что аудитория все чаще предпочитает печатным носителям информации цифровые. Соответственно, для того, чтобы нарастить лояльную аудиторию и расширить ее возрастной состав традиционным СМИ необходимо интегрировать цифровые инструменты в практику взаимодействия со своими читателями, привлекая их на официальные сайты, на страницы изданий в Интернете и социальных сетях, на новостные каналы в мессенджерах и сервисы видеохостингов.

Отметим, что в федеральных изданиях, таких как «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Российская газета» и других практика объединения возможностей печатных и интернет-ресурсов стала уже привычной. Региональные СМИ, как правило, имеют информативные мультимедийные сайты, страницы в социальных сетях. У некоторых изданий число подписчиков во «ВКонтакте» превышает тираж бумажной версии. Однако потенциал социальных сетей не всегда используется в полной мере. Вызывают вопросы визуальное оформление страниц, их содержательное наполнение контентом. В социальных сетях нельзя ограничиваться только размещением лидов материалов и ссылок на сайт, необходимо создавать отдельные материалы либо адаптировать имеющиеся, публиковать эксклюзивный контент, причем не только информационный, но и развлекательный. Вместе с тем социальные сети зачастую ведутся редакциями «механически», вовлечение и контакт с аудиторией в этом случае минимальны.

В последнее время в некоторых региональных изданиях получила распространение концепция digital first, когда материалы сначала публикуются на сайте издания, а после выходит бумажная версия газеты из типографии. Это дает возможность привлечь и увеличить online-аудиорию. У электронной газеты есть ряд преимуществ: удобный и поиск,

помогающий быстро найти необходимую публикацию, специальные инструменты, позволяющие распечатать статью, сделать закладки и даже пометки.

Некоторые издания выстраивают свою политику, основываясь на другой концепции – audience first, в центре которой – аудитория. Концепция предполагает использование всех площадок и форматов, которые удобны аудитории. В этой связи довольно часто используется такой конвергентный формат, как виртуальное дополнение, где напечатанный текст обогащается возможностями мобильных коммуникаций. Газеты начали публиковать фотографии, приходящие в движение при наведении на них камеры смартфона. Чтобы воспользоваться этой функцией, читателю необходимо отсканировать QR-код или скачать специальное бесплатное приложение. С его помощью он может получить дополнительные сведения, углубляющие тему материала издания, ознакомиться с видеoversиями разных событий, расширить информацию, просматривая интервью или видеорепортаж.

Помимо этого, издания все чаще используют такие форматы, как видеомиксы, скринкасты (истории, рассказанные через визуал интерфейса мобильных телефонов), прямые трансляции на YouTube, обучающие ролики, нативную рекламу в видеороликах для социальных сетей, возможности анимации. Еще один новый формат, привлекательный для молодежи, – различные мероприятия (ивенты), которые организуются под марками газет и журналов. В целом работа с современными форматами позволяет не только привлечь, но и нарастить молодежную аудиторию.

Вместе с тем количество региональных изданий, использующих современные форматы работы с аудиторией, невелико. Гораздо чаще редакции реализуют проекты, направленные на читателей среднего и старшего возраста. В них разрабатывается тематика, популярная у данных аудиторий: семья, здоровый образ жизни, юридические советы, отдых и туризм. Тем самым, создавая полезный и востребованный контент, газетные редакции поддерживают связь со своими постоянными читателями, укрепляют сотрудничество с местным сообществом.

За последние годы появилась «армия» блогеров – представителей «гражданской журналистики», существующей, прежде всего, в социальных сетях. Блогеры предлагают огромное количество своего контента потребителям, создавая конкуренцию традиционным СМИ. Тем самым «фактор качественного контента стал важнейшим условием выживания и успешности традиционных печатных СМИ» [10, с. 9]. Вместе с тем по качеству контента региональные издания очень различаются. Есть примеры высокопрофессиональной работы, глубокого и объективного исследования местных проблем (здравоохранение, ЖКХ, дороги, экология, образование и т. д.), есть издания как бы оставшиеся в советской эпохе, прославляющие местную власть, публикующие материалы с лозунговыми заголовками. Многие материалы газет посвящены плановым мероприятиям, показательным достижениям и представляют собой отчеты о проделанной работе местной власти с заседаний, форумов, круглых столов. Как правило, такие материалы удовлетворяют информационно-коммуникативные интересы местной власти, а не читателей.

Как следствие, перед изданиями встает проблема укомплектования штата высококвалифицированными журналистами и редакторами, способными создавать контент высокого качества. Однако, согласно отраслевому докладу Роспечати за 2020 год, «количество штатных сотрудников редакций печатных СМИ России к 2023 г. уменьшится в 1,7 раза, до 157 тыс. человек. Если в 2018 г. в российских печатных СМИ работало 273 тыс. человек, то в 2019 г. осталось 208 тыс. человек (-24 %)» [10, с. 19].

Причинами сокращения рабочих мест в печатных СМИ отраслевые аналитики называют «распространение мобильного интернета, кризис системы розничной дистрибуции прессы и резкое снижение популярности подписки на фоне распространения бесплатного, пусть и менее качественного онлайн-контента» [10, с. 20]. По мнению издателей, причина сокращений персонала другая – закрытие действующих СМИ.

Пандемия внесла свои коррективы в прогнозы «оптимизации штата». В мае 2020 г. Союз журналистов России провел исследование, целью которого было выявить проблемы, с которыми столкнулись редакции региональных СМИ из-за пандемии коронавирусной инфекции. В исследовании приняли участие 563 представителя региональных, районных и местных средств массовой информации из 85 субъектов России. 66,4 % респондентов составили сотрудники печатных изданий.

Полученные данные показали, что у 37,5 % печатных изданий в период пандемии сократился тираж. Почти трети редакций пришлось снизить заработную плату. 19,2 % СМИ сократили штат сотрудников. В 18,4 % СМИ работы лишились больше 20 % персонала. 38,4 % редакций снизили заработную плату более чем на 20 %. 92,2 % опрошенных заявило об уходе части рекламодателей и сокращении рекламных бюджетов. Вместе с тем 13,9 % СМИ получило поддержку от региональной власти [3].

Результаты исследования послужили основанием включения СМИ в перечень отраслей, наиболее пострадавших из-за пандемии коронавируса COVID-19, что позволило около 30 тыс. СМИ получить помощь от государства. Так, в печатных СМИ были отменены штрафы за несвоевременную уплату налогов, Роскомнадзор долгое время не проводил проверки, были урегулированы почтовые тарифы. Все это помогло многим печатным изданиям выжить и продолжить свою деятельность.

Таким образом, трансформация рынка печатных СМИ в России неизбежна. Главные тенденции развития региональных и местных рынков периодической печати России связаны с обостряющейся необходимостью скорейшей адаптации традиционных СМИ к новым потребностям аудитории и рекламодателей. Потенциально, цифровой контент может заменить большую долю печатной продукции. Дигитализация медийной среды является средоточием вызовов для региональной прессы. Одновременно, это едва ли не единственный способ её выживания и укрепления своих позиций на рынке.

Литература

1. Волков Д., Гончаров С. Российский медиа-ландшафт 2019: телевидение, пресса, интернет и социальные сети. Отчет Аналитического центра Юрия Левады «Левада Центр». URL: <https://www.levada.ru/2019/08/01/21088> (дата обращения: 26.04.2021).
2. Издатели просят расширить ассортимент киосков печати // СППИ ГИПП. URL: <https://gipp.ru/news/rasprostranenie/izdateli-prosyat-rasshirit-assortiment-kioskov-pechati> (дата обращения: 27.04.2021).
3. Как пандемия коронавируса повлияла на работу российских СМИ. Результаты исследования СЖР. URL: <https://ruj.ru/news/kak-pandemiya-koronavirusa-povliyala-na-rabotu-rossiiskikh-smi-rezultaty-issledovaniya-szhr-12200> (дата обращения: 29.04.2021).
4. Объем рекламы в средствах ее распространения в 2020 году. Исследование Ассоциации коммуникационных агентств России. URL: https://www.akarussia.ru/knowledge/market_size/id/9555 (дата обращения: 28.04.2021).
5. Печатных СМИ по-прежнему больше всего в Иркутской области // Областная газета. № 5 (2204) 20.01.2021. URL: <https://www.ogirk.ru/2021/5/14/zharkie-vyhodnye-obeshhajut-sinoptiki-v-irkutskoj-oblasti/> (дата обращения: 30.04.2021).
6. Перечень поручений по итогам встречи с руководителями российских печатных средств массовой информации: утв. Указом Президента РФ 25.09.2019 № Пр-1983 // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.04.2021).
7. Об утверждении Правил установления субъектами Российской Федерации нормативов минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов и методики расчета нормативов минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов, а также о признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2010 г. № 754 : постановление Правительства РФ от 09.04.2016 № 291 (ред. от 29.06.2017 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.04.2021).
8. Регистрационная и разрешительная деятельность, ведение реестров в сфере СМИ. Отчет Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций за 2020 год. URL: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/smi-registration/p885> (дата обращения: 28.04.2021).
9. Рейтинг субъектов РФ по обеспеченности населения НТО «Печать» // СППИ ГИПП. URL: <https://gipp.ru/news/novosti-otrasli/rejting-subektov-rf-po-obespechennosti-naseleniya-nto-pechat> (дата обращения: 30.04.2021).

10. Российская периодическая печать: состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. М.: Федер. агентство по печати и массовым коммуникациям, 2020. URL: <https://fapmc.gov.ru/rospechat/activities/reports/2020/pechat3.html> (дата обращения: 20.04.2021).

11. Рынок рекламы: кризис особого режима // СППИ ГИПП. URL: <https://gipp.ru/overview/mneniya-ekspertov/rynok-reklamy-krizis-osobogo-rezhima> (дата обращения: 28.04.2021).

12. Слухи о гибели печатной прессы оказались сильно преувеличены: интервью Р. Ю. Новикова // Новые известия. 14.04.2021. URL: https://newizv.ru/interview/14-04-2021/ruslan-novikov-sluhi-o-gibelipechatnoy-pressy-okazalis-preuvelicheny?fbclid=IwAR38Mvij-NfDXAifaZ4zeM9Vyl0g9z18CYzbWlJuC7TY8AZQUY_t7sZxZDGw (дата обращения: 29.04.2021).

УДК 316:659.137

М. М. Малых

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА НА ТЕЛЕВИДЕНИИ КАК СПОСОБ ДОНЕСЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ОТ ОРГАНОВ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ НАСЕЛЕНИЮ ГОРОДА

Социальная реклама рассматривается как способ донесения информации обществу. Приводятся примеры социальных роликов органов муниципальной власти и некоммерческих организаций, адресованных населению города через СМИ.

Ключевые слова: социальная реклама, человек, поведение, средства массовой информации

M. M. Malykh

Irkutsk State University, Irkutsk

SOCIAL ADVERTISING ON TELEVISION AS A WAY TO CONVEY INFORMATION FROM THE MUNICIPAL AUTHORITIES TO THE POPULATION OF THE CITY

Social advertising is considered as a way to convey information to society. Examples of social videos of municipal authorities and non-profit organizations addressed to the population of the city through the media are given.

Keywords: social advertising, person, behavior, mass media.

То, что реклама – двигатель торговли частные компании поняли давно и активно используют ее в продвижении своих товаров и услуг. Денежные объемы рекламирования бизнеса объединены медийными экспертами в понятие «Коммерческая реклама». Однако, в отдельную категорию на современном телевидении отнесена «социальная реклама», несущая в себе, наряду с доходами каналов важную информацию для населения города.

Обратимся к некоторым источникам за разъяснением термина «социальная реклама».

Региональная социальная реклама – вид некоммерческой рекламы, направленной на освещение наиболее актуальных явлений региона с целью оказания воздействия на модель общественного поведения и привлечения внимания к возможным проблемам социума данного субъекта.

Чаще всего заказчиками такой рекламы выступают государственные органы и/или некоммерческие организации, а рекламные агентства и распространители рекламы в ряде случаев изготавливают и размещают её на безвозмездной основе, либо по сниженным ценам.

Наиболее известными примерами такой рекламы являются кампании по борьбе с наркотиками, соблюдению правил дорожного движения, пропаганда здорового образа жизни, охрана окружающей среды и др.

Социальная реклама (Social Advertising) – это реклама, направленная на изменение моделей социального поведения и привлечение внимания к общественно значимым явлениям и проблемам. Социальная реклама представляет собой особую форму неличного представления и продвижения социальных идей, поведения и практик, способствующих

как гуманизации общества в целом, так и достижению отдельных целей, полезных с точки зрения общественного блага.

Муниципальные службы, общественные предприятия и некоммерческие организации давно выбирают телевидение как эффективный и оперативный способ общения с горожанами. Некоторое время назад на телевизионных экранах чаще можно было увидеть информацию о городских субботниках, или приглашение на празднование дня города, или сообщение о дате и времени открытия городской елки в преддверии нового года. Общегородские масштабные мероприятия, как правило, лидеры по объемам выхода социальной рекламы. Но в последние годы, частным гостем на региональных телеэкранах стала социальная реклама с призывом к определенному действию или заострению внимания на какой-то проблеме.

Как правило, социальные ролики – это уже отражение актуальных, «горящих» промежуточных итогов деятельности общества в той или иной сфере. Например, в последние годы все чаще в обществе поднимается вопрос о бережливом отношении к планете, к природным ресурсам. Параллельно в нашей стране несколько лет бурно обсуждается большая разница в тарифах на электроэнергию между субъектами РФ и уровень платежей за коммунальные услуги, которые постоянно растут. Проанализировав эти тенденции Министерство жилищно-коммунального хозяйства запустило рекламную кампанию, которая сегодня уже имеет ежегодный формат. В пример можно привести рекламу «Центров Энергоресурсосбережения», основным рекламным посылом которого является призыв к бережному использованию ресурсов и установлению счетчиков для снижения суммы оплаты. Текст ролика следующий: *«Осознанное потребление энергоресурсов позволит не только снизить коммунальные платежи, но и сохранить планету»*. Через потенциальную выгоду для индивида идет призыв к изменению поведения.

Еще одним примером социальной рекламы являются ролики «Центра медицинской профилактики», призывающие население города к оздоровлению, с текстом ролика: *«Если ты хочешь быть здоровым, пройди диспансеризацию в своей поликлинике по полису ОМС, абсолютно бесплатно»*, или поднимающие самые острые проблемы современного общества, с текстом ролика: *«Алкоголь нужен меньше, чем кажется. Минздрав утверждает – ты сильнее без алкоголя»*.

Опять же, в роликах звучат слова, сулящие выгоду: бесплатно, сильнее... Задача социальных рекламных роликов направить действия человека в нужное положительное русло.

Не остались в стороне и правоохранительные органы. Количество автомобилей в стране в целом и в городах стремительно растет, на смену старому парку автомобилей приходят новые машины. Так или иначе в семьях уже нормально иметь два, а то и три автомобиля. В 2018 г. ГИБДД запустила проект «Стратегия – Россия без ДТП 2018–2030», в рамках которого был создан ряд роликов социальной направленности. В этих информационных материалах идет призыв соблюдать правила дорожного движения, не превышать скорость, пристегивать ремни безопасности, и самое главное обеспечить безопасную перевозку детей: *«Даже игрушки понимают, что важно для безопасности вашего ребенка. Ребенок в машине должен быть в автокресле»*. Таков текст одного из роликов.

В своих стратегиях по информированию граждан или донесению важной информации муниципальные и государственные органы, некоммерческие организации используют самые эффективные способы воздействия – средства массовой информации. Ведь СМИ не только обладают самым широким охватом населения, но и формируют поведение, настроение, мнение большинства. Социальная реклама обращает внимание на самые животрепещущие вопросы, напоминая человеку о важных сферах жизни и о ее сохранении в целом.

**КРЕДИТ И БАНКИ:
ОТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ФОРМАТА К СОЗИДАТЕЛЬНОМУ**

Обосновано, что мы живем в потребительском формате общества, однако основы Созидательного общества, отвечающего светлой мечте каждого человека о мирной, счастливой, безопасной жизни, не только уже озвучены в информационном поле, но приобретают прикладное значение. Сделан вывод, что созидательное общество может быть реально построено при создании определенных условий. Акцентировано внимание, что данное исследование следует воспринимать не как прогнозный анализ, а как предложение рассмотреть кредит и банки в качестве инструментов, приобретающие в Созидательном обществе иное значение и функции.

Ключевые слова: потребительский формат, Созидательное общество, распределительная система, деньги, кредит, банки.

A. A. Zaikovskaya, I. R. Libenson
Irkutsk State University of Railway Transport, Irkutsk

CREDIT AND BANKS: FROM THE CONSUMER FORMAT TO THE CREATIVE ONE

We live in a consumer-oriented society. However, the foundations of a Creative society, which meets the bright dream of every person about a peaceful, happy, safe life, are not only already voiced in the information field, but also acquire practical significance. A creative society can be really built when certain conditions are created. Therefore, this article should not be taken as a forward-looking analysis, but as a proposal to consider credit and banks as instruments that acquire a different meaning and function in a Creative society.

Keywords: consumer format, Creative society, distribution system, money, credit, banks.

Как авторы данной статьи уже отмечали, в потребительском формате общества деньги обслуживают неэквивалентный обмен [2]. Современные же деньги – это продукт кредита, который берет свое начало в древнем ростовщичестве. Но следует подчеркнуть, что сегодня кредит – это далеко не только операции частных банков на регулярной основе. Все современные деньги выпускаются в экономику посредством кредита. Это явление называется кредитно-денежная эмиссия, которая представляет собой мощный инструмент денежно-финансовой власти. В реальной иерархической структуре социальной власти данная власть оказалась выше не только законодательного, но даже выше военно-политического уровня власти. Потому что заказывает войну тот, кто платит.

Одна из функций кредита называется «перераспределительная функция», которую обычно объясняют посреднической ролью банков в перераспределении вкладов в кредиты. Однако такое представление перераспределительной функции отводит внимание общества от другого, более существенного перераспределения, которое выполняет современный кредит. В потребительском формате кредит используется как силовой инструмент перераспределения собственности от одних социальных групп к другим. Кредит сегодня служит гигантскому по своему масштабу перераспределению общественного дохода и богатства, природного и рукотворного, в пользу малых групп – субъектов мировой денежно-финансовой власти, тех, кто реально управляет центральными, коммерческими банками и корпорациями производителями. Они, по меткому выражению профессора В.Ю.Катасонова, являясь «хозяевами денег», контролируют огромные суммы ссудного процента и залогового имущества. Но самое главное, они контролируют колоссальный эмиссионный доход. Он составляет разницу между денежной стоимостью реального общественного богатства и себестоимостью выпущенных в обращение денег, которая равна затратам на ведение банковского бизнеса и содержание банковского хозяйства. Тем самым «хозяева денег» сосредоточили в своих руках большую часть мирового капитала.

Одно из учебных определений гласит, что кредит – это обмен, разделенный во времени. Кредит усиливает участие денег в неэквивалентном обмене за счет ссудного процента. Но это еще не все. Вспомним, как примечательно высказался Виктор Гюго:

«Долг – начало рабства, даже хуже рабства, потому что кредитор неумолимо рабовладельца: он владеет не только вашим телом, но и вашим достоинством и может при случае нанести ему тяжкие оскорбления» [6]. Суды и коллекторы тому яркое подтверждение. Кто столкнулся с кредитом, тем известно, что кредит «мягко стелет, но жестко спатъ». Ведь в потребительском формате кредит подчинен принципам возвратности, срочности, платности, обеспеченности и целевого назначения.

Современный кредит имеет два базовых вида – 1) инвестиционный или предпринимательский, который берут юридические лица, на цели бизнеса, и 2) потребительский, который берут физические лица на цели конечного потребления. В существующей финансово-кредитной системе эти два вида кредита строго разделены.

Когда кредит берут предприниматели, то они получают от этого выгоду, но не всегда, а лишь когда экономика в целом находится на подъеме, т. е. спрос на продукцию и услуги растет, а процент прибыльности бизнеса выше процента на кредит. В неустойчивой и, тем более, падающей экономике, у бизнеса, особенно малого, возникают проблемы с возвратом кредита.

Когда кредит берут конечные потребители, то большинство из них проигрывает практически всегда, так как финансовое положение после получения кредита обычно ухудшается. Доход не растет и нет уверенности в том, что он вырастет в будущем, но в бюджете семьи появляется дополнительная статья расходов. Потребительский кредит всегда требует, как говорится, «подтянуть пояса».

В объединенном Созидательном обществе все иначе, нежели в разделенном потребительском обществе. Созидательное общество – это прежде отсутствие отношений на основе господства и подчинения, т. е. совершенно отсутствует власть между людьми [1; 5; 8; 9]. Есть только ответственность перед другим. Власть людей разъединяет, а ответственность – объединяет.

Если в процессе распространения идеи о Созидательном формате общества и широкого ее обсуждения большинство членов мирового сообщества выберет этот формат, то на пути к нему предстоит создать ряд условий, чтобы кредит перестал бы использоваться против общества как способ порабощения большей его части навязанными правящей элитой условиями потребления и выживания, а послужил бы на пользу и стал действительно неограниченным источником развития всего общества.

Стоит отметить, что в Созидательном обществе кредит, как и деньги, нужен до тех пор, пока не будет построено Идеальное общество, где уже нет необходимости в эквивалентном обмене и финансовом контроле над производством и потреблением.

Деньги в Созидательном обществе появятся двумя путями. Первый путь – это проведение сплошной инвентаризации производственных мощностей и всего накопленного материального богатства и его оценка. В процессе инвентаризации общество выберет те ценности, которые полезны, а те ценности, которые бесполезны и вредны для Созидательного общества, оценке не подлежат, а будут утилизированы и переработаны. Имущество после инвентаризации станет обеспечением денег Созидательного общества. Из них будет сформирован первоначальный бюджет Созидательного общества. Данный бюджет представляет собой централизуемую часть текущего валового дохода, образуемую за счет отчислений предприятий в форме централизованного финансового резерва, а также изъятия сумм превышения средств индивидов над лимитом их капитализации, установленном обществом. Важно подчеркнуть, что данным бюджетом распоряжается ни государственная бюрократическая машина, ни ставленники политических кругов во власти, как сейчас, а все общество через созданные институты реального общественного самоуправления.

Второй путь появления денег в Созидательном обществе – это выдача кредитов на развитие производства, науки и технологий, иной созидательной хозяйственной деятельности.

Вспомним, что «кредит» переводится с латинского как доверие. То есть – это способ выражения доверия общества своим членам. Поэтому предлагаем пять принципов

кредита в Созидательном обществе, это: 1) свободный заявительный характер, т. е. кредит непринужденный; 2) бесплатный, т. е. кредит без процентов; 3) условно-возвратный; 4) обеспеченный, но без залога; и 5) общественный контроль суммы и срока целевого использования кредита. Рассмотрим два принципа более подробно.

Условно-возвратный принцип. Кредит выдается на осуществление созидательных проектов: т. е. строительство объектов производства и инфраструктуры, производство качественных потребительских благ, проведение научных исследований, осуществление космических и иных программ. Это будут не принимаемые обычно в закрытом режиме проекты бюрократических ведомств и частных корпораций, а проекты, согласованные и контролируемые общественным самоуправлением. Сумма кредита равна стоимости привлекаемых ресурсов и оплате труда участников проекта. После успешного воплощения в согласованные сроки проекта кредит считается погашенным, средства возврату в денежном эквиваленте источнику кредита не подлежат, и деньги остаются в обращении. В этом и состоит условно-возвратный принцип.

Принцип обеспеченности. Он нужен в Созидательном обществе не для перераспределения заложенного имущества, а для поддержания надежности денег как всеобщего эквивалента.

Известно, что любой кредит увеличивает количество денег в обращении на выданную сумму, что сопряжено с риском инфляции. Однако в Созидательном обществе кредит не вызывает инфляцию благодаря тому, что: 1) все кредиты обеспечены результатом, 2) отсутствует ссудный процент, 3) общество контролирует стабильность цен и 4) грамотно управляет временно свободными средствами. Что понимается под четвертым пунктом? За счет высокой продуктивности и эффективности экономики бюджет быстро наполнится временно свободными средствами. Тогда кредитная эмиссия может быть приостановлена, а ведущим финансовым источником развития будет накопленный общественный бюджет.

Итак, в Созидательном обществе кредит обеспечен вещественно, но не залогом имущественного комплекса предприятий-заемщиков, а продукцией, услугами, новыми технологиями, новейшими научными открытиями. Но все же высшим обеспечением кредита является труд на благо всего общества, который высвобождает внутренний потенциал огромный созидательной энергии людей.

Что касается потребительского кредита, то в Созидательном обществе в нем нужды нет. Ведь общество сможет обеспечить своих членов безусловным базовым доходом, не зависящим от трудового вклада и обеспечивающим достойный Человека уровень материальной жизни, а также бесплатными жильем, образованием, медициной. Как это возможно? Общество само будет контролировать и пресекать любые попытки монополизации в частные руки стратегические жизнеобеспечивающие предприятия, откажется от лишних расходов, таких как производство вооружений, алкоголя, содержание огромной элитарной надстройки власти и управления, распустит армию, а также установит лимит общей капитализации индивида и его семьи в размере, как это предлагается участниками проекта, эквивалента десяти миллионов долларов. В результате данных мероприятий высвободятся силы, мощности и ресурсы для подъема благосостояния большинства людей на Земле.

Теперь можно назвать основные источники дохода индивидов и их семей в Созидательном обществе. Это: 1) безусловный базовый доход из бюджета, 2) трудовой доход только на среднем или высоком уровнях, 3) предпринимательский доход от частного бизнеса, но в пределах лимита капитализации индивида, 4) бесплатное жилье, образование, медицина.

Итак, инвестиционный кредит в Созидательном обществе выполняет три функции: это 1) развитие созидательных потребностей, 2) эмиссионная, 3) контрольная. Перераспределительная функция кредита отсутствует как таковая.

В дополнение отметим, что кредит в Созидательном обществе приобретает значительно более высокую оперативность и целенаправленность. Почему? Потому что нет строгой границы между простым и расширенным воспроизводством, благодаря непрерывному научно-технологическому обновлению действующего производства.

Нет также противоречия между социальными целями бизнеса и целями трудящихся, так как отсутствует социальная пропасть между работодателями и работниками. В потребительском формате работники воспринимаются собственниками организаций и предпринимателями как наемный за деньги персонал. В Созидательном же обществе деньги не являются целью. Они являются инструментом общественного самоуправления и контроля. А целью общей для всех является гармоничное развитие, которое, прежде всего, состоит в принятии на себя ответственности за развитие Личности, свое духовное преобразование, и содействие полезным материальным и информационным условиям жизни всех.

Теперь обратимся к теме банков в Созидательном обществе.

Как уже отмечалось, кредит в потребительском формате используется в качестве инструмента глобального порабощения общества навязанными условиями выживания и потребления. Кредиты выдают международные финансовые организации, нефинансовые коммерческие организации, реже правительства. Но самые массовые, регулярные и специально лицензируемые посреднические операции с кредитом населению осуществляют банки. Разнообразие банковских операций и услуг растет, но системообразующими традиционно остаются три операции – это депозиты, кредиты и обслуживание расчетов.

Население также принимает участие в кредите, когда доверяют временно свободную часть располагаемых доходов правительствам и корпорациям обычно в форме облигационных займов под небольшой процент. Однако основной, массовый и привычный для населения вид доверия – это вклады в банки. Они называются депозитом, что переводится как вещь, «сданная на хранение». Депозит – это доверие клиентов, который банки не всегда оправдывают. Вспомним, например, Великую депрессию, начавшуюся в четверг 24 октября 1929 г., названный черным четвергом. За период экономической депрессии по некоторым оценкам около 52 % банков от общего числа разорились, уничтожив сбережения.

Исторически банки в основном занимаются тем, что перераспределяют депозиты в кредиты. Если по какой-то причине большая часть вкладчиков одновременно пришла бы за своими вкладами, то банк немедленно стал бы банкротом, так как все средства кроме небольшого резерва ликвидности розданы в кредит. Это обстоятельство и стало внешним поводом для объединения банков в странах в единую систему, которая получила название система «частичного резервирования». Ее возглавляет национальный или иначе – центральный банк, в котором остальные банки обязаны хранить часть свободных резервов. Поэтому, например, Центральный банк США, который является акционерным, т. е. частным банком, так официально и называется – Федеральная резервная система США. На сегодняшний день не только обязательные резервы, но уже все временно свободные средства банков находятся на обслуживании в Центральном банке под полным их контролем.

В случае появления у банков затруднений Центральный банк может, если захочет, оказать выборочно помощь проблемным банкам, дав им кредит. Поэтому Центральные банки также называют кредиторами в «последней инстанции». Но важно понимать, что основной мотив создания Центральных банков был иной. Это стремление к полной монополии на эмиссию денег. Поэтому после отмены в 1976 г. так называемого золотого стандарта, т. е. международного соглашения об обязательном обеспечении денег необходимым запасом золота, мировые Центральные банки получили возможность практически неограниченной и необеспеченной эмиссии. Теперь правила эмиссии, кредита и расчетов

устанавливают мировые Центральные банки. И близко то время, когда они объединятся в подобие единого банка «хозяев денег».

В Конституциях многих стран прописана независимость центрального банка от других государственных органов власти. В действительности это означает выведение банковской системы из-под контроля правительств, чтобы они не мешали «хозяевам денег» безраздельно владеть и управлять. Представители военно-политической власти, не желая подчиниться, иногда сопротивлялись и проявляли нелояльность словами и действиями денежно-финансовой власти банков. По этому поводу примечательно высказался 3-й президент США Томас Джефферсон. Он сказал: «Банковские учреждения опаснее, чем готовые к сражению войска» [7]. История свидетельствует о том, что политики в конечном счете всегда проигрывали банкам в борьбе за первенство во влиянии и власти над обществом.

Глядя на прошлое и настоящее, можно заглянуть и в будущее. По прогнозу влиятельного масона Жака Аттали на смену рыночной экономике грядет глобальная распределительная экономика [4]. Если сегодня доступ людей к деньгам как пропуск к потребительским благам пролегал через работу по найму, а в свою очередь доступ к кредитам зависит от доходов и наличия у заемщиков залогового имущества, то завтра повсеместно доступ к трудоустройству, деньгам и кредиту, все вместе, будет предоставляться через социальный кредитный рейтинг. Он уже сегодня внедрен в Китайской Народной Республике. С 1 января 2021 г. всем гражданам Китая присвоен стартовый рейтинг в 1000 баллов. Нам всем стоит повнимательнее присмотреться к происходящему в Китае социальному эксперименту, который готовится к распространению на весь мир.

А послезавтра сами деньги будут полностью замещены кредитом. И сумма этого кредита будет измеряться не трудовым доходом, не залоговым имуществом, а присвоенным социальным кредитным рейтингом. Кстати, не случайно в фантастических фильмах деньги называются «кредитом». Вот, таким образом в ближайшем будущем планируется полностью отформатировать потребительское общество, где банки будут выполнять в основном техническую, автоматическую роль выдачи кредита-денег.

В этой системе исчезнет добровольность в отношениях между клиентами и банками. Уже сегодня компьютерные технологии почти заменили наличные деньги электронными, а завтра цифровые технологии заместят электронные деньги цифровыми.

Чтобы подобный план не стал реальностью, есть очень важная подсказка, которую мы находим в первоисточнике исконных Знаний [3], где сказано, что общество само должно контролировать и пресекать любые попытки монополизации в частные руки цифровых, интернет-технологий, средств связи и самих банковских учреждений как таковых. Действительно, технологии сами по себе нейтральны, это люди выбирают то, как их использовать – против себя или на благо себе.

На пути построения Созидательного общества предстоит осуществить ряд преобразующих мировую банковскую систему мероприятий. Банки, выступая в качестве профессиональных инструментов самоуправления и общественного контроля, не должны находиться в частном владении и распоряжении, а принадлежат исключительно самому Созидательному обществу. Они объединены в единую операционную и открытую информационную систему, выполняя следующие функции:

- совмещают функции казначейства и банка;
- принимают к исполнению решения органа общественного самоуправления о финансировании и кредитовании инвестиционных проектов;
- выступают оператором процессов финансирования и кредитования экономики;
- ведут учет и контроль движения средств на счетах общественного бюджета, средств предприятий, организаций и семей индивидов;

– обеспечивают общество полной информацией о формировании, распределении и использовании общественного бюджета и индивидуальной капитализации семей индивидов.

Следует сказать о подходе Созидательного общества к решению проблемы ссудного процента. В потребительском формате людям внушили, что ссудный процент необходим для покрытия экономических издержек банковской деятельности и обеспечения банкам достаточной прибыли, другими словами процент на кредит нужен для обеспечения принципа самоокупаемости и рентабельности банков. Так как в Созидательном обществе нет ссудного процента, то следует предусмотреть иной, а именно некоммерческий источник финансового покрытия работы банков. Таким источником опять-таки является общественный бюджет, часть которого выделяется на покрытие всех расходов, возникающих в процессе работы банков, включая оплату труда банковских специалистов и служащих.

Также отметим, что банки Созидательного общества не составляют систему частичного резервирования, о которой авторами статьи уже упоминалось как о неполном покрытии долгов банков располагаемой ими наличностью. Банки Созидательного общества вообще не имеют долгов, а лишь ведут учет и контроль движения средств на банковских счетах бюджета, организаций и сумм индивидуальной капитализации, не являясь при этом распорядителями этих средств. Поэтому банкротство банка в Созидательном обществе невозможно. Решение об эмиссии, финансировании или кредите возлагается не на руководство банка, как сейчас, а на общественное самоуправление, которое и руководит всей банковской системой.

В Созидательном обществе банковское дело перестает быть видом частного бизнеса, объектом предпринимательства или коммерческой, т. е. приносящей весьма солидную прибыль, деятельности. Поэтому между банками нет конкуренции, так как каждое банковское учреждение принадлежит всему обществу и лишь обслуживает его денежные операции.

В Созидательном обществе отсутствует Центральный банк в таких его понятиях, как «банк банков», «кредитор в последней инстанции», «эмиссионный центр», «банк первого уровня». Банковская система Созидательного общества не является двухуровневой, а лишь только одноуровневой, на котором все банковские учреждения равны. На одном уровне обеспечивается горизонтальная координация деятельности банковских учреждений согласованными и принятыми всем мировым сообществом правилами межбанковских корреспондентских отношений, кредитно-денежной эмиссии, учета средств на счетах и в расчетах. Вероятно, что отдельные банковские учреждения станут частью единой базы данных общемирового банковского учета и отчетности.

Итак, кредит и банки Созидательного общества – это профессиональные инструменты общественного самоуправления. Посредством банковской системы общество обеспечивает себя кредитом, управляет временно свободными денежными средствами бюджета, предприятий и индивидов. По большому счету кредит и финансирование за счет бюджета выполняют одни и те же функции, кроме эмиссионной, которая присуща лишь кредиту.

Деятельность банков Созидательного общества прозрачна и открыта для всех. Каждый Человек имеет право на получение от банковских учреждений достоверной информации о движении и распределении общественного бюджета, средств предприятий и о размере индивидуальной капитализации, контролируемом обществом. Каждому Человеку доступна информация о статусе выполнения решений общества в процессе финансирования и кредитования их претворения в жизнь.

Литература

1. Зайковская А. А., Либенсон И. Р. От общества потребления к обществу созидания // Культура. Наука. Образование / ИрГУПС. 2020. № 3 (56). С. 68–80.

2. Зайковская А. А., Либенсон И. Р. Финансовое распределение против эквивалентного обмена // Менеджмент социальных и экономических систем / СибГУ им. М. Ф. Решетнева. 2020. № 4 (20). С. 24–31.
3. Новых А. АллатРа. М. : Аллатра Русь, 2016. 880 с.
4. Millennium: winners and losers in the coming world order. New York : Random House, 1991. 132 с.
5. Ашер Дж. Необходимость построения Созидательного общества. Почему прошлые попытки не состоялись. URL: <https://allatraunites.com/ru/news/neobhodimost-postroeniya-sozidatelного-obshchestva>.
6. Гюго В. М. Цитаты известных личностей. URL: [https:// citaty.net](https://citaty.net).
7. Джефферсон Т. Цитаты. URL: <https://quotesbox.org>.
8. Международная онлайн-конференция «Созидательное общество. Вместе мы можем». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dtrrnfXdtyc&feature=youtu.be>.
9. Основы и этапы построения Созидательного общества. 18 мая 2020. URL: <https://allatraunites.com/ru/news/osnovy-i-etapy-postroeniya-sozidatelного-obshchestva>.

РАЗДЕЛ 5 СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД, ГОРОДСКИЕ ПРОСТРАНСТВА, ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ

CHAPTER 5. MODERN CITY, URBAN SPACES, PROBLEMS AND ACHIEVEMENTS OF CITY DEVELOPMENT IN THE EYES OF THE YOUTH

УДК 316.346.32–053.6

А. А. Анохина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ Г. ИРКУТСКА)

На примере Иркутска поднимается проблема реализации научного потенциала современной молодежи в пространстве города. Представлены результаты социологического исследования методом онлайн-опроса в сравнении с пилотажным исследованием, проведенным с целью апробации инструментария. Также использованы метод вторичного анализа данных социологического исследования студенческой молодежи, проведенного в г. Иркутск, и анализ сайтов высших учебных заведений страны и города и органов федеральной и региональной власти по работе с молодежью. Сделан вывод, что государство и регион предоставляет все возможности для реализации потенциала молодежи в области науки, однако спрос на ведение научной деятельности представителей иркутской молодежи значительно падает с каждым годом, что усилилось под влиянием продолжительного дистанционного обучения.

Ключевые слова: российская молодежь, научная сфера, научный потенциал, институт образования, стратегии развития города, Иркутская область.

A. A. Anokhina

Irkutsk State University, Irkutsk

SCIENTIFIC POTENTIAL OF RUSSIAN YOUTH AS A STRATEGIC RESOURCE OF THE CITY (ON THE EXAMPLE OF IRKUTSK)

This article raises the problem of realizing the scientific potential of modern youth in the space of the city (on the example of Irkutsk). The results of the author's sociological research conducted by the online survey method are presented in comparison with the pilot research conducted for the purpose of testing the questionnaire. We also used the method of secondary analysis of data from a sociological research of student youth conducted in Irkutsk, and the analysis of websites of higher educational institutions of the country and the city and federal and regional authorities for working with young people. The author concludes that the state and the region provide all the opportunities for realizing the potential of young people in the field of science, but the demand for conducting scientific activities of representatives of Irkutsk youth is significantly decreasing every year, which has increased under the influence of long distance learning.

Keywords: Russian youth, scientific sphere, scientific potential, institute of education, city development strategies, Irkutsk region.

Российская молодежь является стратегическим ресурсом государства, региона и города. Большую роль для успешного развития страны и ее субъектов играет развитие и реализация научного потенциала молодых людей. Росмолодежь и Министерства по молодежной политике должны содействовать и способствовать наиболее полному включению представителей молодежи во все сферы жизни страны. Во многих как общеобразовательных учреждениях, так и высших учебных заведениях страны научная деятельность процветает. Научная деятельность является главным элементом в рамках изучения многих дисциплин или направлений обучения в университетах в целом. В большинстве университетов существует система мотивации молодежи к участию в научной деятельности. Однако наряду с этим существует острая проблема – большое количество представителей молодежи не заинтересовано в ведении научной деятельности и развитии своего научного потенциала.

В настоящее время действует основной орган, направленный на работу с молодежью в любых сферах – Федеральное агентство по делам молодежи, или Росмолодежь. Помимо этого, на федеральном уровне работают Молодежный парламент при ГД ФС РФ, Ассоциация молодежных правительств России, Российский центр обучения избирательным технологиям при ЦИК России, Молодежная общественная палата, Российский и Всероссийский студенческие союзы. Существуют также органы молодежного самоуправления на региональном и муниципальных уровнях – городские молодежные и школьные парламенты, молодежные избирательные комиссии, молодежные правительства региона при исполнительных органах власти. Каждый из представленных органов молодежного самоуправления поддерживает развитие молодежи, в том числе ее научного потенциала, что подтверждается проведением грантовых конкурсов на постоянной основе, поддержкой молодых ученых, проведением конференций, олимпиад и других мероприятий, направленных на развитие молодежи в научной области. Однако, если обратить внимание не только на самоуправление, государственная молодежная политика в настоящее время не реализуется должным образом. В Конституции РФ до 2020 г. не было ни одного упоминания понятия «молодежь». Руководитель центрального штаба «Российских студенческих отрядов» Михаил Киселев отмечает, что представителей возрастной категории от 14 до 35 лет на территории Российской Федерации в настоящее время проживает около 40 миллионов, при этом большая часть одаренных представителей российского населения – это молодежь, поэтому «их вовлеченность в развитие страны должна быть максимальной» [7]. Также отмечается, что новая Конституция РФ целиком ориентирована на стратегическое развитие и будущее страны, именно поэтому деятельность в стране, отдельных ее регионах и городах должна во многом быть ориентирована на развитие всестороннего потенциала молодежи.

В настоящее время создаются все необходимые условия для поддержания развития научного потенциала школьников и студентов. На постоянной основе проводятся грантовые конкурсы, олимпиады, конференции, участие в которых чаще всего именно для школьников и студентов бесплатно, как и публикации в научных сборниках. Как для студентов, так и для школьников существует целый перечень стипендий и других наград, которые вводятся в качестве поощрения за достижения в научной деятельности и активную научно-исследовательскую работу. Успешные научные труды студентов нередко отмечаются работодателями, которые впоследствии приглашают к сотрудничеству. Поездки в другие города и страны в научных целях нередко за обучающихся оплачивают учебные заведения как направляющие стороны. Школьников-призеров и победителей Всероссийских олимпиад приглашают на бюджетное обучение в ведущие вузы страны еще до сдачи Единых государственных экзамена. Все перечисленные меры входят в систему мотивации молодежи к участию в научной деятельности. При этом многие из обучающихся отмечают хорошую систему мотивации и достаточные условия в учебных заведениях, однако все же это не отменяет собственное нежелание быть в числе молодых

ученых. В связи с чем встает вопрос – каким образом скажется недостаточное участие российской молодежи в научной деятельности на будущем страны и отдельных ее субъектов. Актуальность указанной проблемы определила выбор объекта, предмета, цели и методов данного исследования.

Объект исследования – молодежь как социально-демографическая возрастная группа, за счет вектора развития которой определяется будущее страны.

Предмет исследования – государственная молодежная политика, направленная на создание благоприятных условий в отдельных регионах и субъектах для научной деятельности молодежи.

Цель исследования: выявить степень заинтересованности современной молодежи Иркутской области в реализации собственного научного потенциала.

Для достижения заявленной цели работы были использованы следующие методы социологического исследования:

- социологическое исследование молодежи Иркутской области посредством онлайн-опроса;
- пилотажное социологическое исследование для апробации инструментария;
- вторичный анализ данных социологических исследований молодежи (в том числе, студенческой), проведенных на территории Иркутской области и по всей стране;
- анализ сайтов федеральных и региональных органов власти и образовательных учреждений высшего образования.

Социологическое исследование на тему «*Специфика трансформации социальных связей и поведенческих практик российской молодежи в нестабильных условиях*» было проведено методом онлайн-опроса представителей молодежной социально-демографической группы Иркутской области (в возрасте от 18 до 40 лет) лично автором на базе СЛРПИ ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» в период с 25 апреля по 4 мая 2021 г. В рамках исследования был опрошен 301 человек. С 26 октября по 1 ноября было проведено пилотажное социологическое исследование с целью апробации инструментария на тему «*Социальное самочувствие и поведение молодежи в условиях современных макро- и микро-угроз в России*» [1]. Исследование было проведено также методом онлайн-опроса молодежи Иркутской области, в нем принял участие 151 человек в возрасте от 18 до 40 лет. В обоих проведенных исследованиях был задан вопрос, выявляющий наиболее приоритетные сферы деятельности иркутской молодежи (табл. 1).

За прошедшие полгода ситуация в предпочтениях современной молодежи существенно изменилась. Мы можем наблюдать, что научная деятельность не выступала в качестве приоритетной для молодых людей ни полгода назад (ее отмечали всего 8,0 % опрошенных), ни на данный момент. Причем стоит отметить, что спрос на занятие наукой среди молодежи значительно упал за прошедшее время, и на сегодняшний день данный вид социальной активности выбирают лишь 6,6 % респондентов, что, вероятно, связано с продолжительным процессом дистанционного обучения и, в этой связи, с очередной трансформацией интересов и упадком количества заинтересованных молодых ученых (табл.).

Тенденция к низкой заинтересованности иркутской молодежи в научной деятельности отмечалась еще в более ранние годы, что подтверждается вторичным анализом данных социологического исследования «*Факторы и тенденции формирования и реализации потребностей и интересов иркутского студенчества*», проведенного СЛРПИ ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» в 2019 г. [9]

Аннотация: Данное исследование направлено на выявление факторов и тенденций развития иркутского студенчества. Выявлены основные интересы и потребности его представителей, а также стремления и мечты.

Ключевые слова: иркутское студенчество, потребности, интересы, качество образования, факторы и тенденции.

Распределение ответов на вопрос «Какие виды социальной активности приоритетны лично для Вас на сегодняшний день?»

Варианты ответов	Кол-во ответов молодежи (апрель – май, 2021 г.)	Доля ответов молодежи (апрель – май, 2021 г.), %	Кол-во ответов молодежи (октябрь – ноябрь 2020 г.)	Доля ответов: пилотажное исследование (октябрь – ноябрь 2020 г.), %
Образовательная	140	12,9	62	11,3
Общественная	121	11,2	44	8,0
Досуговая	95	8,8	58	10,5
Коммуникационная	91	8,4	42	7,6
Волонтерская, добровольческая	89	8,2	20	3,6
Спортивная	89	8,2	38	6,9
Трудовая, профессиональная, экономическая	86	7,9	62	11,3
Культурная	83	7,6	47	8,5
Политическая	72	6,6	23	4,2
Научная	72	6,6	44	8,0
Деятельность в рамках местных сообществ (территориальных образований, поселенческих и др.)	52	4,8	16	2,9
Семейная	37	3,4	71	12,9
Патриотическая	36	3,3	16	2,9
Затрудняюсь ответить	22	2,0	3	0,5
Всего	1085	100,0	550	100,0

Паспорт исследования

Исследование: «Факторы и тенденции формирования и реализации потребностей и интересов иркутского студенчества».

Руководитель проекта: д-р социол. наук, профессор Т. И. Грабельных.

Сроки проведения полевых работ: апрель – май 2019 г.

Число опрошенных: 1091 студент 8 вузов Иркутской области.

Место: Иркутская область.

Организация, проводившая исследовательские работы: Социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ».

Цель: сформировать основные потребности и интересы молодежи на примере представителей иркутского студенчества.

Метод сбора данных: онлайн-опрос студентов вузов Иркутской области по стратифицированной выборке.

Основные результаты исследования

Что важно отметить по молодежи на примере иркутского студенчества – научная деятельность не входит в перечень приоритетных интересов и потребностей многих студентов. Согласно анализу данных, представленных на рисунке 1, во многих вузах число не занимающихся наукой превышает число вовлеченных в эту сферу: 16,2 % ведущих научную деятельность и 22,7 % не ведущих обучаются в Байкальском государственном университете, 11,3 % занимающихся против 12,8 % – в Иркутском государственном университете путей и сообщения, 0,8 % против 1,7 % соответственно – в Иркутском государственном аграрном университете, 3,8 % против 8,5 % – в Иркутском государственном медицинском университете, 1,1 % против 2,0 % – в Российской правовой академии Минюста России. При этом стоит отметить, что обучение в большинстве из перечисленных вузов в обязательном порядке должно включать в себя научную деятельность студентов. По результатам проведенного Социологической лабораторией региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ»

исследования, в целом по показателям научной активности больше половины студентов, а именно 65,5 %, не включены в эту деятельность [9, с. 11]. Студенческое сообщество слабо включено в научную деятельность университета. Отмечается низкая личная заинтересованность студентов, недостаточный уровень мотивации студентов в рамках учебного процесса, обозначается важность стимулирования за занятия научной деятельностью. При этом также отмечается, что университетская среда в достаточной мере способствует занятию данным видом деятельности студентов, создавая для этого все необходимые условия.

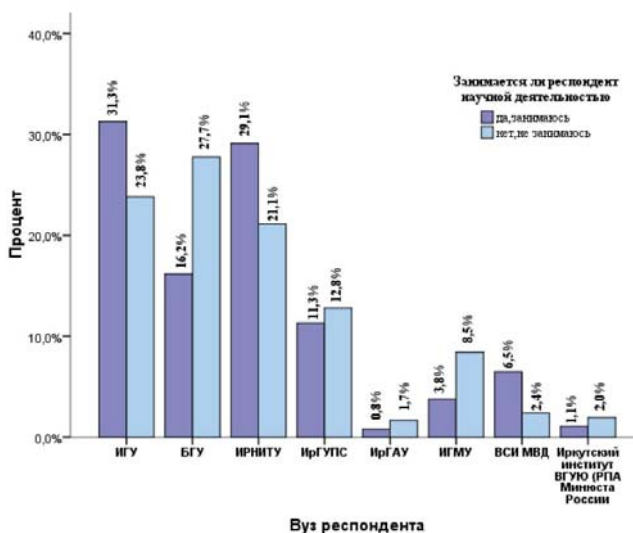

Рис. Распределение ответов на вопрос «Занимается ли респондент научной деятельностью» в зависимости от вуза, в котором он обучается, %

Таким образом, встает острый вопрос – почему в условиях достаточной мотивации и хорошего стимулирования университетом студенческая молодежь как главный носитель научного образа жизни среди молодого поколения перестает быть вовлеченной в научную деятельность. На наш взгляд, эту проблему необходимо решать, так как от формирования молодежи в настоящее время и в том числе за счет научной деятельности, желания ее представителей войти в ряды молодых ученых, добиться успехов в научной сфере, совершать научные открытия, во многом зависит будущее страны и отдельных ее субъектов.

В ходе исследования также был проведен *анализ сайтов*. Рассмотрены официальные сайты органов власти и университетов как в масштабе всей страны на примере Росмолодежи [10] и крупнейших российских вузов, так и на региональном уровне на примере Иркутской области и Иркутского государственного университета как классического высшего учебного заведения региона. В соответствии с проведенным анализом, отметим довольно высокий уровень научного потенциала молодежи как в целом по России, так и в Иркутской области. Федеральное агентство по делам молодежи и Министерство по молодежной политике Иркутской области [5] во многом действуют сообща. Под их руководством проходит множество массовых мероприятий, которые направлены на раскры-

тие потенциала творческой молодежи. Одним из самых крупных и значимых мероприятий для нашего региона является Международный молодежный форум «Байкал», молодые участники которого учатся писать проекты, защищают их и многие получают гранты на реализацию своих инициатив. На наш взгляд, университетская среда в полной степени способствует формированию интереса у молодежи к научной деятельности, причем это не зависит от рейтинга университета или его местонахождения. В Высшей школе экономики [6], в Санкт-Петербургском государственном университете [8] и в Иркутском государственном университете [4] существует своя система мотивации студентов стать молодыми учеными. Студенты могут принимать участие в различных грантовых конкурсах, участвовать в научных конференциях и других мероприятиях по любому из понравившихся направлений, так как в каждом университете ежегодно их проходит от 200 и больше по совершенно разным темам, затрагивающим разные области знания. Проводятся и другие виды конкурсов, олимпиады для раскрытия внутреннего потенциала творческой молодежи. Кроме того, вся деятельность мотивируется различными стипендиями, научными наградами, стажировками с последующими возможностями трудоустройства. Многие университеты поддерживают и берут на себя расходы за академическую мобильность. Существует множество ресурсов, лабораторий, научных центров, клубов, сообществ, которые облегчают научную деятельность. В совокупности с системой мотивации научная работа вполне могла бы стать приоритетной для современной молодежи. Однако этого не происходит, следовательно, мы приходим к выводу, что причина незаинтересованности молодежи в ведении научной деятельности кроется в другом – реализация молодежной научной политики в России проходит на достаточно высоком уровне.

Выводы

Резюмируя, подчеркнем, что молодежь определяется как стратегический ресурс государства и отдельных его субъектов. Современные условия, ресурсы глобализации в виде новейших технологий и обширные возможности для изучения социальных процессов и совершения множества открытий позволяют вести полноценную научную деятельность. Однако актуализируется проблема, связанная с низкой заинтересованностью молодежи в науке. По данным Фонда «Общественное мнение» [3] еще в 2014 г. молодежь интересовалась научными открытиями, читала научно-популярную литературу и смотрела такие же фильмы, делилась информацией из области современной науки с друзьями и родственниками. Однако со временем интерес к науке и научной деятельности, очевидно, стал угасать среди представителей молодежи. Это было зафиксировано буквально спустя год в процессе Мониторинга экономики образования НИУ «ВШЭ» [2], по результатам которого был выявлен довольно низкий уровень научной деятельности среди студентов бакалавриата. Было отмечено, что с переходом на магистратуру жизнь студентов становится более «научной», однако это может быть связано как со взрослением и новым взглядом на мир после завершения одной ступени образования, так и со спецификой программы магистратуры.

С течением времени данная проблема не разрешилась и осталась особенно актуальной в условиях субъектов РФ. Недостаточный уровень ведения научной деятельности иркутской молодежью был выявлен в 2019 г. исследованием СЛРПИ ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» [9]. При этом респондентами было указано, что в университетской среде г. Иркутска создаются и поддерживаются все необходимые условия для активной научной работы студентов включая обширную систему мотивации, стимулирования и поощрения для личной заинтересованности студенческого сообщества. Тенденция подтвердилась авторскими социологическими исследованиями – научная деятельность не только занимает одно из последних мест в рейтинге приоритетных видов социальной активности иркутской молодежи, но и стремительно теряет свою востребованность среди молодых людей на фоне продолжительного дистанционного обучения и общего упадка социальной активности среди молодежи региона.

Таким образом, подтверждается острота и актуальность поставленной проблемы, которую, на наш взгляд, необходимо решать с опорой на создание интереса в городской среде научной деятельности для молодежи, усиление мотивации и разоблачение тех фактов, что в сфере науки невозможно сделать карьеру и добиться большого успеха.

Литература

1. Анохина А. А. Социальное самочувствие и поведение молодежи в условиях современных макро- и микроугроз в России // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 350–359.
2. Российская молодежь: образование и наука / Н. В. Бондаренко, Ю. Л. Войнилов, Г. С. Волкова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2017. 72 с.
3. Интерес к современной науке // Фонд «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/nauka-i-obrazovanie/11721> (дата обращения: 06.05.2021).
4. Иркутский государственный университет. URL: <http://isu.ru> (дата обращения: 06.05.2021).
5. Министерство по молодежной политике Иркутской области. URL: <https://mmp38.ru> (дата обращения: 06.05.2021).
6. Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru> (дата обращения: 06.05.2021).
7. Профсообщество ожидает принятие закона о молодежной политике // РИА-Новости. URL: <https://ria.ru/20200214/1564793889.html> (дата обращения: 06.05.2021).
8. Санкт-Петербургский государственный университет. URL: <https://spbu.ru> (дата обращения: 06.05.2021).
9. Факторы и тенденции формирования и реализации потребностей и интересов иркутского студенчества: презентационные материалы в формате публичного доклада, представленные на круглом столе «Профессиональная школа в национальном проекте «Образование»» в рамках VI Байкальского гражданского форума «Гражданское общество в реализации приоритетных национальных проектов», г. Иркутск, 7 июня 2019 года : электрон. изд. / Институт социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ» ; авт.-сост. Грабельных Т. И.; исслед. коллектив: Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Анохина А. А. [и др.]. Иркутск : ИСН ФГБОУ ВО «ИГУ», 2019. 17 с. URL: <http://socio.isu.ru/ru/sociolab/docs/Presentation-BGF2019.pdf> (дата обращения: 06.05.2021).
10. Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). URL: <https://myrosmol.ru> (дата обращения: 06.05.2021).

УДК 316.733

Н. В. Ахмадышина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

«ВЫНУЖДЕННАЯ САМОИЗОЛЯЦИЯ» КАК ВЫЗОВ СИБИРСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ СИБИРСКОГО РЕГИОНА)

С позиции отечественных авторов рассматривается процесс становления особой формы сознания и образа жизни в Сибирском регионе, называемого сибирской ментальностью. Анализируется влияние и последствия пандемии коронавируса и «вынужденной самоизоляции» 2020 г. на дальнейшее развитие территории (на примере городов Сибирского региона). На основе авторского исследования обращается внимание на необходимые меры выхода из «вынужденной самоизоляции» в постпандемический период, а также подчеркивается важность сохранения самобытности и консолидации на локальном и общероссийском уровнях.

Ключевые слова: сибирская ментальность, вынужденная самоизоляция, пандемия, Сибирский регион.

N. V. Akhmadyshina

Irkutsk State University, Irkutsk

“FORCED SELF-ISOLATION” AS A CHALLENGE TO THE SIBERIAN MENTALITY (ON THE EXAMPLE OF THE CITIES OF THE SIBERIAN REGION)

The article examines the process of formation of a special form of consciousness and lifestyle in the Siberian region, called the Siberian mentality, from the standpoint of domestic authors. The author of the article analyzes the impact and consequences of the coronavirus pandemic and “forced self-isolation” in 2020 on the further devel-

opment of the territory using the example of the cities of the Siberian region. Turning to his own research, the author draws attention to the necessary, in his opinion, measures to get out of “forced self-isolation” in the post-pandemic period, and also emphasizes the importance of maintaining identity and consolidation at the local and national levels.

Keywords: Siberian mentality, forced self-isolation, pandemic, Siberian region.

Процесс освоения Сибири с самого начала являлся комплексным процессом, включал в себя характерные для него составляющие, такие как адаптация человека к суровым условиям, становление новых традиций, формирование нового сознания, отношения с Центром, приспособление к этнокультурному окружению других народов, проживающих на данной территории или рядом, что в конечном итоге сформировало отличительный образ жизни старожилов и их потомков, определенную систему ценностей, отражало степень принадлежности к земле, к своей «малой родине». Данные факторы обусловили степень различий между русским человеком и сибиряком, по поводу чего литератор и этнограф Н. С. Щукин писал: «Опытный глаз сразу отличит сибиряка от русского» [7].

Ментальность мы можем охарактеризовать как образ мышления, общую духовную настроенность человека, группы. По определению М. И. Рожанского, ментальность означает «... глубинный и потому трудно фиксируемый источник мышления, идеологии ...», это понятие «... связано с самими основаниями социальной жизни и в то же время своеобразно исторически и социально имеет свою историю» [5]. Ряд современных исследователей сибирской идентичности демонстрирует высокие показатели данной категории. Например, опрос населения, проведенный Н. В. Сверкуновой в 2000 г., показал, что «77,8 % жителей Приангарья относят себя к сибирякам и считают, что «сибирский характер» существует» [7, с. 146–147].

Сибирская ментальность как самостоятельный объект научного изучения и источник разного рода исследований сформировался сравнительно недавно: с конца XX века, хотя и в более ранние периоды развития России публиковались работы, посвященные характеру и образу жизни сибиряков. Так, И. И. Завалишин писал: «... сословия, составляющее это племя [сибиряков], во многом разнятся ныне от сословий внутренней России и придают жизни сибирской много отличия от жизни русской», это «... народ чисто практический, гонящийся непременно за житейским...» [2, с. 81–82]. Ряд советских ученых расширил научную проблематику истории развития Западной Сибири и внес большой вклад в ее изучение. Например, В. П. Бойко занимался изучением отечественного предпринимательства и истории купечества Сибири и, в частности на примере Томской губернии, отмечал: «Многие пожертвования сибирских купцов на строительные цели были следствием глубокой религиозности. Одним из мотивов строительства красивых и больших зданий для проживания и ведения торгово-промышленной деятельности было во многом ущемленное властями и социально-политической обстановкой честолюбие и тщеславие купцов» [1, с. 31–32]. А. И. Пальцев подчеркивает, что «режим ментальной активности сибиряков» отличается от другой части России и находит свое выражение через особое своеобразие ментальности, их самодостаточность, геополитическое положение Сибири и своеобразие природно-климатических условий, а также доминирование таких черт характера, как «свободолюбие, настойчивость в выполнении поставленных задач, практицизм, мужественность, смелость, выносливость и толерантность» [6].

Распространение коронавирусной инфекции COVID-19 в 2020 г. сопровождалось жесткими ограничительными мерами для всех регионов России в целях защиты и профилактики, в том числе «вынужденной самоизоляцией» населения и переходом в дистанционный формат работы и учебы. Исключением не стал и Сибирский регион, но при этом в средствах массовой информации отмечается, что Иркутская область перешла на карантин одной из последних, а под заголовком «Свободолюбивая Сибирь» сообщается, что в апреле 2020 г. сразу три сибирских города оказались в конце рейтинга по самоизоляции населения (Новосибирск, Омск и Красноярск), показавшие самый высокий балл присут-

ствия людей на улицах, в то же время в мае были зафиксированы массовые нарушения самоизоляции.

В связи с трудностями в преодолении пика заболевания режим самоизоляции в сибирских регионах на протяжении нескольких месяцев продлевали, а также были усилены некоторые ограничительные меры (введены масочный и перчаточный режимы, электронные пропуска). Несмотря на присущие сибирякам личностные качества, о которых мы говорили выше, необходимость постоянного нахождения в интернет-пространстве, отсутствие прямого межличностного взаимодействия, ограничение передвижения как результат «вынужденной самоизоляции» могут явиться серьезным вызовом сибирской ментальности, привести к закрытости и к понижению социальных настроений граждан.

В рамках выпускной квалификационной работы автором был проведен массовый опрос населения Иркутской области на тему «Дисциплинарные пространства как основной ресурс власти в современной России (на примере «вынужденной самоизоляции» в Иркутской области)» (научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных), одним из целей которого являлся анализ того, как режим пандемии и самоизоляции повлиял на респондентов, какие процессы выявил (табл. 1).

Таблица 1
Распределение ответов на вопрос «Последствия «вынужденной самоизоляции» лично для респондента»

Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, %
Получил навыки работы в дистанционном формате	100	22,8
Произошла переоценка ценностей	91	20,8
Ограничились коммуникации	62	14,2
Смог реализовать в новой для себя области	53	12,1
Усилилось одиночество	50	11,4
Потери в семье	34	7,8
Расширились коммуникации	18	4,1
Распалась семья	17	3,9
Потерял работу	10	2,3
Затрудняюсь ответить	3	0,7
Всего	438	100,0

Исходя из данных, представленных в табл. 1, было выявлено, что последствиями «вынужденной самоизоляции» для подавляющего числа респондентов стали навыки работы в дистанционном формате (22,8 %), а также переоценка ценностей (20,8 %). Кроме того, можно отметить ограничение коммуникаций (14,2 %), реализацию в новой для себя области (12,1 %) и усиление одиночества (11,4 %) (табл. 1).

В настоящее время актуализировался вопрос выхода регионов из режима пандемии и «вынужденной самоизоляции». В связи с этим возник вопрос о наиболее значимых, по мнению респондентов, мерах, предпринимаемых в этот период. Анализируя данные, представленные в таблице 2, можно отметить, что иркутяне большее предпочтение отдают расширению возможностей для проявления социальной и творческой активности (15,9 %); среди других предложенных мер можно выделить снижение закрытости различных сфер жизни общества (13,7 %), внедрение программ реабилитации для населения (12,8 %), в том числе мер социальной поддержки (12,6 %), необходимо отметить и потребность в консультационной поддержке на индивидуальном и групповом уровне (9,8 %) (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Наиболее значимые меры выхода из «вынужденной самоизоляции» в постпандемический период, по мнению респондента»,

Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, %
Расширение возможностей для проявления социальной и творческой активности	106	15,9
Снижение закрытости пространств	91	13,7
Внедрение программ реабилитации для населения	85	12,8
Меры социальной поддержки при выходе с режима самоизоляции	84	12,6
Предоставление возможностей для трудоустройства	74	11,1
Консультационная поддержка на индивидуальном и групповом уровне	65	9,8
Поэтапность выхода	62	9,3
Модернизация прогрессивных технологий	51	7,7
Цифровизация выхода из «вынужденной» самоизоляции	30	4,5
Все вышеперечисленное	13	2,0
Затрудняюсь ответить	5	0,8
Всего	666	100,0

Особый бытовой уклад, развитие местного самосознания, некая «непроницаемость» – те черты, из-за которых, по словам Н. А. Дидковской «... понять сущностное ядро провинциальной культуры во всей его полноте могут лишь люди, выросшие и воспитанные в этой среде» [2], что только подчеркивает свойственный сибирскому человеку образ жизни и мышления. Анализируя полученные нами данные, мы можем с уверенностью говорить об изменениях ценностной системы и необратимости некоторых последствий, с которыми столкнулось население Иркутской области в период пандемии, а также в связи с этим о необходимости преодоления негативных тенденций на локальном уровне. Данные процессы, конечно, характерны и для других территорий, но, развиваясь в сибирском регионе, они грозят вылиться в обезличенность и разобщенность населения, что скажется на дальнейшем развитии региона, его истории и самобытности.

Таким образом, хотелось бы подвести итог словами Г. Д. Ковригиной о том, что изучение вопроса ментальности жителей Сибири может «... стать точкой опоры для консолидации всей страны или моментом формирования социальной дезинтеграции...» [4], выражающейся как на уровне региона отдельно, так и на общероссийском. Период пандемии и «вынужденной самоизоляции» выявил существующие в обществе проблемы и привел к разного рода последствиям и процессам на уровне сибирского региона, представляющего для нас особый интерес ввиду изучения вопроса о сибирской ментальности. Как было выявлено, чертами характера людей, идентифицирующих себя как сибиряки, являются свободолюбие, настойчивость, смелость, выносливость, толерантность, формировавшиеся на протяжении многих лет и исторически определяющие особый образ жизни и мышления человека. «Вынужденная самоизоляция», в свою очередь, как локальная угроза представляет собой вызов сибирской ментальности, единению данной территории и сохранению традиционных ценностей, играющих важную роль не только для региона, но и для всей страны в целом.

Литература

1. Бойко В. П., Ситникова Е. В. Сибирское купечество и формирование архитектурного облика города Томска в XIX – начале XX в. Томск, 2008. 180 с.
2. Дидковская Н. А. Идентичность: провинциальное и региональное измерение // В поисках России: серия публикаций и дискуссия об идентичности: в 5 т. Т. 3. Восточная Россия – Дальний Восток / сост. С. Панарин, ред. С. Михайлова. СПб. : Интерсоцис, 2011. С. 143–156.
3. Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862. 419 с.

4. Ковригина Г. Д. Специфика ментальности жителей малых городов Сибири // Урбанистика. 2017. № 4. С. 70–77. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24622 (дата обращения: 14.05.2021).
5. Ментальность. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/698/%D0%9C%D0%95%D0%9D%D0%A2%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC (дата обращения: 14.05.2021).
6. Пальцев А. И. Менталитет и ценностные ориентации этнических общностей: на примере субэтноса сибиряков : автореферат дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Новосиб. гос. архит.-строит. ун-т. Ново-сибирск, 1998. 22 с.
7. Сверкунова Н. В. Сибиряки и «сибирство» // Восточно-Сибирская правда. 2000. 7 окт. URL: <http://www.vsp.ru/2000/10/07/sibiryaki-i-sibirstvo/> (дата обращения: 16.05.2021).
8. Скальский А. Ментальность сибиряков. URL: <http://www.babr24.com/?ADE=88906> (дата обращения: 16.05.2021).

УДК 316.334.56(470)

Р. К. Балтабаев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

НОВЫЕ ОБРАЗЫ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ

Рассматриваются процессы глобализации и цифровизации, их роль при создании образа российского города. Приводятся сферы деятельности населения, в которых широко используются цифровые технологии, а также предпочтения, которые получает от них российское население.

Ключевые слова: цифровизация, глобализация, цифровая глобализация, цифровые технологии, российский город, мегаполис, население.

R. K. Baltabaev

Irkutsk State University, Irkutsk

NEW IMAGES OF RUSSIAN CITIES IN THE ERA OF GLOBALIZATION AND DIGITALIZATION

This article considers the processes of globalization and digitalization, their role when creating the Russian city image. There are given the activity areas of the population, in which digital technologies are widely used, as well as the preferences that the Russian population receives due to them.

Keywords: digitalization, globalization, digital globalization, digital technologies, Russian city, megapolis, population.

В современном мире вопросы цифровизации и глобализации выходят на первый план практически в каждой науке. Причем речь идет не только о таких, в которых эти положения очевидны, – экономика, информационные технологии и др., но и о языкознании, медицине и т. д.

Благодаря формированию цифровых компетенций у населения России город выходит на новый уровень: в плане инфраструктуры, экосистемы, культуры. Применение цифровых услуг в населенном пункте влияет на благополучное развитие экономики, в частности цифровой экономики. Особого внимания эти вопросы заслуживают в малых и средних городах, так как процесс глобализации не всегда их затрагивает. Жители мегаполисов широко используют цифровые технологии: они совершают покупки, заключают сделки, проводят финансовые операции, заказывают различные услуги государственного и муниципального характера [3]. Социальные слои малых и средних городов не всегда могут этим воспользоваться.

Цифровизация позволяет свободно реализовывать потребительские запросы, а также обеспечивает транспарентность всех финансовых операций. Так, одновременно реализуются два направления – свобода выбора и экономическая ответственность перед государством и самим собой [2, с. 85]. Следует отметить и отрицательное воздействие цифровой глобализации на население. Цифровые технологии модифицируют принципы существования человека: образ российского города приобретает характер виртуального

пространства, хотя с другой стороны, они и обеспечивают человека личной и коллективной свободой [2, с. 84].

В современном городе в эпоху цифровизации и глобализации все больше внедряются технологии искусственного интеллекта, робототехнические устройства, которые имеют значительный эффект на развитие экономической, культурной среды [1, с. 65].

Глобальные потоки данных – это средство повышения социальной, экономической, финансовой активности. Благодаря сбору, обмену информацией, торговли информационными ресурсами происходит сокращение маркетинговых расходов [1, с. 66], что эффективно воздействует на имидж населенного пункта. Цифровизация и глобализация – это возможность расширения экономической деятельности, удовлетворение ожиданий потребителей и инвесторов, получение социальных бонусов [1, с. 66]. Эти процессы способствуют трансформациям, которые оказывают положительное воздействие на социальную жизнь людей, а следовательно, и на внедрение новшеств, улучшение городской инфраструктуры. Все это влечет за собой поднятие российского города на новую имиджевую ступеньку, так как цифровая глобализация непосредственно связана с инновациями, а значит, с созданием нового образа.

Еще одним веянием в цифровизации является дизайн-код, который напрямую влияет на обновление городской среды. Эта техника проектирования дает возможность детально продемонстрировать дизайнерский взгляд. Привлечение цифровых технологий в этой области формирует перспективную площадку для дискуссии архитектурных и пространственных вопросов, а также вопросов урбанизации. Главная задача при этом – затронуть не только крупные российские города, но и провинциальные населенные пункты, которые также нуждаются в трансформациях [6].

Повсеместное применение цифровых технологий ведет к изменениям в отраслях промышленности (в их производственной деятельности), в сфере коммуникации (появление компьютерных сетей – появление новых социальных групп), в сфере культуры, а точнее – нового культурного направления – киберкультуры, которое связано с переоценкой личности, сменой ценностных ориентиров. Воздействию подвергается и интеллектуальная деятельность населения [4, с. 172].

Процессы глобализации, внедрение цифровых технологий имеют определяющее значение при формировании облика российского города. Внедрение и генерирование цифровых технологий способствуют инновационной активности, быстрому перестраиванию экономической городской структуры [5, с. 60].

Таким образом, очевидно, что цифровые технологии – это новый инструментарий эпохи глобализации. Процессы цифровизации и глобализации глубоко проникли и продолжают проникать в современную жизнь. Жители российских городов чувствуют себя значительно комфортнее в цифровом пространстве. Сохранение традиционных архитектурных направлений и появление эпохи цифровых медиа ведут к модификациям городского пространства. Видео-маппинг, видеоинсталляции, внедрение медиафасадов обуславливают создание нового образа города РФ и включенности его в процессы глобализации и цифровизации. Оба этих явления – феномены современного общества, фаза для выхода в глобальный мир.

Литература

1. Гурьянов Н. Ю., Гурьянова А. В. Цифровая глобализация в контексте развития цифровой экономики и цифровых технологий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 63–69.
2. Деева Н. В. Тенденции развития российского гражданского общества в эпоху цифровизации // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 1 (15). С. 82–91.
3. Информационно-аналитическая система Росконгресса. URL: <https://roscongress.org/> (дата обращения: 09.05.2021).

4. Лазар М. Г. Цифровизация общества, ее последствия и контроль над населением Текст научной статьи по специальности «СМИ (медиа) и массовые коммуникации» // Проблемы деятельности ученых и научных коллективов. 2018. № 4 (34). С. 170–181.

5. Махновский Д. М. Глобализация и развитие сети мировых городов // Век глобализации. 2016. № 3. С. 57–70.

6. Наумова О. Г., Елистратова О. В., Хритonenкова О. Г., Латыпова А. А. Дизайн-код российских городов в эпоху цифровизации: общественное обсуждение // Гражданско-правовое регулирование общественных отношений в современной России: сб. науч. ст. и докл. VIII Междунар. науч.-практ. конф. Орел, 5–6 марта 2019 г. / под общ. ред. Д. Л. Цыбакова. Орел : Среднерус. ин-т управления – филиал РАН-ХиГС, 2019. С. 131–134.

УДК 008(571.53)

В. А. Беденко

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ПЕРСПЕКТИВАХ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ Г. ИРКУТСКА)

Исследуется роль культурного наследия как одного из ресурсов, способного простимулировать развитие современных российских городов. На примере Иркутска показывается, что, используя в качестве концептуального фундамента аварийную историческую застройку, возможно создавать качественные общественные пространства с современным благоустройством, способные стать как точкой притяжения местных жителей, туристов, так и экономически прибыльным городским объектом.

Ключевые слова: культура, культурное наследие, общественное пространство, историческая застройка, городская среда.

V. A. Bedenko

Irkutsk State University, Irkutsk

THE POTENTIAL OF CULTURAL HERITAGE IN THE PERSPECTIVE OF URBAN DEVELOPMENT (ON THE EXAMPLE OF IRKUTSK)

The article is a study of the role of cultural heritage as one of the resources that can stimulate the development of modern Russian cities. Using the example of the city of Irkutsk, the author shows that, using damaged historical buildings as a conceptual foundation, it is possible to create high-quality public spaces with modern amenities, which can become a point of attraction for local citizens, tourists, and an economically profitable city object.

Keywords: culture, culture heritage, public space, historical buildings, urban environment.

В условиях XXI в. города выступают базисными географическими площадками, в рамках которых функционирует и развивается общество. Некомфортные для жизни города оказывают деструктивное воздействие на своих жителей, выступают препятствиями для удовлетворения потребностей и, следовательно, замедляют темп развития всего городского сообщества. В свою очередь комфортное городское пространство, характеризующееся сосредоточением в пределах своей территории почти всех необходимых человеку инфраструктурных, экономических, социальных и культурно-духовных ресурсов, является источником социального благополучия и прогресса.

Согласно ежегодно публикуемому Минстроем Российской Федерации Индексу качества городской среды на 2020 г. 66,4 % российских городов признаны неблагоприятными для проживания [3]. Данный процент свидетельствует о том, что больше половины городов России не способны предоставить своим жителям адекватных условий жизни, в которых возможно полноценно удовлетворять потребности и самореализовываться. Люди, постоянно сталкивающиеся с проблемами своего городского пространства (плохой экологией, низким уровнем качества жилья, неразвитостью системы общественного транспорта и т. д.) и тратящие огромное количество времени и сил на их решение, находятся в постоянном напряжении и стрессе, что негативно сказывается на социальном и психологическом здоровье. В связи с этим можно сказать, что низкий уровень качества

городов причиняет вред жителям России и является барьером, замедляющим потенциальный прогресс как отдельных регионов страны, так и всего государства в целом. Исходя из вышеизложенного, актуальной задачей научного сообщества страны и её власти становится поиск эффективных и наименее затратных путей улучшения городского пространства российских городов.

Одним из таких путей может стать переосмысление роли культурного наследия России, предполагающее грамотное использование объектов материальной и духовной культуры страны с целью создания общественных пространств и точек притяжения для городского населения. Выбор культурного наследия в качестве одного из ресурсов стимуляции развития городского пространства имеет ряд преимуществ. Во-первых, культурное наследие – это мощный экономический инструмент, который привлекает инвесторов и создает рабочие места [2, с. 158–159]. Во-вторых, использование культурного наследия упрощает процесс улучшения городов за счет использования уже готового идейно-концептуального фундамента. Например, лицам, занимающимся созданием общественных пространств не нужно придумывать что-то новое с нуля, чтобы создать уникальный и значимый городской объект. Достаточно лишь использовать то, что уже создано культурой, и на базе этого, учитывая современные потребности города, создать что-то полезное, необходимое населению. Это позволяет качественно модернизировать городское пространство, затрачивая меньшее количество интеллектуальных сил. В-третьих, используя культурное наследие, мы защищаем его от уничтожения, реставрируем, делаем привлекательным как для внутренних, так и внешних туристов. Примером, подтверждающим описанное выше и показывающим то, как это может быть реализовано практически, является реализованный в 2008–2011 гг. проект реконструкции исторического центра «Иркутская слобода».

Ещё в XVIII в. территория современной Иркутской слободы (она же «130-й квартал») начала застраиваться жилыми домами, выполненными в самобытном сибирском стиле. Изначально являясь сельским округом, местность из-за отсутствия надлежащего ухода со стороны своих жителей уже к началу XX в. пришла в упадок. Позднее всё усугубилось бездушным отношением советских градоправителей к исторической массовой застройке, которая, по их мнению, считалась «главной помехой» городскому развитию и при возможности уничтожалась [1, с. 24]. В итоге к XXI в. постройки, находящиеся на территории настоящей Иркутской слободы, выглядели не как памятники архитектуры, а как изжившая себя деревня, жители которой живут в аварийных домах, лишенных современных коммунальных удобств.

В 2008 г. Иркутск нуждался в целенаправленном создании качественного общественного пространства для своих жителей, так как на протяжении 15 лет городские территории только уничтожались и застраивались или бездушными торговыми центрами, не носящими архитектурной, исторической и эстетической ценности, или многоквартирным жильём [3].

В сложившихся условиях благодаря инициативе архитекторов М. Г. Мееровича и Е. И. Григорьевой на уровне Правительства Иркутской области был принят проект создания Иркутской слободы, предполагающий регенерацию культурного кода Иркутска в пределах улиц 3-го Июля, Седова, Кожова с целью создания общественно-значимого и полезного (в экономическом, культурном, социальном смыслах) городского пространства. Для реализации проекта были привлечены крупные инвесторы, верившие в экономическую перспективу проекта и заинтересованные в потенциальной прибыли от квартала, которая бы обеспечивалась за счет функционирующих на его территории кафе, ресторанов, магазинов, музеев, гостиниц и торгово-развлекательного центра.

В результате успешной реализации проекта на территории 130-го квартала было открыто более 60 объектов, большинство из которых отреставрированные, восстановленные по архивным чертежам, а также перенесенные из других районов Иркутска исто-

рические здания, являющиеся памятниками российской культуры. Более того, территория квартала получила современное благоустройство, делающее пребывание людей внутри Иркутской слободы комфортным. Красота, шарм исторической застройки и созданное вокруг него достойное общественное пространство, соответствующее потребностям людей XXI в., вызвали взрыв в сознании иркутян: жители города стали видеть в «мерзкой» деревянной застройке «алмазы», ждущие своей огранки и эстетическую ценность сибирской самобытности.

Отметим, что проект удовлетворил не только простых жителей Иркутска, но и городское правительство: оно получило мощную экономическую площадку, окупившую себя за 4–5 лет, создавшую более 2 тыс. рабочих мест и ежегодно приносящую в бюджеты всех уровней 1 млрд руб. налоговых отчислений [5].

В целом можно сказать, что проект регенерации 130-го квартала оказался успешным с точки зрения городского развития: была удовлетворена часть социокультурных потребностей жителей Иркутска, создано место притяжения внутренних и внешних туристов, организовано прибыльное предприятие, стимулирующее город экономически [1, с. 30–31]. Немаловажным является и тот факт, что реконструкция Иркутской слободы защитила культурное наследие не точно, а в масштабах целого квартала, и продемонстрировала, что это может быть финансово и социально-культурно выгодным действием для города.

Таким образом, пример Иркутска показывает, что использование культурного наследия в качестве ресурса развития российских городов имеет большой потенциал, который не должен игнорироваться властями и общественностью. По всей России есть тысячи аварийных исторических домов, образующих сотни районов и кварталов, несущих культурную ценность и являющихся символами нашего прошлого, которые посредством регенерации могут принести городам весомую пользу.

Литература

1. Маркуша М. «Иркутская слобода» / 130 квартал: пятый год эксплуатации // Архитектура и строительство России. 2015. № 11–12. С. 24–33.
2. Сырачева П. В. Влияние сферы культуры на социально-экономическое развитие региона // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 6 (022). С. 158–161.
3. 130-й квартал: какой получилась визитная карточка Иркутска? URL: <https://www.irk.ru/news/articles/20160617/quarter> (дата обращения: 07.05.2021).
4. Индекс качества городской среды. URL: <https://xn----dtbcccstypabxk.xn--p1ai/#/results> (дата обращения: 07.05.2021).
5. Иркутские кварталы. Проект регенерации исторического центра города Иркутска. URL: <https://irkkvartal.ru> (дата обращения: 07.05.2021).

УДК 304.2

А. И. Болдырева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СПЕЦИФИКА ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ПОДРОСТКОВ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Рассматриваются актуальные правонарушения, совершаемые несовершеннолетними за последние 3 года, а также проблемы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в лице перечня организаций, осуществляющих данную деятельность. Приводится статистика количества преступлений по итогам 2019 г. Делается вывод об обоснованной необходимости оказания комплексной и индивидуальной работы с правонарушителями и их семьями. Для понимания специфики профилактики правонарушений несовершеннолетних представлены основные принципы, на которых базируется данная система.

Ключевые слова: правонарушения, несовершеннолетние, безнадзорность, воспитание, коррекция, преступность.

SPECIFIC PREVENTION OF ADOLESCENTS IN THE IRKUTSK REGION

This article discusses the most relevant offenses committed by minors over the past 3 years, as well as the problems faced by the system for the prevention of neglect of juvenile delinquency in the face of the list of organizations carrying out this activity. This article provides statistics on the number of crimes at the end of 2019. Based on the analysis of the number of recorded offenses, we can talk about the justified need to provide comprehensive and individual work with offenders and their families. The article, including for understanding the specifics of the prevention of juvenile delinquency, presents the basic principles on which this system is based.

Keywords: delinquency, minors, neglect, education, correction, crime.

Правонарушения, совершаемые несовершеннолетними детьми и подростками, могут быть самыми разными: жестокость, распитие спиртного, унижение достоинства сверстников, вандализм, все это имеет место существовать в нашей стране. Действия несовершеннолетних правонарушителей отличаются пренебрежением к нормам нравственности, отсутствием стыдливости, нанесением телесных повреждений.

Последние десять лет одним из ключевых национальных приоритетов России является обеспечение безопасности каждой личности и благополучия детства. Защита прав каждого ребенка, создание эффективной системы профилактики правонарушений, совершаемых в отношении детей, и правонарушений самих детей определены ключевыми задачами субъектов профилактики [2].

Вследствие текущего состояния криминогенной ситуации происходит активное формирование системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и улучшение ее характеристик с учетом важных потребностей семьи отдельно, а также всего государства.

В 2019 г. проходило заседание Областной комиссии, на котором рассматривались вопросы о состоянии преступности и правонарушениях несовершеннолетних в 2018 г., а также о ключевых решениях, их результатах и задачах по организации предстоящей профилактической работы в 2019 г.

Вследствие заседания мэрам муниципальных образований области рекомендовали продолжить тесно сотрудничать с правоохранительными и надзорными органами по вопросам, касаемым профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних.

По итогам 2019 г. количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, сократилось до 1266 (снижение на 13,3 %; аналогичный период прошлого года – 1461 преступлений [1, с. 6].

Однако увеличение подростковых преступлений зафиксировано в 12 муниципальных образованиях области: городах Братске (рост на 35,7 %, с 84 до 114), Свирске (+ 25 %, с 4 до 5), Саянске (+ 20 %, с 15 до 18), Ангарском городском округе (+ 23,7 %, со 118 до 146), Зиминском (+ 68,8 %, с 16 до 27), Аларском (+ 11,1 %, с 9 до 10), Куйтунском (+ 38,1 %, с 21 до 29), Тайшетском (+ 65,4 %, с 26 до 43), Казачинско-Ленском (+ 11,1 %, с 18 до 20), Эхирит-Булагатском (+ 42,9 %, с 18 до 20), Ольхонском (+ 33,3 %, с 3 до 4) и Боханском (+ 6,3 %, с 16 до 17) районах области [1].

Следует акцентировать внимание на том моменте, что антиобщественное поведение подростков, зачастую, проявляется в унижении достоинств и нарушении личных границ своих сверстников, а также нередко в распространении гневных слухов, что воспринимается подростками как норма. Это происходит в силу возраста и непонимания последствий своих действий, но данные обстоятельства ни в коем случае не оправдывают поведения подростка.

По этой причине в образовательных организациях, последние 3 года происходит увеличение в штате педагогов-психологов.

Анализируя вышеперечисленную статистику можем заметить, что необходимо уделить внимание улучшению системы профилактики правонарушений подростков. Здесь в

частности, следует учитывать близкое окружение подростка и его сверстников, что играет немаловажную роль в его становлении как личности.

Обратить внимание необходимо также на улучшение правовых и воспитательных норм, а также на медико-социальные меры. Для того чтобы вовремя продиагностировать и в конечном итоге скорректировать антиобщественное поведение несовершеннолетнего, данную работу субъектам профилактики рекомендуется проводить индивидуально и при непосредственном участии родителей.

Как правило, комплексно формируется система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, базируясь на следующих составляющих: во-первых, ключевую роль играют совместные действия ведомств и организаций, субъектов системы. Образуя общую стратегию действий, общее информационное пространство, данные субъекты во взаимосвязи занимаются осуществлением задач и решением проблем по профилактике правонарушений несовершеннолетних.

Во-вторых, для решения поставленных задач важно общее видение цели и значимости совместных действий. В том числе применение на практике эффективных механизмов решения данных задач.

В-третьих, индивидуальное отношение к каждому позволяет быстро, качественно и профессионально оказывать эффективную помощь несовершеннолетним. При определении методов диагностики и коррекции девиантного поведения правонарушителей, в том числе при определении подхода к реабилитации и помощи в выстраивании жизненного пути подростка важным является учитывать их возраст, круг общения, а также психологические особенности.

Четвертой, неотъемлемой составляющей будет являться справедливое распределение обязанностей, времени и затраченных усилий субъектов профилактики для достижения качественного результата. Также это необходимо для дальнейшего анализа результатов проделанной работы.

Профилактическая деятельность в отношении несовершеннолетних на сегодняшний день должна проходить совместно с воспитанием, как неотъемлемая часть. Ее цель – решать задачи, с которыми встречается взрослеющая личность. Профилактика должна включать в себя методы работы культурных и образовательных организаций, а также общественных учреждений.

Посредством профилактики должно быть обеспечено тесное сотрудничество субъектов профилактики, (таких как правоохранительные органы, образовательные и научные центры, государственные учреждения), которое включает в себя планирование и организацию профилактической работы.

Профилактика правонарушений также направлена на подготовку специалистов-профессионалов, которые занимаются оказанием психологической и педагогической помощи подросткам, имеющим проблемы с адаптацией в коллективе, а также несовершеннолетним, находящимся в конфликте с законом, либо имеющим проблемы в семье. Следует заметить, что посредством профилактики происходит процесс правового просвещения подростков, знания которых, зачастую, ограничены.

Также, как упоминалось выше, профилактика включает в себя тесное сотрудничество ее субъектов в том числе для того, чтобы отследить эффективность профилактической деятельности.

В заключение хочется отметить, что в Иркутской области конкретно, основными моментами в работе субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений являются решение задач по профилактике непосредственно подросткового делинквентного поведения, в том числе анализ и выявление обстоятельств, оказывающих влияние на появление противоправного поведения. Работа субъектов также заключается в организации ими индивидуальной воспитательной работы с подростками, в том числе работе с родителями в целях предотвращения социального сиротства.

Преступность несовершеннолетних распространяется на значительные масштабы и требует решительных, энергичных и целенаправленных мер по ее предупреждению. В связи с этим, необходимым является совершенствовать формы и методы работы органов внутренних дел, обеспечивать должным образом их приоритетное кадровое пополнение и материально-техническое снабжение.

Литература

1. Отчет о работе по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на территории Иркутской области в 2019 году // Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав Иркутской обл. Иркутск, 2019. 6 с. URL: <https://irkobl.ru/sites/kdnizp/doc/report/Otchet%20po%20profilaktike%202019.pdf> (дата обращения: 01.04.2021).
2. Распоряжение правительства РФ о развитии системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года от 22 марта 2017 г. № 520-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71543618/> (дата обращения: 01.04.2021).

УДК 37.09

Е. А. Бухарова, П. А. Ершов, Е. В. Решетникова
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ ПЕДАГОГОВ СФЕРЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Рассмотрены ключевые факторы профессионального выгорания педагогов и их влияние на развитие сферы дополнительного образования. Обозначена значимость педагога в осуществлении образовательного процесса в области дополнительного профессионального образования, а также обоснована значимость профессионального выгорания педагогов в данной области системы образования как социальной проблемы.

Ключевые слова: синдром профессионального выгорания педагога, дополнительное профессиональное образование, система образования, педагог.

E. A. Bukharova, P. A. Ershov, E. V. Reshetnikova
Irkutsk State University, Irkutsk

PROFESSIONAL BURNOUT OF TEACHERS IN THE FIELD OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION AS A SOCIAL PROBLEM OF MODERN SOCIETY

The article considers the key factors of professional burnout of teachers and their impact on the development of the field of additional education. In addition, the paper identifies the importance of the teacher in the implementation of the educational process in the field of additional professional education, and also provides a justification for the importance of professional burnout of teachers in this area of the education system as a social problem.

Keywords: professional burnout syndrome of a teacher, additional professional education, education system, teacher.

В современных условиях функционирования системы образования значительную роль играет сфера дополнительного образования, которая предоставляет возможность для непрерывного развития личности индивида. На сегодняшний день система дополнительного образования несет в себе существенную социальную, культурную, психологическую и экономическую функцию, так как предоставляет возможность для вторичной социализации и социально-психологической адаптации индивида, развития его как личности, а также позволяет осуществлять подготовку квалифицированных кадров в соответствии с актуальными потребностями рынка труда. Основным субъектом образовательного процесса, в рамках дополнительного образования, является сам педагог, основная задача которого заключается не только в трансляции знаний и компетенций обучающимся, но и в общем руководстве образовательным процессом. В связи с этим возникновение у педагога синдрома профессионального выгорания нарушает жизнедеятельность всей системы дополнительного образования.

Рассматривая понятие профессиональное выгорание, следует отметить, что в его основе лежит термин «психическое выгорание», которое впервые ввел психолог Х. Фрейденбергер. На сегодняшний день, понятие профессионального эмоционального выгорания подразумевает состояние физического, психического и умственного истощения. В. В. Бойко рассматривает его в качестве выработанного механизма психологической защиты у личности в виде полного или частичного отключения эмоций в ответ на определенные психотравмирующие воздействия [2]. Кроме того, стоит отметить, что выгорание является функциональным и профессиональным стереотипом, позволяющим человеку экономно расходовать собственные личностные ресурсы.

В педагогической сфере деятельности синдром профессионального и эмоционального выгорания представляет особую опасность так как от состояния педагога зависит непосредственно сам образовательный процесс. В целом у педагогов синдром выгорания характеризуется увеличением области экономии эмоций, эмоциональной сухостью, абстрагированием и равнодушием к индивидуальным потребностям учащихся. В связи с этим у педагогов развивается профессиональная деформация в рамках осуществления профессионального общения, и она создает определенные трудности для управления образовательным процессом, оказания необходимой помощи, развития профессионального коллектива.

Развитие синдрома профессионального выгорания у педагогов оказывает влияние не только на его профессиональную деятельность, но и на обучающихся у него людей. В текущих социально-экономических условиях развития системы образования существует акцентуация на становлении института дополнительного профессионального образования, которая обусловлена спецификой рынка труда и потребностью населения. Само понятие дополнительного профессионального образования относится к андрагогике и подразумевает удовлетворение потребностей человека образовательного и профессионального характера, а также оно направлено на его развитие и соответствие квалификационным требованиям профессиональной и социальной среды. Основой формой организации обучающего процесса в рамках этой системы является внедрение специализированных программ, предоставляющих уже взрослым, имеющим определенный уровень подготовки, получить дополнительные актуальные компетенции в сфере своей трудовой деятельности.

Дополнительное профессиональное образование может быть рассмотрено с различных точек зрения, одной из которых является представление его в качестве вида деятельности, нацеленного на самостоятельный выбор обучающимися траектории собственного развития с учетом индивидуальных потребностей. Специфическими характеристиками жизнедеятельности данной системы являются следующие:

1. Удовлетворение познавательного интереса обучающихся неформальным образом.
2. Индивидуализация средств и методов обучения в учебном заведении.
3. Отсутствие обязательного образовательного стандарта [4].

Каждая из представленных характеристик отражает сущность той или иной грани организации учебного процесса в рамках дополнительного профессионального образования. В целом же рассматривая дополнительное профессиональное образование согласно позициям социально-педагогического направления можно отметить, что оно является некой областью, предоставляющей возможность для социализации индивида в ходе его интеграции в социум. В таком случае главным отличием дополнительного профессионального образования является стимулирование самоопределения индивида в обществе.

Роль педагога в организации образовательного процесса в сфере дополнительного профессионального образования заключается не просто в трансляции знаний и компетенций, но и полезного опыта, а также в стимулировании дальнейшего индивидуального развития со стороны обучающихся. Кроме того, ключевой особенностью в данном случае выступает то, что обучающиеся являются уже сформированной и зрелой личностью, поэтому педагогом его рост оказывается опосредованное влияние. Тем не менее образо-

вательный процесс подразумевает коммуникацию между его субъектами, т. е. между педагогом и обучающимся. В связи с этим возникновение у педагога синдрома профессионального выгорания окажет существенное влияние не только на сам процесс обучения и коммуникацию между его участниками, но и на итоговый результат, а именно на подготовленность обучающихся как квалифицированных специалистов, что является основной задачей функционирования системы дополнительного профессионального образования.

Таким образом, подводя итоги, необходимо отметить, что социальная и экономическая значимость развития института дополнительного профессионального образования обусловлена потребностью в подготовке высококвалифицированных кадров, что в свою очередь требует высокой степени самоотдачи со стороны педагога. Педагог, организует образовательный процесс для обучающихся, должен иметь не только соответствующие знания и компетенции, но и психоэмоциональное состояние. Синдром профессионального выгорания сугубо негативно сказывается, как на профессиональных качествах педагога, так и на его психоэмоциональном состоянии, поэтому его возникновение является глубокой социально-психологической проблемой для эффективной реализации образовательного процесса.

Литература

1. Бладыко А. В. Особенности эмоционального выгорания у учителей и преподавателей // Психология: традиции и инновации : материалы I Междунар. науч. конф. Уфа : Лето, 2012. С. 34–39.
2. Выегжанина О. Е. Синдром эмоционального выгорания в педагогической практике // Журнал ГрГМУ. 2010. № 3 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-emotsionalnogo-vygoraniya-v-pedagogicheskoj-praktike> (дата обращения: 14.05.2021).
3. Рукина Н. М. Дополнительное образование взрослых как фактор профессионального развития личности // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. № 4–5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopolnitelnoe-obrazovanie-vzroslyh-kak-faktor-professionalnogo-razvitiya-lichnosti> (дата обращения: 14.05.2021).
4. Фетисова О. В. Специфика дополнительного профессионального образования в современной России // Гуманитарий Юга России. 2017. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifikadopolnitelnogo-professionalnogo-obrazovaniya-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 14.05.2021).

УДК 008(-21)

Р. С. Волкова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ «УМНОГО ГОРОДА»

Освещаются особенности формирования культуры новых городов как «умных городов». Определяется понятие «умный город» в фокусе различных точек зрения, а также основные его составляющие. Обозначаются основные технологии, действующие в рамках программы «умный город» в г. Иркутске.

Ключевые слова: город, умный город, культура, технологический прогресс, цифровые технологии.

R. S. Volkova

Irkutsk State University, Irkutsk

FEATURES OF THE FORMATION OF THE “SMART CITY” CULTURE

The article highlights the features of the formation of the culture of new cities, such as “Smart Cities”. The author defines the concept of “smart city” in the focus of various points of view, as well as its main components. The paper identifies the main technologies operating in the framework of the “smart city” program in Irkutsk.

Keywords: city, smart city, culture, technological progress, digital technologies.

В современную эпоху города становятся не просто местом проживания, а целым живым организмом, изменяясь под влиянием времени и окружающего мира. Для одних городов такой темп развития оказывается успешным и позволяет обрести новый облик, а другие, не выдержав, либо остаются в прежнем состоянии, либо приходят к ещё большему разрыву с остальными городами. Таким образом, формируются городские дистанции. Сегодня города стали своего рода частями системы, позволяющего развивать экономику

страны. Поэтому особое внимание стали уделять развитию цифровых технологий, посредством которых можно зарегистрировать скорость и масштаб изменений. Именно сих помощью станет возможно измерить диапазон городских дистанций.

Ученые уже давно обратили свое внимание на изучение проблематики города. Такие работы, рассматривающие город с точки зрения социологии, начали появляться ещё в XX в. Одним из первых исследователей стал М. Вебер, по мнению которого город, в первую очередь, начинает свое существование не с экономики, а с культуры, что впоследствии и становится для него фундаментом образования надежной экономической структуры [1]. Чтобы всё же определить, что подразумевалось под понятием «умный город», следует также обратиться к зарубежным ученым. Хотя и существует множество определений понятия «умный город», выделим одно, выделенное Х. Партриджу: «Умный город – это город, в котором ИКТ служат гарантией свободы слова и доступа к общественно значимой информации и услугам» [6]. Следует также выделить определение А. О. Веселовой: «...город, эффективно использующий временные и финансовые ресурсы всех жителей для обеспечения более комфортной, безопасной и экологичной жизни в рамках городской среды» [2].

Следует отметить, что сейчас цифровые технологии всё чаще используются для развития современных городов и создания того самого «умного города», способного открыть новые горизонты комфортного проживания для людей. Для современного города уже не в новинку будет решить какую-либо проблему с помощью цифровых технологий. С появлением мобильной связи и интернета для людей открылись новые способы коммуникации не только друг с другом, но и с властями. Чтобы обратиться в местную думу теперь не обязательно приходиться лично, достаточно будет записаться либо по телефону, либо с помощью интернета. Всё это стало началом более эффективного взаимодействия и позволило перевести управление на совершенно иной уровень.

Сертификационный интеллектуально ориентированный подход позволит внедрить цифровые технологии на каждый уровень взаимодействия человека с городом и воплотить в жизнь наиболее целостную версию «умного города». Для функционирования такой системы между каждым звеном должна быть налажена особая связь, которая в последствии сможет помочь не только держать целый город в порядке, но и анализировать обстановку для дальнейшего плодотворного существования. Связать все эти отдельные звенья в единую систему смогут современные технологии коммуникации. Итак, что же такое «умный город», что входит в систему такого города? Для начала это, конечно же, активность населения в решении различных проблем внутри города. Следующим пунктом идеального «Умного города» будет особый интеллектуальный центр для управления всеми процессами, происходящими в городе, т. е. прогнозирование чрезвычайных ситуаций, координация работы аварийных служб и т. п. «Умная» система ЖКХ также является неотъемлемой частью концепции, в нее может входить автоматический сбор данных с счётчиков, регулирование отопления, а также создание благоприятных условий для экономики энергоресурсов. Транспорт также является смысловой единицей нашего смарт-сити, например, создание умных остановок с онлайн-экранами, автоматические штрафы и умные парковки и т. п. Системы видеонаблюдения также должны вносить свою лепту в функционал «Умного города». На сегодняшний день представляет особую важность осуществление контроля экологической ситуации в городе.

В качестве примера рассмотрим реализацию идеи «Умного города» в зарубежных странах. Опыт зарубежных стран показал, что всё появляющиеся новые противоречия в вопросах управления городом вполне возможно решить с помощью вовлечения жителей в процесс управления. Именно это стало главным принципом внедрения новых аспектов цифровых технологий в городскую инфраструктуру. Для более подробного примера реализации концепций «умного города» в России возьмём город Иркутск. В 2019 г. на заседании Центра компетенций по реализации ведомственного проекта цифровизации город-

ского хозяйства, было принято решение о создании рабочих групп для работы над проектом «умный город». На сайте официального портала города Иркутска было сказано, что «группы начнут работу по следующим направлениям: «Городское управление», «Умное ЖКХ, инновации для городской среды», «Умный городской транспорт», «Интеллектуальные системы общественной и экологической безопасности», «Туризм и сервис». В состав групп будут включены сотрудники администрации, представители крупных компаний города» [3]. Первыми в проекте поучаствовала компания «Ростелеком», которая «...установила систему видеонаблюдения в центральных местах отдыха в Иркутске: островах Юность, Конный, на бульваре Гагарина, в мемориальном комплексе «Иерусалимская гора»» [5]. Заместитель директора Иркутского филиала компании также отметил, что их система видеонаблюдения является неотъемлемой частью воплощения концепции «Умного города» в жизнь, так как позволит быстро «реагировать и предотвращать правонарушения» [5]. Также в рамках этого проекта в городе функционирует интернет-портал #ЯИркутянин и различные группы в социальных сетях. Были разработаны единая платформа «Геоортал» и автоматизированная система обработки информации АСОИ «Отходы». Именно в городе Иркутске система «умного города» только начинает набирать обороты в своем развитии, однако уже можно наметить благоприятное развитие систем «умного города» и здесь. Чтобы выяснить, каким образом жители городов относятся к различным воплощениям технологий «умного города», И. А. Журавлева провела комплексное исследование, в ходе которого выяснилось, что такой обширный функционал города может быть принят, а главное – освоен, отнюдь не в каждой сфере своего действия [4]. Автор подчёркивает, что вполне возможно повлиять очень резкий переход и желание властей как можно скорее сделать города «умными».

Таким образом, на сегодняшний день концепция «Умного города» всё еще является одним из перспективнейших проектов обогащения современных городов. По опыту зарубежных стран можно отметить, что одним из наилучших выборов будет создание системы коммуникаций между населением и властью для того, чтобы люди смогли вносить свою лепту в развитие своего города. «Умный город» – это лишь способ сделать жизнь в наших городах еще более комфортной для каждого жителя.

Литература

1. Вебер М. История хозяйства. Город. / пер. с нем.; под ред. И. Гревса. М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2001. 309 с.
2. Веселова А. О., Хацкелевич А. Н., Ежова Л. С. Перспективы создания «умных городов» в России: систематизация проблем и направлений их решения // Вестник ПГУ. Серия: Экономика. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-sozdaniya-umnyh-gorodovv-rossii-sistematizatsiya-problem-i-napravleniy-ih-resheniya> (дата обращения: 06.05.2021).
3. В Иркутске в рамках реализации проекта «Умный город» созданы рабочие группы // Официальный портал города Иркутска: URL: https://admirk.ru/Pages/V-Irkutске-v-ramkah-realizacii-proekta_Umnyy-gorod_sozdany-rabochie-gruppy.aspx (дата обращения: 06.05.2021).
4. Журавлева И. А. «Умные города»: ожидания и страхи горожан // Социология. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/umnye-goroda-ozhidaniya-i-strahi-gorozhan> (дата обращения: 06.05.2021).
5. «Умный» транспорт и «умное» ЖКХ появится в Иркутске. URL: <https://news.rambler.ru/other/42429556-umnyy-transport-i-umnoe-zhkh-poyavitsya-v-irkutске> (дата обращения: 06.05.2021).
6. Partridge H. Developing a human perspective to the digital divide in the smart city // In Proceedings of the Biennial Conference of Australian Library and information Association. 2004. URL: <http://eprints.qut.edu.au/1299/1/partridge.h.2.paper.pdf> (дата обращения: 06.05.2021).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА НОВОГО ФОРМАТА КАК МЕСТО ПРИТЯЖЕНИЯ ГОРОЖАН

Описаны принципы проектирования успешных городских общественных пространств, которые соответствуют потребностям социума и современного человека. Отмечено, что при создании городских пространств необходимо активно вовлекать людей в принятие решений о будущем городских территорий. Приведены примеры новых интересных мест в Москве, Санкт-Петербурге и Владивостоке. Сделан вывод, что задача создания в современных российских городах комфортных для человека территорий остаётся актуальной для проектировщиков.

Ключевые слова: общественные пространства, городское проектирование, потребности горожан, развитие города.

D. A. Goncharova

Far Eastern Federal University, Vladivostok

PUBLIC SPACES OF A NEW FORMAT AS A PLACE OF ATTRACTION FOR CITIZENS

The article describes the principles of design of successful urban public spaces that meet the needs of society and modern man. It is noted that when creating urban spaces, it is necessary to actively involve people in making decisions about the future of urban areas. Examples of new interesting places in Moscow, St. Petersburg and Vladivostok are given. It is determined that the task of creating comfortable territories for people in modern Russian cities remains relevant for designers.

Keywords: public spaces, urban design, needs of citizens, city development.

Тема взаимодействия горожан и общественных пространств сейчас одна из наиболее важных в планировании городов. С течением времени проектировщики поняли, что мало создавать просто архитектуру, они осознали, что так же необходимо обращать внимание на человека, его потребности и взгляды на жизнь в городской среде. Так человек стал важнейшим фактором для дальнейшего планирования жилых районов и городов в целом.

Города меняются под влиянием различных факторов, например тенденциям социально-экономического развития, появлению новых технологий и строительных материалов, влиянию идей социологов и урбанистов и запросам общества. Канадско-американская писательница, активистка, теоретик городского планирования и одна из основоположниц движения нового урбанизма Джейн Джекобс считала, что, если бы градостроители и архитекторы уделяли больше внимания жизни улицы, а не видели в ней лишь пустое пространство между зданиями, наши города были бы совершенно иной более приятной средой обитания.

Проблемой современных городов является неорганизованность общественных пространств. Общественные (публичные) пространства стали важнейшей составляющей устойчивого развития современного города. Обустройство таких пространств является главным инструментом развития городов. Прежде всего внимание проектировщиков обращено на существующие пространства, но требующие значительных изменений, чтобы можно было смело сказать, что они соответствуют запросам горожан и их безопасности. Но также проектируются новые места для проведения досуга и коммуникации между людьми, так как города продолжают застраиваться и новые районы требуют своей инфраструктуры.

Каким же должно быть общественное пространство? Публичные пространства в городе, это прежде всего открытые пространства, которые предназначены для пребывания и коммуникации людей. Чтобы происходило это взаимодействие между горожанами и различными организациями должны соблюдаться некоторые необходимые правила организации пространств. Архитектор, планировщик и исследователь из Великобритании Мэттью Кармона выделил в одной из своих статей 7 принципов проектирования успешных общественных пространств. Так они должны быть чётко отделены от частных по-

строек и быть общедоступными, привлекать горожан своим внутренним устройством, показывать оснащённость всем необходимым для пребывания людей и свой социокультурный потенциал, иметь баланс автомобильных проездов и пешеходных зон, быть комфортными и безопасными, а также надёжными и адаптируемыми к изменениям. Если эти принципы соблюдаются, то городская среда наполняется разнообразными местами, где можно провести досуг с пользой и комфортом [6].

Мы живём в обществе, где человек развивается, проживая среди других людей. Поэтому задача города – создать благоприятную среду обитания. С ранних лет люди коммуницируют друг с другом, с родителями, учителями в школах и вузах, работодателями, друзьями. Эти взаимодействия воспитывают характер и отношение к окружающему миру, к среде, укрепляют социальные связи. Таким образом, одним из основных принципов создания современного общественного пространства является формирование возможностей для укрепления связей в социуме. Французский философ-марксист, автор радикальных публицистических работ по проблемам города – Анри Лефевр в 1967 г., опубликовал статью «Право на город». В этой статье он «кричит», что горожанин имеет право на участие в жизни города и должен играть главную роль в принятии решений о дальнейшем планировании города. Так же он подчеркнул право на использование городских пространств. Важно чтобы каждый понимал, что частью города мы становимся именно благодаря вовлечённости в его жизнь. Лефевр призвал народ к переосмыслению повседневной жизни [1].

Человек XXI века продолжает стремиться к жизни в интересной и наполненной эстетикой среде. Право человека на такую среду составляет предмет и цель современного градостроительства. Потребности культурного развития активируют необходимость наличия условий для комфортного и культурного досуга в городе. Появились новые инструменты для участия горожан в проектировании городских пространств, такие как общественные обсуждения, слушания, голосования по выбору объектов благоустройства. Города, в которых появляются и развиваются эти элементы, демонстрируют рост активности горожан, что в последствии может привести к повышению уровня удовлетворённости городской средой. В последние годы во Владивостоке такую деятельность активно ведёт Дирекция общественных пространств. Вовлечённость горожан осуществляется благодаря комплексу мер, направленных на стимулирование развития различных форм досуга и социальную активность.

Представляется также интересным рассмотреть примеры современных общественных пространств в нескольких российских городах, которые иллюстрируют внимание властей к потребностям горожан и их культурному развитию.

Район «Флакон», г. Москва. Бывший дизайн-завод «Флакон» и «Хлебозавод» объединились в новом формате и под одним названием – Район «Флакон». Он стал частью города, благодаря ежедневному взаимодействию с жителями района и формированию живой экосистемы внутри площадок и вокруг себя. Район «Флакон» стал центром притяжения для горожан и туристов. Пространство, где можно дать волю своему творчеству и самовыражению. Сейчас на территории: многочисленные шоу-румы локальных брендов, творческие студии, мастерские, рестораны, кафе, образовательные площадки, рекламные и event агентства, а также площадки для концертов, спектаклей, перформансов, конференций и фестивальных событий, зелёные зоны для отдыха, открытые спортивные площадки. Всё то, что необходимо человеку для проведения досуга в свободное время [4].

Новая Голландия, г. Санкт-Петербург. Это современное пространство для проведения досуга и участия в различных культурных и развлекательных мероприятиях города. Согласно концепции бюро *WorkAC*, проект которых выиграл в 2011 г., Новая Голландия должна стать «городом в городе», в котором можно посетить выставочные залы, музеи, посмотреть театральные постановки и провести время с семьёй. Свободная от застройки территория была трансформирована в летний парк с обширной программой культурных мероприятий [3].

Рис. 1, 2. Район «Флакон», г. Москва

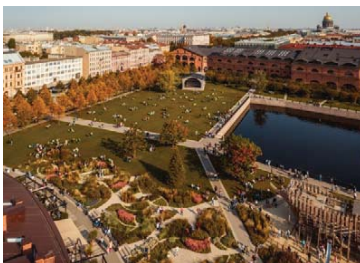

Рис. 3. Осень 2020 г. в Новой Голландии

Рис. 4. Лето 2019 г. в Новой Голландии

Многие российские города лишены крупных пространств, в которых можно было бы организовывать мероприятия, и горожане могли бы проводить свой досуг. Во Владивостоке есть ЦСИ «Заря». На территории центра представляются лучшие достижения современной культуры России и мира, оказывается поддержка местного художественного сообщества. «Заря» показывает жителям и гостям Владивостока лучшие российские выставки, создаёт собственные выставочные проекты, ориентированные на развитие локальной художественной сцены и привлечение к работе в Приморье кураторов, искусствоведов, музейных профессионалов самого высокого уровня [5].

Рис. 5, 6. ЦСИ «Заря»

Тем не менее, Владивосток нуждается в небольших органично вписанных в среду города. Одним из немногочисленных примеров является Пушкинский сквер. По замыслу архитекторов это пространство должно стать магнитом для горожан и туристов, новым общественным местом, где можно проводить литературные чтения, устраивать концерты

и транслировать фильмы на пилоны моста. Главная цель – привлечь внимание горожан к Пушкинскому скверу и всей улице Пушкинской, как к одной из самых исторически привлекательных и уютных улиц города [2].

Рис. 7. Арт-проект «А где Пушкин?» 2020 г.

Рис. 8. Пушкинский сквер

Итак, формирование комфортной городской среды является приоритетным направлением проектирования современных городов. В зависимости от формата использования улицы, она может иметь разное назначение, например продвижения активного образа жизни, физических упражнений, деловых событий, ресторанных дней или арт-фестивалей, концертов и литературных вечеров.

Также в последние несколько десятилетий внимание проектировщиков обращено к главному действующему лицу в городе, к человеку. У человека фиксируется потребность в общении и активности вне работы и дома. Под влиянием этого появились новые места для проведения досуга, где на выходных, в праздничные дни устраиваются различные мероприятия, развлекательного характера, познавательного или направленные на поддержание здоровья. Так город наполняется жизнью, общественные пространства становятся не пустыми площадями между постройками, а привлекательными для местных жителей и туристов местами.

Литература

1. Холлис Л. Города вам на пользу: Гений мегаполиса. Гл. 5, 6 : пер. с англ. М. : Strelka Press, 2015. 432 с.
2. «А где Пушкин?»: во Владивостоке прошёл первый вечер в формате открытого микрофона. URL: <https://prim.news/2020/07/17/a-gde-pushkin-vo-vladivostoke-proshyol-pervyj-vecher-v-formate-otkrytogo-mikrofona-foto>: (дата обращения: 27.04.2021).
3. Новая Голландия. Новейшая история. URL: <https://www.newhollandsp.ru/history/recent-history> (дата обращения: 27.04.2021).
4. Район «Флакон». URL: <https://kudamoscow.ru/place/dizajn-zavod-flakon> (дата обращения: 20.04.2021).
5. Центр современного искусства «Заря». URL: <http://zaryavladvostok.ru/ru/page/about> (дата обращения: 27.04.2021).
6. Carmona M. Principles for public space design, planning to do better // Urban Des Int 24. 2019. P. 47–59.

**ТЕХНОЛОГИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ
КАК СРЕДСТВО КОНТРОЛЯ И УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМИ
ПОТОКАМИ В КРУПНОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ
(НА ПРИМЕРЕ Г. ИРКУТСКА)**

Статья посвящена анализу установления и распространения технологий распознавания лиц в российских городах. Рассмотрена область применения систем идентификации и ее влияние на трансформацию городского пространства. Особое внимание уделено негативным последствиям внедрения биометрических технологий в жизнь горожан. На примере Иркутска исследован процесс распространения технологий распознавания лиц и реакция граждан на данные изменения.

Ключевые слова: технологии распознавания лиц, идентификация, биометрия, городское пространство, городская реальность.

K. E. Gritskikh
Irkutsk State University, Irkutsk

**TECHNOLOGIES OF POPULATION IDENTIFICATION AS A MEANS OF CONTROL
AND MANAGEMENT OF PUBLIC FLOWS IN A LARGE RUSSIAN CITY
ON THE EXAMPLE OF IRKUTSK**

The article is devoted to the analysis of the establishment and spread of face recognition technologies in Russian cities. The scope of application of identification systems and its influence on the transformation of urban space are considered. Particular attention is given to the negative consequences of the introduction of biometric technologies in the life of citizens. On the example of Irkutsk, the process of spreading face recognition technologies and the reaction of citizens to these changes are investigated.

Keywords: face recognition technologies, identification, biometrics, urban space, urban reality.

В эпоху цифрового общества произошла существенная трансформация понимания городского пространства. Теперь современный взгляд на город осуществляется через призму биометрических технологий. Новшество в виде повсеместно распространенных технологий распознавания лиц уже давно является признаком обыденной жизни горожанина и неотъемлемой частью современной городской реальности. Научно-технический прогресс в городе призван решать проблему безопасности, поэтому появление системы средств «умного видеонаблюдения» было связано, в первую очередь, с выявлением правонарушителей и налаживанием общественного порядка. Впоследствии поле деятельности биометрических технологий стало расширяться, появилась тенденция к применению данных технологий не только у государственных структур, но и у частного, коммерческого сектора. Обратной стороной данного процесса стало нарастание недоверия граждан к политике государства, а также появления чувства тревоги и страха.

С каждым годом рост технологий на рынке биометрии происходит все стремительнее, так, например, на 2019 г. в РФ в следствие развития технологий распознавания лиц, данный рынок увеличился на 36 % [2]. На сегодняшний день концепция «умного города» является доминирующим вектором в развитии современных городов России. В область применения биометрических технологий в городе входят функционирование банковской системы, работа учреждений культуры и образования, бизнес-структур, а также функционирование таких важных сфер, как строительство и ЖКХ. Согласно ФЗ от 31.12.2017 г. № 482-ФЗ о «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в компетенции банков теперь включен сбор персональных данных посредством интеллектуальных систем идентификации и аутентификации [7]. С 2020 г. в Москве был установлена самая инновационная система распознавания лиц, на которую власти города потратили около 3 млн долларов [6]. Несколько десятков тысяч камер в Москве уже успешно работают в системе «умного видеонаблюдения». Производитель данных технологий, российский разработчик, заявляет, что программы NtechLab способ-

ны за считанные секунды сравнить фотографию идентифицируемого прохожего с базой данных разыскиваемых преступников. Технологии модифицируют новую городскую реальность и влияют на правовую ответственность населения. Например, в мире ИТ-технологий уже появились первые высокотехнологичные очки для полицейских, которые смогут предупреждать представителя органов по охране общественного порядка о приближающемся разыскиваемом человеке, сообщать его ближайшее местоположение и последние передвижения. Система видеонаблюдения активно используется для регистрации нарушителей правил дорожного движения (ПДД), причем как автомобилистов, так и пешеходов. Во многих торговых центрах и офисных помещениях технологии распознавания лиц работают в качестве пропускной системы, позволяющей также контролировать рабочее время сотрудников или доступ к определенным охраняемым объектам. В сфере ЖКХ биометрические технологии тоже нашли применение. В рамках проектов по благоустройству и созданию комфортной городской среды, в жилых районах стали устанавливать в подъездах домофоны с видеонаблюдением, помогающие жильцам отслеживать проходимость и исключать ситуации случайных прохожих в доме. Кроме того, существует мнение, что правильно выверенная система слежки – это единственно возможный способ предотвращения катастрофы и сохранения цивилизации от самоуничтожения [5].

Несмотря на улучшение качества жизни в городской среде, вокруг использования биометрических технологий возникло противоречие, связанное с рисками для прав и свобод населения. Современные города стали все больше «сковывать» личное пространство горожан «искусственными границами» с помощью ИТ-технологий. На смену предполагаемому чувству безопасности, которое должны осуществлять технологии, приходит чувство тревожности за свою частную жизнь. Это связано с прогрессивным ростом числа компаний, занимающихся разработкой технологий биометрии: российская технология FindFace от компании NtechLab, общедоступный проект FindClone, позволяющий находить людей по фото в социальных сетях, российская разработка 3Divi, способная распознавать лица, объекты и жесты, а также проект Rankone и др. [1, с. 40–42]. Важно понимать, что вместе с развитием тотального видеонаблюдения и контроля в государстве будут созданы условия для действия тоталитарного политического режима, а в обществе начнет процветать недовольство, проявление которого будут носить массовый характер и выражаться на митингах, выступлениях общественности, с помощью пикетов. Мишель Фуко отмечал, что общество, в котором власть выступает ограничителем свободы, оставаясь незаметной, приближено к «дисциплинарному идеалу». Современный социум, в понимании французского философа, представляет собой образцовую модель дистанцированного постоянного контроля, осуществляемого за счет технологий централизованного наблюдения [3, с. 125]. Другим важным аспектом применения технологий распознавания лиц является риск допущения технической ошибки: признание невиновного человека разыскиваемым преступником, злоупотребление и нецелевое использование полученными персональными данными.

В крупных городах РФ биометрические технологии распространяются таким образом, что создают крепкую, неразрывную сеть контроля над обществом. Чем стремительнее происходит данное распространение и внедрение технологий идентификации, тем больше населением ощущается утрата свободы как таковой. Горожанами ощущается утрата анонимности, стресс и напряженность, связанные с постоянной «слежкой». В крупных городах Сибири использование систем распознавания лиц и «умного» видеонаблюдения постепенно становится городской реальностью. Несмотря на отсутствие массового информирования населения и публичного обсуждения включения технологий идентификации в городское пространство, они уже стали его частью, например, в административном центре Иркутской области. В Иркутске с 2019 г. действует учреждение «Безопасный регион», которое осуществляет охранительную деятельность, мониторинг,

прогнозирование, предупреждение катастроф и угроз посредством сбора и анализа информации, полученной камерами видеонаблюдения и датчиками контроля пожаров и т. д. В городе установлено около 60 комплексов камер, фиксирующих нарушения ПДД, метеорологические датчики, отслеживающие состояние окружающей среды, а также «интеллектуальные» домофоны, которые с помощью камеры помогают не только отследить проходимость в жилом доме, но и наблюдать в режиме онлайн за близлежащей территорией вокруг дома, парковкой [4].

Таким образом, на сегодняшний день уверенным шагом в развитии городского пространства стали успехи научно-технического прогресса в виде инновационных систем распознавания лиц. Массовая установка и стремительное распространение биометрических технологий нередко становится причиной общественного резонанса, который сопровождается высоким уровнем недовольства и дополнителным волнением. По этой причине внедрение подобных технологий в городское пространство должно быть обоснованным, для этого следует привлекать специалистов для проведения социологических исследований на предмет уровня преступности в городе, количества нарушений ПДД, а также необходимо освещать данные нововведения в информационном поле, чтобы население было проинформировано, а также смогло выразить свое мнение на этот счет. Важно поддерживать взаимодействие государства и общества, чтобы в итоге получалось благоприятное эффективное сотрудничество.

Литература

1. Барашко Е. Н., Мазуренко С. О., Шадрин А. А. Современные решения идентификации человека. Распознавание лиц // The Scientific Heritage. 2019. № 42. С. 40–42.
2. Пешкова И. Кто и как использует технологии распознавания лиц в России? // Rusbase. 2019. URL: <https://rb.ru/longread/facial-recognition/> (дата обращения: 01.05.2020).
3. Толвайшиц Л. Л. Управление процессом внедрения биометрических технологий в Сербии: взаимодействие государства и общества // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 124–128.
4. Чистякова В. Чрезвычайные ситуации под контролем // IRK.ru. 2019. URL: <https://www.irk.ru/news/articles/20191022/region/> (дата обращения: 01.05.2020).
5. Шеварднадзе С. «Уязвимый мир»: шведский философ – о будущем человечества, тотальной слежке и искусственном интеллекте // RT на русском. 2019. URL: <https://russian.rt.com/science/article/698590-shvedskii-filosof-intervyu-slezhka-budushee> (дата обращения: 01.05.2020).
6. Как Москва получила за 3,2 млн долларов лучшую в мире систему распознавания лиц. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/392303-kak-moskva-poluchila-za-32-mln-luchshuyu-v-mire-sistemu-raspoznvaniya-lic> (дата обращения: 01.05.2020).
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31.12.2017 № 482-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286744 (дата обращения: 01.05.2020).

УДК 316.334

Ю. А. Дашицыренова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК ВАЖНЫЙ ИНДИКАТОР СОСТОЯНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

С позиции социального аспекта рассматривается фактор психологического здоровья как важного индикатора состояния современного общества. Приводится анализ понимания данного термина, а также всевозможные меры по улучшению сложившейся в обществе ситуации. Изучаются различные варианты формирования благоприятной психологической среды, приводятся обоснованные аргументы в пользу подобных инициатив, а также обозначаются ключевые факторы психологического здоровья, имеющие большую роль в современных социальных реалиях.

Ключевые слова: психическое здоровье, психологическое здоровье, общество.

PSYCHOLOGICAL HEALTH AS AN IMPORTANT INDICATOR OF THE STATE OF MODERN SOCIETY

The article considers the factor of psychological health from the position of the social aspect as an important indicator of the state of modern society. The article analyzes the understanding of this term, as well as all kinds of measures to improve the situation in society. The author of the article examines and studies various options for the formation of a favorable psychological environment, makes reasonable arguments in favor of such initiatives, and also identifies the key factors of psychological health that play a large role in modern social realities.

Keywords: mental health, psychological health, society.

Всемирная организация здравоохранения определяет психическое здоровье как «состояние благополучия, в котором каждый человек реализует свой собственный потенциал, может справляться с обычными жизненными стрессами, может работать продуктивно и плодотворно» [1]. В этом случае отсутствие психического расстройства не обязательно означает наличие хорошего психического здоровья. С другой стороны, люди, живущие с психическим расстройством, также могут достичь хорошего уровня благополучия, проживая приносящую удовлетворение, значимую и полезную жизнь в пределах ограничений болезненных, тревожных или изнурительных симптомов.

Поэтому естественно, что психическое здоровье считается «свободным от психических заболеваний». Было замечено, что лишь небольшая часть людей, не страдающих обычным психическим расстройством, психически здоровы (процветают). Полностью психически здоровый (без 12-месячного психического расстройства) и процветающий человек в современном обществе характеризуется наименьшим количеством пропущенных рабочих дней, наименьшим количеством сокращений рабочего дня на полдня или больше, наиболее здоровым психосоциальным фоном (например, отсутствие беспомощности, четкие жизненные цели, высокая устойчивость), наименьший риск сердечно-сосудистых заболеваний, наименьшее количество хронических физических заболеваний с возрастом, наименьшее количество ограничений для здоровья в повседневной деятельности и более низкий уровень использования здравоохранения.

Психические расстройства включают тревогу, депрессию, шизофрению, алкогольную и наркотическую зависимость. Общие психические расстройства могут возникать в результате стрессовых переживаний, но могут возникать и в отсутствие таких переживаний; стрессовые переживания не всегда приводят к психическим расстройствам. Многие люди страдают первоначальными психическими расстройствами, что означает плохое психическое здоровье, которое не достигает порогового уровня для постановки диагноза психического расстройства. Психические расстройства и подпороговые психические расстройства затрагивают значительную часть населения. Менее используемый термин «психическое заболевание» относится к депрессии и тревоге (также называемым распространенными психическими расстройствами), а также к шизофрении и биполярному расстройству (также называемым тяжелым психическим заболеванием) [2]. В странах по всему миру необходимо смещение акцента на профилактику распространенных психических расстройств, таких как тревога и депрессия, путем воздействия на социальные детерминанты здоровья, а также на улучшение лечения существующих состояний. Необходимы действия, поскольку многие причины и пусковые механизмы психического расстройства лежат в социальной, экономической и политической сферах – в условиях повседневной жизни.

Отличие психологического здоровья от психического, главным образом заключается в том, что психическое здоровье имеет отношение к отдельным психическим процессам и механизмам, а психологическое – относится к личности в целом и позволяет выделить собственно психологический аспект проблемы психического здоровья в отличие от медицинского аспекта.

Термин «психологическое здоровье» был введен в научный лексикон автором Дубровиной, которая считает, что психологическое здоровье является необходимым условием полноценного функционирования и развития человека в процессе его жизнедеятельности. Неоспорима и связь психологического здоровья с физическим.

Действия по поддержке психологического здоровья на уровне общества обеспечивают платформу для развития и улучшения социальных норм, ценностей и практики, одновременно поощряя расширение прав и возможностей сообщества и его участия. Центральным элементом ряда подходов, основанных на сообществе, является осознание того, что изменения в обществе лучше всего достигаются путем вовлечения людей. Это изменение вызвано усилиями по улучшению ключевых детерминант психологического здоровья, включая социальную инклюзивность, свободу от дискриминации и насилия и доступ к экономическим ресурсам. К сожалению, во многих странах с низким и средним уровнем дохода отсутствуют адекватные человеческие ресурсы для оказания основной психиатрической помощи и вмешательств.

Действия по поддержке психологического здоровья посредством воздействия окружающей среды (как искусственного, так и естественного) могут напрямую влиять на психологическое и физическое здоровье посредством ряда различных процессов. Искусственная среда важна как для психологического, так и для физического здоровья и часто может снизить риски, связанные с инфекционными заболеваниями, психологическими расстройствами и плохим психологическим здоровьем. Понимание того, как факторы окружающей среды влияют на психологическое здоровье, выросло за последнее десятилетие, но большинство исследований и фактических данных сосредоточено в странах с высоким уровнем доходов.

Тем не менее исследований в этой области, как правило, мало, особенно в странах с низким и средним уровнем доходов. Часто улучшения в искусственной среде не отслеживаются на предмет их воздействия на психологическое здоровье. Систематический обзор программ благоустройства трущоб в странах с низким и средним уровнем доходов показывает, что ряд мер может положительно повлиять на психологическое (и физическое) здоровье за счет снижения риска воздействия факторов стресса, травм и передачи болезней. Конкретные меры включают улучшение водоснабжения и санитарии, модернизацию энергетической инфраструктуры, строительство новой транспортной инфраструктуры, снижение экологических опасностей, улучшение систем управления отходами и улучшение жилищных условий. Доступ к природной среде и открытым пространствам также жизненно важен для хорошего психологического здоровья. По оценкам, почти половина населения мира в настоящее время проживает в городских районах, лишенных естественной среды и связей с природой. Жизнь в непосредственной близости от окружающей среды и занятия на свежем воздухе, такие как ходьба, бег, езда на велосипеде, верховая езда и садоводство, имеют известные преимущества для психологического здоровья. Эти виды деятельности уменьшают стресс, тревогу и депрессию, а также приносят пользу для психологического здоровья от физических упражнений (как в помещении, так и на улице). В ряде стран с высоким уровнем доходов, включая Японию, США и Великобританию, были реализованы эффективные меры по улучшению связи людей с природой и увеличению активности на свежем воздухе. Были задокументированы многочисленные преимущества для психологического здоровья, в том числе: улучшение концентрации внимания среди детей с СДВГ после прогулок в парках; и улучшили производительность и настроение сотрудников после установки растений в офисы.

Взгляд на весь жизненный путь подразумевает признание того, что психологическое здоровье на каждом этапе жизни находится под влиянием как уникальных, так и общих факторов на разных этапах жизни, и признание того, что психологическое здоровье накапливается на протяжении всей жизни. Соответствующие профилактические вмешательства и стратегии должны соответствовать различным этапам жизни. Во мно-

гих случаях организации, в которых люди участвуют на разных этапах жизни, являются наиболее подходящими для проведения соответствующих мероприятий – например, в начале года, в школах, офисах. Поскольку ожидается, что доля пожилых людей в мире значительно вырастет в течение следующих нескольких десятилетий, подход, учитывающий все этапы жизни, станет еще более важным для обеспечения хорошего психологического и физического здоровья, а также для профилактики психологических расстройств в течение всего периода жизни.

Социальные детерминанты здоровья формируют и глубоко влияют как на психологическое, так и на физическое здоровье. Кроме того, взаимосвязь между физическим и психологическим здоровьем указывает на то, что плохое физическое здоровье может вызывать психологические расстройства и наоборот. Уменьшение неравенства в области психологического здоровья невозможно без уменьшения неравенства в отношении физического здоровья. Следовательно, подход, основанный на социальных детерминантах здоровья, должен учитывать последствия как для психологического, так и для физического здоровья в рамках всех действий по преодолению неравенства в отношении здоровья.

Необходимо уделять больше внимания психологическому здоровью во всех странах мира. В частности, необходимо повысить приоритетность психологического здоровья в странах с низким и средним уровнем доходов, где этот вопрос часто плохо понимается и / или не признается в качестве серьезной проблемы для здоровья. Повышение осведомленности и понимания психологического здоровья также должно совпадать с увеличением выделения финансовых, медицинских и человеческих ресурсов на борьбу с психологическими расстройствами и сокращение неравенства. Необходимо делать достаточные инвестиции в политику, направленную на улучшение психологического здоровья, частично за счет понимания финансовых, а также социальных издержек психологических расстройств для сообществ и стран.

Прогрессу в разработке политики часто препятствует краткосрочное мышление. Как уже упоминалось, подход к социальным детерминантам психологического здоровья, который включает перспективу на протяжении всей жизни, потребует долгосрочной и устойчивой политики, направленной на сокращение неравенства в отношении здоровья посредством развития сообществ, наращивания потенциала, партнерства и создания местных институтов на протяжении всей жизни. Поэтому жизненно важно, чтобы политики уделяли больше внимания продолжительности программы здравоохранения и ее долгосрочным последствиям, уделяя особое внимание обеспечению устойчивости действий [3].

Для реализации действий по профилактике и лечению психологических расстройств на местном уровне необходимо создать системы и процессы для предоставления информации. В зависимости от предполагаемого действия необходимы разные виды информации, они включают:

- Информация о распространении психологических расстройств на местном уровне.
- Информация о том, сколько людей с психологическими расстройствами имеют доступ к эффективному лечению, а также о неудовлетворенных потребностях в терапии.
- Информация о социальных, экономических и экологических факторах стресса. Об этом можно узнать через взаимодействие с сообществом, попросив членов сообщества определить источники психологического стресса в их районе. Процессы участия на местном уровне позволяют местным жителям находить решения и реализовывать меры.
- Знания о местных активах и ресурсах, в том числе о том, как местные социальные, экономические и экологические факторы способствуют возникновению или уменьшению психологического стресса.

– Оценка всех местных инициатив развития с точки зрения их потенциального воздействия на справедливость в области психологического здоровья (как могут быть затронуты различные группы), особенно с психологическими расстройствами.

– Синергия между вмешательствами: информация о том, как на психологическое здоровье и его социальное распределение влияют вмешательства, направленные на улучшение аспектов местных образовательных услуг, медицинских услуг, искусственной среды, окружающей среды, транспорта, возможностей получения дохода.

Такая информация жизненно важна для создания аргументов в пользу действий и поддержки действий на местном уровне. В идеале стратегии национального уровня должны обеспечивать основу и поддержку для действий на местном уровне. Чтобы действия на местном уровне были эффективными и устойчивыми в долгосрочной перспективе, необходимо реализовать общенациональные стратегии для решения глубоко укоренившихся структурных проблем, возникающих из-за неравного распределения власти, денег и ресурсов.

Стратегии на уровне страны, вероятно, окажут значительное влияние на сокращение неравенства в области психологического здоровья и имеют наибольший потенциал для охвата больших групп населения. Широкий спектр действий на страновом уровне, включая сокращение бедности и эффективную социальную защиту на всех этапах жизни, сокращение неравенства и дискриминации, предотвращение войн и насильственных конфликтов, а также содействие доступу к занятости, здравоохранению, жилью и образованию, может иметь положительные последствия для психологического здоровья. Особое внимание следует уделять политике, которая касается:

- Лечение материнской депрессии.
- Раннее развитие детей.
- Ориентация на семьи, содержащие людей с психологическими расстройствами, в программах борьбы с бедностью.
- Социальное обеспечение безработных.
- Политика в отношении алкоголя.

Все эти области имеют особенно сильные ассоциации с психологическими расстройствами и имеют четкий градиент социального класса.

Литература

1. Байкова Л. А. Психология здоровья: социальное здоровье детей и молодежи : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2019. 216 с.
2. Петряков П. А., Шувалова М. Е. Проектное обучение основам здорового образа жизни : учеб. пособие для среднего проф. образования. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2019. 197 с.
3. Тихомирова Л. Ф., Макеева Т. В. Здоровьесберегающая педагогика : учеб. для акад. бакалавриата. М. : Юрайт, 2019. 251 с.

УДК 316.334.56(571.1/5)

А. С. Задорин

*Научный руководитель: Н. А. Орлова, канд. социол. наук, доцент
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток*

РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Исследуются основные аспекты, связанные с историей развития городов. Рассматриваются основные модели городского развития, предложенные в рамках основных социологических парадигм. Обозначается, что на сегодняшний день актуальны программы разумного роста городов, устанавливающие оптимальные границы их развития.

Ключевые слова: урбанизация, социология города, модели развития городов, городская среда, программы городского развития.

URBAN DEVELOPMENT: HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECTS OF THE PROBLEM

The article presents the main aspects related to the history of urban development. The main models of urban development proposed within the framework of the main sociological paradigms are also considered. In general, the programs of reasonable urban growth that set the optimal boundaries for their development are relevant today.

Keywords: urbanization, urban sociology, urban development models, urban environment, urban development programs.

История развития городов насчитывает достаточно длительный период, начиная с неолитической революции, и широкую географию – от Месопотамии до Азии и Америки. Древние города отличались не только географическим разнообразием, но и разнообразием форм и функций. Теории, которые пытаются объяснить древний урбанизм одним фактором, таким как экономическая полезность, не учитывают вариации, задокументированные археологами. Раскопки ранних городских поселений показывают, что одни города были малонаселенными политическими столицами, другие были торговыми центрами, а третьи были в основном религиозными.

Зачем вообще были основаны города? Недостаточно доказательств, чтобы спорить об условиях, в которых возникли первые города, но некоторые теоретики размышляют о том, что, по их мнению, является предпосылками и механизмами, которые могли бы объяснить рост городов. Считается, что города были основаны после неолитической революции с распространением сельского хозяйства. Появление сельского хозяйства заставило охотников и собирателей отказаться от кочевого образа жизни и поселиться с другими людьми, которые жили за счет сельскохозяйственного производства. Сельское хозяйство дает больше продуктов питания, что способствует увеличению плотности населения и, таким образом, поддерживает городское развитие. Эти условия кажутся важными требованиями для городской жизни.

Комфортная окружающая среда и сильная социальная организация – две предпосылки для успешного города. Хорошая окружающая среда включает чистую воду и благоприятный климат для ведения сельского хозяйства. Сильное чувство социальной организации помогает вновь сформированному городу работать вместе в трудные времена, а также позволяет людям развивать различные функции, которые способствуют будущему развитию города (например, фермер или торговец). Без этих двух сходств, а также без передовых сельскохозяйственных технологий новообразованный город вряд ли добьется успеха.

У городов могут быть и другие преимущества. Например, города сократили транспортные расходы на товары, людей и идеи, объединив их в одном месте. Уменьшая эти эксплуатационные расходы, города помогли повысить производительность. Наконец, города, вероятно, выполняли важную функцию защиты людей и ценностей, которые они начали накапливать. Некоторые теоретики предполагают, что люди, возможно, объединились, чтобы сформировать города как форму защиты от мародерствующих варварских армий.

В то время как древние города могли органично возникнуть как торговые центры, доиндустриальные города превратились в четко определенные политические образования, такие как сегодняшние государства. В средние века в Европе город был столько же политическим образованием, сколько и совокупностью домов. Однако политические формы были разными. В континентальной Европе в некоторых городах были свои законодательные органы. В Священной Римской империи в некоторых городах не было другого хозяина, кроме императора. В Италии средневековые коммуны обладали государственной властью. В исключительных случаях, таких как Венеция, Генуя или Любек, сами города становились могущественными государствами, иногда брали под контроль прилегающие территории или создавали огромные морские империи. Подобные явления

существовали и в других местах, как в случае Сакаи, который пользовался значительной автономией в позднесредневековой Японии.

В индустриальную эпоху города быстро росли и становились центрами населения и производства. Рост современной промышленности с конца 18 века привел к массовой урбанизации и появлению новых крупных городов сначала в Европе, а затем в других местах, поскольку новые возможности привели большое количество мигрантов из сельских общин в городские районы.

Основные тенденции развития городов представлены в рамках следующих основных моделей. Модель концентрических колец была предложена социологом Эрнестом Берджессом в 1924 г. на основе его наблюдений в Чикаго [цит. по: 2]. Данная модель основана на теориях экологии человека, которые сравнивают город с экосистемой с процессами адаптации и ассимиляции. Городские жители естественным образом занимают соответствующие экологические круги или ниши, в зависимости от сословия и культурной ассимиляции.

В 1939 году экономист Гомер Хойт адаптировал модель концентрических колец, предложив, чтобы города развивались в секторах, имеющих форму клина, а не в кольцах. Определенные районы города более привлекательны для различных видов деятельности, будь то случайность или географические/экологические причины. По мере того, как эти виды деятельности процветают и расширяются вовне, они образуют клинья, становясь городскими секторами. Как и модель концентрических колец, отраслевую модель Хойта критиковали за игнорирование физических характеристик и новых транспортных схем, которые ограничивают или направляют рост.

Многоядерная модель была разработана в 1945 г. для объяснения образования городов после распространения автомобилей. Люди стали более мобильными за счет увеличения числа автовладельцев, что делает региональные центры более специализированными. В городе есть несколько центров, вокруг которых вращается вся деятельность. Некоторые виды деятельности привлекают определенные узлы, в то время как другие пытаются их избежать.

Для объяснения городской структуры в странах третьего мира была разработана нерегулярная модель. Эта модель включает блоки без фиксированного порядка; городская структура не связана с центром города или центральным торговым районом.

Городская структура может также относиться к городской пространственной структуре; расположение общественных и частных пространств в городах, а также степень связности и доступности. В этом контексте городская структура ассоциируется с расположением центрального делового района, промышленных и жилых районов и открытых пространств.

Просторы города имеют рекреационную, экологическую и эстетическую ценность для горожан. Они могут варьироваться от ухоженной среды до естественных ландшафтов. Обычно они открыты для публики, но могут находиться в частной собственности. Открытые городские пространства дают возможность отдохнуть от городской среды и могут повысить экологическую ценность, повышая осведомленность граждан об их естественном окружении и обеспечивая сохранение биоразнообразия природы.

Можно сказать, что города – это динамичные места: они растут, сжимаются и изменяются. Социологи разработали различные теории, чтобы размышлять о том, как меняется городское население.

В городской социологии доминировала идея о том, что города, по сути, являются контейнерами для человеческих действий, в которых участники конкурируют друг с другом за наиболее стратегические области территории, а рынок недвижимости отражает состояние этой конкуренции. Теория машины роста изменила курс городской теории, подчеркнув, что земельные участки не были пустыми полями, ожидающими человеческих действий, а были связаны с конкретными интересами: коммерческими, сентимен-

тальными и психологическими. Другими словами, граждане боролись не только за землю; они также пытались удовлетворить свои интересы и достичь конкретных целей. В частности, города формируются интересами людей, чьи недвижимые активы приобретают ценность по мере роста городов.

Независимо от того, объясняется ли он старыми теориями естественных процессов или теорией машины роста, факт роста городов неоспорим: в течение 20 века города росли быстро. В некоторых случаях этот рост плохо контролировался, что приводило к явлению, известному как разрастание городов. Разрастание городов подразумевает рост городов в автономных и малонаселенных сельских районах, высокую сегрегацию землепользования (например, торговые точки, расположенные далеко от жилых районов, часто в крупных торговых центрах или торговых центрах), а также конструктивные особенности, которые способствуют развитию автомобильной зависимости.

Раздельное землепользование из-за разрастания городов означает, что места, где люди живут, работают, делают покупки и играют, находятся на большом расстоянии, что часто делает невозможными пешие прогулки, использование общественного транспорта или езду на велосипеде. В результате жители вынуждены пользоваться автомобилем. Разрастание городов, как правило, связано с низкой плотностью населения: частные дома на больших участках вместо многоквартирных домов, малоэтажные или цокольные дома вместо высотных зданий, обширные газоны и наземные автостоянки.

Критики разрастания городов утверждают, что они создают негостеприимную городскую среду и вторгаются в сельские земли, потенциально повышая цены на землю и вытесняя фермеров или других сельских жителей. Разрастание городов также связано с негативным воздействием на окружающую среду и здоровье людей, многие из которых связаны с автомобильной зависимостью: увеличение личных транспортных расходов, загрязнение воздуха и зависимость от ископаемого топлива, увеличение количества дорожно-транспортных происшествий, задержка реагирования для служб скорой медицинской помощи и уменьшение количества и качество земли и воды.

Некоторые предполагают, что разрастание городов обусловлено потребительскими предпочтениями; люди предпочитают жить в менее плотных, более тихих и частных сообществах, которые они считают более безопасными и более расслабленными, чем городские районы. Эти предпочтения перекликаются с общей критикой городской жизни, которая имеет тенденцию сосредотачиваться на упадке города. По мнению этих критиков, деградация городов вызвана чрезмерной плотностью и перенаселенностью городов и перемещает жителей, создавая условия для разрастания городов.

Альтернативная теория предполагает, что плотность не вызывает преступности, а преступность не заставляет людей покидать город; когда люди уезжают, городские кварталы заброшены, что приводит к преступности и упадку. Эта теория, известная как теория разбитых окон, утверждает, что небольшие признаки пренебрежения, такие как разбитые окна и плохо ухоженные газоны, создают впечатление, что территория находится в состоянии деградации [2; 3].

Города отреагировали на коллапс и неконтролируемое развитие, запустив программы обновления городов. Два конкретных типа программ восстановления городов – «Новое городское планирование» и «Умный рост» – пытаются сделать города более благоприятными и пригодными для жизни.

Программы разумного роста устанавливают границы развития городов, чтобы они были плотно и компактно застроены. Помимо увеличения плотности города, городские черты могут защитить окружающие сельхозугодья и дикую природу. Программы разумного роста часто включают цели развития, сфокусированные на общественном транспорте, чтобы стимулировать эффективные системы общественного транспорта и повысить комфорт велосипедистов и пешеходов.

Литература

1. Гринин Л. Е. Производительные силы и исторический процесс. М. : КомКнига, 2006. 272 с.
2. Gill T. No Fear Growing up in a risk averse society. London: Calouste Gulbenkian Foundation, 2007. 96 p.
3. Kuo F. E., Sullivan W. C. Environment and Crime in the Inner City: Does Vegetation Reduce Crime? // Environment and behavior. 2001. Vol. 33, Issue 3. P. 343–367.

УДК 316.422.42

А. Л. Зацепин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА САЯНСКА

Исследуется современное социально-экономическое и демографическое положение г. Саянска Иркутской области. Выделются ключевые проблемы социального развития Саянска и определяются стратегические направления социально-экономического развития города на основе взаимодействия государственного и муниципального уровней управления.

Ключевые слова: город Саянск, социально-экономическое положение, демография, государственное и муниципальное управление, стратегическое развитие.

A. L. Zatsepin

Irkutsk State University, Irkutsk

STRATEGY OF SOCIAL DEVELOPMENT OF THE SAYANSK CITY

The article describes the current socio-economic and demographic situation of the Sayansk city in the Irkutsk region. The author identifies the key problems of social development of the Sayansk city and defines the strategic directions of socio-economic development of the city based on the interaction of the state and municipal levels of government.

Keywords: the Sayansk city, socio-economic situation, demography, state and municipal management, strategic development.

Рассматривая современный город как некое особое социокультурное пространство, нельзя не отметить такие его отличительные особенности как историческая преемственность, непрерывность, способность влияния на формирование человека, личности, что позволяет воспринимать его как некий организм, который функционирует, растет, развивается, изменяется. Это дает городу возможность сохранять своё социокультурное наследие и постоянно обновляться и самовоспроизводиться за счет появления новых социокультурных слоев общества. Этот процесс обновления, реновации, в большей или меньшей степени бесспорно присущ каждому городу, начиная от малых городов до крупных региональных и городов-мегаполисов федерального значения, от самых молодых до городов с многовековой историей. Одним из таких городов, в котором происходит современная реновация, является один из самых молодых и развивающихся городов Иркутской области – город Саянск.

Из краткой истории возникновения и развития города Саянска известно, что город Саянск был основан в 1970 г., и приобрел статус города в 1985 г. Город расположен на реке Оке (приток Ангары), в 270 км от Иркутска, в 9 км от федеральной трассы Р255 «Сибирь» (ранее М53 «Байкал»), в 28 км от железнодорожной станции Зима [1].

Город имеет уникальную и славную историческую преемственность своего становления, поскольку Саянск проектировался на основе и опыте строительства города Ангарска, а тот, в свою очередь, вобрал в себя научно-технические и культурные достижения северной столицы России – города Санкт-Петербурга.

По официально опубликованным данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области демографическая составляющая населения города Саянска, к большому сожалению, имеет отрицательную динамику: 2002 г. – 43468 человек, 2010 г. – 40800 человек, 2020 г. – 38820 человек [5]. Наблю-

дается существенное снижение численности населения. При среднем возрасте жителей 36 лет [2], естественный прирост населения всё же оказывается недостаточным для компенсации миграционного оттока населения. Это обстоятельство является очень серьезным основанием для пересмотра стратегии социально-экономического развития города Саянска, и является наиболее актуальным для жизнедеятельности и социального развития города.

Как известно, реновация может рассматриваться не только как обновление культурно-социально-экономической сферы, но и как обновление благоустройства города, требуемое в следствии необходимости устранения серьезных дефектов инженерных систем города, дорожного покрытия, зданий и сооружений, возникших вследствие старения или под воздействием метеоусловий.

Достижение полного сочетания этих двух факторов: наличие социально-экономической защищенности каждого гражданина и создание комфортной, экологически чистой городской среды, безусловно может и должно являться конечной целью государственного и муниципального управления, в вопросе благоустройства гражданского общества.

Таким образом, развитие современного города, в том числе города Саянска, неизбежно и закономерно предполагает решение следующих управленческих задач:

1. Формирование стратегии социально-экономического развития города, на государственном и муниципальном уровнях, в среднесрочной перспективе развития.
2. Создание комфортной городской среды.
3. Обеспечение благоприятного качества окружающей среды (экологии).
4. Создание условий улучшения динамики демографической составляющей населения города.
5. Создание условий для повышения качества медицинских и образовательных услуг населению.
6. Поддержание благоустройства города (работа коммунальных служб города).

От надлежащего уровня и качества решения приведенных основных задач зависит благоприятное развитие современного города.

Для города Саянска, безусловно, значимым является то, что в решении второй и третьей задачи по созданию комфортной городской среды и обеспечению благоприятного качества окружающей среды, в настоящее время принимают участие региональный и федеральный уровни государственной власти, это такие реализуемые программы:

– государственная программа Иркутской области: «Формирование современной городской среды» на 2018–2024 гг., утвержденной постановлением Правительства Иркутской области от 31.08.2017 г. № 568-пп [4];

– государственная программа Иркутской области: «Охрана окружающей среды» на 2019–2024 годы, утвержденной постановлением Правительства Иркутской области от 29.10.2018 № 776-пп [4];

При поиске решения первой и четвертой задач развития города Саянска, по формированию стратегии социально-экономического развития города и улучшению динамики демографической составляющей, необходимо принять во внимание и учитывать следующие данные. Распоряжением Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р «Об утверждении перечня моногородов» город включён в категорию «Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода), в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения [1]. Градообразующим предприятием города Саянска является АО «Саянскхимпласт» [1]. Штатная численность сотрудников АО «Саянскхимпласт» на 01.01.2020 составила 3066 человек [3]. Нехваткой достаточного количества рабочих мест для населения г. Саянска, очевидно, и обусловлен миграционный отток жителей, согласно выше приведенной статистике Иркутскстата.

Осуществляемые государственные программы Иркутской области: «Формирование современной городской среды» и «Охрана окружающей среды» в городе Саянске до 2024 оказывает содействие в занятости и финансовой поддержке части населения города, но вместе с тем, по окончании реализации этих госпрограмм и финансовой поддержки, оказываемой их реализацией, может обернуться в ближайшие годы ухудшением социального положения жителей, ростом безработицы и увеличением миграционного оттока населения города. Таким образом, формирование стратегии социально-экономического развития города, на государственном и муниципальном уровнях, является объективной необходимостью.

Вполне естественно, что при существующих условиях, Саянску необходимо переходить из состояния монопрофильного города к многопрофильному. Предложения здесь могут быть разными, и прежде всего по рассмотрению социально-экономического положения иных малых городов, успешно решивших экономический вопрос, в том числе малых городов других регионов. Решение может находиться в наиболее простом, как например, формирования предприятий легкой и пищевой промышленности: организация мануфактуры, производство тканей, текстиля, одежды; кооперация с Зиминским районом, разведение животноводства и т. д. Но без государственной поддержки и софинансирования всё это достаточно сложно, в том числе по вопросу права земельного собственности. Однако с учетом присвоения г. Саянску категории зоны территории опережающего развития, соответствующая государственная программа с долевым финансированием могла бы быть подготовлена в качестве опытной программы.

Для успешного решения вопроса демографической составляющей, методы и наработки решения проблемы достаточно научно изучены и наработаны. Поскольку вопрос демографии наиболее актуален для молодых людей, и заключается, главным образом, в отсутствии собственного или муниципального жилья, то подход к решению и должен лежать в предоставлении нуждающимся молодым семьям муниципального жилья, иными словами – его государственном строительстве. Это тоже может быть реализовано городом с помощью государственной программы Иркутской области. И в качестве дополнительной меры поддержки семей, имеющих двух и более детей, Правительство Иркутской области могло бы взять на себя решение земельного вопроса при бесплатном предоставлении молодым семьям земельного участка вне города (в прилегающих деревнях), для ведения личного подсобного хозяйства и, возможно, не только в рамках города Саянска.

Рассматриваемые вопросы успешного развития (реновации) современного города требуют комплексного подхода для их качественного разрешения, и для этого, несомненно, требуется тщательная взвешенная проработка решения имеющихся задач социально-экономического и демографического развития г. Саянска Иркутской области, возможностей их оптимальной, в том числе финансовой, реализации, и планомерное, а также последовательное, неуклонное их выполнение.

Литература

1. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 04.04.2021).
2. Официальный сайт Администрации городского округа муниципального образования город Саянск. URL: <http://www.admsayansk.ru> (дата обращения: 04.04.2021).
3. Официальный сайт Всероссийской системы данных о компаниях и бизнесе. URL: <https://zachestnyibiznes.ru> (дата обращения: 04.04.2021).
4. Официальный сайт Правительства Иркутской области. URL: <https://irkobl.ru/> (дата обращения: 04.04.2021).
5. Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат). URL: <https://irkutskstat.gks.ru> (дата обращения: 04.04.2021).

**ЦЕННОСТИ И ОДИНОЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ**

Статья посвящена вопросу взаимосвязи ценностей и феномена одиночества. Затрагиваются точки соприкосновения города и человека на ценностном уровне. Доказывается, что одиночество является атрибутом современного города посредством сосуществования старых и новых ценностей.

Ключевые слова: идеалы, город, формирование ценностей, одиночество.

V. E. Kablukova
Irkutsk State University, Irkutsk

**VALUES AND LONELINESS IN A MODERN CITY: SOME ASPECTS
OF THE RELATIONSHIP**

This article is devoted to the question of the relationship between values and the phenomenon of loneliness. The work touches upon the points of contact between the city and the person at the value level. It has been proven that loneliness is an attribute of a modern city through the coexistence of old and new values.

Keywords: Ideals, city, value formation, loneliness.

В современном обществе существует проблема потери старых идеалов и ориентиров жизни и поиск новых в рамках города. Анализируя город как целостную экосистему, которая несет в себе намного больше смысла, чем просто место обитание, важно понимать, что он живет и развивается наравне с другими системами, адаптируясь под влиянием постоянно изменяющихся процессов. Человек в городе существует как носитель городской среды с системой своих собственных ценностей.

Поиск новых ценностей начинается с образа города и попытки почерпнуть из него что-то важное для себя. Внутренний образ города, по мнению Ю. С. Попруженко и В. П. Гриценко – это понимание, выстроенное гражданами города на основе взаимодействия со всеми элементами городской среды. Такой образ может быть сформирован только в том случае, когда человек пережил все экономические и социальные проблемы, а после нашел плюсы и обрел какие-то чувства к городу в котором живет. В современных реалиях города люди стали одинокими, никто не знает соседей по лестничной площадке как раньше, из-за множества историй о преступлениях все перестали доверять друг другу, а из-за стремительного развития интернета, люди находят новые способы развлечения, например фильмы, игры и общение в социальных сетях. Это можно объяснить большим количеством страхов, многие из которых воспитывают в нас с самого детства и для решения этой проблемы нужно искать первопричину. Зигмунд Бауман писал, что «город – это свалка страхов и опасений, порождаемых глобально вызванной неуверенностью и неопределенностью; но город – это также учебная площадка, на которой могут быть опробованы и, в конечном итоге, освоены и применены средства ограничения и преодоления этой неуверенности и неопределенности» [1]. Всё это вызывает кризис связей и чувство ненужности. В связи с этим, в рамках города формируются иные ценности, люди все больше чувствуют необходимость быть причастными к группе.

12–13 января 2018г. был проведен всероссийский опрос об одиночестве «ВЦИОМ-Спутник»[2]. В опросе приняли участие россияне в возрасте от 18 лет, всего было опрошено 2000 респондентов. Использовался метод телефонного интервью, со случайной выборкой стационарных и мобильных номеров. Согласно этому опросу, на втором месте причин одиночества современного человека оказалось развитие интернета и средств связи, подменяющих живое общение. И если в 2010 г. такой ответ выбрало только 14 %, то в 2018г. уже 34 % [2].

Раньше взаимодействия в группе были чем-то обыденным, люди не обращали на это внимания, но теперь это потребность, которую осознанно или нет, чувствует почти

каждый. Сейчас это новый идеал, который люди ищут в рамках города. Он удовлетворяется по средствам клубов по интересам, объединениям, кружкам, более того, теперь политические партии, профсоюзы и благотворительные фонды – это яркий пример причастности к общему делу.

В заключение отметим, что современный город олицетворяет, как множество проблем, так и возможностей. Прослеживается процесс быстрой смены в рамках города старых ценностей новыми. Одиночество как одна из ключевых проблем городской жизни закономерно приводит к появлению этих ценностей. Но очевидным остается одно, человек неразрывно связан с тем местом, в котором живет.

Литература

1. Город страхов, город надежд. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/463695340/?page=1&*=bMGnT196tb3Ix8%2BAGPC7r1hXvXh7lnVybcI6lnhLW1haWw6Ly8xNzU2NDAzODU0Njc0NTM0NzlvMS41IiwidGl0bGU0i0iYXVtYW5feI9nb3JvZF9zdHJha2hvdI9nb3JvZF9uYWwRlemhkLnBkZiIsIm5vaWZyYWV1IjpmYWxzZSwidWlkjoiNDYzNjk1MzQwIiwidHM0OjE2MTk4NzQxNzQ4MzgsInl1Ijo1MTM5M5TYyMDY2MTU4MTgzMTE1NiJ9 (дата обращения: 22.04.2021).
2. Данные опроса ВЦИОМ об одиночестве. URL: <https://psy.su/feed/6652> (дата обращения: 22.04.2021).
3. Лисаченко А. В. Геномные технологии XXI века: в поисках новых ценностей // Технологии XXI века в юриспруденции. 2020. С. 214–219.
4. Нечушкин А. Ю. Консолидирующие ценности для россиян: поиск и конструирование новых интеграторов для общества // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 7. С. 45–49.
5. Попруженко Ю. С. Понятия «образ» и «облик» города // Культура и время перемен. 2018. № 1(20). С. 31.

УДК 316.36

П. В. Кирпиченко

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ОБРАЗ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ

Конструируется модель современной городской семьи, описываются ее качества. Выделяются факторы, влияющие на увеличение разводов.

Ключевые слова: семья, трансформация семьи, образ жизни, развод.

P. V. Kirpichenko

Irkutsk State University, Irkutsk

THE LIFESTYLE OF A MODERN URBAN FAMILY

The article builds a model of a modern urban family. The qualities inherent in an urban family are described. The factors that influence the growth of divorces are highlighted.

Keywords: family, family transformation, lifestyle, divorce.

Семья является одной из главных институтов общества. Вопросы, проблемы семейных отношений есть и будут всегда актуальными, особенно в условиях постоянных трансформаций. Советский социолог А. Г. Харчев дал следующее определение термину семья: «Семья – это исторически-конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми; это малая социальная группа, члены которой связаны брачными или родительскими отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [1]. Таким образом, можно понять, что семья нужна для развития общества.

Общество не стоит на месте, постоянно происходят интенсивные социальные изменения. Меняется и сам человек, происходит трансформация его понимания о смысле жизни, способах существования, изменяются нравственные ориентиры и т. д. Следова-

тельно, меняется и образ семьи, а особенно динамическое изменение образа характерно для городских семей.

Большое количество ученых соглашаются с тем фактом, что многие факторы влияют на жизнеустройство и образ городской семьи, семья постоянно преобразуется, видоизменяется, поэтому требуется постоянная поддержка и коррекция.

Одной из главных отличительных черт городской семьи является количество членов семьи. Большие члены становятся единичными случаями, а родственники подчас бывают едва знакомы. В современных городах тенденция идет на нуклеарные семьи, т. е. семьи, в состав которых входят только родители и дети. Одна из причин исчезновения расширенных семей, где представители 2–3-х поколений ведут совместное хозяйство и организуют быт, заложена в процессе урбанизации [2]. И процессы индивидуализации и либерализации также отложили свой отпечаток на возникновение нуклеарных семей. По данным Федеральной службы государственной статистики в России более 42 млн семей, примерно 80 % из них состоят из супругов и детей, т. е. являются малыми [3]. Помимо нуклеарных семей, появляется тенденция на молодые семьи, которые проживают удаленно от места проживания родителей, такие семьи называют неолокальные. Причинами для появления неолокальных семей могут послужить жизненные ситуации, например, обучение членов семьи, престижное место работы и т. д.

Отличительной чертой современной городской семьи является и возраст вступления в брак. Если раньше молодые люди вступали в брак только по воле своих родителей, то сейчас они избавлены от такой необходимости и сами принимают решение в каком возрасте и с кем заключать брак. Если говорить о предпочтениях современных городских людей, то средний возраст заключения брака для девушек составляет 25 лет, а для мужчин – 27 [3].

Люди XXI века стали меньше смотреть на представления о жизни и моральные ограничения, которые были заложены давно и распространялись традициями. Сейчас человек настраивает календарь важнейших событий своей жизни исходя из личных предпочтений, конкретных обстоятельств и социально-экономических положений страны. Параллельно с этими изменениями и под их влиянием меняется и вся система социально одобряемых ценностей.

В семейной жизни современной семьи присуще равноправие, а в некоторых главенствующая роль принадлежит женщине, которая принимает все важные решения и занимается воспитанием детей. Если продолжать рассматривать семьи с детьми, то для них характерна тенденция в ограниченном общении друг с другом, так как родители большую часть времени находятся на работе, а детьми занимаются посторонние люди. В дошкольном возрасте они под контролем нянь или сотрудников детских садов, а позже ответственность за воспитание возлагается на школу. Также в современных городских семьях все ценности взаимоотношений, проявления чувств любви, заботы становятся привычными и носят общий характер как должно быть. Еще одно качество, которое присуще городской семье, это то, что в свободное время члены семьи пытаются «сбежать с каменных джунглей», уединиться на природе, отвлечься от суеты городского ритма, вдохнуть свежий воздух. И найти возможность встретиться с родными и близкими людьми не только в виртуальном мире, но и в реальном. Стоит отметить, что процесс коммуникации семьи с обществом не такой активный как был раньше. Семьи закрываются от посторонних глаз, и все общение происходит только с узким кругом «избранных» лиц.

К большому сожалению, все эти качества городских семей, отсутствие должного внимания друг к другу, бешенный ритм жизни, недопонимание, недосказанность и т. д. приводят к конфликтам в семье, а в последствие к разводу. Согласно статистике, «в пятидесятые года количество разводов на 1000 заключенных браков составило приблизительно 120. Официальная статистика в России дает на этот период показатель, свидетельствующий о том, что около 12 % пар расходятся в этот исторический период страны.

Это один из самых высоких показателей за весь оставшийся период в России по сегодняшний день. На данном этапе развития страны распадаются меньше всего пар. Дальше ситуация с процентами разводов в России только усугублялась: за первое десятилетие нового столетия ситуация выглядела слишком пагубно, правда только в первой половине (приблизительно с 2000 по 2005 г.). Браков было слишком мало – до 1 млн, и на фоне этого число расторжений было слишком большим. Цифра колебалась от 600 000 до 800 000. Таким образом расторжение отношений в России происходило в 6 или 8 случаях из 10. Затем ситуация несколько улучшилась. Число браков было пиковым в 2011–2012 гг. и составило более 1 300 000. А вот число разводов в этот период несколько снизилось и колебалось около отметки 700 000. Стоит отметить, что дальше статистика расторжения в России по годам, вплоть до 2018 г. остается неизменной с того момента – в среднем составляет около 610 000» [3].

Подводя итог, можно сделать вывод, что образ современной городской семьи очень сильно изменился. Семья уже не будет прежней, но необходимо сохранить хотя бы базовые её функции. Поэтому крайне важно подойти к решению проблем современной семьи с особой ответственностью, пониманием, гуманностью и доброжелательностью.

Литература

1. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М. : Мысль, 1979. 367 с.
2. Новосёлова Е. Н. Традиционная семья в большом городе: социальный атавизм и необходимая ценность // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnaya-semya-v-bolshom-gorode-sotsialnyy-atavizm-i-neobhodimaya-tsennost> (дата обращения: 06.05.2021).
3. Статистика браков и разводов по данным Росстат. URL: <https://rosinfostat.ru/braki-razvodi> (дата обращения: 06.05.2021).

УДК 316.443

Е. Е. Киселева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ЭЛИТНОЕ ЖИЛЬЕ В Г. ИРКУТСК КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА

Анализируется рынок недвижимости Иркутска. Акцентируется внимание на выявление самых «богатых» районов города и их сравнение с районами среднего и низшего классов. Определяются основные социально-экономические последствия появления «элитного» жилья в столице Восточной Сибири.

Ключевые слова: социальное неравенство, пространственная сегрегация, социология города, престижное жильё.

Е. Е. Kiseleva

Irkutsk State University, Irkutsk

ELITE HOUSING IN IRKUTSK AS AN INDICATOR SOCIO-ECONOMIC INEQUALITIES OF CITY RESIDENTS

The article provides an analysis of the real estate market in Irkutsk. Special emphasis is placed on identifying the most “affluent” areas of the city and comparing them with those of the middle and lower classes. The main socio-economic consequences of the appearance of “elite” housing in the capital of Eastern Siberia are determined.

Keywords: social inequality, spatial segregation, sociology of the city, prestigious housing.

Восточная столица Сибири – г. Иркутск по праву может считаться одним из важнейших экономических центров региона. Концентрация материальных благ, получаемых из различных отраслей: торговли, энергетической сферы, лесобработывающей промышленности и других, превышает показатели всех остальных городов Иркутской области. В связи с этим существует проблема неравномерного распределения ресурсов, когда большая часть материальных благ сосредоточена в руках относительно малочисленной груп-

пы лиц. Следствием пространственной сегрегации можно считать появление в городе большого количества элитной недвижимости, недоступной по бюджету основной массе населения. Целые микрорайоны со своими школами, детскими садами и другой инфраструктурой становятся закрытыми, недоступными объектами для большей части жителей города, что сильнее актуализирует проблему социального неравенства. «Богатые» не желают видеть на своей территории другие категории жителей города, и в силу их привилегированного положения (как в экономическом, так и в политическом планах), всеми способами устанавливают контроль над своим пространством.

Социология города остается одним из доминирующих направлений науки об обществе. Среди современных российских социологов, работающих в данной отрасли следует упомянуть Л. Бляхтера, А. Карпова, С. Чуйкину, С. Барсукову и др. Актуальность данных работ связана с тем фактом, что города нельзя считать статичным предметом исследования, следовательно прогнозирование и изучение динамики их изменчивости являются важными векторами деятельности ученых. Также необходимо выделить ученых, которые занимаются изучением социального неравенства: Л. Беляеву, Л. Овчарову, С. Ярошенко, Н. Тихонову, М. Горшкова и др. Деление общества на классы по различным критериям ведется еще со времен Аристотеля, но с течением времени данные критерии модифицируются вследствие изменения самого общества, поэтому исследование социального неравенства и его факторов остается актуальным и по сей день.

Цены на рынке недвижимости в г. Иркутск значительно разнятся в зависимости от расположения квартир. Расположение включает в себя отдаленность от центра города, близость основных объектов инфраструктуры, экологическую обстановку и другие показатели. Анализ, приведенный в данной статье, базируется на основе оценки наиболее ликвидного жилья – квартир-студий и однокомнатных квартир новой планировки. Все данные были получены с популярных интернет-платформ поиска недвижимости. Для простоты сравнения предлагаем выделить три зоны на рынке жилья по расположению: Свердловский район, Октябрьский и Правобережный округа.

Одними из самых дорогих квартир в г. Иркутске находятся в микрорайоне Солнечный Октябрьского административного округа. Близость к берегу р. Ангары, удобные транспортные развязки, наличие поблизости школ и детских садов, множества продовольственных магазинов и объектов спорта и отдыха делают Солнечный одним из самых востребованных микрорайонов города. Цена за 1 кв. м начинается от 105 тыс. руб. во вторичных домах и от 130 тыс. руб. в домах новой постройки. Для сравнения можно привести цены деревянных построек в районе улиц Байкальская и Советская Октябрьского округа, что сравнительно недалеко от «элитного» Солнечного, стоимость недвижимости за кв. м. здесь варьируется от 40 тыс. руб. до 60 тыс. руб.

Другим районом города с дорогой недвижимостью является микрорайон Академгородок, расположенный в Свердловском районе г. Иркутска. Академгородок идеально подходит для спокойной семейной жизни, здесь есть большая больница, две школы, одна из которых построена в 2019 г., современный спорт-парк с колесом обозрения, множество магазинов и детских площадок. Стоимость 1 кв. м в новостройках варьируется от 110 тыс. руб. до 115 тыс. руб., в домах старой постройки квартиру можно приобрести от 95 тыс. руб. за кв. м. Значительно контрастируют цены на недвижимость в микрорайоне Березовый Свердловского района (приблизительно 15 минут на общественном транспорте до Академгородка), цена за 1 кв. м. начинается от 60 тыс. руб.

И, наконец, самые дорогие квартиры в Иркутске расположены в самом центре города. Близость ко всем основным местам отдыха и досуга, активная городская жизнь, школы и больницы, близость к набережным Ангары и Иркуты, множество ресторанов и кафе поблизости – привлекает в эту часть Правобережного округа города самых зажиточных его жителей. Цены на квартиры в новостройках начинаются здесь от 150 тыс. руб. за кв. м, во вторичном жилье стоимость 1 кв. м начинается от 120 тыс. руб. Пример-

но в 10 минутах езды от центра города находится микрорайон предместье Марата, который входит в состав Правобережного округа, квартиру здесь купить можно от 40 тыс. руб. за 1 кв. м.

По данным Иркутскстата за 2020 г., средняя зарплата в городе составляла чуть больше 48 тыс. р. [2]. Можно сделать вывод о том, что цены на недвижимость в престижных районах значительно превышают возможности граждан на их покупку. Следовательно, возникает большая концентрация «богатых» людей в тех или иных районах города, а местные жители вынуждены покидать свои дома в связи с невозможностью проживать там. Низкий уровень доходов большей части населения, высокие цены на жилье, невыгодная процедура ипотечного кредитования стирают возможности для появления высокого уровня внутригородской мобильности. Такая ситуация позволяет нам предположить о том, что стремительно появляются закрытые престижные районы, вход в которые доступен только для привилегированного слоя населения, для самых обеспеченных жителей города. В связи с заметным повышением цен на недвижимость за последний год, ситуация с делением городских районов на «элитные» и «рабочие» может стать только хуже. Как мы знаем из зарубежного опыта, последствиями территориальной сегрегации могут стать не только высокий уровень напряженности в обществе, но и появление настоящих гетто, что только усугубит проблемы городской среды.

Литература

1. Обирин А. И. Неравенство в пространстве города. Элитное и социальное жилье, пространственная сегрегация г. Хабаровска. // Социология и философия. Вестник ТОГУ. 2011. № 1 (20). С. 223–230.
2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области: официальный сайт. URL: <https://irkutskstat.gks.ru/> (дата обращения: 23.04.2021).
3. Интернет-портал поиска недвижимости Циан : офиц. сайт. URL: <https://irkutsk.cian.ru/> (дата обращения: 22.04.2021).

УДК 681.51(-21)

Е. А. Коган

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Исследуются основные особенности внедрения цифровизации в городское пространство, ее положительные и отрицательные черты. Рассматриваются технологии цифровизации, ее виды и влияние на жизнь людей. Основное внимание уделяется оценке внедрения цифровизации в целом.

Ключевые слова: цифровизация, трансформация, автоматизация, городское пространство, искусственный интеллект.

Е. А. Kogan

Irkutsk State University, Irkutsk

DIGITALIZATION AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF URBAN SPACES

The article discusses the main features of the introduction of digitalization in the urban space, its positive and negative features. It also examines the technologies of digitalization, its types and impact on people's lives. The main attention is paid to the assessment of the implementation of digitalization in general.

Keywords: digitalization, transformation, automation, urban space, artificial intelligence.

В конце 90-х гг. XX века в мире начали говорить о технологиях IoT и цифровой экономике, тогда как в России в это время только начали появляться первые мобильные телефоны. С тех пор прошло более 20 лет, и интернет вещей стал для нас привычным явлением: практически у каждого есть дома умные устройства, которых во всем мире насчитывается уже более 26 миллиардов единиц, а у нас только за последний год было куплено почти 20 миллионов SIM-карт для IoT-оборудования.

Цифровизация в глобальном плане представляет собой концепцию экономической деятельности, основанной на цифровых технологиях, внедряемых в разные сферы жизни и производства. И эта концепция широко внедряется во всех без исключения странах.

Технологии цифровизации успешно внедряются и в России на протяжении последних лет. Процесс запущен уже давно, но основных масштабов практически не видно. Один из показателей успешной глобальной цифровизации – это открытая информация, которая меняет социальные, политические и бизнес-процессы и приводит к улучшению качества жизни.

В России пока это не работает глобально. На это есть определённая причина: для того чтобы цифровизировать всю страну, нужно для начала ее всю электрифицировать. Многим людям, например, сложно объяснить, в чем преимущество умного холодильника, который сам проверит свежесть продуктов и при необходимости закажет новые. Особенно если эти люди еще продукты хранят в погребе и жгут керосинку. Современные технологии им попросту не понятны.

Если мы не можем говорить о глобальной цифровизации страны, то почему используем выражение «настала эпоха перемен»? Перемены действительно идут. Умные бытовые приборы сами о себе заботятся, информация раскрывается, производственные процессы контролируются машинным зрением, роботы заменяют человека на вредной работе. Но все вот это работает, только если вы живете в крупных городах России, где хотя бы электричество и вышка сотовой связи есть. Эпоха перемен идет в пределах крупных городов и промышленных центров в этом и есть основная проблема.

На данный момент цифровизация внедряется в многие сферы жизни общества и города: в быту; на производстве; на работе; в государственных структурах; в бизнесе. Рассмотрим некоторые из них.

Бытовая цифровизация для большинства давно стала понятной и привычной. И речь не идет о каких-то навороченных и дорогих системах вроде «умного» дома – даже обычная мультиварка с управлением по Wi-Fi, которая есть у многих, является ярким примером бытовой цифровизации. Многие люди часто используют еще одну цифровую систему – сигнализацию. Специальный датчик следит за тем, есть ли в квартире посторонние, и в случае их обнаружения сигнализирует на пульт дежурному. Есть и более сложные системы, которые блокируют выходы из помещения в случае вторжения.

Производственная цифровизация занимается сокращением монотонного физического труда для человека, организывает и контролирует трудовые и производственные процессы и обеспечивает безопасность сотрудников компании. Допустим, простой рабочий идет на свое место к станку, но почему-то включается сирена, а самому сотруднику сообщают о нарушении техники безопасности. Это «умная» система видеоаналитики заметила, что работник вошел в цех без каски, подала сигнал и спасла человеку жизнь.

«Умные» системы при помощи машинного зрения выявляют бракованные детали, а система видеонаблюдения следит за соблюдением техники безопасности. Такие же системы применяются в непроизводственных компаниях и даже в маленьких офисах.

Государство внедряет цифровизацию во все свои вертикали. Система анализа данных давно уже эффективно используется в исполнительной власти. Яркий пример – розыск преступников с использованием онлайн камер на улицах или возможность отправить обращение в нужные инстанции по интернету. Одна из главных заслуг цифровизации государства – это снижение количества бумажной волокиты и бюрократии при оформлении документов. Справки и паспорта можно заказывать через приложение, там же хранить и обновлять все данные.

Но есть и некоторые опасности цифровизации, например, в снижении важности человека во многих процессах и вероятное исчезновение в будущем целых профессий, с которыми лучше будут справляться роботы, а также личная информация каждого чело-

века будет находится в цифровом поле, где, не смотря на все заверения о ее защищенности в любой момент может произойти взлом или утечка.

Один из важнейших процессов цифровизации это цифровизация инфраструктуры города. Это необходимо прежде всего, для создания комфортной и понятной среды. Что включает в себя этот процесс:

- Информацию для потребителя. Сюда можно отнести информацию, размещенную на интерактивных картах. На них можно увидеть не только актуальные фотографии места, но и, например, реальные отзывы от посетителей и работников компании. Сюда же можно вносить свои правки.

- Туристическую информацию. На тех же интерактивных картах или в специальных приложениях можно посмотреть, что за здание перед вами и узнать его историю. Информация бывает в текстовом виде или подкрепленной мультимедийными материалами.

- Маршруты для людей с ограниченной подвижностью. Инициативные группы разрабатывают приложения, при помощи которых можно посмотреть, как удобнее всего добраться до нужной точки. Также можно вызвать социальное такси прямо из приложения.

- Информацию для активного отдыха. На карте в интернете можно найти ближайшие велодорожки и удобные городские маршруты для роликов или самокатов.

Ярким примером цифровой трансформации инфраструктуры является продукт одного из операторов цифровизации в России – справочник 2ГИС, где не только можно посмотреть, есть ли на дорогах пробки, но и почитать комментарии других водителей. Иногда здесь ведутся полноценные беседы, не относящиеся к дорожной ситуации. Это говорит о том, что цифровизация инфраструктуры стала привычной для рядового человека.

Однако все это активно применяется не везде. Чтобы цифровизировать инфраструктуру малых и средних населенных пунктов России, нужно вложить в это дело около 93 триллионов долларов.

Цифровая трансформация системы образования, в первую очередь, предполагает оснащение школ и высших учебных заведений современными цифровыми технологиями, которые призваны повысить доступность обучения и обучающих материалов для всех. Также, возможно, в будущем будет сделан упор на онлайн-образовании, когда ученики при желании смогут получать знания, не выходя из дома.

Преимущества цифровизации образования:

- приучение учеников к самостоятельности с раннего возраста;
 - устранение бумажной волокиты: учащимся не придется постоянно носить с собой многочисленные тетради и учебники, а учителям – всевозможные пособия: один планшет заменит собой килограммы макулатуры;
 - экономия – снижение затрат на канцелярию, использование электронных версий учебников/тетрадей требует меньших затрат;
 - более высокая доступность знания для людей в отдаленных населенных пунктах.
- Возможные недостатки концепции:
- снижение социализации учеников;
 - меньшее внимание физическому развитию;
 - уменьшение функции педагогов.

Цифровая трансформация может сделать образование более доступным, полным и экономичным, но только при тщательном планировании и аккуратном внедрении, чтобы избежать возможных недостатков.

Цифровизация транспорта. Влияние цифровизации мы все испытываем на себе, так как в транспорте она уже постепенно происходит. Мир наполняется цифровыми картами, на которых есть информация не только о дорогах, но также их загрузке, наличии пробок и аварий, качестве покрытия и т. д.

Дальнейшее развитие – увеличение числа беспилотных транспортных средств, в том числе общественного назначения. В мире уже активно тестируются беспилотные поезда метро, автобусы и воздушные дроны.

Цифровизация в науке. В сфере науки новые технологии направлены на ускорение расчетов и вычислений. Кроме того, единая система даст возможность в кратчайшие сроки обмениваться данными ученым, находящимся в разных уголках мира, в автоматическом режиме. Любые открытия будут делаться и проверяться быстрее.

В финансовой сфере новые технологии – это блокчейн и безналичные расчеты. Первый – это не только криптовалюты, которым многие не доверяют, но еще и мощнейшее средство защиты любых денежных операций. Параллельно происходит цифровая трансформация в таких сферах, как:

- мобильный банкинг;
- онлайн-шопинг;
- удаленная оплата и работа.

Многие банки уже позволяют своим клиентам выполнять большинство операций удаленно, без посещения отделения.

Смысл цифровизации информационных систем заключается в том, чтобы современному человеку не нужно было напрягаться и бороться с человеческим фактором в системе. Документы можно сделать через приложение Госуслуг, служба доставки запомнит, куда вы обычно заказываете пиццу, а медицинская карта уже не затеряется между кабинетами.

Любая цифровизация начинается с открытия и сбора данных. Для того чтобы система работала четко, необходимо собрать как можно больше информации. Специальная программа анализирует полученные данные и выдает оптимальный результат. Информационные системы могут оперировать исключительно фактической информацией, а могут и строить предположения, используя искусственный интеллект. Яркий пример такой системы – голосовые помощники Сири и Алиса. Они могут не только ответить на конкретный вопрос, но и ведут философские беседы с пользователем.

Цифровизация потенциально влияет на большинство общепризнанных параметров качества жизни:

Уровень благосостояния и занятость – цифровизация предоставляет жителям новые рабочие места в третичном секторе экономики и новые возможности трудоустройства, в том числе возможность удаленной работы, позволяющей зарабатывать больше, получая доступ к новым рынкам труда.

Уровень расходов – развитие цифровых сервисов с одной стороны позволяет экономить деньги на товарах и услугах, с другой – стимулирует потребление новых товаров и услуг.

Уровень образования и человеческого капитала – доступ к образовательным и информационным ресурсам позволяет совершенствовать знания и навыки пользователей, тем самым увеличивая их конкурентоспособность на рынке труда.

Наличие свободного времени и характер его использования – цифровые сервисы экономят время жителей путем предоставления доступа к информации об общественном транспорте, возможности заказа такси, товаров и услуг на дом, удаленного получения государственных и прочих услуг.

Уровень загрязнения окружающей среды – цифровые сервисы могут способствовать оптимизации перемещений жителей и товаров в городе, снижая уровень выбросов парниковых газов от транспорта.

Наличие и качество социальных связей – цифровые сервисы обеспечивают пользователей новыми способами взаимодействия и общения, в том числе с жителями других городов. Создаются условия для формирования кругов общения по сферам интересов, а не по признаку места проживания.

Общая удовлетворенность жизнью – цифровизация способствует увеличению разнообразия, качества и скорости получаемых услуг, повышает безопасность транзакций и личную безопасность при получении услуг, экономит время на получение товаров и услуг и на перемещения.

Однако, цифровизация несет следующие потенциальные риски:

- несанкционированный доступ к информации и другие угрозы кибербезопасности;
- массовая безработица;
- цифровое неравенство – разрывы в уровне образования и условиях доступа к цифровым услугам и продуктам между гражданами и бизнесами внутри стран, а также между государствами.

Главнейшей проблемой развития цифровизации является отсутствие внедрения цифровизации в маленьких городах, деревнях и т. п. Преодоление этой проблемы повлечет за собой общее признание инструментов цифровизации, как эффективных способов развития городов и общества.

Таким образом, город как социальное явление, конституируется социокультурными факторами, окружающей средой, возникает в определенной точке пространства. Современный город является нечто большим, чем территория для проживания людей. Со временем город способен изменять не только свой внешний мир, но и внутренний. Такому изменению способствует введение новых технологий в повседневную жизнь человека. Ведущей целью любого современного города является обеспечение наиболее комфортного проживания людей на данной территории и удовлетворение их потребностей. Для достижения этой цели необходима глобальная цифровизация. Главной чертой городской среды выступает «городская интерактивность», т. е. взаимодействие людей и города. Цифровизация в настоящее время проводится в практически любых сферах жизни людей: в инфраструктуре, в управлении, в транспорте, в образовании и т. п. все эти сферы формируют городское пространство и взаимодействие общества с этими сферами. Взаимодействие «люди – городская среда» напрямую влияет на выбор поведения и на жизненное самоопределение. Появление новой интерактивной среды создает новое качество городского пространства. Благодаря изменениям технологических границ современных городов, создается новый уклад жизни людей.

Литература

1. Аверина М. В. Двор как кодированное пространство // Аналитика культурологии. 2004. № 2. С. 138–142.
2. Юдина Т. Н. Цифровизация в контексте сопряженности Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Философия хозяйства. 2016. № 4.
3. Юдина Т. Н., Тушканов И. М. Цифровая экономика сквозь призму философии хозяйства и политической экономики // Философия хозяйства. 2017. № 1.
4. Города с интеллектом. На юге страны проводят масштабную цифровизацию крупных городов // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/03/11/reg-skfo/na-iuge-strany-nachali-masshtabnuiu-cifrovizaciiu-krupnyh-gorodov.html> (дата обращения: 15.05.2021).
5. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 // О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 15.05.2021).
6. Цифровизация городов // Центр стратегических разработок. URL: <https://rg.ru/2020/03/11/reg-skfo/na-iuge-strany-nachali-masshtabnuiu-cifrovizaciiu-krupnyh-gorodov.html> (дата обращения: 15.05.2021).

ГОРОДСКОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ: НОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ С ЕДОЙ И ИЗМЕНЕНИЕ МОДЕЛЕЙ ПОВСЕДНЕВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Рассмотрены некоторые характеристики, определяющие социальные практики питания, определяющие социальные правила и нормы, которые регулируют пищевое поведение людей. Представлены основные социальные функции еды в контексте современных трансформационных процессов и связанное с этим изменение моделей повседневного поведения. Сделан вывод о том, что современный город во многом формируется едой. Питание отмечено это инструмент, меняющий многие аспекты современной жизни.

Ключевые слова: еда, социальные функции еды, социальные практики питания, город.

A. S. Kozionova

*Academic Supervisor: E.Yu. Kostina, Cand. Sci. (Soc.), Associate Prof.
Far Eastern Federal University, Vladivostok*

URBAN FOOD REVOLUTION: NEW RELATIONSHIPS WITH FOOD AND CHANGING PATTERNS OF EVERYDAY BEHAVIOR

The article considers some characteristics that define social nutrition practices, defining social rules and norms that regulate people's eating behavior. The main social functions of food in the context of modern transformation processes and the associated changes in the patterns of everyday behavior are presented. The conclusion is made that the modern city is largely formed by food. Nutrition is a tool that changes many aspects of modern life.

Keywords: food, social functions of food, social practices of food, city.

Исследование социальных практик питания, социальных правил и норм, которые регулируют пищевое поведение людей – относительно новый предмет изучения в социологии. Питание помогает раскрыть идентичность социальных групп, которые формируются посредством питания. Оно – важный социальный инструмент, с помощью которого реализуются потребности в культуре, досуге и здоровье. Питание как бы конструирует социальную идентичность группы, что создает в коллективном сознании понятие «мы-группа». Питание выполняет важные социальные функции. Первое – удовлетворение физиологической потребности с помощью ритуалов, правил и норм. Второе – питание социализирует индивидов.

Питание выступает одним из самых важных видов деятельности человека, как сейчас, так и на ранних этапах развития человечества. Питание всегда строго нормировано, институционализировано и ритуализировано [10].

Питание – это социальное действие. В питании как социальном действии соединяются воедино все четыре типа действия, определенные М. Вебером:

1. Целерациональное действие подразумевает, что человек всегда рассчитывает стоимость и количество продуктов.

2. Ценностно-рациональное действие означает, что различные продукты имеют разную ценность для человека. Существует парадокс, который заключается в том, что абсолютно бесполезный продукт может быть неотъемлемой частью жизни, например, вино для европейца.

3. Традиционное действие: на русском столе ни в одном блюде не сочетается мясо и рыба, а в азиатской кухне это повсеместная привычка. Население разных стран действительно демонстрирует завидное единодушие: консерватизм в пищевых традициях, вкусах и пристрастиях одинаково присуще разным народам Европы и Азии.

4. Аффективное действие: часто бывает, что человек съедает не совсем то, что планировал, и считает полезным [1; 3].

И так как питание – это аффективное действие, то существует мнение о том, что необходимо ставить под сомнение нынешний характер питания. Сейчас производство

продуктов питания поставлено на промышленную основу [4]. Многие продукты питания производятся в неимоверных количествах. Образуется некий перевес: в развитых странах еда выбрасывается, а в некоторых развивающихся странах люди страдают от голода и недостатка еды и воды. Сегодня с едой связаны такие заболевания, как избыточный вес и ожирение. Это сравнительно новые и беспрецедентные болезни в истории человечества, которые портят здоровье и благополучие 1,8 млрд человек [7]. Развитию таких болезней способствует избыток соли в продуктах, употребление большого количества полуфабрикатов и газированных напитков. Парадокс заключается в том, что в данный момент в мире от ожирения страдают больше людей, чем от голода.

Получается, что у людей нет подлинной связи с едой. Если человек не готовит, он не ходит за продуктами питания в магазин, не приглашает друзей на обед, не понимает, откуда берется пища, не контролирует, что попадает в его организм, не знает, как структура его питания воздействует на экологию планеты и не может научить этому своих детей. Если бы еда стоила хоть немного дороже, люди, возможно, стали бы уделять больше внимания тому, что в результате является самым важным в нашей жизни. Не исключено, к примеру, что люди стали бы есть меньше мяса, – а это хорошо и для людей, и для планеты, и для животных, которых люди разводят на убой. Также, не развивая вкусовые рецепторы детей, люди воспитывают поколение, лишенное представления о собственной гастрономической культуре и почти беззащитное перед лицом пищевой промышленности, навязывающей ему свою продукцию [8].

Стоит отметить, что унификация делает питание однообразным и одинаковым во всем мире. Он уничтожает всякое гастрономическое различие. Подтверждением этому является «Макдональдс». «Макдональдс» можно найти даже на морской базе Гуантанамо на Кубе и в Пентагоне. Откидной прилавок можно увидеть в новом здании федерального суда города Бостон. Среди наиболее удивительных мест для расположения ресторана – Большой Каньон, высочайшее в мире здание (Башни Петронас в Малайзии), стойка на лыжной трассе в Швеции, и точка, вмонтированная в здание XIII века в Шрусбери, Англия [6]. Коммерческий успех системы Макдональдс связан с тем, что многие люди по всему земному шару предпочитают жить в мире без неприятных неожиданностей.

Но глобализация не только стандартизирует и унифицирует питание, но и в противовес этому также создает причудливую палитру красок различных продуктов питания и технологий их приготовления, в которой смешиваются как западные, так и восточные течения [2]. Например, в Нью-Йорке весь мир представлен ресторанами, отмечая, что в ресторанах удивительным образом сочетается мировая и местная культура. Места общественного питания становятся «транснациональными» общественными заведениями, где культура и национальность смешиваются, и только лишь экономика диктует свои правила [8].

Еда – это социальная коммуникация. А застолье – отражение самого общества. Игнорировать его влияние – значит отрицать нашу человеческую сущность. Еда все больше теряет свое материальное содержание и все больше становится обозначением социальной ситуации [9]. Шампанское – это не просто вино, а праздник в бокале, блеск, мишура, Новый год и фейерверки. Кофе – не просто напиток, а перерыв от дел, отдых и в то же время возможность для разговора [10]. Также еда исследуется как элемент культурной идентичности и коллективной идентичности города [5].

Георг Зиммель в своем эссе «Трапеза» писал об удовлетворении потребности, лежащей в глубинах органической жизни и являющейся универсальной. Зиммель утверждал, что трапеза всегда имела жизненно важное значение. Она связывает исключительный эгоизм еды коллективностью общественной жизни [3]. Эту связь обеспечивают застольные разговоры и совместное бытие с другими. Вино, еда, застолье стало теперь не просто пространством потребления, но и коммуникативной практикой. Трапеза несет в себе несколько функций. Она обеспечивает чувство безопасности. Человек преодолевает чистый натурализм еды, чтобы почувствовать близость с другими. Трапезу используют

для получения эстетического удовольствия. Это происходит за счет регулирования застольных манер, т. е. используется определенный кодекс правил. За столом важность манер просто колоссальна. В Индии принято есть руками, в Европе это считается дурным тоном. Стол – это общественное пространство, и умение налаживать контакт с соседями тут не менее важно, чем что-либо другое. При этом интересен тот факт, что наша жизнь все больше подпитывается едой, а не организуется ею.

Современный город в принципе формируется едой. Еда – это инструмент, который меняет многие аспекты современной жизни. Даже небольшие пищевые улучшения могут привести к огромным улучшениям во всех областях, которые затрагивает еда.

Литература

1. Бродель Ф. Игры обмена. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XIII вв. Т. 2. М.: Просвещение, 1988. 287 с.
2. Веселов Ю. В., Чернов Г. И. Еда и мы: гастрономический портрет Петербурга (эссе) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 1 (21). С. 182–209.
3. Зиммель Г. Социология трапезы // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 4. С. 187–192.
4. Зукин Ш. Культуры городов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 424 с.
5. Иванова А. П. Пространство еды в структуре дальневосточных городов // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 1 (44). С. 231–240.
6. Ритцер Д. Макдональдизация общества. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2016. 592 с.
7. Робертс У. Пища. М.: Книжный клуб Книгоvek, 2015. 272 с.
8. Стил К. Голодный город. Как еда определяет нашу жизнь. М.: Strelka Press, 2015. 544 с.
9. Barthes R. Toward a Psychosociology of Contemporary Food Consumption // Carole Counihan and Penny Van Esterik. Food and Culture: A Reader. 2nd ed. New York: Routledge, 2008. P. 20–27.
10. Richards A.I. Land, Labour, and Diet in Northern Rhodesia: an Economic Study of the Bemba Tribe. Hamburg: LIT Verlag, 1995. 445 p.

УДК 316.334.56(571.1/5)

Н. С. Кондрашова, К. С. Литвиненко, М. С. Ружников
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ AR/VR-ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ У БУДУЩИХ РОДИТЕЛЕЙ (В ПЕРВЫЙ ГОД ЖИЗНИ РЕБЕНКА)

С позиции общей тенденции к цифровизации рассматривается возможность применения AR/VR-технологий для развития родительских компетенций у будущих родителей в первый год жизни ребенка. Приводится анализ актуальности проблемы формирования родительских компетенций, а также описывается целесообразность применения для решения этой проблемы дополненной и виртуальной реальности. Обозначаются возможные достоинства и недостатки этой технологии в контексте развития родительских компетенций, а также отечественный опыт использования VR/AR для обучения.

Ключевые слова: виртуальная и дополненная реальность, родительские компетенции, младенчество.

N. S. Kondrashova, K. S. Litvinenko, M. S. Ruzhnikov
Irkutsk State University, Irkutsk

ON THE POSSIBILITY OF USING AR/VR TECHNOLOGIES FOR THE DEVELOPMENT OF PARENTAL COMPETENCIES OF FUTURE PARENTS (IN THE FIRST YEAR OF A CHILD'S LIFE)

In the article, from the standpoint of the general trend towards digitalization, is considered the possibility of using AR/VR technologies for the development of parental competencies of future parents in the first year of a child's life. The article analyzes the relevance of the problem of forming parental competencies and describes the feasibility of using augmented and virtual reality to solve this problem. The article presents possible advantages and disadvantages of this technology in the context of the development of parental competencies, as well as domestic experience of using VR/AR for training.

Keywords: virtual and augmented reality, parental competencies, infancy.

В настоящее время семейная детоцентрированная культура формирует множество ограничений для всех субъектов системы, особенно для будущих и настоящих родителей. Первое, и, пожалуй, главное, что родитель дает своему малышу – это любовь. Однако любовь без определенных знаний, умений, навыков может сыграть злую шутку, и тогда вместо желаемых результатов, родитель сталкивается с разочарованием и непониманием, что было сделано не так. Новый федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС), определяя семью как важнейший институт общества, отвечающий за социализацию новых поколений, рассматривает родителей в качестве равноправных участников образовательного процесса. Вместе с тем развитию родительской компетентности, являющейся неотъемлемой частью воспитывающего потенциала семьи, уделяется недостаточно внимания [1].

На данный момент критически возрастают требования к родительской компетентности. И хотя понятие компетентности чаще рассматривается в приложении к профессиональной деятельности, здесь оно уместно как никогда: компетентность – это актуализированные знания и опыт, помогающие эффективно решать те или иные профессиональные задачи. Родительство пусть и не профессия, но сложное социально-психологическое явление. Сегодня много говорится о компетентном родителе, как о многомерном и многогранном феномене. На его формирование и развитие влияют самые разные факторы: культурно-исторические, социально-экономические, этические, психологические и др. Родительская компетентность – это, прежде всего, сложное личностное образование, на основе которого строится готовность и способность родителей выполнять свои родительские функции [2].

В нашей работе под данным понятием подразумевается социально-педагогический феномен, обуславливающий совокупность интегративных качеств личности родителя, включающих эмоциональный, нравственный, когнитивный и поведенческий компоненты, реализуемых по отношению к своему ребенку, и необходимых для качественной реализации воспитательного воздействия на ребенка [3]. Основным критерием компетентного и эффективного родителя, является его способность обеспечить позитивное развитие когнитивной, эмоциональной, социальной и личностной сферы жизни своего ребенка [5].

Однако стоит отметить, что социальные ожидания, которые формируют представления об идеальном родителе становятся высокими, как никогда прежде. Так, уже в первый год жизни ребенка (период новорожденности и младенчества) необходимо качественно обеспечивать не только уходовые процедуры и удовлетворять биологические потребности, но и развивать социальные потребности у ребенка, т. е. заботиться о его эмоциональном благополучии. Актуальность нашей работы также обусловлена обилием противоречивой литературы и рекомендаций в данной области разного качества и характера, что способно больше смутить и запутать потенциальных родителей, чем обеспечить их необходимой информацией. Более того, общая культурная тенденция к индивидуализации приводит к тому, что молодые родители до рождения ребенка практически не взаимодействуют с детьми, особенно с новорожденными. На данный момент становление родительских компетенций при общении с младенцами производится далеко не во всех организациях, а при наличии такой деятельности, она осуществляется путём взаимодействия с «пусиками» – пластиковыми куклами. Данный подход позволяет сформировать только технические навыки и подрывает психологическую готовность родителя.

Итак, сочетание завышенных социальных ожиданий по отношению к современным родителям и стремление их самих к осознанному родителю формирует высокую родительскую тревожность по поводу страха совершить ошибку в воспитании или даже нанести психологическую, физическую травму.

В настоящее время актуальной проблемой практической психологии является формирование родительских компетенций посредством реализации цифровых технологий.

На данный момент вопрос применения технологии виртуальной реальности недостаточно широко рассмотрен с психолого-педагогической точки зрения. Однако, по нашему мнению, технологии виртуальной и дополненной реальности позволяют восполнить опыт родительства в безопасной среде, что будет способствовать формированию родительских компетенций у будущих родителей и облегчит деятельность родильных домов, поскольку они будут менее тревожны и более подготовлены к общению с младенцем. Под VR (virtual reality, виртуальная реальность) в настоящий момент понимается мир, созданный техническими средствами, передаваемый человеку через его ощущения: зрение, слух, обоняние, осязание и др. Виртуальная реальность способна имитировать не только воздействие, но и реакции человека на воздействие. Принципиальное отличие виртуальной реальности от дополненной реальности (AR, augmented reality) заключается в том, что виртуальная реальность создает совершенно новый искусственный мир, а дополненная реальность только вносит некоторые искусственные элементы в восприятие реального окружающего мира [4].

Существует реальный опыт использования VR/AR-технологий в России с целью образования. Например, корпоративный университет Сбербанка, открывший в 2016 г. собственную лабораторию виртуальной реальности, оснащенную оборудованием, аналогичным тому, что использует Стэнфордский университет, представил симуляцию SberSpeak для отработки навыков публичных выступлений. С помощью VR-технологии тележурналисты получают возможность репетировать прямые включения в любой локации («новая студия», «шахта», «горячая точка», «место чрезвычайного происшествия» и т. д.). Телевизионные журналисты, направленные на курсы повышения квалификации в КУ Сбербанка, могут работать с симуляциями «Пожилый человек» и «Человек с ограниченными возможностями». Цель использования технологии VR в данном случае – развить у сотрудников телекомпаний эмпатию по отношению к героям журналистских материалов [4].

Таким образом, VR/AR-технологии путем воспроизведения специфических, стрессовых, непривычных и при этом безопасных виртуальных условий могли бы позволить формировать и развивать, прежде всего, когнитивный (знания) и поведенческий (умения) компоненты родительской компетентности. Помимо этого, данная технология позволяет давать будущему родителю обратную связь (улыбка, смех, гуление ребенка), что способствует снятию психологических барьеров, а также выработке важных социальных навыков во взаимодействии с младенцем путем положительного подкрепления эффективных моделей поведения и реагирования родителя. Помимо этого, обратная связь в технологиях виртуальной и дополненной реальности позволяет развивать эмоциональный интеллект и навыки родительской включенности.

Среди основных ограничений в применении AR/VR технологий можно выделить то, что данные методы на сегодняшний день являются достаточно дорогостоящими и требуют технической оснащенности, а также междисциплинарного подхода, т. е. необходима команда специалистов из разных профессиональных областей (программисты, психологи, врачи), которые будут развивать данный проект.

Таким образом, формирование и совершенствование родительской компетентности является одной из определяющих проблем в вопросах функционирования и развития общества, а одной из технологий решения этой проблемы, особенно на первом году жизни, может выступить дополненная или виртуальная реальность.

Литература

1. Астемирова О. Н. Воспитательный потенциал семьи как основной ресурс успешного развития ребенка // Конференциум АСОУ : сб. науч. тр. и материалов науч.-практ. конф. 2015. № 4. С. 44–50.
2. Бадер О. А. Родительская компетентность как основа успешности обучения // Трибуна ученого. 2020. № 1. С. 493–501.
3. Коваленко Т. В. Родительская компетенция как фактор современного содержания образования // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 4. С. 102–113.

4. Малыгина Л. Е. Виртуальная и дополненная реальность как перспектива развития телевизионного промодискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 1(16). С. 54–60.

5. Овчарова Р. В. Родительство как психологический феномен : учеб. пособие. М. : Моск. психол.-соц. институт, 2006. 496 с.

УДК 316.422.42

Е. В. Коновалова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматривается социально-экономическое развитие Иркутской области. Проводится анализ ключевых направлений, которые обеспечивают повышение ВВП региона, исходя из импорта ресурсов и товаров. Дается перечень направлений, отстающих в развитии, и тормозящих развитие региона. На основании выявления слабых мест обозначаются перспективы их ликвидации. Делается обзор намеченной стратегии развития социально-экономического развития региона, анализ имеющихся предварительных результатов и оценка экспертами перспектив развития.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, структура производства, стратегия, регион.

E. V. Konovalova

Irkutsk State University, Irkutsk

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF REGIONAL SOCIAL INFRASTRUCTURE: SOCIO-DEMOGRAPHIC ASPECT

The article examines the socio-economic development of the Irkutsk region. The analysis of the key areas that provide an increase in the region's GDP based on the import of resources and goods is carried out. A list of areas lagging behind in development and hindering the development of the region is given. Based on the identification of weaknesses, the prospects for their elimination are considered. A review of the planned development strategy for the socio-economic development of the region is made, and an analysis of the available preliminary results and an assessment of the development prospects by experts are provided.

Keywords: socio-economic development, production structure, strategy, region.

Социально-экономическое развитие региона складывается из макроэкономических показателей, показателей комплексного развития и показателей конкурентоспособности региона. Об уровне развития региона говорят его расположения и ресурсы, которыми обладает регион.

Иркутская область – это важное звено в экономике страны. Наш регион является крупным промышленным центром, который является производителем электроэнергии, нефти и нефтепродуктов, алюминия, химии, занимающийся лесопереработкой и машиностроением. Доля производства электроэнергии по стране составляет 6,5 %, порядка 6 % приходится на добычу угля, и 15 % на вывоз древесины [7]. На территории сосредоточено большое количество энергетических ресурсов и запасов леса, что позволяет региону быть в лидерах по лесозаготовкам в стране. Значительная часть в производстве приходится на крупные промышленные центры, такие как Иркутский и Братский алюминиевые заводы, Братская, Усть-Илимская, Мамаканская и Иркутская ГЭС, «Саянским-пром», АНХК и другие [6]. Продукты, получаемые с этих заводов, в основном направляются в другие, менее богатые этими ресурсами регионы, что определяет экспорт региона, а также служит поступлениями в бюджет региона. Более мелкое производство: легкая и пищевая промышленность, строительство, связь и транспорт, составляют внутреннюю экономику региона.

Но, несмотря на столь прекрасную внешнюю и внутреннюю торговлю, регион по многим позициям не в полной мере себя реализовывает. Составляющая этой проблемы кроется в ориентированности экспорта, а также импорта региона лишь на ресурсно-

сырьевой базе; крайне устарелом машинном оборудовании на многих предприятиях, что приводит к низкой производительности труда; плохо организованной логистической составляющей, что тормозит процесс транспортировки. Из проблем экономической сферы вытекают проблемы и в социальной сфере. Регион не может похвастаться высоким уровнем жизни, в особенности в отдаленных и сельских местностях; инфраструктура города развивается достаточно медленно. Такое положение дел вынуждает молодежь, и в особенности квалифицированных специалистов, уезжать в более развитые регионы. Из-за плохой экологии жители подвергаются многим болезням, со временем, перетекающим в хронические заболевания. Всё это, многие другие факторы, негативно отражаются на состоянии всего региона, и отдельных его территориях.

Конечно, сказать, что Иркутская область – регион, в котором всё настолько плохо, нельзя. Созданы программы по улучшению состояния как региона в целом, так и отдельных его образований. Учитывая расположение региона и его структуру производства, были определены направления, которые преимущественно будут совершенствоваться. Более детально разберем Стратегию социально-экономического развития Иркутской области до 2030 года, которая была разработана и выпущена в реализацию в 2017 г. Основные тенденции и направления, цели и задачи социально-экономического развития.

Основной приоритет отдается развитию человеческого потенциала, удержанию ценных кадров в регионе и повышению уровня жизни. Исходя из осмысления барьеров развития региона, было выделено три приоритетных категории усовершенствования: «Достойные условия жизни», «Возможности для работы и бизнеса» и «Высокий уровень управления». Реализация задуманных проектов осуществляется в несколько этапов, один из которых завершился в 2020 г. Целью на период до 2020 г. было как можно ближе подняться в уровне и качестве жизни, приблизиться к среднему по России. Для прослеживания динамики роста, были поставлены задачи увеличения Валового Регионального продукта (ВРП), отслеживание динамики проводилось относительно результатов 2008 г. Тем самым, рост должен был составить не менее 1,7 %, учитывая факт мирового финансового кризиса. Инструментом реализации намеченных целей стала производительность труда, которая должна происходить не меньшими темпами, чем ранее, за счет усовершенствования технологического и производственного аппарата, средства на которые должны поступать из инвестиций. А значит, инвестиционный капитал должен быть увеличен, и по оценкам экспертов, это увеличение должно произойти не менее, чем в 3 раза. Аналитики полагали, что, придерживаясь такой стратегии, доходы населения увеличатся, а региону удастся повысить уровень и качество жизни, что в свою очередь спрогнозирует повышение показателей продолжительности жизни, которые, по оценкам органов статистики, изменятся с 64,9 лет до 68,5 лет. Такие изменения приблизят состояние в Иркутском регионе к близкому по стране. Для снижения иммиграции ценных кадров из региона было принято решение увеличить обеспеченность жильем с 20,3 кв. м времен 2008 г. до 22 кв. м, а также была создана программа сноса ветхого жилья и реконструкции коммунальной инфраструктуры. Такую задачу планировалось выполнять путем развития повсеместного строительства. Таким образом, по всем трем направлениям была намечена работа, а как она была реализована и с какой эффективностью, мы можем узнать из итогов социально-экономического развития за 2020 г. Чтобы проследить тенденцию повышения продолжительности жизни, обратимся к данным, представленным Иркутскстатом за последние три года: в 2016 г. средняя продолжительность жизни по региону составила 68,2 года, тогда как в 2018 она стала уже 69,31 год, а в 2019 г. достигла максимума – 73,3 года [4]. В связи с тяжелой эпидемиологической обстановкой, информация на 2020 г. отсутствует. На сегодняшний день разрабатываются программы по удержанию и повышению уровня продолжительности жизни в регионе, например, развитие мероприятий по реализации национального проекта «Демография». Что касается реализации намеченного в отношении строительства нового жилья, то в 2020 г. наблюдались прирост показателей в строи-

тельстве, относительно 2019 г., несмотря опять же на эпидемиологические проблемы как в регионе, так и в стране в целом. Но, объем выполненной работы Иркутскстат оценил ниже на 14,4 %, чем в том же 2019 г. В период с 2010 по 2018 г. в области было ликвидировано более 60 тыс. кв. м ветхого и аварийного жилья, тем самым порядка 5 тыс. чел. получили новые квартиры, и программа по переселению до сих реализовывается в Иркутской области [3].

Многие эксперты уже дали свою оценку, а также высказали критику относительно промежуточных результатов проекта. Обратимся к мнению одно из таких экспертов. Александр Шулгин – успешный инвестор в цифровую экономику – поделился своим мнением о перспективах развития Иркутской области: «В первую очередь Иркутской области нужно сфокусироваться на своей аутентичности. А для этого власти региона могут ввести послабления для предпринимателей, которые используют в своем бизнесе местную тематику. Экономически это будет очень выгодно для области». Наш регион очень уникальный, и правильное направление развитие региона позволит достичь тех поставленных перед регионом задач, или даже более.

Какие бы задачи не ставились перед регионом, их решение возможно только при наличии человеческого капитала. Миграция человеческого капитала в Иркутской области практически сопоставима с общероссийской. Значительная часть потока мигрантов приходится на внутреннюю миграцию: 64,4 % от числа прибывших и 53,3 % от выбывших. В основном мигрируют из отдаленных северных районов региона [2]. Это обусловлено прежде всего отсутствием развития региона: сокращение производства и ликвидация предприятий, низкий уровень развития инфраструктуры, отсутствие возможности получить качественное образование, достаточно высокий уровень цен при низком уровне заработной платы, а также тяжелый климат. Отток населения, в основном – это молодежь, которая перебирается ближе к перспективному центру.

Та часть населения, для которой перспектив в региональном центре мало, уезжают в более развитые регионы страны, в основном в западную часть, к примеру, в Москву и ее область, Новосибирск, Екатеринбург и другие города. Регион, в основном, покидают трудоспособные активные граждане с целью обучения и трудоустройства: студенты, молодые специалисты и даже школьники.

Подробнее о причинах миграции молодежи из региона можно узнать, изучив материалы исследователей в этой области, а также данных статистики и опросов самих студентов. В общем и целом, выделяют несколько причин необходимости образовательной мобильности: отсутствие возможности получения магистерского образования в том вузе, в котором было получено образование бакалавра, а также слияние вузов, сокращение схожих специальностей и малое количество бюджетных мест для магистрантов. Исходя из этих причин, можно сделать вывод, что социально-экономическое развитие региона в направлении образования требует модернизации, поскольку отток трудоспособной молодежи пагубно сказывается на развитии региона.

Есть и те, кто возвращается в регион или приезжает на постоянное место жительства. Иркутская область ведет активную деятельность по привлечению людей в регион, к примеру, с 2007 г. реализуется Программа оказания содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Благодаря этой программе, в регион приехало более 8 тыс. граждан. Иркутская область привлекательна и для иностранных мигрантов. По большей части, это граждане из ближайших стран: Таджикистана, Узбекистана, Украины и Казахстана, но есть и представители таких стран, как Вьетнам, Болгария, Индия и Великобритания [3]. Внешние мигранты обеспечивают рост численности трудовых ресурсов, они заполняют те ниши на рынке труда, которых не привлекают местных жителей.

Таким образом, социально-экономическое развитие Иркутской области можно оценить, как среднее, многие отрасли требуют значительной доработки. Несмотря на это, процесс превращения Иркутской области в динамично развивающийся регион активно продвигается, что можно наблюдать из результатов за прошедший 2020 год.

Литература

1. Гуринович Л. А., Гладкова Т. В. Образовательные миграции студенческой молодежи // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе : материалы VII всерос. науч. интернет-конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [под общ. ред. О. А. Кармадонова, О. А. Плюшкевич]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 179–184.
2. Зибров Д. А. Трудовая миграция в труднедостаточном регионе (на примере Иркутской области) // Экономика труда. 2016. С. 261–278.
3. Суходолов А. П., Озерникова Т. Г., Кузнецова Н. В., Марасанова А. А. Миграция населения в Иркутской области. Иркутск : Изд-во Байкал. госуниверситета, 2019. 184 с.
4. В Иркутской области в 2020 году ввели в оборот более 1 млн кв. м жилья // Сибирские новости. URL: <https://snews.ru/news/v-irkutskoy-oblasti-v-2020-godu-vveli-v-oborot-bolee-1-mln-kv-m-zhilya#:~:text=м%20жилья,-2%20февраля%2C%202021&text=Строительной%20отрасли%20Иркутской%20 области%2C%20несмотря,в%20оборот%201%2C075%20млн%20кв.&text=Объем%20выполненных%20работ%20в%20 строительстве,в%20134%2C9%20млрд%20руб.> (дата обращения: 21.04.2021).
5. Демографическая ситуация в Иркутской области на 1 апреля 2020 года // Федеральная служба государственной статистики по Иркутской области. URL: <https://irkutskstat.gks.ru/folder/73313/document/85696> (дата обращения: 27.04.2021).
6. Иркутская область в XXI веке: проблемы и ресурсы развития / отв. ред. А. П. Кириенко. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. 422 с.
7. Иркутская область как стартап. В чем перспективы региона? // Твой Иркутск. URL: <https://www.irk.ru/news/articles/20210125/perspectives> (дата обращения: 21.04.2021).
8. Не поле перейти: как меняется продолжительность жизни // Официальный портал города Иркутска. URL: <https://admirk.ru/Pages/Ne-pole-pereiti-kak-meniyaetsia-prodolzhitel'nost-zhizni.aspx> (дата обращения: 21.04.2021).
9. Проект стратегии социально-экономического развития Иркутской области до 2036 года // Министерство экономического развития Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_subektov_rf/proekty_strategii_subektov_rf/proekt_strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_irkutskoy_oblasti_do_2036_goda.html (дата обращения: 20.04.2021).
10. Экономика Иркутской области // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Экономика_Иркутской_области#Промышленность (дата обращения: 20.04.2021).
11. Экономика Иркутской области: общие сведения // Иркипедия. URL: http://irkipedia.ru/content/ekonomika_irkutskoy_oblasti_obshchie_svedeniya (дата обращения: 20.04.2021).

УДК 008(-21)

А. А. Линейцева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОНЛАЙН- И ОФЛАЙН-ФОРМАТАХ

Статья посвящена актуальным вопросам развития культуры в современном городе в онлайн- и офлайн-форматах. Автор характеризует городскую культуру, опираясь на теорию «культурной столицы» П. Бурдьё. Определены место и роль города как культурного центра региона (территории). Музеи, театры и кино охарактеризованы как базовые составляющие городской культурной среды.

Ключевые слова: город, городская культура, городская культурная среда, культура, культурный центр, музеи, театры, кино, пандемия COVID-19.

CULTURAL LIFE OF A MODERN CITY: SOME ASPECTS OF URBAN CULTURE DEVELOPMENT IN ONLINE AND OFFLINE FORMATS

This article is devoted to topical issues of cultural development in a modern city in online and offline formats. The author characterizes urban culture based on the theory of the "cultural capital" by P. Bourdieu. The place and role of the city as the cultural center of the region (territory) are defined. Museums, theaters and cinemas are described as the basic components of the urban cultural environment.

Keywords: city, urban culture, urban cultural environment, culture, cultural center, museums, theaters, cinema, pandemic.

Современный город XXI века представляет собой тип культурного города. Он является центром развития всех сфер жизнедеятельности, а также концентрирует в себе особую материальную и духовную культуру – городскую культуру. В отличие от села, городу присуща определенная динамичность, которая приводит к постоянным трансформациям во различных сферах человеческой жизни, в том числе и культурной. Через город происходит трансляция многих культурных ценностей. Чаще всего под городской культурой подразумевается определенная совокупность сложившихся свойств (высокий уровень грамотности населения, система разделения труда, существование некоторых городских организаций, большое разнообразие музеев, библиотек, театров, кино, учебных заведений и пр.) [4]. Также городскую культуру характеризует наличие ценностей и норм, которые присущи для людей, проживающих в определенном городском центре и отличающихся значительной городской специфичностью – городской идентичностью и особым городским фольклором.

Как конкретную социокультурную среду на определенной территории город рассматривали многие исследователи. В своих работах классик социологии П. Бурдьё вводит термин «культурная столица», в который автор вкладывает совокупность социальных активов, которыми индивид способен обладать, среди них: уровень образования, умственных способностей, манера одеваться или вести себя в обществе [2]. Данный культурный капитал делает возможным социальную динамику, перемещение от одного класса к другому в стратифицированных обществах. Исследователь противопоставляет культурный капитал экономическому (материальным ценностям), так как нематериальные свойства человека довольно трудно поддаются объективной оценке.

Городская культура «больших» и «малых» городов поддерживается благодаря деятельности культурных учреждений, основными из которых являются музеи, театры и кино. Городское население имеет возможность перенестись в определенный исторический период, изучить ценности и нормы, присущие для того времени, изучить другую культурную среду. Роль культурных учреждений всегда их роль была обусловлена посещением людьми данных заведений, повышением культурного развития человека, его общением с единомышленниками.

С наступлением пандемии COVID-19 сфера культуры претерпела значительные изменения. В период с марта 2020 г. до июля 2020 г. все учреждения, работающие в культурной сфере, были закрыты для снижения риска заболевания COVID-19 посетителей и работников. Однако население не потеряло возможность духовного обогащения. Для того чтобы минимизировать контакты людей, появилась возможность посещать музеи, театры и кинотеатры онлайн. Виртуальное пространство и на сегодняшний день остается местом, где действительно безопасно посмотреть новый фильм или спектакль, посетить онлайн-выставку.

Например, государственный музей Эрмитаж организовал свое интернет-пространство, где к просмотру доступно более 400 тыс. экспонатов, 56 коллекций и 18 выставок [5]. Также виртуальных посетителей готовы принять Третьяковская галерея и Государственный Русский музей и мн. др. [3; 7]. Театральная индустрия также смогла

продолжить свою деятельность: российские театры дали возможность своим зрителям бесплатно просматривать репертуарные спектакли. Во время самоизоляции очень сильно вырос спрос на использование онлайн-кинотеатров и видеоплощадок, к числу которых относятся такие как YouTube, Okko, Ivi, Кинопоиск, Megogo, Netflix и др. О росте легальных видеосервисов в России сообщило агентство «ТМТ Консалтинг». Согласно данным, в 2020 г. количество пользователей онлайн-кинотеатров выросло на 66 % против 46 % в 2019-м [4]. Это наивысший показатель за период изучения рынка с 2014 г. Однако, по данным Агентства инноваций г. Москвы, в связи с отсутствием посетителей в 2020 г. закрылось около 20–30 % кинотеатров и 10 % музеев [1].

В настоящее время прослеживается, что человеческая жизнь, в том числе ее культурная составляющая, начала приходить в норму. Люди неохотно возвращаются в офлайн-жизнь из-за неопределенности эпидемиологической обстановки, а также из-за того, что люди в России не всегда готовы платить за онлайн-досуг, из-за чего происходит возвращение спроса на физическое посещение сеансов. Деятельность музеев становится омниканальной, сочетающей в себе онлайн и офлайн форматы, благодаря чему работа с посетителями перестанет заключаться в стенах музея и выйдет за его пределы.

В заключение стоит подчеркнуть тот факт, что, несмотря на пандемию COVID-19 и связанные с ней ограничения, люди все равно продолжают тянуться к культуре, смотреть кино, спектакли и посещать выставки музейных экспонатов. В период самоизоляции социум не был отстранен от культурных и подлинных ценностей. На сегодняшний день представляется важным видеть перспективы развития культурной жизни городов и умение реализовывать новую культурную политику в онлайн и офлайн форматах.

Литература

1. Агентство инноваций города Москвы. URL: https://innoagency.ru/files/Prognoz_Culture%20And%20Creative%20Industries_Covid.pdf (дата обращения: 06.05.2021).
2. Бурдые П. Формы капитала / пер. с англ. М. С. Добряковой; Бурдые П. Различение: социальная критика суждения (фрагменты книги) / пер. с фр. О. И. Кирчик // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М. : РОССПЭН, 2004. 680 с.
3. Виртуальный русский музей. URL: <https://rusmuseumvrvm.ru> (дата обращения: 09.05.2021).
4. Газета «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4721119> (дата обращения: 06.05.2021).
5. Государственный музей «Эрмитаж». URL: https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/panorama/virtual_visit/panorama-m-1/?lng=ru (дата обращения: 09.05.2021).
6. Тихомиров М. Н. Древнерусский город. М., 1956. 261 с.
7. Третьяковская галерея. URL: <https://www.tretyakovgallery.ru/exhibitions/?type=virtualnye-vystavki> (дата обращения: 09.05.2021).

УДК 316.334.56

Е. М. Матафонова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ИСТОРИЯ ГОРОДА – ОСТРОГА ИРКУТСКА: ОТ ОСНОВАНИЯ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Статья посвящена 360-летию города Иркутска. Рассмотрена история основания, события, повлиявшие на становление города и административно-территориальное устройство города в настоящее время.

Ключевые слова: город, Иркутск, история, личности, юбилей, устройство.

Е. М. Matafonova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE HISTORY OF THE CITY – THE PRISON OF IRKUTSK: FROM THE FOUNDATION TO OUR TIME

This article is dedicated to the 360th anniversary of the city of Irkutsk. The work will consider the history of the foundation, the events that influenced the formation of the city and the administrative – territorial structure of the city in our time.

Keywords: city, Irkutsk, history, personality, anniversary, device.

Город Иркутск был основан 360 лет назад на месте крепости-острога, которая была заложена 6 июля 1661 г. казаками под командованием Якова Похабова. Полезные ископаемые, наличие водных и дорожных путей стали основанием для развития промышленности и хозяйственных предприятий. Связи с ближним зарубежьем и Забайкальем способствовали росту численности населения Иркутска и Иркутской области. После получения статуса города в 1686 г. у Иркутска появляется собственная символика. На Гербе представлен серебряный щит, на фоне щита изображён бабр.

Иркутск становится торговым, административным и культурным центром Сибири в конце XVIII в. Продолжается застройка города и близлежащих поселений. Благодаря притоку богатых купцов, в Иркутск привлекались лучшие архитекторы России и ближнего зарубежья. В городе открывались училища, библиотеки, музеи, театры, благоустраивались скверы и улицы. Началось активное строительство особняков и общественных зданий. Таких, например как первый кафедральный собор Иркутска – Спасская Церковь.

Крупный пожар, который произошёл в конце XIX в. уничтожил почти всю центральную часть города, семьдесят пять кварталов и большую часть городских застроек. Стоит отметить, что, несмотря на значительный ущерб, который был причинён пожаром, город быстро был восстановлен. В конце XIX – начале XX вв. было построено и заложено основание многих крупных каменных и деревянных зданий. Город принял более современный облик в сравнение с другими, столь же крупными российскими городами того времени.

В данной части статьи мы разберём административно – территориальное устройство Иркутска. Согласно Закону «Об административно-территориальном устройстве Иркутской области» [1], город разделён на следующие административно-территориальные образования (районы): Октябрьский, Ленинский, Правобережный и Свердловский районы.

Обращаясь к уставу, «муниципальное образование город Иркутск делится на четыре административных округа, которые не являются административно-территориальными образованиями области, а созданы для административного управления соответствующими территориями и могут включать в себя несколько районов города Иркутска» [1].

Центр Иркутска находится в Правобережном округе, который был образован в 1996 г. вследствие соединения Куйбышевского и Кировского районов. В Октябрьском округе расположены жилые дома, аэропорт и промышленный узел. В Свердловском округе располагаются ГЭС, ТЭЦ и ЖД вокзал Иркутск Пассажирский. В Ленинском округе находятся промышленные узлы, авиастроительный завод и ЖД станция Иркутск Сортировочный.

В заключение, следует отметить известных личностей, проживающих или проживавших на территории Иркутска и Иркутской области в разное время. Александр Валентинович Вампилов, драматург и прозаик. В 1959 г. закончил историко-филологический факультет Иркутского государственного университета. В 1987 г. имя Александра Валентиновича было присвоено Иркутскому театру юного зрителя, установлена мемориальная доска.

Валентин Григорьевич Распутин. В 1959 г. он закончил историко-филологический факультет Иркутского государственного университета. Является представителем одного из направлений русской литературы – деревенской прозы, почётный гражданин Иркутска. Денис Леонидович Мацуев, учился в Иркутске в школе искусств. Пианист-виртуоз, общественный деятель. С 2009 г. является почётным гражданином Иркутска.

Эти, как и многие другие имена, прославляли город на Ангаре на протяжении многих веков существования города. Каждый из этих людей внёс вклад в развитие культуры и культурного наследия Иркутска. Иркутск – изначально центр земледельческого края Сибири, сейчас – столица Восточной Сибири, крупный туристический центр. В 1998 г. Иркутск был включен в число исторических мест, в которых сохранилась застройка и планировка. Около семиста объектов культуры и зодчества сохранились до нашего вре-

мени. Иркутск – центр Восточной Сибири, город, выстоявший два пожара, Великую Отечественную Войну и множество природных катаклизмов.

Литература

1. Об административно-территориальном устройстве Иркутской области : закон Иркутской области от 21.06.2010 № 49-ОЗ (ред. от 11.12.2014) : принят Постановлением Законодательного собрания Иркутской области от 26.05.2010 № 21/15-ЗС.
2. Иркутск // МИРС. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/irkutsk> (дата обращения: 24.04.2021).
3. Маринич А. А. Иркутск как исторический город: проблемы и перспективы // Баландинские чтения. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/irkutsk-kak-istoric> (дата обращения: 24.04.2021).
4. Новиков П. А. История Иркутска XX века. Иркутск : Оттиск, 2016. 544 с.
5. Шахерова С. Л. Сибирь в изменяющемся мире. История и современность // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность. 2018. С. 552.

УДК 316.334.56

А. В. Михайлина, С. А. Кобрина
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ В РАЗНЫЕ ЭПОХИ: ФАКТОРЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ УРБАНИЗАЦИИ

Статья посвящена изучению одного из самых глобальных явлений современности – урбанизации. Рассматриваются основные этапы развития городов в разные исторические эпохи. Анализируется понятие «урбанизация» с точки зрения его сущности и приводятся основные этапы развития городов с учетом особенностей урбанизации и конкретных событий в мировом социокультурном и экономическом пространстве. В результате исследования выявляются характерные черты в развитии городского сообщества, влияющие на экономическое и социокультурное пространство страны и мира в целом.

Ключевые слова: развитие городов, эпоха, урбанизация.

A. V. Mikhailina, S. A. Kobrina
Irkutsk State University, Irkutsk

DEVELOPMENT OF CITIES IN DIFFERENT ERAS: FACTORS AND PATTERNS OF URBANIZATION

The article is devoted to the study of one of the most global phenomena of our time – urbanization. The purpose of the article is to consider the main stages of urban development in different historical eras. The author of the article analyzes the concept of "urbanization" from the point of view of its essence and gives the main stages of urban development, taking into account the peculiarities of urbanization and specific events in the world socio-cultural and economic space. The result of the study is to identify the characteristic features in the development of the urban community that affect the economic and socio-cultural space of the country and the world as a whole.

Keywords: urban development, era, urbanization.

Активное развитие городов, превращение их в господствующий, а иногда и монополюсый центр экономического, социального, культурного и религиозного показателя развития страны называется урбанизация. Данный процесс является исторической предпосылкой глобализации, характеризует соотношение сельского и городского населения, фиксирует скорость распространения современных технологий, цивилизации в целом.

Урбанистический процесс развивался непрерывно. Выделяют три основных исторических периода развития городов в разные эпохи: традиционный (допромышленный), современный (индустриальный), постсовременный (постиндустриальный). Каждому из периодов характерны экономические, географические, демографические, религиозные, культурные и т. д. особенности. Исторические периоды значительно отличались соотношением городского и сельского населения, принципами существования людей.

В традиционный период основным способом существования людей было земледелие. Развитие и процветание сельского хозяйства определяло уровень жизни не только людей, возделывающих землю, но и людей, этим занимающихся. В свою очередь разви-

тие и процветание сельского хозяйства зависело от климатических особенностей региона. В результате, климатический фактор напрямую определял количество урожая (продовольствия и сырья), значит и значительно влиял на увеличение процента людей, не возделывающих землю. В итоге, благодаря постоянной дестабилизации сельского хозяйства, процент городского населения оставался минимальным на протяжении всего допромышленного периода [1].

С приходом «мануфактурной эпохи», промышленность стала новой вехой в истории развития процесса урбанизации. И если в традиционный период от состояния сельского хозяйства зависело буквально все, то с приходом промышленности в повседневную жизнь, значение городов и несельскохозяйственного населения возрастает. Появление новейших тенденций индустриальной эпохи в корне изменили ход развития города, городской жизни, урбанистическая эволюция приобрела глобальный масштаб.

В стремительно растущем историческом процессе индустриального развития Запад занимал лидирующую позицию, достигнув пика уже к середине XX в. (к 1900 г. доля городского населения в западных странах достигла 29,7 %, к 1950 г. уже 53,8 %, к 1980 г. – 70,2 %), тогда как Восток значительно отставал. Этому препятствовали события, унаследованные от предшествующих эпох (эпоха колониализма на Востоке). Эти отличия в результате привели к разным показателям урбанизированности восточных и западноевропейских стран [2].

Рассмотрим постиндустриальный период, который ведет свое начало со второй половины XX в. Высокие показатели доли городского населения благоприятно сказываются на экономике, однако «обратная сторона медали» данного процесса – увеличение уровня бедности, ухудшение экологической обстановки в мире. Зачастую в одном мегаполисе (чаще всего столичном), скапливается подавляющая доля городского населения.

В заключение следует отметить, что урбанизация стала не просто процессом, а образом жизни современного человека, который охватил все мировое пространство от мегаполисов до малых поселений. Уровень социальной и экономической мобильности населения увеличился в разы, именно сейчас строится совершенно иная мировая городская система городов, независимо от их геолокации, экономической обстановки и исторического прошлого.

Литература

1. Коломак Е. А. Ресурсы урбанизации в России // *Пространственная экономика*. 2015. № 4. С. 59–74.
2. Соколов А. А., Руднева О. С. Современная урбанистическая структура России и ее пространственная дифференциация // *Народонаселение*. 2018. № 3, Т. 21. С. 146–156.

УДК 316.004.738.5

М. А. Павлюк

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

МОНИТОРИНГ, ДИАГНОСТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕРНЕТ-РИСКАМИ, ПРОВОЦИРУЮЩИМИ СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ: ИННОВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Обосновывается, что в условиях развития цифрового общества в России и в связи с повсеместной доступностью интернет-услуг возросла социальная опасность от интернет-рисков, которые сами являются социально опасными явлениями, так и порождают рост социальных опасностей среди населения. Аргументируется, что это побудило к формированию новой системы управления виртуальными рисками и разработки инновационного проекта, основные положения которого представлены в данном исследовании.

Ключевые слова: социально опасные явления, интернет-риски, социально-технические угрозы и вызовы, мониторинг, диагностика и управление рисками.

MONITORING, DIAGNOSTICS AND MANAGEMENT OF INTERNET RISKS THAT PROVOKE SOCIALLY DANGEROUS PHENOMENA: AN INNOVATIVE ASPECT

In the context of the development of the digital society in Russia and in connection with the widespread availability of Internet services, the social danger from Internet risks has increased, which are themselves socially dangerous phenomena, and generate an increase in social dangers among the population. This prompted the formation of a new virtual risk management system and the development of an innovative project, the main provisions of which are presented in this paper.

Keywords: socially dangerous phenomena, Internet risks, socio-technical threats and challenges, monitoring, diagnostics and risk management.

Интернет-пространство на сегодняшний день представляет собой не только спектр возможностей по получению информации, обучению и развлечениям, но и существенные угрозы. По данным исследования РБК на конец 2019 г. Россия входила в пятерку стран с самым высоким уровнем интернет-рисков, заняв 4-е место среди ЮАР, Перу, Колумбии и Вьетнама [4]. Самыми распространёнными рисками в России являются: обман и мошенничество (53 %), нежелательные контакты (44 %), плохое обращение (44 %), домогательства (43 %). Среди пользователей в возрасте от 19 до 35 лет таким рискам подверглись 88 %, в возрасте от 36 до 50 лет – 84 %, среди 51–73-летних – 76 %, среди несовершеннолетних – 73 %. При этом, 95 % опрошенных сообщили, что после столкновения с виртуальными рисками они находились в тяжёлом эмоциональном состоянии [4].

По данным исследования ФОМ, проведённым в марте-апреле 2021 г., на тему информационных технологий в России, респондентам задали вопрос о том, развитие информационных технологий приносит больше пользы или вреда. 47 % ответили о том, что это приносит больше пользы, а именно: большей доступной информации, удобство получения услуг, расширенные возможности обучения и получения знаний и др. Несмотря на это, 20 % опрошенных считают, что развитие информационных технологий приносит много вреда, а именно это проявляется в: увеличивается объем ложной информации, появляется больше аморальной информации, технологии несут вредную пропаганду, вредят экологии, увеличиваются возможности мошенничества и мн. др. [1]. Минусов от развития IT-технологий больше, чем плюсов, к тому же, влияние интернет-рисков выходит за рамки виртуального пространства, и оказывается существенное влияние на реальный мир.

Рост опасной информации в интернет-среде обострил ряд проблем. Учеными и исследователями сразу стало прослеживаться, что у россиян низкий уровень цифровой культуры и культуры безопасности в интернете. Это проявляется в неспособности определить информационные угрозы и защититься от них. В результате чего люди подвержены манипулятивному воздействию, сознание затуманивается, что способствует дезадаптации, переоценки ценностей, моральной деградации, а это, в свою очередь, влияет на рост социально опасных явлений уже не в виртуальной среде, а в реальном социальном пространстве.

Возникает вопрос о том, как именно происходит управление виртуальными рисками и формирование цифровой культуры. В сфере профилактики существуют ряд инициативных проектов, к примеру, проект «Интернет-рискам СТОП! Выход ЕСТЬ», который был реализован в 2019 г. в Нижегородской области и ряде других регионов [2]. Реализован проект «Персональные данные. Дети» на базе Роскомнадзора [3]. Существует «Центр безопасного интернета в России», «Лига безопасного интернета» [5] и мн. др. Однако нами отмечено, что это больше профилактические проекты, они направлены на повышение цифровой культуры, и не уделяется внимание управлению интернет-рискам, тем более на территории Иркутской области таких проектов нет. В связи с этим было принято решение о разработке регионального проекта – Экспертная информационно-коммуникационная платформа, направленная на мониторинг, диагностику и управление виртуальными рисками.

С целью выявления актуальности предлагаемого нами инновационного проекта в период с 29.04.2021 по 04.05.2021 было проведено социологическое исследование, методом онлайн-опроса населения Иркутской области на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН ИГУ (научный руководитель проекта – доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных). Социологический опрос имел сплошной характер, всего в исследовании приняло участие 302 респондента (100 %). По социально-демографическим характеристикам было опрошено 49,7 % мужчин и 50,3 % женщин. Участвовали респонденты разной возрастной группы. В возрасте от 18 до 34 лет – 85 чел.; от 35 до 45 лет – 84 чел.; от 45 до 59 лет – 81 чел.; от 60 и более – 52 чел. 100,0 % респондентов проживают на территории Иркутской области. Респонденты преимущественно с высоким уровнем образования, отличающиеся повышенной трудовой активностью, имеющие собственное жилье (квартира, дом). При этом подавляющее большинство являются опытными пользователями интернета со стажем от 10 лет и более (90,1 %). Опрос проводился на онлайн-площадке iAnketa.ru. Статистическая обработка данных осуществлена при помощи программы Microsoft Office Excel и SPSS Statistic for Windows 22.0.

Экспертная информационно-коммуникационная платформа – это платформа, действующая на основе цифровой модели взаимодействия с целью быстрого реагирования на возникающие социально-технические вызовы и угрозы. Существо проекта состоит в разработке методики управления интернет-рисками посредством экспертного обсуждения с участием профильными организациями и населения Иркутской области. Методика управления виртуальными рисками состоит в комплексном анализе социальных опасностей, который подразумевает мониторинг и диагностику рисков, а впоследствии разработку адаптивных цифровых методов управления ими. Результаты исследования показали, что 94,0 % опрошенных смотрят положительно на создание экспертной платформы и поддерживают идею в разработке предлагаемой методики.

В рамках проекта мы разработали основные мероприятия, а именно:

- проведение видеоконференций по вопросам формирования методики управления виртуальными рисками;
- проведение видеоконференций с разными категориями населениями по вопросам формирования цифровой культуры среди населения Иркутской области;
- проведение видеоконференций и дискуссии с профильными организациями по вопросам профилактической работы с населением разных возрастных категорий и социальных статусов;
- проведение социологических исследований;
- разработка цифровых технологий управления интернет-рисками;
- разработка мобильного приложения.

Результаты социологического исследования показали, что по мнению респондентов все предложенные нами мероприятия актуальны и необходимы в условиях развития цифрового общества в России, в частности на территории Иркутской области (83,8 %), при этом 84,4 % иркутян приняли бы в нём непосредственное участие в разных формах: в качестве волонтеров, участников дискуссий, помощников в ведении страниц в социальных сетях, в качестве дизайнеров web-страниц, а также в качестве программистов, которые могут помочь как в создании самой платформы, так и в разработке цифровых технологий управления интернет-рисками. Также нам важно было определиться с тем, какие функции инновационного проекта должны быть приоритетными, для это мы задали данный вопрос респондентам (табл. 1).

Анализ данных показал, что по мнению респондентов все предложенными функции должны реализовываться проектом, а именно: мониторинговые функции, экспертно-аналитические, информационные, профилактические, консультационные, образовательные, прогностические, а также просветительские и методологические (50,3 % ответов). В таком случае это подтверждает то, что управление интернет-рисками и формирование цифровой культуры должно быть комплексно, с применением разных видов деятельности.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы полагаете, какие функции призваны решать проект по разработке Экспертной информационно-коммуникационной платформы «Мониторинг, диагностика и управление виртуальными рисками, провоцирующими социально опасные явления?»»

Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, %	Доля респондентов, %
Всё вышеперечисленное	164	50,3	54,3
Мониторинговую	42	12,9	13,9
Экспертно-аналитическую	27	8,3	8,9
Информационную	24	7,4	7,9
Профилактические	18	5,5	6,0
Консультационную	14	4,3	4,6
Образовательные	12	3,7	4,0
Прогностические	11	3,4	3,6
Просветительскую	8	2,5	2,6
Методологическую	5	1,5	1,7
Затрудняюсь ответить	1	0,3	0,3
Всего	326	100,0	107,9

Таким образом, представлены основные положения инновационного проекта, направленного на разработку Экспертной информационно-коммуникационной платформы, в основе которой мониторинг, диагностика и управление виртуальными рисками, которые сами по себе являются социально опасными явлениями и провоцируют рост социальных опасностей. Реализация проекта планируется в 2021–2022 гг. на территории Иркутской области при поддержке экспертного и научного сообщества, а также профильных организаций и, конечно, населения Иркутской области. По прогнозам инновационный проект будет полностью эффективен, и в дальнейшем будет предусматриваться выход на федеральный уровень.

Литература

1. Информационные технологии. Исследование ФОМ // Фонд Общественное мнение. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14561> (дата обращения: 07.05.2021).
2. Положение проекта «Интернет-рискам СТОП. ВЫХОД ЕСТЬ» // Копилка уроков. URL: https://kopilkarurokov.ru/vneurochka/prochee/proekt_internet_riskam_stop_vykhod_est (дата обращения: 07.05.2021).
3. Проект «Персональные данные. Дети» // Роскомнадзор. URL: <http://персональныеданные.дети/> (дата обращения: 07.05.2021).
4. Технологии и медиа. Исследование РБК // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/11/02/2020/5e41a20f9a7947523b1a4a72 (дата обращения: 07.05.2021).
5. Центр безопасного интернета // Экспертно-новостной центр. URL: <https://www.saferunet.ru/> (дата обращения: 07.05.2021).

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ:
ПРИМЕНЕНИЕ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАБОТЕ
С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯМИ
В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ**

Рассматриваются психологические особенности несовершеннолетних правонарушителей, а также конфликтные ситуации, с которыми чаще всего сталкиваются подростки. Проводится анализ применения медиативных технологий в работе с несовершеннолетними правонарушителями в Иркутской области.

Ключевые слова: медиация, несовершеннолетние правонарушители, восстановительная медиация, коррекция.

A. A. Popova

Irkutsk State University, Irkutsk

**PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ADOLESCENTS:
THE USE OF MEDIATION TECHNOLOGIES IN WORKING WITH JUVENILE OFFENDERS
IN THE IRKUTSK REGION**

The article deals with the psychological characteristics of juvenile delinquents, as well as conflict situations that teenagers most often face. In addition, the analysis of the use of mediation technologies in working with juvenile offenders in the Irkutsk region was carried out.

Keywords: mediation, juvenile delinquents, restorative mediation, correction.

Одной из серьезных проблем общества в настоящее время являются различные формы девиантного поведения подростков. Данное поведение может выражаться в самых разных поступках: побег из дома, разбойные нападения, кражи или даже убийства. Психология подросткового возраста – один из самых сложных и наименее разработанных разделов возрастной психологии. Подростковый возраст характеризуется интенсивным процессом психического и личностного развития, физического созревания организма. В этот период у подростка формируется новое представление о себе и окружающем мире, формируется самооценка. Возрастные особенности отражают устойчивые свойства и качества личности, характерные для детей того или иного периода развития.

Психологические и возрастные особенности несовершеннолетних правонарушителей помогают понять, что медиативные технологии востребованы в работе с данной категорией. Специалисту необходимо учитывать, что подростки могут иметь такие характеристики как конфликтность, повышенная агрессия по отношению к окружающим людям, чувство тревожности и дискомфорта, а также ощущение незащищенности. Все эти факторы требуют внимания в работе специалистов с несовершеннолетними правонарушителями [2].

У большинства несовершеннолетних присутствуют проблемы, касающиеся внутрисемейных конфликтов, которые чаще всего имеют затяжной характер. Помимо этого, могут случаться конфликты с педагогами и сверстниками, а также родителями других детей или же с ближайшим окружением (соседи, друзья и прочие).

Конфликты с окружающими приводят к накоплению негативных эмоций. Именно это толкает подростка на самовольные уходы из дома (или из специализированного учреждения) и пропуски занятий в образовательном учреждении, ведь это единственный шанс, по мнению подростка, который помог бы избежать именно того общения, которое приносит отрицательные эмоции. Но рано или поздно подросток находит себе соответствующую компанию. Иногда взрослые, вступив в конфликт с подростком, могут вести себя деструктивно. В таких ситуациях несовершеннолетний может «копировать» поведение взрослого. В дальнейшем такая модель поведения может закрепиться в сознании и стать основной.

В совокупности с психологическими особенностями, деструктивное поведение становится привычным для подростка и считается единственным возможным вариантом выхода из какой-либо ситуации. Это означает, что, попадая в похожие ситуации, модель поведения будет одна. Если правонарушитель привык действовать деструктивно, то в дальнейшем это может привести к совершению преступления [2].

Чтобы разрушить защитные механизмы, приводящие к негативным последствиям, необходима работа по профилактике совершения правонарушений несовершеннолетними. Даже если подросток признает свою вину полностью или частично, это не дает гарантии того, что он осознает последствия всех своих действий и тем более изменит модель поведения.

Достичь каких-либо результатов можно с помощью медиативных технологий, дающих подростку именно те навыки и компетенции, которые понадобятся при разрешении конфликтов. Но ценность и необходимость применения медиативных технологий не ограничивается одним лишь умением вести себя конструктивно.

Бывают ситуации, когда подросток настроен скептически или агрессивно по отношению к специалисту, пытающемуся ему помочь. Данное явление происходит из-за возрастных особенностей ребенка и уже имеющегося негативного опыта общения. Специалисты, использующие медиативные технологии в своей работе пытаются снизить агрессию со стороны несовершеннолетнего, а также выстраивают конструктивные взаимоотношения и развивают навыки взаимопонимания. Кроме того, важна работа, направленная на предупреждение конфликтных ситуаций, которые возникают между подростком и окружающими (семья, сверстники, коллектив образовательного учреждения и другие).

В Иркутской области создан устойчивый фундамент для применения и развития медиации как технологии работы с несовершеннолетними правонарушителями, именно поэтому наш регион является передовым в этой области уже на протяжении многих лет. Иркутская область одна из немногих регионов, которая имеет большой и уникальный опыт в сфере применения примирительных процедур с несовершеннолетними. Создана универсальная база для организации деятельности специалистов различных учреждений, которая предполагает применение восстановительного подхода в работе с детьми.

В 2001 г. в Иркутской области была создана некоммерческая организация Иркутский молодежный фонд правозащитников «Ювента» под руководством Марианны Николаевны Садовниковой. Команда специалистов Фонда «Ювента» занимается активным внедрением медиации с несовершеннолетними, а также реализовывают различные инновационные технологии и проекты в работе с детьми [1]. Необходимо отметить тот факт, что именно в этом фонде впервые в России предложили использовать медиативные технологии в работе с несовершеннолетними правонарушителями. В дальнейшем опыт фонда правозащитников стал применяться и в других регионах нашей страны.

Сильным толчком в становлении и развитии процедур примирения в Иркутской области стало принятие в 2011 г. федерального закона о медиации, регламентировавшего деятельность специалистов этой сферы, а также правила, принципы и область применения данной процедуры.

В 2010 г. была создана некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Иркутский межрегиональный центр образовательных и медиационных технологий». Данная организация проводит реализацию различных социально-значимых проектов и программ, направленных на применение медиационных технологий, в том числе и с несовершеннолетними правонарушителями. С самого начала своего существования в центре медиации предполагалось внедрение бесплатных процедур, либо процедур, финансируемых государством или иными источниками.

Наряду с «Иркутским центром медиации» появились такие крупные организации, помогающие в вопросах урегулирования конфликтов, как «Первая Иркутская служба медиации» и «Байкальская лига медиаторов». Многие проекты этих организаций созданы

совместно с фондом «Ювента» и центром медиации. На сегодняшний день реализовано уже много программ, направленных на развитие медиации и медиационных технологий в работе с несовершеннолетними. Основными направлениями являются школьная, семейная и восстановительная медиация [1].

Медиация имеет множество положительных сторон, к которым можно отнести экономию времени и сил конфликтующих, поиск решения, которое устроит всех, защита интересов сторон путем принципа конфиденциальности данной процедуры и, конечно же, овладение навыком конструктивного общения.

В работе с подростками применяется восстановительный подход, суть которого заключается в разрешении конфликтов путем восстановления нарушенных или полностью утраченных социальных связей и отношений с окружающими его людьми.

Восстановительный подход необходим для формирования у несовершеннолетних таких качеств как уверенность и целеустремленность, а также развития навыков контроля своего эмоционального состояния. Все это необходимо для предотвращения совершения рецидивных правонарушений и активной социализации в обществе.

Кроме того, восстановительный подход помогает подростку более подробно разобраться в случившихся событиях, путем анализа собственных причин и мотивов, которые подтолкнули его на совершение какого-либо противоправного поступка. Еще одним немаловажным эффектом восстановительного подхода является приобретение опыта публичного обмена взглядами и впечатлениями, развитие навыка ведения дискуссии и выработки решений, приводящих к разрешению конфликтов.

Восстановительно-медиативные технологии помогают и специалистам в учреждениях, специализирующихся на работе с несовершеннолетними. В данном случае технологии дают возможность поиска причин девиантного поведения ребенка, а также способствуют выработке методов предотвращения поступков, которые влекут за собой негативные последствия. В целом примирительные программы являются эффективным методом профилактики правонарушений среди подростков в различных учреждениях образовательного и социального типа.

Медиация является необходимой частью профилактической работы, которая влияет на снижение конфликтности и агрессивности в поведении ребенка, а также помогает развить навыки конструктивного общения, восстанавливает полностью или частично утраченные социальные связи и дает возможность глубже вникать в суть конфликта, чтобы в дальнейшем избежать подобных ситуаций. Кроме того, медиация используется в урегулировании конфликтов различных сфер жизни подростка, в том числе семьи и образовательных учреждений.

Проанализировав специфику применения медиации и медиативных технологий в работе с несовершеннолетними правонарушителям в Иркутской области, следует вывод, что в нашем регионе создан крепкий фундамент для дальнейшего развития и популяризации данной процедуры. Ведется активная проектная деятельность по внедрению медиации с несовершеннолетними в различные образовательные и социальные учреждения. Кроме того, многие специалисты данных сфер регулярно проходят профессиональную подготовку, изучая базовый курс по медиации. Кроме того, должное влияние на эффективность применения процедуры медиации и медиативных технологий с несовершеннолетними оказывает межведомственное взаимодействие специалистов различных сфер, работающих с детьми.

Литература

1. Иркутский молодежный фонд правозащитников «Ювента». URL: <http://uventa38.ru> (дата обращения: 22.03.2021).

2. Марианов А. А. Возрастные и психологические особенности несовершеннолетних правонарушителей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozrastnye-i-psihologicheskie-osobennosti-nesovershennoletnih-pravonarushiteley> (дата обращения: 15.03.2021).

ГОРОДСКОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Рассматриваются основные социологические интерпретации феномена городского образа жизни в работах зарубежных и отечественных ученых в контексте особенностей его влияния на население городских территорий индустриального и постиндустриального обществ.

Ключевые слова: город, образ жизни, урбанизация, территория, население.

A. V. Rudeva

Kursk State University, Kursk

URBAN LIFESTYLE IN A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE

The article deals with the main sociological interpretations of the phenomenon of urban lifestyle in the works of foreign and domestic scientists in the context of the peculiarities of its influence on the population of urban areas of industrial and post-industrial societies.

Keywords: city, lifestyle, urbanization, territory, population.

Исследователи всегда уделяли изучению города особое внимание. В истории социологии постоянно предпринимались попытки выявить уникальность городских процессов, структуры города и его организации. В связи с интенсивным процессом урбанизации современного общества интерес социологов к проблематике города и городских сообществ еще более усилился. Существенная часть исследований, связанных с городской средой, приходится на осмысление и изучение понятия «городской образ жизни».

Под образом жизни принято понимать специфическое для индивида, семьи или социальной группы сочетание видов деятельности, проанализированное в контексте жизненного пути субъекта и его жизненных условий [4]. Он представляет собой сочетание различных аспектов жизни людей, их поведения в повседневной практике, которое определяется конкретными социально-экономическими условиями данного сообщества, уровнем его развития и характером общественных отношений. В связи с этим различен по своему содержанию образ жизни общественных классов, наций, отдельных социальных слоев и групп. Существенным образом отличается друг от друга и образ жизни людей, живущих на разных территориях и в поселениях разного типа.

Городской образ жизни – это система типичных форм повседневной жизнедеятельности людей, формирующихся под влиянием города как особой социально-пространственной среды обитания человека. Данное понятие было сформулировано, исходя из особенностей городских условий жизни, который характеризуют город как особую среду обитания, с присущей только ей сущностными характеристиками. Среди них выделяют: высокий уровень социальной дифференциации, социокультурную гетерогенность населения, высокий уровень социокультурной мобильности и динамики, интенсивное взаимодействие индивида с большим числом различных социальных групп, широкие возможности выбора моделей поведения, развитость инфраструктуры, информационная насыщенность городской среды. Все это отражается в содержании городского образа жизни и проявляется в таких аспектах как: труд, быт населения, формы досуговой деятельности, удовлетворение материальных и духовных потребностей, участие в политической и общественной жизни, нормы и правила поведения.

Рассмотрению вопросов, связанных с городским образом жизни, уделено много внимания в социологической литературе. Так, весомый вклад в изучение городского образа жизни внес Георг Зиммель. Немецкий социолог сосредотачивает свое внимание на рассмотрении влияния городской среды на психику человека. В своих исследованиях Зиммель классифицирует города на маленькие, к которым также относит деревни, и большие. Характерной особенностью маленького города исследователь считает монотонный, спокойный и размеренный характер жизни его жителей. Он отмечает что для

жизни маленького города характерны однообразность, а наиболее значимыми качествами для жителя маленького города являются душевность, открытость, взаимопонимание и готовность прийти на помощь. Основной же особенностью большого города, как отмечает исследователь является повышенная нервность жизни [3]. Городская повседневность отличается быстрым темпом жизни, а сами горожане постоянно сталкиваются с различного рода раздражителями, порожденными городской средой, нехваткой времени, являющимися следствием больших расстояний и загруженности рабочего графика. Отсюда и характеристика жителя большого города: нервный, постоянно спешащий, основной ценностью для которого являются деньги и их количество. Исходя из выявленных особенностей города, как особой среды обитания индивида, городской житель представляется Зиммелю безликим, замкнутым и безразличным к окружающей его жизни и ее проявлениям вне процесса зарабатывания денег. Он одинок в большом городе, несмотря на огромное скопление людей вокруг себя.

Большой вклад в исследование особенностей городского образа жизни внесли представители Чикагской социологической школы. Так, Луис Вирт исследует город как форму социального существования людей. Рассматривая своеобразие отношений между людьми, проживающими в городе, и прослеживая их отличия от людей, живущих в сельской местности, социолог ставит своей задачей понять, как определенный способ человеческой ассоциации, возможно, тесно связанный с типом поселения, обуславливает поведение и проблемы. Вирт говорит о том, что город характеризуется не первичными, а вторичными контактами [2]. Согласно его представлениям, большой город – это «мир чужаков», которые тем не менее устанавливают и поддерживают личные связи. Так, горожане обладают высокой мобильностью, но при этом, социальные связи, образующиеся между индивидами, довольно слабы. В связи с этим отношения между жителями города характеризуются опосредованностью и обезличенностью, а уровень интеграции в городе гораздо ниже, чем в сельской местности. Также социолог отмечает, что горожане вовлечены в самые различные виды деятельности и ежедневно оказываются в различных ситуациях, поэтому в городе «темпы жизни» быстрее, чем в сельской местности.

Среди отечественных исследователей, изучавших городской образ жизни, в первую очередь следует отметить работы И. С. Турова. Анализируя городской образ жизни, он отмечает, что специфика городских условий жизни определяется двумя группами факторов и поэтому проявляется в двух довольно автономных аспектах: социально-экологических особенностях городских условий жизнедеятельности и социально-экономических особенностях этих условий. Важным аспектом городского образа жизни, на который обращает внимание Туров является концентрация огромных масс населения на ограниченной территории, что в условиях агломераций и урбанизированных районов не способствует устранению разобщенности между группами населения. Наоборот, пространственное единство остается в городе принудительной, разьединенной, мнимой общностью. Так исследователь указывает на то, что разобщенность людей в городе не может быть преодолена ни развитием массовой коммуникации, ни массовой автомобилизацией и высоким уровнем транспортной доступности. Люди хоть и существуют рядом друг с другом, но в то же время они социально отделены друг от друга. Такое разобщение, по мнению Турова, предопределено глубоким различием их коренных социальных интересов [5]. Так, для большого количества горожан естественным состоянием является социальная изолированность и разобщенность, не смотря на концентрацию множества людей на незначительной территории, бурное развитие рынка и средств массовой коммуникации.

Таким образом, рассмотрев разные подходы к феномену городского образа жизни, можно увидеть, что авторы отмечают большое влияние, оказываемое городской средой на человека, его поведение и повседневную деятельность [1; 6; 7]. Исследователи указывают на то, что одной из наиболее значимой характеристикой городского образа жизни

является преобладание анонимных, деловых, кратковременных, частичных и поверхностных контактов в межличностном общении, а также носителей городского образа жизни характеризует большая социальная дистанция при видимой физической близости, отчужденность и направленность действий индивида на достижение личной выгоды.

Литература

1. Андриянова Т. В. Технологии локации культуры и культуры локации в управленческих практиках городских поселений // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» [науч. ред. Т. И. Грabelных]. Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. С. 54–58.
2. Вирт Л. Избранные работы по социологии: сборник переводов / Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии ; пер. с англ. В. Г. Николаев; отв. ред. Л. В. Гирко. М. : ИНИОН, 2005. 244 с.
3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. № 3. 2002. С. 1–12.
4. Казанцев В. И., Светульников М. Г. Социология города: учебно-методическое пособие // Ульяновск. 2004. 140 с.
5. Туров И. С. Городской образ жизни: теоретический аспект // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 131–134.
6. Andriyanova T. V., Kirnosova E. N., Starodubtseva I. F. Organizations of regional culture in assessments of quality of services // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2018. Vol. XXXV (35). P. 35–42.
7. Andriyanova T. V., Kirnosova E. N., Starodubtseva I. F. Government order and its significance in the work of the regional cultural establishments // Proceedings of the International Scientific Conference "Far East Con" (ISCFEC 2018). Part of series: AEBMR. ISSN 2352–5428, Vol. 47. P. 175–190.

УДК 316.334

Н. С. Рыбак

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА И ЕГО КУЛЬТУРЫ

Рассматривается специфика цифровизации городского пространства в аспекте особенностей развития современного города. Аргументируется тезис о том, что городское пространство является наиболее широкой площадкой для внедрения современных технологий. Обосновывается важность формирования цифровой культуры городских пространств.

Ключевые слова: цифровизация, городское пространство, культура города, цифровизация в городском пространстве.

N. S. Rybak

Irkutsk State University, Irkutsk

DIGITALIZATION OF URBAN SPACE AS AN INDICATOR OF THE DEVELOPMENT OF A MODERN CITY AND ITS CULTURE

The article deals with the specifics of the digitalization of urban space in the aspect of the features of the development of a modern city. The thesis is argued that the urban space is the more wide platform for the introduction of modern technologies. The paper substantiates the importance of forming a digital culture of urban spaces.

Keywords: digitalization, urban space, city culture, digitalization in urban space.

В XXI в. стал прослеживаться стремительный рост городов под влиянием глобализационных и информационно-коммуникационных процессов. В контексте качественных изменений городских пространств особенно актуально сравнение Робертом Парком города с «социальными лабораториями» [5]. Ученые Чикагской социологической школы привлекают внимание к изучению города как уникального объекта. При переходе от теоретических знаний к практическим исследованиям городского пространства, необходимо отметить, что город всегда был местом комфортного проживания. Исследуя городское население в привычной среде, Георг Зиммель объяснил влияние комфортного городского

пространства на формирование культуры социума [5]. Важно отметить роль города во введении новых технологий в повседневную жизнь, так как именно с городского пространства начинается цифровизация и формирование новой цифровой культуры. Учитывая историческую изменчивость города как социального явления, динамизм происходящих в нем информационно-коммуникационных процессов видится закономерным явлением. Эта черта особенно четко проявляется на этапе вхождения в цифровую эпоху. Разделяя мнение, что современный город – это не столько пространство мест, сколько пространство потоков – людских, информационных, логистических и многих других [2].

Современное городское пространство невозможно представить без такси, билбордов, интерактивных площадок. Внедрение электронных технологий в городское пространство позволяет городу быть мобильным и современным. Цифровизация глубоко меняет наш культурный опыт не только с точки зрения доступа, производства и распространения новых технологий, но также с точки зрения участия и творчества, а также обучения и участия в обществе знаний. Данный процесс должен сопровождаться продуманной культурной политикой, если мы хотим в полной мере использовать возможности доступа и участия, индивидуального и коллективного творчества. В 2013 г. в научном сообществе на разных уровнях активно обсуждались цифровые тренды, а также новая цифровая культура, подчеркивалась важность индивидуальных и коллективных потребностей пользователей по отношению к медиа. Также отмечались риски для культурного разнообразия и необходимость создания адекватных условий для производства культурного контента и творчества в цифровую эпоху. Мы полностью разделяем данное мнение.

По проблемам развития современного города мы видим, что российское общество сильно изменилось, поскольку технологические инновации принесли новую реальность в повседневную жизнь: получили развитие цифровая, «виртуальная» реальность, нейронные сети и машинное обучение. Было положено начало проведению целого ряда исследований. Изучая виртуальную реальность, Анри Бергсон провел тщательное различие между потенциальным и актуальным классическим контрастом Аристотеля [1]. А. Бергсон, за которым последовал Ж. Делез, предсказал современное состояние общества в городском пространстве, вызванное стремительным развитием цифровых технологий, а именно появление определенного типа реальности, иногда называемого виртуальной реальностью, иногда цифровым пространством или пространством цифровой связи. В области цифровой коммуникации примитивные, «реальные» отношения людей между собой и миром принимают другую форму, социальные отношения приобретают другую скорость, а процессы, происходящие в общественной жизни, ускоряются. Виртуальная реальность связана с реальным миром посредством разработки и внедрения новых информационных технологий, которые обусловили процессы цифровизации городских пространств и в целом культуры. В развитии современного города появился новый тип культуры, называемый «цифровой» культурой (цифровая культура города, цифровая культура городской среды и др.).

Проведенный теоретический анализ показал, что цифровая культура, как правило, возникает в цифровом пространстве и имеет свои особенности: она виртуальная; процессы и связи в ней время от времени ускоряются; время обмена информацией в ней сводится к минутам, иногда к секундам. Несмотря на то, что цифровая культура предполагает переход на новый уровень познания мира с развитыми цифровыми технологиями и способами связи благодаря информации, человек обезличивается, становится потребителем обезличенного. Анонимно созданный цифровой контент чаще всего является объектом всевозможных манипуляций. Как следствие, возникает удивительный парадокс: цифровая культура проявляется в двух ипостасях – с одной стороны, это «живой мир», с другой – технологический мир. В этих условиях выделяется состояние молодых людей, рожденных и сформированных в эпоху информационной революции и активного развития коммуникационных технологий. Люди, рожденные в эпоху развития интернет-

технологий, называются цифровым поколением. В западных источниках различаются – поколение хехт, поколение Z, поколение сети и т. д. Городское пространство становится комфортной средой для таких поколений. Они могут быть идентифицированы с помощью таких важных параметров, как: увлечение «всемирной паутиной» и отличная ориентация в мире цифровой информации, социальных сетей и виртуальных коммуникаций. Подростки современного города выросли в виртуальной среде, окруженные гаджетами и планшетами. Поэтому обращают на себя внимание пограничные ситуации в контексте реальных и виртуальных миров, которые отличают новое поколение от предыдущего. В их картине мира сложно найти границу виртуального и реального мира, поэтому их жизнь большую часть времени проходит в цифровом пространстве города. В частности, у них прослеживается глубокая связь между информационно-коммуникационными технологиями и жизненными ценностями будущих поколений [4]. С позиции цифровых возможностей выделяет поколение XXI века – Z. Поколение Z живет в пространстве фиджитал, т. е. одновременно в виртуальном и реальном «(Physics+Digital=Phygital)» мире [3], а культурным пространством для данного поколения являются пространственно-временные отношения, формируемые под влиянием медиакультуры (цифровой мир). Для фиджитал поколения технологические преобразования становятся нормой жизни, жизненное пространство сужается, внешний мир открывается, а время течёт быстрее. Здесь интернет выступает средством коммуникации и получения новой информации.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить сильное влияние цифровизации на развитие культуры городского пространства. Учитывая историческую изменчивость города как социального явления, динамизм происходящих в нем информационно-коммуникационных процессов видится закономерным явлением. Выявлено, что для городских жителей, родившихся до введения в обиход мобильных телефонов и распространения интернет-технологий, образ города и его культура для них изменились. Показателем развития современного города в настоящее время является широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий в городское пространство.

Литература

1. Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму // Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / пер. с фр. Я. И. Свирского. М. : ПЕР СЭ, 2001. 480 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура : пер. с англ. / под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
3. Стиллман Д. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. 272 с.
4. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. М. : АСТ, 2002. 57 с.
5. Alba R., Nee V. Remaking the American mainstream: assimilation and contemporary immigration. Harvard : Harvard University Press, 2003.

УДК 316.422.4

К. А. Савилова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РОЛЬ МОЛОДЁЖИ В РАЗВИТИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена изучению роли молодёжи в городе и государстве в целом, также даётся краткий анализ молодёжи как объекта социологического исследования. Акцентировано внимание на социальном положении молодёжи в условиях информационного общества. Представлены выводы по основным результатам исследования, проведённого автором посредством онлайн-опроса.

Ключевые слова: молодёжь, государство, город, социальное развитие, социальное положение.

THE ROLE OF YOUTH IN THE DEVELOPMENT OF URBAN SPACE

The article is devoted to the study of the role of youth in the city and the state as a whole, and also provides a brief analysis of youth as an object of sociological research. Attention is focused on the social situation of young people in the information society. Conclusions on the main results of the research conducted by the author through an online survey are presented.

Keywords: youth, state, city, social development, social status.

Многие учёные посвятили свои работы вопросам о месте и роли современной российской молодёжи, о её проблемах и перспективах. Одни оценивают активность, самостоятельность, креативность и поиск себя, другие же упрекают молодёжь в безнравственности, меркантильности, эгоизме и даже в инфантильности. Но есть и представители экспертного сообщества, которые полагают, что каждое новое поколение молодёжи отличается от предыдущего, существенно ничего особенного в портрете современной молодёжи нет. Всё это указывает нам путь для исследования – приоритетной задачей является не поиск отличий и новых характеристик у молодёжи в сравнении с предыдущими поколениями, а выявить её нынешнее положение в обществе и её проблемы, а также выявить пути решения этих проблем и улучшения места и роли в социальной жизни общества [1].

Представляется важным также отметить тот факт, что молодёжь стала самостоятельным объектом социологических исследований лишь в прошлом веке, на т. е. две причины: 1) социология является достаточно молодой наукой; 2) молодёжь проявила себя и заявила о своих интересах лишь на стадии индустриализации рыночных отношений. В это время происходит усиление конкуренции поколений в экономической сфере по причине массовых ротации рабочего класса [2]. Помимо этого, существенное увеличение значения и роли науки на производстве, его интернационализация и расширение привели к необходимости привлечения большого числа новых специалистов, таких как технологи и инженеры, которые смогли удержаться за счёт непрерывного образования.

В условиях информационного общества, с появлением новых социальных лифтов, увеличением миграционных потоков индивиды получают больше возможностей для самореализации и самоактуализации, однако нельзя не отметить такие факторы как рост внешних и внутренних угроз, экономический кризис, демографические проблемы, оказывающие значительное негативное влияние на наше состояние и поведение. Все эти факторы значительно повлияли на современную российскую молодёжь, данная работа направлена на выявление её роли и места в современном городском пространстве и обществе в целом.

Для решения поставленной задачи автором было проведено пилотажное социологическое исследование методом онлайн-опроса на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» с 8 по 16 мая 2021 г. Социологический опрос имел сплошной характер. В рамках исследования опрошено 305 (100 %) человек. По социально-демографическим характеристикам был собран портрет респондента. В опросе приняли участие мужчины (43,9 %) и женщины (56,1 %), большая часть респондентов (65,9 %) в возрасте от 19 до 35 лет, в основном проживающие в городской местности (91,8 %), 39,7 % имеют высшее образование. Большая часть респондентов не женаты (не замужем), а именно 55,1 %.

Анкета включала 26 основных вопросов, дифференцированных на 3 смысловых блока: 1) интересы и потребности молодёжи в условиях информационного общества; 2) роль информационно-сетевых взаимодействий в современных условиях; 3) проект по разработке Региональной концепции мониторинговых исследований динамики интересов и потребностей молодёжи.

Исследование проведено на платформе www.ianketa.ru. Для анализа данных, полученных в процессе исследования, были использованы программы SPSS Statistics V22.0 и Excel.

Результаты исследования позволили определить роль молодёжи в социальном развитии России (рис. 1).

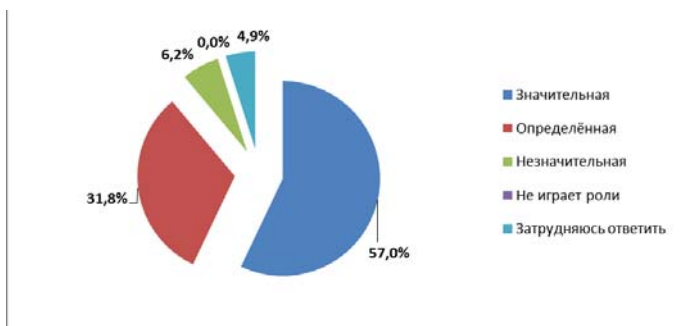

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Определите роль молодёжи в социальном развитии России»

Согласно полученным данным, более половины опрошенных респондентов (57,0 %) разделяют мнение автора о том, что молодёжь играет значительную роль в социальном развитии России и её городов. Никто из опрошенных (0,0 %) не выбрал ответ «Не играет роли», 38,0 % респондентов отмечают роль молодёжи, но не считают её ключевой. Ключевую роль молодёжи для нашего государства подтверждает и Президент Российской Федерации. По словам В. В. Путина: «Молодежь – это опора сегодняшнего дня и будущее России» [3]. Также Президент в своём Послании Федеральному Собранию предложил уделить внимание молодёжи в каждом из Национальных Проектов, включить в них отдельные разделы, посвящённые молодёжи.

Помимо этого, респондентам был задан немаловажный вопрос о положении молодёжи (рис. 2).

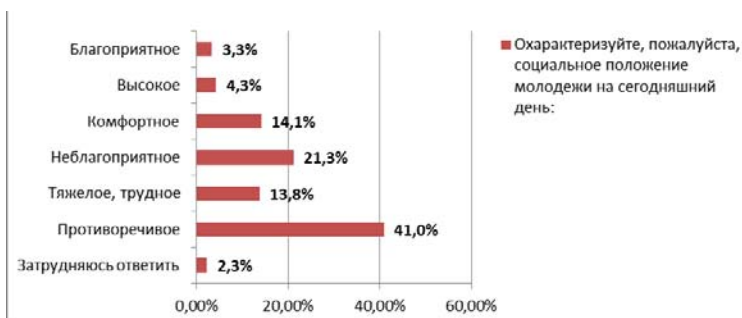

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Охарактеризуйте, пожалуйста, социальное положение молодежи на сегодняшний день»

Как показали результаты проведённого исследования, несмотря на то, что респонденты ранее отметили значимость молодёжи в социальном развитии России, 41,0 % опрошенных отметили противоречивость социального положения молодёжи, 13,8 %

назвали его тяжёлым и 21,3 % – неблагоприятным. Положительные «оценки» положению молодёжи поставили менее трети опрошенных, а именно 21,7 %.

Данные исследования отражают действительность, население признаёт важность и значимость молодёжи для будущего России, однако, не смотря на это, положение молодёжи оставляет желать лучшего. Основываясь на полученных данных, делаем вывод о том, что меры государственной поддержки молодёжи являются недостаточными, необходимо их развивать и совершенствовать в целях улучшения и стабилизации социального положения молодёжи как будущего Российской Федерации.

Таким образом, автором был выявлен интерес учёных к молодёжи как объекту исследования, проведено собственное авторское пилотажное исследование о вопросах динамики интересов и потребностей молодёжи в сетевом пространстве в условиях информационного общества. Основываясь на результатах исследования, была определена значимость молодёжи в социальном развитии России и развитии городского пространства, с другой стороны, автор раскрыл негативные тенденции в социальном положении молодёжи и, следовательно, недостаточную эффективность государственной молодёжной политики.

Литература

1. Кобелева О. В. К вопросу о формировании жизненных ценностей у молодёжи // Национально-региональный компонент образования в условиях его стандартизации : сборник. Бирск : БПИ, 1997. С. 24–27.
2. Магомедова Х. Н. Содержательные характеристики экономических потребностей молодежи // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhatelnye-harakteristiki-ekonomicheskikh-potrebnostey-molodezhi> (дата обращения: 05.05.2021).
3. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20181220/1548320561.html> (дата обращения: 10.05.2021).

УДК 316.334.3

С. А. Сафонов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ТЕХНОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАРТНЕРСТВА КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА: ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ

Рассмотрены роль и место технологии общественно-государственного партнерства в процессе модернизации региона (на примере Иркутской области). Определены основные теоретико-методологические подходы к изучению феномена гражданского общества и его взаимодействия с институтами власти. В результате проведенного социологического исследования установлены существующие проблемы, препятствующие развитию партнерства власти и общества в регионе. Для преодоления существующих препятствий предложен инновационный проект Комплексной программы развития общественно-государственного партнерства.

Ключевые слова: общественно-государственное партнерство, гражданское общество, власть, Иркутская область, гражданский сектор, общественно-гражданские органы.

S. A. Safonov

Irkutsk State University, Irkutsk

PUBLIC-STATE PARTNERSHIP TECHNOLOGY AS A FACTOR OF REGIONAL MODERNIZATION: AN INNOVATIVE PROJECT

This article examines the role and place of the technology of public-state partnership in the process of modernization of the region (on the example of the Irkutsk region). The main theoretical and methodological approaches to the study of the phenomenon of civil society and its interaction with government institutions are defined. As a result of the conducted sociological research, we have identified the existing problems that hinder the development of partnership between the government and society in the region. To overcome the existing obstacles, we proposed an innovative project of a Comprehensive program for the development of public-state partnership.

Keywords: public-state partnership, civil society, government, Irkutsk region, civil sector, public-civil bodies.

С развитием демократического общества в России, постепенно обозначилась потребность во взаимодействии власти и общества в решении социально-значимых проблем. Одним из инструментов сотрудничества выступает технология общественно-государственного партнерства, входящая в более широкий перечень механизмов – межсекторного социального партнерства. Наличие данной технологии предполагает тесное взаимодействие структур гражданского общества с государственной, региональной и местной власти. Преимуществом такой непрерывной коммуникации является взаимное соучастие граждан и власти во всех сферах жизни общества. Таким образом, обеспечивается социальная стабильность, понимание общественных проблем и мобилизация общественно-государственных сил на их решение.

Постановка проблемы

Потребность постоянного диалога между властью и обществом подчеркивается на всех уровнях власти. Так, например, Президент России В. В. Путин в ходе своего Послания Совету Федерации от 21.04.2021 подчеркнул дальнейшее выстраивание отношений между обществом, бизнесом и властью [13]. На региональном уровне актуализация вопросов сотрудничества обозначена Губернатором Иркутской области – И. И. Кобзевым [14]. Он подчеркивает, что гражданское общество региона находится на стадии формирования и развития. Однако, несмотря на его начальный этап развития, уже сегодня необходимо оказывать ему содействие и разнообразную поддержку. Проведя вторичный анализ социологических исследований, мы можем отметить, что: «...приоритетность государственных мер реализации технологии общественно-государственного партнерства обусловлена именно более широкой материально-технической, информационной, ресурсной базой» [10, с. 464].

Партнерство власти и общества в решении социально-значимых задач региона является принципиальным фактором в дальнейшем развитии Иркутской области. Объясняется это рядом причин, среди которых: 1) необходимость поддержки общественных инициатив посредством участия региональной власти; 2) заинтересованность исполнительных органов власти в системных решениях социально-значимых проблем; 3) достижение социально-экономической и социально-политической стабильности региона, снятие клише «депрессивного». С целью выявления актуальности проблемы исследования, в ходе социологического исследования респондентам был задан вопрос «Какой этап переживает технология общественно-государственного партнерства?».

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какой этап переживает технология общественно-государственного партнерства?»

Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, %
Этап наличия и понимания общих интересов, однако отсутствие целенаправленной деятельности в обозначенном направлении	91	29,3
Этап осуществления партнерской деятельности, но отсутствие значимых результатов	72	23,2
Этап разобщенности интересов и взглядов	52	16,7
Этап формирования	48	15,4
Этап внедрения новых инструментов реализации инициатив	15	4,8
Все вышеперечисленное	19	6,1
Загрудняюсь ответить	13	4,2
Другое (а именно: «Она находится на стадии зародыша»)	1	0,3
Всего	311	100,0

Из провиденной таблицы мы можем увидеть, что сегодня технология общественно-государственного партнерства переживает «Этап наличия и понимания общих интересов, однако отсутствие целенаправленной деятельности в обозначенном направлении» (29,3 % респондентов). Отсюда мы понимаем, что сегодня тема взаимодействия общества и власти особенно актуальна и остра.

Методология исследования

Общественно-государственное партнерство не является новой темой. Так или иначе, специфика партнерских отношений между государством и обществом отражалась в творчестве многих социологов, философов, политологов прошлого и настоящего. В основном тема сотрудничества власти и общества в обозначенном направлении развивалась в рамках темы гражданского общества. Одним из первых данный вопрос подверг обсуждению античный философ Платон в своем трактате «Государство» [9]. После Платона его идеи начал развивать Аристотель в труде «Политика», рассматривая современные ему государства и выделяя основные отличия в управлении.

Следующий шаг в развитии методологии исследования гражданского общества осуществил итальянский мыслитель Н. Макиавелли [6]. Ему принадлежит тезис о смене принципов изучения гражданского общества, он осуществил концептуальный переход от традиционализма к принципу личности и её личных интересов. Одновременно с Макиавелли свое развитие получала и традиция, существующая в рамках теории общественно-договора, чьи сторонники Т. Гоббс [3], Г. Гроций рассматривали гражданское общество как отдельное образование от государства, выполняющее вспомогательные функции.

Представитель либерального направления гражданского общества – Джон Локк, опровергал тезисы Гоббса и Гроция, ставя государство позади гражданского общества. По Локку, гражданское обществом выступает некоторым механизмом сдерживания и ограничения полномочий государства.

В немецкой классической философии тема партнерства государства и общества отразилась в трудах И. Канта и Г. Гегеля. Кант подчеркивал, что гражданское общество является производным воли людей, которые исходят из потребности в защите своих интересов. Необходимость введения правовой системы, регламентирующее взаимодействие людей является одним из факторов гармоничного развития всего общества. Г. Гегель отводил гражданскому обществу промежуточное положение между семьей – базовой единицей социума и государством – совокупностью данных единиц.

В современной традиции тема гражданского общества, в частности общественно-государственного партнерства прослеживается в трудах А. Токвиля, К. Маркса, М. Вебера, Й. Шумпетера, Ю. Хабермаса, П. Бурдьё, М. Фуко, Р. Дарендорфа.

В отечественной социологии тема партнерства власти и общества представлена в трудах П. Чадаева, Н. Бердяева, М. Бакунина, П. Кропоткина, П. А. Сорокина. Академик РАН Т. И. Заславская определяет гражданское общество как совокупность отношений и институтов, функционирующих отдельно от политических институтов и способных влиять на неё различными инструментами [5, с. 37]. Академик РАН Г. В. Осипов дает гражданскому обществу следующее определение: «Общество, характеризующееся сферой спонтанного самопроявления индивидов и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций граждан, которая защищена от прямого вмешательства и произвольной регламентации деятельности граждан со стороны органов государственной власти» [15, с. 212]. Также тема взаимного соучастия государства и общества в решении социально значимых проблем отражена в работах В. Н. Якимец [12], Т. И. Грабельных [4] и И. А. Скалабан [11].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что тема гражданского общества не является новой. Однако единого подхода к изучению взаимодействия государства и гражданского общества не выработано.

Методы и методика исследования

Для разработки инновационного проекта, направленного на преодоление существующих проблем в реализации общественно-государственного партнерства, было проведено социологическое исследование, целью которого стало выявление мнений респондентов об особенностях региональной модели общественно-государственного партнерства.

Исследование было проведено в период с 05.05.2021 по 06.05.2021 гг. на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» (научный руководитель проекта – доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных). Среди приоритетных задач исследования было: 1) особенности формирования гражданского общества в России; 2) выявление существующих проблем взаимодействия региональной власти и общества; 3) определение актуальности инновационного проекта для Иркутской области.

Анкетирование было проведено в формате онлайн-опроса с помощью сайта <http://www.ianketa.ru>. Всего было опрошено 311 человек (100,0 %). Респонденту было предложено ответить на 43 вопроса и выбрать наиболее подходящее мнение, выражающее его точку зрения. Статистическая обработка была произведена в программах MS Excel и SPSS Statistics 22.0 версии. Была создана база исследования, на основе которой были построены частотные таблицы распределения и выявлены корреляционные зависимости ответов респондентов.

Результаты исследования

Особенности формирования гражданского общества в России

Специфика формирования гражданского общества в России позволяет определить необходимый набор методов по его развитию. Если гражданское общество формируется государством сверху, адекватным будет создание стимулов по развитию общественных организаций. Это обстоятельство позволит активизировать гражданский сектор его становление в равноценного партнера государства в решении социально-значимых задач. Если же гражданское общество формируется самим обществом «снизу», то предполагается акцент на мерах повышения государственного участия в общественной жизни, развитие механизмов общественно-государственной экспертизы. Для выявления мнений относительно особенностей формирования гражданского общества респондентам был задан вопрос «Каковы особенности формирования и развития гражданского общества в России?» (табл. 2).

Таблица 2
Распределение ответов на вопрос «Каковы особенности формирования и развития гражданского общества в России?»

Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, %
Построение гражданского общества иницируется государством	90	28,9
Гражданское общество формируется самим обществом снизу	76	24,4
Процесс находится под влиянием бизнес-сектора	61	19,6
Соучастие всех субъектов государства и общества	49	15,8
Все вышеперечисленное	21	6,8
Затрудняюсь ответить	14	4,5
Всего	311	100,0

Из данной таблицы мы видим, что по мнению респондентов, на сегодняшний день гражданское общество иницируется самим государством (28,9 % респондентов). Однако, респондентами отмечается, что гражданское общество формируется и самим обществом (24,4 % респондентов). Такой паритет, дает нам основания по созданию мер развития общественно-государственного партнерства, направленных как на государство, так и

на само гражданское общество. Учетывание таких разнонаправленных тенденций, позволит нам более системно и обстоятельно подойти к созданию инновационного проекта, обеспечивая встречное направление движения государства и общества.

Существующие проблемы реализации общественно-государственного партнерства

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, какие проблемы сегодня прослеживаются в развитии взаимодействий общественно-государственных органов с региональной властью?»

Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, %
Общественные инициативы не выступают в качестве инструмента формирования «региональной повестки»	181	23,8
Пассивность общественного сектора региона	133	17,5
Незаинтересованность власти в развитии партнерских отношений	117	15,4
Несовершенство нормативно-правовой базы	112	14,8
Отсутствие равноправного партнерства	105	13,8
Власть не готова к передаче части своих функций общественному сектору	71	9,4
Отсутствие актуальных программных и стратегических документов развития партнерства	27	3,6
Затрудняюсь ответить	13	1,7
Всего	759	100,0

Согласно данной таблице, наиболее острой проблемой является игнорирование общественных инициатив (23,8 % ответов респондентов). Также респондентами подчеркивается проблема пассивности общественного сектора Иркутской области (17,5 % ответов респондентов). Выделяется и незаинтересованность самой власти в развитии партнерских отношений (15,4 % ответов респондентов) и в целом отсутствие равноправного партнерства (13,8 %). Изучив проблемы, нами предлагается инновационный проект Комплексной программы укрепления общественно-государственного партнерства в сфере взаимодействия общественно-гражданских органов с региональной властью в условиях пандемии COVID-19 (на примере Иркутской области).

Актуальность и существо проекта

Инновационный проект Комплексной программы призван активизировать гражданский сектор региона рядом мер. Преимуществом настоящей программы является её направленность и на структуры исполнительной власти, с целью устранения противоречий с общественностью Иркутской области. Для выявления актуальности настоящего проекта респондентам был задан вопрос о потребности в выработке новых механизмов, способствующих развитию общественно-государственного партнерства.

Проведя анализ данных, представленных в рис. 1, мы можем заключить, что, по мнению респондентов, сегодня действительно существует потребность в выработке новых инструментов развития общественно-государственного партнерства. Абсолютное большинство опрошенных, выбрали вариант «Скорее да, чем нет» (64,63 % респондентов), также другой положительный вариант «Да, существует», выбрали для себя 20,26 % опрошенных респондентов. Когда варианты, предполагающие ненужность развития новых инструментов, способствующих развитию общественно-государственного партнерства, выбрали лишь 10 % опрошенных респондентов.

Одним из возможных механизмов развития общественно-государственного партнерства, нами видится Комплексная программа. Её новизной является совокупность и системность мер, направленных на укрепление регионального общественно-государственного партнерства и его становление в действенный инструмент модернизации Иркутской области. С целью выявления актуальности настоящего проекта, респондента был задан вопрос о целесообразности создания такого инструмента.

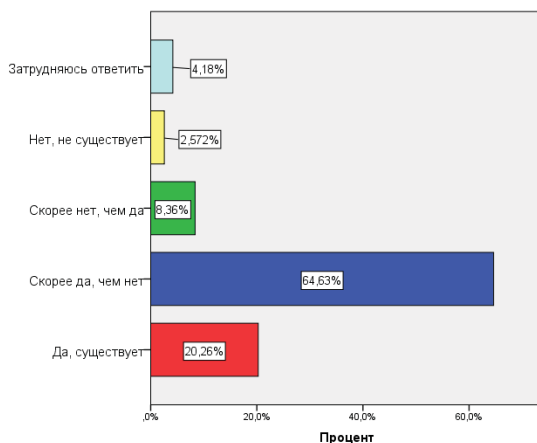

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Существует ли, по Вашему мнению, потребность в выработке новых инструментов, способствующих развитию общественно-государственного партнерства?»

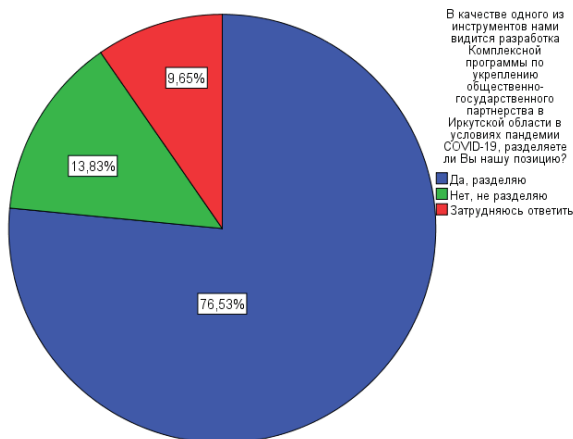

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «В качестве одного из инструментов нами видится разработка Комплексной программы по укреплению общественно-государственного партнерства в Иркутской области в условиях пандемии COVID-19, разделяете ли Вы нашу позицию?»

Из приведенного рис. 2, мы можем увидеть, что абсолютное большинство респондентов (76,53 %) высказываются за создание такого проекта. Лишь 13,83 % респондентов не разделяют нашу идею. 9,65 % респондентов затруднились с ответом. Для выявления основных мер по развитию общественно-государственного партнерства, респондентам был задан вопрос «Какие шаги по развитию партнерства могут получить отражение в данном проекте?».

Распределение ответов на вопрос «Какие шаги по развитию партнерства могут получить отражение в данном проекте?»

Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, %
Принятие нового закона «О развитии и продвижении гражданских инициатив»	147	15,9
Создание нового «информационного коридора» по развитию общественно-государственного партнерства в ведущих СМИ	141	15,3
Организация конкурсов по развитию структур гражданского общества, в частности общественно-государственного партнерства	136	14,7
Расширение сотрудничества местного самоуправления с Общественной палатой Иркутской области	101	10,9
Развитие институтов гражданского образования (введение дополнительных курсов в школах, вузах)	98	10,6
Развитие института связей с общественностью	95	10,3
Создание центров общественных инициатив в аппаратах региональной и муниципальной власти	69	7,5
Совершенствование грантовой системы поддержки социально-ориентированных гражданских инициатив	62	6,7
Развитие института гражданского просвещения посредством взаимодействия с региональным экспертным сообществом	31	3,4
Все вышеперечисленное	34	3,7
Затрудняюсь ответить	10	1,1
Всего	924	100,0

В настоящем инновационном проекте, свое отражение могут найти такие меры, как: 1) принятие нового закона, регулирующим процесс развития и продвижения гражданских инициатив (15,9 % ответов); 2) создание нового «информационного коридора» по развитию общественно-государственного партнерства (15,3 % ответов); 3) Организация конкурсов по развитию структур гражданского общества, в частности общественно-государственного партнерства (14,7 % ответов). Предполагается, что данный перечень мер, станут функциональной основой настоящего инновационного проекта. Автор идеи проекта, как и респонденты, оценивают их влияние на развитие общественно-государственного партнерства как положительное.

Выводы

Резюмируя все вышесказанное, мы можем заключить, что тема общественно-государственного партнерства находило свое отражение ещё в трудах античных мыслителей, философов Просвещения и социологов нашего времени. Данная тема разработана не только в зарубежной социологии, но также полно представлена и в отечественной традиции. На сегодняшний день тема партнерства власти и общества одна из самых актуальных. Однако, несмотря на её фундаментальное значение, единого и системного подхода к анализу гражданского общества, его места в структуре взаимодействия с государством, не существует.

Проведенный анализ полученных результатов социологического исследования, а также вторичный анализ уже проведенных исследований показал, что на сегодняшний день общественно-государственное партнерство в регионе находится в стадии формирования. На современном этапе формирования гражданского общества, тенденция преобладания его формирования «сверху» государством – сохраняется. Проанализировав текущие проблемы, среди которых оказались: 1) пассивность общественного сектора региона; 2) слабая заинтересованность власти в партнерских отношениях; 3) невнимание региональных органов власти к общественным инициативам, их нивелирование, нами был

предложен проект по их решению, а также активизации общественно-гражданского сектора региона. Респонденты высказались за актуальность настоящего проекта и его позитивное влияние на процесс модернизации Иркутской области.

Литература

1. Аристотель. Политика / пер. с греческого С. А. Жебелева, Т. А. Миллер. М. : Изд-во АСТ, 2018. 320 с.
2. Вебер М. Власть и политика / пер. с нем. Б. М. Скуратова, А. Ф. Филиппова; вступ. ст. А. Ф. Филиппова; комм. Т. А. Дмитриева, А. Ф. Филиппова]. М. : РИПОЛ классик, 2019. 432 с.
3. Гоббс Т. Левиафан / пер. с англ. А. Тугерман ; вступ. ст. А. Ф. Филиппов. М. : РИПОЛ классик, 2020. 672 с.
4. Грабельных Т. И., Лесниковская Е. В. Механизмы общественного участия в современной стратегии общественно-государственного партнерства в России // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2017. № 1(24). С. 25–29.
5. Заславская Т. И. Социентальная трансформация российского общества: деятельно-структурная концепция. Москва: Дело, 2002. С. 37.
6. Макиавелли Н. Государь / пер. с ит. М. Юсима. СПб. : Азбука-Аттикус, 2019. 448 с.
7. Монтескье Ш. Ж. О духе законов / пер. на рус. яз. А. Горнфельда; вступит. ст. Д. Хаустова. М. : РИПОЛ классик, 2020. 690 с.
8. Моска Г. История политических доктрин / пер. с итал. Е. И. Темнова. М. : Мысль, 2012. 326 с.
9. Платон. Государство / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова, вступ. ст. Е. Н. Трубецкого, коммент. В. Ф. Асмуса, примеч. А. А. Тахо-Годи. М. : Акад. проект, 2015. 398 с.
10. Сафонов С. А. Общественно-государственное партнерство как способ достижения социального консенсуса // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 459–466.
11. Скалабан И. А. Участие и общественное участие как социологические категории // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5, № 5А. С. 44–59.
12. Якимец В. И., Никовская Л. И. Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления // Власть. 2018. Т. 26, № 4. С. 15–25.
13. Послание Президента РФ Федеральному собранию от 21.04.2021 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382666.
14. Послание Губернатора Иркутской области И. И. Кобзева «О положении дел в Иркутской области в 2020 году и основных направлениях областной государственной политики на 2021 год» // Иркутская область. Официальный портал. URL: <https://irkobl.ru/authorities/igor-kobzev/performance/1107755>.
15. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-координатор Г. В. Осипов. М. : Инфра М-Норма, 1998. 488 с.

УДК 316.4

В. П. Себекин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ГОРОД И ВЛАСТЬ: СТАРЫЕ И НОВЫЕ «РЕЖИМЫ» В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аргументируется тезис о том, что наступление и стремительное развитие пандемии новой коронавирусной инфекции затронуло все сферы жизни общества всех стран по всему миру, включая и Россию. Обосновано, что пандемия COVID-19 внесла значительные коррективы в процессы управления в рамках муниципальных образований, вследствие чего обострились вопросы совершенствования управленческой системы в современных реалиях. Указывается, что в основе более эффективного городского управления должны лежать новейшие разработки в области цифровых информационных технологий, способствующие развитию концепции сетевых взаимодействий властей и жителей города. Подчеркивается значение цифровых технологий в формировании комфортной локальной среды, а также в развитии и модификации каналов коммуникации между органами власти и жителями, как локальных городских сообществ, так и всего города в целом.

Ключевые слова: пандемия, городское управление, цифровые технологии, локальная среда.

CITY AND GOVERNMENT: OLD AND NEW “REGIMES” IN THE CONDITIONS OF THE PANDEMIC

The onset and rapid development of the new coronavirus pandemic has affected all spheres of society in all countries around the world, including Russia. The COVID-19 pandemic has made significant adjustments to the management processes within municipalities, as a result of which the issues of improving the management system in modern realities have become aggravated. More effective urban governance will be based on the latest developments in the field of digital information technology, contributing to the development of the concept of network interactions between authorities and city residents. The article emphasizes the importance of digital technologies in the formation of a comfortable local environment, as well as in the development and modification of communication channels between authorities and residents, both local urban communities and the entire city as a whole.

Keywords: pandemic, urban governance, digital technologies, local environment.

Новые условия пандемического кризиса, наложившиеся на планомерный рост городов, а также на всеобщую диджитализацию обусловили возникновение необходимости модернизации в области управления муниципальными образованиями. В данном контексте интегрирование в управленческий процесс новейших цифровых информационных технологий напрямую влияют на степень эффективности городского менеджмента, в том числе в аспекте формирования комфортной локальной среды.

Учитывая динамичность и неопределённость условий внешней среды, органы муниципальной власти стремятся внедрять новые управленческие технологии с целью повышения эффективности собственной деятельности. Реализация таких концепций, как «умный город», «безопасный город» и т. д. могут обеспечить повышение уровня качества процессов управления в рамках муниципальных образований: «Информационная технология «Умный город» призвана ускорить развитие города, создавая в нем комфортные условия для жизни. Используя данные, накопленные в результате цифровизации муниципальной экономики, проще выявлять городские проблемы и принимать эффективные решения по их устранению, более целенаправленно осуществлять распределение городских ресурсов, глубже изучать запросы и потребности горожан» [2].

Стоит отметить, что особый толчок в развитии цифровизации управленческой деятельности муниципальных органов власти обусловлен активным внедрением технологий дистанционного общения и обмена информацией (на таких платформах как Zoom, Skype), а также совершенствованием возможностей единого портала государственных услуг (Госуслуги) с целью предупреждения распространения коронавирусной инфекции нового типа.

Деятельность органов муниципальной власти, направленная на поиск путей её совершенствования и повышения эффективности, в аспекте всеобщей диджитализации тесно связана с понятием сетевизации: «Сетевизация – это инновационный тип управления, при котором одной из главных является цель интеграции органов местного самоуправления в вертикаль власти» [2].

Обращаясь к работам испанского социолога Мануэля Кастельса, нельзя не отметить тот факт, что в XXI веке «доминирование информации перестает быть главной особенностью. На смену этому тренду приходит потребность в сетевой логике ее использования, а стремительная интеграция интернет-технологий в социально-экономические системы привела к формированию нового мироустройства, при котором сетевые структуры взаимодействия становятся основой общественно-экономической организации» [5]. Повышение у граждан уровня желания осмысленного и непосредственного участия в процессах принятия управленческих решений, непосредственно затрагивающих их интересы и локальную городскую среду обитания, связано с цифровизацией традиционных форм гражданской активности.

Появляются виртуальные локальные интернет-сообщества, характеризующиеся тем, что основной целью участников таких сообществ является решение каких-либо про-

блем конкретной локальной территории в рамках муниципального образования. Стоит отметить, что в таком виртуальном коммуникационном поле люди, обладающие наибольшей инициативностью, привлекательностью, коммуникабельностью и уровнем соучастия имеют значительное влияние на других участников конкретных сетевых сообществ, что в дальнейшем позволяет таким людям с большей долей вероятности обрести ту или иную политическую власть.

Участие сетевых сообществ в формировании разнонаправленных социальных связей в сфере управления муниципальными образованиями, положительно сказывается на уровне доверия как среди граждан, так и между жителями и органами власти. Локальные интернет-сообщества жителей города также позитивно влияют на качество построения вертикальных социальных связей, путём развития способов подотчётности как отдельных муниципальных чиновников, так и муниципальных органов власти в целом перед гражданами. Сетевые сообщества, а не отдельные люди, становятся участниками обсуждения городских и региональных программ, определяют будущее территории. Сетевые сообщества задают требования к инфраструктуре и городской среде, обсуждают предложения по изменению преобладающих социально-экономических практик. Сетевые сообщества распространяют опыт обсуждения проблемных вопросов на различных коммуникативных площадках, онлайн-форумах, что особенно актуально в городах.

Таким образом, необходимость совершенствования процессов управления в рамках муниципальных образований стала особенно актуальной в эпоху всеобщей диджитализации, особенно ускорившейся вследствие пандемии COVID-19. На фоне развития цифровых информационных технологий вырабатываются новейшие формы управления, а благодаря развитию концепции сетевых сообществ появляются новые факторы, влияющие на электоральные процессы и политическую обстановку в рамках муниципалитетов.

Литература

1. Костырев А. Г. Постполитика в сетях постправды // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 64–75. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.05> (дата обращения: 10.05.2021).
2. Черкасова М. А. Сетевые сообщества и смена парадигмы муниципального управления на примере г. Москвы // Государственное и муниципальное управление. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevye-soobshchestva-i-smena-paradigmy-munitsipalnogo-upravleniya-na-primere-g-moskvy> (дата обращения: 10.05.2021).
3. Чирикова А. Е., Ледаев В. Г. Лидерство в локальных сообществах: в ком сегодня нуждается муниципальная власть в России // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 157–170. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.11> (дата обращения: 10.05.2021).
4. Шиповалова Л. В., Чернышева Л. А., Гизатуллина Э. Г. Цифровые технологии управления в действии, или об активности граждан вокруг платформы «Активный гражданин» // Социология науки и технологий. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-upravleniya-v-deystvii-ili-ob-aktivnosti-grazhdan-vokrug-platformy-aktivnyy-grazhdanin> (дата обращения: 10.05.2021).
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана ; Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. М., 2000. 606. с.

УДК 351.72

И. М. Силивеев

Иркутский государственный университет, Иркутск

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГОРОЖАН ОБ АНТИКРИЗИСНОМ УПРАВЛЕНИИ

Представлен анализ представлений горожан в отношении антикризисного управления и тех, кто его осуществляет. Выявлено два противоположных образа, сконструированных в СМИ и внедренных в социальные представления разных групп населения, определяющих в большей степени негативную оценку данного вида деятельности и ее представителей. Сделан вывод о том, что в городах в будущем негативный образ антикризисного управляющего будет еще больше усиливаться, что говорит об ослаблении правовой культуры и расшатывании социально-правовых механизмов общественного моделирования.

Ключевые слова: представления, горожане, антикризисный управляющий, антикризисное управление, постпандемическое общество, городское сообщество, городские представления.

I. M. Siliveev

Irkutsk State University, Irkutsk

CITIZENS' VIEWS ON CRISIS MANAGEMENT

The article presents an analysis of the views of citizens in relation to anti-crisis management and those who implement it. Two opposite images were revealed, constructed in the media and embedded in the social perceptions of different groups of the population, determining a more negative assessment of this type of activity and its representatives. It is concluded that in cities in the future, the negative image of the anti-crisis manager will further strengthen, which indicates the weakening of legal culture and the undermining of social and legal mechanisms of social modeling.

Keywords: performances, citizens, crisis manager, crisis management, post-pandemic society, urban community, city performances.

Мы живем в период конструирования множества смыслов, зачастую ложных, которые формируются в СМИ и сети Интернет в отношении правовых норм, закономерностей и особенностей развития нашего общества. С одной стороны, доступ к информации стал огромным, и появилось множество источников информации, которые тиражируют заведомо ложную или устаревшую информацию, что негативно сказывается на правовой грамотности и компетентности рядового населения. С другой стороны, умение выделять важную информацию, которой можно воспользоваться в случае необходимости также дает доступ к свободной информации, размещенной в сети Интернет и СМИ.

Антикризисное управление предприятием находится на стыке правовых норм и условий развития организации и экономического выживания или выхода на принципиально новый уровень социального взаимодействия. Это социально-правовое и экономико-управленческое явление носит сложный характер, требующее знания в налогах и бухгалтерии, праве и социальном обеспечении, хозяйственной деятельности и иных формах деятельности, обеспечивающих работу предприятия. Но в общественном мнении сложились достаточно противоречивые представления об антикризисном управлении. Причиной этому являются фильмы и шоу, которые представляют владельцев предприятий, которые подверглись антикризисному управлению под определённым углом зрения (чаще негативным), что влечет и в общественном сознании негативные образы и руководства и антикризисного управляющего.

Для того чтобы пролить свет на данный вопрос мы провели исследование через электронную платформу опросов www.google.ru, в котором принял участие 1200 человек, проживающих в разных городах России, 65 % женщин и 45 % мужчин в возрасте от 18 до 65 лет. Мы специально сделали квоту городских жителей, так как хотели проследить особенности представлений в разных городах, где предприятий больше и соответственно выше процент тех, кто подвергся или может подвергнуться антикризисному управлению.

В проведенных нами ранее исследованиях уже рассматривались отдельные вопросы антикризисного управления и процессов, связанных с социальными последствиями данного вида управленческой деятельности [5; 6]. Также коллеги (О. А. Полюшкевич [3; 4] и Р. В. Иванов [1; 2]) касались правового пространства представлений в период пандемии и последствий развития общества после ее завершения. И в целом, безусловно, пандемия COVID-19 привнесла свои коррективы в процесс антикризисного управления и лишь усилила негативный образ в общественном мнении в отношении представителей данного вида деятельности.

На рис. 1 представлено распределение причин наступления антикризисного управления. И как видно на рисунке, у всех опрошенных доминируют неэффективное управление как личная стратегия (48,7 %), на втором месте – как результат негативных внешних воздействий (34,6 %), на третьем как результат общественного безразличия (16,7 %).

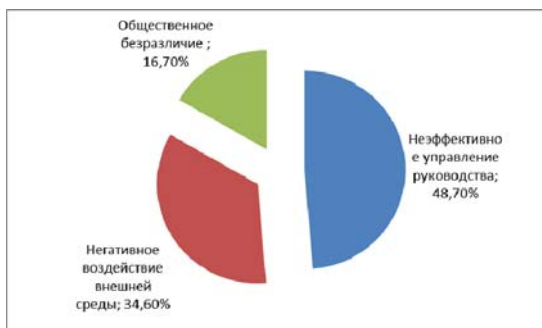

Рис. 1. Причины активизации антикризисного управления

Антикризисное управление наступает как результат личного негативного, непрофессионального управления руководства (личностный фактор). Среди негативных качеств, приводящих к необходимости прилегания к антикризисному управлению, присутствуют следующие: жадность (28,3 %), недальновидность (22,7 %), глупость (18,7 %), нежелание работать на благо предприятия (16,5 %), нежелание работать на благо территории и работников (13,8 %). Наглядно это представлено на рисунке 2.

Иными словами – причинами того, что приходит антикризисный управляющий выступает некомпетентный руководитель, который хочет набить свой карман, не думая о народе на него работающем и не болеющий душой за ту территорию где работает и живет. Образ такого временщика, который пришел все разрушил, наворовал и все. А разгребать все проблемы будет кто то другой.

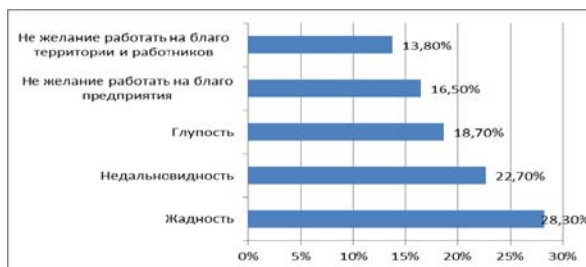

Рис. 2. Личностные качества руководителя, не справившегося с управлением компании, что привели в последствии к необходимости антикризисного управления

Антикризисное управление наступает, как результат невозможности противостоять внешним условиям (прессингу импортных товаров, экономической ситуации и т. д.). В этой группе есть несколько крайностей: первая видит причину в «чужих нациях, людях» (китайцах, американцах, немцах) – 37,5 %; есть те, кто видит причину в конкретных социальных группах, не имеющих привязки к какому-то государству «Богатые» или «политики» (вне государства), которые во всем виноваты – 42,1 %; есть те, кто говорит о конспирологических теориях (теориях заговора от НЛО и древних цивилизаций, до тайного правительства) – 20,4 %. Графически это представлено на рис. 3.

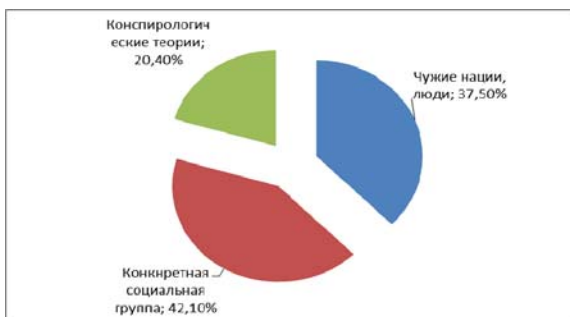

Рис. 3. Социальные условия внешнего характера, которые привели к необходимости антикризисного управления

Антикризисное управление наступает, как результат общественного безразличия и нежелания брать на себя ответственность (36,7%). Причиной этого выступает сама социальная среда и апатия работников предприятия (26,5%), незаинтересованность в труде и общественном развитии (18,7%), инертность и нежелание меняться (16,5%). Более наглядно это представлено на рисунке 4. То есть не внешние условия, а местное сообщество, сама среда работников предприятия – их неготовность идти в ногу со временем провоцирует проблемы и сложности на предприятии, которые требуют антикризисного управляющего, способного разубить старые проблемы и начать принципиально иной вид управления, работы и развития предприятия или его ликвидации.

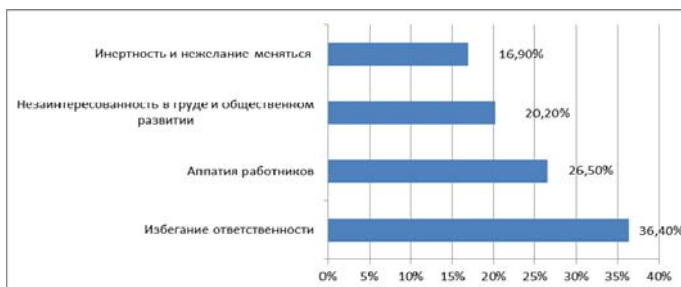

Рис. 4. Общественное безразличие, которое привело к необходимости антикризисного управления

Выделенные в ходе исследования причины и поводы появления антикризисного управляющего носят собирательный образ и опираются лишь у четверти опрошенных на личный опыт, у всех остальных это представление, сформированное через СМИ и знакомых. Поэтому можно говорить о необходимости правового просвещения и компетентного информирования граждан о том, что происходит, когда приходит антикризисный управляющий, какие права и гарантии имеются при его работе на предприятии и какие последствия для предприятия в целом и его сотрудников это может иметь.

То, что в городах происходит уплотнение информационных потоков и общественные представления, сформированные на ложных убеждениях, могут стать вирусный информацией и увести граждан от реального понимания ситуации, стоит предпринимать меры по правовому просвещению населения. Если этого не будет сделано, то негативный образ антикризисного управляющего будет усиливаться.

Литература

1. Иванов Р. В. Влияние пандемии COVID-19 на социальное напряжение // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 311–313.
2. Иванов Р. В. Качество жизни в виртуальном мире // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. М., 2020. С. 44–46.
3. Полошкоевич О. А. Социальная напряженность до и после пандемии // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2020. С. 119–120.
4. Полошкоевич О. А. Социально-психологические последствия пандемии // Социальная динамика населения и устойчивое развитие : сб. тез. 2020. С. 169–172.
5. Силивеев И. М. Пространство судебных решений: иррациональность интерпретаций // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкоевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2020. С. 489–494.
6. Силивеев И. М. Социальное напряжение при реализации антикризисного управления // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 466–469.

УДК 352.9

А. В. Труфанов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РОЛЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНО ОБЩЕСТВЕННЫХ САМОУПРАВЛЕНИЙ В ЖИЗНИ ГОРОДОВ

Рассматривается влияние территориального общественного самоуправления на позитивные преобразования в городах.

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление, приоритетные проекты, комфортная городская среда, благоустройство, общественная деятельность.

A. V. Trufanov

Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF TERRITORIAL AND PUBLIC SELF-GOVERNMENTS IN THE LIFE OF THE CITY

The influence of territorial public self-government (hereinafter referred to as TOC) on positive transformations in cities is considered.

Keywords: territorial public self-government, priority projects, comfortable urban environment, landscaping, public activity.

Под территориальным общественным самоуправлением понимается самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, муниципального округа, городского округа, внутригородского района, а также в расположенных на межселенной территории населенных пунктах (либо на части их территории) для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения [1, ст. 27].

История территориального общественного самоуправления в России имеет за плечами стаж более 30 лет. За это время ТОС зарекомендовало себя только с положительной стороны. Если брать за точку отсчёта образование первого ТОС в 1988 [2, с. 6–7], то за последующее время появилось 28 426 территориальных общественных самоуправлений (в том числе с регистрацией юридического лица 2450 ТОС) [5]. По стране востребованность такой структуры проявилась как со стороны жителей, так и со стороны администраций муниципальных образований.

Основное развитие ТОС получили в 2014–2015 гг., когда в стране появились проекты федерального уровня, такие как «Формирование комфортной городской среды». Ак-

тивные жители получили стимул к развитию территорий, на которых они проживают, возникло ощущение того, что вышестоящая власть также нуждается в активности жителей на местах. Частичное снятие административных барьеров для инициативы на местах, формирование мотиваций для жителей и бизнеса по обустройству своих малых территорий, внедрение типовых регламентов и процедур стимулирующих инициативу, желание объединяться с другими неравнодушными людьми для совместных действий дало толчок к конкретным действиям. Появились реальные примеры улиц, кварталов, домов, где сами жители активно включались в общественные работы по наведению порядка на своей территории.

С момента появления программ разного уровня сложились положительные моменты охватывающие основные сферы жизнедеятельности муниципалитетов: благоустройство, жилищно-коммунальное хозяйство, социальная поддержка населения, работа с пенсионерами, детьми и молодежью, формирование здорового образа жизни, содействие общественной безопасности. Создана инфраструктура поддержки ТОС: система подготовки и обучения актива, методическая поддержка конкретных мероприятий ТОС, ресурсные центры в районах города, формы участия органов ТОС в формировании планов социально-экономического развития районов и городов. Растет заинтересованность коммерческих организаций во взаимодействии с ТОС. Программы грантовой поддержки таких проектов как «Энергия родной земли-2020», «Район моей мечты-2021» в Усть-Кутском районе тому подтверждение [4].

Некоторые тонкие моменты в деятельности ТОС:

- в мероприятиях участвуют в основном люди «серебряного» возраста;
- кадровый потенциал актива с точки зрения образовательной подготовки требует целенаправленной работы;
- в системе ТОС наблюдается тиражирование прошлого опыта без проектирования нового;
- отсутствует анализ проблем, трудностей и недостатков;
- слабо продвигаются процессы институционального развития движения;
- на фоне медленного роста гражданской активности людей происходит падение психоэмоционального тонуса участников, которое эксперты квалифицируют как выгорание («ТОС проседает», «подъем прошел») [3].

Также есть проблемы взаимодействия ТОС с властью:

- несмотря на самостоятельность деятельности ТОС, основные (крупные) мероприятия планируются «сверху» (мэрией);
- утрачивается темп в развитии механизмов взаимодействия власти и ТОС при планировании развития малой (локальной) территории, особенно с отраслевыми подразделения мэрии и администрации районов;
- в связи с хроническим дефицитом городского бюджета отсутствуют средства на проведение хозяйственных мероприятий.

Выделение денежных средств по муниципальным программам происходит по остаточному принципу, сперва средства по обязательствам, а что останется – расплывается по местным программам. Власть муниципалитетов оказывается наиболее эффективной только тогда, когда активно используются предпочтения государственных уровней власти с опорой на заинтересованное участие населения в управлении территорией.

Задачи взаимодействия различных уровней власти с территориальными субъектами разделены: уровень субъектов – это заинтересованность в своей личной судьбе на территории данного поселения, активность; муниципальный уровень – это активация местного потенциала, политика сотрудничества всех субъектов городского сообщества; региональный уровень – создание предпочтений путем включения точек роста в региональную экономику; федеральный уровень – ресурсная и институциональная поддержка со стороны государства, действия, исходя из осознания реальных проблем и ограничений. Исходя из этой парадигмы, территориальное общественное самоуправление позиционируется как первичный субъект всей государственной архитектоники.

ТОС как структура имеет огромный потенциал: развитие самостоятельного творческого характера гражданского общества, взаимодействия ТОС и муниципалитета; расширение практики привлечения различных социальных групп (особенно молодёжи); развитие форм взаимодействия ТОС и бизнес-структур; работа с управляющими компаниями в системе ЖКХ, отделами благоустройства администраций, совместные действия с участковыми, уполномоченными полицией, общественными организациями, школами и т. д.

Отдельной строкой нужно упомянуть о возможности показать себя людям с творческим и креативным мышлением, личностям стремящимся самореализоваться через творческий потенциал. Реализовать свои задумки в преобразовании городской среды, получить удовольствие от созидательных процессов – это тот стартовый механизм, который позволяет направить энергетику людей в нужное русло. Креативное мышление в деятельности ТОС позволяет объединять через эмоции, мысли, «белую зависть» людей в единый эгрегор. Магнетизм креативных людей позволяет отвлечь от «бытовухи» и объединить разные возрастные группы населения для формирования целей будущего – как раз то, что нужно в современном мире информационных технологий и гаджетов.

С психологической точки зрения, ТОС привлекает людей скромных и колеблющихся проявить инициативу самостоятельно. При виде трудящихся во дворе ТОСовцев происходит трансформация, из скромняги человек превращается в активиста и вливается в коллектив тратя энергию своего «аккумулятора» на благие дела.

Деятельность в территориальном общественном движении зачастую является отправной площадкой в политику начинающего кандидата в депутаты. Здоровые амбиции позволяют целеустремлённым лидерам работать на результат и презентовать общественности выполненную работу. Общественная деятельность молодого политика позволяет заявить о себе как об активном общественнике, который занимается конкретными делами, которому не безразлична территория проживания, и таким образом он набирает положительные отзывы электората.

Очень важна социальная направленность проводимой ТОСами деятельности: сбор информации о ветеранах и инвалидах, о неблагополучных, многодетных семьях, одиноко проживающих гражданах и т. д. Актив ТОС считает, что только совместными усилиями, при взаимодействии всех служб социальной помощи возможно решение сложных задач оказания помощи людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Для одиноких и попавших в трудную жизненную ситуацию людей деятельность в ТОС даёт понимание того, что они не одиноки и кому-то нужны.

Самое главное, такая структура как ТОС меняет людей в лучшую сторону, через переосмысление границ своего внутреннего мира передвигая территорию жизненного пространства за пределы квартиры или дома. Дальше приходит желание быть «хозяином» своей улицы, своего двора, своего дома. И эта мысль должна стать основополагающей для всех жителей нашей страны.

Когда для самих жителей понятие «наш двор» станет не пустым звуком, а символом гордости за место в котором ты живёшь, тогда в совместной деятельности активистов ТОС и власти возможны реальные позитивные изменения в жизни территорий.

Литература

1. Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.03.2021) // КонсультантПлюс: справочная правовая система (дата обращения: 20.04.2021).
2. Шугрина Е. С., Иванова К. А. О состоянии территориального общественного самоуправления в Российской Федерации (к 30-летию первых российских ТОС) : спецдоклад. М. : Проспект, 2018. 167 с.
3. Гордиенко А. А. Комплексный план развития территории как механизм формирования социального заказа населения // Zhurnal-TOS-vypusk-2. URL: <https://xn---7sbupijdsxf1p.xn--plai/wp-content/uploads/2019/12/Zhurnal-TOS-vypusk-2.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).
4. Грантовый конкурс ООО «ИНК» // Иркутская нефтяная компания (ИНК). URL: <https://inkgrant.ru> (дата обращения: 21.04.2021).
5. Путь развития территориального общественного самоуправления в России // Ассоциация территориальных общественных самоуправлений «Лига ТОС». URL: <http://лига-тос.рф/2016/06/07/путь-развития-территориального-общее> (дата обращения: 20.04.2021).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ БИЗНЕС-СРЕДЫ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Рассмотрена тема цифровизации бизнеса как драйвера экономики региона. Трансформация и улучшение городской среды охарактеризованы через призму применения технологических разработок и инновационных решений с дальнейшей перспективой к росту финансовых показателей экономики предприятий. Проанализированы возможные шаги к развитию городских пространств через технологические продукты, а также изучена эффективность инструментов, способствующих улучшению качества жизни и повышению уровня инвестиционной привлекательности региона.

Ключевые слова: цифровизация, компании, экономика, городская среда, инвестиционная привлекательность, качество жизни, регион.

N. V. Firsova

Irkutsk State University, Irkutsk

DIGITALIZATION OF BUSINESS ENVIRONMENT AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF URBAN SPACES

This article discusses the topic of digitalization of business as a driver of the regional economy. Transformation and improvement of the urban environment is considered through the prism of the application of technological developments and innovative solutions with a further perspective to the growth of financial indicators of the economy of enterprises. The author of the article considers and analyzes possible steps to the development of urban spaces through technological products, as well as studies the effectiveness of tools that can contribute to improving the quality of life and increasing the level of investment attractiveness of the region.

Keywords: digitalization, companies, economy, urban environment, investment attractiveness, quality of life, region.

Цифровизация городской среды является важным и приоритетным направлением, драйвером экономики, к которой стремится Россия. Внедрение новых и технологичных решений позволяет улучшить качество не только городской среды, но и условия жизни населения, повышая уровень удобства, привлекая дополнительные инвестиции и привлекая дополнительные потоки в виде туристов. Цифровизация задевает все сферы жизни общества, поэтому нельзя не отметить её новейшие тренды, технологические изменения, которые она несет за собой.

Цифровизация бизнеса и отдельных компаний стимулирует экономику к переходу в последний технологический уклад – нанобиотехнологии, замена большинства рутинных задач, активное внедрение и продвижение технических программ и коллаборативных роботов в производственную среду, существенное видоизменений бизнес-процессов за счет замены человеческого труда на применение инновационных разработок в решении обычных задач. Для того чтобы формат цифровизации стал востребован и развит на территории региона, став в фазу постоянного использования, важно начать интеграцию технологических программ и продуктов, новейших разработок во все предприятия, тем самым, двигая не только регион, но и потенциал всей области к развитию и улучшению показателей фирм.

Бизнес – это важная составляющая жизни любого региона, масштабы компании, их успешность и положительные финансовые показатели позволяют обеспечить рабочие места, улучшить качество городской среды за счет отчисления налогов в региональный бюджет, процветание. Цифровизация выполняет для бизнеса важную функцию – сокращение монотонного труда человека, контролирует рабочий процесс и снижает уровень возможных рисков. Программные продукты могут положительно способствовать анализу данных, сбору необходимой информации, качественным отчетам, снижению брака, увеличение шансов компании стать конкурентоспособной на рынке, выйти на новый уровень. Цифровизация направлена на изменения всей бизнес-модели, видоизменение

отношений между потребителями и организацией, получение дополнительного престижа и имиджа за счет внедрения технологических разработок, бренд и узнаваемость организаций может вырасти, а как следствие, желание международных организаций становиться партнерами, инвестировать в новые решения и компании, тем самым привлекая поток инвестиций в регион.

Что касается проявлений и возможных инструментов цифровой экономики, то, в основном, выделяют онлайн-услуги и создание сайта для организации, позволяющие принимать заявки от потребителей из всех стран, электронные платежи, маркетинговые инструменты, электронный документооборот. Все вышеперечисленные форматы постоянно развиваются и продолжают обновляться. Трансформация бизнеса посредством цифровизации предусматривает улучшение клиентского опыта, расширяет возможности для взаимодействия, повышает гибкость бизнеса, привлекает больше потенциальной аудитории. Например, с помощью собранной информации компаниями и создании портрета покупателей с потребительской корзиной, особенностями и привычками в потреблении, это можно использовать, как пример для улучшения городской среды: с возрастанием интереса к экологичным продуктам, компании могут способствовать улучшению экологической составляющей города. С помощью инновационных решений, которые могут предоставить компании, занятые в ИТ-сфере, возможно применение датчиков, за счет которых будет возможно предвосхищение рисков и возможное получение угроз компании, что качественно улучшит городскую среду и инфраструктуру.

Цель цифровизации городской среды – сделать комфортным проживание с удобной инфраструктурой регион, где туристы и жители могут беспрепятственно получить все необходимое за счет качественно организованной инфраструктуры. Например, в Самаре в рамках проекта «Умный город», система умного учета ЖКХ помогает снизить влияние человеческого фактора при онлайн-учете ресурсов, сбора телеметрии [1].

Вторым примером является Таганрог, город, в котором успешно реализовали инструменты цифровизации совместно с компанией «Ростелеком» [2], которая интегрировала системы «Умного города» в такие сферы, как здравоохранение и образование. Например, за счет наличия цифровых медицинских карт удается оперативно и быстро находить нужную информацию о пациентах, возможность удаленно или через дистанционный формат зарегистрироваться к врачу, формат электронной очереди, также, доступен.

На данном этапе многие регионы стараются двигаться в сторону цифровизации с перспективой дальнейшего развития и пользы для граждан города. Данные технологии позволяют регулировать внештатные ситуации, предупреждать о возможных еще не появившихся угрозах, предвосхитить риски. Процесс цифровизации при поддержке бизнеса дает не только положительный эффект и позитивное позиционирование организации как активной и социально заинтересованной в проектах, но и предоставляет качественную комфортную среду для населения региона. Данные изменения в перспективе смогут стать драйвером для других городов области. Цифровизация экономики – это масштабный и поэтапный процесс, который двигает города к раскрытию своего потенциала, повышению уровня жизни.

Литература

1. Жизнь города // Администрация городского округа Самара. URL: https://www.samadm.ru/city_life/the-project-smart-city (дата обращения: 29.03.2021).
2. Города с интеллектом: на юге страны проводят масштабную цифровизацию крупных городов // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/03/11/reg-skfo/na-iuge-strany-nachali-masshtabnuiu-cifrovizaciiu-krupnyh-gorodov.html> (дата обращения: 30.03.2021).

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Статья посвящена рассмотрению гражданского общества как объекта социологической мысли в контексте динамичного развития современной городской среды. В качестве теоретико-методологической базы рассмотрены работы Дж. Кейнса и Ж. Т. Тощенко, посвященные различным аспектам заявленной темы в русле социально-экономического подхода и концепции социологии жизни.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданин, горожанин, современный город.

E. A. Chursina

Kursk State University, Kursk

CIVIL SOCIETY IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF A MODERN CITY

The article is devoted to the consideration of civil society as an object of sociological thought in the context of the dynamic development of the modern urban environment. The works of J. Keynes and J.T. Toshchenko, devoted to various aspects of the stated topic in line with the socio-economic approach and the concept of the sociology of life.

Keywords: civil society, citizen, city dweller, modern city.

В современный период все большую актуальность обретают процессы развития гражданского общества в России и других странах. В людях все чаще начинает проследиваться стремление участвовать в решении общественных дел, реально влиять на государственные институты и иметь больше путей для своего личного развития и реализации. Вследствие этого и возникает вполне логичная потребность в объединении. Однако здесь возникает и немало противоречий между носителями разных интересов, что требует определенных усилий по их согласованию. Все это предъявляет новые требования к институту права, который призван урегулировать разные стороны жизнедеятельности граждан, создавать благоприятные условия для их активной деятельности, поощрять гармонизацию социальных отношений и стимулировать работу гражданских объединений. Развитое гражданское общество всегда являлось одним из важнейших факторов формирования политической системы демократического государства, выступая некой совокупностью всевозможных форм социальной активности населения, не предусматривая при этом деятельность государства.

Итак, гражданское общество находилось и продолжает находиться в поле исследований истории, политологии, теории права, социологии и культурологии. Предпосылки для его появления начали формироваться уже в античном обществе, в городах-полисах, где культура античного поселения получает окончательное оформление, воплотившись в праве, в правовой культуре, которая, так или иначе, сохранилась и по сегодняшний день. В эпоху Средневековья общество в силу ряда причин, в основном религиозного плана, весьма серьезно отставало от норм и ценностей гражданского общества. Однако, несмотря на это, оно внесло свой вклад в становление и развитие культуры городской среды, в рамках которой сформировались цеховые сообщества, выступившие в дальнейшем, в некоторой степени, прообразом современных общественных организаций. В XVI–XVII вв., когда общество приблизилось к индустриальной стадии своего развития, исследователи начали отмечать появление экономической, политической и идеологической базы, способствующей формированию гражданского общества. В XIX–XX вв. значимыми были концепции социального государства Л. фон Штейна [7] и общественного благосостояния Дж. М. Кейнса [8]. В дальнейшем развитию идей гражданского общества способствовали теории и практики такого явления, как социальное партнерство, под которым подразумевалась возможность согласования интересов всех основных субъектов исторического процесса – общества в лице социальных групп и общностей, личности, государства. Не-

которые идеи данной концепции так или иначе были затронуты в работах Э. Бернштейна, Л. Блана и других авторов.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что именно многообразие подходов к проблемам организации общественной и личной жизни индивида, их определенная нацеленность на решение назревших социальных проблем стали тем фундаментом, на котором сформировалось целостное представление о гражданском обществе.

Однако, что же такое гражданское общество и каковы его основные характеристики как объекта в социологии жизни, предложенной Ж. Т. Тощенко [9]. Е. В. Галкина трактует гражданское общество как некую совокупность негосударственных институтов, общественных объединений, движений, некоммерческих организаций, политических партий и т. д., функционирующих на основе принципов добровольности, равноправия, реализации законных прав и свобод граждан [6]. В целом изложенная позиция является довольно распространенной среди исследователей, ведь гражданское общество, по сути своей, является важнейшим сегментом общественной жизни, в котором человек может реализовать весь свой потенциал, а также добровольно вступить в объединение, организацию или в ассоциацию, не подверженные влиянию государственной власти. Так, гражданское общество выступает социальным полем, где его члены связаны взаимоотношениями в качестве независимых друг от друга, в том числе и от государства, индивидов. Но, вместе с тем, поскольку гражданское общество обеспечивает жизнедеятельность социокультурной, духовной, социальной сфер общественной жизни, стоит понимать, что все это способствует в дальнейшем их воспроизводству, передаче от поколения к поколению [3; 4]. В конце концов невозможно представить гражданское общество без национальных, религиозных традиций, обычаев, мифов и стереотипов поведения, которые являются неотъемлемыми компонентами любой системы общества. Отсюда различаются два смысла определения гражданского общества: практический и теоретический.

Останавливаясь поподробнее на последнем, следует отметить, что теоретическому осмыслению следует подвергнуть не только понятие самого гражданского общества, но и определенные связи внутри политико-правового института, взаимозависимость государства и гражданских объединений, а также контакт как отдельных социальных групп, так и независимых личностей. Данный подход позволяет в полной мере рассмотреть суть гражданского общества, его основные составляющие и уровни, по которым проходит его развитие. Основной составляющей, ядром здесь будет выступать человек, который формулирует смысл и задает движение любого негосударственного объединения граждан. Право человека в его взаимоотношениях с обществом и государством, свобода в экономической, личной и духовной жизни, политический плюрализм и многопартийность, вовлеченность в мировое сообщество и желание влиять на ход развития своего государства, своей жизни – все это в целом и характеризует процесс становления гражданского общества. Также это показывает, какого уровня политической осознанности должен достичь человек, чтобы прийти к общественному объединению, способному менять, направлять деятельность государства, а также модернизировать среду обитания. Ведь именно от запросов времени, уровня трансформации человеческого сознания зависит окружающая общество действительность. Исходя из этого, только человек высокого социального, морального, культурного, экономического статуса и с достаточным уровнем мотивации и инициативности способен наравне с государством создавать развитые правовые отношения внутри общества и способствовать его развитию. Так, человек является творцом среды, в которой обитает, и вместе с тем зависит от нее, от ресурсов, которые она ему предоставляет. Поэтому только активный субъект, который готов конструировать мир вокруг себя в соответствии со своими потребностями, способен создать пространство возможностей, примером чего служит современный город [1; 2].

Таким образом, городской человек выступает творцом и продуктом города и городской жизни, институтов гражданского общества [5]. Он – творец истории, создатель тех-

ники, общественных отношений, институтов, различного рода поселений. Он – творец среды, в которую помещен, создатель самого себя. А сам город как объект исследования представляет собой сложный и функциональный комплекс, который может быть всесторонне изучен лишь в фокусе пересечения целого ряда общественных наук: философии, философской и социальной антропологии, истории, социологии, экономики, этнологии и многих других.

Литература

1. Andriyanova T. V., Kirnosova E. N., Starodubtseva I. F. Organizations of regional culture in assessments of quality of services // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2018. Vol. 35. P. 35–42.
2. Andriyanova T. V., Kirnosova E. N., Starodubtseva I. F. Government order and its significance in the work of the regional cultural establishments // Proceedings of the International Scientific Conference “Far East Con” (ISCFC 2018). Part of series: AEBMR. ISSN 2352–5428, Vol. 47. P. 175–190.
3. Андриянова Т. В. Историческая память студенческой молодежи региона и проблема ее фальсификации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10, № 5, ч. 2. С. 12–21.
4. Андриянова Т. В. Сетевая форма реализации социальных проектов для детей с ограниченными возможностями здоровья на базе учреждений культуры Курской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 4 (29). С. 262–273.
5. Андриянова Т. В. Технологии локации культуры и локации локации в управленческих практиках городских поселений // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч.тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 54–58.
6. Галкина Е. В. Институционализация гражданского общества в контексте современных политических трансформаций. Ставрополь, 2010. 170 с.
7. Евстратов А. Э. Социальное государство и политический режим // Вестник ОмГУ. Право. 2014. № 4 (41). С. 35–40.
8. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2002. 154 с.
9. Тощенко Ж. Т. Эволюция идей социологии жизни // Гуманитарий Юга России. 2016. № 2. С. 13–27.

УДК 316.33

Е. Д. Щепина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

БРЕНД КАК ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОРОДА С ВНЕШНЕЙ СРЕДОЙ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ИРКУТСКА)

Рассматривается важность бренда как коммуникационной и информационной технологии выстраивания отношений города с внешней средой. На примере Иркутска определяются приоритетные сферы развития города как сложной системы и обосновывается необходимость нахождения взаимовыгодных направлений бренда с инвесторами для успешного формирования комфортной среды города.

Ключевые слова: город, система, бренд, внешняя среда, комфортная среда, современные вызовы.

E. D. Shchepina

Irkutsk State University, Irkutsk

BRAND AS AN INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGY OF INTERACTION OF THE CITY WITH THE EXTERNAL ENVIRONMENT (ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF IRKUTSK)

This article examines the importance of the brand as a communication and information technology for building relations between the city and the external environment. Using the example of the city of Irkutsk, the author identifies the priority areas of development of the city as a complex system and justifies the need to find mutually beneficial areas of cooperation with investors for the successful formation of a comfortable city environment.

Keywords: city, system, brand, external environment, comfortable environment, modern challenges.

Современный город представляет собой сложную социальную систему, в которой происходят взаимодействия различного уровня, определяющие жизнь населения, их дея-

тельность, развитие и отдых. Для насыщенного времяпрепровождения людей очень важно уделять сфере городского развития большое внимание. Сегодня город – это город, внедряющий различные технологии цифровизаций, это ниша для выстраивания спектра самых разных коммуникаций, это развивающаяся инфраструктура, а также это следование новым тенденциям, в том числе обретение собственного бренда. Проблема бренда подразумевает поиск связующих оснований в поддержании целостности города и в понимании неразрывной связи всех составляющих в городском развитии. Выход на новый уровень развития, влияние новых вызовов, поиск новых приоритетов развития и другие вопросы городской среды входят в сферу определения и доминирования бренда, что актуализирует данную тему. При изучении темы агломерационный подход будет одним из ключевых, так как взаимодействие города с внешней средой и его место в большой системе являются неотъемлемой частью при выстраивании собственного бренда.

В любую историческую эпоху город рассматривался как некая система, взаимодействующая с внешней средой. На это обращали внимания различные историки и философы. Например, философы А. Негри и М. Хардт в работе «Империя» [3] указывают на то, что империя автономна сама по себе и ее разрушение происходит при выходе за собственные границы. Общесистемный подход заданной темы включает в себя классическую методологию таких социологов, как Толкотт Парсонс «Система современных обществ» [2], Никлас Луман «Власть» [1] и др. Американский социолог в своей работе утверждал, что любая система самодостаточна относительно других, эквивалентных ей систем, а также относительно внешней среды. Однако он указывает и на то, что «... самодостаточность в отношении среды означает стабильность отношений взаимобмена и способность контролировать взаимобмен в интересах своего функционирования» [2, с. 20]. Городу как системе для эффективного функционирования необходимо развиваться не только в рамках своей среды, но и осуществлять выгодный взаимобмен с внешней средой (другими городами, страной, миром в целом). Бренд в данном аспекте играет ключевую роль. Эту же идею развивал в своих работах немецкий социолог Н. Луман, который также указывал на то, что взаимодействие общества как системы с внешней средой идет через коммуникации. Под коммуникацией ученый понимает некую специфическую операцию, которая характеризует исключительно развитие социальной системы. Из данного тезиса следует, что город всегда подразумевает под собой наличие коммуникаций, а их эффективность влияет на его качественное развитие [1]. Бренд же в рамках теории выступает средством коммуникации с внешней средой, что подтверждает важность его развития.

Локальные вызовы последнего времени оказали качественное воздействие на развитие города как сложной системы. Те тенденции, которые прослеживаются в развитии городов сегодня, отражают связь города с внешней средой. Под влиянием вызовов, особенно внешних, произошла их серьезная трансформация. Если раньше городу внешняя среда давала базу для дополнительного развития, она выступала ресурсной составляющей, то сегодня наблюдается обратная ситуация, когда среда оттягивает ресурсы у города, на первое место выдвигается конкуренция между городом и внешней средой, их борьба за ресурсы. В этих условиях очень важно держать собственный городской бренд, поскольку он является системной характеристикой городского развития, его открытости для разных инвестиций, признак комфортности городской среды.

В нашем понимании, бренд – это социологическая категория для характеристики социальных параметров качества города как системы, которая позволяет выстраивать коммуникации, проводить информационную политику, нацеленную на узнавание, трансляцию ценностей и др. Бренд отражает траекторию развития, его идеальную цель, конечный результат. При развитии города всякий раз встает вопрос о бренде. Например, при поиске инвесторов, которые будут делать финансовые вливания в совершенствование города, тема бренда является ключевой (как развивающегося города, как города-отеля, как

мега культурного центра и мн. др.). Если рассматривать в этом аспекте город Иркутск, то в большей степени здесь преобладает туристический бренд, также бренд экогорода и города на Байкале. Для укрупненных агломераций вопрос бренда также имеет большое значение. Например, при объединении таких городов, как Иркутск, Шелехов и Ангарск, необходимо использовать бренд как атрибут успешного развития нового города. Он должен объединить философию этих трех городов, объяснять их коммуникации и взаимосвязь.

Также следует отметить, что если еще совсем недавно среди приоритетных направлений были направления, связанные с развитием нефтегазового сектора Иркутской области, с усилением научной составляющей, с подготовкой кадров, то сейчас в новостной ленте преобладают такие направления, как поддержка и сопровождение промышленного сектора, эковиотехнологии, фармацевтика и др. При этом недооценивается социально-гуманитарная сфера как одна из первостепенных тем города, что негативно отражается на развитии социальной науки, способствующей обоснованию и анализу современных брендов.

Кроме того, в условиях цифровизации требования к бренду выросли. По узнаванию бренда идут на коммуникации, он позволяет поддерживать различного рода отношения, выстраивать взаимодействия. В цифровом обществе следует сформировать особый подход к выработке новых брендов города для эффективного сотрудничества с внешней средой. Город – это не только экосистема и система, где мы чувствуем себя дома. Это также система со своими информационными полями, со своими узнаваемыми брендами. Бренд выступает отражением некоего продукта городского развития, его течения, направления развития, включая самое лучшее, что было достигнуто городом, т. е. носит исключительно положительную основу в аспекте узнавания города. Например, привлечение внимания к родному месту – это такой же бренд Иркутска, как туристический и экобренд.

Таким образом, следует сделать вывод, что развитие собственного бренда города необходимо для выгодного и продуктивного взаимодействия и обмена с внешней средой. В пространственном развитии на определенной территории те процессы, которые доминируют, должны иметь отличительный признак, входящий в бренд города. Также важно отметить, что в условиях цифровой среды с одной стороны город как система имеет четко выставленные границы, с другой стороны – он открыт для привлечения инвестиций, туристов, развития экологической среды и т. д. Поэтому поиск своего бренда города становится вопросом муниципальной, региональной, государственной политики в целом.

Литература

1. Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М. : Праксис, 2001. 256 с.
2. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1998. 270 с.
3. Хардт М., Негри А. Империя / пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М. : Праксис, 2004. 440 с.

УДК 316.334.56(571.1/.5)

М. Д. Эрдыниева, Д. Г. Латышева
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

КОРРУПЦИЯ В ГОРОДЕ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Обосновывается тезис, что коррупция является постоянной в обществе и встречается во всех цивилизациях, однако только в последние 20 лет – это явление стало серьезно изучаться. Указывается, что коррупция имеет множество различных форм и различных эффектов как на экономику, так и на общество в целом. Среди наиболее распространенных причин коррупции указываются политическая и экономическая среда, профессиональная этика и мораль, привычки, обычаи, традиции и демография.

Ключевые слова: коррупция, факторы, развитие, государство.

CORRUPTION IN THE CITY. THE CAUSES OF EMERGENCE AND SPREADING

Corruption is a constant in society and is – found in all civilizations, but it is only in the last 20 years that this phenomenon has been seriously studied. It has many different forms, as well as many different effects, both on the economy and on society as a whole. Among the most common causes of corruption are the political and economic environment, professional ethics and morals, and, of course, habits, customs, traditions, and demographics. Its impact on the economy (as well as on society as a whole) is well understood, but still not fully understood.

Keywords: corruption, factors, development, state.

В настоящее время коррупция является главной угрозой национальной безопасности, а основным препятствием для экономического развития является фактор, который способствует сохранению и укреплению социальной стабильности, несмотря на усилия правительства. Коррупция ограничивает свободное течение экономических законов и подрывает имидж страны в международном сообществе.

Коррупция является чрезвычайно гибкой, изменяющей и совершенствующей форму и эксплуатирующей пробелы и недостатки в социальной правовой системе. По опубликованным данным, правоохранительные органы выявляют 1–2 % реальных коррупционных дел, а количество обвиняемых еще меньше. Это социально неблагоприятное явление выходит за пределы национального государства и приобретает глобальное значение. Как только ее доходы легализуются, она помещается в международные и национальные финансовые системы, разрушая государственные и международные правительственные и экономические институты. Борьба с транснациональной коррупцией активизировалась в последней четверти XX века, когда она стала более четко институционализироваться. Существуют различные методологические подходы к пониманию феномена коррупции. Рассматриваются несколько ее аспектов: социальный, политический, криминологический и юридический. В частности, Платон и Аристотель описывали коррупцию как политическую категорию; показатель общей болезни Н. Макиавелли г-н Монсеске говорил, что это дисфункциональный процесс и что хорошая политическая система или система была бы бесполезна [2].

Хотя коррупция отличается от страны к стране, можно выделить некоторые из ключевых общих движущих сил, которые ее порождают. То, что является общим для всех стран, которые относятся к числу наиболее коррумпированных, было определено Свенсоном; все они являются развивающимися странами или странами с переходной экономикой: большинство стран имеют закрытую экономику; влияние религии заметно (в протестантских странах самый низкий уровень коррупции); низкая свобода СМИ; относительно низкий уровень образования.

Несмотря на все вышесказанное, коррупция не может быть оценена однозначно, поскольку никогда не существует только одного явления, ответственного за ее возникновение и развитие. Коррупция всегда возникает из совокупности нескольких взаимосвязанных факторов, которые могут существенно отличаться друг от друга. К числу наиболее часто упоминаемых факторов, влияющих на развитие коррупции, относятся: политическая и экономическая среда, профессиональная этика и законодательство, а также чисто этнологические факторы, такие как обычаи, привычки и традиции.

Феномен коррупции находится под сильным влиянием политической и экономической среды. Чем больше экономическая деятельность в стране регулируется и ограничена, тем выше авторитет и власть чиновников в принятии решений и тем больше вероятность коррупции, поскольку физические лица готовы платить или предлагать оплату, чтобы избежать ограничений. Большой потенциал для коррупции особенно велик там, где чиновникам по регламенту предоставляется возможность принимать решения на основе дискреции.

На уровень коррупции влияет и денежно-кредитная политика. Гоэль и Нельсон в своих исследованиях обнаружили сильную связь между денежно-кредитной политикой и коррупционной деятельностью в штатах. Государства с хорошо регулируемым финансовым сектором, небольшим количеством неформальной экономики или черного рынка также менее коррумпированы, чем те, где все наоборот. Они также обнаружили, что в странах с более высокой экономической и политической свободой коррупции меньше.

На коррупцию также сильно влияет низкая заработная плата работников государственного управления (государственных служащих), которые поэтому пытаются улучшить свое материальное положение, получая взятки, и, следовательно, социально-экономическое положение государственных служащих также влияет на явление коррупции [1]. Однако низкая заработная плата – не единственная причина коррупции; плохое состояние государственного управления, которое является следствием политической «перенаселенности» на чиновников, благодаря которым лояльность обычно преобладает над профессиональными стандартами, также сильно влияет коррупция. В качестве важного фактора, влияющего на коррупцию, некоторые авторы также указывают удовлетворенность работой чиновников – чем больше они недовольны своей работой или местом работы, тем выше степень коррупции.

Экономика, к сожалению, в значительной степени зависит от политики и часто отравляет верховенство закона. Используются различные варианты устранения конкуренции, а взяточничество является лишь одним из возможных видов оружия в борьбе за получение работы. В то же время менталитет экономики иногда таков: «цена взятки – это только существенные издержки бизнеса, неотъемлемая часть контракта», или «даже если мы прекратим взяточничество, наши конкуренты этого не сделают, поэтому мы должны давать взятки, чтобы оставаться конкурентоспособными», или «взяточничество и вводящее в заблуждение поведение на самом деле не являются преступлениями, они просто часть старой деловой практики». С другой стороны, иногда дело просто в мажоритарности бюрократического колеса частного сектора, чтобы делать определенные вещи быстрее или проще [1].

Отсутствие профессиональной этики и несовершенное законодательство, регулирующее коррупцию как уголовное преступление, а также преследование и наказание за нее, также являются важной причиной возникновения и распространения коррупции. Большое влияние оказывает также неэффективное санкционирование коррупции, которое только увеличивает возможность продолжения коррупционных действий вовлеченных лиц, создавая в то же время высокую вероятность того, что другие присоединятся к коррупции из-за этого неэффективного санкционирования.

Формы коррупции проявляются в нарушении этими лицами этики и закона. Нарушения этических норм включают в себя хроническое участие в банкетах подконтрольных организаций, свободный доступ к услугам, предоставление ссуд друзьям и родственникам. Коррупционные правонарушения – это действия, запрещенные законом и наказуемые законом.

Выделяют четыре основных вида коррупционных правонарушений: 1) гражданско-правовые правонарушения; 2) дисциплинарные проступки; 3) административные правонарушения; 4) преступления.

Основными направлениями профилактики и борьбы с коррупцией должны стать:

- специальный государственный орган по борьбе с коррупцией при постоянной реализации государственной антикоррупционной политики организации органа;
- создание антикоррупционных комиссий;
- соответствующий пересмотр уголовного, уголовно-процессуального законодательства с целью ликвидации всех форм коррупции;
- принятие нормативных актов о социальной защите государственных служащих, реформирование их систем оплаты труда, в том числе льгот по медицинскому обслуживанию, жилью (приобретение);

- совершенствование судебной системы, обеспечение верховенства закона и прав и свобод граждан, работу правоохранительных органов в борьбе с коррупцией;
- установление специальных процедур выявления, расследования и уголовного преследования коррупционеров;
- секретность сведений о свидетелях и лицах, предоставляющих сведения об источниках коррупции, правонарушений, а также повышение безопасности учреждений;
- создание системы деклараций об имуществе и доходах государственных служащих на основе изучения успешного опыта зарубежных стран и их проверки и публичности;
- способность средств массовой информации бороться с коррупцией [3].

Коррупция замедляет развитие во многих отношениях. Первое наблюдение состоит в том, что она не позволяет нации и ее гражданам полностью раскрыть свой потенциал. Коррупция вызывает раскол, и те нации, которые не извлекают уроков из истории, всегда падают впечатляющим образом. В конечном итоге она приводит к нарушению правопорядка. Зарплаты не выплачиваются вовремя, люди залезают в долги, которых можно избежать. Банки не кредитуют молодых предпринимателей, и в результате безделье приводит к искушению заняться похищением людей, отмыванием денег и всевозможными незаконными вымогательствами. Поэтому, без сомнения, коррупция тормозит развитие больше, чем любой другой фактор. Весьма интересно отметить, что крупномасштабная коррупция преобладает в менее развитых странах. Однако награбленные деньги через коррупцию стимулируют рынки недвижимости и экономики Франции, Великобритании, США, Германии, Сингапура, Австралии, Дубая и всех экзотических стран мира.

Таким образом, коррупция тормозит экономический рост и влияет на деловые операции, занятость и инвестиции. Это также снижает налоговые поступления и эффективность различных программ финансовой помощи. На общество в целом оказывает влияние высокая степень коррупции с точки зрения снижения доверия к закону и верховенству закона, образованию и, следовательно, качеству жизни (доступ к инфраструктуре, здравоохранению).

Литература

1. Иващук А. С., Бояркин Д. В. Причины возникновения и развития коррупции и ее влияния на экономическую сферу // Молодежь и наука: шаг к успеху. 2020. С. 96–99. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42605182>.
2. Купцова А. А., Рютов Д. Ю. Зарубежный опыт противодействия коррупции // Юриспруденция. Интерактивная наука. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-protivodeystviya-korrupsii-3/pdf>.
3. Румянцева Е. Е. Противодействие коррупции: учебник и практикум для вузов. М. : Издательство Юрайт, 2020. 267 с. // ЭБС Юрайт. URL: <https://urait.ru/bcode/451501>.
4. О противодействии коррупции : федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ON THE AUTHORS

Андриянова Татьяна Владимировна – доцент кафедры социологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: andriyanova.tv@gmail.com

Андрос Ирина Александровна – ведущий научный сотрудник Института экономики Национальной академии наук Беларуси, кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: androsita@tut.by

Антонова Наталья Леонидовна – профессор кафедры прикладной социологии Департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина», доктор социологических наук, профессор.

E-mail: n.l.antonova@urfu.ru

Анчутина Арина Евгеньевна – специалист по связям с общественностью МКУ «Город», магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: anchutina.a@mail.ru

Ардашев Роман Георгиевич – старший преподаватель-методист отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы Академии управления МВД России, кандидат юридических наук.

E-mail: ardashev.rg@bk.ru

Башкуева Елена Юрьевна – старший научный сотрудник отдела региональных экономических исследований ФГБУН «Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН», кандидат исторических наук.

E-mail: frombear@mail.ru

Богданович Иван Олегович – директор ООО «РТ-Иркутская эколого-туристическая компания».

E-mail: boltenkovx@gmail.com

Гладкова Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: tany_210@mail.ru

Гольцова Евгения Викторовна – декан социального факультета Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», доцент кафедры социальной философии и социологии, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: socioisu@mail.ru

Грабельных Татьяна Ивановна – заведующая социологической лабораторией региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», профессор кафедры социальной философии и социологии, доктор социологических наук, профессор.

E-mail: tagr@bk.ru

Грабельных Павел Иванович – председатель Иркутского регионального отделения Союза краеведов России, общественный деятель.

Грошева Надежда Борисовна – декан Сибирско-американского факультета менеджмента Байкальской международной бизнес-школы ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», доктор экономических наук, доцент.

E-mail: nbgrosheva@gmail.com

Грицких Надежда Викторовна – доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук.

E-mail: anris@list.ru

Гуринович Людмила Анатольевна – старший преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», магистр социологии.

E-mail: milgur@mail.ru

Данилов Александр Николаевич – заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета, доктор социологических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, профессор.

E-mail: a.danilov@tut.by

Деренко Николай Васильевич – заведующий кафедрой культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат физико-математических наук, доцент.

E-mail: derenko.n@gmail.com

Журавлева Ирина Александровна – заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.

E-mail: irlend@list.ru

Заварзина Юлия Владимировна – доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: borisovaylia@bk.ru

Зайка Алёна Анатольевна – заведующая отделением медицинской реабилитации ФГБУЗ Больница ИНЦ СО РАН.

E-mail: zaika.aa@mail.ru

Зайковская Анастасия Александровна – доцент кафедры «Финансовый и стратегический менеджмент» ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения», кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: dmitrieva_aa@mail.ru

Иванов Роман Викторович – доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат исторических наук, доцент.

E-mail: history2002@bk.ru

Иванова Ирина Владимировна – руководитель Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области.

E-mail: irkstat@irkmail.ru

Какаулин Сергей Петрович – начальник управления государственного регулирования экономики Министерства экономического развития Иркутской области, кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: kspmail@mail.ru

Капустенская Жанна Исмагиловна – заведующая отделением неврологии, врач невролог ФГБУЗ Больница ИНЦ СО РАН, доцент кафедры неврологии и нейрохирургии Иркутской государственной медицинской академии последипломного образования, кандидат медицинских наук.

E-mail: zhanik@inbox.ru

Качан Мария Константиновна – ведущий аналитик ГБУ ДПО Иркутский областной учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», магистрант 1-го курса направления подготовки «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: mariya.kachan97@gmail.com

Кобизь Татьяна Николаевна – доцент ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», кандидат педагогических наук, доцент.

E-mail: tatlukina@list.ru

Кобяк Олег Витальевич – главный научный сотрудник Института социологии Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор.

E-mail: aleh.kabiak@mail.ru

Костина Елена Юрьевна – директор Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», кандидат социологических наук, доцент.

Кривошеев Владимир Вениаминович – профессор Института гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени И. Канта», доктор социологических наук, доцент.

E-mail: VKrivosheev@kantiana.ru

Крюкова Татьяна Адамовна – заместитель директора Муниципального казенного учреждения «Городская организация развития общественной деятельности» Города Иркутска (МКУ «ГОРОД»).

E-mail: krukova_t@gorodirk.ru

Кузьмина Елена Сергеевна – доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук.

E-mail: kuzelenas@mail.ru

Кузьмина Ольга Марковна – доцент кафедры управления персоналом Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», кандидат географических наук, доцент.

E-mail: kuzmina-tnu@ukr.net

Курганская Валентина Дмитриевна – главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки МОН РК, доктор философских наук, профессор.

E-mail: vkurganskaya@mail.ru

Лебедева Елена Викторовна – доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью факультета журналистики Белорусского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: Elena_lebedeva_bsu@tut.by

Лебединская Надежда Сергеевна – старший преподаватель кафедры философии и социологии ФГБОУ ВО «Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники».

E-mail: orlova_vv@mail.ru

Левченко Илья Евгеньевич – доцент кафедры политических наук ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», кандидат философских наук, доцент.

E-mail: ilevchenko08@mail.ru

Лесниковская Екатерина Викторовна – доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИГУ, кандидат социологических наук.

E-mail: elesnikovskaya@gmail.com

Лешенко Ярослав Александрович – ведущий научный сотрудник Восточно-Сибирского института медико-экологических исследований, доктор медицинских наук, профессор.

E-mail: yaleshenko@gmail.com

Либенсон Игорь Рувимович – доцент кафедры «Финансовый и стратегический менеджмент» ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения», кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: liben59@inbox.ru

Лобанов Юрий Сергеевич – начальник медицентра ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», кандидат философских наук.

E-mail: lobanov@corp.nstu.ru

Малых Светлана Владимировна – заместитель директора по общим вопросам Института филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат исторических наук, доцент.

E-mail: лана.malyx@bk.ru

Малых Марина Михайловна – директор Филиала АО «Регион Медиа Иркутск», аспирант 4-го курса кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: Marcher09@mail.ru

Малышкина Дарья Александровна – аспирант 1-го курса направления «Социологические науки» ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет».

E-mail: dashamalyna@yandex.ru

Маслодудова Наталья Владимировна – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГБОУ ВО «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат философских наук, доцент.

E-mail: nata.maslodudova@yandex.ru

Мельникова Елена Ивановна – старший преподаватель кафедры Библио-богословских дисциплин ДОО ВО «Кузбасская православная духовная семинария» Кемеровской епархии Русской православной церкви (Московский Патриархат).

E-mail: i-leka-i@mail.ru

Меринова Валентина Николаевна – доцент кафедры социальной работы Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: merinovavalentina@gmail.com

Москвитина Наталья Владимировна – доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: natalikm@mail.ru

Овсянникова Ираида Ивановна – экономист Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области.

E-mail: irkstat@irkmail.ru

Осмук Людмила Алексеевна – директор Института социальных технологий ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», доктор социологических наук, профессор.

E-mail: osmuk@mail.ru

Орлова Вера Вениаминовна – заведующая кафедрой философии и социологии ФГБОУ ВО «Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники», доктор социологических наук, профессор.

E-mail: orlova_vv@mail.ru

Орлова Ирина Вячеславовна – начальник отдела информационно-аналитической работы, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный медицинский университет», кандидат исторических наук, доцент.

E-mail: irina_orlova7@mail.ru

Орлова Надежда Александровна – доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук ФГАУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», кандидат социологических наук, доцент.

Павлова Светлана Алексеевна – доцент ФГКОУ ВО «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат технических наук, доцент.

E-mail: pavlova.rfathf@yandex.ru

Перваго Галина Константиновна – ведущий аналитик отдела аналитики и мониторинга ГБУ ДПО ИО Учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», магистр социологии.

E-mail: galina.pervago@mail.ru

Паршина Виктория Эльфатовна – ведущий специалист-эксперт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области.

E-mail: svod@stat.irtel.ru

Подсолонко Владимир Андреевич – профессор кафедры государственного и муниципального управления Института экономики и управления ФГАУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», доктор экономических наук, профессор.

E-mail: vapodsolonko@gmail.com

Полощеквич Оксана Александровна – доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.

E-mail: okwook@mail.ru

Попов Максим Юрьевич – аспирант 4-го курса направления подготовки «Всеобщая история» исторического факультета ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: DEADnapoleon@mail.ru

Попова Марина Владимировна – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: marina_popova1990@list.ru

Прохоренко Юрий Иванович – профессор ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», доктор философских наук, доцент.

E-mail: uraldv@yandex.ru

Пружинин Александр Николаевич – ассистент преподавателя кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», аспирант по направлению «Социальная философия».

E-mail: alex.pruzhin@gmail.com

Пугач Виктория Федоровна – профессор кафедры ЮНЕСКО по сравнительным исследованиям качества высшего образования Национального исследовательского технологического университета «МИСИС» (НИТУ «МИСИС»), доктор социологических наук, профессор.

E-mail: vfpugach@mail.ru

Разумова Кристина Михайловна – актриса ОГАУК Иркутский академический драматический театр имени Н. П. Охлопкова.

E-mail: kitn2010@mail.ru

Решетников Владимир Алексеевич – директор Института социальных наук, заведующий кафедрой социальной философии и социологии ФГБОУ ВО «Иркутского государственного университета», доктор философских наук, профессор.

E-mail: eresh80@mail.ru

Решетникова Екатерина Владимировна – заведующая кафедрой социальной работы Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.

E-mail: eresh80@mail.ru

Рудакова Наталья Владимировна – начальник отдела аналитики и мониторинга ГБУ ДПО Иркутский областной учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», кандидат социологических наук.

E-mail: rudakova_nvl@mail.ru

Ружников Михаил Сергеевич – учитель информатики ГБОУ Школа № 1552 г. Москвы.

E-mail: ruzhnikov@mail.ru

Саблина Наталья Александровна – старший научный сотрудник социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ», доцент кафедры социальной работы Института социальных, кандидат социологических наук.

E-mail: nsablina@bk.ru

Савицкая Юлия Петровна – старший преподаватель ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет».

E-mail: saviczka.y@mail.ru

Сапранкова Татьяна Алексеевна – доцент кафедры стратегического и финансового менеджмента Байкальской международной бизнес-школы Сибирско-американского факультета ФГБОУ ВО «Иркутского государственного университета», кандидат психологических наук.

E-mail: tasaprankova@gmail.com

Сергеева Зоя Николаевна – начальник управления информационной политики ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: z.sergeeva@corp.nstu.ru

Сигачева Елена Геннадьевна – заместитель руководителя Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области.

E-mail: sigacheva_eg@stat.irtel.ru

Скалабан Ирина Анатольевна – профессор кафедры социальной работы и социальной антропологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», доцент кафедры общей социологии ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», доктор социологических наук, доцент.

E-mail: skalaban_i@mail.ru

Скуденков Владимир Алексеевич – соискатель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: vskudencov@mail.ru

Смирнов Алексей Евгеньевич – профессор кафедры философии и методологии науки ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», доктор философских наук, доцент.

E-mail: aesmir@mail.ru

Смирнова Наталья Генриховна – заместитель главного врача по медицинской части ФГБУЗ Больница ИИЦ СО РАН, кандидат медицинских наук, доцент.

E-mail: ngsmir14@mail.ru

Сологуб Константин Витальевич – ведущий специалист по связям с общественностью Муниципального казенного учреждения «Городская организация развития общественной деятельности» Города Иркутска (МКУ «ГОРОД»).

E-mail: sologub_k@gorodirk.ru

Струглин Герман Викторович – начальник отдела информации и общественных связей Главного управления МВД России по Иркутской области.

E-mail: struglin82@gmail.com

Супрунова Елена Петровна – доцент кафедры гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный медицинский университет», кандидат исторических наук, доцент.

E-mail: elena.suprunova@mail.ru

Тверитинов Александр Александрович – декан факультета бизнеса и менеджмента Байкальской международной бизнес-школы ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: tvirle@gmail.com

Ткачева Наталья Геннадьевна – доцент кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук.

E-mail: tkachevang@yandex.ru

Толвайшис Леонас Людвикович – профессор Факультета дипломатии и безопасности Университета «Унион – Никола Тесла», доцент кафедры организации работы с молодежью Уральского федерального университета им. первого Президента России, кандидат политических наук (PhD), профессор.

E-mail: leonas.tolvaisis@fdb.edu.rs

Трошкина Ирина Николаевна – заведующий сектором экономики и социологии ГБНИУ Республики Хакасия «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории», кандидат философских наук.

E-mail: i.troschkina2012@yandex.ru

Удалых Станислав Кузьмич – заместитель руководителя Иркутского регионального отделения Российской академии естественных наук (ИРО РАЕН), кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: ysk2.irk@yandex.ru

Усольцев Юрий Константинович – главный врач ФГБУЗ Больница ИНЦ СО РАН, кандидат медицинских наук.

Фань Сюэцяо – аспирант Байкальской международной бизнес-школы ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: nbgrosheva@gmail.com

Фереферов Никита Андреевич – аспирант ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: fereferov@evraasgr.ru

Хайруллина Нурсафа Гафуровна – профессор ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», доктор социологических наук.

E-mail: nursafa@inbox.ru

Цветкова Ирина Викторовна – профессор кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», доктор философских наук, доцент.

E-mail: aleksandr.kozlov@mail.ru

Чернышева Елизавета Вячеславовна – преподаватель кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», магистр социологии.

E-mail: elizaveta111090@gmail.com

Шинкевич Владимир Ефимович – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГКУ ВО «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», доктор социологических наук, доцент.

E-mail: vlashink@yandex.ru

СВЕДЕНИЯ О МОЛОДЫХ АВТОРАХ

Анохина Анна Альбертовна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: anokhinaa_anna@mail.ru

Ахмадышина Надежда Валентиновна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: nadjuhal111@mail.ru

- Балтабаев Руслан Кахраманович** – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: baltabaev.rus.11@gmail.com
- Беденко Владислав Александрович** – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: nice.bedenko@mail.ru
- Болдырева Алена Ивановна** – магистрант 2-го курса направления подготовки «Социальная работа» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: Bola197@mail.ru
- Болтенков Иван Алексеевич** – магистрант Байкальской международной бизнес-школы ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: boltenkovx@gmail.com
- Бухарова Екатерина Анатольевна** – магистрант 1-го курса направления подготовки «Менеджмент в образовании» отделения гуманитарно-эстетического образования Педагогического института ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: k.buharowa@yandex.ru
- Волкова Рената Сергеевна** – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: v0lkova.renata@yandex.ru
- Гончарова Дарья Александровна** – студентка 3-го курса направления подготовки «Дизайн архитектурной среды» ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет».
E-mail: goncharova.da@students.dvfu.ru
- Грицких Ксения Евгеньевна** – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: ksu-killir@mail.ru
- Дашицыренова Юмжит Арсалановна** – магистрант 2-го курса направления подготовки «Социальная работа» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: yvermisse@mail.ru
- Ершов Петр Андреевич** – магистрант 1-го курса направления подготовки «Менеджмент в образовании» отделения гуманитарно-эстетического образования Педагогического института ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: ershovpetr@inbox.ru
- Задорин Артур Сергеевич** – магистрант 2-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет».
E-mail: zadorin.as@students.dvfu.ru
- Зацепин Алексей Леонидович** – магистрант 1-го курса направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: zatsepin.al@mail.ru
- Каблукова Валерия Евгеньевна** – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: Lordbest13@yandex.ru
- Кирпиченко Павел Васильевич** – студент 2-го курса направления подготовки «Социальная работа» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: kirpichenkopasha@yandex.ru
- Киселева Екатерина Евгеньевна** – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: katkakiselyeva@gmail.com
- Кобрин Софья Александровна** – студентка 2-го курса направления подготовки «Социальная работа» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: Sofii_169@mail.ru
- Коган Евгений Александрович** – магистрант 2-го курса направления подготовки «Социальная работа» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: zhek.kogan2010@mail.ru

Козионова Анна Сергеевна – магистрант 2-го курса, направление подготовки 39.04.01 «Социология» ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет».

E-mail: kozionova.as@students.dvfu.ru

Кондрашова Надежда Сергеевна – студентка 3-го курса направления подготовки «Психология» ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: kondraashova.family@yandex.ru

Коновалова Екатерина Валерьевна – студентка 2-го курса направления подготовки «Менеджмент организации» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: konovalova.k2001@gmail.com

Латышева Диана Геннадьевна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: lisalelis@yandex.ru

Лебедева Елена Александровна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени И. Канта».

E-mail: ELebedeva@kantiana.student.ru

Линейцева Арина Александровна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: a.lineitseva@yandex.ru

Литвиненко Кира Сергеевна – студентка 3-го курса направления подготовки «Психология» ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: kir.litvinenko@gmail.com

Маркова Елизавета Александровна – студентка 2-го курса направления подготовки «Менеджмент организации» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: elizavetamarkova030101@gmail.com

Матафонова Елизавета Михайловна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: matafonovaelizaveta@yandex.ru

Михайлина Анна Викторовна – студентка 2-го курса направления подготовки «Социальная работа» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: amikailina@mail.ru

Павлюк Мария Александровна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: Mari.Aleksandrovna.1999@mail.ru

Попова Анастасия Андреевна – магистрант 2-го курса направления подготовки «Социальная работа» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: anastasiya_porova03@mail.ru

Рудева Ангелина Васильевна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».

E-mail: rudeva.angelina@mail.ru

Рыбак Наталья Станиславовна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: nirk2k@gmail.com

Савилова Ксения Андреевна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: ksavilova06@gmail.com

Сафонов Сергей Андреевич – студент 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: ssafonov36@gmail.com

Себекин Владимир Павлович – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: sebekinv@mail.ru

Силивеев Илья Михайлович – магистрант 2-го курса направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: siliveev@mail.ru

Сосоров Содном Сергеевич – магистрант 2-го курса направления подготовки «Социальная работа» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: sodnom.sosorov@mail.ru

Труфанов Алексей Валерьевич – магистрант 1-го курса направления подготовки «Менеджмент организации» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: al.tru13@mail.ru

Фирсова Надежда Владимировна – студентка 4-го курса направления подготовки «Стратегический и операционный менеджмент» Сибирско-американского факультета ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: firsova.99@mail.ru

Цыбина Валерия Викторовна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».

E-mail: valery091999@gmail.com

Чурсина Елена Александровна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».

E-mail: el.chursina2018@gmail.com

Щепина Екатерина Дмитриевна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: katidm01@mail.ru

Эрдynieва Марина Дугаровна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: erdynievam2002@gmail.com

Цивилизационные сдвиги в развитии современного города

Сборник научных трудов

Civilizational shifts in a modern city development

Collection of papers

ISBN 978-5-9624-1933-6

*Тексты публикуются в авторской редакции.
Материалы цензуре не подвергались, мнение редакционной коллегии
может не совпадать с позицией авторов.*

Переводчик-корректор **Е. В. Лесниковская**
Дизайн обложки: **П. О. Ершов**

Темплан 2021. Поз. 46
Подписано в печать 26.05.2021. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. 39,9. Усл. печ. л. 28,8. Тираж 100 экз. Заказ 54

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124